

К 1335387

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

УЧЕБНИК
АРИФМЕТИКИ

ТЕЛЕТИП
И НАУКА СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
АКАД. Б. Д. ГРЕКОВ

13

ИЗДАТЕЛЬСТВО

НАУК СССР

А. И. ГУКОВСКИЙ

ВТОРЖЕНИЕ НЕМЦЕВ В СТРАНУ СОВЕТОВ В 1918 ГОДУ

Народы Советской страны ведут великую отечественную войну против кровавого германского фашизма. Коварный враг вторгся в пределы нашей родины, сея смерть и опустошение. Никогда не сбудутся наглые мечтания своры гитлеровцев, никогда не удастся им превратить в рабов свободных рабочих, колхозников, советскую интеллигенцию, — русских, украинцев, белоруссов и все другие народы нашего великого Союза. Изю дня в день усиливается победоносное контрнаступление доблестной Красной Армии. Силы нашей необъятной страны, наши ресурсы неиссякаемы.

В иступленном бешенстве Гитлер бросает на восток все новые и новые дивизии. Он бросает их на верную гибель. Полчища врагов будут разбиты и уничтожены, как сотни лет тому назад были разбиты и уничтожены «псы-рыцари». Они будут обращены в позорное бегство так же, как совсем недавно, на памяти современного поколения, бежали многие сотни тысяч германских войск, брошенных в наступление на нашу родину в 1918 году.

Ниже мы расскажем об этих героических страницах истории недавнего прошлого — о вторжении германских полчищ на нашу землю в 1918 г., о том, как пытались они ограбить и поработить народы нашей страны, как по призыву Ленина и Сталина рабочие и крестьяне поднялись на отечественную войну, о том, как подлый враг был разбит и позорно бежал.

Германские войска перешли в наступление 18 февраля 1918 года. Это наступление началось несмотря на то, что между Советским правительством и Германией с ее союзниками шли в это время мирные переговоры в Брест-Литовске. Оно началось, несмотря на то, что Советское правительство, добиваясь мира, готово было идти на очень большие уступки. Но вероломный враг использовал предательство Троцкого, который, нарушая прямые указания Ленина и Сталина, пытался сорвать мирные переговоры.

Уже в ночь на 19 февраля Совет Народных Комиссаров отправил германскому правительству телеграмму, извещая о своем согласии подписать мирный договор на тяжелых, грабительских условиях, предложенных в Брест-Литовске. Но и после этого начавшееся наступление германских войск не было остановлено. Германские захватчики рассчитывали воспользоваться затруднительным положением, в каком в ту пору находилась молодая, всего несколько месяцев существующая Советская власть, только лишь приступившая к строительству Красной Армии. Они рассчитывали коротким ударом захватить Петроград — в то время столицу нашей страны — и свергнуть Советскую власть. В этом они просчитались.

ПРОВАЛ «МОЛНИЕНОСНОГО УДАРА» НА ПЕТРОГРАД

Германские войска наступали в двух направлениях: на Ревель, достигнув в первый же день, 18 февраля, линии р. Западной Двины и заняв г. Двинск (группа фельдмаршала Эйхгорна), и на Ковель —

Ровно (группа ген. Линзингена). В центре этого широкого фронта часть войск двинулась в направлении на Минск и к вечеру вступила в Молодечно. Остатки старой русской армии Северного и Западного фронтов первой мировой империалистической войны покатались назад, бросая артиллерию, боеприпасы и колоссальные запасы военного снаряжения.

20 февраля группа Линзингена (27 германский корпус) заняла Ровно, 21 февраля — Новоград-Волынь, где соединилась с гайдамацкими бандами контрреволюционной Украинской центральной рады, 22 февраля — Дубно и 24 февраля — Житомир. На северном направлении части 48-го корпуса группы Эйхгорна, перейдя замерзший Сунд, вступили 20—21 февраля в Советскую Эстонию и заняли Гапсал, а другие части этого корпуса, наступая из Риги, заняли латвийские города Венден и Вольмар (Вальмера). На центральном участке фронта наступления — в Белоруссии — части 3-го резервного корпуса 21 февраля ворвались в Минск.

Для решительного сопротивления германским войскам неоткуда было взять немедленно сколько-нибудь значительные силы, но Ленин и Сталин делали все, что только было возможно, чтобы организовать оборону. Наспех сформированные революционные отряды посылались на фронт, но тонули в волне стихийного отступления измученной старой армии. 21 февраля Совет Народных Комиссаров принял ленинский декрет «Социалистическое отечество в опасности». Декрет предупреждал все местные Советы, всех трудящихся о грозной опасности и призывал всеми силами оказывать сопротивление врагу.

Вот некоторые пункты этого исторического декрета:

«1) Все силы и средства страны целиком предоставляются на дело революционной обороны.

2) Всем советам и революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови.

3) Железнодорожные организации и связанные с ними советы обязаны всеми силами воспрепятствовать врагу воспользоваться аппаратом путей сообщения; при отступлении уничтожать пути, взрывать и сжигать железнодорожные здания; весь подвижной состав — вагоны и паровозы — немедленно направлять на восток в глубь страны.

4) Все хлебные и вообще продовольственные запасы, а равно всякое ценное имущество, которым грозит опасность попасть в руки врага, должны подвергаться безусловному уничтожению...

8) Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контр-революционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления».

Этот ленинский декрет появился в газетах 22 февраля. В том же номере газеты было напечатано воззвание Совета Народных Комиссаров к трудящемуся населению всей России. В воззвании говорилось: «Наступление Германии являлось... ничем иным, как открытым и явным разбойничьим набегом... Совет Народных Комиссаров призывает все местные советы и армейские организации приложить все силы к воссозданию армии. Все развращенные элементы, хулиганы, мародеры, трусы должны быть беспощадно изгнаны из рядов армии, а при попытках сопротивления — должны быть стерты с лица земли... Необходимо направить все силы к упорядочению транспорта и улучшению продовольственного дела... Нужно установить в рядах армии и во всей стране строжайшую дисциплину...»

Эти исторические постановления Совета Народных Комиссаров, опубликованные 22 февраля 1918 г., вызвали величайший патриотический подъем во всей стране.

На основании постановления Совнаркома Народный комиссариат по военным делам 21 февраля учредил Чрезвычайный штаб Петроградского военного округа. Петроградский Совет выделил из своей среды Комитет революционной обороны. Руководили Комитетом революционной обороны видные большевики Я. М. Свердлов, М. С. Урицкий, В. Володарский. 22 февраля Чрезвычайный штаб Петроградского военного округа объявил Петроград на осадном положении, а командующий Петроградским военным округом издал приказ о прекращении демобилизации (речь шла о демобилизации старой армии) и о приведении всех полков в боевую готовность. В тот же день Комитет революционной обороны Петрограда принял постановление о мерах решительной борьбы с контрреволюцией: о закрытии всей буржуазной печати, об усиленной охране железных дорог и железнодорожных мостов. С большим подъемом развернулась запись добровольцев в ряды Красной Армии и Красного Военно-морского Флота. Меры обороны принимались и в Москве и в других городах. 23 февраля Чрезвычайный штаб Московского военного округа объявил Москву на военном положении. 22 февраля на осадном положении был объявлен Псков, в Могилевской губернии была объявлена всеобщая мобилизация.

В ночь с 23 на 24 февраля тревожные гудки петроградских заводов возвестила рабочему населению города о грозной опасности. Рабочие спешили на заводы, тут же записывались в ряды Красной Армии. Молодые части только что рожденной Красной Армии грудью стали на защиту Красного Питера. Они направлялись под Нарву и под Псков.

Под Нарвой и Псковом германским полчищам был дан решительный отпор, и продвижение их на Петроград было приостановлено. «День отпора войскам германского империализма — 23 февраля — стал днем рождения молодой Красной армии».¹

В приказе командующего псковскими отрядами говорится об этих первых боях с германскими войсками:

«В ночь с 23 на 24 февраля тревожные гудки петроградских заводов призвали к оружию всех сознательных граждан, всех идейных борцов за Советскую республику, всех защитников завоеваний революции. По зову Советской власти к вокзалам начали стекаться отряды бойцов, твердо решивших своей грудью прикрывать столицу. Первым на Варшавский вокзал прибыл 1-й красноармейский полк, за ним 6-й тукумский полк, 2-й пулеметный запасный полк, батарея Михайловского артиллерийского училища, красногвардейцы заводов «Розенкранц» и «Вулкан». Все прибывающие отправились в направлении на Псков... В исключительно короткий срок сформировался и организовался отряд, небольшой по числу штыков, но сильный духом и сознательной решимостью бойцов, и смело стал на пути германских полчищ.

Первые же удачные для нас столкновения с неприятельскими передовыми частями у сел Черняковицы и Яхново показали немцам, что кончилось их триумфальное шествие и в дальнейшем каждый шаг им придется продвигаться с боем, каждую версту завоевывать кровью. Отпор, неожиданно встреченный немцами со стороны псковских отрядов, заставил их не только приостановить дальнейшее наступление, но после целого ряда стычек и боевых столкновений у сел. Черняковицы, Углы, Яхново и др., где нашими отрядами были захвачены пленные, самокаты, оружие и амуниция, а также сбиты два неприятельских аэроплана, обнаглевшие хищники принуждены были оттянуть свои передовые части к Пскову».²

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 207.

² ЦАКА, д. 6-083, 1918 г., л. 130. Цитирую по ст. И. Минца: «Как зарождалась Красная армия» («Большевик», № 4, 1938 г., стр. 34—35).

Первый, самый стремительный натиск врага был отбит. Видя, что «молниеносным ударом» Петрограда не захватить, германское командование решило возобновить мирные переговоры, и 22 февраля вручило в Двинске советскому курьеру ответ на телеграмму Советского правительства от 19 февраля, содержащий ультиматум Германии с новыми, гораздо более тяжелыми условиями мира. Предательство Троцкого дорого обошлось Советской республике. Дополнительные требования говорили о немедленном выводе советских войск из Латвии, Эстонии, Финляндии, Украины, о заключении мира с украинской Радой, продавшей свою родину германским империалистам, о заключении тяжелого экономического договора с Германией и о «прекращении всякой пропаганды» против германского империализма. Срок ультиматума — 28 часов.

Ультиматум Германии Ленин получил утром 23 февраля.

В немногие часы предстояло, преодолевая бешеное сопротивление троцкистов и бухаринцев, добиться благоприятного решения в ЦК, а затем провести это решение во ВЦИК. Это стоило Ленину и его верным соратникам Сталину и Свердлову огромного напряжения воли. Готовясь к решительному бою с противниками мира, Ленин ни на минуту не забывал и о «мелочах». В 14 часов он собственноручно пишет распоряжение: «Предписывается передать официально в радиостанцию Царского села, чтобы сегодня ночью (с 23 на 24) до 7 час[ов] утра обязательно был дежурный для отправки радиотелеграммы.

Приемка ночью должна быть прекращена для того, [чтобы] (и с того момента), чтобы наша радиотелеграмма могла быть отправлена безотлагательно и с полной гарантией.

Ответить официально и точно о получении этого предписания и о принятых мерах к его выполнению».¹

23 февраля Центральный Комитет партии принял предложение Ленина и Сталина подписать германские условия мира. 24 февраля на рассвете ВЦИК после бурных заседаний фракций большевиков и «левых» эсеров, длившихся всю ночь, 116 голосами против 85 при 26 воздержавшихся вынес решение принять условия мира. Ленин немедленно телеграфировал в Берлин о решении ВЦИК, но германские войска продолжали наступать. Части 43-го корпуса 24 февраля заняли г. Остров, а вечером после упорного уличного боя — Псков. В тот же день германские части 48-го корпуса под командованием ген. Зекендорфа (группа Эйхгорна) подошли к Ревелю, заняв его на следующий день. 26 февраля германские войска захватили эстонские города Пернов и Юрьев, и на центральной участке части 37-го корпуса 25 февраля заняли Полоцк.

26 февраля «Правда» вышла с призывом к трудящимся: «Разбойничьи отряды продолжают итти на Петроград. «Защитники цивилизации» расстреливают пленных пролетариев, душат рабочие организации, возвращают землю помещикам. Смерть и разгром готовят они Красной столице.

Петроград в опасности! Рабочие кварталы в опасности! Бейте тревогу! Мобилизуйтесь! Вооружайтесь!»²

Дерзкий враг приближался к столице сразу с двух сторон: с юга — со стороны Пскова и с запада — со стороны Ревеля. Казалось, передовые германские части вот-вот ворвутся в столицу, но сила сопротивления подлым захватчикам возрастала с каждым часом. Рабочие крупнейших фабрик и заводов Петрограда выносили решения поголовно итти на фронт, чтобы с оружием в руках защищать столицу. Так порешили

¹ Ленинский сборник, XI, стр. 27.

² «Правда», № 35, 1918 г.

рабочие фабрик «Скороход», Трубочного завода, Невского, Судостроительного, Сестрорецкого, Новый Арсенал, Айваз и многих других. Во всех районах города собиралось оружие. Женщины работницы организовывали отряды красных сестер. На подступах к городу рыли окопы. Один за другим двигались на фронт эшелоны с рабочими, добровольно записавшимися в Красную Армию. Записывались в Красную Армию и многие тысячи солдат старой русской армии, в подавляющей массе своей крестьянской. Одиночками и целыми подразделениями вливались они в ряды Красной Армии, чтобы снова идти на фронт, защищать родную землю. Остававшиеся в тылу напрягали все силы, чтобы обеспечить бойцов Красной Армии продовольствием, оружием, боеприпасами. Уже в эти первые дни борьбы с немецкими захватчиками война принимала всенародный, отечественный характер.

Повсюду наряду с регулярными частями Красной Армии действовали партизанские отряды. Население каждого города, каждого села, каждой деревни выходило с оружием в руках навстречу врагу. Начальник авангарда псковских отрядов доносил 4 марта из Трошина: «Всюду организуются крестьянские партизанские отряды. По приблизительному подсчету до сих пор учтено таковых, как получающих директивы от меня и начальников отрядов, до 3 тыс. чел. в районе действий авангарда. Крестьяне крайне воодушевлены и организуются весьма энергично. Охотно оказывают помощь сражающимся отрядам вооруженной силой и продуктами. Лошади и людской труд предлагаются крестьянами по собственной инициативе... Ежедневно из разных деревень доставляются крестьянами хлеб и иные продукты...»¹

Об организации партизанских отрядов говорят многочисленные постановления сельских сходов. Вот выдержки из протокола одного из таких сходов. Граждане деревень Подсадничья, Подлипья и Пурикова Псковского уезда, собравшись 3 марта на сход, постановили: «Организовать боевой партизанский отряд... По вопросу о мобилизации солдат, которые могут встать на защиту родины, постановили мобилизовать граждан от 17 до 50 лет, а остальные годы — старшие или младшие — могут добровольно встать в боевой отряд, и при боевом порядке взявшие добровольно оружие не могут отказаться».²

Единодушный отпор частей Красной Армии и партизанских отрядов был настолько силен, что зарвавшийся враг был остановлен и не мог продвинуться дальше линии Нарва — Псков — Орша — Могилев.

Эта линия шла в обход Чудского озера с запада. Соединиться по восточному берегу озера германским войскам не удалось благодаря стойкой защите Гдова. Защитой руководил старый латышский революционер Я. Ф. Фабрициус, впоследствии один из наиболее прославленных героев гражданской войны, награжденный за свои боевые заслуги четырьмя орденами Красного Знамени и почетным оружием. Он был прислан в Гдов из Петрограда в феврале 1918 г. в качестве чрезвычайного комиссара района Луга—Гдов—Трошино. Когда к Гдову приближались немцы, в городе подняли мятеж местные белогвардейцы: разогнали Совет, перебили многих коммунистов. Но энергия и решительность т. Фабрициуса спасли положение: силами бывшего 4-го Копорского полка, влившегося в Красную Армию непосредственно из окопов, белогвардейское выступление было быстро ликвидировано, и немцам не пришлось занять Гдов.

Наступление германских войск, продолжавшееся и после того, как Советское правительство известило Берлин о своем согласии подписать

¹ «Крах германской оккупации на Псковщине», стр. 98, Л., 1939.

² Там же, стр. 95.

продиктованные условия мира и снова выслало своих делегатов в Брест, — вселяло серьезную тревогу. Казалось, момент упущен, и германская армия всей своей мощью обрушится на Советскую страну. Глубокий драматизм положения увеличивала неизвестность о судьбе возобновившихся мирных переговоров. Мирные делегации снова выехали в Брест еще вечером 24 февраля, но поезд советской делегации задержался на ст. Новоселье, где был взорван мост. Была задержана и делегация Советского правительства Украины, которая выехала для участия в переговорах, но не была пропущена немцами дальше Пскова и должна была возвратиться обратно. Мирная конференция возобновилась только 1 марта. Советская делегация заявила, что навязанный силой мирный договор она подпишет без обсуждения его условий. Так как связь с столицей была организована плохо, и германские власти к тому же задерживали дипломатические телеграммы советской делегации, в Петрограде не было точных сведений о ходе переговоров. Создавалось впечатление, что переговоры срываются, и это придавало еще более грозный характер положению на подступах к Петрограду.

Только вечером 3 марта мирный договор был подписан.

ВТОРЖЕНИЕ В БЕЛОРУССИЮ

Захват германскими войсками Минска положил начало кровавой оккупации Белоруссии. К 1 марта германские войска захватили с боями Мозырь, затем Речицу, Гомель. Отсюда, повернув на северо-запад, двинулись на Жлобину, но овладели им только после ожесточенного боя. К моменту подписания Брестского мира линия фронта шла от Пolesьца на Оршу — Могилев — Гомель (позже из Гомеля немцы продвинулись до станции Клинцы).

После подписания Брестского мира Высший Военный Совет Республики для защиты западных границ создал 19 марта «Западный участок завесы» с штабом сначала в Сухиничах, а затем в Калуге (эти отряды «завесы» просуществовали до сентября 1918 г., когда вместо них был создан «Западный фронт обороны» со штабом в Смоленске).

После падения Минска центром Советской власти в Западной области явился Смоленск. 10 апреля здесь происходил II съезд Советов Западной области, избравший исполком (Облсполкомзап) под председательством А. Ф. Мясникова. В июле 1918 г. на III съезде Советов Облсполкомзап объявил себя «Западной коммуной». В пределах Белоруссии власть в это время фактически находилась полностью в руках германских оккупантов. Послушным орудием в их руках явилась контрреволюционная Белорусская рада.

9 марта Рада выпустила «уставную грамоту», объявившую Белоруссию «народной республикой». 25 марта Рада выпустила новую «уставную грамоту», которая провозглашала государственную «независимость» Белоруссии. Рада всячески добивалась покровительства Германии и 10 марта послала кайзеру Вильгельму II раболепную телеграмму с благодарностью за «освобождение» Белоруссии. Германские оккупанты при содействии Рады организовали марионеточное «правительство» во главе с помещиком Скирмунтом. Просуществовало это «правительство», — такое же, как множество ему подобных «правительств», созданных империалистическими интервентами из продажных буржуазных националистов в других районах оккупации, — лишь до тех пор, пока в Белоруссии оставались германские войска.

Немецкие оккупанты, вторгшись в Белоруссию, немедленно приступили к грабежу. Начались реквизиции продовольственных продуктов — хлеба, мяса, жиров, домашней птицы. Немецкие власти заявили, что бу-

дуг «платить» за реквизированные продукты. Но эта «плата» была издевательством. За самую лучшую лошадь «платили» 10—15 рублей совершенно обесцененными довоенными деньгами, на которые ничего невозможно было купить. Вслед за реквизициями начались принудительные работы. Людей хватали прямо на улицах и гнали под конвоем на принудительные работы, нередко в отдаленные пункты. Сотни и тысячи арестованных были увезены на каторжные принудительные работы в глубь Германии.

Белорусский народ начал испытывать все ужасы германской оккупации — дикий произвол германской военщины, насилия, зверства, кровавые расправы. Но трудящиеся Белоруссии не согнули шеи, не хотели покориться немецким захватчикам. Началась борьба — упорная, трудная. Собирались партизанские отряды. Смелыми налетами на мелкие части германских войск партизаны добывали себе оружие. Прячась в лесах, хорошо зная незаметные тропы в болотах, — партизаны были неуловимы. Они разрушали линии связи, полотно железной дороги, мосты. Немало железнодорожных составов с немецкими войсками было сброшено под откос. Немцы захватили всю Белоруссию, но ни одного дня они не могли считать Белоруссию покоренной страной.

ВОСТОЧНЫЕ ПЛАНЫ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Одновременно с началом оккупации Белоруссии германские войска двинулись на Украину. Общеизвестно, что катастрофическое продовольственное положение Германии и особенно Австро-Венгрии являлось одной из причин, толкнувших их на захват Украины. Однако это не было главной причиной.

«...австро-германское нашествие, — писал товарищ Сталин в марте 1918 г., — имеет своей целью не только получение хлеба, но и, главным образом, — свержение советской власти на Украине и восстановление старого буржуазного режима.

Это значит — не только хотят выкачать из Украины миллионы пудов хлеба, но пытаются еще обесправить украинских рабочих и крестьян, отобрав у них кровью добытую власть и передав ее помещикам и капиталистам».¹

Тот факт, что вторжение на Украину главной своей целью имело свержение Советской власти, вынуждены были признать и руководители германской армии. По мнению ген. Людендорфа, Украину «ни в коем случае нельзя было отдать большевикам, ибо в последнем случае из нее нельзя было бы извлечь никакой пользы... Германия должна была оградить себя от проникновения большевизма из Советской России при помощи достаточно выдвинутого барьера. Во всяком случае мы должны были войти в глубь территории Украины».²

Украина издавна служила лакомой приманкой для германского империализма, избравшего своим лозунгом «Drang nach Osten». Захват Украины и превращение ее в вассальное государство, во всем покорное германской военщине, — это заветная мечта, которую с конца XIX в. лелеяли капиталисты кайзеровской Германии. Украина была нужна им не только как плодородная колония, богатая хлебом, сахаром и тучными пастбищами, богатая углем и другими ископаемыми, не только как колония, могущая служить рынком для сбыта изделий германской промышленности, но и как первый этап на пути к осуществлению еще более широких «восточных планов».

¹ И. Сталин. Статьи и речи об Украине, стр. 40.

² Фон Куль и Г. Дельбрюк. Крушение германских наступательных операций 1918 г. (перевод с немецкого), стр. 36, М., 1935.

На Украину смотрели как на удобный плацдарм для проникновения к берегам Черного моря, а отсюда в Турцию и Персию, как на подготовительный шаг для проникновения в Закавказье и Среднюю Азию для распространения оттуда сферы своего влияния на Индию. «Ученые историки» занимались изысканиями по поводу «охотничьих владений» Германии, якобы простиравшихся когда-то «до Урала», а особо ретивые борзописцы претендовали на распространение германского влияния на всю Сибирь вплоть до берегов Желтого моря.¹

В планы германского империализма входило расчленение России и создание в ее пределах ряда «самостоятельных» государств, находящихся в полной вассальной, колониальной зависимости от Германии. Германская пресса на все лады усиленно муссировала эту тему. «Пройдут десятилетия, — писали газеты, — прежде чем Россия восстановит свое довоенное значение. Политика Бисмарка по отношению к России сейчас неуместна. Германия заинтересована не в усилении, а в ослаблении России. На Украине, в Сибири и в других новых республиках «первую скрипку должен играть германский купец». Германия должна признать «независимость» не только Украины, Грузии и Армении, но и Дона и Кубани.³

Стремления германского империализма к захвату Украины и дальнейшему движению на восток были ограничены крайне напряженным положением на западном фронте мировой войны. Германское правительство, в частности министерство иностранных дел, опасалось слишком расширять восточные операции. Но крайняя военная партия (ген. Людендорф, ген. М. Гофман — в то время начальник штаба главнокомандующего Восточным фронтом — и др.) считала, что силой надо воспользоваться немедленно и двигаться на восток дальше, чем это предполагалось в планах официальных правительственных кругов.⁴

Уже оккупировав Украину, германская военщина в июне — июле 1918 г. проектировала двинуть свои войска на Москву и, как свидетельствует начальник штаба оккупационной армии ген. Гренер, был даже разработан конкретный план этой операции. Одновременно угроза нависла и над Петроградом, против которого предполагалось использовать силы оккупировавшей Финляндию германской Балтийской дивизии ген. фон-дер-Гольца. С юго-востока должен был наступать немецкий агент Краснов.

Об этих дерзких планах германской военщины с достаточной откровенностью пишет в своих «Воспоминаниях о войне» ген. Людендорф.

Людендорф — фигура в некотором смысле символическая. Это один из столпов кайзеровской Германии Вильгельма II — заклятый враг России. Во время первой мировой империалистической войны он находился на самых высоких постах германской армии. Трусливо бежав за границу в дни революции в Германии в ноябре 1918 г., он возвращается затем и принимает деятельное участие в капповском путче 1920 г., а потом, в ноябре 1923 г., — вместе с Гитлером в неудавшемся фашистском путче

¹ О «восточных планах» германского империализма писал в Вену командующий австро-венгерскими войсками на Украине ген. Краус: «Германия преследует на Украине определенную хозяйственно-политическую цель. Она хочет навсегда закрепить за собой самый безопасный путь на Месопотамию и Аравию через Баку и Персию. Эта возможность особенно заманчива для германцев сейчас, когда они оккупировали Украину». Это донесение было написано в июне 1918 г. (см. «Крах германской оккупации на Украине», стр. 71, М., 1936).

² Der neue Osten — «Lokal Anzeiger», № 11, 4/III 1918.

³ Rohrbach. Was wir könnten — «Deutsche Politik», № 26, 28/VI 1918, SS. 803—808. Рорбах неоднократно выступал с грабительскими призывами к расчленению России (см. «Deutsche Politik», № 11, 1918, SS. 323—329 и др.).

⁴ М. Гофман. Записки и дневники, стр. 239 (запись от 16 февраля 1918 г.).

в Мюнхене. Людендорф олицетворяет собой последние дни Германии Вильгельма II и первые дни германского фашизма. Людендорф завещал Гитлеру и свои идеи «тотальной войны», направленной на физическое истребление мирных жителей, и свои планы искать «решение вопроса» на востоке — планы нападения на Советскую страну.

Вот этот-то Людендорф и пишет в своих воспоминаниях: «С военной точки зрения мы были в силах нанести короткий удар на Петроград теми войсками, которые у нас имелись на востоке, и при помощи донских казаков (речь идет о белоказаках Краснова. — А. Г.) развить наступление на Москву. Это было бы во много раз выгоднее ведения обороны на длинных фронтах. Оборона поглощала больше сил, чем нужно было для короткого движения вперед и сильно нервировала войска, в то время как наступательная операция поддержала бы их дух. Мы могли бы устранить внутреннее столь враждебное нам Советское правительство и установить в России другую власть, которая... была бы согласна идти заодно с нами».¹ Людендорф добивался срыва мирного договора и нанесения короткого удара в сторону Петрограда и Москвы с целью свергнуть Советскую власть. Позднее он не мог простить кайзеровскому правительству Вильгельма того, что оно побоялось попытаться осуществить эти планы «военной партии» и придерживалось более осторожной политики: не зарываться слишком далеко на восток и ограничиться ограблением тех земель, которые были уже захвачены.

Оправдывая эту «более умеренную» политику, один из публицистов кайзеровской Германии писал: «Те деньги, которые мы сэкономили, отказавшись от участия в мало перспективном восстановлении Московии (речь шла о свержении Советской власти в России и о восстановлении дореволюционных порядков времен Николая Романова. — А. Г.), мы можем гораздо лучше и прибыльнее вложить в окраинные государства, где они принесут нам больше процентов не только в экономике, но и в политике».²

Не трудно себе представить, какие именно причины помешали в действительности кайзеровской Германии полностью принять «восточные планы» Людендорфа и его сторонников. Этому помешали и изо дня в день увеличивавшаяся сила сопротивления, которую встречал германский империализм со стороны народов нашей страны, поднявшихся на отечественную войну против оккупантов, и необходимость вести одновременно войну на два фронта — на востоке и на западе.

Оккупацию Украины Германия осуществляла при участии Австро-Венгрии. По специальному соглашению (так называемый «Ukraineabkommen»), заключенному 25 марта 1918 г., в сферу германского влияния входили губернии Киевская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Таврическая (включая Крымский полуостров) и часть Волынской, в сферу же влияния Австро-Венгрии — остальная, западная часть Волыни, и губернии Подольская, Херсонская и Екатеринославская. Некоторые отдельные районы и магистрали железных дорог в пределах австрийской зоны подлежали немецкому контролю.

На Украину кайзеровское командование бросило две трети всех своих сил, находившихся на восточном фронте: 21 пехотную и 3 кавалерийских дивизии из состава германской армии и 8 пехотных плюс 2 кавалерийских дивизии из состава австро-венгерской армии. В центре наступали части 27-го корпуса. 20 февраля они вступили в Ровно, 21 февраля — в Новоград-Волынский и соединились здесь с гайдамацкими

¹ Ludendorff. Meine Kriegserinnerungen 1914—1918, S. 529, Berlin, 1919.

² Axel Schmidt. Das Erbe Bolschevismus — «Deutsche Politik», № 31, Aug. 1918, S. 983.

бандами. Отсюда они повели наступление на Киев, развивая его совместно с частями 22-го корпуса, которые 24 февраля заняли Житомир, где их встретила бежавшая сюда из Киева контрреволюционная Украинская рада. С этого момента Житомир превратился в центр оккупации правобережной Украины. К северу от 22-го и 27-го корпусов наступление вели части 41-го германского корпуса в направлении на Гомель, а несколько южнее, в направлении на Жмеринку и Винницу, наступали части 1-го резервного корпуса под командованием ген. Кнерцера. Еще южнее 28 февраля начали наступление австро-венгерские войска: 25-й корпус — на Вапнярку, откуда позднее он распространился на Подольскую и часть Волынской губернии, и 27 корпус, который двинулся из Румынии через Рыбницу и Бирзулу (была взята 10 марта) и оттуда на юг к Одессе. От Раздельной части этого корпуса продолжали наступление совместно с 52-м германским корпусом ген. Коша, который был переправлен сюда также из Румынии через Галац — Бендеры — Тирасполь.

НАЧАЛО БОРЬБЫ С ОККУПАНТАМИ

Всего на Украину немцы двинули до 400 000—450 000 войск. Одновременно наступали многочисленные гайдамацкие банды, наverbованные Центральной радой из рядов украинских кулаков. Германские войска были хорошо дисциплинированы (в начале наступления), находились в руках опытного командного состава, прошедшего серьезную школу мировой войны, имели превосходное техническое оснащение, в том числе авиацию и значительное количество тяжелой артиллерии.

Войска Юго-западного и Румынского фронтов старой русской армии первой мировой войны не могли противостоять наступлению. Только отдельные группы солдат, главным образом из частей, где было велико влияние большевиков, сохраняли боеспособность и вливались в советские войска мелкими группами или целыми войсковыми частями — ротами и полками. Главная тяжесть борьбы выпала на долю красногвардейских отрядов, которые еще раньше вели борьбу с Центральной радой.

В общей сложности Украина могла первоначально выставить примерно 20 000—25 000 бойцов регулярной армии с очень слабым техническим оснащением, без достаточной боевой подготовки. Тем не менее эти небольшие горсточки революционных войск откликнулись на призыв партии и правительства — «Социалистическое отечество в опасности». Не щадя своей жизни, они героически сопротивлялись вторжению интервентов. Они черпали свои силы в сознании, что весь украинский народ поднимается на защиту своей родины. Украинский и белорусский народы, при огромной дружественной помощи великого русского народа, с первых же дней германского нашествия поднялись на защиту своей родной земли. Это была подлинно отечественная война, это была самая справедливая из всех войн, которые когда-либо в прошлом приходилось вести народам России.

«Организуйтесь в партизанские отряды, — призывало воззвание ЦИК Украины, выпущенное 22 февраля, — взрывайте на воздух мосты и железные дороги, уничтожайте... все, чем можете бы воспользоваться голодные разбойничьи банды. Пусть знают банды насильников, что всюду на своем пути они встретят решительный отпор».¹

Подступы к Киеву охраняли отряды тов. Киквидзе. В течение нескольких дней они вели упорные бои в районе Житомир — Бердичев (был занят частями 27-го германского корпуса 26 февраля), но под нажимом во много раз превосходивших сил противника отошли к Киеву. В ночь

¹ Вестник Украинской Народной Республики, № 30, 1918 г.

на 28 февраля советское правительство Украины — Народный секретариат — эвакуировалось в Полтаву. 1 марта штаб обороны Киева был переведен в Дарницу. В этот же день в Киев начали вступать германские войска. Чтобы инсценировать «освобождение Киева от большевиков», передовые германские отряды вели с собой полсотни украинских буржуазных националистов во главе с Петлюрой и первыми впустили их в город.¹ Через несколько дней после этого оккупанты впустили в Киев и марионеточное «правительство» Украины — Центральную раду во главе с эсером Голубовичем. 2 марта части 1-го резервного германского корпуса заняли Жмеринку. Это отрезало киевскую группу красногвардейцев от советских войск, расположенных по линии Днестра, — от 1-й и 3-й украинских армий.

1-я украинская Красная армия занимала район Вапнярка — Гайворон — Рудница. Штаб армии стоял в Елисаветграде. На юге фронт этой армии шел по линии Слободка — Ольвиополь до Помошной. На севере отдельные ее небольшие отряды действовали в районе Фастов — Казатин, но с приближением противника к Жмеринке отошли на юг на соединение с основной группой армии.

3-я армия стояла на фронте Ямполь — Аккерман. Ее основную силу составлял конный отряд Котовского и Тираспольский отряд. Германские войска нависали над 1-й и 3-й армиями с севера и заставляли их отходить на восток, в сторону Донбасса.

4 марта фронт проходил по линии Могилев — Подольск — Жмеринка — Винница — Цветково — Бобринская и дальше на север до Днепра у г. Черкасы. Значительная часть правобережной Украины была таким образом уже оккупирована. На Левобережье оккупационные войска устремились из пределов уже оккупированной Белоруссии (части 41-го корпуса из района Калинковичи — Гомель) и из Киева в направлении на Нежин — Бахмач (части 27-го корпуса) и на Гребенка — Полтава (части 22-го и 1-го резервного корпусов). Кроме того на Елисаветград — Знаменка — Кременчуг двигалась другая группа частей — 1-го резервного корпуса.

Германское командование развивало наступление, учитывая тактические особенности проведения операций советскими войсками. Последние не имели еще опыта полевой войны и при своей малочисленности, чрезвычайной растянутости фронта и отсутствии организованного тыла, кавалерии, колесного обоза, налаженной службы связи вынуждены были действовать главным образом вдоль железных дорог, не отрываясь от своих эшелонов. Германские войска наступали обычно вдоль шоссе-ных дорог. Вперед выбрасывались конные части и сводные автомобильные и мотоциклетные команды. В качестве авангардных и разведывательных отрядов во многих случаях использовались белогвардейские гайдамацкие части, сведенные в бригаду ген. Натиева. Значительно бо́льшая маневренность германских войск позволяла им легко заходить в тыл красных, и этот первый удар часто решал исход боя. Если же советские войска отражали первый удар, германское командование подтягивало более крупные пехотные и артиллерийские части и действовало прямым ударом. В таких случаях исход боя решала тяжелая артиллерия.

Части Красной Армии, оперировавшие на Украине, попрежнему состояли из большого количества полупартизанских отрядов, нередко мелких — всего из нескольких сотен, а то и десятков человек. Объединялись отряды в «фронты», «армии», «группы войск». За этими громкими назва-

¹ На другой день, 2 марта, эсер Голубович отправил раболонную телеграмму на имя германского рейхсканцлера с благодарностью «за помощь в освобождении Украины» («Kölnische Zeitung», № 213, 5/III 1918).

ниями скрывались очень слабо организованные мелкие части. Внимание партии и советских органов было сосредоточено на том, чтобы свести все эти мелкие формирования в более крупные войсковые соединения и положить конец полной неразберихе в командовании войсками. Это удалось осуществить далеко не в полной мере. К середине марта на Украине сформировалось 5 армий: 1-я, 2-я и 3-я под общим командованием «левого» эсера Муравьева, впоследствии оказавшегося предателем. Эти армии оперировали на левом фланге от Полтавы до Черного моря. В центре, в районе Харькова, стояла 4-я армия тов. Киквидзе, основу которой составляли уже покрытые славой январских боев киевские арсеналы и железнодорожники. В районе Курск — Ворожба — Бахмач — Глухов — Хутор Михайловский — Новгород-Северск стояла 5-я армия тов. Сиверса. В 5-ю армию вошли отряды бывшей «2-й особой украинской армии» и переброшенные сюда отряды, боровшиеся раньше против Каледина. Теперь в командование войсками было внесено несколько больше порядка, но все украинские армии в той или иной степени еще носили на себе печать партизанщины, что лишь отчасти искупалось героизмом многих отрядов.

Красногвардейские и партизанские отряды оказывали оккупантам с каждым днем все более упорное сопротивление.

В направлении на Полтаву с боями отходили красногвардейские отряды киевских арсеналов и железнодорожников. По пути к ним присоединялись организуемые в деревнях партизанские отряды. Фронт установился вдоль поперечной линии Прилуки — Гребенка (удерживался до 16 марта). С юга у Гребенки к этим отрядам примыкала группа отрядов во главе с тов. Киквидзе.

К этому времени (середина марта) была оккупирована вся юго-западная Украина. 13 марта германские и австро-венгерские силы под общим командованием ген. Коша заняли Одессу. Отсюда части 27-го австро-венгерского корпуса распространились на всю Херсонскую, а потом и на Екатеринославскую губернии. Германские же войска (52-й корпус ген. Коша) двигались на Николаев и Херсон. Командование южными украинскими армиями в лице Муравьева не только не укрепляло своих сил, но способствовало их деморализации. К 15 марта армии находились уже в районе Елисаветграда и Кременчуга. Здесь Муравьев был устранен от командования.

Николаев был захвачен немцами 17 марта, Херсон — 20 марта, но уже через несколько дней рабочие Николаева подняли вооруженное восстание. Восставшие рабочие разгромили помещение штаба немецкого корпуса, перебили многих офицеров, захватили немалое количество пленных. Бои с германским гарнизоном шли с 22 по 25 марта. Особенно мужественно сражались рабочие завода «Наваль». Только сильные подкрепления позволили немцам сломить героическое сопротивление.¹ Город остался в их руках, но значительная часть восставших рабочих прорвалась на соединение с советскими частями.

С большим успехом происходили бои под Херсоном. 23 марта советские войска (части 1-й украинской армии), поддержанные восставшими рабочими, выбили немцев из города и держались в нем в течение 2 недель. Только 5 апреля Херсон снова был занят германскими войсками.

Частичный и временный успех под Херсоном не изменил общей обстановки. Расшатанные Муравьевым армии подвергались нажиму немцев, гайдамаков и сильной бригады Дроздовского, сформированной

¹ «Октябрь на Николаевщине», стр. 41 и сл., Николаев, 1927.

из белогвардейских офицеров Румынского фронта мировой войны и пробывавшейся на Дон.

Южные армии отходили из района Елисаветграда (занят немцами 21 марта) и Кременчуга к Екатеринославу. Затем, под сильным напором соединенных сил немцев, австрийцев и гайдамаков советские войска 4—5 апреля эвакуируют Екатеринослав и отходят из близлежащего района — 1-я украинская армия в район Славгорода, 2-я — в район Чаплино, 3-я армия — наиболее боеспособная — остается в районе между Лозовой и Славянском. К началу апреля германские оккупационные войска глубоко вклинились и в центральную и в северную Украину. 21 марта они занимают Знаменку, 22 марта — Кременчуг, который переходит затем из рук в руки и снова захватывается немцами 25 марта.

Значительные немецкие силы подходят к Полтаве. Переброшенная сюда колонна Петрова (1500 бойцов при 6 легких орудиях) усиливает позиции, занятые частями 4-й армии на западных подступах к Полтаве. Трусливо избегая прямого удара, немцы форсируют р. Ворсклу севернее Полтавы. 29 марта советские войска отступают на левый берег Ворсклы и эвакуируют Полтаву. 30 марта в Полтаву вступают немцы. Теперь они развивают наступление на Харьков по трем направлениям: от Полтавы на Луботин, от Ромны — Лохвица — Гадяч на Лебедин — Ахтырка и с севера от Конотопа.

На участке Лебедин — Ахтырка красное командование пытается создать линию обороны: подвозится артиллерия, спешно роются окопы.

Борьбу с германским вторжением вели не только красногвардейские отряды и регулярные части Красной Армии. Уже в начале марта во многих местах Украины, по мере приближения германских войск, стали формироваться многочисленные партизанские отряды.

Один из первых партизанских отрядов еще в феврале был сформирован легендарным героем украинского народа Николаем Александровичем Щорсом. Этот отряд возник на родине Щорса в селе Семеновке, расположенном на железной дороге Новозыбков — Новгород-Северск. Семеновка — большое промышленное село. В нем было много рабочего люда — кожевников, овчинников, гончаров, кузнецов. Здесь существовала крепкая большевистская организация. Она помогла Щорсу собрать стойкий партизанский отряд истинных патриотов, решивших с оружием в руках бороться против немецкого вторжения.

Первые боевые столкновения с немцами произошли в районе Новозыбкова. В отряде Щорса было несколько десятков кавалеристов. В смелых налетах на немецкие части Щорс захватил некоторое количество пулеметов, автоматических ружей. Жаркий бой загорелся у посада Злынка. Здесь немецкие части понесли большой урон в людях. Наступление их было задержано. Партизанский отряд Щорса пополнился рабочими Новозыбкова и притягивал к себе большие силы немцев, задерживая их натиск в наступлении на Клинцы и далее на Унечу. Сюда, к Унече, в пределах пограничной зоны между Украиной и Советской Россией, к концу апреля отошли многие партизанские отряды.

ОТ ЛУГАНСКОГО ОТРЯДА К 5-Й УКРАИНСКОЙ АРМИИ

Наиболее упорное сопротивление немецкие полчища встретили на северном направлении от Конотопа со стороны отряда луганских рабочих. Отрядом командовал Климент Ефремович Ворошилов.

Старый луганский рабочий-металлист, тесно связанный с луганской большевистской организацией еще с 1903 г., — с момента вступления своего в партию, — тов. Ворошилов пользовался огромной любовью луганских рабочих. Многочисленные аресты и ссылки Ворошилова не порвали его связи с Украиной и Луганском. 6 марта 1917 г. он снова в

Луганске, руководит местной партийной организацией, избирается председателем Совета. Под его руководством луганские большевики организуют сильные отряды Красной гвардии и фактически берут власть в свои руки еще до победы пролетарской революции в центре. Избранный депутатом учредительного собрания от Екатеринославской губернии, тов. Ворошилов в середине ноября едет в Петроград. Здесь он один из первых строителей создающихся органов пролетарской диктатуры: комиссар Петрограда (по градоначальству), один из создателей ВЧК. Когда началось нашествие германских полчищ на Украину, партия посылает его в Харьков. В начале марта 1918 г. тов. Ворошилов снова в Луганске. 5 марта он обращается с воззванием к луганским рабочим:

«Грозный час настал! Немецкие белогвардейцы под ликующий вой российской буржуазии двинулись на нашу дорожную, нашей собственной кровью омытую Российскую советскую федеративную социалистическую республику. Нашей революции, нашим завоеваниям грозит смертельная опасность. Немецкая буржуазия идет спасать буржуазию российскую. Международный капитал ставит своей целью задушить международный пролетариат, а для этого буржуазии необходимо во что бы то ни стало раздавить, уничтожить красный социалистический пролетариат России.

Товарищи! В нас самих решение своей судьбы. От нас зависит спасти свою социалистическую родину и тем самым ускорить международную начавшуюся социалистическую революцию. Враг еще силен и движется по всем направлениям. Нашему Донецкому бассейну грозит непосредственная опасность со стороны Киева, где уже воцаряются немецкие банды под руководством Петлюры, Винниченка и прочих предателей украинского народа.

Товарищи! Все, кому дороги идеалы пролетариата, все, кто ценит пролетарскую кровь наших братьев за освобождение России, все, кому дорог международный социализм, освобождающий человечество, все до единого — к оружию! С оружием в руках, стройными железными рядами ударим на врагов труда, на трутней, на белогвардейцев немецких, великорусских и украинских.

За нами правда! В нас сила! Мы победим!»¹

Шахтеры и металлисты Луганска не замедлили откликнуться на призыв, чтобы дать отпор германским захватчикам. Быстро сформировался «1-й Луганский социалистический партизанский отряд», вначале в составе 640 бойцов. Эта небольшая сравнительно горсточка бойцов явилась ядром, из которого впоследствии создалась 5-я украинская армия, а еще позже 10-я армия, одна из наиболее славных красных армий. Для организации луганского отряда многое сделал А. Я. Пархоменко — личный друг тов. Ворошилова, руководитель Красной гвардии Луганска, выдающийся герой гражданской войны. По инициативе Луганского Совета, рабочие крупнейшего паровозо- и вагоностроительного завода быв. Гартман оборудовали две бронеплощадки с пулеметами и орудиями.

10 марта ворошиловский отряд выступил на фронт защищать родную землю от германских полчищ. Двинулись на север, через Харьков. У бойцов не хватало оружия. В Харькове Ворошилов потребовал 4 трехдюймовых орудия, 4 пулемета «Максима», 200 винтовок, 30 шашек, 9000 ручных гранат. Из Харькова отряд направился на Конотоп, который уже был захвачен частями 27-го германского корпуса. Формально отряд вошел в состав 5-й украинской армии Сиверса, фактически же действовал самостоятельно. Первое столкновение с немцами произошло

¹ Газ. «Красная звезда», 17 ноября 1938 г.

27 марта у станции Дубовязовка (15 км от Конотопа в направлении на Ворожбу). Противник во много раз превосходил бесстрашных ворошиловцев и численностью и вооружением, но луганские рабочие мужественно защищали каждую пядь земли. В упорных боях ворошиловский отряд сдерживает натиск оккупантов на Харьков. 3 апреля под напором значительно превосходящих сил противника пала Ахтырка.

Дальнейшее сопротивление ворошиловцев на северных подступах к Харькову сделалось невозможным, так как немцы подходили к самому Харькову со стороны Полтавы. Группа Петрова покинула р. Ворсклу. Упорные бои завязались у станций Пересечная и Основа (35 и 8 км от Харькова). В этих боях выбывают из строя контуженный Петров и раненый тов. Киквидзе. Командование переходит в руки Г. И. Чудновского. Противник окружает отряд со всех сторон, но герои бойцы отстреливаются до последнего патрона. Тов. Чудновский ранен в обе ноги и предпочитает застрелиться, но не сдаться врагу. Лишь немногие вырвались из сомкнувшегося кольца.

С утра 9 апреля германские снаряды начали падать на Холодногорское предместье Харькова. Около 2 часов дня противник занимает вокзал. Последние советские эшелоны отходят со станции Основа в направлении на Красный Лиман и с Балашовского вокзала на Купянск. Путь на Лозовую был отрезан, так как 9 апреля немцы захватили станцию Мерефа. Ворошиловский отряд, оборонявший станцию Основа до последнего момента, оказался окруженным противником, но вырвался и с боями пробился к Чугуеву, откуда вернулся в Луганск для пополнения и переформирования.

Задержка отрядом тов. Ворошилова немецких войск на подступах к Харькову сыграла большую роль. В эти дни из Харькова удалось вывезти ценнейшие грузы и большие запасы военного снаряжения, отступить семьям бойцов, эвакуировать советские учреждения и т. д. Из Харькова вместе с ворошиловской колонной эвакуировалось и правительство Советской криворожско-донецкой республики во главе с тов. Артемом.

Тов. Ворошилов извлек богатый опыт из первого этапа боев с германскими войсками и принял твердое решение, что для продолжения дальнейшей борьбы необходимо положить предел той отрядной неразберихе, которая царил в красных частях. Необходимо было, не теряя времени, приступить к созданию подлинно регулярной Красной Армии.

Совет Народных комиссаров Донецкой республики назначил К. Е. Ворошилова командующим 5-й армией. 15 апреля тов. Ворошилов дал свое согласие на вступление в должность командующего 5-й армией и в тот же день выехал из Луганска в район расположения армии, в направлении к Купянску. Местопребыванием своего штаба тов. Ворошилов избрал станцию Кабанье (в 20 км к югу от станции Сватово), куда с севера отходили многочисленные эшелоны с войсками, с беженцами и ценным имуществом, эвакуированным из Харькова.

Тов. Ворошилов с большевистской решительностью взялся за ликвидацию отрядной неразберихи и за укрепление революционной дисциплины. В короткое время 5-я армия превратилась в самую боеспособную и дисциплинированную армию на юге.

Первоочередной оперативной задачей 5-й армии являлось сдерживать натиск во много раз превосходивших сил германских войск и прикрыть эвакуацию находившихся в расположении армии железнодорожных составов. Выдерживая непрерывные бои с германскими войсками, 5-я армия медленно отходила на юг к линии р. Донца и к 20 апреля сосредоточилась в районе станций Кременное — Лисичанск — Камышеваха.

К этому времени в Донецком бассейне сложилась крайне неблаго

приятная оперативная обстановка. Кроме 5-й ворошиловской армии здесь, строго говоря, уже почти не существовало регулярных советских сил. Донецкая армия расплылась на мелкие отряды, которые, оставив район Бахмут — Лиман, отходили к станции Родаково; остатки 3-й армии стояли в эшелонах в районе Никитовка — Дебальцево; 2-я армия отходила в эшелонах к Таганрогу, а 1-я армия, рассыпавшись на мелкие части, отходила в эшелонах же к Ростову. В этих условиях принять на себя всю тяжесть удара германских войск означало бы для 5-й армии обречь свои прекрасные пролетарские кадры на огромные и напрасные жертвы. Поэтому тов. Ворошилов принял единственно правильное решение — планомерно отходить к Луганску.

На ст. Родаково в это время скопилось большое количество различных красных отрядов. 24 апреля тов. Ворошилов собрал командиров этих отрядов и обрисовал им общую обстановку; властно диктующую создание регулярной армии. В результате этого совещания все находившиеся в данном районе красные отряды влились в состав 5-й армии.

Уже на другой день части усилившейся и окрепшей 5-й армии вели успешный бой с германскими войсками. Противник отступил, бросив 2 батареи, обоз, 20 пулеметов, 2 самолета. Этим боем и последующими боями в районе станции Меловая тов. Ворошилов задержал наступление германских войск и обеспечил планомерную эвакуацию Луганска, который был оставлен красными 28 апреля.

Из Луганска 5-я армия отошла к станции Миллерово, где сосредоточилась 29 апреля, а 30 апреля немцы захватили станцию Чертково, что отрезало от 5-й армии путь на север. Тов. Ворошилов решил пробиваться через станцию Лихую на Царицын.

К этому времени германская и австро-венгерская армии полностью оккупировали Украину. В направлении на Донбасс оккупанты 3 апреля заняли Нижнеднепровск и Славянск, 12 апреля — Павлоград, 18-го — Александровск и Славянск, 20-го — Мелитополь, 24-го — Бахмут, 30-го — Мариуполь. Донбасс оккупировали части 1-го резервного германского корпуса. На северном направлении германские войска 10 апреля заняли Белгород, а 13 апреля, двигаясь со стороны Гомеля на Брянск, — станцию Клинцы. Наконец, на юго-восточном направлении 8 мая они заняли Ростов, а 14 мая — Нахичевань Ростовский. Советские войска отступили из Ростова на Батайск.

УКРАИНА ПОД ПЯТОЙ ГЕРМАНСКИХ ОККУПАНТОВ

Во главе всех германских оккупационных войск на Украине в феврале — марте 1918 г. стоял ген. А. Линзинген. Затем его сменил генерал-фельдмаршал Г. Эйхгорн, командовавший раньше германскими частями, наступавшими на Белоруссию и на Петроград. Эйхгорн прибыл в Киев 5 апреля. 30 июля он вместе со своим адъютантом Дресслером был убит «левыми» эсерами (Борисом Донским и др.), пытавшимися спровоцировать новую войну. После убийства Эйхгорна главнокомандующим германскими войсками на Украине был назначен генерал Кирхбах. Начальником штаба германских войск был ген. Гренер. Австро-венгерскими войсками командовал фельдмаршал Бем-Эрмоли (с 7 апреля). 18 мая его сменил ген. Краус, назначенный командующим восточной армией на Украине. В Одессу Австро-Венгрия назначила в качестве губернатора ген. Бельца. Кроме военного командования, на Украине появились и дипломатические представители оккупантов: германский посол бар. А. Мумм (прибыл в Киев 18 марта) и австро-венгерский посол граф И. Форгач фон Гимес-Гачес (прибыл в Киев 20 марта), которые для внешнего мира как бы символизировали «суве-

ренитет» нового «государства». Однако оккупанты мало стеснялись с опереточными «министрами» Центральной рады и третировали их как продажных проходимцев.

Подписывая в Бресте сепаратный мир с Центральной радой, правительство Вильгельма II прекрасно видело, что «Рада фактически уже не имела ни власти, ни сторонников в стране». ¹ Как раз в день подписания мира, 9 февраля, Рада бежала из Киева. В городе восстановилась советская власть. Рада была «правительством» без государства, но это мало смущало кайзеровских дипломатов. Мир был подписан, и германские войска «по приглашению Рады» двинулись на Украину.

Для Германии и особенно для плетущейся в ее хвосте Австро-Венгрии важнейшее значение имели продовольственные и сырьевые ресурсы Украины. 1 000 000 тонн хлеба — вот цена, за которую дельцы из Центральной рады приобрели политическое «признание». Первоначально имелось в виду оговорить это условие в самом тексте мирного договора, но столь позорную сделку побоялись предать гласности, и обязательства Рады были замаскированы словами о «взаимном» снабжении «излишками».

Немецкие оккупанты вполне отдавали себе отчет, какими средствами можно ограбить украинского крестьянина и выкачать хлеб из Украины. 9 марта из Киева доносил главнокомандующему восточным фронтом: «Враждебное отношение крестьянского населения, которое при реквизиции фуража и хлеба не останавливается перед вооруженными выступлениями против наших войск, продолжает расти... В любой момент могут возникнуть открытые военные столкновения хотя бы и в форме партизанской войны».

Прежде чем такие столкновения распространятся дальше, на более богатые хлебные районы Полтавы или Харькова, необходимо учесть, что имеющиеся в наличии войска недостаточны как по своему личному составу, так и по вооружению. Для продолжения операций необходимы дополнительные части... Получение хлеба и кормов для скота возможно только путем военной реквизиции. Для осуществления наших задач необходима планомерная оккупация соответствующих районов. Для оккупации этих районов целесообразнее использовать... кавалерийские части». ²

Первоначально германские захватчики предполагали, что для этого потребуется всего около 30 000 войска. ³ Но очень скоро оказалось, что таких сил совершенно недостаточно.

19 апреля на заседании хозяйственного управления в Берлине помощник государственного секретаря фон-Браун, вернувшийся из поездки на Украину, говорил, что сбор хлеба на Украине представляет значительные затруднения и возможен только при деятельной помощи войск, а ген. Гренер заявил, что при существующем положении вещей имеющихся войск нехватит, чтобы организовать повсюду в деревне такую же сеть постов, как в Румынии. Наличие войска смогут охранять лишь крупные города и железнодорожную сеть. ⁴

Украинские помещики забрасывали немецкое военное командование просьбами прислать в поместья войска для расправы с крестьянами, не желающими платить за причиненные помещикам «убытки». Первыми поспешили обратиться с такой просьбой о присылке карательного отря-

¹ Из доклада Колин Росса, агента германского министерства иностранных дел, на имя начальника оперативного отделения германского Восточного фронта о положении дел на Украине в марте 1918 г. («Архив русской революции», т. I, стр. 288, белоэмигрантское издание).

² «Крах германской оккупации», стр. 66 и 61.

³ Д. Дорошенко. Гетманство 1918 г. на Украине. Белогвардейский журнал «Голос минувшего на чужой стороне», № 5, 1927 г., стр. 134.

⁴ Фон Куль и Г. Дельбрюк. Указ. соч., стр. 42.

да помещики Волыни и Подолии.¹ Их примеру последовали помещики Херсонщины и всего Левобережья. Та же картина повторялась и на правобережной Украине.

Оккупировав Украину, германские империалисты начали в ней распоряжаться, как в завоеванной стране. В захваченных городах, селах и местечках издавались приказы: «За каждого убитого или раненого германского солдата будут немедленно расстреляны первые попавшиеся десять русских солдат или жителей».² И это не было только угрозой. Беспощадная расправа с крестьянами, порки и пытки в застенках, расстрелы, насилия над женщинами, открытый грабёж — вот методы колониальной политики, последовательно проводившейся немецкими оккупантами на Украине. Население задыхалось под гнетом тяжелого сапога германской военщины. Немцы с нечеловеческой жестокостью старались задушить малейшее выражение протеста. «Крамолу» они видели даже в революционных песнях. В Донбассе немецкие власти издали особое обязательное постановление, воспрещавшее под страхом наказания в 25 розог петь русские революционные песни.³

Центральная рада из кожи лезла вон, чтобы оправдать доверие оккупантов и «честно» выполнять свои обязательства, но она казалась слишком слабой и не удовлетворяла германское командование. Военный уполномоченный доносил 5 апреля в ставку верховного военного командования: «Нынешнее украинское правительство в свое время было подходящим инструментом для заключения мира, но в настоящий момент его власть не простирается дальше власти наших штыков».⁴ Радугу давно бы разогнали, но ее приходилось терпеть до момента заключения соглашения о поставках, предусмотренного Брестским договором. Германский посланник Мумм 13 апреля сообщал в министерство иностранных дел: «...нам, пожалуй, придется поддерживать это правительство до того, как ведущиеся сейчас переговоры будут формально закончены. Надеемся, что это произойдет очень скоро».⁵

Германское командование, стремясь вернуть помещикам землю, требовало от Рады издания и проведения в жизнь особого аграрного закона, текст которого был составлен в германском штабе. Закон обязывал всех, кто «присвоил чужую землю, живой или мертвый инвентарь», немедленно вернуть их прежним владельцам. Рада несколько медлила с изданием закона, так как она прекрасно понимала, что это грозило ей окончательной потерей последних остатков влияния в среде крестьян. Но германские оккупанты не хотели ждать, и 10 апреля Эйхгорн издал свой известный «приказ о весеннем севе». Этот приказ не только полностью восстанавливал помещичье землевладение, но обязывал крестьян доставлять помещикам лошадей, инвентарь и семена для посева. Председатель рады Грушевский и премьер-министр эсер Голубович были изрядно смущены и осмелились явиться к Мумму с робкой жалобой на приказ. Мумм возмущился: «Я совершенно ясно высказал этим господам, — доносил он о беседе в министерство иностранных дел, — что без нашей военной помощи ни один из них не остался бы на своем посту, а отзывание наших войск немедленно повлекло бы за собой их изгнание и анархию в стране».⁶

Наконец, 23 апреля соглашение о поставках было подписано. С Радой можно было больше не церемониться. 25 апреля фельдмаршал

¹ Львовская белогвардейская газета «Дело» от 18 апреля 1918 г.

² «Крах германской оккупации», стр. 22.

³ Газета «Беднота» от 30/VI 1918 г., № 77.

⁴ «Крах германской оккупации», стр. 36.

⁵ Там же, стр. 42.

⁶ Там же.

Эйхгорн издал приказ о принятии «особых мер для охраны Киева» и о введении на Украине германских полевых судов.

26 апреля Вильгельм II телеграфировал Эйхгорну о своем согласии на «избрание» гетманом Скоропадского. Воспользовавшись случайным предложением (арест директора Киевского банка и крупного финансиста А. Ю. Доброго), германское командование 28 апреля прислало отряд солдат на заседание Рады, разогнало ее и арестовало несколько членов ее правительств. Не пощадили и самого «премьер-министра» Голубовича. Его «случайно» задержали на улице, доставили в комендатуру, подвергли личному обыску. На другой день приехавшие из Киева делегации «хлеборобов» (хлеборобы или аграрно-демократическая партия — партия украинских помещиков и кулаков, организовавшаяся весной 1917 г.) и земельных собственников «избрали» П. П. Скоропадского гетманом Украины. По словам Ленина, гетманский переворот означал восстановление на Украине «буржуазно-помещичьего монархизма».¹

27 мая Скоропадский, действуя по указке немцев, издал приказ о том, что право на урожай 1918 г. принадлежит владельцам земли (т. е. помещикам) или арендаторам, выполнившим условия аренды, а 8 июля гетманское «правительство», действуя по указке германских властей, издало особый закон о принудительном выполнении местным населением срочных сельскохозяйственных работ. На основании этого закона крестьяне насильно сгонялись вместе с своим инвентарем на уборку урожая на помещичьих и кулацких землях. Скоропадский — крупный украинский помещик, собственник многих тысяч гектаров в Черниговской и Полтавской губерниях, бывший гвардейский офицер и ярый черносотенец, больше импонировал Эйхгорну и Мумму, чем какие-то, с позволения сказать, «социалисты» из Центральной рады.

Через два дня после назначения Скоропадского гетманом Украины Мумм доносил в Берлин: «За спиной нового правительства стоит в первую очередь единственно авторитетная в настоящее время в стране власть — германское верховное командование». О том же доносили из штаба Эйхгорна главнокомандующему восточным фронтом: «В данный момент Скоропадский находится целиком и полностью под влиянием главного командования».²

Однако оккупанты колебались, создавать ли им какое-нибудь новое марионеточное правительство на Украине или открыто послать на Украину военного губернатора. Военное командование (Эйхгорн и начальник его штаба ген. Гренер) склонялось ко второму варианту, но Мумм и другие дипломаты считали нужным продолжать игру в «дружеское украинское государство». «...Я считаю необходимым, — писал Мумм 9 мая в министерство иностранных дел, — поддерживать на Украине фикцию самостоятельного дружественного нам государства... Такая политика обусловлена многими причинами, из которых приведу следующие: необходимо считаться с общественным мнением у нас, а также в нейтральных и враждебных нам странах; необходимо считаться с авторитетом украинского правительства среди населения, который мы подорвем, если слишком резко покажем, что правительство является только куклой в наших руках, а правительственные распоряжения обслуживают исключительно наши интересы».³

Победила точка зрения Мумма. От назначения генерал-губернатора отказались, и над Украиной осталась висеть вывеска гетманства.

2 июня Мумм и Форгач известили Скоропадского об официальном признании гетманского «правительства» и об установлении с ним дипло-

¹ Ленинский сборник, XI, стр. 81.

² «Крах германской оккупации», стр. 60 и 61.

³ Там же, стр. 65.

матических отношений.¹ Позже Скоропадский удостоился особой «милости» и был приглашен на аудиенцию к Вильгельму II в Германию.²

С назначением гетмана немцы еще более усилили режим беспощадного террора. В приказе Эйхгорна от 22 мая на имя командующих отдельными воинскими частями говорилось: «Какая бы то ни было агитация., которая могла бы привести к новым волнениям в стране и подорвать авторитет нового правительства, должна быть решительно искоренена военной силой. Необходимо применять самые беспощадные меры для того, чтобы задушить в зародыше повстанческое движение».³ Но дикий террор не мог парализовать героического сопротивления украинских рабочих и крестьян.

Для вывоза награбленных продуктов из Украины немецкие оккупанты еще в марте 1918 г. выработали детальный «организационный план». Во главе стояло Центральное бюро для заготовки хлеба, хлебопродуктов, бобовых растений, кормов для скота, семян масличных и других культур. Украинское «правительство» рассматривалось как вспомогательный аппарат в руках Центрального бюро. «Украинское министерство продовольствия, — говорилось в «Организационном плане», — как и все прочие украинские учреждения, должно помогать Центральному бюро в его работе и гарантировать личную безопасность его членов и сотрудников».⁴ Центральное бюро помещалось в Киеве, а по всей Украине раскинулась густая сеть его филиалов. «Закупочные бюро» мало что покупали, они выколачивали хлеб силой оружия. Не было села, куда не врываются бы реквизиционные отряды. Шарнили по избам и амбарам, отнимали даже зерно для посева.

По грабительскому соглашению о поставках сельскохозяйственных продуктов Украина обязывалась отправить в Германию и Австро-Венгрию до 31 июля 1918 г. 60 миллионов пудов хлеба, 2,75 млн пудов в живом весе рогатого скота, 400 млн яиц и большое количество сахара, льна, пеньки и т. д. Большие надежды Германия и Австро-Венгрия возлагали на урожай 1918 г. 10 сентября был заключен новый договор (его успели реализовать лишь в слабой степени) на поставку 37 млн пудов железной руды, 3,5 млн пудов марганцевой руды, 11 200 вагонов лесоматериалов, 750 тыс. пудов пеньки, 1 млн кож, 500 тыс. пудов табаку и т. д. Взамен на Украину, кроме небольшого количества сельскохозяйственных машин, посылали венскую галантерею и слабительные воды «Гуниади-Янос» и «Франц-Иосиф».

По официальным немецким данным, которые, естественно, преуменьшены, из Украины было вывезено 34 745 вагонов различных грузов. Хлеба было вывезено около 11 млн пудов (9132 вагона по 200 центнеров), других продовольственных грузов — 22 148 вагонов, сырья — 3 465 вагонов. Более высокие цифры приводит Чернин. По его данным, из Украины вывезли 42 тысячи вагонов, в том числе 105 тысяч голов рогатого скота и 96 тыс. лошадей. Кроме того, 15 тысяч вагонов было вывезено «контрабандой», т. е. помимо передаточных пунктов.⁵ Вывоз огромного количества лошадей имел важнейшее значение для Западного фронта. По словам Людендорфа без этих лошадей дальнейшее ведение войны было бы совершенно немыслимо.⁶

Не менее ощутимым разорением для Украины были не только эти

¹ Deutsche Geschichts-Ka'ender, begründet von K. Wippermann, 1918. B. 8: S. 2 (1180).

² Там же, 9, I, 480. Скоропадский выехал в Германию 3 сентября 1918 г.

³ «Крах германской оккупации», стр. 66.

⁴ Там же, стр. 84—85 и 90—100.

⁵ Фон Куль и Г. Дельбрюк, стр. 46; см. также О. Андерсон. Внешняя торговля Украины в 1918 г. Киев, 1919.

⁶ Цит. по ф. Куль и Г. Дельбрюк, стр. 46.

грузы, вывезенные на основе соглашения о сельскохозяйственных поставках, но и довольствие армии, расположенной на Украине. На Украине было 400 тыс. одних только солдат, не считая личного состава штабов, различных чиновников и т. п. Всю эту огромную массу людей нужно было кормить. Месячный солдатский паек сахара был установлен в 9 фунтов на человека, что в три раза превышало довоенную среднюю норму душевого потребления сахара в Германии. Мясной паек был установлен в 2 фунта в день, и за 10 месяцев только на питание армии ушло 400 тыс. голов скота в переводе на крупный рогатый скот. Наконец был третий путь расхищения богатств Украины, — это продовольственные посылки, которые отправляли немецкие оккупанты на родину и которые всячески поощрялись германским командованием.

Несмотря на гигантский размах расхищения народного достояния германскими захватчиками, все же им удалось вывезти из Украины гораздо меньше продуктов, чем они предполагали. Украинский народ с оружием в руках защищал свое достояние. В марте германские газеты сообщали о «переоценке» запасов хлеба на Украине и об «осложнениях» при их доставке в Германию и Австро-Венгрию.¹

В германской литературе встречаются указания, что с этой точки зрения оккупация Украины себя не оправдала: продовольственный баланс Четверного союза увеличился благодаря Украине в незначительных размерах. По официальным немецким источникам, количество вывезенного в Германию хлеба составило 1 фунт на душу населения, а всех продуктов вместе с хлебом — около 4 фунтов на душу. Эти соображения отчасти справедливы. Чтобы вывести Германию и Австрию из продовольственного тупика, захваченных на Украине ресурсов оказалось недостаточно. «Германия, — говорил Ленин в июне 1918 г., — хвалилась во время Брестского мира, когда заключала насильственный эксплуататорский, основанный на насилии, на угнетении народов, Брестский мир, германские капиталисты хвалились, что они дадут хлеб и мир рабочим. А теперь понижают хлебный паек в Германии. Продовольственная кампания в богатой Украине оказалась по общему признанию крахом, а в Австрии дело доходило опять до голодных бунтов...»²

С 6 июня военно-продовольственный департамент ввел в Германии уменьшенный хлебный паек, мотивируя это постановление тем, что неизвестно, прибудет ли требуемое количество зерна из Украины до снятия урожая в Германии.³ Германская пресса, несмотря на цензурные запрещения, с глубоким разочарованием писала о ничтожном проценте выполнения плана продовольственных поставок из Украины.⁴ Не разрешив продовольственного кризиса в Германии, оккупация привела Украину к разорению. Уже в мае 1918 г. наблюдался голод. Скоропадский под руководством немецких оккупантов произвел полную реставрацию помещичьего землевладения. Страну терзали еврейские погромы, неслыханный террор против рабочих, кровавые карательные экспедиции против крестьян.

НЕМЕЦКИЕ ЗАХВАТЧИКИ В КРЫМУ

Захватив Украину, немецкие полчища устремились в Крым. Сюда был направлен 52-й корпус под командованием ген. Коша. В состав 52-го корпуса входили 3 пехотных дивизии и 1 бригада конницы.

Навстречу выступили сформировавшиеся в Крыму отряды Красной

¹ «Kölnische Zeitung», № 245, 14/III 1918.

² В. Ленин. Соч., XXIII, стр. 79—80.

³ «The Times», 18/V 1918.

⁴ «Arbeiter-Zeitung» (перепечатка корреспонденции «Berliner Tageblatt» № 165, 20/VI 1918.

Армии. В одном из этих отрядов, укомплектованном матросами-черноморцами, находился И. Д. Папанин. Вооруженные только винтовками, бомбами и пулеметами, немногочисленные красные отряды героически отстаивали родную землю, но силы были слишком неравны, и под натиском вооруженных до зубов германских захватчиков красные части должны были отступить.

Большинство бойцов осталось в Крыму, уйдя в подполье, чтобы вести партизанскую борьбу с ненавистными немецкими захватчиками. Эта борьба не прекращалась ни на один день. Руководили борьбой подпольные организации большевиков.

18 апреля части 52-го германского корпуса заняли Перекоп. Упорное сопротивление отрядов Красной Армии было сломлено, и они начали отход на Симферополь — Севастополь — Феодосию.

Германские войска к этому времени заняли уже почти весь Крым. 22 апреля они вошли в Симферополь и Евпаторию и двинулись к южному побережью Крыма. Приближение германских войск к Севастополю остро поставило вопрос о судьбе Черноморского флота, который оказался под серьезной угрозой захвата его немецкими оккупантами.

Под нажимом революционных масс матросов, командование флотом принуждено было выполнить предписание правительства РСФСР об эвакуации флота в Новороссийск. Германское командование пыталось помешать уходу флота, но неудачно. Оно располагало в Черном море линейным крейсером «Гебен», примерно десятком подводных лодок и турецким крейсером «Гамидие». 30 апреля «Гебен» и «Гамидие» вышли из Дарданелл в море и в ночь на 1 мая заняли позиции перед Севастополем, но Черноморская эскадра в составе 2 дредноутов («Воля» и «Свободная Россия»), 15 эскадренных миноносцев и 1 крейсера вышла из Севастополя в Новороссийск до прихода «Гебена» и «Гамидие».

30 апреля германские войска (колонна Ашауэра) вступили в Севастополь, а части 15-й пехотной дивизии ландвера — в Балаклаву. В тот же день германская кавалерия заняла Феодосию и Керчь.

Весь Крым оказался в руках германских захватчиков:

Черноморский флот 1 мая прибыл в Новороссийск. Лишенный топливной и ремонтной базы, военный флот утратил свою боевую силу. Угроза захвата его белогвардейцами заставила Советское правительство потребовать у моряков потопления судов. Это было исполнено 18—19 июня. В Новороссийской бухте была затоплена часть судов.¹ Другая часть, нарушив директивы Советского правительства, вернулась по настоянию белогвардейских офицеров в Севастополь. В дальнейшем эти суда попали в руки Деникина, а затем Врангеля, который в 1920 г. после своего разгрома вывел их воровским путем за границу.

Захват Крыма являлся весьма важным этапом в осуществлении империалистических планов Германии. Крым был необходим германской военщине прежде всего как плацдарм для установления своего господства над всем Черным морем, которое германские империалисты мечтали превратить во «внутреннее германское озеро». Затем на Крым смотрели как на исходный пункт для продвижения на Кавказ и дальше в направлении на Месопотамию и Индию. Именно так расценивало захват Крыма Германией командование австро-венгерскими войсками на Украине, которое ревниво следило за продвижением германской армии на восток. «Германия, — доносил в Вену командующий австро-венгерской восточной армией ген. Краус, — хочет... навсегда закрепить за собой самый безопасный путь на Месопотамию и Аравию через

¹ Многие из потопленных судов после окончания гражданской войны были подняты со дна моря Эброном.

Баку и Персию... Путь на восток идет через Киев, Екатеринослав и Севастополь, откуда начинается морское сообщение на Батум и Трапезунд. По-моему, германцы для этой цели намерены оставить за собой Крым, как свою колонию или в какой-либо иной форме. Они никогда уже не выпустят из своих рук ценного Крымского полуострова... Эти намерения подтверждаются открытым заявлением ген. Гренера о том, что поскольку Англия ограничивает Германию на Западе, главные интересы Германии направлены через Украину и Крым на Индию».¹

Ген. Кош, командующий 52-м корпусом, фактически был неограниченным военным диктатором Крыма, но формально германское командование не взяло гражданской власти в свои руки. По инструкциям из Берлина, где в силу международных соображений считали неудобным открыто заявлять об аннексии Украины и Крыма, было решено организовать в Крыму, как и на Украине, «правительство» из подставных лиц. Первыми предложили свои услуги эсеры и меньшевики, но в германском штабе с ними не пожелали разговаривать. Ген. Кош предпочел вести переговоры с кадетами, немцами-колонистами и с представителями татарской буржуазии. Кадеты с оглядкой на земство робко выдвинули кое-какие условия, но немецкий генерал, припугнув, что передаст Крым украинцам, не стал дожидаться, пока местные «политические деятели» договорятся между собой и организуют «правительство», и сам назначил главу «правительства» — царского генерала, татарина по национальности, крайнего реакционера и монархиста С. А. Сулькевича, который во время первой мировой войны командовал Крымским мусульманским конным корпусом.²

25 июня «правительство» оповестило население Крыма о своем рождении. В состав «правительства», кроме Сулькевича, входили: князь С. Горчаков, татарский буржуазный националист Д. Сайдамет, граф В. Татищев, крупный помещик, один из лидеров организации немецко-колонистов Крыма — Т. Рапп, крупный помещик Налбандов и др. Среди этих черносотенцев правый октябрист Налбандов слыл за «левого». Всех «министров» объединяла звериная ненависть к пролетарской революции и рабская угодливость перед «спасителями» из германского штаба. Были между ними и разногласия. Налбандов и Татищев были стопроцентными монархистами, политический идеал которых состоял в полном восстановлении дореволюционного царского режима. Сулькевич же и особенно Сайдамет, выражая интересы наиболее крайних татарских буржуазных националистов, мечтали о создании «самостоятельного» крымского «ханства». Сайдамет вел по этому поводу тайные переговоры в Турции и в Берлине, куда ездил в июле 1918 г. В Берлине он подал особую докладную записку от имени «Крымско-татарской национальной директории», где, ссылаясь на «исторические условия и военные способности татарской расы», доказывал желательность восстановления «татарского владычества» в Крыму. Однако в Берлине провозглашение «крымского ханства» считали излишним и предпочли иметь дело с фиктивным «правительством» Сулькевича.

В Крыму германские оккупанты установили невыносимо тяжелый, поистине колониальный режим. Арестовывали за малейшее проявление недовольства. Тюремны заполнились до отказа. Терроризированное население скоро увидело, что означают «образцовые порядки», о которых хвастливо писали в своих приказах немецкие власти: из-за отсутствия топлива стояли трамваи, не было электрического света, почти

¹ «Крах германской оккупации на Украине», стр. 71—72.

² Об обстоятельствах организации крымского краевого «правительства» ген. Сулькевича см. нашу публикацию документов в «Красном архиве», 1927 г., т. XXII, стр. 92 и сл.

замерло железнодорожное сообщение, по вечерам запрещалось выходить на улицу, запрещалось разговаривать по телефону, собираться «толпой» свыше 6 человек. Из Крыма немцы хищнически вывозили продовольствие. Одних только консервов немцы вывезли около 500 тысяч банок. Они захватили и вывезли огромное количество табака, ценных вин, кожевенного сырья. Запасы хлеба из Крыма были вывезены полностью, включая посевной материал. В результате в Крыму уже в июне наступил острый продовольственный кризис. Население буквально умирало с голоду.

ГЕРМАНСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ В ФИНЛЯндиЮ

Гражданскую войну в Финляндии начало буржуазное правительство Свинхувуда в январе 1918 г. 12 января (30 декабря) был издан закон о диктаторских полномочиях. Это явилось открытым вызовом рабочему классу. Правительство бежало из пролетарского района и обосновалось в маленьком городке Вааза на берегу Ботнического залива. 16(3) января Свинхувуд назначил главнокомандующим шюцкоров царского генерала, заклятого врага финского народа, Густава Маннергейма.

19 января начались первые столкновения шюцкоров с отрядами Красной гвардии. Красногвардейцы дают отпор сначала в Выборге, затем в Гельсингфорсе, где выступление началось 27(14) января 1918 г.

28(15) января организовалось коалиционное правительство — Финляндский совет народных уполномоченных, или Финляндский народный комиссариат, — под председательством Куллерво Маннера. В состав правительства входили И. Сирола (иностранные дела), О. В. Куусинен (просвещение) и др.

Государственная самостоятельность революционной Финляндии была санкционирована договором о дружбе и братстве, заключенным 1 марта 1918 г. между Совнаркомом РСФСР и Финляндской социалистической республикой. Правительство Маннера вело крайне нерешительную политику и не следовало указаниям, данным революционной Финляндии Лениным в его письме от 10 октября (27 сентября) 1917 г. областному комитету армии, флота и рабочих Финляндии¹ и Сталиным — в его речи на съезде финляндской социал-демократической партии в ноябре 1917 г.²

«Совет народных уполномоченных Финляндии выдвинул программу и лозунги не пролетарской, социалистической, а буржуазно-демократической революции. Это была одна из его главных политических ошибок... В головах еще довлели старые реформистские мелкобуржуазные иллюзии, что социализм достигается путем формальной демократии... Революционное правительство Финляндии совершенно не понимало, что путь к социализму лежит только через диктатуру пролетариата».³

Эти грубые политические ошибки предрешили исход революции Финляндии. Против контрреволюционеров не принималось твердых и решительных мер. Они получали широкую помощь оружием, деньгами, инструкторами из Германии, отчасти из Швеции. Быстро мобилизовав крупные силы, белогвардейцы начали наступление. Сначала Маннергейм направляет свои удары на север. С захватом Улеборга, а затем Торнео (6 февраля) вся северная и центральная Финляндия оказалась в руках белых. Обеспечив таким образом свой тыл, Маннергейм двинул силы против южной, пролетарской части Финляндии. Линия фронта растянулась от Ботнического залива до Ладожского озера. Главный удар Маннергейм направил теперь против Таммерфорса, бросив сюда

¹ В. Ленин. Соч., XXI, стр. 229—232.

² «Известия», № 260 от 24/XII 1917 г.

³ Тезисы заграничного ЦККПФ «15-я годовщина рабочей революции в Финляндии».

свои лучшие части и тяжелую артиллерию, но встретил стойкое сопротивление красновардейских отрядов. Овладел Таммерфорсом он только в апреле, учинив там дикую расправу над несколькими тысячами красновардейцев, захваченных в плен. Большинство их было расстреляно.

Силы красных, однако, не были еще исчерпаны. Ведя борьбу только с Маннергеймом, финляндские рабочие и крестьяне могли бы добиться победы, но открытая интервенция Германии в тыл расположения красных решила исход борьбы.

Тайные переговоры финляндской буржуазии с представителями Германии начались еще в мае 1917 г. в Стокгольме. Речь шла в первую очередь о доставке оружия и переброске в Финляндию 27-го стрелкового батальона, сформированного в Германии из финнов, уклонившихся от службы в царской армии. На следующем совещании, в июле 1917 г. в Заснице, было установлено, что финляндская буржуазия получит из Германии 75 тыс. винтовок. В конце октября 1917 г. Германия тайно начинает посылать в Финляндию винтовки и пулеметы с патронами. В феврале 1918 г. в Финляндию воровским способом в штатском платье переправляется 27-й стрелковый батальон.

Официальные немецкие источники того времени, умалчивая о захватнических планах кайзеровского правительства по отношению к Финляндии, стараются представить дело так, будто главной целью подготавливавшейся финляндской авантюры являлась борьба с Советской Россией и с пролетарской революцией в Финляндии. 21 февраля германское верховное командование официально заявило, что, оказывая военную поддержку Финляндии, Германия якобы не имеет в виду территориальных приобретений и что ею руководит «одно лишь стремление сломить власть большевиков».¹

Экспансия в Финляндии преследовала еще одну цель: угрожать Швеции и препятствовать включению ее в орбиту влияния Антанты. Эту цель, в частности, преследовал захват Аландских островов — важнейшего стратегического пункта на Балтийском море. Бывший начальник штаба группы армий Рупрехта фон Куль пишет по этому поводу: «Благодаря оккупации Аландских островов, по мнению министерства иностранных дел, наше положение по отношению к Швеции было бы гарантировано от всяких перемен и укрепилось бы настолько, что у наших северных врагов не осталось бы больше никаких надежд».²

22 февраля германское верховное командование отдало приказ о формировании отряда для высадки на Аландских островах и «балтийской дивизии» под командованием ген. фон дер-Гольца для отправки ее в Финляндию. 7 марта германские войска высадились на Аландских островах. 7-го же марта свергнутое революцией правительство Свинхувуда подписало в Берлине мирный и торговый договор с Германией, поставив Финляндию и в политическом и в экономическом отношении в полную зависимость от германского империализма. 3 апреля в Ганге высадились остзейская дивизия фон дер-Гольца численностью 12 тысяч человек в составе трех егерских батальонов, трех кавалерийских полков, пяти самокатных, двух пулеметных и одной саперной роты, одной горной и двух тяжелых батарей. Из Ганге германские войска стали продвигаться к Гельсингфорсу. Чтобы отрезать пути отступления из Гельсингфорса на Выборг, другой германский отряд под командованием ген. Бранденштейна (около 3000 человек) высадился 6 апреля у г. Ловиза. Красное командование отдало распоряжение об отступлении из западной Финляндии к Рахимяки и в ночь на 10 апреля

¹ Фон Куль и Г. Дельбрюк. Указ. соч., стр. 50.

² Там же, стр. 49.

вместе с правительством выехало в Выборг. 11 апреля интервенты подошли к Гельсингфорсу. После упорных двухдневных уличных боев войска фон дер-Гольца захватили столицу Финляндии. И тотчас же началась кровавая расправа немецких интервентов и финских белогвардейцев над мирным населением.

В Гельсингфорсе немецкие интервенты рассчитывали захватить русскую эскадру, выход которой в замерзшее море казался технически неосуществимым. Однако величайшая сознательность и героизм русских моряков спасли эскадру. По распоряжению Советского правительства, весь флот был выведен из гельсингфорсской базы и благополучно достиг Кронштадта.

1-я бригада линейных кораблей — дредноуты «Гангут», «Полтава», «Петропавловск», «Севастополь» и крейсера «Рюрик», «Адмирал Макаров» и «Богатырь» — под проводкою мощных ледоколов «Ермак» и «Волынец» вышла из Гельсингфорса 13 марта и после труднейшего 180-мильного пути через сплошной ледяной покров толщиной до 1 фута пробилась 17 марта в Кронштадт. 2-й отряд в составе линейных кораблей «Андрей Первозванный» и «Республика», крейсеров «Баян» и «Олег», подводных лодок «Тур», «Тигр» и «Рысь» с двумя легкими портовыми ледоколами вышел из Гельсингфорса 5 апреля. На борту «Андрея Первозванного» находилось 10 самолетов, которые были перед тем на транспорте «Альфа» доставлены в Гельсингфорс самоотверженными революционными солдатами ревельского авиационного отряда, решившими передать самолеты Красной Армии Советской России.

Этот переход проходил в еще более трудных условиях, так как приходилось пробиваться черездвигающийся торосистый лед. Вначале роль ледокола приходилось выполнять «Андрею Первозванному», и только на полпути караван был встречен «Ермаком» в сопровождении «Рюрика». Все суда, кроме одной подводной лодки, которой пришлось вернуться в Гельсингфорс, 10 апреля благополучно достигли Кронштадта. Вывод остальных кораблей начался 7 апреля и шел непрерывно до момента падения Гельсингфорса. Последние корабли ушли из Гельсингфорса 11 апреля вместе с посыльным судном «Кречет», на котором находилось командование флотом. С 16 по 18 апреля все суда прибыли в Кронштадт. Своим героическим «ледовым походом» балтийцы вписали одну из наиболее славных страниц в историю Красного Военно-морского флота.

Высадка германских десантов в Финляндии резко ухудшила положение революционных сил. Браг наступал со всех сторон. 19 апреля белофинские части Маннергейма заняли Бьернеборг, Або и железнодорожную линию Або — Таммерфорс. На центральном участке фронта белые оттеснили красногвардейцев к Лахти. Здесь с юга подошел отряд Бранденштейна. От двойного удара — с севера и с юга — Лахти обороняло всего несколько сот красногвардейцев. Защита этого пункта была особенно важна, так как его сохранение позволило бы отойти на восток главным силам Красной гвардии (Западная армия), сосредоточенным в районе Тавастгус.

Занятие частями фон дер-Гольца станции Рахимяки заставило красногвардейцев отойти к станции Лахти, которая 20 апреля была уже занята Бранденштейном. Немецкие интервенты соединились с белофиннами, 26 апреля части фон дер-Гольца заняли Тавастгус. Западные отряды Красной гвардии, отойдя к Лахти, оказались окруженными со всех сторон. Решили силою пробиваться на восток, разбившись на три колонны и двигаясь прямо на Лахти и в обход ее с севера и с юга. Пробриться удалось только южной колонне, численностью до 7000 человек, которая вышла к станции Коуволла и соединилась с революционными войсками,

отходившими из средней Финляндии. Вся остальная Западная армия 2 мая вынуждена была сдаться. Но и вырвавшимся из района Лахти не удалось достичь Выборга. Белофинны 23 апреля заняли станцию Райвола, 24 апреля — Териоки. Железнодорожный путь в Советскую Россию был отрезан. 27 и 28 апреля бои шли под Выборгом, который перешел в руки белогвардейцев. Красные силы, уцелевшие еще в районе Коуволы, частью рассеялись, частью попали в плен. Последние сохранившиеся отряды финской красной гвардии 14 мая перешли на территорию Советской России. Белофинны при помощи германских интервентов победили. Началась полоса неслыханного кровавого террора. Кроме многих тысяч бойцов, погибших на поле битвы, белофинны после подавления революции расстреляли около 16 тыс. человек, в том числе немало женщин, юношей и девушек. В тюрьмы бросили до 90 тыс. человек — около 3% всего населения. В концентрационных лагерях погибло от голода и эпидемий около 15 тыс. человек.

БЕЛОГВАРДЕЙСКОЕ ГНЕЗДО НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ

Вскоре после занятия Финляндии германскими войсками, в июне 1918 г. ген. фон дер-Гольц начал переговоры с русскими белогвардейцами о формировании белогвардейских частей. Переговоры велись с представителями наиболее правых монархических кругов — с бывшим товарищем председателя 3-й и 4-й Государственных дум князем В. М. Волконским, с бывшим председателем царского совета министров А. Ф. Треповым, с великим князем Кириллом Владимировичем Романовым и другими черносотенцами. Обсуждался вопрос о свержении в России Советской власти, о восстановлении монархии и о наступлении германских войск на Петроград.

По свидетельству Гольца, штаб 8-й восточной армии разработал в конце августа 1918 г. план занятия германскими войсками Петрограда, причем в намечавшейся операции активное участие должен был принять германский флот. План 8-й армии получил одобрение верховного командования, но перейти в наступление на Петроград немцы не смогли, так как начались их неудачи на западном фронте.¹ Перед русскими монархистами была поставлена задача в первую очередь организовать шпионские и диверсионные группы в тылу Советской власти, прежде всего в Петрограде. В Петрограде возникла подпольная, по преимуществу офицерская, организация «Великая единая Россия». Ее члены в целях шпионажа стремились в качестве «военных специалистов» проникнуть на командные должности в Красную Армию или в советские учреждения.

Среди многочисленных подпольных контрреволюционных организаций в Петрограде существовала монархическая офицерская гвардейская организация, имевшая своими шефами известного черносотенца Маркова 2-го, в свое время прославившегося скандалами в Государственной думе, и ген. Юденича (главнокомандующий Кавказской армией во время мировой войны). Организация возникла еще в начале 1918 г. и делилась на две группы: одна из них объединяла гвардейских офицеров пехоты, другая — гвардейских офицеров кавалерии. Арест органами ВЧК главарей обеих этих групп заставил руководителей организации перенести центр вербовки офицеров из Петрограда в Псков, занятый немецкими войсками. Здесь, в Пскове, и началось формирование белогвардейской «Северной добровольческой армии».

Германское командование создавало эту «армию» наряду с аналогичными «русскими армиями», появившимися летом 1918 г. в Киеве и в

¹ V. d. Goltz. Meine Sendung in Finnland und Balticum, München, 1921.

Воронежской губернии. Здесь, на северо-западе, эти белогвардейские формирования приняли наиболее широкие размеры.

В августе 1918 г. в Петрограде состоялось совещание прибывшего из Германии специального агента с представителями подпольных русских монархических организаций. Организовал совещание немецкий шпион ротмистр Розенберг, который впоследствии играл одну из руководящих ролей в создании белогвардейских формирований на северо-западе. Совещание выработало проект «соглашения» о формировании «русской добровольческой армии» на северо-западе. Юденич и Марков 2-й немедленно одобрили проект и послали его в Ковно на утверждение командования 8-й немецкой армии. Пока шли эти переговоры, не дожидаясь утверждения «соглашения» о создании армии, ее формирование фактически уже началось. Из Советской России через демаркационную линию переправлялись группы белых офицеров, которые далее следовали в Псков, где при штабе 5-й германской запасной дивизии было создано русское комендантское управление. Здесь приезжающим офицерам выдавали удостоверения на право жительства в городе и ношения офицерской формы; им был открыт доступ в германское офицерское гарнизонное собрание. Вскоре в Псков из Ковно прибыла германская военная комиссия с детальными инструкциями, и 10 октября была установлена окончательная редакция «соглашения» о формировании «Северной армии».

Вот главные пункты этого соглашения:

«1) Русская добровольческая «Северная армия», по соглашению с императорским германским правительством и при посредстве главного военного германского командования на востоке, начинает свое формирование 10 октября 1918 г.

2) Районом формирования указанной армии назначаются оккупированные части Псковской и Витебской губерний, — с городами Псков, Остров, Изборск, Режица и Двинск.

3) Формирование армии будет происходить в названном районе под прикрытием германских оккупационных войск.

4) Армия будет комплектоваться: а) местными русскими офицерами и добровольцами; б) таковыми же из других оккупированных германцами русских областей; в) перебежчиками из Советской России; г) военнопленными, находящимися в Германии.

6) Денежные средства на содержание армии отпускаются германским правительством заимообразно Русскому государству.

7) Вооружение, снаряжение, шанцевый инструмент, обмундирование, продовольствие и технические средства даются германским правительством, причем обмундирование и вооружение по возможности русского образца и в размере, потребном для формирования не менее одного корпуса силою в две пехотных дивизии, согласно германским штатам, с отдельной бригадой кавалерии, соответствующей артиллерией, вспомогательными частями...

8) Армия по окончании формирования приводится к присяге законному царю и Русскому государству...

13) Германские войска... следуют за армией для поддержания внутреннего порядка и престижа власти.

14) После занятия Петербурга объявляется военная диктатура, причём диктатором будет командующий «Северной армией».

15) Задачи армии: ...движение вперед для взятия Петербурга и свержения большевистского правительства, водворение порядка во всей России и поддержка законного русского правительства...»¹

¹ П. Авалов. В борьбе с большевизмом, стр. 70—71. Глюкштадт и Гамбург, 1925. Белозимграфское издание.

Кайзеровское командование отпустило для формирования «Северной армии» 150 миллионов марок, вооружение и обмундирование на 50 тыс. человек, 500 пулеметов, 36 легких и 24 тяжелых орудия и разные технические средства. Главное вербовочное бюро было открыто в Пскове, вспомогательные бюро — в Острове, Режице, Двинске, Дриссе, Валке, Юрьеве, Ревеле, Нарве, Риге, Митаве, Либаве. Здесь вербовка шла совершенно открыто, конспиративно же она производилась и на территории Советской России, причем завербованные переправлялись в Псков. В течение первых 2—3 недель записалось около 2000 добровольцев, главным образом офицеров. Записавшиеся зачислялись в «северо-западный корпус», который должен был явиться ядром будущей «армии». Во главе корпуса стал царский генерал А. Вандам. Фактически под его командованием находилось всего три полка, сведенные в одну дивизию.

Это белогвардейское ядро вскоре увеличилось присоединением к нему изменников во главе с Нелидовым и Булак-Балаховичем.

Капитан 2-го ранга Нелидов во время мировой войны служил в русском Балтийском флоте. Сделавшись немецким шпионом, он связался с Троцким, получил от него назначение начальника Чудской озерной флотилии и прибыл летом 1918 г. в Гдов, имея задание или разоружить флотилию или передать ее немцам. Чрезвычайный комиссар Лужско-Гдовского района тов. Я. Ф. Фабрицус получил некоторые сведения об изменнических связях Нелидова, арестовал его и вместе с изобличающими материалами отправил в Москву. Там Троцкий распорядился назначить Нелидова на ту же должность и снова послал его в Гдов с личным рекомендательным письмом к тов. Фабрицусу, категорически запрещая арестовывать Нелидова без его, Троцкого, разрешения. Нелидов продолжал свою тайную изменническую работу и связался с С. Булак-Балаховичем, бывшим ротмистром, пробравшимся в Красную Армию в качестве организатора Лужского партизанского конного полка.

Как и Нелидов, Булак-Балахович имел полномочия непосредственно от Троцкого. Эти полномочия освобождали его от контроля военного комиссара, который не был назначен в его полк. Булак-Балахович формировал свой полк, умышленно не допуская в него коммунистов, но зато охотно принимал уголовников. Первая задача Булак-Балаховича состояла в том, чтобы дискредитировать в прифронтовой полосе Советскую власть и Красную Армию. Его «партизаны» действительно сумели возмутить своим поведением население, и в районе поднялось несколько контрреволюционных мятежей. Но деятельность Булак-Балаховича этим не ограничилась. Он связался с немецким командованием в Пскове и готовился к переходу со своим полком на сторону противника. Для этого-то он и вступил в переговоры с Нелидовым.

Изменники решили действовать вскоре после того, как началось формирование белого северо-западного корпуса. 26 октября на сторону немцев в Псков перешел один эскадрон Лужского полка, через день Нелидов с подобранными им людьми обманным путем ушел из Гдова в Псков, уведя несколько судов Чудской флотилии, а еще через несколько дней в Псков же перебежал и Булак-Балахович с остальными двумя эскадронами своего полка. Теперь численность северо-западного корпуса несколько возросла, и белогвардейцы стали подумывать об открытии военных действий против Советской России, но дело не пошло дальше нескольких мелких налетов на пограничные пункты: революция в Германии и крах германской оккупации смешали все карты белых.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА ПРОТИВ ОККУПАНТОВ

Еще в самом начале германской оккупации товарищ Сталин писал: «Против иноземного ига, идущего с Запада, Советская Украина подымает освободительную отечественную войну, — такой смысл событий, разыгрывающихся на Украине.

Это значит — каждый пуд хлеба и каждый кусок металла придется брать германцам с бою, в результате отчаянной схватки с украинским народом.

Это значит — Украина должна быть форменным образом завоевана для того, чтобы получить немцам хлеб и посадить на трон Петлюру — Винниченко.

«Короткий удар», которым немцы рассчитывали убить сразу двух зайцев (и хлеб получить, и Советскую Украину сломить), имеет все шансы превратиться в затяжную войну иноземных поработителей с двадцатимиллионным народом Украины, у которого хотят отнять хлеб и свободу.

Нужно ли прибавлять, что украинские рабочие и крестьяне не пожалеют своих сил для героической борьбы с «цивилизованными» насильниками.

Нужно ли еще доказывать, что отечественная война, начатая на Украине, имеет все шансы рассчитывать на всемерную поддержку со стороны «всей Советской России?»¹

Слова товарища Сталина оказались пророческими. Оккупантам не снилось, что их ждет столь упорное сопротивление. Вместо своего рода «увеселительной прогулки» в изобильную страну, они ввязались в новую тяжелую войну со всем украинским народом. Даже германская буржуазная печать вынуждена была признать, что сопротивление советских войск и «безусловно недружелюбный прием со стороны населения Украины» явились главной преградой для германских войск на Украине.²

Борьба с каждым днем становилась упорней и ожесточенней. Крестьянские восстания, возглавляемые рабочими и руководимые подпольными организациями большевиков, перерастали в подлинную отечественную войну. Весь народ поднимался на защиту своей родины от ненавистных германских захватчиков.

7 марта 1918 г. ЦИК Украины выпустил воззвание с призывом к объединению Советских республик Украинской, Донецко-Криворожской, Донской, Крымской и Одесской для совместной вооруженной защиты от немецкого нашествия. Воззвание звало всех трудящихся дать отпор войскам Вильгельма II.

Еще до этого, в последних числах февраля началось партизанское движение в тылу у оккупантов, занявших Минск. В середине марта в Гомеле организовалось подпольное партийное бюро и подпольный ревком для создания боевых групп в деревне и для дезорганизации тыла германских войск, оккупировавших Белоруссию.

В первых числах мая крестьяне Купянского уезда разрушили около 20 помещичьих экономий. 18 мая в Лубнах Полтавской губернии население оказало германским войскам вооруженное сопротивление. Выступление было подавлено артиллерийским огнем. 20 мая германские войска прибыли для подавления восстания в г. Золотоношу Полтавской губ.

23 мая командование австро-венгерскими войсками для охраны помещичьих имений Херсонской губернии издало приказ: «1) людей, производящих траву, которых не убили на месте, забирать в военный плен; 2) скот, застигнутый на посевах, становится добычей австрийцев;

¹ И. Сталин. Статьи и речи об Украине, стр. 40—41.

² «Kölnische Zeitung», № 349, 16/IV 1918.

3) если виновники потравы неизвестны, — на ближайшие села накладывается штраф в размере 600 пудов хлеба за каждую поврежденную десятину. Штрафное зерно принадлежит австрийцам».

В 20-х числах мая большой отряд крестьян и демобилизованных солдат, вооруженных ружьями, гранатами и даже пулеметами, появился в Чигиринском уезде Киевской губернии. Повстанцы засели в пещерах Мотронинского монастыря. 30 мая в связи с реквизициями хлеба происходили волнения в поселке Милорадовка Екатеринославской губернии.

В большинстве случаев выступлениями крестьян руководили подпольные организации большевиков. Большевистские организации Киева, Харькова, Одессы, Луганска, Николаева, Екатеринослава и других пролетарских центров Украины посылали в деревню стойких испытанных партийцев на помощь восставшим крестьянам.

Нежинская организация в конце мая постановила для подготовки вооруженного восстания создать в селах подпольные ревкомы. Вскоре ревкомы организовались в селениях Плоское, Колесники и в нескольких селах Мринской волости. Создавались ревкомы, или, как они тогда назывались, повстанческие комитеты, и в других районах. Часто восстания начинались стихийно, и уже в процессе борьбы создавались повстанческие комитеты. В первых числах июня германские карательные отряды были посланы в Воробовки, Скоротень и ряд других селений Звенигородского уезда.

16 июня ожесточенный бой происходил между германскими войсками и восставшими крестьянами из села Будаевка Васильковского уезда Киевской губернии. 23 июня крестьяне уничтожили германский отряд, пришедший в местечко Петропавловка Павлоградского уезда Екатеринославской губернии. В июне же началось крупнейшее восстание в Звенигородском и Таращанском уездах Киевской губернии.

Восстание началось 3 июня в дер. Лисянки Звенигородского уезда. Крестьяне с оружием в руках встретили присланный в деревню немецкий карательный отряд. Первые бои продолжались несколько дней подряд. К лисянским крестьянам присоединились крестьяне соседних деревень, и скоро весь уезд был объят пламенем восстания. Поднялась целая крестьянская армия — около 15 тыс. вооруженных чем попало людей из 20 деревень. С огромным воодушевлением наступали повстанцы против немецких и гайдамацких отрядов, тесня их к уездному центру — к Звенигородке. 8 июня повстанцы заняли Звенигородку. Немецкий гарнизон сложил оружие, кое-кто из солдат перешел на сторону повстанцев. Было арестовано несколько немецких офицеров и все местные представители гетманской власти. 5 дней Звенигородка находилась в руках повстанцев, но 13 июня переброшенные сюда крупные германские силы, включая артиллерию, заставили их отступить к Лисянкам.

Между тем восстание из Звенигородского уезда успело перекинуться в Таращанский. И здесь поднялись многие тысячи крестьян. 12 июля повстанцы захватили Таращу, перебили немецкую стражу, освободили политических заключенных и держались в городе в продолжение нескольких дней.

Восстание в Звенигородском и Таращанском уездах продолжалось в течение многих недель. Особенно большие бои происходили в конце июня. Красные повстанцы выдерживали натиск нескольких немецких пехотных и кавалерийских полков и нескольких полков гайдамаков. Их обстреливали сильным артиллерийским огнем, бомбами с самолетов, но они мужественно держались и то и дело переходили в контрнаступление.

Восстание разрасталось. В конце июня и в начале июля оно перекинулось во многие уезды: в Киевский, Уманский, Васильковский, Каневский, Чигиринский и другие.

Серьезные бои шли между повстанцами и немецкими войсками в начале июля недалеко от Киева.

В 20-х числах июля бои происходили у городка Корсунь. К этому времени оккупанты сосредоточили против красных партизан Киевской губернии около 15—20 тысяч регулярных войск, имевших несравненное техническое превосходство. Продолжение борьбы в открытых боях грозило партизанам неминуемым поражением. Большевики, входившие в состав повстанческих комитетов, направили партизан на иные формы борьбы: участились внезапные нападения на небольшие отряды оккупантов и гайдамаков, случаи разрушения телеграфных проводов, железнодорожных путей и пр. Такие налеты совершали мелкие партизанские отряды, скрывавшиеся в лесах, перебрасывавшиеся с места на место. Что же касается основной массы партизан, то они в конце июля и начале августа начали переправляться через Днепр и отходить из Киевской губернии в Полтавскую и Харьковскую, чтобы следовать далее в пределы «нейтральной зоны». Там предстояло переформироваться, довооружиться и собраться с силами для продолжения борьбы.

Со дня на день партизанское движение ширилось, разливаясь по всей территории, захваченной немецкими оккупантами. В степях Украины, в лесах Белоруссии, в Крымских горах вспыхивали новые и новые очаги партизанского движения. Почва горела под ногами немецких захватчиков. Многотысячная армия оказывалась бессильной в борьбе против народа, поднявшегося на великую отечественную войну.

5—6 августа южная группа нежинских повстанцев захватила г. Нежин. В августе же повстанцы захватили города: Новгород-Северск, Ямполь, Стародуб, Крупец. Во всех этих городах повстанцы держались день-два, иногда несколько дней; уходили только под нажимом крупных немецких сил.

В ночь на 17 августа гомельский подпольный революционный штаб готовил вооруженное восстание в Гомельском и Речицком уездах. Общим сигналом явился взрыв поезда между станциями Зябровка и Тереховка. Первым выступил Горвальский боевой отряд. Он разгромил германский гарнизон, захватил оружие и кассу, двинулся было дальше, но другие районы не выступили, и это сорвало восстание.

В сентябре крестьяне уничтожили немецкий карательный отряд в селе Межеричи Павлоградского уезда Екатеринославской губернии. 16 октября красные партизаны вторично захватили г. Нежин.

В конце октября — начале ноября революционным восстанием были охвачены почти вся Черниговская и Полтавская губернии. 2 ноября повстанцы обстреливали Стародуб Черниговской губ.

16 ноября большой революционный партизанский отряд захватил г. Павлоград и взял в плен немецкий гарнизон. Выступление было хорошо подготовлено. Руководил им революционный штаб в селе Лихачеве. Повстанцы с успехом отражали многократные нападения немецко-петлюровских войск и держались в городе и прилегающем районе до соединения с регулярными частями Красной Армии в первых числах января 1919 г.

Упорная борьба шла в городах. Рабочие бастовали, несмотря ни на какие репрессии. 25 мая забастовало 2000 рабочих всех махорочных фабрик Кременчуга. 30 мая остановились все кожевенные заводы Одессы. Там же бастовали хлебопеки. В июне бастовали печатники Луганска и Белгорода, табачники Екатеринослава, рабочие многих киевских заводов.

В июле бастовали мукомолы в Прилуках. 11 июля начались затяжные забастовки на рудниках Ауэрбаха в Бахмутском уезде. Забастовщики вывели из шахт на поверхность лошадей и насосы.

Гетманское правительство опубликовало 16 июля постановление о том, что на Украине восстанавливается действие царского закона против

забастовок, изданного 2 декабря, 1903 г., но это не задержало роста забастовочного движения. В начале августа забастовки горнорабочих охватили рудники франко-русского общества и Екатерининского в районах станций Ханжонково и Кирпичная. Забастовали рабочие голландских соляных копей и Петровских копей Бахмутского уезда. В первых числах ноября крупные стачки происходили в Харькове, забастовали рабочие паровозного завода, печатники и коммунальщики (в том числе рабочие электрической станции).

Особенно широко развернулось забастовочное движение на железных дорогах. Первые стачки начались в мае. Тогда же германский штаб разработал план борьбы с железнодорожниками.

В приказе штаба говорилось:

«1. Все железные дороги... впредь до изменения переходят в ведение германского командования. Все украинские железнодорожные служащие подчиняются германским военным законам и подлежат ответственности перед германским полевым судом.

2. Все железнодорожные служащие и рабочие мастерских должны немедленно вновь приступить к работе. Невыполнение этого приказа является неподчинением военным законам и рассматривается как угроза действующей армии.

4. Виновные в разрушении железнодорожных путей и оборудования или в попытках такого разрушения караются смертной казнью.

Виновные в нарушении работы железных дорог другими средствами или пассивным отношением к таким нарушениям также подвергаются самому суровому наказанию.

5. Всякая попытка удержать небастующих от работы и понудить их к забастовке, всякие оскорбления работающих действиями или словами повлекут за собою строгое наказание.

Над жоками забастовок и теми, кто письменно или устно будет продолжать агитацию за забастовку, распространять листовки и т. д., будет произведена беспощадная расправа.

6. Собрания без разрешения германской администрации будут разгоняться вооруженной силой. Демонстрации запрещаются.

7. Зарплату и продовольствие получают лишь те железнодорожники, служащие и рабочие мастерских, которые немедленно возобновят работу».¹

Но несмотря на драконовские приказы, забастовочное движение ширилось, охватывая одну за другой железные дороги Украины. 14 июля забастовали рабочие Коростеньского, Сарненского и Здолбуновского узлов Юго-западных железных дорог. Это послужило началом всеобщей железнодорожной забастовки. 15 июля началась забастовка Харьковского узла и по всей сети Южной дороги. 16 июля полностью забастовал Киевский железнодорожный узел. 18 июля забастовала Екатерининская дорога. Киевский районный стачечный комитет стал во главе всех бастующих железных дорог.

Стачка ширилась. Из солидарности с железнодорожниками Украины забастовали железнодорожники Бессарабии. 27 июля прекратили работу рабочие всех служб Полесских железных дорог. Всего в забастовке участвовало свыше 200 тыс. железнодорожников.

Меньшевики пытались втиснуть стачку в экономические рамки. С целью парализовать движение, они вошли в стачечные комитеты и в своих воззваниях призывали бастующих железнодорожников не выдвигать политических требований. Но железнодорожники прислушались к голосу подпольных большевистских организаций, которые разъясняли

¹ «Крах германской оккупации», стр. 70.

рабочим, что одни экономические требования не могут достигнуть цели.

В одной из многочисленных большевистских прокламаций говорилось: «стачка железнодорожников, не согласованная с движением всего пролетариата Украины, не связанная с восстанием крестьянства, не может быть решающей, не может дать победы. Если даже власти уступят сегодня копейку, то завтра наверстают сторицей, и пустяковые уступки будут отобраны. Борьба должна быть усилена. Военная контрреволюционная диктатура должна быть разрушена. А для того, чтобы сломить власть империализма, необходимо наряду со стачкой применять и вооруженное восстание».¹

Украинские железнодорожники встретили горячую поддержку трудящихся Советской России. Всероссийский совет железнодорожных профессиональных союзов писал железнодорожникам Украины: «С затаенным дыханием следим мы за вашей борьбой. Пусть Лизогубы и Скоропадские вытаскивают из архивов заплесневелые царские законы — помните, товарищи, что весь российский пролетариат душой и телом с вами».²

По призыву профессиональных организаций рабочие повсеместно делали взносы в фонд помощи бастующим. Эта материальная помощь и моральная поддержка увеличивали стойкость украинских железнодорожников.

Немецкие оккупационные власти усиливали репрессии. Командующий австро-венгерскими войсками издал 1 августа приказ, грозивший смертной казнью через повешение агитаторам, призывающим к продолжению забастовки. Бастующих железнодорожников арестовывали тысячами, военно-полевые суды выносили смертные приговоры, сотни арестованных отправлялись в концентрационные лагеря.

Несмотря на все старания меньшевиков сорвать стачку, несмотря на кровавые репрессии германских и австрийских войск, рабочие держались с поразительной стойкостью и продолжали бастовать до 12—13 августа.

Эта стачка, длившаяся целый месяц, оказала огромное революционизирующее влияние не только на рабочих Украины, но и на войска оккупантов. Все чаще становились случаи неповиновения в германских и особенно в австрийских войсках. Среди солдат стали возникать тайные революционные организации. Армия оккупантов революционизировалась и разлагалась...

Отечественная война, которая развернулась на Украине, в Белоруссии, в Крыму, дорого обошлась германскому империализму. Ни одна из целей немецких захватчиков не была достигнута. Правда, Советская власть была свергнута на всей оккупированной территории, где немцы организовали послушные марионеточные «правительства» Скоропадского, Скирмунта, Сулькевича, но все эти «правительства» существовали, только цепляясь за германские штыки, а революционное повстанчество, которое не удавалось подавить даже силами огромных армий, говорило о непоколебимой воле народа бороться до полного освобождения родной земли от полчищ иноземных поработителей.

Оккупированные территории подверглись неслыханному грабежу, но, несмотря на затрату колоссальных военных сил, из захваченных территорий удалось вывезти гораздо меньше продуктов, чем предполагалось.

Была и еще одна цель у германской военщины, когда они бросали в Белоруссию и на Украину десятки дивизий. Предполагалось «коротким ударом» захватить эти страны и затем освободившиеся войска перебросить на западный фронт мировой войны. Но вместо «короткого удара» Германия фактически ввязалась в новую длительную и трудную

¹ Текст этой большевистской прокламации был опубликован в «Известиях ВЦИК», № 168 (432), от 8 августа 1918 г.

² «Известия ВЦИК», № 155 (419), 24 июля 1918 г.

войну — в войну со всем народом, который не хотел отдавать захватчикам свое достоинство, свою землю, свою свободу. Командующие германскими войсками, оперировавшими на Украине, вместо того, чтобы отправлять войска на запад, забрасывали ставку верховного командования донесениями о необходимости держать на Украине колоссальное количество войск, без чего получение хлеба было бы совершенно невозможно.

Вторжение десятков германских дивизий в пределы советской страны губительно отразилось на результатах решающих операций, предпринятых Германией весной 1918 г. на западном фронте. В значительной степени благодаря этой антисоветской аванюре, ряд крупных частичных успехов, достигнутых Германией последовательно на разных участках западного фронта, в конечном счете оказался безрезультатным: в критический момент германское командование не могло пустить в ход резервов, значительная часть которых завязла на Украине.

А когда летом и особенно осенью 1918 г. Германия начала перебрасывать свои войска из оккупированной, но далеко не покоренной Украины на западный фронт, то обнаружилось, что эти войска успели потерять свою боеспособность. По свидетельству ген. Гофмана, в то время начальника штаба главнокомандующего восточным фронтом, «советская пропаганда несомненно оказывала свое действие... элементы разложения были перенесены на западный фронт, где они нашли слишком хорошую почву среди солдатских масс, утомленных длительной и напряженной борьбой». ¹ Для германского империализма это явилось наиболее роковым результатом всей кампании, предпринятой против украинского народа. Эта кампания была проиграна, она разложила германскую армию, она ускорила падение кайзеровского режима в Германии, ускорила ее разгром в первой мировой империалистической войне.

С поражением Германии «...Советская власть получала возможность аннулировать грабительский брестский мир, прекратить платежи по контрибуции и повести открытую борьбу, военную и политическую, за освобождение Эстонии, Латвии, Белоруссии, Литвы, Украины, Закарпатского края от гнета германского империализма». ²

Германские империалисты спешили теперь убрать свои войска из Украины. Еще в октябре на Украине стояло 20 германских дивизий. В первых числах ноября в конце разложившиеся австрийские войска были вывезены из Херсонской губернии. Командование оккупационными войсками с ужасом смотрело на полный развал в армии, на учащающиеся солдатские бунты. Австрийский генерал-фельдмаршал фон Бельц — губернатор Одессы — 18 ноября застрелился. Эвакуировались и германские войска. Из восточных районов оккупации их оттягивали на запад. В середине ноября оккупанты очистили Таганрогский округ, в 20-х числах ноября Донскую область, затем — Донецкий бассейн.

В октябре — ноябре 1918 г. вся Украина пылала в огне гражданской войны. Разложение германских оккупационных войск усиливалось с каждым днем. Широко разрасталась отечественная война против кровавого колониального режима германо-австрийских оккупантов; против помещиков, против ненавистного гетмана Скоропадского. Несмотря на свирепый белый террор, несмотря на постоянные предательства меньшевистских «вождей» профсоюзов, ширилось стачечное движение. Повсюду возникали повстанческие комитеты. Они руководили крестьянскими восстаниями, снабжали повстанцев оружием.

Наиболее крупные украинские повстанческие силы формировались вблизи «нейтральной зоны». В районе станций Унеча и Зерново действо-

¹ Max Hoffmann. Die Aufzeichnungen. Berlin, 1919, Bd. I, S. 227.

² Краткий курс истории ВКП(б), стр. 221.

вала 1-я украинская повстанческая дивизия и в районе Курска — 2-я дивизия. Ядро первой дивизии составлял Богунский полк. Командовал им легендарный герой украинского народа Николай Александрович Щорс. Сплошное «прочесывание» германскими оккупационными войсками пограничной полосы заставило его весной 1918 г. вывести своих партизан через нейтральную зону в пограничный район на советскую территорию. Здесь Щорс распустил свой отряд и предложил бойцам поодиночке вернуться на Украину и организовывать народные повстанческие отряды. После этого Щорс отправился в Москву, беседовал с Лениным, рассказал ему о положении на Украине, о слабых и сильных сторонах украинских партизан, об их твердой решимости до конца бороться с иностранными захватчиками. Щорс получил от Ленина указания для дальнейшей работы и в августе снова вернулся в пограничную полосу. Здесь тов. Щорс приступил к формированию партизанского полка. Поодиночке, группами, целыми отрядами пробирались из ближних и дальних украинских деревень и городов повстанцы, уже прошедшие школу многих месяцев борьбы с оккупантами.

22 сентября 1918 г. был подписан приказ об организации «Украинского революционного, имени Богуна полка». Спустя месяц Богунский полк имел уже 3 батальона по 300—400 бойцов в каждом, трехрудийную батарею, эскадрон кавалерии и пулеметную команду.

Недалеко от Богунского полка формировались другие партизанские полки: Таращанский полк под командой киевского столяра, старого арсенальца В. Н. Боженко, боевого товарища и друга Щорса; Новгород-Северский — под командой крестьянина-бедняка Черняка. Крупные партизанские силы собирались и в тылу у белых — на Черниговщине, в Екатеринославской, Киевской, Полтавской губерниях. Сильные красные отряды накапливались и в Курском районе, где, как уже сказано, формировалась 2-я украинская повстанческая дивизия.

Германские войска и особенно войска австро-венгерские за несколько месяцев оккупации успели попасть под сильнейшее влияние той атмосферы, которую создавала на Украине ни на один день не затухающая народная отечественная война. Когда в Германии была свергнута власть Вильгельма Кровавого, радостная весть об этом с молниеносной быстротой облетела всю Украину. У солдат немецкой оккупационной армии, измученных изнурительной войной, открылись глаза. Началось братание солдат с народом, с партизанскими отрядами. В одесском, николаевском и в ряде других гарнизонов солдаты обезоружили и арестовали многих офицеров. В Подольской губернии были случаи расстрела германских и австрийских офицеров.

Особенно широкие размеры приняло братание в пограничной полосе, в районе расположения богунцев. Со стоявшими недалеко солдатами 106-го и 19-го немецких полков у богунцев установились дружественные отношения.

Пробил час решительного выступления. Советская Россия шла на помощь братскому народу Украины.

11 ноября Совет Народных Комиссаров постановил дать Реввоенсовету Республики директиву в десятидневный срок начать наступление для поддержки украинских рабочих и крестьян, восставших против немецких оккупантов. 11 же ноября товарищ Сталин провел совещание с украинскими коммунистами. 17 ноября, по инициативе Ленина и Сталина, был организован Реввоенсовет Украинской Красной Армии, который первоначально назывался Реввоенсоветом курского направления. Председателем Реввоенсовета был назначен товарищ Сталин. Отозванный позже партией на другую работу, товарищ Сталин продолжал помогать украинским рабочим и крестьянам в их борьбе с не-

мецкими оккупантами и белогвардейцами. Он давал указания украинским работникам, посылал им оружие, людей. По указанию товарища Сталина, на Украину в конце ноября было направлено 20 коммунистов, испытанных участников многомесячной героической обороны Царицына.

20 ноября было объявлено о возобновлении деятельности Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, которое впервые сконструировалось за год до этого. В состав Советского правительства Украины вошли К. Е. Ворошилов, Ф. А. Артем (Сергеев) и др.

В ближайшие же вслед за этим дни наступавшие на Украину красные части добились серьезных успехов. 25 ноября Красная Армия заняла Стародуб, затем были заняты Рыльск, Суджа. В Суджу из Курска перебралось советское правительство Украины. 28 ноября были заняты Клинцы.

29 ноября советское правительство Украины издало в г. Судже исторический манифест о низложении гетманской власти. Манифест гласил:

«1) Гетман и его совет министров считаются свергнутыми и пребывающими вне закона.

2) Все ставленники гетмана и гетманского командования, все представители нынешней местной власти подлежат немедленному аресту с заменой их представителями рабочих и крестьян, верными сторонниками советской власти.

3) Все законы и приказы, договоры, постановления и распоряжения как гетмана и его агентов, так и Центральной рады и ее агентов считаются незаконными и не подлежат исполнению».¹

О положении, сложившемся в этот момент на Украине, товарищ Сталин тогда писал:

«...разгром австро-германского империализма и победа германской революции изменили положение Украины в корне. Открылся путь освобождения трудовой Украины от ига империализма. Разорению и порабощению Украины приходит конец. Разгорающийся на Украине революционный пожар сметет последние остатки империализма с их «национальными» привычками. Возникшее на волнах революции «Временное рабоче-крестьянское правительство Украины» будет налаживать новую жизнь на началах господства рабочих и крестьян Украины. «Манифест» украинского советского правительства, возвращающий крестьянам помещичьи земли, рабочим — фабрики и заводы, всем трудящимся и эксплуатируемым — полную свободу, — этот исторический «манифест» пронесется громом на страх врагам Украины, прозвучит благодатным колокольным звоном на радость и утешение угнетенным сынам Украины».²

Эти замечательные сталинские слова взяты из его статьи, которая была опубликована в газете «Жизнь Национальностей» 1 декабря 1918 г.

Статья подводила итоги тому, что уже свершилось: в это время уже происходило массовое беспорядочное бегство германских войск из всех захваченных ими территорий.

Великая отечественная война 1918 года закончилась полной победой над германским империализмом.

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины, № 1, 1918 г. См. также газ. «Жизнь национальностей», № 4 от 1 декабря 1918 г.

² И. Сталин. Статьи и речи об Украине, стр. 68.

Л. С. ТИВЕРИАДСКИЙ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУСИ В СВЯЗИ С ЭТНОГЕНЕЗОМ СЛАВЯН

I

Еще в начале 40-х годов XIX в. известный тогда славянист-историк Ю. Венелин писал: «и доселе не знают, с какой Руси начинать русскую историю». Едва ли не остаются справедливыми эти слова и для всего последующего времени. Когда-то М. П. Погодин хотел всех убедить, что «имя Русь с своим происхождением есть вопрос только любопытный, а не основной». Но выяснение происхождения имени народа есть не только выяснение его лингвистической природы, но вместе с тем и того, как и почему народ стал его носителем, а это далеко не может быть только любопытно.

Характерной особенностью всего историографического движения рассматриваемой проблемы является то, что имя «Русь» изучалось вне прямой связи с историей происхождения русского народа: его ставили в связь лишь с моментом образования русского государства, как такового. Организующую силу только что возникшего государства видели в варяжско-норманнском начале, с появлением которого в славянской среде было усвоено этой последней и имя «Русь». Таким образом, оно считалось привнесенным извне, со стороны, какое бы происхождение ни придавалось самим варягам. Иными словами, упомянутую характерную особенность можно выразить как оторванность имени Русь от самого народа, усвоившего это имя лишь с началом своего государственного оформления от норманов.

Исходным пунктом такой точки зрения является летописное предание об основании русского государства призванными «из-за моря» варягами — Русью. Как бы ни относиться к летописному преданию, мы имеем налицо несомненный исторический факт: наличие варягов в славянской среде и их участие в формировании русского государства. Поэтому основной вопрос заключается в том, норманно-варяжского или исконно славянского происхождения имя Русь? — Экзогенно оно или эндогенно? С этой целью необходимо прежде всего установить, что такое именно «Русь», а затем, в зависимости от этого, выяснять ее происхождение.

Продолжительное и все еще длящееся разногласие мнений имеет своим источником прежде всего противоречивость самых летописных данных. В них прослеживаются два источника имени Русь: северный, или варяжский, и южный — местный, исконный. Это чувствуется, например, в постоянном противопоставлении Киевской Руси новгородским

¹ Вопрос о происхождении Руси — трудный и сложный, занимавший не одно поколение ученых. Предлагаемая вниманию читателей статья Л. С. Тивериадского не разрешает вопроса, и многие положения ее спорны. Тем не менее статья эта интересна тем, что проблему о происхождении Руси она ставит в новую плоскость — *FeJ*.

словенам. Если варяги были Русью и появились впервые в Новгороде, то, казалось бы, что именно Новгородская область должна была прежде всего перенять новое имя и назваться Русью. Однако во всем изложении летописи Киевская область преимущественно называется Русью. Все это, по мнению некоторых исследователей, указывает на то, что, несмотря на неоднократное подчеркивание составителем летописи тождества варягов и Руси, у него всюду, как подпочвенная вода, просачивается южное происхождение Руси.¹

Ни одно из норманистских доказательств в пользу экзогенности имени Русь, несмотря на энергичную защиту норманистами своих позиций, не осталось непоколебленным. Возникает целый ряд недоуменных вопросов: почему летописец различает шведов и Русь как два особых племени? Если термин «Русь» произошел от финского слова ruotsi, то почему славяно-шведское государство приняло не собственное имя шведов, а имя, которым их называли финны? Если восточные славяне до призвания называли шведов Русью, почему не зовут более шведов этим именем после призвания? Если Русь призывали вместе с славянскими и финские племена (чудь, весь), которые постоянно выступают вместе с ними, то почему имя Русь, принесенное варягами, взявшими в свое княжение и славян и финнов, закрепилось только за славянами, а не и за финнами? И т. д.²

Летописец утверждает, что Русь — это одно из норманнских племен, живущее на берегах Варяжского моря. Но ни один из скандинавских или других каких-либо иностранных источников не знает такого племени. Вместе с тем византийские и арабские источники указывают на южную природу Руси.³ Еще до основания русского государства варягами на Черноморско-Азовском побережье существовала некая Русь, ничего общего не имевшая с варягами. Все попытки норманистов так или иначе связать с ними эту Русь оказались несостоятельными. Самое Черное море называлось Русским. Арабские источники говорят об «острове Руссов». Некоторые историки (Шахматов, Платонов и др.) ищут этот остров на севере. Чаще всего его сопоставляют с Таманским полуостровом; однако, по некоторым данным, его можно приурочить к северной части Крымского полуострова.⁴

В настоящее время уже считается общепризнанным, что в истории русской жизни норманны вовсе не играли той значительной роли, какую им нередко приписывали норманисты. Если бы норманны действительно имели большое значение, то мы должны были бы встретить в различных областях русской государственной и народной жизни многочисленные следы их влияния. Но именно этого влияния мы как раз и не наблюдаем. Для такого влияния необходимо было бы, чтобы норманны входили в славянскую среду в большом количестве. Норманистами был поднят вопрос о норманнских колониях в славяно-финских землях.⁵ Однако ни археологические ни другие данные не подтвержда-

¹ См., например, И. Бодянский. Омнения касательно происхождения Руси — «Сын Отечества» и «Северный архив», II, 1835.

² См. обзор тебрий — В. Мошин. Варяго-русский вопрос — *Slavia*, X, вып. 1—3, 1931. Сводку основных возражений дает С. Юшков. К вопросу о происхождении русского государства — «Уч. зап. моск. юрид. ин-та», II, 1940.

³ С. Юшков. Указ. соч., стр. 49 и сл.

⁴ А. Насонов. Тмуторокань в истории Восточной Европы X века — «Исторические Записки», VI, стр. 81.

⁵ На существовании таких колоний особенно настаивает Т. J. Arne. *La Suède et l'Orient*, Upsala, 1914, см., например, стр. 17, 61—62, 225—229 и др. К Арне примыкают: А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, Пгр., 1919; Ю. Готье. Железный век в Восточной Европе, М.—Л., 1930, стр. 255; П. Смирнов. Волзский шлях і стародавні руси,—УАН, Зб. іст.-філ. від., № 75, К., 1928 и др.

ют существования у нас норманнских колоний.¹ Вообще, проникшие в славянскую среду норманны оказались весьма неустойчивыми: это были военно-купеческие дружины, в которых совершенно отсутствовали женщины, благодаря чему норманны, заключавшие браки с славянскими женщинами, не могли сохранить своей народности. Они ассимилировались, ославянились в новой среде. Не они оказали влияние на эту среду, а последняя — на них.²

Все это приводит к тому несомненному заключению, что, говоря словами акад. Б. Д. Грекова, «варяги в истории Киевского государства играли далеко не главную роль. Они безусловно подчинились производственным отношениям местного общества, растворились в нем. Варяги — лишь эпизод в истории общества, создавшего Киевское государство».³

Все это создает отрицательную предпосылку для норманистского разрешения вопроса о происхождении Руси.

Но, как всегда бывает, существование противоположных теорий вызывает появление теорий компромиссных. Так, существование «северных» и «южных» теорий происхождения Руси вызвало соответствующую примирительную теорию В. Брима. Брим исходит из факта двойственной вокализации «Рус — Рос», которую и объясняет двойственным происхождением. Термин «Рус» — северного происхождения, отложившийся в целом ряде географических названий на севере: этот корень Брим считает несомненно норманнским. Термин «Рос» — южного происхождения: это библейский «Рос», отождествленный с народом «Рос»; этот термин отложился в целом ряде географических и этнографических названий на юге (Рось, Аракс, Розомоны, Роксоланы и пр.). Затем, с приходом варягов с севера на юг, произошло слияние этих двух терминов, следы которых и сохранились в существующей и поныне двойственной вокализации.⁴

По мнению В. Мошина, «самого серьезного внимания заслуживает мысль Брима о происхождении термина Россия-Русь из двух культурных областей».⁵ По мнению акад. Б. Д. Грекова, «нет ничего невероятного в том, что в термине Россия, тождественном Руси, мы имеем пережиток существования двух терминов Рос и Русь, — одного южного, другого северного, волею исторических судеб встретившихся и отождествившихся», причем эта встреча произошла в Киеве. Что касается Северной Руси, то Б. Д. Греков связывает ее местопребывание с пресловутым «русским островом» арабских источников, причем отмечает, что «точного определения места дать сейчас нет возможности». Однако «определенные подозрения в этом отношении вызывает часть Швеции на северном берегу Финского залива — Упланд, к северу от озера Ме-

¹ И. Бороздин. Из области русско-скандинавских отношений — Сб. статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916; W. I. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet, 'Stokholm, 1930; В. Равдоникас. Раскопки в Приладожье в 1930 г. и некоторые выводы из них — «Сообщения ГАИМК», 1931, № 3; Его же. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье — «Изв. ГАИМК», вып. 94, Л., 1934; А. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, ноябрь-декабрь.

² А. Артемьев. Имели ли варяги влияние на славян и если имели, то в чем оно состояло, Казань, 1845; С. Сыромятников. Древлянский князь и варяжский вопрос — Ж. М. Н. П., 1912, № 7; Балтийские готы и гуга-сага — «Живая Старина», 1892, вып. I; Е. Рыдзевская. К варяжскому вопросу. Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси — «Изв. А. Н.», VII сер., Стд. Общ. Наук, 1934, № 7—8; В. Пархоменко. К вопросу о норманском завоевании и происхождении Руси — «Историк-марксист», 1938, № 4 (66).

³ Б. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве, стр. 118, М.—Л., 1936.

⁴ В. Брим. Происхождение термина «Русь» — Сб. «Россия и Запад», I, Пгр., 1923.

⁵ В. Мошин. Op. cit., Slavia, X, вып. 3, 1931, стр. 528.

лара. Прибрежная полоса, лежащая против Финского залива, называлась «Рослаген». «Эта гипотеза, — заключает Б. Д. Греков, — кажется мне наиболее вероятной».¹

Таким образом, исходя из компромиссной теории Брима, Б. Д. Греков частично снова возвращается к традиционному норманизму. Но здесь можно поставить акад. Б. Д. Грекову такой вопрос: хотя норманны играют и «половинную» роль в происхождении имени Руси, — тем не менее и эта «половина», связанная с традиционным Рослагеном, оказалась на Русь значительное влияние, дав ей именно это имя, — но совместимо ли подобное явление с утверждением, что «варяги — лишь эпизод в истории общества, создавшего Киевское государство»? Возможно ли, чтобы непрочное эпизодическое явление, вскоре «рассосавшееся» как нечто инородное в теле славянского организма, могло упрочить за последним то имя, которое стало наименованием огромного народа и государства?

Брим выводит термин Русь от финского *gotsi*, возникшего из скандинавского *drótsmenn* — дружинники. При переходе в славянскую среду «совершенно на законном основании» перешло в *у*. Но если возможен такой законный переход, то, следовательно, звуки *о* и *у* соотносительны. Они соотносительны во многих языках (французском, английском), в том числе и в русском. У нас имеются говоры, в которых *о* замещается *у*: например, в Черниговской и кое-где в Нозгородской областях («конь» — «кунь», «хозяин» — «хузяин» и т. п.). Зачем же тогда двойственную вокализацию «Русь» и «Рос» объяснять двойственным генезисом с последующим «симбиозом»? «Русь» и «Рос» можно рассматривать как результат разложения первоначального сложного синтетического звука. Кроме того, объяснение Брима не согласуется с историческими фактами и хронологическими датами.² К тому же выступают и обычные возражения против норманистского понимания Руси.

Итак, теория Брима, поддержанная акад. Б. Д. Грековым и др., представляет собою мало удачную попытку примирения типичного норманизма с противоположными ему данными. Следовательно, центр тяжести вопроса о происхождении Руси переносится с севера на юг.

По мнению В. Пархоменко, имя «Рос» появилось впервые в Византии в применении к юго-восточной, приазовской Руси, производившей жестокие набеги на побережья Черного и Каспийского морей и на самый Константинополь; отсюда оно было перенесено полянами на Днепр. Самое же имя «Рос» он связывает с библейским «Рос», перенесенным византийцами на славян.³ Однако является маловероятным византийское происхождение имени «Рос» («Русь») путем сложного процесса переноса библейского книжного термина «Рос» на живой народ. Получается что-то не совсем удобное: византийцы назвали библейским именем Рос напавшую на них дружину; последняя усвоила это имя, которое затем стало племенным и народным. Трудно допустить подобный перенос имени из книги на живой народ при посредстве людей, пострадавших от этого народа. Вполне возможно иное предположение: византийцы, услышав племенное название Русь напавшего на них народа, отождествили этот народ, вследствие его жестокости, как божию кару, с названным в пророчестве Иезекииля Россом. Другое дело — появление этого имени в библейской книге: в Иудее, значит, знали о каком-то живущем на севере народе «Рос», что указывает на какое-то этногеническое значение этого имени.

¹ Б. Греков. Указ, соч., стр. 169—170; Е го же. Киевская Русь, стр. 226—228, М.—Л., 1939.

² В. Пархоменко. Норманизм и антинорманизм — «Изв. Отд. рус. яз. и слов. АН», XXVIII, 1923.

³ В. Пархоменко. У истоков русской государственности, гл. XIX, Л., 1924.

II

Если имя Русь эндогенно, т. е. исконно славянское, то, естественно, оно должно быть органически связано с самой историей возникновения восточно-славянских племен. Но как согласовать такую фактическую древность имени с позднейшим его появлением по данным летописи?

Рассказывая об Олеге, летопись говорит: «беша у него Варяги и Словени и прочи прозвашася Русью».¹ Несколько дальше: «Поляне, яже ныне зовомая Русь». Поляне, таким образом, должны входить в выражение «и прочи» наряду с другими славянскими племенами. В предыдущем тексте термин Русь имеет явно собирательный характер. Во втором же тексте его объем как будто ограничен: Русь — это поляне. Составитель летописи колеблется, повидимому, между широким собирательным значением термина и узким, ограниченным одним племенем. Если второй текст брать в обычно придаваемом ему значении (Грушевский, Багалеи и др.), то он получает смысл какого-то особого выделения полян, как «Руси», из общего славяно-варяжского комплекса: поляне — это Русь по преимуществу. По поводу рассматриваемого текста А. Соболевский замечает, что «из этого места вовсе не видно, чтобы летописец считал Русью одних полян. Он как будто хотел сказать только то, что его поляне принадлежат к Руси, что они отличны от других полян, которые принадлежат к ляхам».² Едва ли, однако, летописец хотел, как это думает Соболевский, подчеркнуть лишь различие приднепровских полян от ляшских. Летописец — киевлянин, киевляне же — поляне. Видя государственное начало сосредоточенным в руках полян, создавших государство Киевское, и считая их поэтому самым сильным племенем; отдавая полянам (не без тенденциозности) все преимущества перед прочими славянскими племенами (например, в описании нравов последних); отождествив варягов как организаторов государственной власти с Русью, — летописец и приурочил к полянам имя Русь по преимуществу как имя государственное. С утверждением в Киеве варяжской княжеской династии, чья деятельность на юге была гораздо более напряженной и интенсивной, чем на севере, поляне стали Русью в государственном смысле, — вот почему и явилось: «яже ныне зовомая Русь». От полян же имя Русь распространилось и на прочие племена, объединенные в империи Рюриковичей вокруг Киева. Таким образом получается, что «поляне-Русь» есть первичный факт, а вышеупомянутое собирательное значение Руси — явление вторичное. Следовательно, в этом особливом отождествлении полян с Русью необходимо видеть проявление своеобразного патриотизма составителя летописи. Это — его «ученая концепция».

В рассматриваемом тексте мы далее наблюдаем хронологическое противопоставление: прежде поляне, ныне Русь. Составитель летописи говорит об имени «поляне» как о древнем племенном названии («иже до се братье бяху Поляне»), уступившем место позднешему «официальному» наименованию «Русь». Если имя Русь не отмечено летописцем в параллельном по древности полянам смысле, то из этого нельзя еще заключать, что оно и вообще в качестве такового не существовало в народе. Этногенетически-автохтонное имя Русь существовало в стихийной народной памяти. О нем знал и сам летописец, но по известным основаниям развил в летописи другую концепцию. Мы думаем, что «славяне-Русь» было преданием, жившим в массе народа, а «варяги-Русь» — преданием, сложившимся в верхних слоях киевского общества, в правящих и близ-

¹ «Словени» относится к новгородским словам.

² А. Соболевский. Несколько мест начальной летописи — «Ит. в Общ. Нестора летописца», кн. 5, стр. 6—7, 1891.

ких к ним кругам, в которых наряду с местной коренной знатью находился и довольно значительный варяжский слой. Это два классово окрашенных варианта предания о Руси. Вот в каком аспекте следует рассматривать отношение летописца к варяжскому вопросу: это отношение носит на себе определенный классовый отпечаток, имеет классовое основание, поскольку составитель летописи вообще был типичным средневековым великокняжеским историографом. В чем же именно заключается это классовое основание? Для ответа на этот вопрос необходимо коснуться весьма сложного и запутанного в летописи отношения между варягами и Русью.

Перечисляя вначале народы, летопись говорит о варягах в ряду других европейских народов, обозначая их местонахождение: «по сему же морю седять Варязи семо к востоку» и т. д. Далее понятие варягов детализируется. «Афетово бо и то колено: Варязи, Свеи, Урмане, Готе, Русь, Агняне» и пр.; «А по Двине и Варяги»; «Иде в Варяги и приде в Рим»; «Идоша за море к Варягам, к Руси, сице бо тии звахуся Варязи-Русь, яко се друзии зовутся Свеи, друзии же Урмане, Англыне, друзии Гъте, тако и си»... «Реша Руси Чюдь, Словене, Кривичи» — так в Лаврентьевском списке. Иначе в Ипатьевском: «Ркоша Русь, Чюдь, Словене, Кривичи и Всь». Но в дальнейшем оба списка совпадают: «пояша по собе всю Русь». Таким образом, в Ипатьевском списке наблюдается противоречие: сначала «ркоша Русь» вместе с другими племенами, а потом Русь выступает как не призывающая, а приходящая на зов. Между тем в Лаврентьевском списке — полная увязка: «за море к варягам к Руси... реша Руси... пояша всю Русь». Следовательно, этот текст и нужно считать правильным.¹ Ясно, что варяги и Русь отождествлены: те варяги, к которым обратились славяне, назывались Русью, причем летопись делает ударение — «сице бо тии звахуся Варязи-Русь», т. е. именно эти варяги назывались Русью, как другие назывались шведами и пр. Следовательно, в летописи понятие «Русь» имеет относительно понятия «варяги» частное, подчиненное значение, т. е. они относятся одно к другому как вид к роду: одни из варягов были Русью.

Что такое варяги? Неясность происхождения этого термина, его спорность привели двух наших старых историков к заключениям, лишённым значения и в настоящее время. Ю. Венелин писал: «Что скандинавы никогда себя варягами не называли, тому убедительное доказательство в том, что ни малейших следов этого имени нет ни у скандинавских, ни у саксонских, ни у франкских летописцев, говоривших о Швеции и Норвегии».²

«Уже одно то, — говорит И. Бодянский, — что слово варяг производят от нескольких слов, взятых из различных северо-германских языков, говорит о неестественности такого словообразования. Может ли иметь какой-нибудь народ название, составленное из слов, принадлежащих разным языкам? Зачем не называться именем, заимствованным из своего языка? Однако, норманны не только не назывались варягами, но и вовсе не знали оно».³

Совершенная лингвистическая неопределенность термина приводит к мысли, что в славяно-варяжское время слово варяг не относилось к племенам или народам. Это — не этнографический термин: он может иметь только социальное значение. Варяги — не племя, не народ, не совокупность племен, а некоторая определенная группа, выделившаяся

¹ А. Соболевский. Указ. соч.

² Ю. Венелин. Скандинавomania и ее поклонники, стр. 37, М., 1852.

³ И. Болянский. Указ. соч.; ср. С. Гедеонов. Варяги и Русь, I, стр. 162—163, СПб., 1876

из общей массы скандинавских народов. Это может быть только дружина, как определенная социальная группа.¹ Мысль, впервые высказанную еще Байером, подробно развил Куник: варяги—это дружинники различного скандинаво-датского происхождения; а так как «ни имя шведов, ни имя датчан в то время еще не имели такого обширного значения, как теперь», то у восточных славян служебное название «варяг» должно было сделаться общим наименованием всех норманнов вообще, почему «это служебное имя получило и этническое и географическое значение».² Оно стало географически-собирательным.

Когда летопись говорит о варягах, то ясно чувствуется общий смысл этого слова, противопоставляемый именам: Свие, Урмане, Англыане, Гъте, как частным по отношению к нему. Когда варяги стали появляться в славянской среде, то, возможно, это были не только шведы, ближайšie соседи, но и выходцы из других земель — норвежцы, датчане. Славяне в первое время могли их не различать по национальностям, а всех сообща называли варягами, т. е. вооруженными людьми, дружинниками. Славяне непосредственно не сталкивались с жившими далеко от них норманнскими народами, а только лишь с появившимися в их, славянской, среде отдельными иноземными отрядами, дружинами. С течением времени это первоначальное специальное значение термина стало забываться: он стал последовательно распространяться на все те далекие народы «за морем», от которых приходили к славянам дружины или отдельные искатели приключений и чужих благ. Ко времени составления летописи первоначальное значение имени «варяг» окончательно утратилось, вытесненное новым, общим географически-собирательным, которое и вошло в летопись.

Благодаря сказанному приобретает соответствующее значение и имя Русь. Соотносительное в летописи с именем варяги, оно таким образом утрачивает тот этнографический смысл, который старались придать ему некоторые норманисты, толковавшие летописные слова «к Руси» в племенном смысле. Это толкование, как известно, вызвало целый ряд недоуменных вопросов. Нет никаких данных в пользу существования особого варяжского племени Русь. Вместе с тем вызывает существенные возражения и толкование Руси через Ruotsi и т. п. Следовательно, центр тяжести этого имени переносится на другую плоскость. Это — термин не этнографического, а социального значения. Последнее — того же порядка, что и значение термина «варяги», т. е. дружинно-классового. Весьма показательным в данном отношении является сказание летописи о парусах в описании похода Олега на Царьград: «И рече Олег: ишйите пре паволочити Руси, а Словеном кропинные». Здесь явно оттеняется классовое значение Руси, противопоставляемой прочей славянской массе. Такое же противопоставление сохраняется еще в Русской Правде, например, в словах: «аще боудеть роусин, любо гридин, любо коупчина, любо ябетник, любо мечник...» Русь — это или привилегированное сословие, или военная каста.³

¹ З. Байер. De varagis — Com. Ac. Sc. Petrop., IV, стр. 280; Е. Классен. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славян-Руссов до Рюриковского времени в особенности, II, стр. 2, 24, М., 1854.

² Добавления Куника к Б. Дорну. Каспий, стр. 51—52, 411—412, СПб., 1875.

³ Д. Зубрицкий. История древнего галичско-русского княжества, I, стр. 124. Львов, 1852; Д. Иловайский. Разыскания о начале Руси, стр. 70, М., 1882; К. Шейковский. Толкование слова Русь и его разновидности, стр. 11—12, Мензелинск, 1889; В. Завитневич. Происхождение и первоначальная история имени Русь — Труды Киев. дух. академии, № 11 за 1892 г.; «Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах», ч. 2; Разыскания А. Куника, стр. 112—113, СПб., 1903; А. Падалка. Происхождение и значение имени Русь, стр. 34—35, Полтава, 1915; В. Ключевский. Боярская дума древней Руси, стр. 34, 5-е изд., Пгр., 1919; Е. Гоже. Курс русской истории, I, стр. 150, 3-е изд., М., 1923; А. Шах-

Фактически мы имеем дело с Русью как с определенным общественным слоем, стоящим на верхах славянского народа: это — непосредственно правящие и близкие к ним дружинные и аристократические круги. «Русь, — говорит С. В. Юшков, — это не варяжское племя, а социальные группы, возникшие в результате разложения первобытно-общинного строя. Группы руси, оседавшие в городах, включали в свой состав князей, их дружинников, родоплеменную знать, купцов, организаторов экспедиций за рабами, а также начинающих появляться крупных землевладельцев и выбитых из колен общинников. Эти социальные группы в основном состояли из выходцев славянских общин, но имели и иноземную прослойку», варяжскую.¹

Но как согласовать с таким заключением свидетельство арабских источников о Руси, как племени? Так, Ибн-Хордадбе (IX в.) говорит: «Что же касается русских [купцов], — а они суть племя из славян». Это свидетельство нисколько не противоречит принятому толкованию. Арабские источники могли обозначить все племя именем той группы, которая по преимуществу носила имя Руси и с которой именно и вели дела арабские и прочие купцы. Военно-купеческие представители этой группы говорили: «мы Русь, мы племени русского» — в том смысле, в каком в славяно-византийских договорах говорится: «мы от рода русского». Арабы же поняли это в точном смысле племенного имени вообще.

Таким образом мы имеем два основных факта: первый — только что изложенный, второй — термин Русь как общее наименование всех объединенных восточнославянских племен. Социальный термин стал этнографическим: в истории народа наступил такой момент, когда термин классового значения сделался синонимом всего восточнославянского объединения с известной уже концентрацией власти.

Укажем на такую параллель. Многочисленные племена в Передней Азии в течение некоторого времени существовали разрозненно. Но при концентрации власти в Биайнской Тушпе все эти разрозненные племена объединились под общим наименованием «халды»: «халд» является только общим термином, «объединившим», — говорит И. И. Мещанинов, — в объединенном государстве древнего Вана, в Биайне, ряд входящих в него племен». ² Но «халды не пришли к верховьям Тигра и Евфрата из какого-то неизвестного места, они трансформировались». Иными словами, «приход халдов» означает наступление новой общественной стадии: это — «оформление начала процесса феодализации». ³ «Дофеодальный период древнего Вана есть период наирский, феодализация же края выразилась в новом его облике, именуемом халдским». «Этот переход на феодализацию в Закавказье внешне выразился в арменизации края». ⁴ Пользуясь этой параллелью, мы можем сказать, что тот момент в истории русского народа, когда социальный термин Русь стал этнографическим, совпадает с моментом начала феодализации: переход на феодализацию на Днепре выразился в «русификации» края.

Другая параллель. В. Бартольд впервые указал, что термин «турки» — не этническое наименование, а социальный термин: термин *türk* выступает в архонских надписях VIII в. как «политический термин», в

матов. Разыскания о древнерусских летописных сводах, стр. 324—325, СПб., 1908; Е. Рыдзевская. К летописному сказанию о походе Руси на Царьград — «Изв. Акад. Наук», сер. VII, Отд. Общ. Наук, 1932, № 6 и др.

¹ С. Юшков. Конспект лекций по истории государства и права СССР, стр. 23, М., 1940; см. также вышеуказанную работу С. Юшкова, стр. 52 и сл.

² И. Мещанинов. Циклопические сооружения Закавказья — «Изв. ГАИМК», XIII, вып. 4—7, стр. 39—40.

³ Там же, стр. 23.

⁴ Там же, стр. 35, 38.

противоположность племенному названию «огузы»; *türk* — это общее имя политического объединения ряда племен.¹ Это классовый термин, значение которого вскрывается свидетельством Махмуда Кашгарского: «Говорит бог великий и могучий: поистине у меня есть войско, я назвал его «турк» и поселил я его на востоке». Таким образом не народ, не племя первоначально носили имя «турк», а войско, военное «сословие», стоявшее во главе объединения всех племен (огузов, толесов, тардушей, киргизов и пр.). «Этим термином, — говорит А. Бернштам, — покрывается крупнейшее ранне-феодалное образование». Самый «турецкий» язык, которым, по сообщению Махмуда Кашгарского, был язык хаканский, как и название «турк», были привилегией господствующего класса. Союз родовой аристократии — «эль» — назывался турецким. «Названием «турк» господствующий класс «окрестил» то многоплеменное образование, которое известно нам как турецкое государство VI—VIII вв. н. э., как «небесный эль». Таким образом, название «турк» как племенное название получило свое значение позднее и в первую очередь было названием того объединения, которое являло собой консолидацию возникающего класса эксплуататоров, выделявшихся из отдельных родов и племен». В этом комплексе племен особенно выделялись огузы: «Судя по текстам, из племени «огуз» и произошли те господствующие прослойки турецкого общества, которые именовали себя «турками» и распространили это название в качестве общеплеменного». Этот процесс «является процессом феодализации, происходящим на основе военной демократии, в свою очередь основывающейся на рабстве».²

Совершенно аналогичный процесс должен был иметь место и с Русью. В самом деле, термин Русь не увязывается ни с каким определенным племенем норманнского происхождения. Славянские же племена все имели свои особые, достаточно хорошо нам известные наименования, среди которых нет имени «Русь»: поляне, древляне, словены, кривичи, радимичи, вятичи, северяне и пр. Арабские сообщения о «третьем русском племени» — это вопрос особого значения. Единственное указание летописи относится к полянам («яже ныне зовомая Русь») и показывает, что это племя стало впоследствии так называться. Социальное значение этого термина перешло в этнографически-собираательное. «Се бо токмо словенск язык в Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Север, Бужане, зане седоша по Бугу, после же Волыняне. А се суть инии языци, иже дань дают Руси: Чюдь, Меря, Весь...» (Лаврентьевская лет.). Выражение «словенск язык» нужно понимать в смысле «славянский народ»: славянский народ состоит из ряда племен, объединенных именем Русь, причем Русью называется и вся страна, населенная этим народом («словенск язык в Руси»). Страна названа по имени народа (впоследствии «русская земля»). Следовательно, именем Русь обозначается определенное начало, объединяющее все славянские племена в один народ, — начало, которому подчинены, как данники, «инии языци». Это объединяющее начало — высший социальный слой, носящий имя Русь, совершенно подобно тому, как высший слой *türk* объединял турецкие племена. В обоих случаях — один и тот же процесс консолидации верхушки, т. е. возникающего класса эксплуататоров, выделявшихся из отдельных родов и племен. Такая аналогия приводит к заключительному выводу: эволюция термина Русь

¹ В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, стр. 10, Л., 1927.

² А. Бернштам. Происхождение тукок — «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 5—6 за 1935 г., стр. 47—49; ср. С. Толстов. К истории древне-тюркской социальной терминологии — «Вестн. древн. истории», № 1/2 за 1928 г., стр. 81.

от первоначального социального значения к общему, этнографически-собирательному и народному, связывается с процессом феодализации славянского общества. С началом развития феодальных отношений название Руси стало распространяться и на всю совокупность объединившихся славянских племен. Точнее: с началом становления феодализма в Приднепровье связывается не возникновение самих социальных групп Руси, а перенос этого имени с господствующих классовых верхов на всю остальную народную массу и тем самым и на всю страну, ставшую уже «русской землей».

Итак, термины варяги и Русь по своему социальному значению соотносительны: оба они заключают в себе первоначальное классовое содержание. Но в то время как термин варяги относится к норманнской знати, к норманнской дружине, — термин Русь, принимая его автохтонно-южное происхождение, должен был относиться к местной, исконной славянской знати.¹ С появлением же в славянской среде варягов они, как особо привилегированная группа, объединились с славянской знатью в единое целое под общим наименованием Руси («симбиоз» верхушечных элементов в общем организме славянского народа). В русско-византийских договорах ряду норманнских имен предшествует объединяющая формула: «Мы от рода русского». Эта формула была использована норманистами, как доказательство норманнского значения Руси. Названные в договорах — варяги — дружинники Олега и Игоря; они являются представителями вновь организующегося военно-феодального государства, объединяющего славянские племена. Если они говорят о себе, что они «от рода русского», то это вовсе не значит, что они и русского происхождения: слово «род» обозначает здесь не кровную организацию, *genus*, и не имеет смысла узкоплеменного происхождения данных лиц, а «народ». Ведь понятие «род» употребляется в летописи, а тем самым и вообще в быту того времени, в самых различных значениях, и одно из этих значений — «народ», как это видно, например, из следующей фразы: «поляном... сушим от рода словенска». Это последнее выражение односмысленно с выражением «словенск язык в Руси». Можно возразить, что так как «род» означает еще и происхождение, то формула «от рода русского» может иметь именно генеалогический смысл. Однако, едва ли представители организующегося государства могли указывать лишь свое норманнское происхождение, хотя они и являются представителями высшего социального слоя: в этот слой входили, как его основа, и «русские» исконного славянского происхождения. Договоры заключались хотя и представителями одного определенного класса, но, по крайней мере формально, от лица всего государства, от лица всего «народа русского». Что это именно так, видно из следующих слов игоревского договора: «Послании от Игоря, великого князя Русского и от всякого княжья и от всех людей Русская земля». Все поименованные в договорах «сли и гостье» — наиболее близкие к князьям люди из общего числа варягов, влившихся в верхний слой славянского общества. В течение некоторого времени, когда возникло Киевское государство, происходило слияние славянских и норманнских верхов с правящей группой во главе. Это слияние и послужило почвой для варяжской концепции Руси, активно проводимой составителем летописи, великокняжеским историографом, фиксировавшим определенный династический принцип, несмотря на пробивающиеся местами данные иного характера.

Стихийно существовавшее в народе имя Русь, которым обозначались верхние общественные слои, распространилось и на примкнувших к ним,

¹ Ср. С. Юшков. К вопросу о происхождении русского государства, стр. 51 и сл.

сливавшихся с ними варягов. Этот процесс и зафиксировал летописец, придавший ему в силу своей идеологии и династической теории форму отождествления «варяги-Русь». Мы предполагаем, следовательно, такой процесс: с момента появления в киевской среде варягов и утверждения варяжских князей как активных организаторов нового государственного порядка произошло перенесение исконного имени Руси, стихийно хранившегося в народе в качестве классового наименования его верхов, на новый, уже варяжско-славянский господствующий слой, и затем на самое новое государство в его целом. В процессе такого переноса и закрепился упомянутый выше «аристократический» вариант сказания о Руси.

Что касается возникновения самых социальных групп Руси, то оно, на наш взгляд, вполне достаточно выяснено С. В. Юшковым. «Не трудно установить, — пишет он, — когда и каким образом могла возникнуть та социальная группа, которая называлась Русью. Эта группа могла появиться в период разложения первобытно-общинного строя у восточного славянства, начало которого, по имеющимся у нас данным, следует отнести ко второй половине VIII века, и получила особенное развитие в IX веке». Далее С. В. Юшков выясняет процесс выделения группы Руси из общеславянской массы. Выделившиеся элементы — профессиональные воины, являвшиеся дружинниками князей, родоплеменная знать, купцы, ремесленники, — связанные некоторыми общими интересами и потому организовавшиеся в сплоченные группы, оседали в городах, составляя специфически городское население. С течением времени эти социальные группы, обладавшие более высокой культурой, «настолько резко стали отличаться от массы общинников, которая их окружала и которая платила им дань и находилась под их властью, что возникла необходимость в особом наименовании этих групп. Так возникло название Русь, которое, как известно, в особенности закрепилось за группой, осевшей в Киеве, городе, который раньше был центром племени полян. Возможно, что это название не является с л а в я н с к и м...»¹ Выяснив образование социальной группы, носившей имя Русь, С. Юшков оставляет открытым вопрос о происхождении и лингвистической природе самого термина Русь. Если это название не является славянским, то тем менее оно может быть варяжско-норманским. Следовательно, его генезис должен подлежать дальнейшему изучению. Как и почему определенная социальная группа приобрела имя Руси? Нет сомнения, что оно возникло в общем процессе славянского этногенеза и, следовательно, должно быть связано с какими-то предками славян.

Здесь необходимо остановиться еще на одном важном обстоятельстве. «Вне всякого сомнения, — говорит С. Юшков, — поскольку процесс разложения первобытно-общинного строя начался среди южных племен — полян, северян, дулебов, то первые группы Руси возникают на юге, а не на севере. На юге они многочисленнее и организованнее, нежели на севере. Отсюда нам делается понятным, почему за Киевом и Киевской землей было закреплено название Русь. Но Русь, конечно, оседала по всему течению Днепра и по всему торговому пути, шедшему «из варяг в греки», оседала она и повсюду, где шел процесс разложения первобытно-общинного строя. Отсюда естественно, что появляется Русь в Галиции (Червоная Русь) и даже на территории восточного славянства, которая граничила с Венгрией (Угорская Русь)».²

Сказанное нужно понимать в том смысле, что Русь не распростра-

¹ С. Юшков. К вопросу о происхождении русского государства, стр. 55—57 (подчеркнуто нами. — Л. Т.).

² Там же, стр. 57.

нялась, не мигрировала из какого-нибудь одного первоначального центра; она возникала (слагалась) во многих местах, где разложение первобытно-общинного строя создавало соответствующие условия. И самый термин «Русь» органически возникал тут же на местах. Следовательно, для его появления была какая-то общая предпосылка. Эта предпосылка могла быть только этногенетической.

III

С этногенетической точки зрения термин Русь должен представлять собою пережиток соответствующего яфетического термина. Таким термином Н. Я. Марр считает племенное название этрусков — расены, *Rasene*. Н. Я. Марром была выдвинута в совершенно новом освещении этрускологическая проблема и в частности — для уяснения славяно-русской языковой проблемы. Но по отношению к Руси теория Н. Я. Марра все еще продолжает занимать в нашей науке изолированное положение. С традиционной точки зрения она представляется до известной степени парадоксальной: этруски — Италия, Этрурия, древний Рим — и вдруг Русь! Коренным образом меняется представление об этрусках, становящихся широко распространенным вообще по Европе яфетическим населением, принимавшим участие в этногенезе различных народов. Обычно историки замалчивают концепцию Марра, игнорируя ее совершенно незаслуженно. Между тем этрускологический вопрос в нашей историографии вовсе не нов. Вопрос о связи славян с этрусками был затронут давно, и немало фантастического было по этому поводу высказано.¹ Но именно Н. Я. Марр поставил вопрос о связи с этрусками на научную почву. Этрускологическая теория Руси, развитая Н. Я. Марром, остается и не принятой большинством историков, и не опровергнутой. Но как ни относиться к этой этрускологической теории, ее положительное значение заключается в том, что она, органически увязывая название «Русь» с самым процессом образования русского народа, переносит старую и очень сложную проблему в новую плоскость, по-новому освещает ее. Она является «первым приближением» к разрешению проблемы в порядке ее этногенетического рассмотрения. Мы изложим здесь вкратце эту концепцию.

На обширном лингвистическом материале Н. Я. Марр выясняет этрускологическую связь между абхазами, армянами, басками, славянами и финнами. Что касается «этрuscизмов», или «расенизмов» в русской речи, то таковыми Марр считает слова: «крес» (солноворот), «кресник» (купало), «красить» (в Ярославской обл. — светить), красный, краса, радо(у)ница, раб, рожать, род, народ, рыжий, румяный, ручей, русалка, русло и многие другие.²

Таким же этрусцизмом, по мнению Н. Я. Марра, является и самое имя Русь со всеми его дериватами и многочисленными отложениями в топонимике. Палеонтология речи показывает, что с термином Русь

¹ См., например, Ю. Венелин. Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам, II, стр. 78—79, М., 1841; Н. Савельев-Ростиславич. Свод новейших разысканий о старобытности славян в восточной или великой Германии — «Славянский сборник» за 1845 г., стр. 132—140; П. Бутков. Оборона летописи русской нестеровой от навета скептиков, стр. 341, 342, СПб., 1840; Jan Kollar. Staroitalia slovjanská, 1853; Е. Классен. Новые материалы для древнейшей истории славян, М., 1854; А. Чертков. О языке пелазгов, населявших Италию, и сравнение его с древлесловенским, М., 1885; А. Хомяков. Записки о всемирной истории, ч. I — Полн. собр. соч., III, стр. 93—94, М., 1871; и др.

² Н. Марр. Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике. Приволжские и соседящие с ними народности. Чуваши-яфетиды на Волге. Избранные работы, V.

связан целый ряд слов из основного состава русского языка, имевших первоначально тотемическое значение, а также и топонимических терминов с корнями: *gus, gos, gu, guш, gas*. Таким образом, имя Русь органически вырастает из самых первичных языковых основ. В имени русского народа пережиточно скрывается древнее племенное название — *Rasena*.¹

Сопоставляя это заключение с изложенным выше относительно классового содержания изучаемого имени, получаем следующий вывод: носящий имя Русь славянский господствующий класс непосредственно связывается по своему происхождению с этрусками-расенами, от которых и несет свое имя. Этот вывод, однако, логически требует для себя некоторого общего основания, по отношению к которому он был бы следствием, частным случаем. Такое общее основание заключается в том, что различные яфетические племена, участвовавшие в этногенезе разных народов, дали начало различным общественным слоям или классам.

Н. Я. Марр выясняет происхождение римских плебеев, быт которых весьма значительно отличался от быта прочих слоев римского населения, что заставляет видеть в плебеях, как говорит И. Нетушил, «особый этнографический элемент».² «И это, — поясняет Н. Я. Марр, — именно яфетиды, этническая природа которых характеризуется матриархатом», так как «у них когнатическое право, у них господствует матриархат» (т. е. у плебеев). Эту яфетическую природу плебеев Марр генетически связывает с пелазгами, по существу тождественными с этрусками: «Этруски, они же пелазги, под тем же названием в форме *plebe*, в пережиточной своей части составили особое сословие у римлян».³

В. В. Струве отмечает, что то же самое нужно сказать и относительно илотов Спарты, которые, по сообщению Фукидида, были потомками обращенных в свое время в рабство мессенян.⁴

Этнически толкует Марр и происхождение наших смердов. Социальное положение смердов, говорит он, «в известной мере детище этногенеза».⁵ «Русская не только речь, но и общественность термин этот унаследовала, как сословную кличку, что есть обычная судьба доисторических племенных названий, как например плебеи из пелазгов на Аппенинском полуострове, глехи из колхов на Кавказе у грузин и т. д.»⁶ Самый термин «смерд» Н. Я. Марр рассматривает как сибилитную разновидность *smeg* (*spg*) термина *i-beg* в форме зубного множ. числа *smeg-d*, т. е. как кимёрский.

Мнение Марра поддерживает С. Чернов, пришедший путем анализа соответствующих источников к заключению, что смерды в XI—XIII вв. представляли собою массу сельского населения, сидящую на государственной или княжеской земле. Это придает термину смерд особое значение: «Начинает казаться, — говорит С. Чернов, — что этот термин уходит в отдаленные глубины истории, даже предистории, где он, конечно, имел не социальное, а племенное значение, — оттого его и сохранила основная сельская часть славянства. Мне кажется, что такое впечатление от русских источников XI—XIII вв. и сведений о западноевропей-

¹ Н. Марр. Готское слово *Guta* — муж. Избранные работы, IV; Иштарь. Избранные работы, III.

² И. Нетушил. Обзор римской истории, стр. 12—14, Харьков, 1916, цит. Марром.

³ Н. Марр. Об яфетической теории — «Новый Восток», № 5 за 1924 г., стр. 330—331; Н. Марр. Избранные работы, I, стр. 138—140 — Сена, Сона, Лютеция.

⁴ В. Струве. Плебеи и илоты — «Изв. ГАИМК», вып. 100, стр. 366—367.

⁵ Н. Марр. Об яфетической теории — «Новый Восток», № 5 за 1924 г., стр. 325—326.

⁶ Там же, стр. 324.

ских смердах идет навстречу тем соображениям, которые привели Марра к упомянутому заключению». ¹

Таким образом вполне определяется возможность увязки различных общественных слоев с этногенетическим прошлым народов. В самом процессе полигенетического (т. е. путем скрещивания ряда племен между собою) возникновения того или иного народа закладываются основы будущего классового расчленения. Различное социальное положение соответствующих групп определяется социально-экономическими причинами: эти причины обуславливают сохранение тем или иным этногенетическим элементом определенного положения в общественной структуре данного этнического образования. Так, в Италии этрусски-пелазги пережиточно отложились в плебейх, в Греции — в илотах; так и у нас кимеры пережиточно отложились в смердах.

Не точно ли также могли пережиточно отложиться этрусски-расены в «Руси», как наиболее социально-могущественном слое восточного славянства? Этрусски сыграли роль, говоря словами Н. Я. Марра, «сосредоточения властного организующего племени, классового образования». «Этот племенной состав — этрусский или расенский или, проще, если откинуть префикс et в первом случае и суффикс en во втором, — русский или расский и характеризует классовую организацию строителей древнейших городов на Руси». ²

Обусловленное этногенетически, первичное значение имени Русь имело своим носителем некоторую определенную часть восточнославянского массива, выделившуюся с течением времени в «аристократию», подобно тому, как в другой и притом более многочисленной народной массе также пережиточно хранилось от кимеров имя «смерды».

Итак, имя «Русь» никоим образом не экзогенно. Оно явилось на свет вместе с самими славянами и хранит в себе все еще живое эхо далекой жизни наших предков. Оно возникло в процессе автохтонно-стадиального развития народов северного Причерноморья и среднего Приднепровья, — того развития, одной из мощных ветвей которого разрослось славянство.

Русь — исконно славянский термин южного происхождения, связанный своими корнями через этрусков-расенов с этногенезом славян, хранившийся в памяти народных масс как обозначение высшего общественного слоя восточнославянского массива, впоследствии перенесенный на вошедший в этот слой норманно-варяжский княжеско-дружинный элемент и в эпоху становления феодализма расширившийся до обозначения целого политического объединения, государства. Древнейшее яфетическое племенное название Rasenae в процессе славянского этногенеза стало термином социальным «Русь», затем оно приобрело этнографический характер, сделавшись именем народа и государства.

¹ С. Чернов. О смердах Руси XI—XIII вв. — Сб. «Академия Наук СССР — академику Н. Я. Марру», стр. 776, М. — Л., 1935.

² Н. Марр. Избранные работы, V, стр. 317 — «Из переживаний доисторического населения Европы».

К. Г. МИТЯЕВ

ОБОРОТЫ И ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ СМОЛЕНСКОГО РЫНКА в 70-х годах XVII века

Работы ряда исследователей показывают, что таможенные книги XVII в., долгое время оставшиеся для исторической науки под спудом, являются ценнейшим источником экономической истории того времени.¹ Сохранившиеся по ряду пунктов внутренней и внешней торговли Московского государства таможенные книги содержат обильный историко-экономический материал для освещения многих вопросов экономической истории XVII в. Особое значение таможенные книги имеют для изучения торговли XVII в. и для исследования того процесса экономического и политического объединения страны в XVII в., который В. И. Ленин связывал с «усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок».²

Полное использование таможенных книг в качестве источника экономической истории может быть достигнуто лишь в результате их систематической статистической разработки. Сложность этой работы, а также объем сохранившихся таможенных книг делают неизбежным выполнение ряда локальных исследований по отдельным пунктам Московского государства. Подобного рода работы, имея самостоятельное значение, должны одновременно способствовать накоплению материала и для исследования таких основных вопросов экономической истории XVII в., как образование всероссийского рынка.

В этой связи значительный интерес представляют таможенные книги Смоленска, одного из крупных центров внутренней и внешней тор-

¹ Еще в 1908 г. значение таможенных книг отметил С. Б. Веселовский (рецензия на книгу Ю. В. Готье «Замосковский край» — Ж. М. Н. П., 1908, № 2). Ряд исследований по таможенным книгам выполнили К. В. Базилович и С. В. Бахрушин (К. Базилович. Таможенные книги как источник экономической истории России — «Проблемы источниковедения», I, 1935; К вопросу об изучении таможенных книг XVII в. — «Проблемы Источниковедения», II, 1936; Торговля Великого Устюга в середине XVII в. — «Учен. записки Института истории РАНИОН», IV, М., 1929; Крупное торговое предприятие в Московском государстве в 1-й половине XVII века, Л., 1933; Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в 1-й половине XVII в., Л., 1932; Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г., М. — Л., 1936; «Торговый капитализм» и генезис московского самодержавия в работах М. Н. Покровского — Сборн. «Против исторической концепции М. Н. Покровского», М.-Л., 1939. С. Бахрушин. Торговые крестьяне в XVII веке — «Учен. записки Института истории РАНИОН», V, 1928; Торги гостя Никитина в Сибири и Китае — «Труды Инст. истории РАНИОН», Сборн. статей, М., 1926). См. также И. Макаров. Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в первой полов. XVII века — «Исторические записки», I; Н. Устюгов. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в. — «Исторические записки», VI. По таможенным книгам XVIII в. см. А. Кизеветтер. Делопроизводство русских внутренних таможен как исторический источник — Сборник статей, посвящ. 30-летию профессорской деятельности В. О. Ключевского, М., 1909.

² В. Ленин. Соч., I, стр. 73.

говли Московского государства. Значение Смоленска, как опорного пункта на западной границе страны, общеизвестно. Известно устойчивое на всем протяжении истории Смоленска его значение как важного центра русской торговли с Западом и Востоком (по Днепру и Зап. Двине). В то же время, если торговые связи Московского государства через другие пункты внешней торговли (Архангельск и Астрахань — в первую очередь) более или менее освещены, то торговые связи с Западом через Смоленск, на путях Литвы и Польши, вопросы экономического тяготения восточных районов Польско-Литовского государства к Москве не изучены совершенно. Не изучены также связи Смоленска и Смоленской области с другими внутренними областями Русского государства. Наконец, представляет несомненный интерес исследование на основании данных таможенных книг ряда других вопросов, касающихся торговли такого крупного экономического центра как Смоленск.

Таможенные книги Смоленска сохранились за 1673—1679 гг. (за исключением 1674—75 и 1675—76 гг.). В эти годы Смоленск носит еще черты военного города, как следствие недавних военных действий. Тем не менее процесс быстрого экономического восстановления города и области — налицо. Возвращенный в состав исконных русских городов, Смоленск, так же как и Смоленская область, связывается бесчисленными экономическими нитями с другими районами и областями Московского государства, занимая видное место и во внешней торговле.

Смоленская таможня была тем местом, где в виде регистрации операций внутренней и внешней торговли отражался этот процесс экономического объединения страны. Смоленщина, как и другие коренные русские земли, вступила в «новый период русской истории (примерно с XVII века)», который «характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое». ¹ Долгие и опустошительные войны на западной границе не могли не задержать этот процесс. Тем интенсивнее он должен был протекать по окончании войны, когда Смоленщина, включаясь в народнохозяйственную систему страны, должна была наверстать упущенное.

Детальная статистическая разработка прихода-расходных книг Смоленской таможенной избы позволяет выявить обширный историко-экономический материал по следующим вопросам: состав товаров смоленского рынка, товарные цены, товарные обороты, социальный состав торговых людей, торговые связи Смоленска. Ниже дается лишь характеристика сборов смоленской торговли и рассмотрены торговые связи Смоленска.

I

Товарные обороты в смоленских таможенных книгах отражены не полностью и разными приемами. Так, в таможенных книгах не нашла отражения отпуская торговля лесом и отчасти поташом, доходы по которым учитывались приказной избой. Не отражены в таможенных книгах обороты мелкого торга с возов и с рук, поскольку пошлины с товаров мелкого торга собирались в «ящик». Нет в таможенных записях данных об оборотах кружечного двора по продаже вина, так как в приходных книгах имеются лишь месячные итоги сборов пошлин кружечным двором. Все эти статьи торговли не могли не занимать видного места в торговых оборотах. Правда, в отношении мелкого торга и кружечного двора имеется косвенный путь для исчисления оборотов —

¹ В. Ленин. Соч., I, стр. 73.

на основании собранных пошлинных денег, взимавшихся в определенном размере с суммы оборота.

С другой стороны, сведения об оборотах, имеющиеся в таможенных книгах, различны по своему характеру. Так, в отношении части оборотов, когда указана цена товара, имеется возможность проверки оборотов; эта возможность отсутствует в отношении тех записей, когда указано лишь количество отдельных товаров, без обозначения их цены; при этом оценка явленной партии товаров обычно дается суммарно, общим итогом, за все товары. Отсутствие нужных сведений ограничивает возможность разъяснения всех сомнений относительно правильности исчисления указанной группы оборотов. Тем не менее возможные погрешности в исчислении товарных оборотов не настолько значительны, чтобы опорочить или исказить выводы экономического характера, которые можно сделать на основании изучения данных об оборотах смоленской таможни.

Прежде всего, по наиболее значительной части оборотов смоленского рынка, включающей и обороты по основному товару смоленской торговли — пеньке (а одни эти обороты составляли около половины общего товарооборота), — имеются цены товаров, лежащие в основу исчисления оборотов и, следовательно, имеется реальная возможность их проверки. Возможные неточности измерения количества товаров, связанные с несовершенством приборов измерения и применением измерений «на-глаз», — являются неизбежными при той организации и технике торговли, которые существовали в изучаемый период, и представляют характерный штрих в общей картине торговли XVII в. Таким образом, в отношении большей части всего товарооборота таможенные книги дают материал, по своему качеству вполне удовлетворительный со стороны его достоверности.

В отношении меньшей части оборотов, вследствие указанной невозможности их проверки, сомнений, конечно, больше. Но и по этой группе оборотов возможные искажения представляются не столь значительными, чтобы существенно отразиться на выводах, которые можно сделать на основании данных об этих оборотах. Помимо неточностей измерения товаров, на искажение истинных размеров оборота влияли округления общей оценки каждой отдельной партии, а также неправильная оценка отдельных товаров. Но в последнем случае нужно иметь в виду противоречие интересов между таможенной администрацией и товаровладельцами. Если первая стремилась назначать более высокие цены, то интересы вторых были обратными, и, таким образом, одностороннее искажение цен (а следовательно и оборотов) со стороны таможенной администрации вряд ли имело место в широких размерах. Кроме того, у противной стороны были весьма действительные средства для влияния на администрацию в свою пользу, — это широко практиковавшиеся в XVII в. «посулы» и «поминки».

Все сказанное нужно иметь в виду при рассмотрении цифровых данных по оборотам смоленской торговли, полученных в результате статистической разработки таможенных книг.

Рассмотрим прежде всего общие месячные и годовые итоги оборотов, полученные путем прямых подсчетов (т. е. без оборотов мелкого торгового кружечного двора и конской площадки, в отношении которых способ прямого подсчета не применим) и составляющие основную часть оборотов смоленской торговли. Эти обороты с указанием числа дней, в которые зарегистрированы явки, и количества явок представлены в следующей таблице:¹

¹ Все таблицы настоящей работы и отдельные абсолютные цифры, приводимые в тексте, за исключением случаев, особо оговоренных, получены путем прямых под-

Месяц	1673—74 г.			1676—77 г.		
	Число дней с записями	Колич. явок	Сумма оборота за месяц	Число дней с записями	Колич. явок	Сумма оборота за месяц
Сентябрь . . .	18	81	3 629 р. 13 ал.	17	56	2 132 р. 5 ал. 1 д.
Октябрь . . .	10	39	1 908 р.	11	65	2 406 р. 10 ал. 3 д.
Ноябрь . . .	14	71	2 557 р. 16 ал. 4 д.	15	70	2 089 р. 31 ал. 2 ¹ / ₂ д.
Декабрь . . .	16	80	2 020 р. 16 ал. 4 д.	19	87	4 457 р. 26 ал. 4 д.
Январь . . .	14	74	3 170 р. 8 ал. 2 д.	13	79	3 395 р. 17 ал. 2 ¹ / ₂ д.
Февраль . . .	17	80	4 510 р. 5 ал.	11	74	2 420 р. 5 ал. 3 д.
Март . . .	15	52	6 141 р. 16 ал. 4 д.	16	101	4 306 р. 23 ал.
Апрель . . .	11	39	15 780 р. 28 ал. 2 д.	13	62	4 971 р. 3 д.
Май . . .	9	23	930 р.	18	59	20 783 р. 13 ал. 2 ¹ / ₂ д.
Июнь . . .	10	41	1 984 р. 16 ал. 4 д.	14	45	1 641 р. 8 ал. 3 д.
Июль . . .	7	24	729 р. 16 ал. 4 д.	13	46	3 325 р. 25 ал. 5 д.
Август . . .	11	34	8 996 р. 20 ал.	9	59	5 260 р. 23 ал.
Итого за год .	152	638	52 358 р. 24 ал. 4 д.	169	803	57 190 р. 24 ал. 1 ¹ / ₂ д.

Месяц	1677—78 г.			1678—79 г.		
	Число дней с записями	Колич. явок	Сумма оборота за месяц	Число дней с записями	Колич. явок	Сумма оборота за месяц
Сентябрь . . .	14	63	2 786 р. 14 ал. 5 ¹ / ₂ д.	21	77	2 347 р. 1 ал.
Октябрь . . .	12	47	2 456 р. 19 ал. 1 д.	24	74	1 854 р. 28 ал. 2 ¹ / ₂ д.
Ноябрь . . .	16	73	2 935 р. 8 ал. 5 ¹ / ₂ д.	23	64	1 616 р. 21 ал. 5 д.
Декабрь . . .	28	125	2 933 р. 6 ал. 4 д.	29	157	4 235 р. 3 д.
Январь . . .	28	87	3 901 р. 3 ал. 5 д.	29	116	5 360 р. 20 ал. 4 ¹ / ₂ д.
Февраль . . .	28	72	2 721 р. 3 ал. 5 ¹ / ₂ д.	28	133	4 549 р. 10 ал. 2 д.
Март . . .	26	115	6 927 р. 27 ал. 1 ¹ / ₂ д.	24	79	4 328 р. 11 ал.
Апрель . . .	15	70	22 482 р. 3 ал. 3 д.	16	69	20 901 р. 2 ал. 2 д.
Май . . .	14	50	2 740 р. 29 ал. 1 д.	20	58	1 179 р. 10 ал. 2 д.
Июнь . . .	18	59	2 029 р. 10 ал. 1 д.	23	62	1 578 р. 30 ал. 1 ¹ / ₂ д.
Июль . . .	17	116	2 964 р. 26 ал. 3 д.	18	44	2 070 р. 16 ал. 4 д.
Август . . .	23	84	6 223 р. 5 ал. 2 ¹ / ₂ д.	21	53	6 156 р. 22 ал. 2 д.
Итого за год .	239	961	61 101 р. 26 ал. 1 ¹ / ₂ д.	276	986	56 178 р. 9 ал. 5 ¹ / ₂ д.

Рассматривая число явок, мы убеждаемся, что работа смоленской таможи росла из года в год. Если в 1673—74 г. таможня работала в среднем 12.7 дней в месяц, то в 1676—77 г. она работала 14.1 дней, в 1677—78 г. — 19.9 дней, в 1678—79 г. — 23 дня в месяц. С другой стороны, кривая оборотов, достигнув в 1677—78 г. высшего размера в 61.1 тыс. руб., в следующем году падает до 56.27 тыс. руб. вследствие сокращения экспорта пеньки чистой. Однако необходимо отметить

счетов соответствующих данных приходной части Смоленских таможенных книг, хранящихся в Государственном архиве Феод.-крепост. эпохи (ГАФКЭ) и числящихся в составе фонда приказа княжества Смоленского (так наз. «Смоленские Дела», сокращенно «С. Д.») до описи № 268, причем подсчеты за 1673—74 г. сделаны на основании записей кн. 12, ч. I, лл. 1—232; 1676—77 г. — кн. 12, ч. I, лл. 284—415, 433—593; 1677—78 г. — кн. 12, ч. I, лл. 626—680, и ч. 2, лл. 1—360; 1678—79 г. — кн. 12, ч. 2, лл. 374—778.

устойчивость общего уровня оборотов (в пределах 50—60 тыс. рублей), высокую подвижность месячных оборотов, — подвижность, в которой однако нетрудно разглядеть динамику оборотов в зависимости от сезонных факторов: состояния дорог, сезонности торговли отдельными товарами (например, наибольший отпуск пеньки за рубеж имеет место в апреле, и только в 1677—78 гг. в мае, вероятно вследствие позднего вскрытия рек) в связи с размерами спроса и предложения.

Приведенные данные рассеивают также опасения о возможном искажении размеров оборотов таможенной администрацией — настолько ярка и выпукла их динамика. Отличаясь известной устойчивостью на протяжении всего года, торговые обороты имеют из года в год повторяющиеся периоды более высокого уровня. Помимо отпуска пеньки в апреле — мае, более высокий уровень оборотов наблюдается во время зимней торговли и в период осеннего отпуска пеньки за рубеж (в августе).

Весьма сложной задачей является определение оборотов внутренней и внешней торговли и выделение в последней операций по экспорту и импорту. Прямых указаний в таможенных записях для деления оборотов на указанные группы нет. Нельзя эти группы установить на основании указаний, откуда привезены товары, и по роду последних. Эти указания могут иметь лишь вспомогательное значение, так как одни и те же торговые люди занимались и внутренней и внешней торговлей, а с другой стороны, не всегда, например, пенька была предметом экспорта.

Для определения оборотов внутренней и внешней торговли, а также для выявления размера операций по экспорту и импорту, имеется другой, правда косвенный путь. Дело в том, что взимание пошлин на смоленской таможене происходило в зависимости от деления этих операций на внутреннюю и внешнюю торговлю. С товаров внутренней торговли пошлина взималась мелкими деньгами, тогда как с внешних торговых операций (по экспорту и импорту) пошлина взималась ефимками. К сожалению, наличие записей с суммарными оборотами по различным товарам не дает возможности произвести исчисление оборотов внутренней и внешней торговли, а также операций по экспорту, путем прямых подсчетов, на основании указаний о виде пошлин (это можно сделать только в отношении отдельных товаров, например, соли).

Приходится для восстановления оборотов по отдельным группам товаров внутренней и внешней торговли прибегать к расчетам, пользуясь данными о сборе пошлин, т. е. идя от суммы собранных пошлин к установлению суммы оборота, с которой пошлины были взяты.

Прежде всего установим размер оборотов внутренней торговли. По всем товарам внутренней торговли пошлина взималась в размере 10 д. с рубля (только в крайне редких случаях, при предъявлении выписей другой таможи, взималось 5 д. с рубля; разницей в 2,5% по этим сборам для последующего условного расчета можно пренебречь, т. е. считать сбор пошлин во всех случаях в размере 10 д. с рубля, или в 5%).

	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.
Пошлины, собранные с оборотов внутренней торговли, — 5% (в руб.)	976	1054	1199	1119
Обороты внутренней торговли — 100% (в тыс. руб.)	19.53	21.08	23.98	22.40

Товаром внутренней торговли, не вошедшим в исчисленный оборот, является соль русы, пошлина с которой взималась в размере гривны с рубля и учтена отдельно. Обороты по соли русы устанавливаются путем прямого подсчета. Основным товаром, составлявшим подавляющую часть оборотов по экспорту, была пенька чистая (пенька половая была товаром внутренней торговли и вошла в исчисленный выше оборот). С экспорта пеньки чистой пошлина взималась ефимками (пошлина с внутренней торговли пенькой чистой взималась мелкими деньгами, и операции с этой пенькой вошли в исчисленный оборот). А так как пенька чистая в таможенных записях выделялась, и на нее указывалась цена, обороты по экспорту этой пеньки устанавливаются путем прямых подсчетов. Аналогичное положение мы имеем с случайными партиями поташа, отпуск которого за рубеж зарегистрирован в таможенных книгах. Экспорт нескольких других товаров, отмеченный выше (кожсырье, хмель, мед и др.), нашел отражение лишь в общих итогах оборотов, вместе с другими товарами, и его выделить нельзя; принимая во внимание ничтожные размеры экспортных операций с этими товарами в сравнении с экспортом пеньки, без сколько-нибудь значительной погрешности для общих выводов, обороты по указанным товарам можно не принимать во внимание. Импортным товаром, обороты по которому устанавливаются точно на основании указаний о размере пошлин (гривна с рубля), была соль рижская. Разница между общим оборотом по всем товарам и указанными выше оборотами (общий оборот внутренней торговли, соль рижская, пенька экспортная) падает на оборот по другим импортным товарам.

Общий результат произведенных расчетов отражен в следующей таблице (в тыс. руб.):

	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.
Обороты внутренней торговли товарами, пошлина с которых взималась в размере 10 д. с рубля	19.53	21.08	23.98	22.40
Обороты по соли русы	0.85	4.13	0.85	1.20
Общий оборот по товарам внутренней торговли	20.38	25.21	24.83	23.60
В % к общему обороту	39.5	44.86	40.8	42.4
Экспорт пеньки чистой	22.67	17.21	21.32	16.36
Экспорт поташа	—	1.51	1.74	1.52
Импорт соли рижской	3.34	2.92	2.49	2.69
Импорт разных товаров	5.17	9.34	10.43	11.44
Общий внешнеторговый оборот (экспорт и импорт)	31.18	30.98	35.98	32.01
В % к общему обороту	60.5	55.14	59.2	57.6
Весь оборот (в тыс. руб.)	51.56	56.19	60.81	55.61
Весь оборот в %	100.0	100.0	100.0	100.0

Внешнеторговые операции, как видно из приведенных данных, занимают более половины общего оборота, что свидетельствует о наличии устойчивых связей Смоленска с зарубежными рынками. В этих связях наблюдается из года в год превышение экспорта над импортом. Продажа за рубеж пеньки давала возможность, помимо получения на крупные суммы импортных товаров, делать валютные накопления.

В приведенных цифрах не нашли отражения обороты по экспорту леса и поташа, тогда как эти операции, принимая во внимание лесные богатства края и возможность сплава леса по Западной Двине, не мог-

ли не интересоваться московское правительство, и лес отправлялся казной за рубеж в значительных количествах,¹ что усиливало поступление валюты в страну.

Но и помимо этого Смоленск представляет собой центр крупных валютных операций, в связи с практикой скупки валюты у смоленских и зарубежных купцов. Так, в 1676—77 г. было куплено ефимков на 5000 руб., в 1678—79 г. — на 15 000 руб.,² причем часть операций с валютой, нужно думать, не была отражена в таможенных записях, так как скупка валюты производилась специальными агентами царя, свободными от явки валюты на таможне.

Активное сальдо по внешнеторговым операциям ярко свидетельствует о здоровых тенденциях в экономической жизни, а наличие активного сальдо из года в год говорит об устойчивости этих тенденций, а также об определенной политике в отношении построения внешнеторговых связей.

Рассмотрим более подробно обороты смоленской торговли по группам товаров промышленных и сельскохозяйственных. Общее соотношение этих товарных групп определяется следующим образом:

	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.
Общий оборот сельскохозяйственных товаров	34 119 р. 9 ал.	31 085 р. 23 ал. 3 д.	42 163 р. 29 ал. 5 д.	38 081 р. 11 ал. 3 д.
Общий оборот промышленных товаров	17 445 р. 3 ал. 2 д.	25 100 р. 2 ал. 5 д.	18 642 р. 21 ал. 2 д.	17 528 р. 2 ал. 2 д.
Итого	51 564 р. 12 ал. 2 д.	56 185 р. 26 ал. 2 д.	60 806 р. 17 ал. 5 д.	55 609 р. 13 ал. 5 д.
Деньги на покупку товаров	794 р. 12 ал. 2 д.	1004 р. 31 ал. 1½ д.	295 р. 8 ал. 1½ д.	568 р. 29 ал. 2½ д.
Общий итог	52 358 р. 24 ал. 4 д.	57 190 р. 24 ал. 1½ д.	61 101 р. 26 ал. 1½ д.	56 178 р. 9 ал. 5½ д.

Продукты сельскохозяйственного производства составляют, таким образом, около двух третей общего торгового оборота. Соответствующие данные об оборотах по отдельным товарам сельскохозяйственной

¹ Согласно расходным книгам дворцового села Поречья за 1670 г., «по указу в. государя и по наказной памяти из Новгородского приказу за приписью дьяка Аврама Кашеева и по приказу боярина и воеводы кн. Ивана Андреевича Хованского с товарищи, велено резать в Порецкой и Рудкой волостях в угрожих лесах на ризскую руку лесные товары ванчос и клепку василку» (л. 90). Всего в 1670 г. было заготовлено 3670 шт. ванчосу и 9900 шт. клепки василки, стоимостью с доставкой на берег: ванчос 5 ал. 2 д. шт., клепка 7 д. шт. Всего было отпущено в Ригу 12 плотов. Кормищику и молодцам, а также «мыта и всяких выдатков» в пути пришлось уплатить — со штуки ванчоса по 5 ал., со штуки клепки по 2 д. Дорогой «разбило на порогех» 420 шт. ванчосу и 900 шт. клепки. С доставкой в Ригу («с тою денгою, который лес водой разнесло») стоимость штуки ванчоса составила 12 ал., клепки — 2 ал., т. е. весь товар франко Рига стоил 1710 р. Продан же был товар в Риге: ванчос по ефимку, клепка по 2 ал. 2 д. штука ефимками, в приемке ефимок шел по полтине. Общая выручка составила таким образом 2195 р. (1615 р. ванчос и 570 р. клепка), прибыль — 485 р. (ГАФКЭ, С. Д., кн. 11, лл. 90—91). Копии порецких дворцовых книг любезно предоставлены для использования А. Н. Сперанским, за что приношу ему глубокую благодарность.

² ГАФКЭ, С. Д., кн. 15, лл. 747—747 об.

группы показывают, что основным товаром являлась пенька чистая, обороты с которой составляли:

	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.
Экспорт	22 670 р. 28 ал. 4 д.	17 205 р. 11 ал. 1/2 л.	21 317 р. 5 1/2 д.	16 455 р. 12 ал. 3 1/2 д.
Внутренний рынок	4 544 р. 18 ал.	1 032 р. 9 ал. 2 д.	8 879 р. 11 ал. 1 д.	7 567 р. 15 ал. 4 д.
Итого	27 215 р. 13 ал. 2 д.	18 237 р. 20 ал. 2 1/2 д.	30 196 р. 12 ал. 1 1/2 д.	24 022 р. 28 ал. 1 1/2 д.

Пенька, являясь основным товаром смоленской торговли, шла в основном на экспорт; обороты с пенькой на внутреннем рынке частично отражают скупку пеньки в больших партиях также для экспортных операций.

Видное место в сельскохозяйственной группе товаров занимала рыба. В 1673—74 г. обороты по рыбе составили 1521 руб., в 1676—77 г. — 2184 р. 30 ал. 4 д., в 1677—78 г. — 3707 р. 11 ал. 5 д. и в 1678—79 г. — 3899 р. 11 ал. 2 д. На следующем за рыбой месте в оборотах стоит торговля рогатым скотом и мясом, причем обороты с рогатым скотом превышают в несколько раз обороты по мясу, что, возможно, связано с тем, что розничная мясная торговля, с полков и с рук, входила в состав оборотов мелкого торгова и не отражена в таможенных книгах отдельно. В 1673—74 г. обороты по рогатому скоту выразились в 1160 р. 3 ал. 4 д. (по мясу, кроме того, 231 р.); в 1676—77 г. — 1469 р. 11 ал. 4 д. (по мясу — 422 р. 6 ал. 4 д.); в 1677—78 г. — 2258 р. 20 ал. 2 д. (по мясу — 286 р. 20 ал. 2 д.); в 1678—79 г. — 2903 р. 23 ал. 4 д. (по мясу — 266 р. 16 ал. 4 д.).

Устойчивый характер имеют обороты с медом: в 1673—74 г. — 274 р. 2 д.; в 1676—77 г. — 685 р. 16 ал. 4 1/2 д.; в 1677—78 г. 847 р. 30 ал. 2 д.; в 1678—79 г. — 1067 р. 4 ал. 2 д.

Крайне незначительными представляются по данным таможенных книг обороты смоленской торговли по хлебу: в 1673—74 г. — 78 руб.; в 1676—77 г. — 133 р. 14 ал. 4 д.; в 1677—78 г. — 670 р. 10 ал. 3 д.; в 1678—79 г. — 166 р. 18 ал. Объяснить это явление можно тем, что закупка и заготовка хлеба для снабжения большого военнослужилого населения Смоленска не отражались в таможенных книгах (заготовкой хлеба ведала приказная изба).

Из других товаров сельскохозяйственной группы необходимо отметить лук и чеснок, с оборотом в 1678—79 г. 324 р. 30 ал.; орехи, с оборотом в 1678—79 г. — 119 р. 19 ал. 4 д.; яблоки — с оборотом в 1676—77 г. — 146 р. 32 ал. 4 д. (по последним товарам приведены данные за годы наивысших оборотов).

К сожалению, вследствие суммарного характера записей осталась не дифференцированной по отдельным товарам довольно большая группа смешанных оборотов. Без указания оборотов по отдельным товарам было зарегистрировано явок сельскохозяйственных товаров в 1673—74 г. на 1832 р. 16 ал. 4 д., в 1676—77 г. — на 6467 р. 16 ал. 1 д., в 1677—78 г. — на 2270 р. 17 ал. 1 д. и в 1678—79 г. — на 4511 р. 6 ал. 3 1/2 д.

В составе этой группы представлены все виды сельскохозяйственных товаров и выделить какие-либо товары не представляется возможным.

Приведенные данные позволяют отметить разнообразие товаров сельскохозяйственной группы и рост оборотов по всем товарам, за исключением пеньки, кривая оборотов с которой по годам неустойчива.

Переходя к обзору состава оборотов смоленской торговли по промышленным товарам, необходимо указать, что смешанные обороты по этой группе, не дифференцированные по отдельным товарам, были очень значительными. В 1673—74 г. эти смешанные обороты составили 10 511 р. 16 ал. 4 д., в 1676—77 г. — 12 277 р. 15 ал. 4 д., в 1677—78 г. — 11 535 р. 7 ал. 2 д. и в 1678—79 г. — 10 127 р. 1 ал.

Главную массу товаров, вошедших в указанные обороты, составляют импортные товары — ткани, галантерея, обувь, платье и некоторые другие, но точно выявить обороты по отдельным импортным товарам нельзя.

Из промышленных товаров, учтенных отдельно, необходимо отметить обороты по импорту рижской соли, составившие: в 1673—74 г. 3341 р. 5 ал. 2 д., в 1676—77 г. — 2921 р. 5½ д., в 1677—78 г. — 2488 р. 20 ал. 2 д., в 1678—79 г. — 2693 р. 23 ал. Значительно меньше обороты с солью русы внутреннего производства (из Старой Руссы): в 1673—74 г. — 850 р. 16 ал. 4 д., в 1676—77 г. — 4125 р. 26 ал. 1½ д., в 1677—78 г. — 852 р. 3 ал. 4 д. и в 1678—79 г. — 1203 р. 27 ал. 5 д. Из других товаров рассматриваемой группы можно указать обороты с сельдями (в 1677—78 г. — 329 р. 16 ал. 4 д.), москательными химическими товарами (в 1676—77 г. — 612 р. 18 ал. 2 д., в 1677—78 г. — 638 р. 12 ал. 2 д. и в 1678—79 г. — 200 р. 20 ал.), железом (в 1673—74 г. — 171 р. 16 ал. 4 д., в 1676—77 г. — 156 р. 20 ал., в 1677—78 г. — 84 р. 10 ал., в 1678—79 г. — 58 р. 8 ал. 2 д.), сковородами (в 1673—74 г. — 463 р. 16 ал. 4 д.) и некоторыми другими (кожами, галантереей, сукном, мехами), причем среди этих оборотов видное место занимают товары внутреннего производства, точные обороты по которым, так же, как и по импортным, выявить нельзя. Можно отметить лишь значительные обороты с кожами, мехами, сермяжным сукном, холстом, железом (Тихвинский уклад), металлическими изделиями (тверские ножи и замки) и др.

При экономической оценке оборотов по промышленным товарам внутреннего производства и ввозным нужно иметь в виду более высокие цены на импортные товары, что повышает удельный вес оборотов по товарам внутреннего производства, обороты по которым исчислены по низким ценам.

Можно отметить в качестве общей тенденции, правда недостаточной ярко выраженной, снижение за рассмотренные годы оборотов по импортным товарам, причем общее соотношение оборотов по сельскохозяйственным и промышленным товарам отличается известным постоянством.

Разработка данных об оборотах в месячном разрезе позволит сделать некоторые наблюдения о влиянии на обороты сезонных факторов. Так, по группе промышленных товаров наивысший размер оборотов приходится во второй квартал (декабрь—февраль), что, конечно, связано с удобствами зимнего пути. В общем же по этой группе товаров торговля не прекращалась круглый год, держась на относительно высоком уровне. Второй квартал выделяется и по оборотам с солью (рижской и соли русы), причем в отношении соли рижской нужно отметить высокие обороты в первом квартале (главным образом сентябрь) и четвертом (главным образом август), когда соль доставлялась водой по Западной Двине (возможно, обратным транспортом, которым отправлялась за рубеж пенька).

По пеньке чистой подавляющая часть оборотов падает на третий

квартал (главным образом на май), когда по вскрытии рек пенька отпускалась за рубеж. Некоторое оживление оборотов с пенькой чистой имело место и в четвертом квартале, особенно в августе, когда происходила осенняя отправка пеньки за рубеж.

По рогатому скоту наибольшие обороты падают на осеннюю продажу скота (весь первый квартал), а также на четвертый квартал (август и отчасти июль). Большая часть оборотов по рыбе проходила в первом квартале, в его второй половине (ноябрь), и во втором квартале, что, помимо удобств зимней доставки, связано с постами, падающими на этот период (рождественский пост и заготовка рыбы к великому посту).

По меду наибольшие обороты, естественно, падают на первый квартал, отчасти на второй (рождественские базары) и август.

Значительный интерес представляет группировка оборотов по их размерам, отраженная в следующей таблице, в которой сведено количество явок по каждой группе.

Группы оборотов в руб.	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.
1—10 . . .	128	220	277	317
11—20 . . .	134	175	198	245
21—30 . . .	112	103	140	116
31—50 . . .	80	106	125	102
51—70 . . .	57	51	68	54
71—100 . . .	43	51	56	60
101—150 . . .	36	40	30	21
151—200 . . .	16	16	19	27
201—300 . . .	8	16	20	23
301—500 . . .	9	12	14	6
501—700 . . .	6	5	5	9
701—1000 . . .	5	1	1	2
1001—1500 . . .	1	3	4	1
1501—2000 . . .	—	—	1	1
2001—3000 . . .	—	1	—	1
3001—5000 . . .	2	1	2	—
5001 и выше . . .	1	2	1	1
Всего явок	638	803	961	986

Приведенные данные свидетельствуют, что подавляющую массу отдельных явок составляют партии товаров стоимостью до 50 руб.; начиная со 150 руб. явки носят единичный характер. Таким образом, этими данными смоленская торговля характеризуется как мелкая и мелкооптовая. В то же время удельный вес крупнооптовой торговли, начиная с явок партий товаров стоимостью более 100 руб., весьма значителен, о чем говорит таблица, приведенная на следующей странице.

На смоленском рынке, как видно из приведенных данных, выступают крупные торговцы, предъявляющие партии товаров иногда стоимостью в несколько тысяч рублей, что свидетельствует о накоплении в руках отдельных купцов крупных капиталов.

Большой интерес представляют данные таможенных книг относительно оборотов различных групп населения, участвовавших в смоленской торговле. В записях имеются указания о том, кто предъявлял товары на таможне, причем основными категориями торговых людей в записях отмечены: мещане, посадские люди, военнoслужилые люди, крестьяне и некоторые другие (шляхта, бобыли); часть оборотов не имеет этих указаний. Надо иметь в виду некоторую условность названных подразделений, в частности, в отношении обозначений «мещане»

Партии стоимостью в руб.	1673—74 г.		1676—77 г.	
	Колич. явок	Оборот	Колич. явок	Оборот
51—100	100	6 648 р. 5 ал. 1 д.	102	9 124 р. 22 ал.
101—200	52	7 853 р. 24 ал.	56	8 124 р. 11 ал.
201—500	17	7 113 р. 15 ал.	28	8 565 р. 5 д.
501—1000	11	8 606 р. 11 ал. 4 д.	6	4 698 р. 26 ал. 3 д.
1001—2000	1	1 221 р. 16 ал. 4 д.	3	3 599 р. 25 ал. 4 д.
2001—5000	2	6 133 р.	1	3 456 р. 24 ал. 4 д.
5001 и выше	1	5 122 р.	2	9 408 р. 2 д.
Итого	184	42 698 р. 5 ал. 5 д.	198	46 977 р. 11 ал.
Партии до 50 руб.	454	9 660 р. 18 ал. 5 д.	605	10 213 р. 13 ал. 1½ д.
Весь оборот	638	52 358 р. 24 ал. 4 д.	803	57 190 р. 24 ал. 1½ д.

Партии стоимостью в руб.	1677—78 г.		1678—79 г.	
	Колич. явок	Оборот	Колич. явок	Оборот
51—100	124	8 648 р. 10 ал.	114	8 258 р. 8 ал. 2 д.
101—200	49	7 245 р. 16 ал. 4 д.	48	6 866 р. 21 ал.
201—500	34	11 120 р. 12 ал. 1 д.	29	7 659 р. 16 ал. 2 д.
501—1000	6	2 303 р. 14 ал.	11	9 656 р. 28 ал.
1001—2000	5	7 253 р. 6 ал. 4 д.	2	2 894 р. 26 ал. 1 д.
2001—5000	2	4 128 р.	1	2 927 р. 20 ал. 4 д.
5001 и выше	1	6 284 р. 26 ал. 4 д.	1	6 288 р. 29 ал.
Итого	221	46 983 р. 19 ал. 3 д.	206	44 552 р. 16 ал. 1 д.
Партии до 50 руб.	740	14 118 р. 6 ал. 3½ д.	780	11 625 р. 27 ал. ½ д.
Весь оборот	961	61 101 р. 26 ал. ½ д.	986	56 178 р. 9 ал. 5½ д.

и «посадские люди», категорий населения по существу аналогичных, причем мещанами в таможенных книгах именуется торговые люди зарубежных городов и городов (в первую очередь Смоленска), возвращенных в состав Русского государства.

Обороты отдельных групп торговых людей отражены в таблице, приведенной на следующей странице.¹

Мещане в таможенных книгах зарегистрированы из следующих городов:² Борисова, Велижа, Витебска, Вильны, Горок, Дубровны, Духовщины, Копыси, Коломны, Кролевца, Минска, Могилева, Мстиславля, Орши, Полоцка, Поречья, Почапа, Рославля, Рудни, Слуцка, Смоленска, Стародуба, Шклова; посадские люди — из Белева, Волхова, Боровска, Брянска, Вологды, Вереи, Вязмы, Городца, Дорогобужа, Калуги, Кинешмы, Великих

¹ В оборотах не учтены деньги на покупку.

² Разрядкой набраны зарубежные города.

Группы торговых людей	Оборот			
	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.
Посадские люди	9 014 р. 17 ал.	8 998 р. 22 ал. 3 д.	9 641 р. 18 ал. 1 д.	11 944 р. 9 ал. 2 д.
Мещане	16 692 р. 16 ал. 4 д.	35 990 р. 21 ал. 5 д.	34 888 р. 18 ал. 5 ¹ / ₂ д.	28 195 р. 18 ал. 4 ¹ / ₂ д.
Военнослужилые	13 662 р. 27 ал. 2 д.	6 883 р. 7 ал. 1 ¹ / ₂ д.	8 010 р. 7 ал. 5 ¹ / ₂ д.	7 476 р. 1 ¹ / ₂ д.
Крестьяне	669 р. 2 д.	1 988 р. 4 ал.	1 901 р. 11 ал. 4 ¹ / ₂ д.	3 332 р. 1 д.
Прочие (неслужилая шляхта, бо- были, без указания)	11 525 р. 17 ал. 4 д.	2 325 р. 4 ал. 1 ¹ / ₂ д.	6 364 р. 27 ал. 4 ¹ / ₂ д.	4 662 р. 18 ал. 5 д.
Итого	51 564 р. 12 ал. 2 д.	56 185 р. 26 ал. 2 д.	60 806 р. 17 ал. 5 д.	55 609 р. 13 ал. 5 д.

Лук, Новгорода Великого, Осташкова, Пскова, Ржева, Смоленска, Ст. Руссы, Твери, Торжка, Торопца, Углича, Устюжны; стрельцы и пушкари — из Брянска, Великих Лук, Смоленска, Торопца; крестьяне — из Ржева, Серпейска, Суздаля, Торопца.

Основное место в торговых оборотах занимают мещане, особенно крупные торговцы пенькой и промышленными товарами из Смоленска и зарубежных городов. Сильно была развита торговля среди военнослужилого населения. Торговлей занимались рядовые и начальные ратные люди полков, стоявших в Смоленске, а также военнослужилая шляхта. В Смоленск приезжали пушкари и стрельцы из Брянска, Торопца и Великих Лук.

Основную часть посадских людей, приезжавших с товарами в Смоленск, составляют посадские люди Вязьмы, Торопца, Великих Лук, т. е. русских городов.

Крестьяне, приезжавшие в Смоленск, в отдельных случаях показаны как вотчинные, иногда как монастырские, но чаще без указаний, в силу чего нельзя по этой группе торговых людей сделать определенных выводов.

Особняком в таможенных книгах отражены обороты по конской торговле. Таможенные сборы с конской площадки, в виде пошлин по 6 д. с рубля и 6 д. «с шерсти с купца», учитывались на смоленской таможене отдельно. Сохранились записные книги сборам с конской площадки за два года (1673—74 и 1676—77 гг.). За первый год было совершено 112 сделок, за второй — 71. Общая сумма оборота составила в 1673—74 г. 459 р. 3 ал. 2 д., в 1676—77 г. — 400 р. 8 ал. 4 д.¹

Относительно небольшие обороты по конской площадке, помимо ущерба, нанесенного конскому поголовью военным положением, отчасти можно объяснить и недоучетом оборотов, поскольку конская площадка в Смоленске, как и в других пунктах Смоленского уезда, была на откупе.

Обороты конской площадки по составу продавцов характеризуются данными табл. следующей страницы².

Лошади, если не считать торговли ими смоленских мещан и стрельцов, поступали главным образом из Торопца, Дорогобужа (где была в Петров день — 29 июня — ярмарка), из Великих Лук, Вязьмы, Моги-

¹ ГАФКЭ, С. Д., тамож. кн. 12, ч. I, лл. 233—278, 416—426; 594—616.

² Там же.

лева, вплоть до единичных случаев продажи лошадей торговыми людьми из таких отдаленных пунктов как Ярославль, Углич, Кинешма, Устюжна; в последнем случае весьма вероятно имела место продажа лошадей, на которых в Смоленск были привезены товары, — практика, обычная не только для XVII в.

Группы торговых людей	1673—74 г.	1676—77 г.
Посадские люди . . .	57 р. 16 ал. 5 д.	78 р. 28 ал. 2 д.
Мещане	140 р. 3 ал. 4 д.	71 р. 13 ал. 2 д.
Стрельцы	242 р. 24 ал. 1 д.	136 р. 18 ал. 2 д.
Крестьяне	18 р. 25 ал. 2 д.	15 р. 16 ал. 4 д.
Ямщики	—	17 р. 32 ал.
Архиепископ	—	40 р.

Как мы уже указывали, к оборотам, которые не учитывались таможней (учитывался только сбор пошлыны), относится розничная торговля с рук и возов и продажа вина на кружечном дворе. Об оборотах этой торговли можно судить по сумме собираемых с мелкого торгова пошлын (в размере 5 д. с рубля, т. е. $2\frac{1}{2}\%$). Эти сборы составили в 1673—74 г. 418 р. 23 ал. 2 д., в 1676—77 г. — 504 р. 11 ал. 3 д. (включая весьма незначительные сборы мостовщины и амбарщины), в 1677—78 г. — 327 р. 23 ал. 5 д., в 1678—79 г. — 267 р. 4 ал. 3 д. (за два последних года без мостовщины и амбарщины). Если принять, в порядке условного расчета, средний сбор пошлын по мелкой торговле в 300—350 р. в год, то годовые обороты этой торговли составят 12—14 тыс. руб., или около 20% учтенной на таможне торговли.

Рассмотрение торговых оборотов, зарегистрированных Смоленской таможней в целом, позволит прежде всего констатировать их довольно большие размеры, особенно принимая во внимание низкий уровень цен на сельскохозяйственные товары, составлявшие основную массу товаров, по которым учтен оборот. Товарные обороты отличаются устойчивостью на протяжении ряда лет, колеблясь в пределах 50—60 тыс. руб. в год, а считая обороты конской площадки и мелкий торг, — 60—75 тыс. руб. в год. Устойчивость эта, с незначительной тенденцией роста, свидетельствует о процессе нормализации хозяйственной жизни и торговых связей — внутренних и внешних. Внешние торговые операции в общем обороте занимают преобладающее положение, причем половину всего оборота составляет экспорт пеньки. Импорт промышленных товаров значительно меньше, и сальдо по внешнеторговым операциям в течение всех рассмотренных годов было активным.

Состав оборотов по товарному признаку свидетельствует о преобладании торговли сельскохозяйственными товарами, из которых на первом месте стоит пенька чистая. Устойчивыми являются обороты и по таким товарам как скот (обороты по рогатому скоту в несколько раз выше оборотов по лошадям), рыба, мед, кожи.

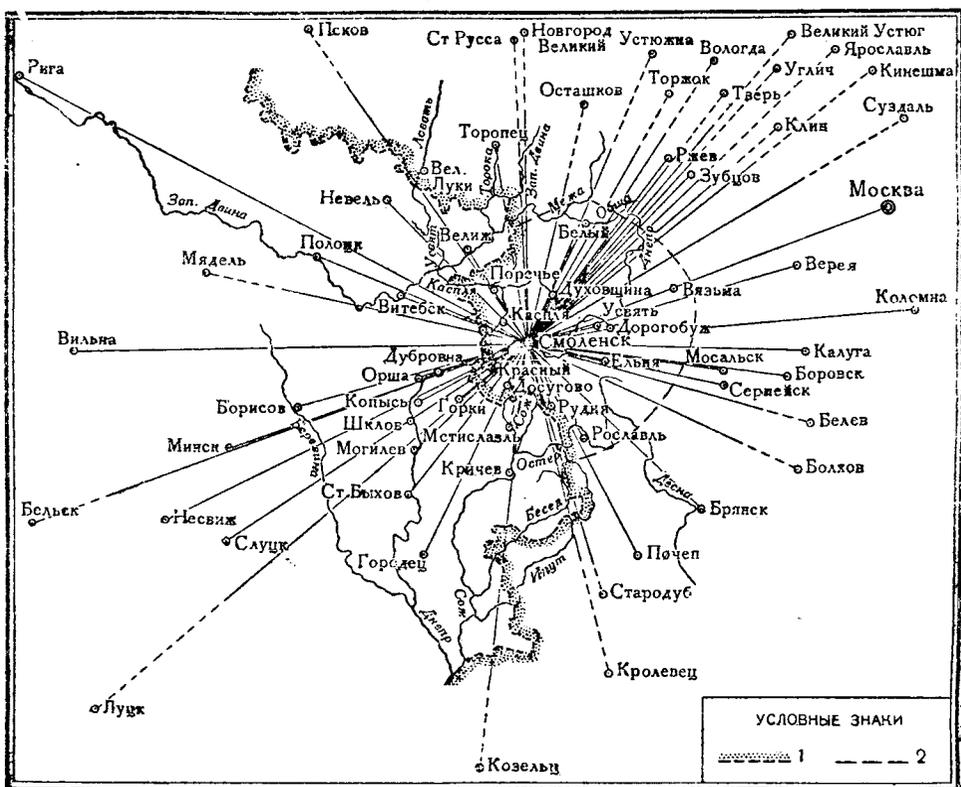
Данные о сезонности торговли обнаруживают колебания торговых оборотов в зависимости от ряда сезонных факторов, в том числе таких как состояние дорог, сезонность производства отдельных товаров, сезонность потребления (посты, большие праздники).

Из отдельных групп торговых людей первое место в торговых операциях занимают смоленские мещане и мещане зарубежных городов. Сильно развита торговля и среди военнослужилого населения Смоленска и связанных с ним торговых пунктов (Торопец, Великие Луки, Брянск). Среди посадских людей по торговым связям с Смоленском выделяются торговые люди Вязьмы и Торопца.

Таким образом, анализ торговых оборотов смоленского рынка, произведенный на основании записей таможенных книг, приводит к выводу об устойчивости торговли в целом, об установившемся характере внешних и внутренних торговых связей Смоленска и об определенности содержания этих связей. Тем большее значение имеет изучение тех конкретных путей, по которым шли торговые связи Смоленска. Это изучение дает ответ на вопрос о том, как и в какой степени Смоленск в 70-х гг. XVII в. включился в систему всероссийского рынка.

II

Таможенные записи дают богатый конкретный материал о торговых связях Смоленска, схема которых дана на прилагаемой карте. На смоленский рынок прежде всего поступали сельскохозяйственные продук-

Торговые связи Смоленска в 70-х гг. XVII в. (схематическая карта)

1 — гос. граница, 2 — областной рынок.

ты из окружающих сел и деревень, не говоря уже о пригородном и городском сельском хозяйстве (в частности, садоводстве). Далее, на смоленский рынок поступали продукты труда ремесленного населения

Смоленска и пригородов, товары сельскохозяйственного, а отчасти и ремесленного производства соседних городских рынков, для которых Смоленск являлся рынком областного значения. Следующая ступень — это крупные торговые центры страны, входившие, как и Смоленск, в систему всероссийского рынка. Наконец, пограничное положение Смоленска делало его одним из пунктов, через который Московское государство поддерживало внешнеторговые связи.

Начнем рассмотрение данных о торговых связях, отраженных в таможенных книгах, с Смоленска, торговые люди которого участвовали во всех видах указанных выше торговых сношений. Общий объем торговли смолян характеризуется следующим образом:

Годы	Число явок	Сумма оборота
1673—74	190	29 282 р. 27 ал. 2 д.
1676—77	259	33 314 р. 24 ал. 5 д.
1677—78	420	33 150 р. 30 ал. 1/2 д.
1678—79	431	31 249 р. 5 1/2 д.

Таким образом, в общем обороте, отраженном на таможене, торговля смолян составляла немного более 50%. О составе этой торговли говорят следующие данные оборота по группам товаров в рублях:

	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.
Сельскохозяйственные товары	23 442 р. 31 ал.	22 058 р. 18 ал. 4 1/2 д.	26 309 р. 8 ал. 4 р.	20 277 р. 22 ал. 2 1/2 д.
в том числе:				
Пенька чистая	22 089 р. 29 ал. 4 д.	16 549 р. 18 ал.	22 273 р. 5 ал. 3 д.	15 600 р. 21 ал. 3 д.
Скот рогатый	502 р. 16 ал. 4 д.	1 164 р.	1 939 р. 30 ал.	2 513 р. 23 ал. 4 д.
Рыба	40 р.	700 р. 23 ал. 4 д.	519 р. 10 ал.	1 085 р. 10 ал. 2 д.
Мед	242 р. 2 д.	509 р. 27 ал. 3 1/2 д.	759 р. 4 ал. 1 д.	901 р. 22 ал. 3 1/2 д.
Промышленные товары	5 839 р. 29 ал. 4 д.	11 256 р. 6 ал. 1 1/2 д.	6 841 р. 21 ал. 2 1/2 д.	10 971 р. 11 ал. 5 д.
в том числе:				
Соль рижская	1 528 р.	1 689 р. 29 ал. 3 1/2 д.	1 496 р.	1 997 р. 32 ал. 4 д.
Соль русы	38 р.	1 864 р. 16 ал. 4 д.	3 р. 3 ал. 3 д.	46 р. 6 ал. 4 д.
Смешанная группа (ткани, галантерея, москательные-химические, кожи, меха, металлы и металлические изделия, колониально-бакалейные)	3 976 р. 13 ал.	5 687 р. 10 ал. 1 д.	3 837 р. 17 ал. 5 1/2 д.	7 908 р. 10 ал.

В составе сельскохозяйственных товаров, которыми торговали смоляне, решающее место занимает пенька чистая; далее идет скот рогатый, рыба и мед. Если пенька являлась главным образом экспортным

товаром, то большинство других сельскохозяйственных продуктов шло на потребление военнослужилого населения Смоленска.

Главное место среди промышленных товаров занимают товары смешанной группы: ткани, галантерея, москательные-химические, кожи, меха, металлы и металлические изделия, колониально-бакалейные. Кроме того, зарегистрированы отдельные партии казенного поташа, который смоленские торговые люди сбывали за рубеж (в двух случаях поташ получен от казны в обмен на рижскую соль). Рижская соль в значительных количествах приобреталась в Риге после сбыта пеньки (возможно, что частично рижская соль выменивалась на пеньку). Соль русы, за исключением 1676—77 г., мало отражена в оборотах смольнян вследствие больших удобств доставки рижской соли по Западной Двине.

Основное место в торговле среди отдельных групп смольнян занимали мещане. Далее идут стрельцы московских и смоленских полков, стоявших в Смоленске, служилая и неслужилая шляхта. Торговля посадских людей и крестьян на таможне отражена слабо, поскольку имел место мелкий крестьянский торг на посаде. Соответствующие данные по оборотам таковы:

Годы	Посадские люди	Мещане	Военнослужилые люди	Крестьяне	Прочие (неслуж. шляхта, бобыли без указан.)	Весь оборот
1673—74	—	12 235 р. 27 ал. 2 д.	8 650 р.	34 р.	8 363 р.	29 282 р. 27 ал. 2 д.
1676—77	66 р. 23 ал.	27 120 р. 24 ал. 5 д.	5 419 р. 10 ал. 4 д.	182 р. 20 ал. 2 д.	525 р. 12 ал. 4 д.	33 314 р. 24 ал. 5 д.
1677—78	40 р.	25 248 р. 25 ал. 5 д.	6 520 р. 26 ал. 5½ д.	201 р. 19 ал. 2 д.	1 139 р. 24 ал. 4 д.	33 150 р. 30 ал. 1½ д.
1678—79	374 р.	21 568 р. 7 ал. 5 д.	6 390 р. 13 ал. 1½ д.	808 р. 25 ал.	2 107 р. 21 ал. 4 д.	31 249 р. 5½ д.

Размеры и количество отдельных явок смольнян характеризуются такими данными:

Годы	1—10 р.	11—20 р.	21—30 р.	31—50 р.	51—100 р.	101—200 р.	201—500 р.	501—1000 р.	1001—3000 р.	3001—5000 р.	Свыше 5000 р.
1673—74	29	43	27	17	33	23	10	7	1	1	1
1676—77	59	56	25	38	43	16	16	4	3	1	1
1677—78	139	86	49	59	51	13	15	3	5	—	1
1678—79	124	108	50	51	56	17	21	6	2	—	1

подавляющую массу явок составляют партии товаров стоимостью до 50 руб., но, как мы уже указывали, это конечно не снижает удельного веса крупнооптовой торговли.

Значительный интерес представляют данные об оборотах отдельных торговых людей. В Смоленске был ряд торговых людей, из года в год делавших весьма крупные обороты. К их числу относятся прежде всего бурмистры смоленских мещан — Семен Жданков, Семен Жуков, сыновья бурмистра Ивана Любовецкого — Василий и Яков, из которых Яков был также бурмистром. Все они — смоленские мещане первой статьи. О размерах и составе их торговли свидетельствуют такие данные:

Торговые люди	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.	Основные товары
Семен Жданков . . .	12 995 р. —	3 456 р. 24 ал. 180 р.	3 936 р. —	3 075 р. 220 р.	Пенька Соль рижская
Семен Жуков . . .	2 009 р. 6 ал. 2 д. 128 р. 140 р.	165 р. 25 ал. —	—	700 р. 600 р.	Пенька Соль рижская
Бр. Любовецкие . .	227 р. 23 ал. 2 д. —	845 р. 17 932 р. 21 ал. 4 д. 680 р.	630 р. 1 516 р. 387 р.	642 р. 7 063 р. 29 ал. 735 р.	Меха Поташ Пенька Соль рижская

Самой крупной фирмой Смоленска был торговый дом бр. Любовецких, оттеснивший по размерам торговых оборотов фирму Жданкова, первенствовавшую в 1673—74 г. Основной предмет торговли — пенька и связанные с нею операции с рижской солью.

Приведем данные об оборотах других торговых людей Смоленска из мещан:

Торговые люди	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.	Основные товары
Вас. Арефьев	104 р.	240 р.	—	—	Промышл. товары, гл. обр. галантерея
Мих. Головкин . . .	—	—	384 р.	150 р.	Соль рижская
Ем. и Моисей Жданков КОВЫ	997 р. 16 ал. 4 д.	—	—	—	Пенька
Григ. Жмака	—	—	200 р. 26 ал. 4 д.	100 р.	Пенька
Фед. Карпов	—	660 р. 100 р.	—	126 р.	Пенька
Ем. Ключковский . .	—	4 ал. 2 д.	—	395 р. 3 д.	Пенька
Фед. и Григ. Кривкины	—	100 р.	—	100 р.	Пенька
Мих. Кушнер	537 р.	1 150 р. 6 ал. 4 д.	—	620 р.	Пенька, поташ, соль рижская
Фед. Лысой	250 р.	183 р.	—	—	Пенька, соль рижская
Остап. Михайлов . .	371 р.	—	—	148 р.	Пенька
Сем. Навой	180 р.	—	—	100 р.	Пенька
Пав. Рудак	649 р. 30 ал.	721 р. 19 ал. 4 д.	329 р.	13 ал. 2 д. 1 093 р.	Пенька
Коз. Усов	488 р.	190 р.	—	—	Промышл. товары, гл. обр. сукна, галантерея

Продолжение

Торговые люди	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.	Основные товары
Ив. Чубаров	755 р.	1 134 р. 25 ал.	—	—	Пенька, промышл. товары, гл. обр. металлы и галантерея
Пав. Шиковской	1942 р.	1 425 р. 4 д.	1 283 р. 2 ал.	1 927 р.	Пенька, железо, соль рижская
Степ. Щочка	—	748 р. 23 ал. 2 д.	—	1 464 р. 1 ал. д.	Пенька, соль рижская

Большая часть перечисленных мещан относится к первой и второй статье. Наибольшие обороты зарегистрированы у Михайлы Кушнера, Павла Рудака, Павла Шиковского и Степана Щочки. Наряду с пенькой, являвшейся главным предметом торговых оборотов, может быть отмечена известная торговая специализация: Козьмы Усова и Василия Арефьева по торговле разными промышленными товарами, главным образом тканями, галантереей; Степана Щочки и Ивана Чубарова — железом.

Следующая таблица дает представление о торговле военнослуживых людей, рядовых и начальных.

Торговые люди	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.	Основные товары
Военнослуживые начальные люди					
Аф. Мицкой (голова смоленск. стрельцов)	—	—	119 р.	560 р.	Пенька и промышл. товары (ткани, галантерея)
Самойло Кременевский (ротм. шляхты)	—	—	234 р. 16 ал.	520 р.	Пенька
Конст. Лярский (поруч. шляхты)	910 р.	—	1620 р.	—	Пенька
Влад. Швыковский (ротм. шляхты)	—	—	126 р.	410 р. 3 ал.	Пенька
Денис Швыковский (стольник и полковник)	—	—	166 р.	300 р.	Пенька
Стрельцы					
Андр. Иванов	—	224 р.	220 р. 6 ал. 4 д.	160 р.	Промышл. товары, гл. обр. галантерея, ткани

Продолжение

Торговые люди	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.	Основные товары
Гавр. Калинин . . .	105 р.	120 р.	100 р.	—	Пенька Рыба Рыба, про- мышл. то- вары (платье, галантерея)
Елис. Карпов . . .	—	—	551 р. 20 ал.	—	
Сем. Корнилов . . .	—	700 р.	170 р.	—	
Фед. Кондратьев . .	105 р.	106 р.	—	—	Промышл. товары, гл. обр.
Мих. Ноздря	—	101 р. 16 ал. 4 д.	—	—	галантерея, ткани Мед
Ив. Павлов	—	150 р.	—	258 р.	Рыба, гвоздь (150 р.)
Коз. Федоров . . .	—	100 р.	—	—	Скот
Лука Терентьев . .	100 р.	117 р. 20 ал.	—	117 р.	Промышл. товары, гл. обр.
Вас. Трофимов . . .	—	165 р.	120 р.	—	галантерея, бакалея Рыба

Хотя и в меньших размерах, чем мещане, военнотруженики люди, особенно начальные, скупают и отпускают за рубеж пеньку; рядовые стрельцы торгуют главным образом рыбой, скотом, медом, тканями, галантереей.

Подводя итоги обзору торговой деятельности смолян, отметим, что главнейшей их задачей была организация отпуска пеньки чистой за рубеж. С этой задачей они, как это следует из приведенных данных, справлялись. Торговля пенькой была сосредоточена в руках сравнительно небольшого числа торговых людей. Надо полагать, что концентрация значительных оборотов с пенькой в одних руках была связана с работой ряда подсобных агентов. В таможенных книгах, правда по другим товарам, у некоторых торговых людей отмечено наличие приказчиков.

Отмечается также некоторая специализация торговли галантереей, тканями, железом. Состав промышленных товаров, а в известной мере и сельскохозяйственных, показывает, что товары смоляне получали с большого радиуса, по обе стороны границы. Труднее выясняется торговля промышленной продукцией ремесленного населения Смоленска; весьма вероятно, что значительная часть ее проходила мимо таможни (мелкий торг).

Ближайшими торговыми пунктами внутреннего рынка, торговые люди которых зарегистрированы в смоленских таможенных книгах, были: Вязьма, Дорогобуж, Досугово, Духовщина, Каспля, Красный, Поречье, Рославль, Рудня (около Дорогобужа), т. е. весь Смоленский уезд. Обороты с торговыми людьми этих пунктов характеризуются такими данными:

В том числе

Торговые пункты	Весь оборот	В том числе						Основные товары
		посадские люди	мещане	военнослужилые люди	крестьяне	прочие		
Вязьма 1673—74 1676—77 1677—78 1678—79	2311 р. 16 ал. 4 д.	2007 р. 16 ал. 4 д.	—	—	54 р. 24 ал.	250 р.	Ткани, галантерея, кожа, скот, ягюлки, хмель	
	3349 р. 25 ал. 3 д.	2762 р. 2 ал. 2 д.	23 р. —	25 р. 32 ал. 3 д.	538 р. 16 ал. 4 д.	10 р.		
	3886 р. 11 ал. 1/2 д.	2572 р. 22 ал. 4 д.	—	636 р. 5 ал.	667 р. 16 ал. 4 д.	45 р. 8 ал. 2 д.		
	3139 р. 32 ал. 4 д.	2067 р. 6 ал.	520 р. 25 ал.	25 р. 32 ал. 3 д.	181 р. 26 ал. 4 д.	—		
Дорогобуж 1673—74 1676—77 1677—78 1678—79	1004 р.	—	1001 р.	—	3 р.	—	Солод, зерно, мед, пенька; ткани, галантерея, меха	
	772 р. 30 ал. 2 д.	—	772 р. 30 ал. 2 д.	—	—	—		
	1454 р. 1 ал.	—	1447 р. 1 ал.	—	7 р.	—		
	910 р. 7 ал. 2 д.	—	901 р. 7 ал. 2 д.	—	—	9 р.		
Духовщина 1673—74 1676—77 1677—78 1678—79	157 р.	—	157 р.	—	—	—	Скот ротатый, пенька; соль рижская	
	1238 р. 25 ал. 4 д.	—	1238 р. 25 ал. 4 д.	—	—	—		
	2027 р. 20 ал.	—	2027 р. 20 ал.	—	—	—		
	1770 р. 30 ал. 1/2 д.	—	1770 р. 30 ал. 1/2 д.	—	—	—		
Поречье 1673—74 1676—77 1677—78 1678—79	7 р.	—	7 р.	—	—	—	Пенька	
	871 р. 7 ал. 1/2 д.	—	871 р. 7 ал. 1/2 д.	—	—	—		
	1096 р. 32 ал.	—	1096 р. 32 ал.	—	—	—		
	2124 р. 2 ал. 31/2 д.	—	2124 р. 9 ал. 31/2 д.	—	—	—		
Досугово, Каспля, Красный, Рославль, Рудня 1673—74 1676—77 1677—78 1678—79	14 р.	—	14 р.	—	—	—	Рыба (Досугово), соль рижская (Каспля, Рудня), мед, орехи, скот ротат. (Рославль), пенька (в том числе в Красном 967 р. 7 ал.)	
	52 р. 20 ал.	—	52 р. 20 ал.	—	—	—		
	59 р. 20 ал. 4 д.	—	59 р. 20 ал. 4 д.	—	—	—		
	1315 р. 11 ал. 4 д.	—	1313 р. 11 ал. 4 д.	—	—	—		

Основную массу торговых людей в Вязьме составляли посадские люди; в других пунктах — мещане (в Вязьме отмечены обороты военнослуживших людей и крестьян). Из Дорогобужа, Духовщины, Поречья, Досугова, Каспли, Красного, Рославля на Смоленской таможене являлись главным образом сельскохозяйственные товары. Относительно небольшие обороты этих пунктов, а также таких, как Ельня, совершенно не отраженной в оборотах таможи, объясняются тем, что в Дорогобуже и Рославле были свои внутренние таможи, а в Ельню, так же как и в Поречье, время от времени посылались для сбора пошлины целовальники Смоленской таможи.¹

Наиболее важным торговым пунктом, имевшим тесную связь со Смоленском, была Вязьма, через которую шла дорога на Москву. До того момента, когда Смоленск снова вошел в состав исконных русских городов, его место занимала Вязьма. Но и после этого Вязьма сохранила значение пункта значительной внутренней и внешней торговли. Торговые люди Вязьмы занимались как транзитом товаров в московском направлении, так и организацией зарубежного отпуски, тем более, что в Вязьме имелись уже довольно крупные торговые фирмы.

Обороты вяземских торговых людей, отраженные на смоленской таможене, характеризуются следующими данными:

	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.
Сельскохозяйствен- ных товаров . . .	326 р.	557 р. 7 ал.	1174 р. 31 ал. 5 ¹ / ₂ д.	1571 р. 10 ал.
в том числе:				
Скот рогатый	—	—	154 р. 23 ал. 2 д.	207 р.
Пенька чистая	—	—	860 р. 7 ал. 2 ¹ / ₂ д.	826 р. 25 ал.
Промышленные товары	2311 р. 16 ал. 4 д.	3349 р. 25 ал. 3 д.	3886 р. 11 ал. 1 ¹ / ₂ д.	3139 р. 32 ал. 4 д.
в том числе:				
Мыло	449 р.	612 р. 18 ал. 2 д.	627 р. 16 ал. 2 д.	187 р. 13 ал. 2 д.
Кожы яловочные . . .	—	571 р. 6 ал. 4 д.	390 р.	230 р.
Смешанная группа (ткани, галантерея, платье)	1170 р.	1602 р. 26 ал. 5 д.	1480 р. 2 ал. 5 д.	997 р. 17 ал. 4 д.

Из сельскохозяйственных товаров отметим торговлю скотом и пенькой чистой; в группе промышленных — торговлю тканями, галантереей, готовым платьем, кожами. Резко выделяется Вязьма из всех пунктов, связанных со Смоленском, по торговле мылом, что заставляет предполагать производство мыла в этом городе.

По размерам отдельных явок обороты торговых людей по некоторым из рассмотренных пунктов приведены в таблице на следующей странице.

Размеры явок торговых людей Досугова, Каспли, Красного, Рославля, Рудни не превышали 50 руб. (в Досугове и Красном зарегистрированы две явки свыше 100 руб.).

Обороты отдельных торговых людей Вязьмы, Дорогобужа, Духовщины, Поречья были иногда значительными. Так, например, вяземский торго-

¹ ГАФКЭ, С. Д., тамож. кн. 15, лл. 753, 754, 954, 959.

Торговые пункты	1673—74 г.					1676—77 г.				
	1—20 р.	21—50 р.	51—100 р.	101—300 р.	Свыше 300 р.	1—20 р.	21—50 р.	51—100 р.	101—300 р.	Свыше 300 р.
Вязьма	11	5	10	6	—	24	15	6	10	1
Дорогобуж	13	2	2	—	—	52	8	5	—	—
Духовщина	2	—	2	—	—	3	3	1	1	—
Поречье	1	—	—	—	—	4	3	5	2	—

Торговые пункты	1677—78 г.					1678—79 г.				
	1—20 р.	21—50 р.	51—100 р.	101—300 р.	Свыше 300 р.	1—20 р.	21—50 р.	51—100 р.	101—300 р.	Свыше 300 р.
Вязьма	37	21	8	8	2	69	11	9	5	1
Дорогобуж	42	10	7	—	1	28	2	1	—	1
Духовщина	2	2	—	2	1	5	1	1	2	1
Поречье	4	1	2	1	1	6	2	4	1	1

вый человек Иван Воронков, крестьянин монастыря Иоанна Предтечи, зарегистрировал в смоленской таможне тканей, галантереи и платья в 1673—74 г. на 180 р., а в 1676—77 г. — на 487 р. 24 ал. Вяземский посадский человек Андрей Кремлицын зарегистрировал пеньки, мехов, тканей, кож яловочных в 1676—77 г. на 467 р., в 1677—78 г. — на 140 р. и в 1678—79 г. — на 526 р. 25 ал. Посадский человек из Вязьмы Иван Кремлицын зарегистрировал кож яловочных в 1676—77 г. на 705 р., в 1677—78 г. — на 200 р., в 1678—79 г. — на 395 р. Вяземский посадский человек Сидор Парфенов зарегистрировал пеньки, кож яловочных и мыла в 1673—74 г. на 376 р. и в 1677—78 г. — на 304 р. Вяземский же посадский человек Иван Сидоров зарегистрировал в 1677—78 г. мыла на 305 р., и, наконец, вяземский пушкарь Фока Ефимьев зарегистрировал пеньки в 1677—78 г. на 341 р. и в 1678—79 г. — на 300 р. Крупные операции с пенькой отмечены у трех дорогобужских мещан — Ивана Богданова, Афанасия Елисеева и Симона Фокина. Первый зарегистрировал пеньки в 1678—79 г. на 540 р., второй в 1677—78 г. — на 504 р. и третий в 1673—74 г. — на 644 р. Весьма крупные обороты были у мещанина Духовщины Якова Матвеева, зарегистрировавшего в 1673—74 г. пеньки и соли рижской на 1267 р. 26 ал., в 1676—77 г. — на 1039 р., в 1677—78 г. — на 2260 р. и в 1678—79 г. — на 326 р. 17 ал. Наконец, Сидор Тетерка из Поречья зарегистрировал пеньки в 1676—77 г. на 449 р. 32 ал., в 1677—78 г. — на 598 р. и в 1678—79 г. — на 416 р. Помимо величины оборотов отдельных торговых людей, приведенные данные говорят о некоторой специализации торговли (Сидора Парфенова и Ивана Сидорова — мылом, Андрея и Ивана Кремлицыных — кожами яловочными).

Рассмотрим следующую группу связанных со Смоленском внутренних торговых пунктов, расположенных на север и северо-запад от него: Торопец, Великие Луки, Псков, Новгород Великий, Осташков, Старая Русса. Торговые люди этих пунктов явили товаров в Смоленске на следующие суммы:

Торговые пункты	Весь оборот	В т о м ч и с л е				Основные товары
		посадские люди	мещане	военнослужилые люди	крестьяне	
Торопец	4987 р. 3 ал. 2 д.	3062 р. 3 ал. 2 д.	—	687 р.	125 р.	213 р.
1673—74	5508 р. 28 ал. 1 д.	3729 р. 12 ал. 3 1/2 д.	263 р.	1140 р. 5 ал. 4 1/2 д.	187 р.	189 р.
1676—77	3732 р. 23 ал. 1 д.	3175 р. 20 ал. 4 д.	—	427 р. 20 ал. 3 д.	118 р.	12 р.
1677—78	4667 р. 29 ал. 1 1/2 д.	3315 р. 27 ал. 2 1/2 д.	591 р. 26 ал. 4 д.	334 р. 10 ал.	317 р. 31 ал.	8 р.
1678—79						
Великие Луки	656 р. 16 ал. 4 д.	122 р.	—	291 р. 16 ал. 4 д.	—	—
1673—74	1119 р. 6 ал. 4 д.	147 р. 29 ал. 1 д.	—	187 р. 9 ал. 2 д.	—	—
1676—77	446 р. 8 ал. 1 д.	86 р. 3 ал. 2 д.	—	191 р. 18 ал. 4 д.	22 р.	—
1677—78	237 р. 28 ал. 2 д.	60 р.	—	130 р. 20 ал.	16 р. 25 ал.	—
1678—79						
Псков	80 р. 5 ал.	80 р.	—	—	—	—
1673—74	205 р. 5 ал.	205 р. 5 ал.	—	—	—	—
1676—77	618 р. 21 ал. 4 д.	448 р. 21 ал. 4 д.	—	—	—	170 р.
1677—78	45 р.	45 р.	—	—	—	—
1678—79						
Новгород Великий	31 р.	18 р.	—	—	—	—
1673—74	56 р. 24 ал. 4 д.	56 р. 24 ал. 4 д.	—	—	—	—
1676—77	59 р. 13 ал. 2 д.	59 р. 13 ал. 2 д.	—	—	—	—
1677—78	187 р.	187 р.	—	—	—	—
1678—79						
Осташков, Старая Русса	91 р. 13 ал. 2 д.	37 р. 13 ал. 2 д.	—	—	44 р.	10 р.
1673—74	201 р.	45 р.	—	—	99 р.	57 р.
1676—77	109 р. 16 ал. 4 д.	73 р. —	6 р.	—	30 р. 16 ал. 4 д.	—
1677—78	32 р.	—	—	—	32 р.	—
1678—79						

Рыба, скот, рог.,
мясо; ткани, га-
лантерея, соль ру-
сы

Рыба; соль
русы

Рыба

Соль русы,
ткани

Рыба (Осташков);
мет. изделия (Ста-
рая Русса)

Если Вязьма является промежуточным пунктом торговых сношений с внутренними восточными районами, то в отношении западных внутренних районов, а также части пунктов внешней торговли таким рынком был Торопец. Рассмотрим состав и объем торговых связей Смоленска с торопчанами:

	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.
Сельскохозяй- ств. товары . . .	2522 р. 20 ал.	3100 р. 10 ал.	2692 р. 6 ал.	2694 р.
в том числе:				
Рыба	1047 р.	1328 р. 20 ал.	2043 р. 6 ал.	1948 р. 26 ал. 4 д.
Скот рогатый	427 р. 20 ал.	211 р. 16 ал. 4 д.	1322 р.	130 р.
Мясо	200 р.	385 р. 6 ал. 4 д.	177 р.	50 р.
Промышленные товары	2464 р. 16 ал. 4 д.	2408 р. 18 ал. 2 д.	1040 р. 17 ал. 1 д.	1873 р. 29 ал. 1 $\frac{1}{2}$ д.
в том числе:				
Соль русы	747 р. 16 ал. 4 д.	299 р. 28 ал.	674 р. 15 ал. 4 д.	1059 р. 19 ал. 1 д.
Смешанная группа (ткани, галантерея, бакалейно-колони- альные товары) . . .	1474 р.	1154 р. 23 ал. 4 д.	356 р. 1 ал. 3 д.	810 р. 18 ал. 2 $\frac{1}{2}$ д.

По рыбной торговле торопчане стоят на первом месте из всех торговых людей, связанных со Смоленском. Далее идут обороты по скоту рогатому и мясу, доставлявшимся торопчанами в Смоленск в больших количествах.

Среди промышленных товаров отметим соль русы, в торговле которой торопчане занимают также первое место. В довольно больших размерах поступали через Торопец иностранные товары: ткани, галантерея, бакалейно-колониальные товары. Размеры отдельных явок большей частью не превышают 100 руб.

Основную торговлю вели посадские и военнотружильные люди. Об оборотах отдельных торговых людей можно судить по следующей таблице:

Торговые люди	Соц. признак	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.	Основные товары
Миرون Иванов	Пос. челов.	260 р.	—	101 р. 8 ал. 2 д.	—	Ткани, га- лантерея, соль русы
Сид. Красиль- щиков	То же	220 р.	435 р.	460 р.	690 р.	Рыба, соль руссы
Еуменей Мат- веев	То же	—	296 р.	—	—	Рыба
Алексей Фокин	То же	—	—	152 р.	1 4 р.	Соль русы, кожа
Ив. Дамаскин	Пушкарь	116 р.	218 р.	—	—	Ткани, га- лантерея

Торговые люди Великих Лук, Пскова, Новгорода Великого, Осташкова, Ст. Руссы являли в Смоленске главным образом рыбу, соль русы и отчасти иностранные товары (новгородские и старорусские купцы). Любопытно, что на смоленской таможене не зарегистрировано привоза соли русы старорусшанами. Обороты большей части торговых людей указанных пунктов не превышают 20—50 руб. Только стрелец Прокопий Ломакин из Великих Лук явил в 1676—77 г. иностранных товаров (ткани, галантерея) на 524 р., да псковитяне посадские люди — Михайло Алексеев, Иван Котельников и Гавриил Михайлов привезли в 1677—78 г. рыбы на 410 руб.

В южном и юго-восточном направлении Смоленск был связан непосредственно с торговыми людьми Белева, Болхова, Боровска, Брянска, Калуги, Козельска, Коломны, Кролевца, Мосальска, Почепа, Серпейска, Стародуба. Об объеме и характере торговых связей с этими пунктами дают представление следующие данные об оборотах:

Торговые пункты	Соц. признак	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.	Основные товары
Белев	Пос. люди	60 р.	—	103 р. 4 ал. 4 д.	92 р. 24 ал.	Орехи
Болхов	То же	—	96 р.	—	—	Хмель
Боровск	Пос. люди и военно-служилые	—	174 р.	63 р.	—	Орехи, холст
Брянск	Пос. люди и крестьяне	352 р.	274 р. 20 ал. 3 д.	334 р. 11 ал. 1 ¹ / ₂ д.	47 р. 26 ал.	Пенька половая и чистая, яблоки
Калуга	Пос. люди и военно-служилые	115 р.	155 р.	376 р. 19 ал. 3 д.	261 р. 5 д.	Пенька половая и чистая
Козельск	Крестьяне	—	—	101 р. 9 ал. 5 ¹ / ₂ д.	—	Пенька половая
Коломна	Мещане	—	—	—	158 р. 18 ал. 2 д.	Пенька чистая
Кролевец	То же	—	—	—	24 р.	Пшено
Мосальск	Крестьяне и мещане	63 р. 8 ал. 2 д.	68 р. 25 ал. 2 д.	119 р. 19 ал. 2 д.	207 р. 12 ал. 4 д.	Пенька половая и чистая
Почеп	Мещане	—	—	—	64 р. 20 ал.	Пшено, сливы
Серпейск	Крестьяне	—	62 р. 25 ал.	52 р. 16 ал. 4 д.	110 р. 20 ал. 5 д.	Пенька половая, мед
Стародуб	Мещане	42 р.	23 р.	—	42 р. 16 ал.	Сало, стекло

Основные объекты торговли со Смоленском южных и юго-восточных пунктов — это сельскохозяйственные товары, главным образом пенька, являемая небольшими партиями. Имела место также торговля орехами, которые собирались в больших количествах в лесах некоторых районов (Брянск, Белев). Обороты торговых людей данной группы обычно не превышают 50 руб. Только посадские люди Болхова — Иван Андреев и Илья Семенов, стрелец Галактион Антонов и крестьянин Михаил Лазарев из Брянска, да мещанин Василий Григорьев из Масальска за разные годы зарегистрировали на Смоленской таможене партии товаров (пенька) соимостью по 100—200 руб.

Из пунктов, расположенных в восточном и северо-восточном направлении, на Смоленской таможене регистрировали свои товары торговые люди Вереи, Вологды, Зубцова, Кинешмы, Клина, Костромы, Москвы,

Ржева, Твери, Суздаля, Торжка, Углича, Устюга Великого, Устюжны, Ярославля. Торговые обороты по этим пунктам характеризуются следующими данными:

Торговые пункты	Соц. признак	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.	Основные товары
Верея	Пос. люди	71 р.	180 р.	135 р.	247 р. 30 ал.	Лук, чеснок
Вологда	То же	—	44 р.	—	—	Пенька, галантерея
Зубцово	Крестьяне	—	39 р.	—	—	Соль русы
Кинешма	Пос. люди	51 р.	213 р.	40 р.	—	Ткани, галантерея
Клин	То же	—	—	12 р.	—	Орехи
Кострома	То же	7 р.	—	—	—	Рожь
Москва	Мещане, военнослужилые, без указ.	663 р.	275 р. 1 ал. 4 д.	792 р. 13 ал. 2 д.	311 р.	Меха, ткани, галантерея, пенька половая, сале
Ржев	Крестьяне, пос. люди	166 р. 8 ал. 2 д.	504 р. 31 ал. 5 д.	185 р. 8 ал. 4 д.	323 р. 11 ал. 4 д.	Соль русы, рыба
Тверь	Пос. люди	—	—	8 р.	—	Лук, чеснок
Суздаль	Крестьяне	124 р.	133 р. 6 ал. 4 д.	—	250 р. 16 ал. 4 д.	Кожа яловочная, сковороды
Торжок	Пос. люди	—	5 р.	—	—	Рыба
Углич	То же	400 р.	20 р.	—	—	Ткани, галантерея
Устюг Великий	То же	—	9 р.	—	—	Ткани
Устюжна	То же	278 р. 16 ал. 4 д.	—	—	—	Сковороды, соль русы
Ярославль	То же	—	856 р. 13 ал. 4 д.	—	—	Меха, ткани, галантерея, готовое платье

Наряду с более близкими пунктами, доставлявшими в Смоленск лук, чеснок (Верея, Тверь), орехи (Клин), в смоленской таможене регистрировали свои товары (главным образом промышленные) торговые люди отдаленных городов — Вологды, Москвы, Суздаля, Углича, Устюга Великого, Устюжны, Ярославля. В Смоленск попадали таким образом товары с других торговых путей, в частности, с пути Москва—Архангельск, так же, как на этот последний путь попадали товары, купленные в Смоленске. Торговля с Москвой отражена в таможенных записях односторонне — это более или менее случайные приезды в Смоленск торговых людей Москвы. В то же время значительная часть товаров зарубежного происхождения шла через Смоленск именно в Москву, через посредство лишь иноземных купцов или торговых людей Смоленска и Вязьмы. Через эти же руки проходили московские товары, главным образом меха, на запад. К сожалению, таможенные записи не позволяют установить размеры и состав этой торговли.

Обычно торговые люди дальних пунктов регистрировали товары крупными партиями: из Новгорода Великого посадский человек Борис Скалов явил металлов на 187 руб.; из Суздаля крестьянин Михаил Тимофеев привез сковород на 110 руб., а крестьянин Данила Константинов зарегистрировал кож яловочных на 133 руб.; из Москвы человек суконной сотни Матвей Григорьев явил тканей, галантереи на 404 руб.; из Углича посадский человек Селивестр Михайлов явил тканей и галантереи на 400 руб., из Ярославля посадский человек Семен Лузин явил тканей, галантереи и обуви на 357 руб.

Несмотря на то, что только в 1686 г. был подписан «вечный» мир с Польшей, а до этого действовали условия Андрусовского перемирия и соглашения 1678 г., приток зарубежных купцов в Смоленск в 70-х гг. не прекращался. Из южных и юго-западных зарубежных городов в Смоленске бывали купцы Борисова, Быхова (Старого и Нового), Горок, Городца, Дубровны, Копыси, Кричева, Луцка, Шклова. Из западных и северо-западных зарубежных торговых пунктов в Смоленск приезжали купцы Велижа, Вильны, Витебска, Мядели, Невеля, Полоцка. Обороты торговых людей первой из этих групп, состоящей по социальному признаку из мещан, характеризуются такими данными:

Торговые пункты	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.	Основные товары
Бельск	—	—	—	37 р. 20 ал.	Скот рогатый, сохи
Борисов	630 р.	—	—	128 р. 11 ал. 4 д.	Кожы красн., сукна, готовое платье, металл. изд., галантерея
Быхов (Старый и Новый)	7 р.	100 р.	201 р.	25 р. 23 ал. 4 д.	Кожы красн., ткани, галанте- рея
Горки	20 р.	50 р.	15 р.	7 р.	Кожы, водка французская
Городец	133 р.	17 р.	—	18 р.	Семя луковое, ткани
Дубровна	65 р.	9 р.	—	166 р. 30 ал. 2 ¹ / ₂ д.	Кожы, железо, пенька
Копысь	150 р.	149 р. 25 ал.	15 р.	24 р.	Ткани, галан- терея, сохи
Кричев	10 р.	—	—	—	Зерно
Луцк	—	—	224 р.	—	Ткани, галан- терея, платье
Минск	608 р.	50 р.	789 р. 8 ал. 2 д.	166 р. 16 ал. 4 д.	Ткани, галан- терея
Могилев	1973 р. 16 ал. 4 д.	2232 р. 18 ал.	1576 р. 30 ал. 2 д.	1232 р. 26 ал. 4 д.	Сукно, ткани, кожи, обувь, меха, галанте- рея
Мстиславль	6 р.	41 р. 16 ал. 4 д.	2 р. 16 ал. 4 д.	2 р.	Яблоки
Несвиж	162 р.	—	—	27 р. 16 ал. 4 д.	Ткани, галан- терея
Орша	29 р.	—	5 р.	17 р.	Мед, горшки,
Слуцк	32 р.	723 р. 26 ал. 4 д.	200 р. 16 ал. 4 д.	308 р. 16 ал. 4 д.	Ткани, меха
Шклов	145 р.	313 р. 22 ал. 2 д.	301 р. 15 ал.	65 р.	Ткани, рыба, яблоки, сало

Устойчивый характер носят связи со Смоленском купцов Быхова, Дубровны, Минска, Мстиславля, Могилева, Слуцка и Шклова. Основной состав торговли — это ткани, в частности, могилевские сукна, галантерея, обувь, готовое платье, металлические изделия. Из отдельных купцов отметим мещанина Константина Алексея из Борисова, явившего кож и промышленных товаров на 630 р.; мещанина Андрея Ильина из Луцка, явившего промышленных товаров на 224 руб., минских мещан Яна Дерновского, Федора Григорьева, Григория Иванова, Григория Петрова, Федора Жилева, явивших каждый партии промтоваров на сумму 100—200 руб.; слущких мещан — Андрея Павлова (ткани на 200 руб.)

и Андрея Ильина (ткани на 200 руб. и соболи на 475 руб.). Крупные ярки зарегистрированы у могилевских купцов — бурмистра мещан Саввы Агеева — 400 руб. (сукно), мещанина Артемия Афанасьева — 133 руб. (сукно), мещанина Антона Васильева — 150 руб. (ткани и галантерея), мещанина Спиридона Дехтярева — 188 руб. (сукно), мещанина Василия Ермолаева — 120 руб. (ткани, галантерея), мещанина Спиридона Карпова — 504 и 300 руб. (сукна), мещанина Михайлы Моисеева — 380 руб. (сукна, ткани), мещанина Герасима Федорова — на 260 руб. (меха), мещанина Ивана Штановника — 240 руб. (сукно).

Связи Смоленска с купцами западных и северо-западных зарубежных пунктов определяются такими данными:

Торговые пункты	Соц. признак	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.	Основные товары
Велиж	Пос. люди и мещане	82 р.	52 р.	88 р. 20 ал. 5 д.	67 р.	Пенька чистая, мед, рыба
Вильна	Мещане	—	116 р. 22 ал. 1 д.	—	—	Ткани, галантерея
Витебск	Мещане и шляхта	5392 р. 16 ал. 4 д.	3469 р. 7 ал. 3 ¹ / ₂ д.	7073 р. 28 ал. 3 д.	3287 р. 3 ал. 1 д.	(См. таблицу на стр. 82.)
Мядель	Мещане	—	—	54 р. 26 ал. 4 д.	17 р.	Ткани, галантерея
Невель	То же	—	—	11 р.	—	Рыба
Полоцк	То же	260 р.	265 р.	655 р. 10 ал. 5 д.	625 р.	Пенька чистая, кожи, ткани, металл. изделия

Наиболее тесные связи со Смоленском поддерживали витебские купцы, чему способствовало удобное сообщение по Зап. Двине. О составе торговли витеблян свидетельствуют такие данные:

	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.
Сельскохозяйственные товары	3721 р.	2603 р. 25 ал. 1 д.	3320 р. 3 ал. 3 д.	1916 р. 16 ал. 4 д.
в том числе:				
Пенька чистая	3502 р.	1861 р. 11 ал. 5 д.	2266 р. 6 ал. 4 д.	1620 р. 16 ал. 4 д.
Промышленные товары	1671 р.	865 р. 15 ал. 4 ¹ / ₂ д.	3753 р. 25 ал.	1370 р. 19 ал. 5 д.
в том числе:				
Соль рижская	1163 р.	780 р. 1 ал. 1 ¹ / ₂ д.	941 р. 20 ал. 2 д.	136 р. 3 ал. 2 д.
Сельди	293 р.	40 р. 3 ал. 4 д.	229 р. 16 ал. 4 д.	47 р. 5 ал.
Поташ	—	—	1112 р.	880 р.
Смешанная группа (ткани, готовое платье, обувь, галантерея, москат.-хим. товары, металлы и металл. изделия)	174 р.	45 р. 11 ал.	1471 р. 6 ал.	294 р. 31 ал. 5 д.

Витебские купцы скупали и вывозили пеньку и поташ, а ввозили рижскую соль, сельди и промышленные товары, ткани (особенно сукно),

готовое платье, обувь, галантерею, москательные-химические товары, металлы и металло-изделия. Наиболее крупные суммы явок падают на операции с пенькой, солью рижской и промышленными товарами, в частности, тканями. Обороты отдельных витебских купцов характеризуются следующими данными:

Торговые люди	Соц. признак	1673—74 г.	1676—77 г.	1677—78 г.	1678—79 г.	Основные товары
Фил. Андреев . . .	Мещанин	—	—	170 р. 1 ал. 4 д.	—	Пенька
Прок. Арапов . . .	То же	—	515 р. 30 ал.	—	—	Пенька
Фил. Васильев . . .	То же	—	—	—	243 р.	Пенька
Троф. Дементьев . .	То же	144 р.	—	—	445 р. 23 ал. 2 д.	Соль рижская, пенька
Лар. Иванов	То же	192 р.	—	—	—	Пенька
Як. Игольников . .	Бурмистр	—	166 р. 16 ал. 4 д.	160 р.	—	Соль рижская, пенька
Осип. Козел	Мещанин	160 р.	—	773 р.	—	Соль рижская, сельди, пенька
Азор Кондратьев . .	То же	200 р.	—	—	—	Пенька
Ост. Масин	То же	322 р.	—	—	—	Пенька
Ив. Михайлов	То же	—	120 р.	—	—	Соль рижская
Ник. Моснев	То же	700 р.	—	—	—	Соль рижская, пенька
Евст. Моснев	То же	—	425 р.	—	—	Пенька
Наум Павлов	То же	500 р.	120 р.	—	—	Пенька
Як. Усов	Бурмистр	469 р.	—	—	—	Пенька
Адам Кисель	Шляхты писарь	—	—	—	1972 р.	Поташ, пенька
Ян Рудницкий . . .	Шляхтич	—	425 р.	120 р.	1360 р.	Пенька, поташ
Юр. Скоп	То же	290 р.	—	224 р. 6 ал. 4 д.	—	Пенька
Ян Троянович . . .	То же	—	—	850 р.	—	Пенька

Наряду с мещанами крупную торговлю пенькой и поташом вела витебская шляхта.

По другим городам отметим мещанина Кришпопа Радильского из Вильны, явившего тканей и галантереи на 116 руб.; из Полоцка — шляхтича Григория Кирхор, явившего на 400 руб. пеньки чистой, и из Полоцка же — шляхтича Алексея Абуховского, явившего пеньки чистой на 525 руб.

* * *

Итак, обзор торговых связей Смоленска свидетельствует об их устойчивости на протяжении ряда лет, в отношении как внутреннего, так и внешнего рынка. Связи эти осуществляются разными путями: или через посредство торговых людей Смоленска и ближайших к нему пунктов (таких, как Вязьма), или же путем приезда в Смоленск с товарами торговых людей из других внутренних районов, наконец, путем привоза и вывоза товаров иноземными купцами. Помимо этого, на смоленском рынке торгуют предметами своего труда городские ремесленники и пригородные посадские люди и крестьяне.

Смоленск таким образом имеет значение и местного рынка, призванного удовлетворять потребности сосредоточенного в нем военнотрудового населения (особенно в продовольствии); областного рынка, связывающего отдельные торговые пункты области (Вязьмы, Дорогобужа, Рославля, Духовщины и др.); наконец, рынка, входящего составной частью в систему всероссийской торговли. С другой стороны, приведенные данные говорят о постоянных и тесных торговых взаимоотношениях Смоленска с зарубежными торговыми пунктами. Об определенности торговых связей Смоленска говорит также наличие сложившихся торговых фирм с крупными оборотами, занимавшихся скупкой товаров непосредственно от производителей или через посредство мелких скупщиков. Через смоленский рынок проходит в значительных размерах продукция сельского хозяйства, в первую очередь пенька, имеющая значение валюты для внешнеторговых операций. Товарно-денежные отношения постепенно проникают в феодально-крепостное хозяйство. Состав импорта показывает, что ввозились по преимуществу дорогие товары для удовлетворения потребностей верхов феодального общества. Из товаров массового потребления ввозились дешевая галантерея, рижская соль и, может быть, сельди. Незначительность импорта товаров массового потребления объясняется низким уровнем потребления основной массы населения, а также удовлетворением его потребностей в промышленных товарах за счет производства их внутри страны. Общественное разделение труда приводит к локализации производства отдельных товаров в ряде пунктов, работающих на широкий рынок и связанных иногда с очень отдаленными районами.

Торговые связи Смоленска отражают, таким образом, общий процесс ломки границ между экономически обособленными районами, границ, сложившихся в период феодальной раздробленности. Развитие производительных сил при преобладающей еще системе натурального хозяйства создало основу для новых экономических отношений и связей, объединявших страну в экономическое и политическое целое. Смоленские таможенные книги достаточно выпукло отражают это новое содержание экономической жизни страны.

Т. К. КРЫЛОВА

РОССИЯ И «ВЕЛИКИЙ СОЮЗ»

I

Осенью 1699 г. в с. Преображенском под Москвой в глубокой тайне был создан Северный союз. Это был союз молодых государей. Старшему из них, Августу II, польскому королю и саксонскому курфюрсту, было 30 лет, датскому королю Фридриху IV было 28 лет и Петру I — 27 лет. Северный союз был направлен против Швеции, которая в течение двух последних столетий захватила у своих соседей ряд земель, расположенных преимущественно по берегам Балтийского моря. Превратив это море почти во внутреннее шведское озеро, Швеция отняла у соседних держав возможности нормального экономического и политического роста. По выработанному на совещании общему плану военные действия против Швеции предполагали начать в 1700 г. Россия должна была принять в них участие только после заключения русско-турецкого мира в Константинополе, где в это время шли переговоры.

Но датский король Фридрих IV начал войну осадой голштинского города Ренсбурга раньше условленного срока — осенью 1699 г. К этому его побуждало в числе других причин и то обстоятельство, что он знал об укреплении англо-голландского союза с Швецией. Начало Северной войны было встречено неприязненно великими европейскими державами того времени. Недовольна была и Франция, сильнейшая держава в тогдашней Европе, и ее соперники — Англия и Голландия, позже составившие основное ядро «великого союза». И та и другая сторона в предстоящей борьбе за испанское наследство рассчитывала иметь в своих рядах союзную шведскую армию и немецкие войска. Северная война разрушала эти планы. В 1700 г. шведские, датские и саксонские вооруженные силы были уже заняты на прибалтийском театре военных действий. Дальнейшее развитие событий грозило втянуть «в северную распрю» имевший существенные интересы на Балтике Бранденбург и другие имперские полугосударства. Поэтому великие державы в 1700 г. и выступили в качестве ярых сторонников мира, ревнивых охранителей «тишины и покоя» на Севере.

Связанная с северными делами европейская борьба находила свое наиболее полное выражение в деятельности гаагских дипломатических кругов. В XVII в. Гаага была крупнейшим дипломатическим центром Западной Европы, где решались политические вопросы, и высшей школой дипломатов. Дипломатические представители держав легко получали в Гааге основательную информацию о всех важнейших европейских делах.

Петр I понял значение Гааги еще в первый свой приезд в Голландию в 1697 г. Вернувшись из-за границы, он учреждает в Гааге постоянное русское дипломатическое представительство и назначает туда человека, лично ему близкого, — Андрея Артамоновича Матвеева. 27 апреля 1699 г. царь приказал стольнику А. А. Матвееву и дьяку И. Волкову

ехать послами в Голландию. Составленный на старомосковский лад письменный наказ в числе прочих содержал следующее указание относительно торжественного въезда в голландскую столицу: «А людем своим посольским приказать итти в чистом платье по обе стороны кареты». ¹

В Голландию русские послы поехали сухим путем через Курляндию и Бранденбург. В порубежный голландский город Нимвеген, где им был оказан радушный прием, послы прибыли 3 января 1700 г. Отсюда на пяти яхтах посольство отправилось в Гаагу; за две версты до Гааги послов ожидала торжественная встреча — два члена голландского правительства с целым кортежом карет. По прибытии в Гаагу, после обычных споров о церемониале — стоять или сидеть членам голландского правительства и Матвееву во время передачи грамоты — прием состоялся 25 января 1700 г. ²

Почти одновременно с отъездом Матвеева из России, 28 октября 1699 г., туда был назначен новый голландский резидент Генрих Фандергульст, ³ «порутчик от пехоты, комисар от земских и градских воинских приписных домов в Амстердаме».

Русский посол сумел быстро ориентироваться в новой обстановке. Этому способствовал ряд обстоятельств. Петр I подчинил своему влиянию голландских государственных людей во время своего пребывания в Голландии в 1697 г. Президент посольской канцелярии Ф. А. Головин тогда же завязал полезное знакомство с амстердамским бургомистром Витзенем. Матвеевские донесения 1700 г. содержат интересный материал относительно «миротворческих» планов на Севере как Франции, так и морских держав — Англии и Голландии.

В своем донесении из Гааги от 22 марта 1700 г., передавая содержание парижских писем, Матвеев писал, что «конечно француз всякими видами тщание свое имеет ныне начатые войны северных обладателей умирить». ⁴ Ниже в том же донесении мы находим известие о внезапной и срочной посылке в Польшу нового французского посла Герона, «о котором сказывают быть его zelo хитра во всяких практиках и ту посылку ему [считают] не без причины странной...»

Опасения гаагских дипломатических кругов, в связи с назначением Герона, не были лишены оснований. В апреле 1700 г. французский посол появляется в Варшаве и сначала тайно, а затем на публичной аудиенции предлагает Августу II посредничество своего короля Людовика XIV, «чтобы нынешние начатые северные вражды прекратить». ⁵

В ближайшие годы Герон стал душою французских дипломатических предприятий в восточной Европе. Стремясь к укреплению своей пошатнувшейся дружбы с Швецией, Франция преследовала здесь и цели более значительные — создания враждебного Австрии блока держав, в который должна была войти и Россия. Но французская внешняя политика того времени была исполнена колебаний.

Поведение будущего «великого союза» в северных делах было несравненно более продуманным и решительным. Главная роль внутри созданной еще в 1689 г. антифранцузской коалиции из Англии, Австрии и Голландии принадлежала морским державам. Огромное влияние на внешнюю политику морских держав имел Вильгельм III Оранский, которого историки Нидерландов называют голландским королем и английским штатгальтером, вследствие того, что он пользовался почти неограниченной властью в Голландии и весьма ограниченной в Англии.

¹ ГАФКЭ. МИД. Голландские дела, 1700 г., д. 2, л. 4.

² Там же, лл. 117, 130, 131.

³ Там же, лл. 147—149.

⁴ Там же, д. 4, л. 18.

⁵ Там же, л. 42.

Для того чтобы одержать над Францией решительную победу, Вильгельму III нужно было противопоставить ей равные силы на суше. На море после битвы у Кап-де-Гуг Франция не была страшна морским державам. Весною 1706 г., когда вся Европа с любопытством следила, куда направит свой путь объединенный англо-голландский флот, русский представитель Постников писал из Парижа, «что Франция и не мыслит о послании большия флоты. По оном великом деле Гугском, Франция не может в первую силу прийти в морских делах». ¹ Поэтому Вильгельм Оранский заранее укреплял свои позиции на севере, чтобы обеспечить себе военную помощь Швеции и германских государств, преимущественно протестантских, прежде всего — Бранденбурга и Ганновера. Особенно важно было привлечь на свою сторону союзницу Франции Швецию, которая к тому же обладала первоклассной и многочисленной армией. Осуществление этого намерения нанесло бы Франции двойной удар и сделало бы ее поражение почти неизбежным. Замыслы Вильгельма III не представляли собой политической новости и для того времени. Еще в 1668 г. Англия в союзе с Голландией и Швецией разрушила смелые планы Людовика XIV, но этот тройственный союз скоро распался. ²

Вторичное сближение Голландии с Швецией, на этот раз без участия Англии, произошло в период, отмеченный рядом насильственных действий со стороны Франции — бомбардировкой Генуи, захватом Страсбурга, захватом герцогства *des deux Ponts* у шведского короля, союзника Франции. Руководители французской внешней политики этого периода, как остроумно замечает Флясан, слишком верили в то, что могущество может обходиться без политики. ³

Направленный против Франции голландско-шведский союз был заключен по настоянию Вильгельма Оранского в 1681 г. Но союз этот встретил очень сильное сопротивление и внутри и вне республики. В Германии получивший французские субсидии Бранденбург препятствовал присоединению к этому союзу императора и князей. Внутри республики противодействовал исконный противник военной политики оранистов — Амстердам, с которым поддерживал тайные связи французский посол при республике д'Аво. Столь нужный для великих коалиционных планов Вильгельма Оранского союз с Швецией и Бранденбургом был для Амстердама тяжелым бременем, потому что он сопровождался уплатой значительных субсидий. Швеция и Бранденбург не могли содержать своих войск без иностранных субсидий, которые они в то время получали главным образом от Франции. Отношения между Вильгельмом Оранским и Амстердамом обострились до такой степени, что одно время страна стояла перед гражданской войной, как в 1650 г. Опять шла речь о возможных военных мероприятиях против «большого города». Европейская католическая реакция в 80-х годах XVII в. оттолкнула от Франции «великого курфюрста», как главу сильнейшего протестантского государства в Германии, и разрушила планы д'Аво в Амстердаме. Амстердам согласился на союз с курфюрством бранденбургским и связанные с этим субсидии. Но одновременно вскрылись и те трудности, с которыми было связано объединение в одной коалиции Бранденбурга и Швеции, имевших старые счеты в Померании. Это сказилось и во время войны Аугсбургской лиги с Францией, в которой Бранденбург принял участие, а Швеция постаралась сохранить нейтралитет, хотя по своим владениям в империи она была причастна к Лиге. ⁴

¹ ГАФКЭ. МИД. Французские дела, 1706 г., д. 4, л. 5.

² Noorden. Europäische Geschichte im XVIII J., I, SS. 11—15.

³ Flassan. Histoire générale de la diplomatie française, IV, p. 137.

⁴ Blok. Geschichte der Niederlande, V, SS. 438, 441, 453—455.

Однако с помощью шведского канцлера Оксеншерны Англия и Голландия 14 мая 1698 г. заключили с Швецией союзный договор.

Этот крупный дипломатический успех Вильгельма III был вскоре парализован колебаниями шведской внешней политики. Спустя два месяца после заключения этого договора Швеция заключает аналогичное соглашение с Францией. Бывший в это время послом в Швеции д'Аво сумел заручиться поддержкой Пипера — фаворита молодого короля Карла XII. Вопреки воле канцлера Оксеншерны, франко-шведский союзный договор был подписан 9 июля 1698 г.

Для того чтобы прекратить колебания шведского правительства и окончательно привлечь Швецию на свою сторону, Вильгельм III в начале Северной войны выступает последовательным защитником шведских интересов. В ход пускаются все средства, и дипломатические и военные. В начале 1700 г. морские державы заключают с Швецией новый оборонительный договор, по которому Англия и Голландия гарантировали неприкосновенность Голштинии.

В области дипломатической принимаются также меры к тому, чтобы Франции не удалось сыграть роль примирителя на Севере, а следовательно усилить там свое влияние. Против Герона в Варшаве действует австрийский посол, предложивший посредничество императора для примирения Августа II с Карлом XII.

Одновременно в Гааге хлопотали о том, чтобы не допустить вмешательства России в северную борьбу. Маркс в своем письме от 12 февраля 1856 г. указывает: «У Вильгельма III были с самого начала *misgivings* насчет *Sa Majesté Czarienne*, как доказывает его оборонительный и наступательный союз с Карлом XII». ¹

Тайны Северного союза сохранялись далеко не так строго, как это обычно представляют. Датские и польские министры сами были заинтересованы в нарушении своих секретов. Они рассчитывали, что известие об участии царя в Северном союзе удержит Голландию от посылки помощи Швеции.

Обеспокоенное слухами о выступлении России против Швеции, голландское правительство в марте 1700 г. прислало к Матвееву своего агента Розенбома. «Господа Статы» просили царя не оказывать помощи Дании, «понеже он, швед, с ними союзник». ²

Шведский посол Лилиенрот также посетил Матвеева и ходатайствовал об укреплении русско-шведского союза. У Матвеева кружилась голова от почета, который ему оказывали представители заинтересованных держав. И шведский посол, и царский и датский посланники, писал он, «паче цесарской с прилежным о том желанием и встречали и провожали все меня по настоящим порядкам, с почтением». В начале мая Розенбом снова посетил Матвеева. Он потребовал ответа на свое первое представление и просил Матвеева повторно написать царю о просьбе Штатов, «чтобы северные дела оставить и Европе благоволить мир». ³ Голландцев побудили к этому вести из Копенгагена от тамошних голландских представителей, которым датские министры объявили о посылке царских войск в Копенгаген. Для предотвращения этого голландское правительство предполагало даже отправить особое посольство в Москву, если ответ царя задержится. Взамен за оказанную услугу, сохранение северного мира, Штаты обещали царю оказать помощь в Константинополе, где в это время Е. Украинцев вел переговоры о превращении Карловицкого перемирия в длительный мир.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XXII, стр. 112.

² Голландские дела, 1700 г., д. 4, л. 10.

³ Там же, л. 37.

Одновременно принимались меры к тому, чтобы не допустить дальнейшего расширения Северного союза. Оказывалось дипломатическое давление на Бранденбург. Так, Штаты посылали запрос Бранденбургскому курфюрсту Фридриху Вильгельму о пропуске саксонцев через кроссенские земли. Курфюрст отговорился незнанием и впредь обещал саксонских войск не пропускать.

Дипломатические мероприятия морских держав в пользу Швеции были подкреплены военной помощью на море и на суше. Матвеев из Гааги внимательно следил за англо-голландскими военными приготовлениями и сообщал о них в Россию. Первое упоминание об этом мы находим в матвеевском донесении от 15 марта 1700 г., в котором написано, что англо-голландский флот пойдет против Дании, если царь сохранит нейтралитет.¹ Редко в каком из дальнейших писем Матвеев не возвращается к этому вопросу. Так, в письме от 22 марта 1700 г. мы читаем следующие важные сообщения: «Стацкие генеральные собрания повседневно советуют, а слухи износятца, что по алиенции своей с шведом помочь аглинский король и они всемерно учинят ему на Денемарка и галанцы обещают ему от себя 6000 ратных людей на помощь, кроме приготовления корабельного в морской караван».²

В конце марта Матвеев сообщает полученные из голландских правительственных сфер сведения. Англо-голландский флот в количестве 30 кораблей пойдет в Зунд для действий против Дании. Из Лондона в это же время писали, что там «спешат вельми приготовлением каравана в Зунд назначенного».

В середине мая английская эскадра под командой адмирала Рока была уже готова к отправке в Балтийское море. Приготовления в голландском флоте еще не были закончены. В Гааге ходили слухи, что с посылкой медлят нарочно до выяснения намерений царя. Тогда Рок прибыл в Гаагу и вместе с голландским адмиралом посетил ратпенсионария Антона Гейнзиуса.

В Лондоне спешили, потому что опасались французского соперничества. Во Франции тоже подготавливалась эскадра. Назначение ее было пока неизвестно, но из Копенгагена приходили вести, что «француз устрашает Данию» и хочет оказать Швеции помощь. Великие державы наперерыв торопились оказать услуги Швеции в северных делах, чтобы заручиться ее поддержкой в испанских.³ Не ограничиваясь посылкой эскадры, морские державы посылают и вспомогательные сухопутные войска. Главным вдохновителем этого предприятия был Вильгельм III. Что же касается политики Штатов в целом, то на ней лежит печать некоторых колебаний. Об этом наглядно свидетельствует и матвеевское сообщение от 14 июня 1700 г., в котором указывается, что голландское правительство выслало на помощь Люнембургскому герцогу против Дании войска, «а битца им не велено». С тем же напутствием посылалась и голландская эскадра.

«А корабли посланы, — писал русский посол, — по пактам их со шведом, понеже Статы обязались союзом с ним за прежнее ево, шведово, им вспоможение во время наступления неприятельского на него, посылать к нему на помощь по 12-ти кораблей воинских с 6-ю тысячами ратными людьми. И хотя о том к нам от шведа прошенья еще не было, однако же он по тем договорам, заранее изговоря, как и аглинский король, послали те корабли, мир соблюдая в Европе, только битца им с Денемарком не велели. А между тем писали к медиатором, чтобы

¹ Голландские дела, 1700 г., д. 4, л. 12.

² Там же, л. 20.

³ Там же, лл. 22, 23, 44, 45.

всеми видами те вражды утоляли и до войны с обеих сторон не допускали. К тому же и с другой стороны опасаются, чтоб какую хитростью против их, галанцов, французов в ту глубину ссор не вник, как по слухам явилось, что во многих французских городах великое приготовленье караванов чинится, а иные уже и на море вышли. Также и гонец от Денмарка, в Париж посланной, уж возвратился и явил быть француза между тех враждующих медиатором, что и от посланника денмаркова о том посредстве Статом здесь явлено.¹

Спешить надо было еще и потому, что в ответ на посылку голландских и ганноверских войск против Дании в империи начало усиливаться движение в пользу северных союзников. Во главе этого движения стоял Бранденбург. Только что цитированное донесение Матвеева содержало еще одну важную новость — бранденбургские войска уже двинулись к Ленцу, а гессен-кассельские готовились к походу. Кроме того, из Гамбурга сообщили, что бранденбургский и вольфенбютельский послы сделали начальникам посланных против Дании союзных войск следующее заявление: их государи, а также ландграф Гессен-Кассельский «и иные некоторые» по договорам с Данией обязаны выслать ей в помощь 18 000 войска, если посланные против нее союзные войска не будут возвращены обратно за Эльбу.

И Вильгельм III не медлил. Главная задача его политики на суше заключалась в том, чтобы удержать Бранденбург от выступления; для этого оказалось достаточным одной угрозы. С моря надо было ударить по Дании и заставить ее заключить мир с Швецией. Тогда оппозиция мелких имперских князей пала бы сама собой.

Несколько позже, в июле 1700 г., когда Вильгельм III приехал в Гаагу, Матвееву удалось получить точные и важные сведения о враждебных планах английского короля. В своем донесении от 19 июля русский посол сообщил: «При здешней его королевской бытности уведомился я ис тайных ево секретов, будто между вами и дацким и польским королями и курфюрштом бранденбургским с саксонским всем домом и арцухом вольфембительским и ляндрграфом эссен-кассельским и бискупом министерским оборонительной особой тайной союз учинен. О том уведомляю он, король, и хотя разлучить сей союз, послал ныне при себе к курфюршту бранденбургскому грамоту, чтобы он свои войска, где оне ныне стоят при Ленце, для унятия всякого подозрения и сумнения и препяття мира назад возвратить, а если он в том откажет, всемерно положено здесь на ево города, на Клеву и на иные, итти войной».²

Результаты англо-голландской политики не замедлили сказаться. Из этого же донесения Матвеева мы узнаем о крупной неудаче, постигшей северных союзников, вследствие того, что вольфенбютельские войска, вопреки прежним обещаниям своего государя, отказались соединиться с саксонскими войсками, шедшими на помощь Дании.

Еще раньше от Северного союза отошел мюнстерский епископ. Прежде он был намерен не пропускать через свои владения голландские войска, шедшие против Дании, но затем он удовлетворил ходатайство голландского правительства о пропуске войск и даже обласкал голландского посла.

Что касается морских операций против Дании, то во второй половине июля в Гааге узнали о соединении шведского флота с англо-голландской эскадрой и о том, что союзники ожидают только попутного ветра, чтобы «притти в самый город Копенгаген». А вскоре за тем наступила развязка. В донесении от 26 июля 1700 г. Матвеев послал

¹ Там же, л. 55.

² Там же, л. 88.

русскому правительству печальную весть: «По отпуске прошлой почты, — сообщил он, — писано к Статам, что их и аглинский и свейский караваны пришед под Копенгаген пострастку учинили с своих кораблей на денемарков караван метаньем бомб и на город». ¹

В то время как Вильгельм III твердо и уверенно шел к поставленной цели — прекращению Северной войны, политика Людовика XIV становилась все более двойственной и противоречивой.

Если в марте 1700 г. французская дипломатия «устрасала» Данию, то в мае того же года французский король через своего посла в Варшаве просил об ускоренной посылке войск в Голштинию. С своей стороны Людовик XIV обещал послать на Рейн войска, которые будут действовать против цесарских войск, собирающихся на чешских рубежах с целью помешать саксонцам вторгнуться в Голштинию. ²

Англия умело использовала эти колебания для ухудшения франко-шведских отношений. Английская печать усиленно муссировала слухи о французской помощи Дании. В начале июня из Лондона писали, что «французские воинские корабли, сделанные в Бресте, за Ирлянской землею в Балтийское море на помощь Данемарку пошли». ³

Однако французское правительство так и не приняло определенного решения. В то время как англо-голландская эскадра стояла в Зунде, готовая бомбардировать Копенгаген, французские корабли бездействовали. «Французской караван еще в Страте ⁴ кружится, а подлинно о его походе никто не может знать, разно об нем пишут», ⁵ — писал Матвеев в своем донесении от 19 июля 1700 г.

Предоставленная самой себе, лишенная твердого руководства и военной поддержки, встречающая ожесточенное сопротивление со стороны будущих участников «великого союза», — французская дипломатия терпела одно поражение за другим в северных делах. Даже частичные дипломатические успехи Франции шли на пользу Англии и Голландии. ⁶ Когда император и бранденбургский курфюрст ответили отказом на предложение Людовика XIV вместе с ним быть посредниками при заключении датско-шведского мира, французский король обратился к другим имперским князьям. Ему удалось получить согласие брауншвейгского, вольфенбютельского, гессенского и мюнстерского дворов, которые предложили Дании свое посредничество вместо обещанной прежде военной помощи. По крайней мере трое из названных имперских владетелей проявляли намерения присоединиться к Северному союзу. Отвлекая их от этого предприятия, французская дипломатия лила воду на мельницу Англии, потому что сама Франция овладеть руководством в северных делах не смогла.

Что же делала русская дипломатия в Гааге, когда дела Северного союза обернулись так плохо? Положение русского правительства весною и летом 1700 года было очень сложным и противоречивым. Военные действия на Севере настоятельно требовали вмешательства России, но она была связана затянувшимися переговорами в Константинополе, где Украинцев должен был превратить Карловицкое перемирие в «вечный мир». До заключения прочного мира на Юге Россия не могла вступить в Северную войну; это было обусловлено и при образовании Северного союза осенью 1699 г.

В то же время дальнейшее расширение Северного союза, присоеди-

¹ Голландские дела, 1700 г., д. 4, л. 100, см. также лл. 52, 89.

² Там же, л. 46.

³ Там же, л. 51 (цитирую по выпискам Матвеева).

⁴ Средиземное море.

⁵ Голландские дела, 1700 г., д. 4, л. 91.

⁶ Там же, лл. 56, 90.

нение к нему Бранденбурга и других имперских князей было приостановлено противодействием великих держав. Попавшие в затруднительное положение союзники России были не склонны скрывать ее соучастие.¹ Еще в марте 1700 г. в Гаагу из Саксонии приходили следующие вести: в Дрездене-де твердо уверены, что из Москвы скоро саксонцам будет оказана помощь в Лифляндии.

С своей стороны датские министры при французском, бранденбургском и ганноверском дворах «рассеивали слухи», что короли датский и польский заключили тайный союз с царем, что московские войска скоро вступят в Лифляндию и что для командования этими войсками союзники уже послали царю 400 офицеров. Подобные тревожные новости получались в Гааге также из Прибалтики. Обеспокоенное ими голландское правительство, как указывалось выше, еще в марте 1700 г. через Матвеева просило царя не начинать войны против Швеции. Матвеевское донесение с этой просьбой было получено царем в Воронеже во второй половине апреля. Ответ был отправлен немедленно. 19 апреля царь написал Матвееву, а на следующий день, 20 апреля, было готово и составленное Ф. А. Головиным инструктивное письмо. Не раскрывая тайн Северного союза, русская дипломатия делает все от нее зависящее, чтобы не допустить военного вмешательства Голландии в северные дела. Матвееву поручалось сообщить республике о недавнем обновлении русско-шведского договора и сделать запрос относительно посылки голландских войск и кораблей против Дании. В Гаагу эти материалы пришли 8 июня 1700 г.

Получив их, Матвеев сразу же объявил царский указ «статскому первому их министру канцелярии посольской господину рату пенсионарию» Гейнзиусу. Затем указ был доложен «всему стацкому собранию». Узнав его содержание, «вся Голландия исполнилася великие радости», по словам агента Розенбома, присланного от имени Штатов к Матвееву благодарить царя за сохранение старинной дружбы с Голландией и мира с Швецией. Розенбом был уполномочен заявить, «что их (Штатов) желание о том было и войск их посылка учинена и корабли ни под каким иным видом в северные страны, токмо унять нынешние начатые вражды и умирить Эвропу». В успехе Штаты не сомневаются после благоприятного ответа царя.²

Шведский посол Лиленрот был также очень доволен царским ответом. Это был опытный дипломат, игравший крупную роль посредника на европейском конгрессе в Рисвике в 1697 г. Он прекрасно понимал, как важно было в ту трудную для Швеции минуту сохранить мир с ограбленной по Столбовскому договору Россией. Еще в апреле 1700 г. шведский посол посетил Матвеева и объявил, что его король, узнав о приезде Матвеева в Гаагу, велел ему жить с русским послом в дружбе для укрепления обновленного московско-шведского союза. Тогда же Лиленрот говорил о необходимости рассеять слухи относительно русского похода в Лифляндию.³

Но если «Лифлянтцы» беспокоили Голландию и Швецию, то предметом русского беспокойства были Зунд и Голштиния. 28 мая из Москвы был отправлен новый указ, дошедший по назначению в Гаагу 30 июня. Матвееву поручалось оказать дипломатическое давление на голландское правительство для предотвращения вооруженного вмешательства морских держав в северные дела. Русский посол должен был объявить «высокомочным Статам», что царь «по прошению их, господ Стат, для древние дружбы в неприятельские поступки с свейскою короною

¹ Там же, лл. 20, 29, 36, 58.

² Там же, л. 58.

³ Там же, лл. 55—36, 58.

никогда вступить не соизволяет, разве что с стороны свейской колликие неправды явлены будут. Также чтобы и оне, Статы, для такова показания и содержания истинные дружбы к нему, ц. в., и сами в те дела вступать не соизволили, от чего может вящая и постоянная дружба урасти». ¹

Матвеев не терял времени и 1 июля уже сделал представление ратпенсионарию. При этом он отметил, что царь поступает таким образом «не для умножения излишних дружбы к брату своему и союзнику к королевскому величеству датцкому», но в интересах восстановления мира. 4 июля Гейнзиус «с совету генерального их высококомочных Статов» дал ответ русскому послу. Гейнзиус указал «что высококомочные господа Статы, как с шведом, так и с Денемарком состоят в оборонительном союзе. И ныне Денемарк наступлением на город Тонинг арцуха голстинского способ к примирению северных вражд нарушил». После того как датский король отверг мирные предложения, «соединясь вкупе они (Штаты) с аглинским королем караван своих воинских кораблей послали в Зунт, чтобы тем образом удобнее мир получиться возмог». По словам Гейнзиуса, результаты этого мероприятия не замедлили сказать: посредничество Голландии уже принято Данией, и северный мир очевидно скоро будет восстановлен. Гейнзиус заверял русского представителя, что «недоброго у них, Статов, намерения к нему, Денемарку, со враждою николи не было, а естли бы свейский король наступил сильною враждою на него Денемарка, тогда бы оне, Статы, и ему против шведа вспоможение чинить были должны».

Не удовольствовавшись ответом ратпенсионария, Матвеев спросил его в упор — «вступят ли они впредь в войну на к. в. дацкое», если их расчеты на скорый мир не оправдаются. Гейнзиус ответил, что тогда они, Штаты, вместе с цесарем, с французским и английским королями всячески будут стараться примирить враждующих.

Здесь же ратпенсионарий просил, чтобы царь «одарил Эвропу миром и соизволил бы любительную свою грамоту послать к союзнику своему к королевскому величеству польскому, чтобы он престал от войны с шведом, которую начал наглым и напрасным нападением на ту корону». Цесарь и французский король неоднократно писали Августу II о прекращении войны со Швецией. Но он не обратил внимания на эти представления и продолжает военные действия с еще большим, чем прежде, ожесточением. ²

Итак, единственным оружием русской дипломатии летом 1700 г. был дипломатический запрос и ничем не подкрепленное дипломатическое давление на дружественную Голландию. Но это оружие является только вспомогательным в арсенале дипломатических средств. Им не играют крупных политических битв. Россия не могла подкрепить своих дипломатических требований военными средствами. Об использовании международных противоречий не могло быть и речи. Австрия не решилась бы выступить против морских держав, а Франция бессильно металась от одного решения к другому. Положение Франции в северных делах летом 1700 г. было действительно затруднительным. Каждый удар, нанесенный по ее врагам, Англии и Голландии, пришелся бы прежде всего по ее главному союзнику — Швеции.

У России оставалось еще одно средство — экономическое давление на Голландию через Амстердам, поддерживавший с Россией обширные торговые связи. Но средство это было обоюдоострое, и его следовало пускать в ход с крайней осмотрительностью. К тому же ам-

¹ Голландские дела, 1700 г., д. 4, л. 71 (цитирую из донесения Матвеева от 5/VII 1700 г., где дано изложение указа).

² Там же, л. 71 и сл. — донесение Матвеева от 5/VII 1700 г.

стердамские купцы были настроены неприязненно по отношению к Дании, нарушивший мир на Балтийском море, что вредило их торговым интересам. Поэтому они сочувствовали посылке эскадры в Зунд с мирными целями. Не все же могли предвидеть, что мирная демонстрация превратится в бомбардировку датского флота и Копенгагена без объявления войны. Когда это произошло, Матвеев, неприятно изумленный таким оборотом дела, отказываясь верить неофициальным известиям, обратился с запросом к голландскому правительству. В ответ последовало хладнокровное заявление, «что то правда и учинено так для скорого понуждения Денемарка к миру от тех начатых ссор, а если бы им начать войною прямою, они бы могли весь Копенгаген таким собранием кораблей разбить и разорить».¹

По мнению морских историков,² поражение Дании целиком было вызвано вмешательством в Северную войну западных держав. Шведскому флоту удалось войти в Зунд и помочь своим войскам пробраться через хорошо защищенный пролив исключительно благодаря помощи со стороны ранее прибывшей туда англо-голландской эскадры. В свете этих событий нельзя не признать легендарным рассказ, приводимый во всех описаниях Северной войны, о быстром и крайне смелом наступлении Карла XII на Копенгаген. Наоборот, шведы запоздали с приходом; англо-голландская эскадра ожидала шведский флот в течение двух недель. Высадка шведского десанта в Зеландии была осуществлена лишь после предварительной артиллерийской подготовки и после того как высланные в Большой Бельт линейные корабли прервали сообщение Копенгагена с Голштинией, где находилась датская армия.

В одном нельзя согласиться с морскими историками — что, бомбардируя датский флот и датскую столицу, англо-голландские адмиралы превысили свои полномочия к «великому ужасу Вильгельма III». Мы охотно верим, что адмиралы вышли из рамок писанных инструкций, но оставляем за собой право сомневаться, чтобы данные им распоряжения исчерпывались этими инструкциями. Ведь никто иной, как Вильгельм III, во время переговоров о разделе испанского наследства, когда возникли сомнения в законности притязаний Людовика XIV, бросил крылатую фразу: «не адвокаты разрешают подобные вопросы».

Первый тур Северной войны окончился тяжелым поражением Северного союза. По Травендальскому миру, условия которого были продиктованы Англией и Голландией, Дания вынуждена была оставить своих союзников и прекратить войну с Швецией. Дания была единственной морской державой среди северных союзников. После ее ухода Северный союз потерял всякое значение на Балтийском море, а Швеция получила возможность беспрепятственно транспортировать свои войска по морю. Травендаль подготовил Нарву.

II

Дипломатическую подготовку своего выступления против Швеции московское правительство начало летом 1700 г. В середине июля из Москвы к Матвееву были отправлены два письма Головина с царским указом и «список о генеральных обидах с стороны швейской к стороне царского величества». Матвееву поручалось заявить голландскому правительству, что царь до сих пор не получил от Швеции удовлетворения в нанесенных великому посольству 1697 г. обидах и что он рассчитывает на голландскую помощь в этом отношении.

¹ Там же, л. 100 — донесение Матвеева от 26/VII 1700 г.

² Кирхгоф. Влияние морской силы в Балтийском море на историю прибалтийских государств в XVII и XVIII ст., стр. 239, 1908 г.

Получив эти указания в Гааге 18 августа, Матвеев, «не омедля, отозвался к ним, высокопочным Статам, и просился с ними в разговоры о том вышеозначенном деле». Несколько дней спустя к Матвееву была прислана делегация от «стацкого собрания» из 9 человек под председательством депутата Гендерляндской провинции Гама. Изложив суть дела, Матвеев вручил делегации латинский перевод «списка о генеральных обидах». Депутаты отвечали, что Штаты заинтересованы не только в сохранении, но и в «умножении» дружбы с царем. Поэтому голландское правительство немедленно начнет переговоры с Швецией об удовлетворении царских требований.

Через несколько дней, 3 сентября, состоялась конференция с голландскими представителями на дому у Либлиенрота. Выступая на ней, шведский посол благодарил Штаты за помощь в северных делах и за посылку войск против Дании. Здесь же он обещал, что царь получит удовлетворение в обидах. Однако затем это дело предается забвению, и о нем вспомнили в гаагских дипломатических кругах только после получения известий о вступлении России в Северную войну.¹

В это время относительного затишья Матвеев заканчивает начатые в июне 1700 г. переговоры о свободном плавании русских кораблей. Трудно сказать, что побудило к этому московское правительство — усиленное строительство торговых кораблей у Архангельска или напряженная международная обстановка, но Матвееву было поручено особо договориться с Англией, Голландией и Францией о том, что русские корабли не будут задерживаться на море, а в гаванях им будет оказываться содействие. Штаты на это отозвались сразу же с «великою склонностью». Англичане несколько задерживали ответ. Только в августе 1700 г. Стэнгоп передал Матвееву копию указа, посланного генералу Року «о всяком вспоможении» русским кораблям. С Францией же из дипломатических соображений переговоры были начаты несколько позже, — примерно в одно время с получением английского ответа. Матвеев счел неудобным завязывать переговоры сразу же после восстановления дружественных франко-русских отношений, которое произошло в июне 1700 г. и было вызвано англо-голландским сближением с Швецией и улучшением русских дел в Константинополе. Французский посол де Бриорд очень любезно принял предложение Матвеева о свободе русского мореплавания. Не замедлило с ответом и французское правительство. 11 сентября де Бриорд, приехав с визитом к русскому послу, объявил ему, что во Франции уже разослан королевский указ о дружественном отношении к русским кораблям. При этом французский дипломат заверял, что Людовик XIV с Петром I «в союзе жить всегда желает».²

Новое и очень сильное оживление в гаагских дипломатических кругах началось в связи с вступлением России в Северную войну. Как только Петр I получил известие о заключении в Константинополе прочного мира с турками, он немедленно приступил к выполнению своих обязательств на Севере. Перед отправлением в Нарвский поход 20 августа 1700 г. из Москвы посылаются Матвееву царский указ и письмо Головина, в которых излагались для объявления голландскому правительству причины русского выступления против Швеции. Но прежде чем эти материалы достигли Гааги, там уже знали о движении русских войск к Балтийскому морю.³ Август II, которому приходилось выслушивать тяжелые укоризны от морских держав за войну против Швеции, выдал секрет Северного союза и переслал голландскому правитель-

¹ Голландские дела, 1700 г., д. 4, л. 110.

² Там же, л. 126.

³ Там же, лл. 132, 138, 144.

ству собственноручное письмо Петра о военных приготовлениях России. Очевидно, намерение Карла XII вторгнуться в Саксонию испугало Августа II и заставило его любыми средствами искать помощи морских держав. Но саксонский курфюрст переоценил опасность, что не делает чести его политическим и дипломатическим дарованиям. Морские державы сами были заинтересованы в том, чтобы Карл XII не внес пламя войны в империю. Обстоятельства не требовали такой большой жертвы, как разоблачение военных секретов своего союзника, что неизбежно должно было нанести ущерб общему делу.

Узнав о русских приготовлениях, Вильгельм III посылает английскому послу в Гааге Стэнгопу приказ немедленно увидеться с Матвеевым и предложить ему посредничество Вильгельма III для улаживания русско-шведского конфликта. Английский король обещал царю удовлетворение «во всех неправдах, учиненных от свейской стороны».

Несколькими днями позже Стэнгоп посетил Лилиенротта и заявил протест от имени Вильгельма III по поводу намерения Карла XII вторгнуться в империю. Протест был категорический: «чтобы он (Карл XII) отнюдь того не чинил и во империю или цесарства в округу не посылал и тем союза своего с ним (Вильгельмом III) не нарушал».

Между тем московские инструктивные материалы прибыли в Гаагу и 22 сентября были вручены Матвееву¹. По своему обыкновению русский посол не терял времени; «не омедля в 23 день просился я к высококомочным Статам на разговоры». Через два дня у Матвеева состоялась конференция с депутатами, присланными из «стацкого собрания» в количестве 7 человек под председательством Гама, «с которыми по указу ево всемилосердного нашего великого монарха и государя пространные разговоры имел о всех тех написанных в вашем, государя моего,² письме делах. И для объявления всему собранию вручил им письменный мемориал по манере здешних послов».

В тот же день рано утром, еще до приезда депутатов, «высокомочные Статы» прислали к Матвееву агента Розенбома с адресованной царю грамотой по поводу посылки русского войска «против Лифлянт». В грамоте указывалось, что Матвеев и Фандергульст неоднократно заверяли голландское правительство в прочности русско-шведского мира. Это было очень приятно голландцам, потому что они с королем шведским «как дружбою, так договорами оборонительных союзов обязаны есмы». Карл XII питает дружественные чувства к России. Он дал полномочия своему послу в Голландии барону фон Лилиенроту вместе с голландскими представителями уладить русско-шведский конфликт. Штаты просят, чтобы такие же полномочия были предоставлены Петром Матвееву. В заключение указывается, что Штаты узнали от посла Августа II о большом военном походе Петра в «Лифлянты» и еще раз просят его не начинать войны, памятуя, «как трудно сия единожды зачатая сущая паки окончается». Штаты советуют не поднимать оружия, «которого окончание многожды неизвестно есть».³

Обратимся теперь к разбору матвеевского мемориала, который был составлен в очень резких выражениях. Он начинался ссылкой на повторные и настоятельные просьбы о сохранении русско-шведского мира, с которыми обращались к царю «изящные и высококомочные господа Статы» в недавно прошедшие времена. С своей стороны голландское правительство обещало не поступать неприятельски по отношению к союзнику царя датскому королю. Далее Матвеев напоминает сделанное ему ратификационным заявлением, что Штаты состоят в союзе как с Швецией,

¹ Там же, лл. 144, 119—120.

² Здесь имеется в виду Ф. А. Головин.

³ Голландские дела, 1700 г., д. 1, лл. 1—4.

так и с Данией, что они не имеют никаких враждебных намерений по отношению к Дании и применяют только мирные средства для прекращения войны на Севере.

Затем следует исполненный негодования протест. Штаты нарушили свои мирные обещания и вероломно, без объявления войны напали на союзную Данию. «Вместо приятельского изящнейших вельможностей ваших доброхотств и утоления вражды той наглým нападением внезапным воинских ваших и союзнических кораблей, как к. в. дацкой на караван, так сугубым озлоблением чрез метание бомб и самая его столица Копенгаген утеснена без всякого зачатого при том противления со стороны дацкой. Что весьма такое неприятство за объявлением царскому священнейшему в-ву нейтральства обещаного к той войне применилось и показано то противу народных прав насилование».

После этого в мемориале указывалось, что датский посланник в России настаивал, чтобы в ответ на бомбардировку Копенгагена англо-голландской эскадрой были задержаны торговые голландские корабли в Архангельской гавани. Но его просьба была отклонена «для благопостоянные и древние с ц. св. в. у вельможностей ваших дружбы».

Заявление о возможной задержке кораблей в Архангельске произвело на голландских депутатов сильное впечатление. Здесь же на конференции они выразили свое удовлетворение тем, что свобода голландской торговли не была нарушена — «того ради они за то ему ц. в. вельми обязаны и благодарны будут».

Вторая часть мемориала содержала изложение формальных причин, побудивших Россию начать войну с Швецией. Нанесенные великому посольству оскорбления никак до сих пор не были возмещены. Виновики их взяты под защиту шведским правительством. Голландское посредничество в этом конфликте также не принесло благоприятных результатов. Все это и сделало русско-шведскую войну неизбежной.

Депутаты голландского правительства ответили на этот мемориал новыми заверениями в своих мирных намерениях на севере и предложением своего посредничества в русско-шведских делах.

Несколько дней спустя Матвеева снова посетил Стэнгоп. От имени Вильгельма III он предложил объявить русско-шведское перемирие для улаживания конфликта. Посредничество принимал на себя английский король. Но Вильгельм III не мог действовать по отношению к России так же решительно и неуклонно, как он поступал по отношению к Дании, хотя в этот период его опасения по отношению к Петру были так велики, как никогда. Во-первых, Россия была гораздо менее уязвима, чем соперничавшая с Швецией на море Дания. Во-вторых, исконный противник военной политики оранжистов Амстердам высказался против обострения отношений с царем. Архангельская торговля в конце XVII в. была сосредоточена преимущественно в руках голландцев;¹ здесь они торжествовали над своими счастливыми соперниками — английскими купцами. Амстердамские коммерсанты не хотели рисковать своими торговыми связями с Россией. Свежа была еще память о том, как обострение политических отношений с Францией во второй половине XVII в. разрушило франко-голландскую торговлю. Кроме того, многие голландцы вели оживленную торговлю с Ригой, Ревелем, Нарвой и другими ливонскими городами, имели там недвижимое имущество и целые склады товаров. Если разгневать царя, то после того, как те города попадут под его власть, все эти богатства погибнут безвозвратно. Азовская победа России, русский южный флот, удачно заключенный с Турцией мир подняли престиж России в глазах Западной Европы. В

¹ Block. Op. cit., V, p. 541.

Голландии ожидали русских побед, а не русского поражения в Ливонии. В своем донесении из Гааги от 4 октября 1700 г. Матвеев сообщил: «Сих чисел был у меня г-н Витзен и просил своим именем милости у всемилостивейшего государя чрез меня, чтобы для премногова милосердия своего, простираемого к нему и к жителям амстердамским, как Ливония вам поручена будет, указать из Ревеля хлеб их, который им дал по их прошению швед, отдать им. Которым городам без всякого сомнения надеется он от вас быть взятым за безлюдством осадным! людей в них и что те города не имеют никакой твердой крепости». ¹ С подобной же просьбой обратился и крупный амстердамский купец Гаутман, который ходатайствовал об охране товаров своих корреспондентов в Нарве и Риге. ²

Русская дипломатия умело использовала эти благоприятные обстоятельства. Матвеев действовал в амстердамских кругах с неменьшею ловкостью, чем это делал в свое время французский дипломат д'Аво. ³ Матвеев сообщил, что хотя Лиленрот всячески старается привлечь на свою сторону амстердамцев, «но все купечество весьма склонно к стороне великого государя нашего, которым всячески обещаю, если ливонские города войною поручены будут всемилосердному нашему великому государю, паче шведа во всех куплях не только лутшую свободу, но и во всем вспоможение со всяким им в том приобретением увидят».

Чтобы закрепить дружественные отношения с голландскими государственными деятелями, а также с крупнейшими амстердамскими купцами, русское правительство выдавало им разрешения на вывоз хлеба из Архангельска. Таким образом парализовалось влияние аналогичных шведских разрешений на вывоз хлеба из Ливонии, тем более, что с началом Северной войны подвоз хлеба в ливонские города должен был сильно сократиться.

Для поддержки своих влиятельных связей с голландскими государственными деятелями и амстердамскими купцами Матвеев широко использовал систему дипломатического представительства. Он устраивал у себя банкеты, вечера, подносил ценные подарки. «Не дая и не кормя ничего не взять», — пишет он в одном из своих донесений 1703 г. и здесь же добавляет, что послы других государей в Гааге получают отдельные суммы для «подарков и столов». В отношениях с нужными людьми Матвеев обладал большим дипломатическим тактом. В 1702 г. Головин запросил его о том, как наградить Витзена. На это Матвеев ответил, что предложить деньги нельзя; Витзен обидится и сочтет, что его принимают за «посульника». Надо прислать письмо с изъявлением царской милости. Что же касается подарка, то следует «прислать ко мне каких редких диковин от персианских златоглавов и хинских светлых дивных цветов камок, также высокой цены и собольих мехов и горностаевых и черных лисьих, как ему, так и господину рату — пенсионарию прислать, что сие воспримут за великое благо и впредь навяще будут услуговать». ⁴

С своей стороны амстердамцы не оставались в долгу: Витзен пропустил из Амстердама в Россию 5000 мушкетов по подряду А. Бранта, из них 3000 были пропущены «без ведома стацкого, безпошлинно». ⁵

Амстердамские круги оказывали давление и на внешнюю политику

¹ Голландские дела, 1700 г., д. 4, л. 148.

² Там же, л. 159 — письмо Гаутмана от 11/XI 1700 г.

³ Blok. Op. cit., V, pp. 436, 437, 455; Noorden. Op. cit., I, Ab. I, pp. 133, 134.

⁴ Голландские дела, 1702 г., д. 2, л. 62.

⁵ Там же, 1700 г., д. 4, л. 158 — донесение от 4/X 1700 г.

республики в желательном для России направлении, протестуя против посылки войск на помощь шведам и предоставления им денежных субсидий. — «Шведу в займе денег Статы отказывают, а больше за недозволением у купцов амстердамских для случая нынешней войны с вами», — писал Матвеев в донесении от 27 сентября 1700 г.

Матвеев с честью выдерживал и дипломатическое состязание с одним из искуснейших шведских дипломатов того времени — Лилиенротом. Когда неусыпно домогавшийся помощи своему королю Лилиенрот представил голландскому правительству публичный мемориал, Матвеев «тотчас противной к ним, Статам, подал». Затем он увиделся с ратпенсionarioем и долго говорил с ним, чтобы Штаты не нарушали «вечной» дружбы с Россией и не оказывали помощи Швеции до тех пор, пока не получат ответа на посланную царю грамоту.хлопоты Матвеева не остались безуспешными. 30 сентября у Лилиенрота состоялась конференция с депутатами «из стацкого собрания», на которой Лилиенрот «просил от них по союзам помощи и денег, на что ему те депутаты отвечивали, что за позными часы войск им послать не мочно, а о деньгах хотели предложить собранию своему».¹

Эти обстоятельства побуждали Вильгельма III скрывать свои намерения. Осенью 1700 г. он очень милостиво относился к Матвееву. В разговоре с последним он с большой похвалой отзываясь о Петре I; не забывает упомянуть, что ливонские города искони русские. Но скоро русский посол узнал истинную цену королевской ласки. «По отъезде королевском отсюды уведомился я, — пишет Матвеев в донесении от 25 октября 1700 г., — что Статы намерены, конечно, в будущую весну послать на помощь шведу 30 воинских кораблей с войски, которые велено ныне будто для осторожности гишпанского разделения вновь делать еще при бытии короля... И посылка войск будет сугубая с прибавкою вместе с аглинскими».²

Кроме того, шведскому королю было разрешено занять у амстердамских купцов 600.000 талеров. «А ходить за тем самому послу его, а то вспоможение от них будто заем, а не по союзу». Разрешение было дано задним числом, потому что Штаты недавно отказали в займе Дании, а затем был даже издан специальный указ, запрещающий оказывать кредит иностранным государям. Впрочем, это разрешение не имело реального значения, так как амстердамские купцы не пожелали кредитовать Швецию.

Но иначе обстояло дело в правящих гаагских сферах, где Вильгельм III пользовался почти неограниченной властью. Под его сильнейшим влиянием находился и ратпенсionarioий Гейнзиус. Здесь, в правительственных кругах Гааги, где опасались усиления России и ее утверждения на Балтике, отношение к Матвееву теперь заметно изменилось.

«Моя бытность ныне в них не вельми им приятна, — пишет он, — и многое им препятие на вспоможение нынешнее шведу учинила». Изменился даже Витзен, который при всей своей благосклонности к Петру I и Головину неспособен был на оппозиционные выступления против Вильгельма III. Внешне Витзен относился к Матвееву благосклоннее других, но ничего не сообщал о правительственных решениях «и во всем себя являет зело безвестна. И мню, — добавляет дальше Матвеев, — что все они в нынешнем деле вельми недовольны и во всем против прежнего обменились».

Впереди Матвеева ожидали более тяжелые испытания.³ Нарвское

¹ Голландские дела, 1700 г., д. 4, л. 148.

² Там же, лл. 160, 163, 164, 165.

³ Там же, лл. 178—180, 184; 1701 г., д. 3, л. 7.

поражение было воспринято в Западной Европе как военная катастрофа России. Оно сильно подорвало военный и дипломатический престиж Москвы. Правда, внешние приличия соблюдались. Несмотря на усиленные домогательства Лилиенрота, Штаты отказались поздравить Швецию с Нарвской победой, сославшись на свой нейтралитет. Гейнзиус в ответ на представление Матвеева обещал ему строго выискать с Лилиенрота за устройство фейерверка и публичного праздника в Гааге по случаю нарвской победы. Витзец помогал Матвееву унять курантистов, печатавших преувеличенные сведения о русском поражении.

Но в своих донесениях Матвеев отмечает, что «у здешних господ та ведомость (о нарвском поражении. — Т. К.) во многое была принята порадование». Не скрывал своей радости и Вильгельм III. «Как Амбурга весть о том случае к королю аглинскому пришла, он был за столом; в те часы и посол французский у него случился. Велел всенародно ее честь и слушающая сам и все при нем zelo тому рады были». И английский король, и французский посол полагали, что теперь Северная война должна быстро окончиться, и силы северных государств поступят в распоряжение великих держав. А обстоятельства минуты этого требовали как нельзя больше: вопрос об испанском наследстве вступил в стадию своего разрешения.

III

Почти одновременно с нарвской битвой произошло другое событие, послужившее сигналом для развязывания войны за испанское наследство. Умер последний представитель испанской линии Габсбургов Карл II. Собственно династические интересы не играли решающей роли в войне за испанское наследство. В Англии и Голландии очень многие относились безразлично к тому, какой принц — бургонский или габсбургский — займет престол Испании. Большинство в английском парламенте принадлежало партии тори — решительным противникам войны. В Голландии против войны выступал Амстердам. В январе 1701 г. Матвеев писал в Россию: «Амстердам один к войне той не склоняетца для своих великих торговлей в Гишпании и у француза». ¹ Поэтому в начале голландское и английское правительства признали внука Людовика XIV, герцога Анжуйского, королем Испании под именем Филиппа V. Война была пока лозунгом узкого круга оранистов, правда, принадлежавшего к высшим правящим сферам обоих государств. В Голландии ратпенсионарий Гейнзиус являлся ревностным сторонником военной политики Вильгельма III. В отсутствие штатгальтера Гейнзиус был главою гражданского управления, исполняя одновременно и функции министра иностранных дел. ²

Трудно сказать, искал ли войны Людовик XIV. В одном из своих донесений, относящихся к началу 1701 г., Матвеев сообщает, что «французу» неприятна весть о шведской победе под Нарвой: «если бы вам был благополучный случай, а Нарва взята, не так бы здешние господа на него вооружались». По мнению Матвеева, Франция искала мира, а Англия и Голландия готовились к войне. ³ Но если Людовик XIV и хотел сохранения мира, то при одном условии: признания за ним права бесконтрольно распоряжаться в испанских владениях. Ослепленный успехами стареющий государь не видел, какой опасности он подвергает Францию, ослабленную предшествующими войнами и переживавшую

¹ Там же, 1701 г., д. 3, л. 12.

² Особого поста министра иностранных дел в государственном аппарате Штатов не было.

³ Голландские дела, 1701 г., д. 3, л. 8.

экономический упадок. Все, что делал Людовик XIV в 1701 г., неизбежно вело к войне: занятие французскими войсками бельгийских крепостей — барьера, где по Рисвикскому договору находились голландские гарнизоны, передача торговли неграми французской компании, наконец, признание английским королем под именем Якова III сына Якова II Стюарта, умершего изгнанником в Сен-Жерменском предместье Парижа. Это была опасная попытка навязать Англии короля «милостью Людовика XIV». Сердце свободолобивой британской буржуазии вспыхнуло огнем возмущения, когда Людовик XIV покусился на ее свободу... торговать людьми. Признание Якова III дало ей в руки прекрасное оружие для борьбы с Людовиком XIV не только внутри Англии, где в это время со дня на день росло влияние партии вигов, сторонников войны, но и во всей Европе.

Французская политика способствовала росту военных настроений не только в Англии, но и в Голландии. В одном из своих донесений Матвеев описывает овладевшую голландцами ярость, когда французские войска по приказу Людовика XIV заняли Брабант. «Единым сердцем хотя с ним войны, — заканчивает Матвеев, видя многое во всех делах его непостоянство и в договорах премены». Теперь и Амстердам «склонился» к войне.¹ Англо-голландское сближение усиливалось. Политика Людовика XIV имела еще одно опасное для его страны последствие — она спланивала воедино врагов Франции.

В этих условиях тщетными оказались старания французской дипломатии предотвратить или по крайней мере локализовать надвигающуюся европейскую войну. Опытный и искусный французский дипломат д'Аво во время переговоров в Гааге в 1701 г. поставил себе целью разрушить англо-голландский блок и привлечь Голландию на сторону Франции. Д'Аво пытался опереться на Амстердам и стремился разжечь англо-голландское соперничество. Англия и Голландия издавна оспаривали друг у друга первенство в области торговли и мореплавания. Во время заключения в 1689 г. англо-голландского оборонительного и наступательного союза голландские депутаты проявили большие колебания. Они боялись «истощить себя ради Великобритании». Скрепя сердце, дрожащей рукой подписал Витзен этот договор. Его обуревали опасения, что в этом союзе первое место будет принадлежать Англии. Во время войны Аугсбургской Лиги с Францией между морскими державами возникли серьезные разногласия по вопросу о военных издержках.² Но все дипломатические замыслы д'Аво оказались бесплодными, потому что Франция не сделала Голландии никаких экономических уступок, а на политическую уступку — вывод войск из крепостей барьера — согласилась слишком поздно.

Французское правительство не сумело достигнуть соглашения и с антивоенной партией в Австрии, к которой принадлежал император Леопольд и его старейшие советники, заинтересованные в присоединении Милана к австрийским владениям. Эта партия находила отклик в стране, где многие с завистью смотрели на экономическое процветание протестантской Голландии.

Зато Гейнзиус, объявивший себя ревностным защитником австрийских интересов в вопросах испанского наследства, сумел найти общий язык с партией эрцгерцога Карла, претендента на испанский трон. Относительно этой австрофильской политики Матвеев сообщает нам следующие интересные сведения. «Статские господа» желают, чтобы в Нидерландах и Испанской Америке утвердилась власть австрийского эрц-

¹ Голландские дела, 1701 г., д. 3, лл. 25, 27.

² Block. Op. cit., p. 482 sq.; Michael. Englische Geschichte im XVIII Jahrhundert, I, S. 219.

герцога, потому что у него нет флота и он не сможет противодействовать им на море, как это будут делать французы. Если же Франция укрепит свое влияние в Испании, дорога в Вест-Индию для голландцев будет закрыта и они потеряют свои огромные торговые прибыли.¹ 7 сентября 1701 г. в Гааге образовался из Англии, Австрии и Голландии «великий союз». Русские дипломаты часто называли его «большим союзом». Он был создан для борьбы с Францией как в Европе, так и в колониях. Члены союза обязались не допускать объединения Франции и Испании под властью одного короля, а также перехода испанских колоний к Франции. Еще до этого, весной 1701 г., военные действия были начаты Австрией в Северной Италии. Но официально война Франции была объявлена только в мае 1702 г., причем император Леопольд объявил войну Людовику XIV и «герцогу Анжуйскому».

Период дипломатической подготовки войны за испанское наследство занял около полутора лет. Присмотримся теперь к изменениям, какие этот период внес в отношение гаагских кругов к северным делам. Для Вильгельма III до конца его дней Швеция оставалась одним из желанных союзников в предстоящей войне с Францией. Шведский двор часто получал от Вильгельма III доказательства его дружбы. В начале 1702 г. английский парламент утвердил договор с Швецией. Те опасения, которые Вильгельм III испытывал относительно Петра I, значительно ослабели. Теперь в глазах английского короля русский царь был только государем полуварварской страны, законно наказанным за свои притязания на могущество и цивилизацию. Но Северная война отвлекала силы Швеции и Саксонии, поэтому следовало скорее закончить ее. С этой целью английский король в начале 1701 г. просил императора помирить поляков и русских со шведами. Император обещал принять меры к примирению, рассчитывая, «что все бы те войска были к нынешней войне ему в помощь». О примирении хлопотал и бранденбургский курфюрст.² Несколькими позже подтвердили свое посредничество Вильгельм III³ и Штаты. Но Карл XII не обнаружил склонности к примирению. На него действовали и опьянение успехами, и вызванное войной ожесточение против своих неприятелей, и влияние французской партии при шведском дворе, к которой принадлежал первый министр и королевский любимец Пипер. К тому же у Карла XII были уже свои счеты с Англией и Голландией. Во время заключения Травендальского мира шведский король потребовал передачи ему Зеландии. Морские державы в этом категорически отказали и не уводили своей эскадры из Зунда до тех пор, пока все шведские войска не были отправлены на родину. Вторым камнем преткновения была Саксония, которую взяли под свою защиту император и морские державы.

Не обнаруживая уступчивости по отношению к англо-голландским предложениям, шведское правительство настойчиво требовало от морских держав продолжения помощи по союзному договору и предъявляло новое требование. В начале 1701 г. Лиленрот потребовал, чтобы Голландия не продавала и не пропускала в Россию и в Польшу военные припасы. В апреле 1701 г. Швеция потребовала, чтобы Голландия разорвала торговые сношения с Россией и Польшей. Когда в этом Штатами было отказано, шведским кораблям отдается распоряжение захватывать голландские торговые корабли, идущие в Архангельск.

К тому же скоро выяснилось, что шведская дипломатия в Гааге заняла примиренческую позицию по отношению к надвигавшейся войне за испанское наследство. Европейская война несла с собой большие

¹ Голландские дела, 1701 г., д. 3, л. 76.

² Там же, л. 28. Об этом Матвеев уведомился из «статских секретств».

³ Там же, л. 184.

неприятности для Швеции. Вместо дальнейшей помощи от морских держав, Швеция в случае войны сама должна была бы воздать им за услуги, оказанные под Копенгагеном. Но тут шведское правительство попало в двусмысленное положение. Оно было связано с Людовиком XIV договором оборонительного союза, а в войне за испанское наследство Франция формально была обороняющейся стороной. Выход из этих затруднений Лиlienрот видел в примирении европейских распрей. Поэтому он сначала сам берет на себя посреднические функции между Францией и Испанией с одной стороны, Голландией и Австрией — с другой. «Швед всунулся в испанские дела», — доносит Матвеев в январе 1701 г. и здесь же отмечает, что Штатам это неприятно. Затем Лиlienрот сближается с д'Аво, пытавшимся предотвратить, или по крайней мере локализовать, надвигавшуюся европейскую войну. Тайком Лиlienрот часто посещает французского дипломата. Эти посещения не остались тайной и вызвали большое озлобление голландских руководителей и английских министров.¹

Удрученный русскими военными неудачами, Матвеев поступал более разумно и осторожно, чем ослепленный шведскими успехами Лиlienрот. Матвеев быстро оценил и трудности, связанные с периодом непосредственной подготовки войны за испанское наследство, и преимущества, которые принесет с собою начало этой войны. В матвеевских донесениях 1701 г. настойчиво проводится одна основная мысль, а именно: морские державы твердо намерены оказать Швеции военную и финансовую помощь, но если начнется война, то «довольно им от гишпанского Геркулеса и французского Марса выстерегать себя самих».

Но пока война за испанское наследство не началась, Матвеев энергично противодействует всяким поползновениям оказать помощь Карлу XII. При этом он ссылается на посредничество, предложенное Англией и Штатами в северных делах — посредник не может оказывать военной помощи ни одной из воюющих сторон.

Сентябрьские донесения Матвеева с извещением о предложенном через Стэнгопа посредничестве Вильгельма III в ~~русско~~-шведских делах и грамота голландского правительства с подобным же предложением были получены в обозе под Нарвой 4 ноября 1700 г. В ближайшие дни Головин отослал Матвееву два письма, в которых уполномочил его передать английскому правительству и Генеральным Штатам, что предложенное посредничество принято. Царская грамота английскому королю была послана значительно позже — в середине декабря. Тогда же и Штатам была отправлена особая ответная грамота. Ее черновик в архиве посольской канцелярии позволяет до известной степени судить о содержании ответа. В ней Петр объяснял начало войны тем, что нанесенные шведами русским обиды не были возмещены, а виновники были даже оправданы шведским правительством. Поэтому он, Петр, принужден «инако поступить и обиду обидою мстить». Однако он и впредь не отказывается от голландского посредничества, но «бес такого подлога их насилия, каково показано дацкой короне при голштейнском деле».²

Царским ответом голландское правительство осталось недовольно. Однако секретно запросили шведского короля о его согласии на мир. Написали и Вильгельму III, потому что «без его соизволения не только такое великое дело, ни малое не управляютца здесь у господ».³

Но в правящих голландских сферах были убеждены, что посредничество не нужно Петру, что он намерен отомстить за Нарву. Грамоту

¹ Голландские дела, 1701 г., д. 3, лл. 7, 8, 12, 13, 28, 97, 165, 205.

² Там же, 1700 г., д. 1, лл. 9—10.

³ Там же, 1701 г., д. 3, л. 12. Имеется в виду «у господ Стат».

же о посредничестве считали «великою политикою»,¹ поскольку принятие русским царем англо-голландского посредничества отнимало у морских держав право оказывать шведам помощь. Для «пресечения» помощи шведам Матвеев попрежнему прибегает к поддержке амстердамских купцов. Он часто наезжает в Амстердам,² пишет письма к торгующим с Москвой амстердамским купцам, которые распространяет через Гаутмана. Разумеется, и здесь русскому послу в посленарвский период пришлось перенести немало горьких разочарований. Многие из старых друзей теперь сторонились его и проявляли полное равнодушие к русским делам. Изменившиеся обстоятельства требовали новой тактики, новых способов воздействия. Учитывая это, Матвеев советует русскому правительству «понудить амстердамских купцов теснотою к несогласию с шведами».

Витзен и Гаутман остались верными помощниками Матвеева и в эту тяжелую пору. С их помощью Матвеев поддерживает свое влияние среди амстердамских коммерсантов, оказывает давление на гаагские правящие круги, борется с новыми требованиями Карла XII — не продавать России и Польше военных припасов. Вероятно по совету своих голландских друзей, Матвеев прибегает и к силе печатного слова. Он публикует мемориал о нарвской битве и свободе торговли военными припасами, в котором опровергает распространяемые Лилиенротом слухи о якобы катастрофическом положении России.

В феврале 1701 г. голландское правительство воспретило вывоз военных товаров из страны, в виду напряженной международной обстановки. Витзен обещал пропустить русские военные заказы «приватно».³

Несмотря на отдельные неудачи, Матвееву удается сохранить влияние в амстердамских кругах и в этот тяжелый период Северной войны. Так, в начале 1701 г. Гаутман сообщил Матвееву, что он показывал его письмо торгующим с Москвой купцам; все согласны с тем, чтобы шведам помощи не давать.

Несколько позже, в феврале того же года, Витзен «яко верный нам здесь служжник»⁴ обещал русскому послу, что Швеции помощи не дадут. По словам Витзена, об этом уже сказано шведскому послу частным образом. Действительно, голландское правительство вежливо отказало Швеции в помощи, сославшись на предстоящую войну с Францией и свое посредничество в северных делах.⁵

Уклоняясь от прямого ответа на английские и голландские предложения посредничества для заключения Северного мира, Швеция продолжала усиленно домогаться субсидий. В деньгах шведское правительство все время испытывало острую нужду. Но на этот раз голландское правительство ответило Лилиенроту, что оно обязано помогать Швеции на западе, а не на севере, — «понеже география разделяет Стокгольм с Ливониею, того ради они туды не должны помочи посылать».⁶ Это был прямой отказ от военной помощи Швеции, если эта помощь будет направлена против России и Польши. В Голландии не хотели толкать Петра I и Августа II в объятия Людовика XIV. Свидание в Биржах привлекло внимание гаагских кругов. Присутствие на нем французского посла Герона обеспокоило голландских руководителей. Ими овладели опасения, что Петр I и Август II помирятся с Карлом XII через французское посредничество. Чтобы помешать этому, голландское пра-

¹ Там же, л. 27 («из секретов статских»).

² Там же, лл. 9, 13, 16, 23.

³ Там же, лл. 23, 71.

⁴ Часто встречающееся выражение в письмах Матвеева к Ф. А. Головину.

⁵ Голландские дела, 1701 г., д. 3, лл. 16, 48, 76.

⁶ Там же, л. 134 — донесение Матвеева от 28/III 1701 г.

вительство направляет в Биржи своего резидента в Гамбурге Кранембурга. На этой поездке настаивал и император Леопольд.¹

Кроме того, сама Швеция была в это время заподозрена в намерении возобновить свои старые дружественные отношения с Францией. Весною 1701 г. Матвеев услышал в Гааге новые речи: «И желают здесь. — доносил он в Москву, — лучше быть у вас с шведом войне, нежели шведу быть в согласии с французом».² Этому соображению суждено было сыграть крупную роль в северной политике «великого союза» в последующие годы.

Проявленные шведским правительством колебания помогли Матвееву приобрести себе новых союзников. Этими союзниками были английские министры. Маркс в своем письме от 12 февраля 1856 г. отмечает, что при Вильгельме III по отношению к России «министры действуют в о пр е к и его намерениям».³

В то время как Вильгельм III прилагал все усилия, чтобы вовлечь Карла XII в «великий союз», английский посол в Гааге Стэнгоп устанавливает дружеские отношения с русским послом и помогает ему в осуществлении его планов. Рассказывая в одном из своих писем о посылке молодого Стэнгопа к шведскому двору, Матвеев поясняет, что это сын «здесьнего аглинского посланника, который мне великой в бытность королевскую в Гаге учинился друг».⁴

В ноябре 1702 г. Матвеев посылает Стэнгопу 4 пары соборей «за многие его вспоможательства в делах у Статов, а больше в препятии помочи шведу, надлежащей по союзам от короны аглинской и Статов Генеральных».⁵

Русскому дипломату и английскому министру — вигу нетрудно было найти общий язык в Гааге того времени. Оба они стремились к скорейшему развязыванию войны за испанское наследство. Наоборот, шведская дипломатия по своим планам была ближе к французской, что способствовало еще большему сближению Стэнгопа с Матвеевым. В этих условиях кажется естественным содействие английского министра Матвееву в «пресечении помощи шведу». С своей стороны и русский дипломат мог быть полезен в Амстердаме, этой главной цитадели противников войны за испанское наследство.

Мы наблюдали, как постепенно, в результате шведских колебаний между Францией и морскими державами, а также давления амстердамских кругов и русских дипломатических успехов изменялось отношение англо-голландского блока к России. В Голландии нарастание недружелюбных настроений по отношению к Швеции и дружелюбных к России шло быстрее. В конце 1701 г. еще одно обстоятельство усилило «склонность» «великого союза» к Петру I. Турция обнаружила намерение начать войну с Австрией и оказать помощь восставшим против австрийского владычества венграм. Франция усиленно побуждала к этому турецкое правительство. В этих условиях северные планы «великого союза» изменяются. Теперь члены «великого союза» предполагают после восстановления мира на севере заключить союз не только со Швецией, но и с Россией; последняя должна была действовать против Турции.

2 января 1702 г. Матвеев доносил в Москву: «Из секретов французских всемерно письмами подтверждают к господам Статам и к королю аглинскому, что француз всякими видами ищет неотступно у

¹ Голландские дела, 1701 г., д. 3, лл. 96, 109, 157, 165.

² Там же, л. 118 — донесение от 21/III 1701 г.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XXII, стр. 112.

⁴ Голландские дела, 1702 г., л. 130 — донесение от 27/II 1702 г.

⁵ Там же, 1700—1712 гг., д. 5, л. 7.

Порты мир порвать с цесарем... Такое ево, французово, злое намерение ведая, король аглинский и господа Статы хотят секретно домогатца у вас чрез короля прусского, чтобы вас привлечь с собою в общей союз». ¹

Для осуществления этих намерений нужно было прежде всего, чтобы Северная война была прекращена и чтобы северный мир был заключен под руководством «великого союза». Но ослепленный своими военными успехами в Польше, Карл XII отказывался даже выслушивать предложения о посредничестве, с которыми к нему беспрестанно обращались дипломаты всех великих держав. В феврале 1702 г. Гейнзиус «с великим из сердца негодованием» говорил Матвееву, что «господ Статов труды к примирению со всяким их прилежанием у шведа приложенные до сих часов никакова полезного действия не получили, потому что он швед их министра не токмо к себе допускает, но от себя его в Ригу отослал и в Стокгольм еще дальше ехать нужит». ²

Малоуспешны были и переговоры с Лилиенротом в Гааге. Нуждаясь в деньгах, шведское правительство домогалось субсидий у морских держав. Вильгельм III послал Карлу XII под видом подарка 200.000 талеров. Но Штаты согласились выплатить субсидию таких же размеров только при условии подтверждения Швецией своих союзных обязательств. Подтвердительная грамота была прислана в Гаагу в конце 1701 г. На частной конференции у ратпенсионария Лилиенрот получил деньги и в обмен вручил грамоту. Но тут произошла резкая сцена. «Стацкие депутаты» отказались принять грамоту и потребовали деньги обратно. Как узнал позже Матвеев из «статских секретов», разрыв был вызван тем, что «в подтвержденной грамоте шведовой к господам Стагам написана только обещанная склонность к их стороне глухою статьею, а не имяновано подлинно того, что он с французом за их союзом в нынешние дела не вступит».

Негодование практичных голландцев достигло высшего предела, когда в марте 1702 г. они узнали о новом шведском обмане. Обещанные им шведские войска из Померании были переброшены неизвестно куда. В Гааге этот поступок расценивали как «самой неприятельской знак», как признак того, что Швеция вступила в тайный союз с Францией». ³

Но в действительности было не так. Карл XII не мог найти выхода из того затруднительного международного положения, в котором оказалась Швеция в период дипломатического развязывания войны за испанское наследство. Повторяя ошибку Людовика XIV, он решил, что могущество может обходиться без «политики», и поэтому уклонялся от определенного ответа на дипломатические предложения европейских держав.

В этот же период русская дипломатия своевременным принятием англо-голландского посредничества «пресекает помощь шведу», затем умело утверждает свое влияние в амстердамских кругах и завоевывает новых союзников в лице английских министров — вигов. Неудивительно, что гаагские правящие круги были обрадованы первыми победами Шереметева над шведами. С помощью русских побед надеялись сломить упорство Карла XII и побудить его принять предложения «великого союза» о северном мире. Это упорство было, по мнению морских держав, главным препятствием, мешавшим осуществлению их северных планов.

¹ Там же, 1702 г., д. 2, л. 6.

² Там же, лл. 133—134.

³ Там же, лл. 8—12, 59, 99.

IV

Начавшаяся война за испанское наследство изменяла международную ситуацию в благоприятную для России сторону. Морские державы теперь уже не могли вмешиваться в северную борьбу. По образному выражению Матвеева, им довольно было «от гишпанского Геркулеса и французского Марса выстерегать себя самих». Кроме того, колебания Швеции между Францией и «великим союзом», проявленная шведским правительством уклончивость по вопросу о вступлении в «великий союз» и о «перепуске» войск начинали вызывать озлобление у морских держав. Озлобление это казалось тем более естественным, что еще совсем недавно, помогая Швеции под Копенгагеном, Англия и Голландия не остановились перед нарушением международного права. Неприязненные отношения к Швеции быстрее нарастали в Голландии, которой угрожала опасность прямого французского нашествия. Но проявились они не сразу. Сначала, под влиянием политического завещания Вильгельма III,¹ Голландия пошла на некоторые уступки Швеции.

Выполняя последнюю волю покойного короля, вскоре после его смерти Мальборо² приезжает в Гаагу и ведет с Лилиенротом переговоры о вступлении Карла XII в «великий союз». Голландия соглашается уплатить шведскому послу спорные 200 000 талеров, полагаясь на его словесное обещание, что Швеция будет верна своему союзу с морскими державами.³ Половина этой суммы была немедленно выдана Лилиенроту. Однако определенного ответа не последовало; шведское правительство продолжало вести старую политику оттяжек и проволок.

Тогда чаша терпения голландского правительства переполнилась. Этому способствовали умножающиеся слухи о франко-шведском союзе, о которых говорит Матвеев в своих апрельских и майских донесениях 1702 г. Голландское правительство обрушивается на своего посла Фонгарзольта, проживавшего в то время в Риге, потому что Карл XII запретил иностранным дипломатам сопровождать его в походах. Фонгарзольт получает резкий выговор за то, «что он оплошно в тех делах своих там поступает и, как слышитца здесь — оттуды, что он, оставя своей должности повинность, больше Бахуса пестует».⁴ Далее ему приказывалось без королевского разрешения ехать в «шведский обоз» и потребовать от Карла XII «без всех дальних околичностей» прямого ответа — вступит ли он в «великий союз» и даст ли союзникам обещанное количество войск.

Раздосадованный шведскими колебаниями, венский двор также отдает своему послу приказание потребовать немедленного ответа на сделанные Швеции предложения о союзе.

Однако настояния союзников оказались безуспешными. Действия их парализовались французскими субсидиями. По сведениям из Гамбурга, французский двор переводил ежемесячно 15 000 талеров зятю и любимцу Карла XII герцогу голштинскому и обещал высылать вдвое больше, если Швеция вступит в союз с Францией. Французские субсидии получал и первый министр Пипер, который пользовался большим влиянием на своего короля. Вместо благоприятного ответа от короля, пришли вести из Бремена, что Карл XII отдал приказ своим находив-

¹ Он умер в марте 1702 г.

² Крупный политический деятель того времени; после смерти Вильгельма III назначен главнокомандующим английской армией; был близок к тори.

³ Голландские дела, 1702 г., д. 2, лл. 248—250.

⁴ Там же, л. 387 (цитирую по донесению Матвеева).

шимся в Померании войскам через Бранденбург напасть на Саксонию, пользуясь тем, что прусские войска заняты общей европейской войной.

Тогда озлобление в Голландии резко усилилось и охватило широкие слои населения. Его стали разделять и другие участники «великого союза». «И в великую ненависть он, швед, не только господам Статам и всему народу галанской республики, но и всем союзникам их, царю и прочим потентам здесь уже преходит»,¹ — писал Матвеев 12 мая 1702 г. Ниже в этом же донесении он сообщал важную для России новость, — о намерении союзников побудить Данию к войне с Швецией, если последняя примкнет к Франции.

Это было важное известие, потому что война за испанское наследство отвлекала силы от северных дел. Дания принуждена была выйти из Северной войны по Травендальскому миру, и все старания русской дипломатии возобновить русско-датский союз разбивались о противодействие великих держав.

В 1701 г. переговоры русского посла Измайлова в Копенгагене о заключении оборонительного и наступательного союза, о «перепуске» военных кораблей закончились неудачно.

Так же неудачны были и хлопоты французских дипломатов сначала о союзе, потом о нейтралитете. Французскому королю было поставлено в упрек, что он оставил Данию без обещанной помощи в трудную минуту в июле 1700 г. Под давлением морских держав Дания заключила с ними в июне 1701 г. договор, по которому датские войска поступали на англо-голландскую службу. Англия и Голландия с своей стороны гарантировали свободу датской торговли.² За Данией наступила очередь Саксонии. В марте 1702 г. голландские куранты опубликовали известие, что польский король «к безопасности своих земель» вступил в союз с императором, Англией и Генеральными Штатами и посылает своим союзникам около 20 тыс. войска. Это соглашение также уменьшало те силы, которые северный союз мог бросить против Швеции.³

Теперь же, в мае 1702 г., обострение взаимоотношений между Швецией и «великим союзом» открывало новые возможности для вовлечения Дании в Северную войну. Матвеев ведет переговоры с Гейнзиусом о побуждении Дании к выступлению против Швеции. В гаагских дипломатических кругах вырабатывается план посылки в Балтийское море соединенной англо-голландско-датской эскадры, с целью заставить Швецию заключить северный мир и выполнить обязательства по договорам с морскими державами. Перед северными союзниками открывалась перспектива получить возмездие за Травендальский мир. Голландские послы в июне 1702 г. едут в Лондон и там предлагают королеве Анне послать на Балтику эскадру, чтобы принудить Карла XII к миру и получить от него обещанную по договорам помощь. Соединенная эскадра должна была состоять из 9 английских, 6 голландских и 25 датских кораблей. Она должна была представлять серьезную угрозу для Швеции, почти в два раза превосходя по силам шведский флот.

¹ Там же, лл. 401—402.

² Там же, 1701 г., д. 3, лл. 84, 97, 105; 1703 г., д. 4, л. 140.

³ Там же, 1702 г., д. 2, л. 238. Возможно, что куранты несколько предупреджали события и преувеличивали число войск. В донесениях Матвеева за 1703 г. имеются подробные сведения относительно оборонительного союза между императором Леопольдом и Августом II, подписанного 16 января 1703 г. Саксонский курфюрст обязался послать императору 6 тыс. пехоты и 2 тыс. конницы. Взамен император обязался вместе с Англией и Голландией содействовать заключению северного мира (со включением России). Кроме того, император обязался с 8-тысячным войском прийти на помощь Августу II в случае нужды. Очевидно здесь имелось в виду шведское нападение на Саксонию. Договор заключался на 10 лет. В нем предусматривалась возможность вступления в союз «царя Московского» (Голландские дела, 1703 г., д. 4, л. 858).

Но Англия предпочла путь усиленного дипломатического воздействия. Английский посол в Швеции Робинсон получает приказание отправиться из Стокгольма в шведскую армию для переговоров с Карлом XII, куда он и прибыл в марте 1703 г. Там ему был оказан радушный прием. Короля он встретил недалеко от Люблина 5 марта 1705 г. Увидя Робинсона, Карл XII сошел с лошади, обнял его и затем разговаривал с ним около часа. По газетным известиям, в Варшаве Робинсону оказывалось предпочтение перед французским послом. Имеющиеся материалы позволяют подозревать, что Робинсон имел поручения заключить с Карлом XII договор о союзе или найме войск, не считаясь с интересами Петра I и Августа II. Направляясь в Польшу для переговоров, Робинсон не имел верительных грамот к Августу II, его послали только к Карлу XII. Рассказывая о своей миссии в своих письмах в Гаагу, он не упоминает о России.

В то же время Лилиенрот в Гааге усиленно распространял слухи о том, что Карл XII не согласится на мир с Россией, что будет заключен только мир с Польшей. Поэтому Матвеев еще раньше, в марте 1703 г., настоял на том, чтобы голландское правительство послало Фонгарзольту приказание вести переговоры о всеобщем северном мире. В июне того же года русский посол получил подтверждение своих опасений. «Из секретов» английского посла в Гааге Матвеев узнал, что Англия и Голландия намерены заключить только шведско-польский мир с тем, чтобы получить на свою службу часть шведских войск или по крайней мере саксонские. «То англичан и здешних прямое намерение, — с горечью отмечает Матвеев, — чтоб вас не допустить пристани никакой иметь на море Балтийском, чего они николи не желали и ныне не хотят слышать».¹ К тому же члены голландского правительства несколько раз осведомлялись у Герсдорфа,² не согласится ли Август II заключить сепаратный мир с Швецией. По мнению Герсдорфа, голландское правительство относится с почтением к Петру I, но оно опасается, что после заключения общего северного мира Карл сможет примкнуть к французам или же напасть на империю. Поэтому «они (Штаты) рады были [бы] увидеть продолжение войны между его царским в-вом и королем свейским, для того, чтобы удержать короля свейского, упражняющегося в войне, и дабы иметь было больше войск от короля нашего г-ря».³

Возмущенные английскими планами, северные союзники дали им решительный отпор. Август II через своего посла в Вене объявил, что он не согласится на сепаратный мир с Швецией. Представитель Августа II Бозен в Лондоне заявил английскому правительству, что саксонские войска будут отозваны с «цесарской службы», а русская и польская торговля с Англией будет прекращена. Отзывом саксонских войск угрожал и польский министр Герсдорф в Гааге. В России правительство оказало давление на английских купцов.⁴

Голландское правительство вынуждено было обещать, что оно не заключит с Швецией невыгодных для северных союзников договоров. Чтобы склонить Карла XII к уступкам, в Англии и Голландии снова готовили эскадру для отправки в Балтийское море, но Матвеев разделял мнение «искусных ведомцев», что корабли не будут посланы. Решительную позицию по этому вопросу заняли депутаты голландской провинции. Собравшись на конференцию у Герсдорфа, они приняли следующее решение: просить Штаты еще усерднее стараться о заключе-

¹ Голландские дела, 1703 г., д. 4, л. 446.

² Польский посол в Гааге.

³ Голландские дела, 1703 г., д. 4, л. 707 — цитирую по донесению Матвеева.

⁴ Там же, лл. 103, 417, 418, 448.

нии общего северного мира, а «если кто не склонен к миру (не имевши его, шведа), чтобы его понудить, а к понуждению тому перенять некоторое число воинских кораблей с людьми у Денемарка». ¹ Генеральные Штаты были готовы отправить эскадру в Балтийское море, но они были удержаны Англией. Бозену не удалось побудить английское правительство сделать этот рискованный шаг.

Тем временем Робинсон и его товарищи, голландский и австрийский послы, вели безуспешные переговоры, которые шведское правительство намеренно затягивало, чтобы выманить у морских держав побольше субсидий. С помощью Витзена Матвеев несколько раз «пресекает» домогательства Лилиенрота о помощи деньгами и боеприпасами.

Весною 1703 г. перед своим отъездом из Гааги Лилиенрот по королевскому приказу предложил подтвердить шведско-голландский договор 1700 г. о торговле и вспомогательных войсках. Голландское правительство просило у Швеции 20 000 солдат. Не полагаясь на словесные уверения ратпенсионария, что «тот договор учинится не к убытку вашему», Матвеев подает мемориалы Штатам, противодействуя возобновлению дружественных шведско-голландских связей». ²

Подтверждение договора задерживалось, по словам Матвеева, тем, «что его, шведа, Статы нудят в великой свой союз, чего он еще учинить до времени не хочет и себя им обязать. По тому признают, что он, швед, держится крепко стороны французской. Только верно [и] то, что ни Англия, ни Статы конечно николи того слышать не хотят, чтобы вы имели пристань свою на Балтийском море». ³

После отъезда из Гааги тяжело больного Лилиенрота, его сменил на этом посту Палмквист, прежде бывший послом во Франции. О нем Матвеев дает следующий отзыв: «Палмквист посредственного искусства, от которого не чаю в делах хитростям и промыслу здесь проходить, как Лилиенроту». ⁴

Новый шведский посол продолжал начатые его предшественником переговоры. Палмквисту усиленно помогал ганноверский министр Ботмар. Кончились эти переговоры безрезультатно. Голландское правительство соглашалось возобновить договор 1700 г. только в том случае, если Швеция даст «великому союзу» вспомогательные войска.

В конце 1703 г. Робинсон уехал в Гданск (Данциг). Хлопоты его успехом не увенчались, Карл XII принял твердое намерение свергнуть Августа II с польского трона. Сам же Робинсон, по некоторым сведениям, был «внутренне склонен к шведу и примасу», но внешне льстил Августу и откровенно выступить против него не решался. ⁵

Шведское правительство попыталось также и через Палмквиста заручиться поддержкой морских держав для выполнения своих проектов. В конце 1703 г. Палмквист в Гааге упорно домогался, чтобы Англия и Голландия помогли Карлу XII лишить Августа польской короны. Но кроме угроз со стороны северных союзников, морские державы встречались с сопротивлением и в своей собственной среде. Император Леопольд взял польского короля и саксонского курфюрста Августа II под свою защиту.

Переговоры Робинсона показали, что в глазах Европы престиж Августа II падал, а значение Петра I росло. Русские военные успехи в

¹ Там же, лл. 393—394 — цитирую из донесения Матвеева.

² Там же, лл. 317, 318, 322, 496—497.

³ Там же, лл. 537—538.

⁴ Там же, л. 765.

⁵ Там же, лл. 890, 953, 954. О шведской ориентации Робинсона говорит в своих донесениях Матвеев, ссылаясь на приходившие в Гаагу письма из Польши. Примас — кардинал Радзиевский, глава шведской партии в Польше.

Прибалтике начинали вызывать беспокойство морских держав. Еще в самом начале этих переговоров Матвеев справедливо отметил, что от Англии и Голландии нельзя ожидать, чтобы они открыли России дверь «ко входу в Балтийское море». Сокровенные замыслы «великого союза» в северных делах сводились к тому, чтобы, помирив Карла XII с Августом II, получить саксонские войска и часть шведских на свою службу. Что же касается Карла XII и Петра I, то «великий союз» охотно представил бы им источник друг друга взаимной борьбой. Карл XII был опасен своими колебаниями в международной политике, Петр I — своими далеко идущими планами, неукротимой энергией и теми ресурсами, которые ему могла предоставить его необъятная страна.

Не встретив у морских держав поддержки своему польскому плану, Карл XII искал менее сильных и более уступчивых союзников. Они и сами шли ему навстречу. Еще в марте 1703 г. Матвеев отметил в своем донесении, что шведский посол все больше сближается с прусским. В Гааге говорили, что это признак сближения их государей. В одном из своих позднейших писем Матвеев утверждал, что прусско-шведский договор и был заключен в Гааге Лилиенротом и Сметтовым.¹

В июле 1703 г. русский посол узнал из «секретов прусского двора», что Пруссия договорилась с Швецией о разделе между собою польской Пруссии. Первой предназначался Эльбинг, а второй — Гданск. Ксроля Августа новые союзники предполагали лишить трона. Против этого договора сразу же выступили Штаты и Дания. Несколько позже присоединилась и Англия; английский министр в Берлине потребовал, чтобы Пруссия без согласия «великого союза» не вступала бы ни в какие переговоры с Швецией.

По сведениям, полученным Матвеевым от датского министра, английское правительство даже поручило будто бы Робинсону потребовать от Карла XII, чтобы он не трогал Гданска, иначе на защиту города выступит Англия с союзниками. Но это известие плохо согласуется с позднейшей позицией Англии в гданском вопросе, который сразу приобрел большую остроту, после того как шведско-пруссские войска заняли Эльбинг. В Гааге возникли опасения, что в Германии может вспыхнуть религиозная война протестантских князей империи в союзе с Карлом XII против императора, как это было во времена Густава-Адольфа, который едва не надел императорскую корону. Эти опасения имели известное основание: в 80-х годах XVII в. в империи началась полоса католической реакции, и вследствие этого отношения между императором и протестантскими князьями ухудшились.²

Перед «великим союзом» встала и другая, более реальная угроза, — что, вступив в Северную войну, Пруссия отзовет свои войска с императорской службы.

Наряду с великими державами сильнейшее беспокойство проявили Дания, Ганновер и Люнебург, тоже выступившие против шведско-пруссского союза. Датский министр заявил Штатам, что если северный мир вскоре не будет заключен, то Дания объявит войну Швеции.

Матвеев подозревал, что в прусско-шведском договоре есть статьи, направленные непосредственно против Москвы.³

Из всех заинтересованных государств наиболее горячее участие в столь важном для северных союзников гданском вопросе приняла Голландия и особенно Амстердам. В марте 1704 г. жители Гданска послали две грамоты: одну — Штатам, другую — Амстердаму, с благодарностью за то, что Голландия не допустила нападения Карла XII на

¹ Голландские дела, 1703 г., д. 4, лл. 236, 693.

² Там же, лл. 566, 610, 679, 750.

³ Там же, лл. 969, 827, 857, 937.

Гданск. Амстердамский магистрат в ответ на это объявил, что он и впредь будет действовать так же и снова напишет Карлу XII, только бы Гданск хранил верность своему королю Августу II. Этот ответ свидетельствует о том, что вмешательство амстердамцев в гданский вопрос было вызвано не одними торговыми интересами, хотя Гданск и торговал преимущественно с Амстердамом. Крупную роль здесь сыграла русская ориентация амстердамского магистрата в северных делах. Незадолго перед этим Витзен был вновь выбран амстердамским бургомистром; он пользовался большим влиянием на правительственные дела. В этот период отношение голландского правительства к России изменилось к лучшему. Как отмечает Матвеев, «из собрания здешнего стацкого многие особы, а больше амстердамские, zelo к стране его в-ва и польской склонны. Только по видимому и по внутренним порядком пенсионарий еще дружбы Лилиенрота не забыл и добрым стряпчим здесь есть за шведа». Но если Штаты отвергнут шведские предложения, то один пенсионарий ничего не сможет сделать, тем более, что Гейнзиус теперь уж не имеет такой власти, как при Вилггельме III.¹

Дружественное отношение голландского правительства к северному союзу привело к вмешательству голландцев и во внутренние польские дела. Сендомирская «рада»² обращается к Штатам с жалобой на руководителя шведской партии в Польше кардинала Радзиевского. Польский посол Герсдорф просит голландское правительство положить конец польским мятежам против Августа II и восстановить свободную торговлю на Балтийском море. Разумеется, голландское вмешательство в польские дела вызвало сильное недовольство шведского посла Палмквиста.

Одновременно с этим в области внешней политики на Западе Голландия сближается с Данией. Датский посланник в Гааге получает широкие полномочия для переговоров с Штатами относительно общих действий на Балтийском море против Швеции. Предполагалось, что в случае успешного исхода переговоров Дания объявит войну Швеции.³

В составе английского правительства в это время тоже происходят благоприятные для России перемены. Об этом рассказывает Матвеев в одном из своих апрельских донесений 1704 г. в следующих словах: «И вся шайка тори названная упала. Ныне почала расти вик и в великую входит мочь, которые Статам друзья и все от стороны наследства будущего ганOVERского и вечные неприятели Франции».⁴

Но руководство английской внешней политикой все еще принадлежало тори и близким к ним лицам. Таков был Мальборо, крупный английский полководец и дипломат. Северными же делами заведывал Гарлей, один из столпов тори, убежденный сторонник англо-шведского союза. Между Гарлеем и министрами — вигами Стэнгопом, Степнеем и другими существовали разногласия, которые приводили к известным колебаниям и противоречиям в английской дипломатии. Это сказалось и в гданском вопросе.

Когда шведский король в июне 1704 г. начал наступление на Гданск, общее недовольство охватило Англию, Голландию и Данию. В Гааге к Палмквисту относились почти с нескрываемой ненавистью. На конференциях голландских депутатов с английским, прусским и датским министрами, в июле и августе 1704 г., было решено взять Гданск под свою защиту. Был выработан план действий: в случае опасности Дания

¹ Там же, 1704 г., д. 2, лл. 74—75, 167—168.

² Сендомирская конфедерация состояла из сторонников Августа II, заключивших союз с Россией против Швеции.

³ Голландские дела, 1704 г., д. 2, лл. 281, 242—246, 354—358.

⁴ Там же, л. 237.

и Пруссия пошлют свои войска, Англия и Голландия заплатят свою часть деньгами; кроме того, Англия пошлет свой флот и потребует того же от Дании и Голландии.¹ Возможно, что эта решительность была проявлена Стэнгопом по личной инициативе. Известно, что английский посол в Турции Суттон, принадлежавший к партии вигов, вопреки намерениям своего правительства, в 1711—1712 гг. оказывал в Константинополе поддержку русской дипломатии, за что и был отозван с своего поста. Но Гаага была слишком близко от Лондона, чтобы английский посол на официальных конференциях в течение длительного срока мог высказывать точку зрения, противоречащую взглядам своих главных руководителей.

Вскоре дело принимает другой оборот. Работа союзных конференций по гданскому вопросу приостановилась вследствие требований английского представителя допустить к участию в совещаниях шведского посла. Против этого возражали голландские депутаты: «сказали ему яственно, что волк пастырем, а козел огородником не бывает».² Датский же посол заявил, что в случае приглашения шведского посла он не будет принимать участия в делах.

Затем Англия снова удерживает Штаты от посылки флота в Балтийское море и Данию — от объявления войны Швеции. Решение гданского дела затягивается. Союзники опасаются озлобить Пруссию и Швецию. С Пруссией Мальборо в 1704 г. заключил договор, по которому 12 000 прусских солдат поступили в распоряжение «великого союза». Этим договором Пруссия отвлекалась от северных дел и возвращалась в русло английской политики. Швецию английское правительство постаралось задобрить, возвратив ей захваченные англичанами шведские торговые корабли, шедшие во Францию с запрещенными товарами.³

Только в марте 1705 г., по настояниям приехавшего в Гаагу гданского пенсионария, состоялось совещание по гданскому вопросу голландских депутатов с английским и прусским послами, на котором было решено послать извещение Палмквисту о том, что Гданск взят под защиту участвовавшими в совещании державами. Этот путь был избран потому, что Карл XII совершенно перестал допускать к себе иностранных министров, а от тех, «которые при нем шли в ближних местах, никакова от них предложения не принимает». Но и с посылкою к Палмквисту извещения о поруке медлили и в конечном итоге взяли свое решение обратно. Несколькое позже английский министр в Гааге за «великим секретом» сообщил Матвееву, что Англия и Голландия дали гарантию неприкосновенности только Пруссии; Гданску же и Саксонии пришлось удовольствоваться одними устными обещаниями Мальборо. Тщетно требовал Герсдорф письменной гарантии для Саксонии, заявляя Мальборо, что до выполнения этого требования Август II не пошлет императору обещанных 4000 солдат. «Мальборо все то ему обещал, как честный принц, учинить словом, только не обязательством письменным», — сообщает Матвеев со слов польского посла.

Перед отъездом из Гааги гданский пенсионарий был у русского посла с прощальным визитом. Он обещал верность Гданска Августу II и царской стороне. Письменной поруки в неприкосновенности Гданска он также не получил.⁴

Существенные разногласия между морскими державами, проявившиеся при разрешении гданского вопроса, а также и других северных

¹ Голландские дела, 1704 г., д. 2, лл. 297, 375—376, 422.

² Из донесения Матвеева — там же, л. 518.

³ Там же, лл. 435, 557, 561.

⁴ Там же, 1705 г., д. 4, лл. 50—53, 88, 92, 95.

дел, были связаны с обострением англо-голландских противоречий. В начале 1705 г. датские и немецкие генералы потребовали уплаты денег войскам, находившимся на голландской службе. Штаты переслали копии этих требований в Лондон с заявлением, что Англия мешает франко-голландской торговле, что у одного только Роттердама захвачено англичанами около 60 кораблей с вином и другими французскими товарами и что вследствие этого Голландия оскудела средствами и не может вести войны. В ответ на это заявление королева Анна приказала вернуть все захваченные голландские корабли их владельцам.

Английское правительство благоразумно пошло на уступку Голландии. Известно, что Франция, «видя во всем крайнюю свою тонкость», предлагала голландскому правительству заключить сепаратный мир. Голландцы говорили Матвееву, что их чрезвычайно удивляет в настоящей войне косность французов, «которые прежде небо и землю рушили и во всем упреждали, а ныне молчат». Русский посол справедливо видел одну из главных причин французских военных поражений в том, что Людовик XIV «так своих подданных оглодал, что тем и свое перье до конца подбрil».¹

Разрешением гданского вопроса были очень недовольны в Стокгольме. Хотя в 1705 г. морские державы уже не рассчитывали найти в Швеции союзника, но они всячески старались удержать ее от официального союза с Францией и поэтому шли на уступки Карлу XII. Однако Англия и Голландия вынуждены были считаться и с возроставшим военным и экономическим могуществом России. В связи с этим Матвеев по адресу морских держав бросает остроумное замечание — «те державы обе на обе ноги храмяют, боясь государя нашего и шведа раздразнить».²

В 1705 г. Голландия и Англия обращаются к царю с просьбой не бомбардировать Ригу, где их подданные имеют большие торговые дела и склады товаров. Матвеев учитывал благоприятную обстановку и советовал царю заключить с Англией и Голландией договор о балтийской торговле. В этом же донесении русский посол отмечал, что без англо-голландского разрешения ни Дания ни Пруссия ничем не помогут.³

Торговые переговоры между Россией и Голландией начались еще в 1704 г. при содействии Витзена. После взятия Нарвы Гейнзиус и Витзен обнадежили Матвеева относительно балтийской торговли.⁴

С Петербургом, который в матвеевских донесениях 1703 г. называется Шлотбурх, голландские купцы начали торговлю с момента его основания. Осенью 1703 г. шведское правительство поручило своему послу в Гааге заявить протест по поводу посылки из Амстердама нескольких груженных оружием кораблей «в город Шлотбурх, что прежде назывался Новые Шанцы». С своей стороны, возвратившиеся из «Шлотбурха» голландские купцы рассказали о радушном приеме губернатора Меншикова и о насилиях, перенесенных ими от шведского адмирала Нумерса; при этом пострадали корабли Фоки Онкеса, Оки Гербранса и Виба Дудеса.

Узнав об этом, Матвеев подал Штатам мемориал, требуя, чтобы они обеспечили своим подданным безопасную торговлю на Балтике; если же Штаты не договорятся со Швецией, то царь может приказывать задерживать голландские корабли, идущие в Ригу, Ревель и Нарву. На этот мемориал голландское правительство ответило Матвееву 27 ноября 1703 г. через агента Розенбома, обещая посылать в Швецию про-

¹ Там же, лл. 52, 101, 128.

² Там же, лл. 42, 88.

³ Там же, лл. 24, 25, 102, 103.

⁴ Там же, 1704 г., д. 2, лл. 76, 508.

тест при каждом нарушении со стороны шведов свободной торговли голландцев на Балтийском море.

С торговыми вопросами обращались к Матвееву и английские министры. Через русского посла в Гааге Стэнгоп ходатайствовал об удовлетворении претензий английской табачной компании в России. В конце 1703 г. здесь же в Гааге были начаты переговоры о разрешении англичанам покупать смолу по свободной цене в «русских морских пристанях». В этой просьбе заключалось косвенное согласие вести с Россией торговлю на Балтийском море. Побудительною причиною здесь послужило сильное повышение цен на шведскую смолу.¹

Торговля с Петербургом оставалась предметом внимательных забот Матвеева и в последующие годы. Об этом ему не раз напоминали из России. Гарантию свободы торговли на Балтийском море должен был дать торговый договор с Голландией, но торговые переговоры затягивались. Швеция всячески препятствовала балтийской торговле с Россией. Она удерживала Англию, Голландию и Данию от посылки кораблей в завоеванные или вновь основанные русскими гавани на Балтике. Датскому министру в Стокгольме было заявлено, что Англия и Голландия обещали Карлу XII не вести с русскими никакой торговли и что Дании следовало бы поступить таким же образом. Узнав об этом, Матвеев запросил Гейнзиуса и Стэнгопа. Оба отрицали наличие подобных указов, запрещающих англичанам и голландцам вести торговлю с русскими на Балтике.²

Дружественное расположение Голландии и особенно Амстердама имело важное значение для России еще и потому, что она нуждалась в импорте оружия. В феврале 1701 г. правительство Голландии воспретило вывоз предметов военного снаряжения из страны. Лишь в исключительных случаях разрешалось вывозить эти товары в те государства, войска которых находились на службе у Штатов. Тогда Гаутманы взяли на себя выполнение русских заказов на оружие. Для отправки иногда пользовались полученными от датского короля удостоверениями, что военный груз предназначен для Дании. Но чаще в отправке грузов помогал Витзен. Гаутман взял подряд на 4000 ружей общей стоимостью в 30 000 гульденов. Другой купец А. Брант из Любека взялся поставить 7000 мушкетов; из них 5000 мушкетов он предполагал отправить из Дании, а 2000 — из Амстердама. Дикс взял подряд на 20 000 шпаг. Поставлял еще оружие Тесинг. Вывозилось оружие из Голландии беспощинно, и следовательно без осмотра, под видом «каменной резьбы» для царских дворцов и парков.³

С помощью Витзена и купцов Московской компании в Голландии производилась вербовка офицеров, врачей, мастеров, для чего был прислан из России вице-адмирал Крейс. Это предприятие было также трудным и опасным. Из Стокгольма через шведских послов в Гааге всячески препятствовали вербовке и настаивали на том, чтобы голландское правительство запретило специалистам отъезд в Россию. Так же действовал шведский посол и в Лондоне. Поэтому при отправке приходилось прибегать к хитростям. Нанятые Крейсом офицеры размещались порознь на яхтах, стоявших у разных пристаней.

Но и содействие Витзена не помогло Матвееву устроить на голландскую службу русские войска. По приказу Головина, Матвеев настойчиво домогался, чтобы Штаты приняли на свою службу русских матросов или хотя бы отряд пехоты. Русское правительство согласно было предоставить эти войска в распоряжение Штатов безвозмездно,

¹ Голландские дела, 1703 г., д. 4, лл. 165—166, 781, 892, 897, 911, 913, 929.

² Там же, 1704 г., д. 2, л. 90; 1705 г., д. 4, лл. 48, 49.

³ Там же, 1703 г., д. 4, лл. 33, 52—53, 113, 224, 346—347.

преследуя цели обучения русских военному искусству. Но голландское правительство упорно отказывалось, ссылаясь на то, что оно уже укомплектовало свои войска, а также на дальность перевозки и на трудность обучения не понимающих по-голландски русских солдат.¹

Нам остается еще разобрать вопрос о влиянии франко-русских связей на отношение «великого союза» к России. В гаагских дипломатических кругах и при вейском дворе следили с неослабным вниманием за деятельностью Герона, который после предпринятых в 1700 г. тщетных попыток добиться сепаратного польско-шведского мира в 1701 г. обратился к России. Появление Герона в Биржах во время встречи Петра I с Августом II обеспокоило будущих участников «великого союза», а отправление в Россию осенью 1701 г. чрезвычайного французского посла де-Балюза вызвало серьезную тревогу в Австрии. Опасения венского двора относительно французских намерений в России не были лишены оснований. Балюз имел поручение вести в Москве переговоры об организации диверсии в Трансильванию для помощи венграм, восставшим против австрийского владычества под предводительством Рагоци. Одновременно французское правительство стремилось побудить Турцию начать войну против Австрии или по крайней мере оказать помощь Рагоци. Если восточный блок против Австрии был только призраком, то австро-турецкая война или диверсия в Трансильванию были реальной угрозой. Поэтому в конце 1701 г. в англо-голландских дипломатических кругах возникает следующий план: после заключения северного мира вступить в союз не только с Швецией, но и с Россией, чтобы располагать русскими войсками против Турции.

В 1702 г. прусский резидент в Москве Кайзерлинг от имени прусского короля посоветовал царю присоединиться к императору и морским державам. Головин сообщил об этом Матвееву и приказал ему не начинать первому переговоров с прусским послом в Гааге, но ждать от Сметтова приглашения приступить к переговорам о союзе. Однако в Гааге дело ограничилось секретной аудиенцией Матвеева у прусского короля Фридриха I, приехавшего в Голландию для разрешения вопроса о наследстве Вильгельма Оранского. Аудиенция состоялась в королевской «беткамере», в присутствии одного фон Принцена. Ратпенсинарий, боявшийся озлобить Швецию, соглашался обсуждать вопрос о привлечении России к союзу только при условии соблюдения строжайшей тайны.² Объединение сильнейшей северной державы с Францией, конечно, было гораздо опаснее для «великого союза», чем выступление ослабленной Турции против Австрии.

Подобная попытка была повторена несколько позже в Вене, после заключения 16 января 1703 г. оборонительного союза между императором и Августом II. Русский посол Голицын в феврале того же года начал переговоры с австрийским правительством о заключении оборонительного и наступательного союза. Тогда же предполагалось отправить кн. Порци послом в Россию.³ Несомненно, что задержка Балюза в Москве беспокоила венский двор.

Дипломатическим пребыванием французского посла был недоволен и ратпенсинарий Гейнзиус, который в начале 1704 г. справлялся у Матвеева, находится ли еще Балюз в Москве. Витзен тоже относился отрицательно к пребыванию Балюза в России, считал его шпионом и удивлялся большому денежному содержанию, которое выплачивалось Балюзу царским правительством. Во время переговоров Робинсона в 1703 г. англо-голландские дипломаты оправдывали свое намерение за-

¹ Там же, лл. 30, 31, 447—448, 486.

² Там же, 1702 г., д. 2, лл. 466, 498—500, 511 и сл.

³ Там же, 1703 г., д. 4, лл. 192, 204, 230 (газетные известия).

ключить северный мир «без включения России» ссылкой на то, что царь уже принял французское посредничество.¹

После учреждения постоянного русского дипломатического поста в Константинополе франко-русская дружба должна была вызывать особое опасение морских держав. В августе 1703 г. ратпенсионарий Гейнзиус просил Матвеева, чтобы Толстой поддерживал дружеские отношения с английским и голландским министрами в Константинополе — «всегда съезжались и потребные разговоры имели между собою и ведомости чинили безскрытно». Гейнзиус настаивал, чтобы Матвеев немедленно написал об этом своему правительству. Во время разговора ратпенсионарий проявил такие дружественные чувства к России, что вызвал даже удивление русского посла: «зело себя оказал так склонна, какова николи не видал по приезде своем в Гагу и обещал впредь к стороне его в-ва усердные свои услуги оказывать».²

Присмотримся теперь к основным зигзагам английской внешней политики за рассмотренный период времени с 1702 по 1705 гг., отмеченный крупными русскими победами в Прибалтике. Северный план Вильгельма III после его смерти пытался осуществить герцог Мальборо. План этот заключался в следующем: закончить Северную войну, отвлекавшую силы от войны за испанское наследство, а затем заключить союз с Швецией и Россией, чтобы бросить шведские войска против Франции, а Россию держать в резерве на случай возможного выступления Турции против Австрии. Но все попытки английских дипломатов заключить северный мир разбились о сопротивление французской партии внутри Швеции и о непоколебимое упорство Карла XII, желавшего продолжать Северную войну. Шведское правительство не согласилось также предоставить в распоряжение «великого союза» шведские вспомогательные войска по договору 1700 г., заключенному между Англией, Голландией и Швецией. Все это вызывает сильнейшее озлобление морских держав, особенно же Голландии, которой угрожала непосредственная опасность французского вторжения. Голландское правительство было готово послать в Балтику эскадру и побудить Данию к выступлению против Швеции. Но Англия предпочла путь усиленного дипломатического воздействия и поручила своему послу в Швеции Робинсону начать переговоры с Карлом XII. Морские державы попытались было в 1703 г. заключить шведско-саксонско-польский мир с тем, чтобы получить на свою службу саксонские войска, а Петру I и Карлу XII предоставить истощать друг друга взаимной борьбой. Тем более, что к этому времени победы России в Прибалтике начинали вызывать опасения морских держав, от которых, по мнению Матвеева, нельзя было ожидать, чтобы они открыли России дверь «ко входу в Балтийское море».

Но намерение заключить сепаратный мир столкнулось с ожесточенным сопротивлением со стороны северных союзников. Август II на этот раз стойко поддерживает Петра I, опасаясь, что английские тори сговорятся с шведами и лишат его польской короны. Северные союзники угрожают Англии разрывом торговых отношений и отзывом саксонских войск с театра войны за испанское наследство. Внутри «великого союза» Августа II берет под свою защиту император Леопольд, которого беспокоит чрезмерное усиление Швеции.

Русская дипломатия удачно использует войну за испанское наследство, а также противоречия между морскими державами. Матвеев в Гааге усиленно разжигает ненависть к Швеции, уверяя голландцев,

¹ Голландские дела, 1703 г., д. 4, л. 86; 1704 г., д. 2, лл. 59—61, 76.

² Там же, 1703 г., д. 4, лл. 673, 674.

что шведский посол Лилиенрот — «самое французское сердце» и что Швеция давно бы вступила в союз с Францией, если бы этому не мешала Северная война.

Продолжая с помощью Витзена «пресекать» денежную помощь шведам, Матвеев теперь не ограничивает своей деятельности этой задачей. Он усиленно побуждает Голландию к посылке эскадры против Швеции, пользуясь и в этом случае поддержкой амстердамцев. Он настойчиво хлопочет, чтобы голландское правительство не препятствовало вступлению Дании в Северный союз.

Матвеев не забывает и польско-саксонских дел. Он осведомляет свое правительство о намерении Робинсона заключить сепаратный мир и не без успеха старается разъединить в этом вопросе Англию и Голландию. К величайшему неудовольствию Швеции, русский посол вовлекает Штаты в польские дела. А амстердамский бургомистр заявляет представителям Гданска, что голландцы и впредь будут оказывать помощь Гданску против Карла XII, только бы Гданск хранил верность Августу II.

Хорошо ориентируясь в международной обстановке своего времени, Матвеев завязывает дружественные отношения с представителями других европейских держав в Гааге. Он посвящен в секреты английского министра, с ним советуется датский посол. Гданский ратпенсинарий перед отъездом не забывает отдать визит Матвееву и заверить его в преданности гор. Гданска царской стороне.

V

Вторжение Карла XII в Саксонию и последовавший затем Альтранштетский договор не на шутку встревожили союзников. Пламя войны было внесено в империю. Английское правительство через Витворта оповестило царя, что Альтранштетский мир был заключен не только тайком от Англии, но и тайком от всей Европы. Русскому двору дали понять, что эти обстоятельства увеличивают склонность Англии к дружбе и союзу с царем.

Уверяя царя в дружественных чувствах, английское правительство в то же время употребляло все усилия, чтобы побудить Карла XII оставить империю и двинуться против России. В апреле 1707 г. Мальборо посетил Карла XII в Саксонии и убедился, что шведский король не преследует никаких завоевательных планов в империи.¹ Но если этих планов не было у шведского короля, то они могли быть у шведского министра Пипера. Поэтому, когда Матвеев приехал из Гааги в Лондон в мае 1707 г. для переговоров о вступлении России в «великий союз» и об английском посредничестве в северных делах, его приняли там благосклонно.

Матвееву поручалось обратить внимание английского правительства на то, что усиление Швеции грозит большими опасностями для «великого союза». Вопреки своим обещаниям, не предупредив никого из союзников, Карл XII вторгся в Саксонию. В дальнейшем он может стать еще более опасным, потому что известны его склонность к Франции и его намерения помочь Рагоци, с которым шведский король имел свидание перед вступлением в Саксонию. «Великому союзу» не следует допускать чрезмерного усиления Швеции за счет России. Последнее может быть легко предотвращено, если русско-шведский мир будет заключен на умеренных условиях. С своей стороны царь соглашался дать союзникам вспомогательные войска и снабдить морские державы

¹ Burton. A. History of the Reign of queen Anne, III, pp. 112—117.

кораблестроительными материалами «на добрых и легких кондициях»; только бы взамен этого Англия согласилась принять на себя посредничество в северных делах и заставила Швецию заключить мир. Это «легко учиниться может, егда похотят також, как преж сего дацкому учинили, шкадру кораблей на него (шведа) послать и возбудить на него дацкого короля и иных принцев в империи, ежели по добродетели не похочет». ¹ Если же английское правительство, несмотря на все эти представления, все же будет уклоняться от посредничества, то Матвеев должен был указать на преимущества балтийской торговли с Россией, по сравнению с торговлей в Архангельске, «куда и ныне флот аглинский за дальностию пути и опоздалым временем дойти не мог, но к великому убытку обеих стран подданных возвратится принужден». ² Установление же англо-русской торговли на Балтийском море доведет к удешевлению русских товаров и к расширению торговых операций. Англо-русский торговый договор может быть заключен сейчас же.

Петр желал заключить мир, сохранив за собой южный берег Финского залива и земли по реке Неве — «привращенное наследственное достояние», но в крайнем случае соглашался на одну пристань на Балтийском море. На этих основаниях Матвеев должен был заключить договор с Англией, «употребляя в прочтем искусство и верность свою по тамошнему состоянию и по обстоятельству дела и по поступкам швецким смотря. Ибо ежели оной явится союзным вступлением и пребыванием своим во империи конечно противен и французской факции, то поступать со осмотрением, потому что тогда и сами будут искать ц-ва в-ва дружбы и союзу. Буде же швед из Саксонии по их предложению выйдет и пойдет паки в Польшу, то поступать нисходительно и всяким образом искать союзу их и вспоможения и дабы они дацкого к тому склонили, чтоб по союзу ц-му в-ву чинил вспоможение». ³

В этой части правленного лично Петром I наказа проявлено глубокое понимание европейских противоречий и тактики «великого союза» в северных делах.

В конце наказа указывалось, что если английские министры не согласятся заключить договор без согласия других союзников, то Матвееву разрешается временно побыть в Лондоне и даются полномочия для переговоров с министрами союзных держав при английском дворе.

В качестве одной из крайних мер Матвееву разрешалось прибегнуть к подкупу английских министров, Мальборо, Годольфина и Гарлея, причем «остерегаться, дабы даром чего не раздать». Царь сомневался в возможности подкупить Мальборо, «понеже чрез меру богат, однако, сбещать тысяч около двухсот и больше».

Матвеев прибыл в Гринвич 7 мая 1707 г., откуда дал знать Гарлею о своем приезде. После торжественной королевской аудиенции в Виндзоре Гарлей 21 мая посетил Матвеева, и на дому у русского посла состоялся первый деловой разговор. Предметом обсуждения были две предложенные Матвеевым статьи из царского указа, а именно: 1) об английском посредничестве в русско-шведских переговорах «под честными, а не под предосудительными и вредными кондициями»; 2) о вступлении России в «великий союз». При этом Матвеев упомянул, что в том случае, если Швеция не примет посредничества, Англия вместе с Голландией и Данией могли бы, «последуя прежним примерам, вооруженный флот послать на Балтийское море в его шведа области».

Излагая все это, Матвеев подчеркивал «внутреннее обязательство и

¹ ГАФКЭ. Английские дела, 1706 г., д. 3, л. 12 — «Статьи на приклад, изображенные в наказе послу А. А. Матвееву».

² Там же, л. 16.

³ Там же.

тайную пересылку» Карла XII с Францией. Он отметил, что и после заключения Альтранштедского мира шведы остаются в Саксонии; намекнул на бесполезность поездки Мальборо в Саксонию; конкретных условий русско-шведского мира Матвеев не касался. Выслушав русского посла, Гарлей потребовал письменных предложений, на что его собеседник согласился после некоторых колебаний и отговорок. Гарлей обещал в скором времени доложить королеве о русских предложениях, а затем Матвеев будет приглашен на конференцию тайного королевского совета для обсуждения вопроса. Статс-секретарь присовокупил, что в Англии опасаются, как бы Швеция в ответ на предложение английского посредничества в шведско-русских делах не предложила бы своего посредничества «к генеральному миру», о чем усиленно просят Карла XII французский и баварский министры.

Первая деловая встреча с Гарлеем произвела на Матвеева неблагоприятное впечатление. В своем донесении от 23 мая он указывал, что министерство английское «по причине наследства гановерского не меньше французов склонно к Швеции». Визит дружественного голландского министра и полученные сведения, что слухи о признании Лещинского Англией неверны, несколько поднимают его настроение. К тому же только что нанесенное испанцами «великому союзу» поражение при Альмансе позволяло ожидать большей уступчивости со стороны морских держав.

Скоро Матвеева посетили и его «естественные союзники» — 20 английских купцов из Московской компании, обещавшие ему помощь. От Стельса¹ Матвеев узнал, что депутация Московской компании обратилась с ходатайством к Гарлею, чем английский министр был порядком встревожен. «Когда они в крепких словах ему, стацкому секретарию, предлагали о том, для соблюдения взаимного интересу, он принял то с ужасом, что я те пути к своей пользе нашел здесь через народные те силы, и верно могу я вас обнадежить, что по моим тем домогательствам у сего сильного народа склонность к стороне е. ц. в-ва всемерно нахожу перед прежним и острую ненависть против шведа», — пишет Матвеев в своем донесении от 6 июня 1707 г.²

Повлияло ли на Гарлея ходатайство купцов или слухи о французском посредничестве в русско-шведских делах, но во время своей следующей встречи (10 июня) он произвел на русского посла более благоприятное впечатление. Матвеев нашел, что «сей двор всемерно содержит равноте» между Швецией, столь опасной сейчас, когда шведская армия находится в Германии, и Россией, с которой английские подданные ведут обширную и прибыльную торговлю.

Возможность французского посредничества в северных делах сильно беспокоила и Англию и Голландию. Гейнзнус беседовал на эту тему с Матвеевым перед его отъездом из Гааги, позже расспрашивал об этом Фанденбурга.³

Из «внутренних секретов» английского двора Матвеев узнал, что «весьма сей двор во многом сумнении находится о нашем дворе».

11 июня Гарлей передал Матвееву копию с перехваченного письма о французском посредничестве, где было сказано, что царь обещает взамен помощь в Венгрии. Эта реальная угроза главным образом и беспокоила английский двор и побуждала его всячески препятствовать франко-русскому сближению, вести о котором в течение всего лета 1707 г. приходили со всех сторон.⁴

¹ Английский купец, имевший крупные торговые дела в России.

² Английские дела, 1707 г., д. 5, л. 77

³ Агент, замещавший Матвеева во время его пребывания в Лондоне.

⁴ Английские дела, 1707 г., д. 5, лл. 120, 154, 155, 187.

Так, с голландской почтой, прибывшей в Лондон 23 июня, были получены письма из многих краев, «подтверждавшие», что царь с помощью французского посредничества начал мирные переговоры с Карлом XII и уступает ему все завоеванное, удержав только крепость Санкт-Петербург в свое вечное наследство. С той же почтой Фанденбург писал Матвееву, что подобные же слухи широко распространены в Голландии к великому «смущению» Генеральной Штатов.

В начале июля голландская почта принесла английскому двору еще более тревожное известие, — что русско-шведский мир уже заключен и что московские войска вместе с шведскими выступят против императора. Целый ряд косвенных обстоятельств подтверждал возможность такого исхода. Наличие тайных переговоров между Петром I и Карлом XII казалось несомненным, потому что во время пребывания шведов в Саксонии царь не предпринял новых завоеваний в шведских землях и не принудил поляков к новой элекции. Царь несомненно сблизился с Рагоци, и между ними началась оживленная переписка. Ходили слухи, что Рагоци «тщится в польские короли». К тому же царь, прежде так снисходительно относившийся к своему легкомысленному союзнику Августу II, теперь беспощадно разоблачал все его недостатки не только перед иностранными государями, но и в общее сведение. Грамота Петра I к королеве Анне о неправдах Августа II была опубликована на английском языке Матвеевым по царскому указу. Рагоци рассчитывали путь к польскому трону. Призрак восточного блока, враждебного империи и дружественного Франции, казалось, снова вставал перед «великим союзом». Это было тем более опасно, что венгерское восстание против Австрии все еще продолжалось. Поэтому русско-французское сближение встретило ожесточенное сопротивление со стороны участников «великого союза». О противодействии союзников говорилось и в парижских письмах, отмечавших, что французский двор принял посредничество в русско-шведских переговорах, но Карл XII медлит с ответом. Это подтверждали и немецкие «новиньы».

Положение английской дипломатии было тем более затруднительно, что дела в Германии сильно запутывались.¹ Карл XII не выходил из Саксонии, ссылаясь на то, что император пропустил через свою территорию вспомогательные русские войска, бывшие в Саксонии и подлежащие по Альтраншtedтскому договору выдаче Швеции. Первый шведский министр, известный сторонник Франции, Пипер, требовал от императора выдачи еще находившихся в империи русских войск. В Англию приходили «со всех почт» слухи о том, что Карл XII вступит в Богемию и принудит императора, при нынешнем его бессилии и войне с венграми, к миру с Францией. Утверждали даже, что Карл XII уже объявил войну императору.

В этих условиях английская дипломатия сосредоточивает свое основное внимание на делах в империи,² держа Россию в резерве. Англия принимает посредничество между императором и Швецией. Шведскому правительству дают понять, что если оно начнет войну в империи, то английский флот пойдет к Стокгольму. Одновременно Австрия побуждается к уступкам, которые не имели большого политического значения, но льстили самолюбию «северного паладина», у которого кружилась голова от успехов. Граф Зобер за непочтительные речи о Карле XII был выдан ему головой. Также были выданы силезские и браславские комиссары, препятствовавшие шведским офицерам в вербовке рекрутов.

¹ Английские дела, 1707 г., д. 5, лл. 78, 91, 92, 106, 109, 120.

² Там же, лл. 154, 163, 189, 214—217, 223.

Матвеев писал в донесении от 25 июля 1707 г., что стараниями Англии, Голландии и Ганновера Карл XII будет несомненно примирен с императором. 20.000 лучшего шведского войска под командой Реншильда уже двинулись из Саксонии в поход на Польшу. У русского посла оставалась еще только одна надежда на «тонкость политики шведа». Был период, когда эта надежда, казалось, начала осуществляться. В ту решительную минуту, когда соглашение об условиях примирения Карла XII с императором должно было быть подписано, внезапно Пипер, «гордо поступая», отказался его подписать и предъявил новые требования, в том числе и требование возратить протестантам церкви, занятые католиками в Силезии. Одновременно только что покинувшие Саксонию шведские войска внезапно вошли в Силезию. Все это как будто подтверждало упорные слухи о союзе Карла XII с протестантскими князьями империи.

В самый разгар этих слухов и опасений в Лондоне был получен ответ царя на английские запросы о французском посредничестве в русско-шведских переговорах. Царский ответ был написан в Варшаве 16 июля, а ровно через месяц в Лондоне Матвеев в особом письме сообщил его содержание Гарлею,¹ и просил частной аудиенции у королевы для личного доклада.

В ответе Петра I указывалось, что некоторые склонные к французской стороне «польские вельможи» предлагали царю посредничество французского короля для примирения с Швецией. На эти предложения «е. ц. в. яко принц, никому в свете союзом в чем необязанный, в генеральных терминах словесной ответ учинить повелело, что е. ц. в. честного и прибыльного с свейским королем миру, который чрез посредство его, короля французского, и чрез добрые должности учиниться может, не отрекается». Но этот мир не может быть заключен на тех условиях, о которых шла речь в перехваченном письме: царь никогда не согласится уступить свои наследственные города и провинции, отвоєванные им у Швеции.

Далее указывалось, что французский министр при Рагоци также предлагал французское посредничество. Если бы царь нашел эти предложения выгодными, он мог бы принять их явно, а не тайно. Никто в этом не мог бы упрекнуть царя, потому что «всякий государь себе и государству своему прибыли и пользы искать должен, и сверх того е. ц. в-во при нынешнем обхождении от стороны принцев союзных никакую особливую дружбою ни союзом не обязан». В заключение царь давал понять, что ответственность за разрыв между Англией и Россией, если он и произойдет, ляжет на английское правительство. Сам царь принимал меры для сближения с Англией, он объявил Витворту о своем желании вступить в «великий союз» и теперь прислал с этой же целью в Лондон Матвеева.

Это был спокойный и твердый ответ, проникнутый чувством собственного достоинства и своего права искать посредничества как в Англии, так и во Франции. На хитрую и слабую натуру Гарлея он должен был произвести потрясающее впечатление и убедить английского министра в том, что французское посредничество есть совершившийся факт.

Под влиянием этих опасений и новых осложнений в Саксонии Гарлей решается осуществить маневр, рассчитанный на двойное действие: он должен был помешать франко-русскому сближению и побудить Карла XII удалиться из Саксонии. На аудиенции у королевы 17 августа 1707 г. Матвееву было сказано, что королева согласна за-

¹ Там же, лл. 268—272.

ключить с царем политический союз. Статс-секретарь Гарлей получил приказание сообщить об этом Генеральным Штатам.

Этот дипломатический маневр был обдуман заранее. Еще в середине июля королевский ответ на русские предложения был готов, но полученная от Карла XII грамота с обещанием прекратить конфликт в Германии побудила английское правительство изменить тактику. Чтобы усмирить шведские подозрения относительно пребывания Матвеева в Лондоне, Гарлей тогда предложил русскому послу начать переговоры о торговом договоре. Теперь же королевское решение о вступлении царя в «великий союз» Гарлей сообщает ганноверскому министру, дружившему с шведским министром в Англии, Лилиенкроном. При этом были указаны и причины, побудившие английское правительство сделать этот шаг, — невыполнение шведским королем своих обязательств и стремление английских подданных увеличить свою торговлю с Россией.¹ Лилиенкрон не замедлил приехать ко двору «из своей деревни». Противодействуя новому повороту английской политики, он уверял, что шведские войска недолго останутся в Силезии и что Карл XII после примирения с императором немедленно пойдет через Польшу на Москву. «Но гораздо то есть поздно и труд свой потерял всеу стыдом», — торжествуя писал Матвеев в своем донесении от 29 августа.

Однако его торжество было преждевременным: все старания русского посла получить письменное подтверждение королевского решения от 17 августа оказались тщетными, хотя он не боялся надоесть излишними «докуками». В своем письме от 23 августа к Гарлею Матвеев требует письменного ответа. Гарлей медлит, ссылаясь на поездку в Виндзор. В тот же день с почтой к Матвееву прибыл царский указ, данный в Варшаве 2 августа, — требовать немедленного письменного ответа от английского правительства. Выполняя приказание Петра, Матвеев в тот же день вторично требует от Гарлея ответа. После возвращения статс-секретаря из Виндзора Матвеев снова запрашивает его. Вернувшись из Виндзора, Гарлей 26 августа приезжает к Матвееву на конференцию для ответа на все матвеевские письма. Он подтверждает королевское согласие на вступление царя в «великий союз»; сообщает, что Мальборо уже послан королевский указ склонить к такому же решению Генеральные Штаты; уверяет, что английские министры при венском и прусском дворах тоже поставлены в известность и будут там действовать в русских интересах (позднее Матвеев убедился в лживости этих уверений). Письменный ответ Гарлей обещал прислать «в скорых числах».

Следующая встреча с Гарлеем состоялась 5 сентября. Она была посвящена обсуждению содержания ответной королевской грамоты, в которой королева объявит о своем согласии вступить с царем в союз. В этой же грамоте должно было быть упомянуто о деле Августа II «с жалением». Здесь же Гарлей сообщил, что английские министры уже обещали шведам деньги за избавление Паткуля от смерти. 10 сентября Гарлей приезжает снова к Матвееву и требует сообщить ему условия, на которых царь предполагает вступить в «великий союз». Гарлей, очевидно, надеялся этими требованиями привести Матвеева в замешательство, но ошибся в своих расчетах. Русский посол накануне в письме Головкина от 23 августа получил эти условия. Тогда Гарлей предлагает Матвееву основательно обсудить и подготовить пункты союзного договора до получения ответа от Генеральных Штатов. Он настаивает, чтобы Фанденбург «с безотступною докукой» добивался в Гааге ско-

¹ Английские дела, 1707 г., д. 5, лл. 129, 179—182, 277, 285, 291.

рого решения. Сам обещает писать своему другу амстердамскому ратпенсионарию Буйсу. Как оказалось впоследствии, друг Гарлея действовал в ущерб русским интересам.

Английский статс-секретарь проявил известную ловкость, способность к уверткам и мелкой лжи, которая некоторыми ошибочно принимается за подлинное дипломагическое искусство. Он оттянул время до разрешения австро-шведского конфликта в Германии и не дал требуемого Петром немедленного ответа. Во время последней встречи вопрос о письменном подтверждении королевского решения от 17 августа 1700 г. получил новую постановку. Матвеев или не заметил или же не мог протестовать против этого. Если раньше этот ответ обещали дать «в скорых числах», то теперь он откладывался до того времени, когда будет получено согласие Голландии на вступление царя в «великий союз». Ответ на ходатайство русского посла о том, чтобы Англия не препятствовала Дании действовать против Швеции, был также отложен до вступления России в «великий союз».

Во время пребывания Матвеева в Виндзоре 14 ноября голландская почта принесла известие о заключении договора между императором и Карлом XII. Гарантию этого договора взяли на себя Англия и Голландия. По этому поводу датский министр имел «острую» конференцию с Годольфином и Гарлеем, потому что гарантия Англии и Голландии была дана без «всякого приобщения и сношения с датским двором». О шведских войсках опять были получены двойственные известия: по одним — что они остаются зимовать в Силезии; по другим — что они идут на Москву. Почти одновременно с получением этих известий Гарлей прислал Матвееву две копии ответной королевской грамоты, в которой содержалось милостивое упоминание о русском после.¹

Теперь наступила очередь медлить для Голландии. Правда, еще в сентябре 1707 г. Фанденбург написал Матвееву, что ратпенсониарий Гейнзиус и амстердамский пенсионарий Буйс «за великим секретом» объявили ему о своем намерении вступить в союз с Россией и просили прислать условия, на которых Россия согласна вступить в «великий союз». Матвеев сообщил ратпенсониарию некоторые из тех статей, которые Головкин прислал ему в своем письме от 23 августа из Варшавы. Кроме того, он послал ратпенсониарию копию грамоты королевы Анны, где выражалось желание заключить с Россией торговый договор. Это было сделано для того, чтобы использовать англо-голландские торговые противоречия и побудить амстердамские круги к скорейшему заключению политического и торгового договора с Россией. Однако дать открытое согласие на этот союз голландское правительство не решилось из опасения «раздразнить шведа».² Морские державы, получив известие о военном походе Карла XII на Россию, решили выждать исхода русско-шведского военного столкновения. Русское же правительство оставляет Матвеева в Лондоне и после того, как исчезла надежда на вступление России в «великий союз», для того чтобы препятствовать английскому признанию Станислава Лещинского польским королем.

Зимой 1707—1708 г. Матвееву приходится действовать в Лондоне в очеь сложной обстановке. Военная кампания 1707 г. прошла неудачно для «великого союза». Она принесла с собой тяжелое поражение в Испании при Альмансе, неудачную осаду Тулона и нерешительные действия Мальборо в Бельгии. Внутри Англии, утомленной пятилетней войной, нарастало недовольство против министров-тори, которым приписывали военные неудачи. В стране назревал правительственный кризис,

¹ Там же, лл. 297—299, 311, 317, 319, 322—323, 338, 342.

² Там же, лл. 312, 324, 325, 345.

в результате которого у кормила правления должны были стать исключительно виги. Однако их положение не могло быть прочным, потому что виги — партия войны — приходили к власти, когда страна уже жаждала мира, и многие смотрели на кампанию 1708 г. как на последнюю. Русская дипломатия пользовалась поддержкой английских министров вигов еще во времена Вильгельма III. Но международная обстановка с тех пор значительно изменилась. В 1707 г. виги, как и тори, были заинтересованы в скорейшем удалении Карла XII из империи и, следовательно, в его скорейшем вторжении в Польшу и Россию. Кроме того, на вигов, как сторонников ганноверской династии, должна была влиять шведская ориентация враждебного Дании Ганновера.

Попытка Матвеева опереться на английских купцов окончилась также неудачей.¹ Непосредственное влияние Московской кампании на внешнюю политику Англии не могло быть значительным. Матвеев писал об этом в одном из своих донесений: «то в делах надлежит до особой власти королевиней ей в союзы вступать или нет». К тому же, хотя английским купцам и были оказаны в России пошленные льготы, но изменение в русской торговой политике — переход к введению монополии — их серьезно обеспокоило. В матвеевских донесениях указывается, что слухи о монополиях волнуют англичан. Английские купцы опасаются, «что будто впредь у пристани Архангельской вся торговля из агличан и из галанцев некоторым партикулярным купцам отдана будет». Английский посол в России Витворт с большим недовольством отзывался в своих донесениях о введении монополии на юфть. Отрицательное отношение к этому «новшеству» проявили и в Голландии. Голландские проекты торгового договора с Россией содержат требование отмены монополии. Но русское правительство не могло отказаться от введения монополий, встреченных так неприязненно английскими и голландскими купцами. Начавшиеся внутри страны народные восстания делали немислимым дальнейшее увеличение налогов на военные расходы. Надо было найти способы увеличить государственные доходы «без отягощения народного». Одним из таких способов и было введение монополий, которое давало царю возможность отчасти возместить отсутствие иностранного кредита. Кроме всего этого, 1707 год был очень неудачен для английской торговли в Архангельске. Охранявший английские торговые корабли военной конвой обычно возвращался обратно в Англию с полпути. Но в этом году французские каперы поджидали торговые корабли по ту сторону «Северного Носа» и захватили 15 кораблей, из которых один принадлежал Бажениным. Не помогла и система дипломатического представительства. Напрасно устраивал Матвеев банкеты в честь Сафы Мальборо и поднес Гольдфину «соболий испод пластинчатый» стоимостью в 1350 руб.²

К концу своего пребывания в Англии Матвеев получил интересные сведения об отношении министерства вигов к России.³ «По ведомостям ко мне, — писал он в своем донесении 23 июня 1708 г., — из секретов здешних особливо же милорда Годольфейна, государственного казначея, явствовало, что сие министерство о нашем дворе судит, что хотя б наш двор не был удовольствован и несклонностию и противными поступками в деле, однако же против их пользы принять иных мер е. ц. в. якобы не может. Будет же бы и намерен был к интересу французскому впредь склонится, оне якобы за известно знают, что французы, с шведом пребывая в тесной дружбе, и для настоящей войны е. ц. го в-ва с шведом отнюдь в интерес московской, предосудительной шведу, не

¹ Английские дела, 1707 г., д. 5, лл. 111, 224; 1708 г., д. 2, лл. 77 и сл., 108.

² Голландские дела, 1700—1712 гг., д. 5, л. 11.

³ Английские дела, 1708 г., д. 2, лл. 421 и сл.

вмешаются. Как и оне, англичане, того же выстерегая, не могут раздражить от себя шведа и к нам склонится».

У Матвеева оставались еще надежды на помощь Голландии.¹ В начале 1708 г. Фанденбург писал Матвееву, что «стацкая дружба в настощем сем деле к е. в-ву усерднее Англии», и Матвеев разделял его мнение. Он и сам писал в Россию несколько позже: «Я всегда большею моею надеждой в прямом деле на них Статов опирался, а не на агличан». Поэтому Матвеев с нетерпением ожидал приезда Мальборо, которому английское правительство поручило переговорить с Генеральными Штатами относительно вступления царя в «великий союз».

Мальборо приехал в Лондон 9 ноября 1707 г. и на следующий же день посетил Матвеева. Он много рассказывал русскому послу о своих хлопотах в русских интересах перед Генеральными Штатами. Он давал Матвееву широкие и ни к чему не обязывающие обещания. Чтобы успокоить Матвеева и сделать его домогательства менее настойчивыми, Мальборо устроил конференцию с участием членов тайного королевского совета, на которой обсуждался вопрос о вступлении России в «великий союз». Конференция не продвинула решение дела; на ней Матвеева уверяли в склонности королевы Анны к России, но ссылались на международные осложнения и просили подождать.

Начало нового года принесло Матвееву новые трудности.² В январе 1708 г. он получил от Головкина приказание вести торговые переговоры с Англией и проект торгового договора. Но скоро важные политические новости отвлекли его внимание от торговых дел. Фанденбург сообщил, что английский министр в Голландии Кодонган не получал от Гарлея никаких сведений о королевском согласии на вступление России в «великий союз». Вслед за тем выяснилось, что в таком же положении находится и английский посол в Вене Медвос, «из чего явно видится его, Гарлея, обман и утрата времени», — жаловался Матвеев в своем донесении русскому правительству от 30 января 1708 г. Одновременно Гарлеем было выдвинуто новое требование, еще больше осложнявшее и запутывавшее вопрос о вступлении России в «великий союз». Он заявил Матвееву, что Англия не может заключить союз с Россией до получения на это согласия не только от Голландии и императора, но и от других своих союзников.

Последовавшая в феврале 1708 г. отставка Гарлея и назначение нового статс-секретаря Бойля не принесли существенных изменений. Тогда же Матвеев узнал, что шведский министр ведет тайные переговоры о том, чтобы королева в московские дела «не вступалась» и не принимала бы царя в «великий союз», иначе Швеция заключит союз с Францией. С своей стороны шведский король обещал дать вспомогательные войска союзникам и принять на себя посредничество при заключении мира с Францией. Матвеев на конференции 16 февраля с статс-секретарем Бойлем «накрепко домогался» и «в сильных терминах» требовал, чтобы английское правительство ответило отказом на шведские предложения. Англия заняла нейтральную позицию между Швецией и Россией. Вскоре Фанденбург известил Матвеева, что шведский министр в Гааге обратился к голландскому правительству с такими же предложениями и что Штаты по этому вопросу одного мнения с Англией.³ Фанденбург советовал Матвееву обещать голландским купцам торговые выгоды, если Голландия вступит с Россией в союз и даст гарантию прибалтийских завоеваний. Сохранить дружественное расположение Голландии было тем более важно, что император и Англия в это время побуждали

¹ Там же, 1707 г., д. 5, л. 233; 1708 г., д. 2, лл. 33, 137.

² Там же, 1708 г., д. 2, лл. 38—40, 44.

³ Там же, лл. 70—71 и 77.

голландское правительство дать гарантию Альтраншtedтского мира. Матвеев энергично противодействует этим настояниям; 23 февраля он посылает особый мемориал голландскому правительству, убеждая его не принимать на себя гарантию Альтраншtedтского мира. Такой же мемориал был представлен Бойлю.

Подготавливавшееся в начале 1708 г. восстание в Шотландии в пользу претендента Якова III Стюарта создает большие трудности для правительства вигов. Русский посол в Лондоне пытается использовать внутренние английские затруднения и требует, чтобы Англия разрешила Дании оказать помощь царю против Швеции. Как раз в это время Долгорукий сообщил из Копенгагена, что датское правительство согласно вступить «в известное дело», но Голландия и Англия ее удерживают. Поэтому Долгорукий требовал, чтобы Матвеев домогался разрешения морских держав на выступление Дании. 3 марта состоялась «конференция» Матвеева с Бойлем, но тот отговаривался незнанием, ссылаясь на то, что лишь недавно занял пост статс-секретаря.¹

В марте Матвеев продолжал энергично протестовать в Лондоне против английской гарантии Альтраншtedтского мира. В Гаагу он посылает письма, в которых предостерегает против гарантии этой позорной сделки саксонских министров с Карлом XII. Но он почти прекращает свои домогательства о приеме России в «великий союз». Матвеев полагал, что внутренние английские осложнения и возможный выход Португалии из «великого союза» сильно ослабят Англию и что для России нет смысла связывать себя с ослабленной Англией. Но и разрывать с Англией было нельзя, потому что Голландия, «хотя Англии к нам склоннее во всех делах есть, но без нее ни ныне ничего нам собою не учинили, ни впредь по письмам ко мне из Гаги нашего агента иметь на себя они не хотят. Особливо же нашими делами ныне в Польше с шведом мало довольствуясь».²

Выжидательную позицию занимала и Англия, тоже внимательно следившая за ходом русско-шведского единоборства. В одном из донесений Матвеева, относящихся к марту 1708 г., мы находим меткое сравнение тактики Гарлея в русском вопросе с тактикой Бойля. «Прежний стацкой секретарь, — писал Матвеев, — проводил меня своими словами и письмами о посылке тех указов чрез многие месяцы, а нынешний обходит неполучением к себе из Гравенгаги и Вены от министров писем, чтоб токмо всеми способами время им прогнать и притом усмотреть, что из нашей войны окажется с шведом».³ В конце марта Матвеев возобновил свои настояния и вновь требовал ответа на свои предложения от 21 мая 1707 г. Он указывал, что внутреннее положение Британии «весьма мирно есть» и что прежняя причина для отлагательства теперь исчезла. К этому побуждал Матвеева и предстоящий отъезд Мальборо в Голландию. Русский посол с негодованием указывал английскому правительству, что до сих пор ни Медовос в Вене, ни Кадаган в Гааге никаких указаний от Бойля по делу Матвеева не получили. Несколько дней спустя после посылки матвеевских писем Бойлю и Мальборо последний встретился с Матвеевым. «Сей муж неописанной хитрости и политики исполненный» убеждал русского посла, что он, Мальборо, искренне склонен к России и царю, но война с Францией и угрожающая опасность франко-шведского союза не позволяют закончить «сие дело наше так вскоре, как я докучаю». К тому же английский двор имеет союзные договоры с Швецией. Королева намерена

¹ Английские дела, 1708 г., д. 2, лл. 105, 109, 110, 112, 113, 116.

² Там же, л. 156.

³ Там же, л. 119.

приятельски относиться к царю, но и не озлоблять Карла XII, «содержа равномерие для своих интересов особых с общими теми принцы». ¹

Сущность английского «равномерия» не замедлила сказаться. 16 апреля 1708 г. на совещании Мальборо и Евгения Савойского с голландскими представителями в Гааге было принято следующее решение: «Что касается москвичей, то постараться закончить дело, не причинив огорчения царю, но не следует допускать его в великий союз.» ² Двумя днями позже королева Анна подписала грамоту, содержащую признание Станислава Лещинского польским королем. Об этом Матвеев узнал только 5 июня 1708 г. ³

В Гааге удалось воспрепятствовать признанию Лещинского благодаря содействию голландских купцов, особенно Гаутмана, Тесинга, Бранта, Любса и Дикса. Фанденбург доносил Матвееву, что «Амстердам доньше в крепком намерении от того признания уклоняться, о чем и сам швейский министр, резидующей у галанских стат, за секрет своим друзьям сказывал, что он от генерального и от амстердамского пенсионариев за великим купечеством их подданных с Москвою никакой надежды на свои домогательства всегдашние к признанию его, Лещинского, не получил там по оное время». ⁴

8 июля 1708 г. Бойль посетил Матвеева и «в пространных словах выговаривался в признании Станислава». Матвеев возражал, затем он заявил о своем намерении оставить английский двор, на что Бойль согласился.

Попытаемся подвести итог только что рассмотренному периоду в истории петровской дипломатии, связанному с Альтраншtedтским миром. Возобновление англо-шведского союза в 1707 г. и последовавшее затем удаление шведов из Саксонии рассматривается обычно как один из крупнейших дипломатических успехов Мальборо, продолжавшего политику Вильгельма III. Но это представление не вполне соответствует истине. Вильгельм III рассчитывал иметь Карла XII союзником в предстоящей войне с Францией, для чего нужно было прекратить Северную войну, отвлекавшую силы Швеции, а также и германских государств. С этой целью и был заключен Вильгельмом III оборонительный союз с Швецией в 1700 г. Мальборо же, наоборот, стремился полностью занять Карла XII северными делами, чтобы предотвратить его вмешательство в войну за испанское наследство. Но в течение всего этого периода английской политике присуща одна общая черта — всеми силами и способами препятствовать внесению «пламени Северной войны» в империю. Без союзных и наемных немецких войск Англия не могла сокрушить Францию и занять господствующее положение.

Как показывает матвеевский наказ, Петр I прекрасно понимал дипломатические замыслы Мальборо, которые были прямо противоположны собственным планам Петра. Для России было бы гораздо выгоднее, если бы «швед увяз в Австрии».

Матвеев не мог воспрепятствовать успехам английской дипломатии в Саксонии, но зато ему удалось в значительной степени ослабить успехи шведской дипломатии в Лондоне и Гааге. Вместо того, чтобы требовать помощи по союзному договору, Лилиенкрону приходилось настаивать, чтобы Англия не вмешивалась в северные дела и не заключала бы трактатов с Россией. Английское признание Альтраншtedтского мира было получено с большим запозданием. В Голландии его и вовсе не удалось получить. Кроме того, заинтересованные в продлении Се-

¹ Там же, л. 200.

² Цитирую по Burton, указ. соч., III, стр. 119, примеч. 1.

³ Английские дела, 1708 г., д. 2, л. 382.

⁴ Там же, л. 424.

верной войны морские державы вынуждены были по настояниям Матвеева поддерживать русскую дипломатию в Константинополе.¹

После возвращения в Гаагу Матвеев первое время был занят делами, связанными еще с предшествующим периодом. Он благодарит ратпенсинария, «от которого по премногу ласково принят был», за отказ голландского правительства признать Лещинского польским королем и взять на себя гарантию Альтранштетдского договора. Генеральные Штаты отказались последовать за Англией, вопреки настойчивым требованиям Палмквиста, который «многие провинции чрез довольные дачи от себя склонил к тому, но галанская провинция и город Амстердам весьма в том донныне находятся тверды, чтоб в благоприятство его ц. в. оба оные пункта отнюдь в дело не производить, не допустить и для своих польз в торговле с Москвою».²

Матвеев обновляет и укрепляет свои амстердамские связи. Он успешно ходатайствует перед русским правительством об освобождении в 1708 г. голландских кораблей от уплаты ластовых пошлин в Архангельске, как это было сделано для английских. Одновременно он раздает «поминки» преимущественно соболями своим влиятельным друзьям в Гааге и Амстердаме.

Осенью 1708 г. заканчивается дело о вступлении России в «великий союз». В октябре этого года Матвеев передал Гейнзиусу царскую грамоту, содержащую уверения в дружественных чувствах царя по отношению к Генеральным Штатам и отказ от вступления в «великий союз». Ратпенсинарий нашел, что «зело' мудро есть учинено, что от самого его величества то вступление союза отложено, нежели б явной отказ от союзников нашей стороне прежде последовал».³

Матвеев продолжал раньше начатые торговые переговоры, но скоро его внимание отвлекается новыми и важными политическими событиями. В развитии Северной войны намечался решающий перелом. В битве при Лесной была одержана победа над свежим, неистощенным, только что прибывшим из Курляндии корпусом Левенгаупта, численно превышавшим русских по силам.

Гаагские дипломатические круги чутко отозвались на это событие. Саксонский курфюрст и датский король, побуждаемые русскими успехами к восстановлению северного союза, через своих министров в Гааге спешили заручиться голландской поддержкой. Наоборот, шведский, ганноверский и голштинский дипломаты восстанавливали Генеральные Штаты против России, утверждая, что «побив шведов и учиняся владельцем великим над морем Балтийским», Петр нанесет большой ущерб голландской торговле. Ход Северной войны возбуждал большие опасения и в Пруссии.

Русские успехи того времени находились еще на той стадии развития, когда их еще легко можно было прервать или приостановить извне. Предотвратить же вмешательство европейских держав в северные дела могло только продолжение войны за испанское наследство. Матвеев это прекрасно понимал. Внимательно следил он за настроениями и намерениями внутри европейских стран — участников войны и видел, что там нарастают утомление войной и жажда мира. «Здесь из стацкого секрету уведал я, — писал Матвеев в своем донесении от 12 ноября 1708 г., — что конечное есть намерение у Франции будущей зимы сойтись с союзники к миру... Также и Англия перед прежним своим упорством к тому миру с Франциею гораздо видится быть приклонна, особливо же парламент, усмотря свое от времени до времени при сей

¹ Английские дела, 1708 г., д. 2, л. 94.

² Голландские дела, 1708 г., д. 3, л. 10.

³ Там же, л. 155.

войне долгой и жестокой изнурение». ¹ Голландия еще в 1705 г., по выражению Матвеева, «поползнула» к миру, но была удержана Англией.

В начале 1709 г. после приезда в Гаагу Мальборо и Евгения Савойского слухи о мире стали стихать. Оба крупнейшие деятели «великого союза», особенно Евгений Савойский, поддерживают в этот свой приезд в Гаагу тесные взаимоотношения с русским послом. В связи со своими северными планами Дания и Саксония не хотели оставлять свои войска на службе у морских держав. Датский король заявил Голландии, что если все старые долги не будут уплачены, то он отзовет свои войска обратно. То же намерение обнаруживала и Саксония, упорно отказывавшаяся предоставить в распоряжение союзников еще 8 000 солдат, сверх уступленного после Альтранштедского мира шестисотысячного войска. В конечном итоге Саксония согласилась отдать в наем союзникам для будущей кампании 14 000 войска. Матвеев не скупился и на «дачи». Евгению Савойскому был поднесен «соболий испод пластинчатый в 1350 рублей», а президенту «шляхетского стацкого собрания» — чернобурая лисица в 600 рублей. Саксонский посол Герсдорф получил чернобурую лисицу и пару соболей. Мальборо не нуждался в «дачах». Война за испанское наследство превратилась в дело его жизни. 10 февраля 1709 г. Матвеев встретился с Мальборо. ² После этого свидания русский посол сообщил своему правительству, что французский мир будет заключен не раньше, чем после следующей кампании. Благоприятная для дальнейших русских побед международная обстановка была создана. Но она могла измениться каждый день. Вопреки желаниям Мальборо и Евгения Савойского, мирные переговоры между Францией и «великим союзом» были начаты. Представители Людовика XIV шли на все уступки, и конец войны снова казался близким. Это грозило России большими осложнениями. Получивший известия о тяжелом состоянии шведской армии, Палмквист начал уже переговоры о наиме освобождающихся войск на шведскую службу. Кроме того, он постоянно требовал, чтобы Голландия и Англия после прекращения войны за испанское наследство оказали Швеции помощь по договорам.

В те недели, когда под стенами Полтавской крепости решались судьбы Северной войны, в Гааге вокруг северных дел снова завязывалась ожесточенная борьба. В донесении от 26 мая 1709 г. Матвеев сообщал своему правительству: «Сих чисел уведал я, что оной неприятельский министр чрез все пути своих пронырств тайно здесь королевы великобританской у министров у дука Мальбурга и у милорда Тонзента и у стацких особ домогается остро, по силе прежних союзов и договоров, в прошлых годех учиненных между оных вышепомянутых морских держав и Свещии, о посылке помочи впредь своему королю. Понеже сила оного союза и договоров тех прежних состоит вспомогать во время войны шведу против его неприятелей кораблями, людьми и деньгами, но Англия и Голландия, при сей своей войне со Франциею, от того трактату будучи уволены, по нынешнем мире обязаны будут изследовать оные договоры». ³

Окончание войны за испанское наследство грозило возродить столь неблагоприятную для России международную обстановку 1700 г. Однако война за испанское наследство продолжалась еще несколько лет, и Петр, искусно используя противоречия великих держав, получил возможность закрепить свои победы над Швецией и утвердиться на балтийском побережье.

¹ Там же, л. 159.

² Там же, 1709 г., д. 3, лл. 5, 7, 12, 16, 34; 1700—1712 гг., д. 5, лл. 11, 12.

³ Там же, 1709 г., д. 3, л. 152.

Н. Д. ПОЛОНСКАЯ-ВАСИЛЕНКО

**ИЗ ИСТОРИИ ЮЖНОЙ УКРАИНЫ В XVIII в.
Заселение Новороссийской губернии (1764—1775)**

Во второй половине XVIII в. в Южной Украине происходит ряд социальных и экономических процессов, приводящих к глубочайшим изменениям всего строя Южной Украины. С одной стороны происходит постепенное перерождение, а затем и отмирание казацкого строя на Запорожье, которое заканчивается ликвидацией Запорожской Сечи, с другой стороны — интенсивное заселение запорожских степей украинским и русским населением. В то же время царское правительство ведет планомерное наступление на Южную Украину, стремясь проложить дорогу к Черному морю. Столкновение на берегах Черного моря интересов царизма с интересами Турции и ее вассала — Крыма заканчивается победой царизма. Эта победа кладет предел господству Турции на севере черноморского побережья и в то же время делает Запорожскую Сечь ненужной и даже вредной для дальнейшего роста Южной Украины.

Несмотря на всю важность этого периода в истории Украины как времени наиболее интенсивной колонизации южноукраинских степей, история его до настоящего времени изучена чрезвычайно слабо. История Южной Украины как-то не включалась в круг украинской историографии и вообще не связывалась с историей других частей Украины. Больше внимания уделялось лишь истории Запорожья, которое обычно рассматривалось изолированно от Украины в целом.

Из других моментов истории Южной Украины внимание исследователей больше всего привлекала иностранная колонизация 1750-х гг., преимущественно сербская, и организация Новой Сербии и Славяно-сербии как военных поселений. Этот период рассматривался преимущественно под углом зрения иностранной колонизации. Заселение Южной Украины украинским и русским населением, происходившее в одно время с иностранной колонизацией, обычно оставалось в тени.

Еще менее внимания обращалось на историю Новороссийской губернии, созданной в 1764 г. взамен Новой Сербии и Славяносербии. Между тем период существования этой губернии представляет несомненный интерес. Именно в это время происходило наиболее интенсивное заселение края украинским и русским населением и продолжалось довольно многочисленное переселение иностранцев. В это же время здесь создавалось помещичье землевладение, возникали городские центры, зарождалась промышленность и торговля. Все эти процессы совершались в обстановке постоянной борьбы то с татарами, то с запорожцами, превращавшей нередко всю страну в военный лагерь. Кучук-Кайнарджийский мир и ликвидация Запорожской Сечи в 1775 г. служат естественным завершением этого периода истории Южной Украины.

I. ТЕРРИТОРИЯ НОВОРОССИЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

В 1764 г. произведена была реформа управления Новой Сербии и Славяносербии; была уничтожена исключительность их администрации, преобразован весь внутренний строй.¹ Реформа не была частным явлением, вызванным только предшествовавшей реформе ревизией края и злоупотреблениями, открытыми этой ревизией; реформа Новой Сербии и Славяносербии стояла в тесной связи с общей политикой царского правительства в отношении Украины, его стремлением установить единый политический и социальный строй во всех частях государства. Ликвидация Новой Сербии и Славяносербии была лишь отдельным моментом этой политики уничтожения местных привилегий. Немного позднее реформы Новой Сербии и Славяносербии было упразднено гетманство на Украине и восстановлена Малороссийская коллегия;² граф П. А. Румянцов был назначен президентом коллегии и стал управлять «Малороссией» как ее «главный командир». В «наставлении» Вяземскому Екатерина писала, что «называть их (Лифляндию, Финляндию и Украину) чужестранными и обходиться с ними на таком же основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностью глупость».³ Уничтожить эту «глупость» и было одною из главных задач царского правительства 60-х годов XVIII в. На некоторое время лишь одно Запорожье сохранило свой автономный строй с его «вольностями», но это была лишь временная отсрочка. Через 10 лет не стало и Запорожья.

Вновь организованная Новороссийская губерния охватывала Новую Сербию со Слободским полком и Славяносербию. Но территория ее не ограничивалась этими областями, лежавшими на значительном расстоянии одна от другой. Естественно вставал вопрос об объединении их. Украинская линия уже становилась излишней, так как поселения далеко опередили ее, и она перестала служить заслоном со стороны степи. К тому же она была построена в местности, лишенной воды и леса, и таким образом была мало пригодна для защиты страны. Поэтому было решено передать Украинскую линию в ведение Новороссийской губернии. С нею отходили к Новороссийской губернии места, лежащие «позаду Украинской линии». Все эти земли принадлежали к Малороссийским полкам, Полтавскому и Миргородскому, и имели около 40 тыс. населения, в том числе более 20 тыс. выборных казаков и подпомощников.⁴

Передача этих земель Новороссийской губернии совершалась так же, как за 13 лет перед тем было положено начало Новой Сербии: ни гетман, ни полковники не были извещены о переходе земель из-под их власти в ведение Новороссийской губернии. Мельгунов, назначенный главным командиром губернии, обратился непосредственно в сотенные управления с предписанием предложить всем казакам записываться в пикинерные полки под угрозой лишения земель. Он захватил таким образом 30 сотен Полтавского, Миргородского, Лубенского и Переяславского полков.⁵

Присоединение сотен к Новороссийской губернии носило характер видимой добровольности: Мельгунов и его ближайшие сотрудники в этом деле, полковник Алымов, ротмистр Синегуб и др., собирали подписку с населения о желании перейти в ведение Новороссийской губер-

¹ ПСЗ, 1764 № 12099, 22 марта.

² Там же, № 12277, 10 ноября.

³ Чтения в Общ. ист. и древн. рос., 1858, кн. 1, Смесь, стр. 104.

⁴ ПСЗ, 1764, № 12180, 11 июня.

⁵ Д. Миллер. Пикинерия («Киевская старина», 1889 г., т. 67, стр. 307).

нии и записаться в пикинерные полки. При этом старшине сразу обещаны были офицерские чины, дававшие право на российское дворянство; подпомощники и посполитые, записавшиеся в пикинеры, получали участки земли. Зато казаки, имевшие свои «грунты», отнеслись к этой реформе самым отрицательным образом, и только угроза потери «грунтов» заставляла их записываться в пикинеры. Отрицательно отнеслась и высшая старшина, имевшая большие имения и рисковавшая потерять крестьян. Так из имений Лычковой и Писаревки, принадлежавших генеральному обозному Кочубею, население 200 дворов записалось в пикинеры.¹ Крупные землевладельцы фон-Штефельн, Руновский, Битяговский и др. также лишились рабочей силы.

На имя гетмана посыпались жалобы потерпевших и рапорты полковников. Гетман подал в Сенат «доношение», в котором указывал, что население полков, сотни которых переведены в Новороссийскую губернию, не в силах теперь нести прежние повинности и платить налоги, а землевладельцы терпят большие убытки.² Правда, были и исключения. Некоторые сотни, как Кременчуцкая, Власовская, Келебердянская, сами просили о принятии их в ведомство Новороссийской губернии.³ О том же просили помещики местечка Кишенки, братья князя Баратовы, и местечка Переволочны — полковники Милорадович и Битяговский, но это были редкие исключения.

Гетман в это время был уже бессилён помочь «пострадавшим» землевладельцам: в 1764 г. гетманство было уничтожено. Тогда же было точно определено, какие сотни присоединяются к Новороссийской губернии и какие из числа намеченных первоначально Мельгуновым к переводу остаются на прежнем положении. Присоединены были сотни: Нефороща, Маячки, Царичанка, Китай город, Орель, Переволочна, Кишенка, Соколка, Кобеляки, Белики, Старые и Новые Сенжары, Келеберда, Кременчук и Власовка. Как общее правило, присоединены были к Новороссийской губернии земли на протяжении 40 верст от Украинской линии.⁴ Указ 1765 г. вносил ясность в положение землевладельцев: все, владевшие землями на основании указов и купчих до введения ландмилицкого штата 1736 г. или после того на основании сенатских и именных указов, сохраняли свои права на земли и переходили с ними в ведение Новороссийской губернии. Получившие земли после 1736 г. по купчим или грамотам без сенатских и именных указов теряли право на крестьян, которых приписывали в пикинеры. Канцелярия Новороссийской губернии должна была выяснить, сколько именно помещиков и на основании каких актов владели землями и сколько крестьян жило на их землях. Это дело подвигалось очень медленно, и только к 1767 г. Екатерининская провинциальная канцелярия выяснила, что без надлежащих указов владели землями 37 помещиков.⁵

Граница между Гетманщиной и Новороссийской губернией долгое время оставалась неопределенной и 40-верстная полоса — неотмежеванной. В 1766 г. Новороссийская губернская канцелярия постановила окончательно установить эту границу. Была назначена комиссия, в состав которой вошли представители от Новороссийской губернии и Малороссийской коллегии. Но работа комиссии встретила сопротивление со стороны местных помещиков: владея большими имениями, нежели за ними считалось, они не допускали межевщиков в свои земли и тор-

¹ ПСЗ, 1764, № 12236, 6 сентября.

² Днепропетровский обл. ист. архив (ДОИА), ф. Новор. губ. канц., св. 61, д. 1456.

³ Сен. архив, XV, стр. 149—158.

⁴ ПСЗ, 1764, № 12236, 6 сентября; 1765 г., № 12339, 26 февраля; ДОИА, ф. Новор. губ. канц., св. 61, д. 1456, Д. Миллер. Указ. ст., стр. 321—322.

⁵ ДОИА, ф. Новор. губ. канц. св. 62, д. 1458, л. 328.

мозили все дело. Уступая интересам помещиков, губернская канцелярия не настаивала на размежевании.¹

В 1770 г. главный командир Новороссийской губ. В. М. Воейков снова предписал составить планы спорных земель,² но и на этот раз дело не продвинулось, и только в 1781 г. к Новороссийской губернии была окончательно присоединена обширная территория, отрезанная от Полтавского и Миргородского полков.³

В 1765 г. территория Новороссийской губернии увеличилась за счет Воронежской губернии: к ней был присоединен Бахмутский уезд; до того времени гор. Бахмут входил в состав Новороссийской губ., а его уезд оставался в Воронежской губ.⁴

В 1769 г. к Российской империи были присоединены Азов и Таганрогская линия,⁵ а в 1733 г. — Керчь и Еникале;⁶ в 1774 г. из Новороссийской губернии была выделена Азовская губерния.

Новороссийская губерния разделялась на две провинции: на правом берегу Днепра — Елисаветская, или Елисаветградская, охватившая земли Новой Сербии, Слободского полка и земли треугольника между Ингулом и Орлом; на левом берегу Днепра — Екатерининская, вобравшая в себя земли Славянсербии и Украинской линии.⁷ Бахмутский уезд не входил в состав Екатерининской провинции и составлял особый уезд в Новороссийской губернии;⁸ в него вошла часть Славянсербии.

Территория провинций разделялась между поселенными полками, имевшими значение не только войсковых, но и административных единиц.

В Елисаветградской провинции было два гусарских полка, Черный и Желтый,⁹ и один уланский пикинерный — Елисаветградский полк.

Кроме того, на самой границе Новороссийской губернии и «Запорожских вольностей» расположился Молдавский полк, врезывавшийся в запорожские владения; между поселением полка и запорожцами шли постоянные споры за землю.

В конце первой турецкой войны (1769—1774) был поселен еще далее на юг Бугский казачий полк, сформированный из молдаван и болгар. Своими поселениями он занял берега Буга.

Полки охватывали не всю территорию Елисаветградской провинции: вне полков остались окрестности крепости св. Елисаветы, так называемые «Государственные округа».

В Екатерининской провинции в 1764 г. было решено из двух полков — Шевича и Прерадовича — сформировать один гусарский полк, присоединить к нему три новых пикинерных полка и перевести из Киева Молдавский гусарский полк.¹⁰ Гусарский полк, названный Бахмутским, был расположен в окрестностях Бахмута; пикинерные — Луганский и Донецкий были расположены по Лугани и Донцу, а Днепровский пикинерный — по Днепру, от истоков Самары до границ Новой Сербии. Самарский гусарский полк был расположен на юг от Днепровского полка до устья р. Самары.¹¹

¹ Там же, св. 65, д. 1480.

² Там же, св. 62, д. 1458; св. 65, д. 1480, лл. 1, 16—17.

³ Д. Николайчик. Город Кременчук, стр. 60, СПб., 1891.

⁴ ПСЗ, 1765, № 12376, 13 апреля.

⁵ ПСЗ, 1769, № 13351, 9 сентября.

⁶ А. Скальковский. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, I, стр. 81—82, 89, Одесса, 1836.

⁷ ДОИА, ф. Новор. губ. канц., св. 60, д. 1441.

⁸ ПСЗ, 1765, № 12376, 13 апреля.

⁹ Названия полков происходили от цвета мундиров.

¹⁰ Н. Терновский. К истории запорожского края — «Вестник Екатеринослав. земства», 1904, № 25; отд. оттиск, стр. 7, Екатеринослав, 1904.

¹¹ А. Скальковский. Указ. соч., I, стр. 66.

Выдвинутая на далекий юг, окруженная враждебными соседями, Новороссийская губерния все время своего существования сохраняла полувоенный характер.¹ Особенно усилились работы по устройству новых и поддержанию старых укреплений во время войны с Турцией, с 1769 по 1774 гг. В Екатерининской провинции устройство новых укреплений имело особо важное значение: Старая Украинская линия уже давно обветшала, и поселения передвинулись далеко за линию ее крепостей; таким образом Украинская линия потеряла свое значение. В 1770 г. начали строить новую Днепровскую линию, которая должна была охранять Новороссийскую губернию от татарских набегов. Линия эта начиналась от Азовского моря Петровскою крепостью и через реку Берду направлялась на Конские Воды и доходила до Днепра. На Днепровской линии предполагалось соорудить ряд крепостей, а именно: Петровскую, Кирилловскую, Никитинскую, Александровскую, Захарьевскую, Григорьевскую, Алексеевскую и Днепровскую. Однако этот план не был осуществлен, и построены были лишь Кирилловская и Александровская крепости,² в Никитинской и Захарьевской были сооружены только казармы и инженерный дом, в Григорьевской и Алексеевской «никакого строения не начато», как указывалось в описании городов Азовской губернии в 1782 г.³

Днепровскую линию строили на территории «Запорожских вольностей», но правительство не считалось с правами запорожцев на эти земли. В 1770 г. Екатерина писала в указе Слободскому ген.-губернатору Щербинину, руководившему сооружением Днепровской линии, что эта линия имеет целью защищать Слободскую губернию и «Малороссию»; земли между Днепром, Калмиюсом, Бахмутом и старой линией не долго останутся без жителей, особенно, когда там будет поставлена надежная охрана.⁴

Действительно, территория, огражденная Днепровской линией, стала быстро заселяться. Запорожцы с полным правом могли считать, что они потеряли эту часть своих «вольностей», — «проспали» ее, как колоритно выразился в письме к кошевому Калнышевскому Филипп Львовский, извещая его о постройке редутов и укреплений.⁵

Среди крупных заселенных мест Новороссийской губ. в начале рассматриваемого периода первое место занимала крепость св. Елисаветы, которая чаще называется уже Елисаветградом (ныне Кировоград). Здесь находились сначала административный центр губернии, комендантская канцелярия, таможня. Форштадт, окружавший крепость, все более развивается. Старообрядческая громада получает ряд привилегий, имеет свою богатую церковь. Из старообрядцев состояло главным образом и купечество Елисаветграда. Увеличивается и укрепляется и гре-

¹ Полувоенный характер Новороссийской губернии иллюстрируется, между прочим, и структурой ее управления. Во главе губернии стоял главный командир. Его помощником по гражданским делам был губернатор. Губернская канцелярия разделялась на два департамента — военный и земский. Военный департамент подчинялся Военной коллегии, а земский — соответствующим департаментам Сената. Во главе обеих провинций, входивших в состав Новороссийской губернии, стояли воеводы; отдельный воевода управлял и Бахмутским уездом. Воеводами, как правило, назначались также военные. На местах, наряду с полковой администрацией, не охватывавшей всего населения, существовали административные единицы, непосредственно подчинявшиеся провинциальной канцелярии, как, например, старообрядческие слободы, имевшие своего командира.

² Арх. Гос. Сов., I, ч. 1, стр. 341; Я. Новицкий. История гор. Александровска, стр. 5, 27, 42—43.

³ А. Скальковский. Указ. соч., I, стр. 85; Его же. История Нов. Сечи, III, стр. 130; Зап. Одесск. общ. ист. и др., III, стр. 289.

⁴ Я. Новицкий. Указ. соч., стр. 2—3.

⁵ Там же, стр. 5.

ческая община. В 1774 г., по описанию акад. Гильденштедта, на Подоле, составлявшем торговый центр Елисаветграда, где находились ратуша, базарная площадь и лавки, было около 600 домов, расположенных правильными улицами. Здесь жили преимущественно купцы и ремесленники. Свыше 300 домов было расположено в остальных частях Елисаветграда, часть дворов принадлежала мещанам и купцам, часть — офицерам. Всего Гильденштедт насчитывал в Елисаветграде около 1200 мещан, не считая купечества и военных. Внешний вид города был крайне унылый, постройки, находившиеся в крепости, — провинциальная канцелярия, школа, острог, гауптвахта приходили в упадок. Дома на форштадте и в крепости были построены из плохого дерева, покрыты соломой или тесом. Кое-где росли ивы, фруктовых садов было очень мало; над рекой расположены были немногочисленные огороды. Ингул широко разливался весной, так что трудно было построить мост. Зато летом он пересыхал и можно было перейти его вброд. Вообще, вопрос о водоснабжении стоял в Елисаветграде очень остро. В крепости были глубокие колодцы, но на форштадте довольствовались небольшими колодцами с гнилой, вредной для питья водой.¹

В 1765 г. административный центр переводится из Елисаветграда в Кременчуг. Сюда в числе прочих учреждений были переведены из Елисаветграда таможня и единственная в губернии аптека. Население Кременчуга начало увеличиваться; особенно заметно растет купечество, среди которого было много великороссийских купцов. Возле Кременчуга был устроен первый сахарный завод, перерабатывавший привозный сахарный тростник.² Росло и местечко Крюков, на противоположной стороне Днепра, впоследствии слившееся с Кременчугом и образовавшее его посад. Крюков застраивался прямыми широкими улицами. Здесь находились казенные фруктовые сады — один в самом Крюкове, другой в нескольких верстах от него.³

Новомиргород, потеряв значение административного центра и резиденции Хорвата, остался главным пунктом Черного гусарского полка. Укрепления его пришли в упадок, рвы высохли, валы осыпались. Постройки Хорвата стояли полуразрушенными. Но форштадт продолжал развиваться. По данным акад. Гильденштедта, здесь было в 1774 г. 600 дворов, в которых жили купцы и мещане. Торговля производилась в постоянных лавках, на базарной площади, на ярмарках. В Новомиргороде и его ближайших окрестностях было много фруктовых садов и виноградников. Возле Новомиргорода были заводы винокурный, кожевенный, кирпичный.⁴

Сохранял свое прежнее торговое значение и Новоархангельск, где во время посещения его Гильденштедтом было до 300 дворов, занятых купцами и мещанами. В Новоархангельске в 1774 г. жило около 40 купцов и 23 ремесленника, объединенных в цеховые организации.⁵

Самым крупным населенным пунктом левобережной части Новороссийской губ. был Бахмут (нынешний Артемовск), основанный в XVII в. В 1703 г. здесь были сооружены укрепления для защиты соляных варниц. Именно благодаря торговле солью Бахмут приобрел довольно крупное значение. В 1764 г. Бахмут был присоединен к Новороссийской губ. и стал административным центром Бахмутского уезда.⁶

¹ Биб-ка Акад. Наук УССР, Рукоп. отд., дела креп. св. Елисаветы, №№ 22, 29; J. G ü l d e n s t ä d t. Reisen durch Russland, II, S. 175—177.

² Д. Николаичик. Указ. соч., стр. 69.

³ J. G ü l d e n s t ä d t. Op. cit., pp. 125—126.

⁴ Ibid., pp. 151—152.

⁵ Ibid., pp. 160—161.

⁶ А. Скальковский. Хрон. обозр., I, стр. 70.

II. ПЛАН ЗАСЕЛЕНИЯ НОВОРОССИЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

Основной задачей, поставленной царским правительством перед Новороссийской губернией, было заселение края и закрепление здесь русского влияния. Следом за освоением территории на ней прочно оседал русский помещик. Заселение Новороссийской губернии стояло в тесной связи с общей политикой правительства и являлось одним из ярких образцов его колонизационной и колониальной политики.

Между колонизационной политикой правительства Елизаветы и Екатерины II в отношении Южной Украины была значительная разница. В 50-х гг. XVIII в. царское правительство не брало на себя инициативы переселения в Россию иностранцев: оно только пошло навстречу предложениям группы сербских офицеров, отвело им землю и осыпало их привилегиями. В 60-х годах XVIII в. царское правительство берет на себя инициативу в деле иностранной колонизации. Манифестом 4 декабря 1762 г. оно приглашало всех иностранцев, желающих переселиться в Россию, обещало им «монаршую милость» и многочисленные льготы.¹ Манифест этот был переведен на все европейские языки и разослан русским резидентам при иностранных дворах. Вскоре были опубликованы два акта, которые послужили основанием для всей иностранной колонизации: указ об учреждении «канцелярии опекунства иностранных колонистов» и манифест о правах, которые давались иностранцам.² Уже самая организация канцелярии, поставленной в один ряд с коллегиями, во главе которой стоял всемогущий фаворит Екатерины Г. Г. Орлов, указывает на то, какое значение правительство придавало вопросу иностранной колонизации. Целый сонм «вызывателей» был отправлен за границу для вызова «охочих» людей. На снабжение колонистов продовольствием и другие расходы, связанные с переселением, было ассигновано 200 000 руб. В результате деятельности канцелярии, к 1770 г. в разных губерниях — Саратовской, Петербургской, Черниговской, Воронежской и Лифляндской было основано 117 новых колоний.³

Несмотря на такую интенсивную деятельность по организации переселения, до нас не дошел ни один источник, который давал бы возможность установить, как практически протекало дело переселения в Россию колонистов из-за границы. Тем больший интерес представляет «План о поселении в Новороссийской губернии»,⁴ утвержденный Екатериной II 22 марта 1764 г. В то время как вновь организованные колонии в перечисленных губерниях не оказали влияния на общее устройство губерний, «План о поселении в Новороссийской губернии» представляет попытку охватить всю жизнь края и подчинить ее требованиям колонизации, начиная с отвода земли и кончая вопросами воспитания и образования. Не следует забывать того обстоятельства, что «План» был не только проектом заселения края, но и действующим правом, которым руководились в Новороссийской губ. даже в 80-х гг. XVIII в. Очень характерно, что «План» представлял себе край, как пустыню, где не было ни людей, ни обычаев, ни права, и где все нужно было создавать заново.

«План» разделяется на 8 глав, из которых первая трактует о том,

¹ ПСЗ, 1762, № 11720, 4 декабря; В. Бильбасов. История Екатерины II, т. II, стр. 52.

² ПСЗ, 1763, № 11879, 22 июля; 1763, № 11890, 7 августа.

³ ПСЗ, 1764, 12283, 17 ноября; 1765, № 12394, 5 мая; № 12443, 30 июля; А. Клаус. Наши колонии, I, стр. 7—15, СПб., 1868.

⁴ ПСЗ, 1764, № 12099, 22 марта; Сборн. воен.-истор. материалов XVI; С. Соловьев. История России, кн. VI, стр. 38 (в сокращении).

что все население губернии, независимо от того, откуда и когда кто пришел, пользуется всеми правами «старинных российских подданных». В некоторых отношениях жители Новороссийской губ. пользовались даже большими правами, чем «старинные российские подданные»: их нельзя было принудительно брать на военную службу, никому не возбранялось торговать солью и водкой, они могли вывозить и ввозить из-за границы без пошлины продукты «земли и экономии» и разные товары. «План» предусматривал, что иностранцы каких угодно «наций» могут без ограничений поступать в гусарские и пикинерные полки, получая при этом по 30 руб. «без возврата». Все российские подданные, проживавшие за границей и вернувшиеся оттуда до «указных лет», а равно запорожцы, записавшиеся в гусарские и пикинерные полки, получают по 12 руб. Столько же получают все переселенцы, как иностранцы, так и русские подданные, не поступающие на военную службу. Правительство приглашало не только иностранцев, но и бежавших за границу русских подданных, и еще выдавало им ссуду, правда, в меньших размерах, чем иностранцам.

Глава вторая, самая важная, предусматривала разделение всего Новосербского поселения на 70 округов, из которых 52 отводились для военнослужащих, 2 для горожан и 16 для остального населения — старообрядцев и иностранцев, которые пожелают основать особые слободы. Всего отводилось 1 421 000 десятин земли. Каждый округ разбивался на 700 участков; в 32 округах размер участка составлял 26 десятин, а в 38 безлесных округах — по 30 десятин. «План» предусматривал неделимость участка, который навсегда оставался неизменным, являясь постоянной единицей как для обложения податями, так и для несения военной службы. Этот пункт являлся основным во всем «Плане»; регулируя все землевладение в крае, он был оставлен в силе даже после реорганизации Новороссийской губ. По идее «Плана» неизменною крестьянского двора гарантировалась точность несения повинностей, и одновременно обеспечивалась зажиточность владельцев двора. Такой же порядок, с некоторыми изменениями, был предусмотрен законом 19 марта 1764 г. об отводе земель для иностранцев. И здесь устанавливались неделимый участок и двор, которые должны переходить полностью к одному из сыновей хозяина по его выбору.¹

Вся земля разделялась на три части: государственных поселян, помещичью и военных поселян. Государственные поселяне и помещики платили поземельную подать, военные поселяне от несения подати освобождались. Тот же принцип несения подати с земли, а не с души, мы находим в законе 19 марта 1764 г., при установлении податей в иностранных колониях. Каждому, кто пожелает на собственный счет выводить из-за границы людей, отводится земли столько, сколько он хочет, но не больше 48 участков (больше 48 участков нельзя было также покупать земли). В случае заселения каждого участка одним крестьянским двором земля отводилась в полную собственность. По окончании льготного срока (от 6 до 16 лет, в зависимости от качества почвы) владелец должен был платить за землю в размере, вдвое меньшем, чем государственные крестьяне. Владеть землей мог лишь тот, кто служил или проживал в пределах губернии. Если помещик выезжал из губернии, то он обязан был продать землю местным людям. Помещик лишался полученной земли, если он в течение трех лет не заселял ее. Все эти правила преследовали задачу скорейшего заселения края. Для приобретения земли не было введено никаких ограничений сословного характера, — каждый мог получить землю, надо было только иметь

¹ ПСЗ, 1764, № 12095, 19 марта; А. К л а у с. Указ. соч., стр. 18—19.

деньги, чтобы заплатить за вывод людей. Самое ограничение размеров помещичьих имений 48 участками (1440 десятин при норме в 30 десятин на двор и 1248 десятин при 26-десятинной норме) также имело в виду скорейшее заселение края, так как легче заселять небольшие имения, чем большие. Интересно и другое ограничение, вводимое «Планом», — это требование, чтобы помещик жил в губернии: оно является совершенно новым и диктовалось желанием создать в новозаселяемой стране постоянный контингент помещиков и тем укрепить здесь русское влияние.

Третья глава «Плана» — «О комплектовании» — создавала многочисленные гарантии, чтобы обеспечить правильное несение военной службы. Каждый двор должен был давать одного военнослужащего. В частности, не только главный командир, но и каждая семья должна была следить, чтобы служба отбывалась безукоризненно и чтобы в случае бегства военнослужащего его немедленно заменял родственник. Для этого, если у военнослужащего было мало родных, необходимо было объединять несколько семей в одну. Одновременно начальство должно было следить, чтобы без уважительных причин семьи не делились и чтобы в каждом дворе, кроме военнослужащего, было не меньше двух, а в некоторых случаях даже не менее 4 работников. Согласно этой же главе, каждый, кто приводил из-за границы за свой счет определенное количество поселенцев, получал офицерский чин. За привод 300 человек давался чин майора, 150 — чин капитана, 80 — поручика, 60 — прапорщика, 30 — чин вахмистра. Если приведенные люди были определены не в полки, а в поселенцы, то количество их для получения определенного чина должно было быть вдвое больше.

Четвертая глава «Плана» — «О доходах» — имела целью обеспечить содержание полков в губернии по окончании льготных лет с доходов края. Доходы эти составляли: поземельная подать с государственных и помещичьих крестьян, подать с шинков, сбор с продажи скота на ярмарках, с прогона скота за границу, с провоза в Польшу из Крыма и Запорожья соли и рыбы, с привоза из Польши водки, с «купецких людей, облога по приличности торговли», с цеховых, в зависимости от их промысла, и с мельниц.

Пятая глава «Плана» касалась насаждения и охраны лесов.

Шестая глава «Плана» посвящена вопросам торговли и промышленности. Особый интерес представляет тот пункт данной главы, где говорится, что все имеют право основывать фабрики и заводы и что для этой цели всем желающим должна отводиться земля. При этом подчеркивалось, что предпочтительнее всего заводить фабрики для изготовления обмундирования войск: суконные, коженые, полотняные, для выделки киверов и т. д., а также конные и овечьи заводы; для устройства таких предприятий казна выдавала заимообразно ссуду.

Таким образом, вся промышленность подчинялась военным требованиям. Характерно для «Плана» в целом, что в этой главе ни слова не говорится о праве фабрикантов покупать крепостных для фабрик: «План», ставивший своей главной задачей увеличение населения в крае, нигде не упоминает о крепостном праве, поскольку это могло бы затормозить заселение губернии.

Глава седьмая определяет границы губернии. Чрезвычайно интересна последняя, восьмая глава — «О школах». Она указывает, что все дети должны обучаться в школах грамоте, письму, арифметике, закону божьему, а по желанию — иностранным языкам и иным «наукам». Сироты и дети неимущих родителей должны содержаться на казенный счет, состоятельные должны платить за свое содержание, но обучение для всех должно быть бесплатным. Для сирот, калек, а так-

же для «приносных» детей должны быть основаны на казенный счет особые дома, чтобы «во всем селении нищего, странствующего, также безвинного младенца без призрения не находилось». Особо предусматривалось устройство воспитательных домов для девочек, где они должны были с детства приучаться к домостроительству и «приличным работам». Получившие воспитание женщины должны способствовать исправлению «суровых и жестокосердых обычаев».

Все эти благие пожелания, носящие следы влияния «Наказа» Екатерины, так и остались на бумаге.

Таково в кратких чертах содержание «Плана». Значение его, как мы уже указывали, усугубляется тем, что «План» в течение долгого времени служил действующим правом для Новороссийской губернии. В отношении раздачи земли, ее заселения и т. п. вопросов зафиксированные в плане правовые нормы существенно отличались от порядков, которые существовали в прочих частях Российской империи: «План» предоставлял каждому желающему возможность получить крупную земельную собственность, заселить полученную землю крестьянами; для каждого, кто приведет определенное число поселян, был открыт путь к дворянству и к получению офицерских чинов.

Однако, практика не оставила «Плана» в том виде, как он был утвержден, и многое в нем было изменено. Об этом свидетельствует документ, сохранившийся в собрании Одесского общества истории и древностей.¹ Этот документ представляет собою сводку запросов Новороссийской губернской канцелярии главному командиру ген.-аншефу Воейкову относительно применения различных пунктов «Плана», резолюции Воейкова на запросы и инструкции губернской канцелярии, как проводить в жизнь резолюции Воейкова.

Сомнение вызывает дата документа, помеченного 1780 годом. В этом году не могли быть поданы «доношения» — запросы канцелярии Воейкову, ни наложены его резолюции, так как в 1780 г. Воейков уже не был главным командиром. Подать свое «доношение» и получить ответную резолюцию канцелярия могла в промежутке времени между 1767 г. (назначение Воейкова главным командиром) и 1773 г. Об этом говорит то место резолюции Воейкова, где он указывает, что Военная коллегия рассматривает вопрос об определении в полки офицерами не-дворян, а Коллегия разрешала этот вопрос именно в 1773 г. Вернее всего, что весь документ в нынешнем его сводном виде был составлен в 1774 г., когда на пост главного командира был назначен Потемкин, и для него стали собирать разного рода сведения о положении губернии.

Из документа видно, что больше всего подвергся изменениям тот пункт главы четвертой «Плана», который предусматривал, что каждый, кто выведет определенное число людей из-за границы, получает офицерский чин и право на землю по этому чину. Канцелярия запросила Воейкова, кому следует отводить земли, ибо по закону, отводить землю можно только дворянам, штаб- и обер-офицерам. Вопреки прямому указанию «Плана», Воейков подтвердил, что отводить земли под слободы можно только дворянам, генералитету, штаб- и обер-офицерам и в изъятие из общего закона — унтер-офицерам, остальным же следует отводить только под заводы (речь идет о конных, овечьих и т. п. заводах), сады и виноградники, и то под условием не заселять этих земель. Все не-дворяне, получившие земли под слободы, должны продать их тем, кто имеет право владеть ими, или возвратить в казну по справедливой оценке.

¹ Одесский гос. исторический музей, Собр. б. Одесского об-ва ист. и древн., № П-30-64, «Сборник различных документов, относящихся к Южной России», лл. 191—195.

В пользу дворянства был изменен и другой пункт «Плана», согласно которому следовало отбирать земли у тех помещиков, которые не заселили земель в течение трех лет. Согласно резолюции Воейкова, такие помещики должны были уплатить налоги за три года, после чего им предоставлялось еще три года для заселения земли.

Вызвало запрос канцелярии и запрещение «Плана» отводить более 48 участков — некоторые помещики набрали больше земли, особенно офицеры Екатеринбургской провинции и Бахмутского уезда: одним земля досталась в наследство, другие купили, третьи получили по отводу. Воейков и здесь пошел навстречу помещикам: он разрешил им временно владеть всей землей, пока Сенат не рассмотрит этого вопроса. Далее, Воейков разрешил отводить «ранговые» земли не только офицерам, состоящим на службе, но и отставным, если это не идет во вред другим. Было разрешено также служащим в Слободском полку владеть ранговыми землями по прежней норме, превышающей нормы, предусмотренные «Планом». Наконец, Воейков фактически отменил запрещение «Плана» владеть землею лицам, не проживающим в Новороссийской губ. По резолюции Воейкова можно было оставлять землю тем лицам, которые, уезжая, поручат их управителям из местных людей; земля отнималась только у тех помещиков, которые оставляли ее беспризорной.

Таким образом, «высочайше» утвержденный «План заселения Новороссийской губернии» был радикально изменен, причем особенно резко были изменены в пользу дворянства именно те пункты, которые способствовали интенсивному заселению края и обеспечивали его своеобразный строй. Особенно смущал губернскую канцелярию тот пункт «Плана», который открывал дорогу к офицерским чинам всем без изъятия лицам, кто приведет из-за границы людей. Губернская канцелярия запросила Воейкова, как поступать, если людей приведут купцы или «платящие оклад». Воейков не решился лично разрешить этот вопрос и запросил Военную коллегию, которая в 1773 г. дала указание, что ни купцам, ни «разночинцам» не следует давать офицерских чинов. Так был изменен и этот пункт, не отвечавший интересам господствующего класса — дворянства.

Нужно отметить еще одно любопытное разъяснение Воейкова. «Планом» разрешалось иметь винокуренные заводы только тем, кто посеет лес. Это условие особенно затрудняло помещиков Екатеринбургской провинции, владевших винокурнями, но не сеявших лесов. Воейков разрешил помещикам владеть винокуренными заводами при условии доставки дров из соседних губерний; только в случае, если бы владельцы винокурен уничтожали местные леса, винокурни должны были быть конфискованы.

Одновременно с «Планом о поселении в Новороссийской губернии» был издан «План о заселении» Славяносербии.¹ Вся ее территория была разделена на 140 округов с 20 тыс. дес. земли в каждом. 108 округов предназначались для военнслужащих, а 32 округа — для поселян, чтобы было, как указывалось в плане, с кого брать налоги. В этом документе указывалось, что «весь порядок по всем делается на основании высочайше подтвержденных о Новороссийской губернии штатов». Как и в «Плане о поселении в Новороссийской губернии», и здесь все было приспособлено для нужд войска.

В заключение упомянем еще об одном интересном документе, именно об инструкции главного командира Мельгунова начальнику Бахмутского уезда тайному советнику Фливерку,² изданной вероятно в

¹ ПСЗ, 1764, № 12180, 11 июня.

² Н. Герновский. Указ. соч., стр. 4—5.

1765 г., так как только 13 сентября этого года Бахмутский уезд был подчинен Новороссийской губернии, а в октябре того же года Мельгунов получил новое назначение. В этой инструкции интересно предписание следить за тем, чтобы двор гусара не оставался запущенным во время отсутствия хозяина. Поэтому в комплект полка следовало зачислять только семейных людей, одиноких же можно было брать лишь сверх комплекта, или если они дадут обязательство «размножить свою фамилию». Эта инструкция является дополнением к «Плану» 1764 г. и соответствует часто встречающимся в указах Екатерины II ограничениям в правах неженатых людей.

Наконец, документом такого же характера, в свою очередь дополняющим «План», является инструкция Мельгунова командиру Луганского пикинерного полка Шабельскому. Принимая во внимание близкое расстояние от Запорожья, в полк рекомендуется принимать всех, кто пожелает, без ограничения. Инструкция предписывает выдавать иностранцам при вступлении их в военную службу по 30 руб., а запорожцам, и при записи их в полк и при вступлении в поселенцы, — по 12 руб. Согласно инструкции, селянам и пикинерам предоставляются льготы на три года, а пикинерам обещано в течение трех лет не посылать в далекие командировки. За привод людей в полки и на поселение инструкция предлагает давать офицерские чины.¹

III. РАЗДАЧА ЗЕМЕЛЬ ПОМЕЩИКАМ И ЗАСЕЛЕНИЕ ИХ

На основании «Плана о поселении в Новороссийской губ.» все земли, за небольшим исключением, были разделены между гусарскими и пикинерными полками. Нижние чины получали по одному участку, офицеры — в зависимости от их чина; оставшиеся свободными земли отводили желающим под слободы и заводы.

Офицеры, доктора, военные чиновники получали сверх жалованья, в зависимости от чина, так называемые «ранговые» земли. Ранговые земли существовали также в Гетманщине и в Слободской Украине, но там размер ранговых дач не был точно установлен, кроме того, эти земли отводились не всем служащим в полках. Только в 1732 г. была введена в Гетманщине норма ранговых земель, но норма эта не была точно определена и кроме того была очень велика — от 30 до 400 дворов на ранг.² В Слободской Украине в 1733—37 гг. была также введена норма ранговых земель, но она была значительно ниже, чем на Гетманщине, — полковник получал по 15 дворов, обозные — по 7, судьи — по 6 дворов.³

В Новороссийской губернии с самого начала было точно установлено, что каждый чин приносит право на определенную ранговую дачу. Поручик, прапорщик, полковой аудитор, квартирмейстер, комиссар, лекарь получали по 4 двора или участка (т. е. 104—120 дес.); капитан, ротмистр — по 6 участков (156—180 дес.); секунд-майор — 7 участков (182—210 дес.); премьер-майор — 8 участков (208—240 дес.); подполковник — 10 участков (260—300 дес.) и полковник — 16 участков (416—480 дес.).⁴ Таким образом, размер ранговых дач здесь был ниже, чем в Левобережной Украине, и выше, чем в Слободской Украине.

Однако главное отличие новороссийских ранговых дач заключалось не в их размере, а в том, что в Слободжанщине и в Гетманщине

¹ Там же, стр. 5—7.

² В. Мякотин. Очерки социальной истории Малороссии — «Русские записки», 1915, янв., стр. 191—192; авг., стр. 166—170; нояб., стр. 143—156.

³ П. Головинский. Слободские казачьи полки, стр. 169, СПб., 1864.

⁴ ДОИА, ф. Новор. губ. канц., св. 73, д. 1621.

на ранг давали дворы посполитых крестьян с землею, между тем как в Новороссийской губернии отводили незаселенную землю; заселив ее должным числом дворов, держатель получал землю в собственность.

Ранговая земля имела характер временного, условного владения: она давалась в виде части жалованья за службу; с прекращением службы данного лица он должен был вернуть ранговую землю для передачи тому, кто вступил на его должность. На деле однако этот принцип не соблюдался: в Левобережной Украине все время шла борьба за превращение ранговых земель в обычное земельное владение с правом передавать их по наследству. Само правительство нарушало принцип ранговых земель и раздавало их в вечную собственность.¹

По правилам, в случае, если держатель ранговой земли повышался в чине, он должен был получить дополнительную дачу; если он умирал или выходил в отставку, его участок передавался тому, кто получал его место. Но практика резко расходилась с правилами. На практике часто случалось, что имевший чин не получал ранговой земли. Бесконечные жалобы говорят о том, что люди по несколько лет не могли добиться получения ранговых дач.² В таких случаях заинтересованные лица сами подыскивали себе подходящий участок земли. Например, в 1774 г. лекарь Данковский уведомил Екатерининскую провинциальную канцелярию, что он нашел между слободами пикинерною Петровскою и Циглера участок никому не отведенной земли и просил отвести ему следуемую ему по рангу дачу на 4 двора.³ Бывало, что служащий сам разведывал и сообщал, что та или иная дача не заселена или фактический ее владелец утратил на нее право⁴ и т. д. Получалась картина, напоминающая далекие времена «верстания государевых служилых людей», со всеми особенностями, присущими этому институту.⁵

Размер ранговых дач не удовлетворял офицеров: в наказах депутатам в комиссию 1767 г. офицеры Черного и Желтого гусарских полков просили удвоить размер ранговых дач.⁶

Но борьба велась главным образом не за увеличение размеров ранговых дач, а за приравнение их к общим земельным дачам. Чистоту принципа условности владения ранговыми землями нарушало много обстоятельств: во-первых, право получить в полную собственность ранговую дачу, если она была заселена положенным числом людей, во-вторых, право продать эту землю, которое являлось следствием первого права. Есть много документов, свидетельствующих, что ранговые земли продавали.⁷ По этому поводу губернская канцелярия запросила Воейкова: «как известно, служащие, получая назначения, продают ранговые земли посторонним лицам, и благодаря этому служащие, вновь назначенные, уже не могут получить ранговые дачи». Ответ Воейкова был очень неопределенный: земли следует продавать не посторонним лицам, а тем, кто заступает должность уходящего служащего. Если же соглашение в цене не будет достигнуто, то губернская канцелярия должна установить справедливую цену на землю и на постройки, и если новый служащий все же не пожелает купить, то

¹ В. Мякотин. Указ. соч., — «Русские записки», 1915, янв., стр. 191—192.

² Крымск. обл. ист. арх., ф. Тавр. упр. гос. имущ., св. IV, д. 506, 544.

³ Там же, д. 593.

⁴ Там же, д. 591, 592; Сборн. Рос. ист. об-ва, т. 93, стр. 20, 31.

⁵ С. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI ст., стр. 306, СПб., 1897.

⁶ Сборн. РИО, т. 93, стр. 20, 31.

⁷ Крымск. обл. ист. арх., ф. Тавр. упр. гос. имущ., св. IV, д. 595, св. V, д. 705, св. IX, д. 1433.

тогда можно продать землю постороннему лицу. В таком случае служащий, отказавшийся купить землю, должен довольствоваться одним денежным жалованьем. Если же землю никто не купит, ее должна взять казна «по справедливой оценке».¹ Таким образом Воейков фактически признал за служащим право продать ранговую землю, в то же время он лишил его преемника возможности получить часть платы за землю и принуждал его покупать ранговую землю за деньги и даже вовсе лишал его этой земли, если он не мог заплатить за нее «по справедливой оценке». Передача губернской канцелярии права установить «справедливую оценку» открывала путь для всевозможных злоупотреблений.

«План» 1764 г. предусматривал возможность наследования ранговой земли сыновьями, имеющими офицерский чин. На деле ранговую землю передавали по наследству не только сыновьям, но и дочерям. Выходя вновь замуж, вдова служащего имела право перевести ранговую землю на своего нового мужа, с таким же расчетом, как переводилась она на сына служащего.² Так же поступали и выходившие замуж дочери умершего служащего. Получали наследство и сестры после брата. Так, жена майора Арапова получила в наследство ранговую дачу своего брата, капитана Корбе.³

Таким образом ранговые земли были все время под угрозой слияния с обычным землевладением. В этом отношении очень интересны наказы офицеров Новороссийских полков депутатам в комиссию 1767 г.: офицеры Желтого и Черного гусарских, Елисаветградского и Донецкого пикинерных полков единогласно просили передать им ранговые земли в собственность.⁴

Подводя итоги, надо сказать, что в течение недолгого существования Новороссийской губернии ранговые дачи прошли очень быстрый процесс превращения из условного землевладения в обычную земельную собственность, которую владелец мог продать, завещать, заложить, словом, распорядиться ею по своему желанию.

Кроме ранговых земель, земли раздавались под слободы и заводы. Земли, населенные полным числом дворов из расчета один двор на 26 или 30 дес., в зависимости от местности, поступали в вечное владение. Не только «План» 1764 г., но и Указ Сената 1767 г.⁵ не ограничивал в этом праве никого. Мы видели, однако, что очень скоро это право было предоставлено одним дворянам.

«План» предусматривал отвод земли под заселение не более чем на 48 дворов, т. е. 1248 или 1440 десятин, но чаще всего отводили половинную норму — на 24 двора. Сохранились подробные ведомости о землях, розданных в течение 1764—1773 гг., которые дают довольно полную картину раздачи земельных дач в Елисаветградской провинции.⁶

Земли отводили под условием заселения их. Все помещики обязаны были представлять ведомости о ходе заселения. В 1769 г. Новороссийская канцелярия приказала провинциальным канцеляриям представить сведения о том, сколько земли отведено помещикам, на какой срок, сколько дворов они обязаны были заселить и сколько заселили, откуда пришли крестьяне — из-за границы или из Малороссии, сколько остав-

¹ Одесск. гос. ист. муз., Собр. б. Одесск. об-ва ист. и древн., № II-30-64, лл. 191—195.

² Крымск. обл. ист. арх., ф. Тавр. упр. гос. имущ., св. IV, д. 494.

³ Там же, св. V, д. 759.

⁴ Сб. РИО, т. 93, стр. 21, 28, 31, 62.

⁵ ДОИА, ф. Новор. губ. канц., св. 67, д. 1511.

⁶ Там же, св. 73, д. 1621. Крымск. обл. ист. арх., ф. Тавр. упр. гос. имущ., св. IV, д. 480.

ся незаселенной земли, и почему она не заселена. Ответом на это явилась ведомость 1769 г.¹

Мы уже знаем, что Воейков предложил с помещиков, не заселивших взятых ими земель в течение более 3 лет, взыскивать плату за все время, включая и льготные годы; по миновании второго трехлетия отбирать земли в казну. Таких случаев было не мало — заселить землю при тогдашних условиях было трудно. В ведомости о заселении земель в Екатеринбургской провинции указаны причины, препятствовавшие заселению: помещик Булгаков, например, писал, что мог заселить вместо 16 только 7 дворов, так как остальных подданных увели в свои дачи запорожцы, а часть погибла от заразных болезней. Поп Иван Ковалевский заселил 9 дворов вместо 16, так как мешали запорожцы; секунд-майор Логачев с капитаном Букреевым из 43 дворов заселили 19 — остальные разбежались после нападения разбойников, а те, которые остались, «живут в страхе»; полковник Мочобелов и полковница Денисова не могли заселить своих дворов, так как запорожцы разогнали людей. Всем этим помещикам губернская канцелярия продлила срок, но у других — князя Баратова и Еропкина — отобрала земли «за неспособностью владельцев».

Не лучше обстояло дело в правобережной части губернии. Там также страдали от набегов запорожцев и польской шляхты. Характерна история поручика Ружича, на которого нападали несколько раз шляхтич Хайновский² и разорял его хозяйство. Хайновский стоял во главе банды в 200 человек.

Невзирая на все препятствия, колонизация быстро подвигалась вперед, особенно в Елисаветградской провинции, где наблюдался постоянный приток людей из Правобережной Украины; поселенцы эти оседали как в государственных, так и в частновладельческих слободах.

За время с 1764 по 1774 гг. в Елисаветградской провинции было роздано под слободы, заводы, сады и леса 288 дач. Под дачею я разумею участок земли, отведенный одному лицу или слободе. В случаях, когда одно и то же лицо получало две или три дачи в разных полках или в разные годы в одном и том же полку, я считаю их отдельными дачами. Ниже приводится сводная ведомость о дачах, розданных в Елисаветградской провинции за указанные годы (см. табл. 1).

Из таблицы видно, что раздача земель проходила неравномерно в разных полках. Больше всего земель было роздано в Черном гусарском полку, а именно 73 дачи с 73.297 дес., или 26,8% всей розданной в провинции земли. В Желтом полку было роздано 81 дача с 59.949 дес., или 22% всей розданной земли; в государственных округах — 45 дач с 68.432 дес. (25%), в Елисаветградском пикинерном полку — 39 дач с 36.270 дес. (13,3%), в округе крепости св. Елисаветы — 41 дача с 23.450 дес. земли (8,6%), в Молдавском гусарском полку — 9 дач с 11.670 дес. земли (4,3%). Всего в провинции было отведено 288 дач с 273.068 дес. земли. Нужно отметить, что распределение по полкам — не точное, так как территория Молдавского полка была выделена позднее из территории Елисаветградского полка.

Интересную картину дает эта ведомость в отношении времени раздачи земли. В первые годы существования Новороссийской губернии число раздач земель из года в год возрастает: в 1764 г. во всей провинции было отведено 12 дач, и в них 12.258 дес. земли, или 4,2% всей розданной земли, в 1765 г. — 18 дач, в 1766 г. — 32 дачи, в

¹ ДОИА, ф. Новороссийской губ. канц., св. 62, д. 1458, лл. 374—377, 396, 405.

² Биб-ка Акад. Наук УССР, Рукоп. отд., дела креп. св. Елисаветы, № 174.

Таблица 1

Раздача земель в Елисаветградской провинции

	1764		1765		1766		1767		1768		1769		1770		1771		1772		Всего		В % кобщ. игогу
	Дач	Десят.	Дач	Десят.																	
Черный гус. полк:																					
под слободы . . .	6	7.758	5	4.366	5	3.904	18	14.138	3	804	8	9.360	7	3.832	8	8.624	6	6.983	66	59.769	81.6
под заводы . . .	—	—	2	3.669	1	2.240	1	2.725	1	2.725	1	2.725	1	900	1	1.269	—	—	7	13.528	18.4
Всего . . .	6	7.758	7	4.366	7	7.573	19	16.378	4	3.529	9	12.085	8	4.732	9	9.893	6	6.983	73	73.297	100.0
Желтый гус. полк:																					
под слободы . . .	—	—	8	8.968	7	3.737	13	7.746	20	13.911	2	2.080	6	1.936	7	6.244	5	6.000	68	50.622	84.5
под заводы . . .	—	—	—	—	—	—	4	2.755	8	5.500	1	1.072	—	—	—	—	—	—	13	9.327	15.5
Всего . . .	—	—	8	8.968	7	3.737	17	10.501	28	19.411	3	3.152	6	1.936	7	6.244	5	6.000	81	50.949	100.0
Молдавский гус. полк:																					
под слободы . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	5.040	4	4.630	8	9.670	82.9
под заводы . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2.000	—	—	1	2.000	17.1
Всего . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	7.040	4	4.630	9	11.670	100.0
Елисаветградский пикни.																					
под слободы . . .	—	—	3	4.740	1	60	12	8.610	1	180	3	2.880	4	4.320	5	3.960	6	5.760	35	30.510	81.1
под заводы . . .	—	—	—	—	—	—	2	2.760	1	2.500	1	500	—	—	—	—	—	—	4	5.760	15.9
Всего . . .	—	—	3	4.740	1	60	14	11.370	2	2.680	4	3.380	4	4.320	5	3.960	6	5.760	39	36.270	100.0
Государственные округа:																					
под слободы . . .	1	3.000	—	—	4	6.125	7	17.700	1	1.500	2	2.340	2	2.880	3	2.490	1	720	21	36.755	53.7
под заводы . . .	—	—	6	8.437	13	17.710	1	1.500	1	1.500	1	600	1	300	1	1.690	1	1.440	24	31.677	46.3
Всего . . .	1	3.000	10	14.562	20	35.410	2	3.000	2	3.000	3	2.940	3	3.180	4	4.180	2	2.160	45	68.432	100.0
Округа креп. св. Елисаветы:																					
под слободы . . .	4	1.380	2	300	7	966	5	1.624	4	3.350	3	1.310	3	2.160	4	4.320	2	2.130	34	18.540	70.1
под заводы . . .	1	120	—	—	2	1.100	—	1.100	—	—	—	—	—	—	—	—	4	3.690	7	4.910	20.9
Всего . . .	5	1.500	2	300	7	966	7	2.724	4	3.350	3	1.310	3	2.160	4	4.320	6	6.820	41	23.450	100.0
Елисаветградская провинция:																					
под слободы . . .	11	12.138	18	18.374	24	14.792	55	49.818	29	19.745	18	17.970	22	15.128	31	30.678	24	27.223	232	205.866	75.4
под заводы . . .	1	120	—	—	8	12.106	22	26.565	11	12.225	4	4.897	2	1.200	3	4.959	5	5.130	56	67.202	24.6
Всего . . .	12	12.258	18	18.374	32	26.898	77	76.383	40	31.970	22	22.867	24	16.328	34	35.637	29	32.353	288	273.068	100.0
% к общему итогу	4.2	4.5	6.3	6.7	11.1	9.9	26.7	28.0	13.9	11.7	7.6	8.4	8.3	6.0	11.8	13.0	10.1	11.8			

1767 г. — уже 77 дач с 76.383 дес. земли, или 26.7% всех розданных земель. Из этих цифр видно, что край стал быстро заселяться. Но начиная с 1768 г. число отводов земель резко уменьшается: в 1768 г. отведено всего 40 дач, а в последующие годы — еще меньше. Очевидно, здесь оказала влияние начавшаяся война с Турцией и Крымом, задевшая очень значительно и Елисаветградскую провинцию. Не следует забывать, что большая часть помещиков этой провинции были офицерами местных полков, которые за время войны были лишены возможности устраивать свои хозяйства.

Таблица показывает также, где преобладали слободы и где — заводы: последних было больше всего в государственных округах — 46.3% всей розданной там земли. Во всей провинции под заводы было роздано 24.7% земли.

О размерах отводившихся под заселение участков можно судить по следующей таблице:

Таблица 2

Наименование местности	1—23 двор.		24—47 двор.		48 двор.		Больше 48 двор.		Всего дач
	дач	%	дач	%	дач	%	дач	%	
Желтый гус. полк	40	49.4	18	22.2	15	18.5	8	9.9	81
Черный гус. полк	18	24.5	30	41.2	18	24.6	7	9.6	73
Елисаветградский пикинерный полк	12	30.8	13	33.3	14	35.9	—	—	39
Округ св. Елисаветы	28	68.3	9	21.9	2	4.9	2	4.9	41
Гос. округа	11	24.4	20	44.4	8	37.8	6	13.4	45
Молдавский гусарский полк	1	11.1	4	44.5	3	33.3	1	11.1	9
Всего	110	38.2	94	32.7	60	20.8	24	8.3	288

Таблица показывает, что больше всего (38.2%) было роздано сравнительно небольших дач, размером от 1 до 23 дворов. Только 8.3% дач имело свыше 48 дворов. Самые мелкие дачи были розданы в округе крепости (68.3%).

Большие участки чаще всего раздавали в Желтом и Черном гусарских полках и в государственных округах.

В таблице 3 указаны фамилии помещиков, получивших наиболее крупные дачи. Следует, однако, оговориться, что таблица далеко не полна и имеет лишь приблизительное значение, поскольку отводимая на одно и то же имя земля могла иногда принадлежать разным лицам (однофамильцам).

Из этой таблицы видно, что некоторые военнослужащие местных полков получали гораздо больше земли, чем это было предусмотрено законом. Большая часть из них в то же время состояла членами администрации. Чертков, например, был комендантом и помощником главного командира, Корф — комендантом, Цветинович — командиром Пандурского полка, Плавецкий — командиром Желтого гусарского полка и членом губернской канцелярии, Бережанский — ее секретарем, Серезлий — полковым командиром и т. д. К этому следует еще прибавить, что помимо земель, полученных под слободы, крупные помещики имели еще земли под заводы. Серезлий, например, получивший 2496 дес. под слободы, имел еще 2240 дес. земли, отведенных ему под заводы. Поручик Пантазий получил 2496 дес. под слободы и 2240 дес. под заводы; полковник Одобаш — 1440 дес. под слободы и 3200 дес. под заводы и т. д.

Таблица 3

Фамилия	Дворов	Десятин	Где
1. Рашкович, сек.-майор	260	7 800	Гос. округа
2. Михайлович, полковник	197	5 122	Черный гус. полк
3. Иванов, капитан	144	3 736	То же
4. Никорица, капитан	144	3 744	То же
5. Плавецкий, сек.-майор	127	3 344	Желтый гус. полк
6. Чертков, бригадир	100	3 000	Елис. пикин. полк
7. Цветинович, полковник	100	2 600	Желтый гус. полк
8. Увалов, сек.-майор	100	2 600	Черный гус. полк
9. Корф, полковник	87	2 610	Округа креп. св. Елисаветы
10. Серезлий, подполковник	96	2 496	Гос. округа
11. Пантазий, капитан	96	2 496	То же
12. Бережанский, капитан	83	2 490	Округа креп. св. Елисаветы
13. Байдак, поручик	72	2 160	Гос. округа
14. Георгиев, поручик	60	1 560	Черный гус. полк

Таким образом, в Елисаветградской провинции образовалась группа лиц, близко связанных с администрацией края, сосредоточивших в своих руках очень крупные земельные дачи. Самовольное увеличение норм при раздаче земель Новороссийской губ. привлекло внимание центральной власти: 25 сентября 1773 г. в Государственном Совете рассматривали очередную жалобу запорожцев на захват их земель Елисаветградской провинцией. По этому поводу один из членов Совета (вероятно Вильбоа) указал, что одна из причин, вызывающих постоянное недовольство казаков, заключается в том, что в Новороссийской губернии помещики скупают дачи, «усиливаются и самостоятельно присоединяют соседние земли». Государственный Совет постановил командировать для расследования на месте доверенное лицо. Дело, однако, закончилось ничем.¹ Скоро (в 1775 г.) норма земельных дач была вообще увеличена и в одни руки стали давать от 1500 до 12.000 дес., так что большие участки перестали кого-либо удивлять.

На основании ведомостей можно получить представление о социальном положении помещиков.

Из таблицы 4 видно, что главную массу помещиков составляли офицеры местных полков средних чинов (69.2%). После офицеров и вахмистров (7.4%) больше всего имеется помещиков разночинцев (5.1%) и купцов (4.4%). Следует тут же отметить, что помещиком «неизвестного чина» был представитель высшего дворянства некий князь Щербатов (инициалы его не указаны).

Национальный состав помещиков установить очень трудно. Мы находим среди них много фамилий иностранных — Чорба, Эрдели, Серезлий, Корочан, Одобаш, Викович, Бузескул, Гредескул и т. д.; такие, казалось бы, русские фамилии, как Юрьев, Иванов и др., могли также принадлежать иностранцам. В 1750 г., например, офицеры Новосербского корпуса подписали коллективное заявление об основании в Новой Сербии Сербской епархии; среди подписавшихся были Константинов, Богданов, Попович, Юрьев и др.² Просмотрев фамилии помещиков Елисаветградской провинции, мы убедились, что большая часть их являлась офицерами Новосербского корпуса и Слободского

¹ Арх. Гос. Совета, I, ч. 2, стр. 218.

² Арх. Арсений (Ивашенков). Софроний Добрашевич — «Киевская старина», 1884 г., X, стр. 300—301.

полка. Все сотники и есаулы — Серенко, Авраменко, Дик, Устинович и другие — получили теперь офицерские чины и вошли в состав дворянства. Небольшая, сравнительно, часть помещиков принадлежала к русскому офицерству, как Корф, Чертков, Увалов. Русскими были также и купцы (Пашутин, Сушили и др.).

Таблица 4

Звание лиц, получивших дачи	Черный гус. полк	Желтый гус. полк	Елис. пикнн. полк	Молд. округ	Гос. округа	Округ креп. св. Елисаветы	Всего	В %
Генералы	—	—	—	—	1	1	2	0.8
Штаб-офицеры	5	4	2	1	1	4	17	6.7
Обер-офицеры	54	44	27	10	21	20	176	69.2
Вахмистры	5	4	5	2	1	1	18	7.4
Лекари	1	1	—	—	1	—	3	1.1
Попы	2	3	1	—	—	—	6	2.3
Купцы	1	3	—	—	—	7	11	4.4
Гражд. чиновники	1	1	—	—	—	—	2	0.8
» без чинов	3	9	1	—	—	—	13	5.1
Иностранцы	2	2	1	—	—	—	5	1.9
Неизв. чина	—	1	—	—	—	—	1	0.3
Всего	74	72	37	13	25	33	254	100

Незначительность процента русских помещиков объясняется теми трудностями, какие ожидали здесь помещика: опасность нападения со стороны запорожцев, татар и поляков, трудность своевременного заселения земли, без чего она не переходила в собственность, общая неосвоенность края и т. д.

В Екатерининской провинции дело обстояло иначе. Тут были земли бывшей Славянсербии, Полтавского полка, Воронежской губернии. Все они были заселены на различных основаниях и пользовались разными правами: тогда как в одних местах раздавали земли на основании «Плана» 1764 г., в других жили на основании старой «займанщины». Не удивительно, что состав помещиков был здесь более разнообразный.

Хорошо отражали быт Екатерининской провинции наказания офицеров разных полков депутатам в комиссию 1767 г. Они особенно интересны по сравнению с наказаниями офицеров Елисаветградской провинции. Вопрос о ранговых землях в Екатерининской провинции имел второстепенное значение, тогда как в Елисаветградской он являлся основным. В наказаниях Екатерининской провинции только офицеры Донецкого пикинерного полка говорят об обращении ранговых земель в собственные. Главное, что занимает остальных, — это стремление удержать в своих руках огромные земельные пространства, которыми они завладели еще пребывая в положении «Малороссийской старшины». Шляхетство Донецкого пикинерного полка жаловалось, что местечки, которыми «издревле» владела старшина по купчим, отбирают у них под поселения государственных крестьян и однодворцев на том основании, что куплены они после указа 1739 г. о запрещении покупать казачьи грунты. Грузины, получившие большие наделы в Полтавском полку и перешедшие со своими землями в Новороссийскую губернию в Донецкий и

Днепровский полки, просили, чтобы у них не отбирали этих земель, на которых Екатерининская провинциальная канцелярия хотела поселить однодворцев.¹

О том, какие огромные земельные богатства сосредоточивались в руках помещиков Екатерининской провинции, говорят такие цифры: у генерала фон-Штефельна в Донецком полку было свыше 80 000 десятин, обозный Руновский имел 63 000 дес., генеральный обозный Кочубей — 5300 дес., бунчуковый товарищ Зайковский — 3800 дес.² и т. д.

В Бахмутском уезде состав помещиков был несколько иной: там, кроме бывшего Слободского полка, оказалась и часть Славяносербии, где главное ядро земельных владений составляли ранговые дачи и земли, купленные у казны по 50 коп. за десятину. В виду опасности со стороны крымских татар, помещики просили вместо этих земель отвести им другие, более отдаленные от границы, по 25 четвертей «на души крепостные и малороссийские». Офицеры Бахмутского полка просили также об отводе вместо ранговых земель по 48 дворов в собственность.

Что касается национального состава помещиков, то, насколько можно судить о нем на основании фамилий, здесь замечается большая разница между югом и севером. На севере преобладают украинские фамилии с небольшим добавлением иностранных имен — Штефельн, Минстер, Циглер и т. д., в Бахмутском уезде преобладают сербские имена — Штерич, Шевич, Юзбаш и др.

Мы уже отмечали, что цифры, приводимые в ведомостях о землях, розданных в Елисаветградской провинции, неточны. Еще менее точны цифры в ведомостях Екатерининской провинции и Бахмутского уезда. Если из приведенных А. А. Скальковским данных о раздаче с 1764 по 1774 г. в Новороссийской губ. 477 дач³ исключить 288 дач, которые по нашим ведомостям приходятся на Елисаветградскую провинцию, то на Екатерининскую провинцию и Бахмутский уезд приходится 189 дач (эта цифра, конечно, только ориентировочная).

Земли под слободы отводили под условием заселения их из расчета один двор на 30 или 26 дес. Как уже говорилось выше, заселение помещичьих земель совершалось двумя путями: посредством вывоза крестьян из-за границы и «самотеком». Для вывоза крестьян пользовались старым обычаем, обращаясь к осадчим, которые за известную плату вызывали и селили людей. Земский комиссар Грачев, например, заселял слободы при помощи осадчего Волкодава.⁴ Премиер-майор Синельников извещал Новороссийскую губернскую канцелярию, что он заселил 20 дворов возле Медвежьевой балки, на р. Берестовой, в округе Парасковеевской крепости, выведенными из-за границы людьми.⁵ Таких фактов имеется очень много.

Заселение «охочими» людьми шло все время. Не в интересах помещиков было спрашивать приходящих, откуда они идут — из Польши или из России. Они принимали всех желающих, не запугивая тяжелой панциной, а, наоборот, завлекая обещаниями легкой жизни. Люди приходили из Правобережной Украины, из Левобережной, из Великороссии, из Запорожья. Сохранилась интересная инструкция помещика Бахмутского уезда секунд-майора Штерича управляющему его имением поручику Албанскому.⁶ В ней Штерич, уезжая на войну за границу, по-

¹ Сборн. РИО, т. 93, стр. 36—37, 43—48, 57—60.

² ДОИА, ф. Новор. губ. канц., св. 62, д. 1458, лл. 309—316.

³ А. Скальковский. Хронолог. обзор., I, стр. 96. На этих дачах было основано 399 сел и поселено 66 480 душ об. п.

⁴ Выб-ка Акад. Наук УССР, Рукоп. отд., дела креп. св. Елисаветы, № 74.

⁵ Крымск. обл. ист. арх., ф. Тавр. упр. гос. имущ., св. IV, д. 561.

⁶ ДОИА, ф. Новор. губ. канц., св. 92, д. 2293.

ручал Албанскому заселение его слобод — Белой, Штеричанки, Ивановки, Новоселовки и управление ими. По инструкции, Албанский должен был принимать людей с паспортами, кроме тех, которые будут переселяться из Запорожья. За новых поселян помещик обещал Албанскому награду по 2 р. за двор. Но беглецов из помещичьих имений Штерич запрещал принимать, боясь осложнений, особенно на первых порах. Из инструкции видно, что выходцы из Запорожья населили целую слободу Павловскую; Штерич предписал Албанскому перевести их в другие слободы. При переводе Штерич приказал построить на дороге заезжие дворы и поселить при них по четыре двора крестьян-переселенцев из Запорожья. Албанский должен был также заранее приготовить хаты для переселенцев, которых Штерич собирался привезти из-за границы.

Штерич дает подробные указания Албанскому относительно ведения сельского хозяйства: сколько нужно засеять и вспахать земли силами «мужиков» и сколько собственными плугами; землю засевали овсом, ячменем, пшеницей, гречихой, чечевичей, фасолью и просом. Все это должно было быть убрано крестьянами, они же обязаны были посеять озимую рожь. Штерич придавал большое значение вспомогательным статьям в сельском хозяйстве. Албанский должен был наблюдать, чтобы винницы хорошо работали; возможно, что в этом помещик видел один из способов прикрепить крестьян и увеличить их экономическую зависимость. Штерич приказывал скупать мельницы, если крестьяне заводили их, а также строить новые. Всеми способами стремился Штерич увеличить доходность имения. Он приказывает построить 150 ульев, привить в саду фруктовые деревья, посадить вишню, сливу. В заключение он предписывает поставить в каждой слободе церковь и возле нее построить школу. Так рисуется по этой инструкции помещичье хозяйство в далеком углу Бахмутского уезда.¹

На отношения между помещиками и крестьянами проливает свет запрос Новороссийской губернской канцелярии Воейкову относительно того, как бороться с бегством крестьян. Из «малороссиян-подданных, — писала канцелярия, — работают на владельца у некоторых в неделю два, у других один день, и так у первых почитая себе за огорчение, а у последних за облегчение, по своему простолюдству побег начинают к последним, а через то никогда они спокойно проживать в одном месте не могут; да и ревизии о числе людей сведений верных иметь не можно». Воейков на это ответил так: «уравнения делать не для чего, а должны помещики сами стараться подданных своих не отягощать работой, чем и переходы сами собой прекратятся, а когда от которого помещика будут отягощены, то вольно им от иного по команде просить, и по тому исследовав, если найдутся действительные изнеможения, в первый раз помещику подтверждать об отмене оных, а в другой раз отобрав переводить по желаниям в другие селения, беглых же и без письменных видов повелеть нигде не принимать, а отсылать под присмотром обратно».²

Таким образом из запроса Новороссийской губернской канцелярии выясняется, что барщина здесь составляла в то время 1—2 дня в неделю, т. е. меньше, чем в остальной России. Это вполне понятно: земли было много, а рабочей силы мало, и помещик был заинтересован

¹ Сын этого Штерича Петр был первым помещиком, который стал разыскивать и разрабатывать в одной из упомянутых слобод каменный уголь. См. Н. Полонская-Василенко. Матриали до історії гірничої промисловості Донбасу — Нариси з соц. екон. історії України, I, стр. 221.

² Одесск. ист. музей, Собр. б. Одесск. об-ва ист. и древн., № II-30-64, лл. 191—195.

не только в том, чтобы получить эту рабочую силу и удержать ее, но и в том, чтобы сохранить отведенную ему землю, так как каждый ушедший от него крестьянин уносил с собой право на 26—30 дес. земли. В ответной резолюции Воейкова интересна мысль поставить отношения между помещиками и крестьянами под контроль губернской канцелярии: последняя, сплошь состоявшая из помещиков, должна была рассматривать жалобы крестьян на помещиков и защищать их от притеснений. Из этой затеи ничего не вышло, а между тем недовольные крестьяне продолжали массами уходить на новые места.

IV. ЗАСЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛОБОД

Государственные слободы и военные поселения полков занимали в Новороссийской губернии большее место, чем помещичьи слободы. Из ведомости 1772 г. видно, что помещичьих крестьян было только 17.6% населения губернии, тогда как государственные и военные поселения составляли 70.4% (население государственных слобод — 20.8%, военнослужащие и их семейства — 35.9%, однодворцы — 13.7%).

Главным источником заселения слобод «План» считал вызов украинских и русских людей из-за границы. Для этой цели администрация губернии обычно прибегала к помощи осадчих, которые брали на себя обязательство заселить слободу в течение трех лет. Землю отводили на имя самого осадчего, и таким образом губернская канцелярия имела дело только с одним лицом. В делах часто встречаются указания, что 3000 десятин земли, например, отведены «раскольнику Антонову с товарищами», или «Старикову с товарищами». В осадчие шли люди самых разнообразных профессий: тут были «жители» слобод, например, «житель» Бондырев «осадил» в 1765 г. слободу Золотаревку в Черном гусарском полку, «житель» Шуригин «осадил» слободу Никольскую в Желтом гусарском полку. Раскольники Стариков, Антонов, Белугин «осаживают» старообрядческие слободы. В этих случаях осадчими являются лица одного социального положения с поселяемыми людьми. Встречаются запорожцы: Трохим Челевань и Грицко Старенко получили в 1765 г. в Желтом гусарском полку 3000 дес. земли, чтобы поселить там людей, выведенных ими из Правобережной Украины.¹ В 1772 г. осадчий, запорожский войсковой старшина Чигиринец, поселил на р. Волчьей людей, вышедших из-под Чигирина.² В то же время среди осадчих встречались иностранцы: например, слободу Веселый Кут «осадил» осадчий Раки Баржиний;³ известен осадчий шляхтич Кричинский.⁴

Кроме осадчих, которые заселяли целые слободы и за это получали обычно в награду землю, были также «вызыватели»; они ездили за границу и приводили оттуда людей, которых сдавали начальству и получали за каждого установленную «Планом» плату, а за большое число людей — офицерский чин. Среди «вызывателей» крупного масштаба были офицеры — майор Алымов, князь Баратов.⁵ Майор Петр Чорба вывел в 1773 г. 152 семьи,⁶ поручик Шмит в 1774 г. вывел 150 чел.⁷ В том же году прапорщик Ставроени вывел 138 строевых гусар;⁸ в 1769 г. квартирмейстер Патрин вывел 250 семей, из которых

¹ Биб-ка Акад. Наук УССР, Рукоп. отд., дела креп. св. Елисаветы, № 121.

² Материалы для ист.-стат. описания Екат. епархии I, стр. 288.

³ Биб-ка Акад. Наук УССР, Рукоп. отд., дела креп. св. Елисаветы, № 126.

⁴ ДОИА, ф. Новор. губ. канц., св. 62, д. 1458, лл. 378, 395; св. 73, д. 1621.

⁵ А. Скальковский. Хрон. обозр., I, стр. 74.

⁶ ДОИА, ф. Новор. губ. канц., св. 91, д. 2232.

⁷ Там же, св. 92, д. 2292.

⁸ Там же, св. 94, д. 2371.

178 чел. поступили в Черный гусарский полк.¹ Грек Комбурлей получил чин капитана за вывод им 125 гусар и 50 членов их семей.² Некоторые вербовщики заработали таким путем большие деньги.

Случалось, что «вызыватели» перехватывали друг у друга добычу: в 1765 г., например, осадчий Иваницкий жаловался, что поручик Марьянович перехватил у него выведенных им из-за границы цыган и хотел увести их в свою слободу Глинскую.³

Несмотря на усердие осадчих и «вызывателей», несмотря на большие суммы, которые тратило царское правительство на оплату «вызывателей», все же больше значения для заселения края имела вольная колонизация — поселение беглых людей, которые стекались в Новороссийскую губернию со всех сторон. Главным образом сюда шли беглецы из Левобережной Украины и Великодержавии; они направлялись сначала в Правобережную Украину, а оттуда, уже легально, на основании манифестов, переходили границу и получали на форпостах «билеты», с которыми поселялись в слободах.⁴

Конечно, не легко установить, откуда точно шла главная волна переселенцев, но несомненно, главной артерией служила Правобережная Украина, где в один мощный поток соединялись беглецы из панских маетков и из дворянской крепостной России. Переселенцы приходили отдельными группами и в одиночку. Переходя границу, беглецы из Великодержавии и Левобережной Украины часто меняли свои имена и фамилии, посторонние люди назывались братьями, отцами, сыновьями, близкие родичи назывались посторонними людьми, чтобы затруднить впоследствии попытки установить их прошлое. Интересны показания жителей форпоста крепости св. Елисаветы — Лоскутова и Егорова; они были крестьяне дворцовой вотчины Брянского уезда, потом стали крепостными графа Апраксина, затем были проданы им на Полотняный завод Гончарова; отсюда они, не выдержав жестокой эксплуатации, бежали на Правобережную Украину, а оттуда через несколько лет переселились в Елисаветград.⁵

Бегство из Правобережной Украины особенно усилилось во время Коливищины: кроме отдельных переселений, известен переход большой группы — 62 казаков с атаманом Сухино во главе.⁶

Среди выходцев из Правобережной Украины было много старообрядцев великороссийского происхождения. Переселение старообрядцев особенно усилилось после указов 1764 и 1765 гг., разрешавших им сохранять тут свою веру. Старообрядцам давались большие льготы, в том числе освобождение от обязательной службы в армии. Сразу же после предоставления этих льгот в Новороссийскую губернию перешло 2370 д. об. п. старообрядцев из Правобережной Украины.⁷ Во время войны с Турцией в 1769—1774 гг. переселилось в Новороссийскую губернию много старообрядцев из Бессарабии: Румянцов прислал сразу 1242 семьи старообрядцев, которые поселились частью в старых слободах, частью же основали новые.⁸ В это же время увеличились старообрядческие общины в Крюкове и Елисаветграде. В 1773 г. на форштадте крепости св. Елисаветы и в Кременчуге жило 12 670 старообрядцев, составлявших главную часть населения Елисаветграда.

¹ ДОИА, ф. Новор. губ. канц., св. 91, д. 2214.

² Там же, св. 94, д. 2400.

³ Биб-ка Акад. Наук УССР, Рукоп. отд., дела креп. св. Елисаветы, № 126.

⁴ Киевск. центр. арх. древн. актов (КЦАДА), ф. Киевск. губ. канц., д. 9473.

⁵ Биб-ка Акад. Наук УССР, Рукоп. отд., дела креп. св. Елисаветы, № 69.

⁶ Н. Костомаров. Материалы для истории коливищины — «Киевская старина», 1882, III, стр. 319.

⁷ А. Скальковский. Хрон. обзор., стр. 74.

⁸ Там же, стр. 89.

Таблица 5 дает представление о заселении старообрядческих слобод.¹

Акад. Гильденштедт во время своего путешествия обратил особое внимание на старообрядческие слободы. Он отметил, что у старообрядцев, сохранивших великорусские обычаи, постепенно появлялись разные нововведения: соху заменяли плугом, стали употреблять в работу волов, строить дымовые трубы. Они разводили сады, огороды, сеяли лен. Многие из них занимались ремеслами и приписывались к купечеству.² Селились старообрядцы почти исключительно в Елисаветградской провинции; в Екатеринославской провинции и в Бахмутском уезде их было очень мало.³

Другим постоянным источником, питавшим Новороссийскую губернию переселенцами, особенно Екатерининскую провинцию, были Левобережная Украина и Слобожанщина. В 1765 г. Сенат, по прошению Мельгунова, разрешил свободно переселяться в Екатерининскую провинцию всем крестьянам, которые состояли за «малороссийскими» владельцами менее 10 лет, «яко по статуту... таковые свобода переходить всюду имеют, так и тех, кои из казаков, их свойственников и подпомощников, укрываясь от службы, живут за владельцами, не принадлежащими плательцу за содержание слободских полков, всех оставить и отдать в Екатерининскую провинцию со всем их собственным имуществом, не допуская владельцев оное у них незаконно отбирать». Прослужившие у помещиков свыше 10 лет были лишены этого права перехода, но тех из них, кто успел перейти, назад не возвращали.⁴

Указ этот очень важен, поскольку он дает возможность установить, кто из русских подданных мог законно переселяться в Екатерининскую провинцию; в то же время указ подтверждает воспрещение принимать в Новороссийской губ. кого-либо, кроме выходцев из-за границы.

Были и массовые переселения крестьян в Новороссийскую губернию из разных мест Левобережной Украины: так, в 1768 г. осадчий Проценко перевел людей из-под Глухова и заселил слободу Лозовенку.⁵

Легальными переселениями не ограничивалось, конечно, передвижение населения Левобережной Украины и Слобожанщины в Новороссийскую губернию — более важное значение имело постоянное бегство людей — и посполитых и казаков — на юг. Усиление казацкой старшины, стремление ее сравняться с «благородным российским дворянством»

Таблица 5

Год основания	Название слободы	Число дворов	Десятин земли
1764	Новая Высь	48	1 248
»	Большая Высь	48	1 248
»	Ивановская	200	6 000
»	Плоская	110	2 860
»	Галагановка	96	2 496
»	Злынка	700	21 000
»	Красноярская	700	21 000
»	Клинцы	300	9 000
»	Калиновка	200	6 000
1765	Золотаревка	150	3 900
»	Покровская	100	3 000
1766	Гончарская	48	1 248
»	Калантаевка	130	3 380
»	Зыбкая	500	15 000
1767	Антоновка	124	3 250
»	Юховка	35	920
»	Веселый Кут	62	1 672
»	Тонконоговка	30	700
»	Никольская	66	1 456

¹ ДОИА, ф. Тавр. управ. гос. имущ., св. IV, д. 193.

² I. G ü l d e n s t ä d t. Op. cit., II, pp. 142, 175, 188.

³ ДОИА, ф. Новор. губ. канц., св. 92, д. 2293.

⁴ Сен. архив, XIII, стр. 50—53.

⁵ Материалы для ист.-стат. описания Екат. епархии, I, стр. 248—249.

тяжким бременем ложилось на посполитых. Не довольствуясь эксплуатацией посполитых, старшина стремилась завладеть «грунтами» казаков, которые постепенно оказывались также «подданными» старшины. Ответом на усиление гнета старшины было бегство казаков и посполитых на юг, на Запорожье и в Новороссийскую губернию.¹ Архивы Новороссийской губ. полны жалобами помещиков на укрывательство беглых крестьян в Новороссийской губ. и требованиями возратить их. Администрация губернии, которая стремилась ускорить заселение края и которой ближе всего были интересы местных помещиков, не обращала внимания на то, откуда шли переселенцы. В 1774 г. Слободская губернская канцелярия обратилась к ген.-губернатору Щербинину, а тот к главному командиру Новороссийской губ. Потемкину с промеморией, в которой указывалось на обезлюдение помещичьих имений вследствие бегства крестьян в Новороссийскую губернию. Реальных результатов эта промемория не дала, хотя Потемкин и дал приказ возратить всех беглых крестьян на счет помещиков, принявших их.²

Кроме Левобережной Украины и Слобожанщины, немало народа приходило в Новороссийскую губернию и из Великороссии. Тогда как в Елисаветградской провинции главную массу великорусского населения составляли старообрядцы, в Екатерининской провинции и в Бахмутском уезде основным ядром великорусской колонизации были однодворцы.³ Однодворческие слободы вели свое начало со времени устройства Украинской линии в 30-х годах XVIII в. Постепенно они продвигались далее за линию, на юг.⁴ Однодворцы высоко ценились царским правительством, как военные. В своих известных мемуарах Х. Г. Манштейн писал, что лучшие полки в России набраны из однодворцев.⁵

По подсчету А. А. Скальковского, однодворцам принадлежало 20 слобод по рр. Орели, Маячке, Липняжке, а именно: Петровская, Веревкино, Протопоповка, Меловая, Лозовенская, Михайловская, Шабелинская, Новая Бишкина, Бишинские вершины, Аладиевская, Берецкие вершины, Староохочая, Ленивка, Староверовка, Берестовка, Пещанка, Лебяжинская, Залинейная, Орчиловская, Рязская-Васильевская.⁶ В 1769 г. встречаем сведения только о 16 слободах однодворцев (табл. 6), причем названия не вполне совпадают с данными А. А. Скальковского.

Таблица 6

Однодворческие слободы в 1769 г.⁷

Название слободы	Душ м. п.	Деся- тин	Название слободы	Душ м. п.	Деся- тин
Пещанка Малая	534	5 351	Михайловка	265	8 977
Староверовка	1298	17 483	Шабелкино	736	6 816
Берестовая	457	6 360	Ларовка	296	13 481
Ленивка	479	8 102	Меловая	452	15 765
Староохотная	969	11 834	Новообидская	428	3 271
Ефремовка	128	1 660	Петрова	568	8 631
Алексеевка	716	4 752	Веревкино	379	6 070
Берека	1592	12 924	Протопоповка	не ука- зано	11 719

¹ Д. Багалій. Історія слобідської України, Харк., 1918, стр. 105—106.² А. Шиманов. Предсмертная поземельная борьба запорожцев — «Киевская старина», 1883, VII, стр. 629.³ ДООА, ф. Новор. губ. канц., св. 92, д. 2293.⁴ Д. Багалей. Очерки по истории колонизации степной окраины Моск. госуд., стр. 312, 318—322, М., 1888.⁵ Х. Манштейн. Записки о России, изд. 1875, г., стр. 67—68.⁶ А. Скальковский. Хрон. обзор., I, стр. 92.⁷ ДООА, ф. Новор. губ. канц., св. 62, д. 1458, лл. 309—316.

Из этой таблицы видно, что положение однодворческих слобод было не одинаково: некоторые слободы были лучше обеспечены землею, другие хуже. В Ларовке, например, на душу мужского пола приходилось по 45.5 дес., в Меловой по 34 дес., в то время как в Новообидской приходилось по 7.6 дес., а в Алексеевке только по 6.6 дес.

Акад. Гильденштедт указывал, что число однодворцев в Новороссийской губ. возрастало благодаря переселениям из Слободской и Воронежской губерний. Он описывал однодворческие слободы по рр. Торцу, Айдару, Жеребцу. По его словам, однодворцы большею частью не смешивались с украинским населением, но кое-что заимствовали от них: заменили соху плугом, работали на волах вместо лошадей, строили дома с дымовыми трубами и т. д. В отношении приемов ведения хозяйств Гильденштедт ставил однодворцев выше украинцев. Слободы их были обсажены ивами, тополями и имели приветливый вид, но фруктовых садов у них было мало.¹

Великорусское население в Екатерининской провинции и в Бахмутском уезде не ограничивалось однодворцами. Здесь было много великорусских крестьян, вышедших из разных уездов. В 1772 г. была заселена слобода Фащовка выходцами из Севской провинции. В 1774 г. в ней было 365 душ м. п. и 343 души ж. п. В 1772 г. другая партия севских переселенцев из разных сел основала слободу Чернуху на р. Чернухе и в Поповом яру; в том же году здесь было 313 д. м. п. и 291 д. ж. п. В 1772 г. крестьяне Орловской и Курской губерний были поселены около Шелкового протока на р. Лугани. В 1772 г. здесь было 380 д. м. п. и 367 д. ж. п.² В 1774 г. началось переселение «собственных е. и. в. дворцовых крестьян» из Севской провинции в государственную слободу Великую, а также Малую Екатерининку, Петропавловку и Уткуню Бахмутского уезда.³ В 1770 г. стали селить отставных солдат-великороссов на самой границе «запорожских вольностей» на рр. Жеребцу и Конской.⁴ Таким образом приток великорусского населения не прекращался все время. Еще значительней он был в городах.

Нужно отметить еще одну очень существенную струю в заселении Новороссийской губ.: это постоянный приток поселенцев из Запорожья. Тут можно констатировать два противоположных потока — один из Новороссийской губ. в Запорожье, другой — из Запорожья в Новороссийскую губ.

В приведенной выше инструкции Мельгунова полковнику Шабельскому указывается, чтобы тот принимал украинцев, запорожцев и чужеземцев в пикинерные полки и платил бы украинцам и запорожцам по 12 руб.⁵ Запорожцы не раз жаловались на то, что население из «запорожских вольностей» бежит в новороссийские слободы. В связи с этим особое недовольство запорожцев вызвало основание Днепровской линии. Судья Тимофеев писал Калнышевскому, что по Днепровской линии селятся запорожские казаки, и это, по его словам, создает большую опасность для войска. Переходили из Запорожья и посполитые, спасаясь от повинностей, которые войско налагало на своих подданных.⁶ В связи с жалобами запорожцев (дело происходило во время турецкой войны, когда с настроением запорожцев считались),

¹ Дневник путешествия акад. Гильденштедта по Слободской губ. Под ред. Д. Багалея — «Харьк. сборн.», 1891, стр. 16—19, 59—70.

² Материалы для ист.-стат. описания Екат. епархии, II, стр. 99—101, 103—104, 124.

³ ДОИА, ф. Новор. губ. канц., св. 92, д. 2293.

⁴ В. Ден. Население России по 4-й ревизии, II, стр. 74.

⁵ Н. Терновский. Указ. соч., стр. 6—7.

⁶ Я. Новяцкий. История гор. Александровска, стр. 17.

командующий армией кн. Долгорукий в 1711 г. обратился к Новороссийской губернской канцелярии с требованием вернуть в Запорожье всех его подданных, укрывавшихся в Новороссийской губернии. Губернская канцелярия отвечала, что никто из запорожских казаков в губернии не укрывается, но много казаков переженилось и записалось в пикинеры в течение 1768—1770 гг.¹ Таких фактов можно привести немало. Наиболее ярко они представлены в «ведомости», составленной в 1765 г. в канцелярии Елисаветградской провинции. В ней указано, что за год в провинцию пришло «польских и российских малороссиян», жительствовавших в Запорожье, 2311 мужчин и 1882 женщины, всего 4193 д. об. пола, или 40% всех людей, пришедших в этом году в Елисаветградскую провинцию. Запорожские подданные шли не только в государственные слободы, но и к помещикам: в инструкции Штеррича Албанскому говорится, что они являются наиболее желательным населением.²

На первый взгляд может показаться странным, что люди бегут из Запорожья, которое столько времени считалось «страной обетованной» для всех обездоленных на родине, — из Запорожья, где, по утверждению буржуазных историков, господствовало братство и равенство. Фактически же в Запорожье второй половины XVIII в. ничто не напоминало о «равенстве и братстве». Запорожская старшина все больше богатели за счет посольства, превращаясь в крупных помещиков. Рядовые казаки и посполитые страдали и от гнета нарождающихся помещиков и от все возрастающих повинностей в пользу войска, отбывавшихся в форме натуральных и денежных налогов, не говоря уже о постоях, подводах и о военной службе. Налоги были настолько тяжелы, что нередко население отказывалось платить их, и администрация применяла репрессии.³ Именно в эти годы в Запорожье вспыхивали «бунты» против старшины, и население искало случая бежать из «вольностей». А тут же, через границу, лежала Новороссийская губерния, куда завлекали людей, где платили даже деньги каждому, кто запишется в полк, а в помещичьих экономиях соблазняли разными льготами, лишь бы поселился человек.

Заселение Новороссийской губернии, в незначительной правда степени, шло также и за счет иностранной колонизации. Время основания губернии — 1764 год — совпало с временем, когда правительство особенно интенсивно стремилось привлекать иностранных колонистов. В этом году во все пограничные места были разосланы предложения канцелярии опекунства иностранных: «выходящих из-за границы» и желающих в Новороссийскую губернию в службу и на поселение всяких наций и законов людей, не спрашивая о законе и нациях и не требуя паспортов, в оную Новороссийскую губернию пропускать без задержки.⁴ В то же время Мельгунов разослал за границу «вызывателей» привлекать и переселять сюда купцов из Пруссии, Померании, Бранденбурга и т. д.

В 1765 г. началась особенно оживленная деятельность «вызывателей»: были командированы за границу полковник Филиппович, его помощник Мирюлюб, майор Бошкович, поручики Роте, Стефанов, Чечулин, Ратмет, Николаев, Федоров и др.⁵ Вызывали валахов, болгар, греков, сербов, пруссаков, «цесерских подданных». ⁶ Все новые коло-

¹ ДОИА, ф. Новор. губ. канц., св. 84, д. 1958.

² ДОИА, ф. Новор. губ. канц., св. 62, д. 1464, л. 17.

³ Д. Эварницкий. История запорожского казачества, I, стр. 501, 506.

⁴ КЦАДА, ф. Киевск. губ. канц., д. 6321.

⁵ Там же, д. 1637; 5202, лл. 1, 281, 187; д. 6397, лл. 1—2; д. 7411.

⁶ Там же, д. 6397, лл. 17, 125, 37, 57, 21, 217, 231.

нисты сначала поселялись в Киеве, на Подоле, и уже оттуда их распределяли по разным губерниям, в том числе в Новороссийскую.¹

В 1767 г. был прекращен вызов иностранцев в массовом масштабе, и канцелярия опекунства была закрыта.² Приезд иностранцев, конечно, не прекращался, но приобрел характер индивидуальных переселений или являлся результатом деятельности отдельных «вербовщиков», действовавших на свой личный страх и ответственность.

Результаты массового вызова иностранцев были ничтожны для Новороссийской губ.: большая часть иностранцев направлялась в Саратовскую, Петербургскую, Черниговскую губ., а в Новороссийскую попадали только отдельные лица.³ Большее значение имела колонизация, не связанная с деятельностью канцелярии опекунства.

Из отдельных народностей, селившихся в Новороссийской губернии, нужно назвать греков, болгар и молдаван. Греки жили в Елисаветграде, где начали селиться с момента основания крепости и со временем приобрели здесь большой вес. Тут были выходцы из Македонии, Константинополя, Цесарии, Крыма, были также греки из Нежина. В конце 50-х гг. в Елисаветграде было около 50 греков, а в конце столетия число их достигло 100 чел. Часть греков ремесленничала, но большая часть занималась торговлей, отправляясь по торговым делам в Великороссию, в Левобережную Украину, Молдавию. В 1764 г. греки просили дать им жалованную грамоту по образцу Нежинской, которая гарантировала бы им право самоуправления, суда и независимость от местного магистрата. В 1765 г. греки получили такую грамоту и на основании ее образовали «купеческую управу». В 1764 г. греческая община получила право построить свою церковь, где служба шла на греческом языке.⁴

Довольно значительное место среди населения края принадлежало болгарам. Кроме отдельных групп и лиц, переходивших границу, было несколько значительных по численности переселений болгар. Так, в 1773 г. 400 семейств болгар из-под Силистрии, из Рушук, Видина, Добруджи заявили Румянцову о желании переселиться в Россию.⁵ Румянцов поручил майору Штеричу организовать это переселение, и Штерич перевел болгар в Елисаветградскую провинцию, где они были поселены в Аджамке, Дмитровке, Диковке, а в 1774 г. часть их была переведена на р. Синюху в Ольшанку.

В архивах сохранились сведения о приходе под начальством Штерича большой партии болгар с Дуная, но неясно, та ли это партия, о которой мы только что говорили, или другая. В документе указывается, что Штерич привел около 200 болгарских семейств общей численностью свыше 1000 чел. об. п. Они ехали на 320 возах, гнали 1115 голов разного скота, везли много имущества. Штерич хотел препроводить их в Бахмутский уезд, но во время остановки в Семлецком карантине местный купец Манойло Попович убедил их не ехать в Бахмутский уезд, и болгары заявили о своем желании остаться в Елисаветградской провинции. Штерич подал жалобу в губернскую канцелярию, указав, что вывел болгар на свой счет, нанимал людей для перевозки их через Дунай и лишился из-за них «всего своего имения». Однако губернская канцелярия признала за болгарями право выбрать

¹ КЦАДА, ф. Киевск. губ. канц., д. 5202, лл. 110, 155.

² Там же, д. 6397, лл. 1—2.

³ А. Клаус. Указ. соч., II, прилож., отр. 9—42.

⁴ В. Ястребов. Греки в Елисаветграде — «Киевская старина», 1884, VIII, стр. 639—683.

⁵ В. Лобачевский. Бугское казачество — «Киевская старина», 1887, XIX, стр. 595.

себе место жительства. Болгары остались недовольны жизнью в Елисаветградской провинции и в 1774 г. подали прошение Воейкову о разрешении уехать в Молдавию. Воейков разрешения не дал, и болгары были расселены в Желтом, Черном и Елисаветградском полках. Мнюгие из них однако бежали за границу.¹

В 1760—70-х годах в Новороссийскую губернию перешло много молдаван и валахов. В 1765 г. Яссы и Фокшаны обезлюдели, а Бузулукский монастырь полностью переселился в Новороссийскую губернию.

Движение молдаван и валахов в Новороссийскую губернию усилилось за время войны с Турцией. Служившие в турецких войсках молдаване охотно переходили в Новороссийскую губ.; большой отряд молдаван под начальством Скаржинского получил земли по р. Бугу и положил начало Бугскому полку.² Офицер русской службы полковник Василий Лупул Зверев особенно энергично вызывал своих соотечественников переселяться в Новороссийскую губернию. В 1769 г. он разослал воззвания от имени русского правительства, в которых писал, что Екатерина II назначила его для «приема и конвоирования оного волоцкого народа» и советовал всем переходить из турецкого войска к «православной царнице». Позднее Штерич писал, что в 1769—71 гг. он вывел свыше 30 000 молдаван и валахов и что ими укомплектовали Молдавский полк.³ По сведениям Феодосия Макаревского, Зверев поселил в 1771 г. 1015 чел. в Павловской роте, 2169 чел. в Злынской, 1389 чел. в Виске, 1356 чел. в Лысогорской, 1652 чел. в Терновской, 493 чел. в Добрянской, 869 чел. в Пещанобродской, 48 чел. в Плетеноташлыцкой, 1858 чел. в Грузской, 1856 чел. в Липняжской, 896 чел. в Тишковской, 1925 чел. в Синюхинобродской, всего более 15 000 душ об. пола.

В 1773 г. по вызову прапорщика Станицева из-за границы пришло еще свыше 1000 валахов, которых поселили в границах Молдавского полка.⁴ Далее квартирмейстер Молдавского полка Шмит привел в свой полк 150 молдаван. Часть молдаван поселилась в слободах, опустошенных татарами в 1769 г., — Бешке и Мурзинке.⁵

В 1771 г. Штеричу удалось поселить в Бахмутском уезде партию молдаван и валахов, взятых в плен, всего 3595 душ об. п.; из них 487 чел. вступили в Бахмутский полк. Еще до этого, в 1770 г. молдаване и валахи заселили слободы Ясеневагату, Землянку, Зайцево, Заливы на Кривом Торце, Государев-Байрак на Лугани и несколько слобод на р. Соленой.⁶ Акад. Гильденштедт отмечал, что молдаване и валахи быстро ассимилировались с украинским населением и мало чем отличались от него.⁷

Молдаване, валахи и болгары комплектовали главным образом Молдавский гусарский полк. Поселения его дальше других врезывались в «запорожские вольности» и теснили запорожские хутора и зимовники. Для этого полка отведены были обширные дачи в запорожских землях, и именно здесь особенно обострилась борьба между Новороссийской губернией и запорожцами за земли.

Для полноты картины нужно упомянуть еще о поселенцах-грузинах, не игравших, впрочем, видной роли в заселении Новороссийской губ. Часть земель, занятых грузинами, была присоединена к Новорос-

¹ ДОИА, ф. Новор. губ. канц., св. 84, д. 1932.

² А. Скальковский. Бугские казаки — «Киевская старина», 1882, IV, стр. 598—600.

³ Одесск. ист. музей, Собр. б. Одесск. об-ва ист. и древн., № П-31-65, л. 95; № П-30-64, л. 107; А. Скальковский. Опыт стат. описания, I, стр. 53.

⁴ ДОИА, ф. Новор. губ. канц., св. 91, д. 2269.

⁵ Там же, св. 77, д. 1714; св. 84, д. 1932.

⁶ Материалы для ист.-стат. описания Екат. епархии, II, стр. 38, 39, 43, 65.

⁷ I. G ü l d e n s t ä d t, Op. cit., II, p. 174.

сийской губ. вместе с полосой земли, отрезанной от Полтавского полка. В начале XVIII в. там были поселены грузинские князья и дворяне. Последним было отведено по 10 дворов на душу, но князья получили по 30 дворов. При образовании Екатеринославской провинции они составили особую группу помещиков. Эта часть грузин вошла в Донецкий и Днепровский пикинерные полки.¹ Другая часть грузин, состоявшая из 166 душ об. п., была переселена в 1772 г. из Кафы. Они были поселены сначала возле крепостей Захарьевской и Петровской, но не пожелали тут оставаться и были переведены сперва в Таганрог, а потом в Бахмут. Там часть их вступила в военную службу, а часть расселилась по разным селам.²

У нас нет данных, чтобы установить точное цифровое соотношение между разными национальными группами населения Новороссийской губ. В этом отношении представляет особый интерес помещаемая ниже таблица, составленная на основании рапортов Мельгунова 1764—65 гг. о том, кто именно в это время поселился в Елисаветградской провинции.³

Таблица 7

Национальность	Мужчин	Женщин	Всего	В %
Сербы	40	12	52	} 8.4
Македонцы	17	—	17	
Болгары	14	6	20	
Венгры	14	2	16	
Грузины	1	—	1	
Немцы	10	5	15	
Турки и евреи	14	3	17	
Валахи	462	264	726	} 40.7
«Польские и российские малороссыяне, жительствовавшие в Запорожье»	2 311	1 882	4 193	
Русские:				
«правoverные»	160	84	244	2.4
«раскольники»	2 744	2 246	4 990	48.5
Итого	5 787	4 504	10 291	100

Этот наудачу взятый пример в общем правильно отражает действительную роль различных народностей в деле заселения Новороссийской губ. Конечно, не всякий год было такое точно соотношение различных элементов, — были годы, когда волна иностранных колонистов подымалась выше, но все же никогда число иностранных колонистов не достигало числа русских и украинских поселенцев. Не следует забывать, что данные таблицы относятся к Елисаветградской провинции, где вообще участие иностранцев в заселении края было больше, чем в Екатеринославской и Бахмутской частях губернии.

V. ЗАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ

Число городов в Новороссийской губернии было очень невелико, ничтожны были и размеры городов, мало отличавшихся своим внешним видом от сел. Естественно, что и население городов было незначительное и увеличивалось очень медленно. Мы не имеем данных о численно-

¹ Сборн. РИО, т. 93, стр. 37—46.

² ДОИА, ф. Новор. губ. канц., св. 90, д. 2161.

³ Там же, св. 63, д. 1464, л. 17.

сти городского населения, но косвенно можем судить о нем на основании, правда не вполне надежной, ведомости 1774 г., в которой приведены видимо преуменьшенные цифры. Ведомость была составлена в 1786 г. и имела целью показать рост населения губернии за 12 лет. Все же и по этой ведомости можно приблизительно составить представление о процентном соотношении различных групп населения. Общая численность населения губернии (без военнослужащих, дворянства и духовенства) составляла 107 008 душ м. п., из них купечества и цеховых, составлявших основную массу городского населения, было 2 746 душ м. п., т. е. 2,5%.

Слабое развитие городов стояло в связи с низким уровнем промышленности. Городское население вело жизнь, мало отличавшуюся от жизни слобод; главными источниками существования городского населения были земледелие и скотоводство, а не промышленность и торговля. В этом отношении города Южной Украины не отличались от городов Левобережной Украины. Купечество, как наиболее мощная в экономическом отношении группа городского населения, энергично захватывало земли под конские и овечьи заводы, сады, мельницы и под заселение слобод. Когда Воейков положил конец раздаче земель купцам под слободы, получившие такие земли купцы — Сушили, Красноглазов и другие спешно переписали их под разного рода заводы (конские, овечьи и др.). Это стремление купцов захватить земельные дачи вызвало со стороны дворянства протест, отразившийся в наказах депутатам в Комиссию 1767 г. Так, дворянство Бахмутского уезда жаловалось на захват купцами земель и разных угодий: все лучшие места купцы захватили под мельницы, хутора, хлебопашество и скотоводство. Дворяне просили воспретить купцам владеть землями и заставить их «довольствоваться от своих торгов и промыслов».¹

Очень интересная полемика возникла между депутатом от Елисаветграда купцом Белезлем и депутатом от поселян разных полков Елисаветградской провинции С. Морозом. Белезлий от имени купцов жаловался на то, что купцам не дают земли для скотоводства и что крестьяне и гусары захватывают в свои руки промыслы и торговлю.² На это Мороз отвечал, что земли у купцов достаточно, а если они не имеют ее, то из-за того, что «они ее не просили», — отказа не бывает. Вообще городское население в провинции, по словам Мороза, «едва ли будет всех две тысячи мужского пола». Если лишить гусар и поселян возможности иметь промыслы и торговать, то им нечем будет себя содержать.³ Столь же решительно отвечали депутаты дворянства на протест купцов против того, что офицеры и помещики торгуют.

В «мнении», поданном депутатом Белезлем в Комиссию, он высказал ряд пожеланий, имеющих целью улучшить положение городских жителей и в частности купечества. Он находил нужным учредить по всем городам магистраты и обеспечить их привилегиями; избавить городских жителей от постоянных постоев и поставки подвод и взамен ввести налог по две копейки с души для постройки казарм, содержание почты отнести на счет казны, а за обывательские подводы платить; освободить купечество от внутренних откупов и сборов; отвести земли для пастбы скота; воспретить всем, кроме купечества, «мешаться в торговые дела»; в купечество или гражданство вписывать людей с большой осторожностью, с рекомендациями, а крестьян не принимать, кроме отпущенных на волю; для «мастеров» установить цехи и не разрешать работать тем, кто не имеет цехового свидетельства; передать

¹ Сборн. РИО, т. 93, стр. 75.

² Там же, т. 8, стр. 71—72.

³ Там же, стр. 133—134.

городу городские доходы, чтобы горожане могли содержать школы и богадельни; учредить в губерниях и провинциях банки, из которых выдавать купечеству ссуды; крестьянам разрешить торговать только произведениями их хозяйства, но не перекупными товарами.¹

Функции банка в то время выполняли церкви, ссужавшие деньгам под проценты разных лиц. Сохранились списки лиц, получивших ссуды из Елисаветградской церкви: в 1765 г. ссуду на год получили капитан Кияшка (100 руб.) и купец грек Васильев (140 руб.). В 1766 г. ссуды взяли уже 16 человек, из них не-купцов было только четверо: подполковник Михалча (1000 руб.), премьер-майор Серезлий (600 руб.), вахмистр Баки (200 руб.) и священник Васильев (70 руб.), остальные все купцы. Больше всех взял Степан Пашутин — 4300 руб. и 450 руб., всего 4750 руб.; Фундуклей — 1000 руб., Белезлий, Федор Сенковский и Трофимов — по 500 руб., Николаев, Добрицкий и Крохмаль — по 300 руб., Селин — 200 руб. и Титов — 100 руб. Большая часть из них взяли ссуду на год и только четверо на 6 месяцев.²

В наказах депутатам в Комиссию в 1767 г. от купечества подчеркивалось неудобство для купечества конкуренции со стороны крестьян и дворянства. Надо сказать, что дворянство и офицеры местных полков принимали самое деятельное участие в торговле. Возможно, что и перечисленные суммы были взяты офицерами для торговых оборотов. Офицеры отправляли за границу крупные партии скота, сала и других продуктов. Видное место среди офицеров, занимавшихся торговыми операциями, принадлежало капитану Карачану. Гильденштедт писал, что он выхлопотал право на основание компании для вывоза за границу из Новороссийской губернии скота, воска, меда, шерсти, льна и для ввоза из Польши водки, из Германии шерстяных и шелковых тканей и тонкого полотна.³

Расширение внешней торговли было одной из важнейших задач правительства при реорганизации края. В рескрипте от 8 мая 1764 г. резиденту при Порте Обрезкову Екатерина писала, что «при нынешнем нашем генерал-поручика Мельгунова в Новую Сербию главным командиром определений поручили мы ему прилежно стараться о распространении там коммерции...» В связи с этим он должен был отправить в Константинополь «знающих купцов», «чиновных людей» для установления торговых связей. Вскоре, 8 июля того же года, в рескрипте Обрезкову указывалось, что приедут купцы не только для установления «удобных к произведению коммерции способов», но и для основания купеческих контор в Константинополе, Киликии, Бендерах, Белгороде, Яссах.⁴ Видимо, купеческие конторы не были открыты, но отдельные купцы установили тесные торговые связи с Константинополем. В 1768 г. елисаветградский купец Семен Сенковский, вывозивший русские товары из Елисаветграда в Константинополь через пристань Гаджибей, занял 2170 левков у русского поверенного в делах при Порте Н. И. Левашова, и этот долг перевел на греков мехового цеха в Константинополе.⁵ Возил русские товары в Константинополь и другой Сенковский, Федор.

В мемуаре, поданном Фаунэ Людовику XV о причинах, вызвавших войну России с Турцией, он ставил на одно из первых мест коммерческие причины: «черноморская торговля так же дорога России, как американская Франции, Испании и Англии, с тою разницею, что для Рос-

¹ Сборн. РИО, т. 8, стр. 71—73.

² Биб-ка Акад. Наук, Рукоп. отд., дела креп. св. Елисаветы, № 188.

³ I. G. v. Güldenstädt, Op. cit., II, p. 158.

⁴ Сборн. материалов гл. арх. мин. иностр. дел, III—IV, прилож. 20, стр. LXXVII—LXXVIII.

⁵ Зап. Одесск. Об-ва ист. и древн., XVII, стр. 48.

сии эта торговля есть торговля естественная, лежащая, так сказать, у порога ее. Со времени Петра I, который положил почин взятием Азова, ни он ни его преемники никогда не упускали из виду этого важного предмета». ¹ Однако, начавшаяся в 1769 г. война с Турцией оборвала налаживавшиеся торговые отношения; пришлось временно прекратить их и направить торговлю в ином направлении. ²

Особенно оживленные торговые сношения велись между Новороссийской губернией и Правобережной Украиной, а через нее и с Западной Европой. Ряд фактов указывает на оживленность этого торгового пути. В 1768 г., в связи с нападениями гайдамаков на Палиево-озеро, упоминаются новороссийские купцы Федор Тимец, Тимофей Балашов и Александр Соломенников, ехавшие по торговому делу в Палиево-озеро. ³ В другом документе находим указание, что при разгроме гайдамаками дома смелянского жителя Шмуля оказались чугуны, взятые им у елисаветградского купца Каменева на комиссию. ⁴ Встречается много указаний на вывоз в Правобережную Украину крымской соли; в этой торговле участвовал новороссийский купец Севастьян Бондырев. ⁵

Таможенные ведомости указывают на постоянный торговый обмен между Правобережной Украиной и Новороссийской губернией, главным образом крепостью св. Елисаветы. Особенно часто встречаются указания на Умань, Палиево-озеро, Жорницу, Броды, Бердичев, Тетиево, Белую Церковь и др., как пункты, куда ввозились и откуда вывозились товары. ⁶

Имея целью широкое развитие связей с Турцией, Крымом, Западной Европой, царское правительство стремилось усилить приток торговых людей в Новороссийскую губернию. Кроме объявленных льгот для переселяющихся в Новороссийскую губ., правительство применяло и более решительные меры: в 1770 г. Сенат предписал выслать в крепости Азовскую, Таганрогскую, а также в Новороссийскую губернию для торговли по 46 купцов и по 4 чел. цеховых, с выдачею каждому купцу на подмогу и обзаведение по 150 руб. ⁷

В 1764 г. Екатерина разрешила селиться и торговать в Новороссийской губ. евреям. Вопрос о разрешении евреям жить в России стоял на повестке дня того заседания Сената, когда Екатерина II в первый раз посетила Сенат. В виду «торжественности» этого дня вопрос этот был снят с повестки и отложен до «более удобного времени». Тем временем, не объявляя об этом официально, Екатерина неофициально разрешила вопрос в положительном смысле. В секретном письме ген.-губернатору Лифляндии Броуну она в апреле 1764 г. в туманных выражениях сообщала о том, что евреям разрешается проживать и торговать в Новороссийской губ. «Если вы не поймете меня, то я не буду виновата в этом», — добавляла Екатерина собственноручно. ⁸ В связи с этим разрешением представители еврейского купечества Давид и Лев Бамбергер с товарищами» были зачислены в число купцов Новороссийской губ. 2 мая 1764 г. они заключили контракт на покупку у казны всего имеющегося ревеня, причем поручителем за них выступил главный командир Новороссийской губ. А. П. Мельгунов. ⁹ Однако в ближайшие годы переселения евреев не наблюдалось. Только с 1775 г. в Новороссийскую

¹ Собрн. материалов гл. арх. мин. иностр. дел, III—IV, стр. 167.

² Арх. Гос. Совета, I, кн. 2, стр. 593—594.

³ Н. Костомаров. Указ. ст. — «Киевская старина», 1882, II, стр. 312.

⁴ Собр. докум. Н. Д. Полонской-Василенко.

⁵ ПСЗ, 1766, № 12769, 27 октября.

⁶ Биб-ка Акад. Наук УССР, Рукоп. отд., дела креп. св. Елисаветы, №№ 153, 154, 156.

⁷ ПСЗ, 1770, № 13513, 25 сентября.

⁸ Ю. Гессен. Закон и жизнь, стр. 16—17, СПб., 1911.

⁹ Сен. архив. XIV, стр. 247.

губернию устремляется, главным образом из Литвы, довольно большое число еврейских переселенцев, которые расселились в Елисаветградской провинции.¹

В рассматриваемый период главную массу купцов Новороссийской губернии составляли великороссы и украинцы. Это видно из приведенной ниже таблицы, составленной на основании данных А. А. Скальковского за 1773 год.²

Таблица 8

Национальность	Купцы	Цеховые	Всего	%
Великороссы:				
«правоверные»	359	65	424	1960
«раскольники»	766	770	1536	
Украинцы	390	345	735	24.5
Молдаване и валахи	136	37	173	5.7
Греки	65	4	69	2.3
Болгары	33	5	38	1.3
Сербы	13	6	19	0.6
Венгры	8	9	17	0.5
Итого	1770	1241	3011	100

С данными этой таблицы согласуются и фамилии купцов. К сожалению, по имеющимся данным нельзя точно установить, откуда купцы и цеховые переселились; можно отметить лишь несколько пунктов, из которых зафиксирован переезд определенных лиц в Новороссийскую губ. Это — Брянск (Егор Лоскутов и др.),³ Москва (Яралов),⁴ Путивль (Максимов, Пушкарёв),⁵ Болхов (Захаровы Алексей и Михайло, Павлов),⁶ Мценск (Паршин, Фурсов),⁷ Одоевск (Кардюмовы Алексей и Афанасий, Григорьев), Калуга (Палкин),⁸ Рыльск (Фижин)⁹ и др.

Эти данные показывают, что представители купечества Великороссии более интенсивно устремлялись в Новороссийскую губернию, чем великорусские помещики; среди последних преобладают местные офицеры, в значительной степени иностранного происхождения, среди купечества, наоборот, берут верх великороссийские купцы.

Среди купечества выдвигается группа довольно крупных капиталистов, сосредоточивающих в своих руках казенные подряды и откупа. Одно из первых, если не первое место занимают елисаветградские купцы Красноглазов¹⁰ и Андрей Сушилиин.¹¹ В списке откупщиков 1765 г. видим Михаила Белезлия, впоследствии депутата Комиссии 1767 г. (он снял на откуп шинки в Новомиргороде за 866 р.), Егора Лоскутова (снял шинки в Федваре и Цибулеве за 220 руб. и 290 руб.), купца Иосифова

¹ С. Станиславский. К истории колонизации евреев в Новороссии — «Восход», 1887, кн. 9, стр. 116—122; Его же. К истории колонизации — «Сборн. статей Екат. научн. об-ва», 1904, стр. 289; П. Иванов. Дело о выходящих из-за границы в Новор. губ. жидях — «Зап. Одес. об-ва ист. и древн.», XVII, стр. 163; Н. Полонська-Василенко. Перші кроки евр. колонізації в Південній Україні — «Збірник праць евр. істор.-археогр. комісії, II.

² А. Скальковский. Хрон. обзор., I, стр. 274—275.

³ Биб-ка Акад. Наук УССР, Рукоп. отд., дела креп. св. Елисаветы, № 69.

⁴ ДЮИА, ф. Новор. губ. канц., св. 86, д. 2077.

⁵ Там же, св. 85, д. 1993.

⁶ Там же, св. 65, д. 1489, 1490, св. 66, д. 1497.

⁷ Там же, св. 65, д. 1487, 1488.

⁸ Там же, св. 66, д. 1497.

⁹ Там же, св. 67, д. 1506.

¹⁰ Биб-ка Акад. Наук. УССР, Рукоп. отд., дела креп. св. Елисаветы, № 193.

¹¹ Собр. докум. Н. Д. Полонской-Василенко.

(снял шинки в Новоархангельске за 270 руб.), не считая других, внесших меньшие суммы.¹

Кроме торговых дел, купцы заводят промышленные предприятия: купец Масленников основывает сахарный завод в Кременчуге.² В Елисаветграде работала бумажная фабрика,³ был кожевенный завод Манауила Поповича, а также большое количество принадлежавших купцам мельниц разнообразных конструкций — ветряных, водяных, ладейных, земляных.

VI. ИТОГИ ЗАСЕЛЕНИЯ

Точно установить результаты заселения Новороссийской губернии чрезвычайно трудно. Состояние статистики того времени было таково, что полагаться на достоверность официальных ведомостей совершенно невозможно. Часто ведомости, составленные в одно и то же время, содержат данные, противоречащие друг другу. Все же с большой осторожностью этими данными можно пользоваться, принимая все цифры только как приблизительные.

Самая обстоятельная ведомость, сохранившаяся, к сожалению, в очень плохой копии, была составлена в 1772 г. Это «Ведомость, учиненная в канцелярии Новороссийской губернии из присланных от гусарских и пикинерских полков Екатерининской и Елисаветградской провинциальных и Бахмутской городской канцелярии прошлого 1772 майской трети ведомостей».⁴ В ведомости не отмечено, откуда взята эта копия, но у А. А. Скальковского находим указание, что цифры населения Екатерининской провинции, полностью соответствующие нашей ведомости, он взял из архива «бывшего в Новороссийской экспедиции Киевского генерал-губернаторства».⁵

Отчетные ведомости разных частей губернии, механически соединенные в сводную ведомость, составлены по разным принципам. В Елисаветградской и Екатерининской провинциях учитывали отдельно число военнотружущих и «заступающих» и отдельно их семьи; в Бахмутском и Луганском полках их объединяли в одно и ввели новую графу — «военнотружущих женского пола». В Екатерининской провинции и Бахмутском уезде, кроме населения полков, введены еще группы населения, неизвестно к какой именно территории относящиеся.

Данные всей ведомости разбиты нами на четыре таблицы (9, 10, 11 и 12). Как видно из этих данных, в Новороссийской губ. в 1772 г. жило всего 131 985 д. м. п. и 109 901 д. ж. п., всего 241 886 д. об. п. Это население распределялось по губернии так: 107 728 д. об. п. было в Елисаветградской провинции, 91 151 д. об. п. в Екатерининской провинции и 43 007 д. об. п. в Бахмутском уезде.

В Елисаветградской провинции было больше всего населения в Черном гусарском (30 779 д. об. п.) и в Желтом гусарском полках (24 362 д. об. п.). Это вполне понятно: к этим полкам перешла территория старейших полков Новой Сербии; зато неясно, почему так велико было население Молдавского гусарского полка (23 259 д. об. п.). Это был самый молодой полк, территорию которого начали заселять позже всех. Вообще цифра населения этого полка вызывает сомнение: на 2124 д. служащих гусар показано 20 899 д. их семей, заступающих, приписных и их фамилиатов, или более чем по 9 д. об. п. на одного военнотружущего. Такого высокого процента мы не встречали больше нигде.

¹ ДОИА, ф. Новор. губ. канц., св. 62, д. 1458, л. 100.

² Ф. Николайчик. Указ. соч., стр. 69.

³ Биб-ка Акад. Наук УССР, Рукоп. отд., дела креп. св. Елисаветы, № 64.

⁴ Одесск. гос. ист. музей, собр. б. Одесск. об-ва ист. и древн., № II-31-65, лл. 104—106.

⁵ А. Скальковский. Хрон. обзор., I, стр. 91 (разница лишь в том, что Скальковский датирует ведомость 1773 г.).

Таблица 9

Население Елизаветградской провинции в 1772 г.

	Черный гус. полк			Желтый гус. полк			Молдав. гус. полк			Елисавет. пикин. полк			Округа креп. св. Елисаветы			Всего		
	Мужч.	Женщ.	Всего	Мужч.	Женщ.	Всего	Мужч.	Женщ.	Всего	Мужч.	Женщ.	Всего	Мужч.	Женщ.	Всего	Мужч.	Женщ.	Всего
	Об. п.	В %																
Военнослужащих	2 199	—	2 199	1 506	—	1 506	2 124	—	2 124	1 135	—	1 135	—	—	—	6 964	—	6 964
Их семей	4 278	4 819	9 097	2 814	3 074	5 888	12 443	5 268	17 711	1 797	2 182	3 979	—	—	—	21 332	15 343	36 675
Заступающих, приписных и фамилитов	651	—	651	336	—	336	544	—	544	2 844	—	2 844	—	—	—	4 375	—	4 375
Их семей	1 064	1 371	2 435	471	585	1 056	1 584	1 060	2 644	3 293	5 887	9 180	—	—	—	6 412	8 903	15 315
Проживающих при разных чинах в числе положенных по штату дворовых людей	950	875	1 825	530	—	530	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 480	875	2 355
Их семей	—	—	—	962	1 196	2 158	—	—	—	—	—	—	—	—	—	962	1 196	2 158
Работников с семьями, живущих «на своем пропитании»	75	83	158	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	75	83	158
Отставных штаб-и обер-офицеров	78	86	164	51	54	105	—	—	—	44	52	96	—	—	—	173	192	365
Отставных унтер-офицеров, капитанов и рядовых	79	63	142	128	110	238	—	—	—	11	10	21	—	—	—	252	212	464
Государственных поселян	405	417	822	1 323	1 322	2 645	—	—	—	40	34	74	5 892	4 482	10 374	7 660	6 255	13 915
Помещичьих поселян	6 668	6 618	13 286	5 093	4 807	9 900	95	141	236	416	474	890	342	330	672	2 614	12 370	24 984
Всего	16 447	14 332	30 779	13 214	11 148	24 362	16 790	6 469	23 259	9 580	8 039	18 219	6 268	4 841	11 109	62 299	45 429	107 728

Таблица 10

Население Екатеринославской провинции в 1772 г.

	Донецкий пикин. полк			Днепровский пикин. полк			Помимо полков			Всего			
	Мужч.	Женщ.	Всего	Мужч.	Женщ.	Всего	Мужч.	Женщ.	Всего	Мужч.	Женщ.	Об. п.	В %
Военнослужащих	765	—	765	1 368	—	1 368	—	—	—	2 133	—	2 133	2.3
Их семей	1 179	1 444	2 623	11 712	12 454	24 166 ¹	—	—	—	12 891	13 898	26 789	29.4
Заседающих, приписных и фамилиатов	1 437	—	1 437	—	—	—	—	—	—	1 437	—	1 437	1.6
Их семей	2 058	3 061	5 119	—	—	—	—	—	—	2 058	3 061	5 119	5.6
Отставных штаб- и обер-офицеров	5	10	15	—	—	—	6	12	18	11	22	33	9.1
Отставных унтер-офицеров и рядовых	—	—	—	—	—	—	199	258	457	199	258	457	0.5
Государственных поселян	8 540	8 634	17 174	4 832	4 855	9 687	—	—	—	13 372	13 489	26 861	29.5
Помещичьих поселян	2 345	2 147	4 492	—	—	—	—	—	—	2 345	2 147	4 492	4.9
Одноворцев	—	—	—	—	—	—	11 837	11 993	23 830	11 837	11 993	23 830	26.1
Всего	16 320	15 296	31 625	17 912	17 309	35 221	12 042	12 263	24 305	46 283	44 868	91 151	100

¹ В отчете Днепровского полка в одну цифру объединены и семьи военнослужащих и заступающие.

Таблица 11

Население Бахмутского уезда в 1772 г.

	Город Бахмут и Бахмутский уезд			Бахмутский гус. полк			Самарский гус. полк			Луганский полк			Всего					
	Мужч.	Женщ.	Всего	Мужч.	Женщ.	Всего	Мужч.	Женщ.	Всего	Мужч.	Женщ.	Всего	Мужч.	Женщ.	Всего	Мужч.	Женщ.	В %
Военнослужащих	—	—	—	3 289	—	3 289	—	—	—	—	—	278	—	278	3 567	—	3 567	8.3
Их семей	—	—	—	—	2 500	2 500	—	—	—	—	—	393	625	1 018	393	3 125	3 518	8.2
Заступающих, приписанных и фамилиатов	—	—	—	1 309	—	1 309	—	—	—	—	—	6	—	6	1 315	—	1 315	3.1
Их семей	—	—	—	—	1 330	1 330	—	—	—	—	—	11	16	27	11	1 346	1 357	3.2
Проживающих при разных чинах в числе положенных по штату дворовых людей	—	—	—	236	249	485	—	—	—	—	—	—	—	—	236	249	485	1.1
Государственных поселян	4 484	4 097	8 581	157	95	252	—	—	—	—	—	411	449	860	5 052	4 641	9 693	22.5
Помещичьих поселян	4 390	3 814	8 204	2 641	2 060	4 701	14	15	29	—	—	20	6	26	7 065	5 895	12 960	30.1
Одноворцов	5 180	4 073	9 253	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5 180	4 073	9 253	21.5
Солеваров	584	275	859	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	584	275	859	2.0
Всего	14 638	12 259	26 897	7 632	6 234	13 866	14	15	29	1 119	1 096	2 215	19 604	23 403	43 007		100	

Таблица 12

Население Новороссийской губернии в 1772 г.

	Елисаветградская провинция			Екатерининская провинция			Бахмутский уезд			Всего			
	Мужч.	Женщ.	Всего	Мужч.	Женщ.	Всего	Мужч.	Женщ.	Всего	Мужч.	Женщ.	Об. п.	В %
	Военнослужащих	6 964	—	6 964	2 133	—	2 133	3 567	—	3 567	12 664	—	12 664
Их семей	21 332	15 343	36 675	12 891	13 898	26 789	393	3 125	3 518	34 616	32 366	66 982	27.7
Заступающих, приписных и фами- лиатов	4 375	—	4 375	1 437	—	1 437	1 315	—	1 315	7 127	—	7 127	3.0
Их семей	6 412	8 903	15 315	2 058	3 061	5 119	11	1 346	1 357	8 481	13 310	21 791	9.0
Проживающих при разных чинах в числе положенных по штату дво- ровых людей	1 480	875	2 355	—	—	—	—	—	—	1 716	1 124	2 840	1.2
Их семей	962	1 196	2 158	—	—	—	236	249	485	902	1 196	2 158	0.9
Работников с семьями, живущих по ротам «на своем пропитании»	75	83	158	—	—	—	—	—	—	75	83	158	0.1
Отставных штаб- и обер-офицеров	173	192	365	11	22	33	—	—	—	184	214	398	0.1
Отставных унтер-офицеров, капралов и рядовых	252	212	464	190	258	457	—	—	—	451	470	921	0.4
Государственных поселян	7 660	6 255	13 915	13 372	13 489	26 861	5 052	4 641	9 693	26 084	24 385	50 469	20.8
Помещичьих поселян	12 614	12 370	24 984	2 345	2 147	4 492	7 065	5 895	12 960	22 024	20 412	42 436	17.6
Однодворцев	—	—	—	11 837	11 993	28 830	5 180	4 073	9 253	17 017	16 066	33 083	13.7
Солеваров	—	—	—	—	—	—	584	275	859	584	275	859	0.3
Всего	62 299	45 429	107 728	46 283	44 868	91 151	23 403	19 604	43 007	131 985	109 901	241 886	100

В Екатерининской провинции мы имеем еще менее надежные и ясные данные. Только для Донецкого и Днепровского пикинерных полков даны более или менее правдоподобные цифры (в Донецком — 31 625 д. об. п., в Днепровском — 35 221 д. об. п.). Сверх того указана группа населения сверх полков — однодворцы и отставные офицеры и нижние чины, не положенные в оклад.

Что касается Бахмутского уезда, то если не вызывает сомнения цифра населения Бахмутского и Луганского полков, то, наоборот, население Самарского полка поражает своей ничтожной численностью (всего 29 д. об. п. помещичьих крестьян) — очевидно здесь имеется какая-то ошибка.

Почти половину всего населения губернии составляли военнослужащие: в Елисаветградской провинции, включая и отставных и обслуживающих, — 63.7% всего населения, в Екатерининской провинции — 39,5% и в Бахмутском уезде — 23.9%, а во всей губернии — 47.6% населения.

Государственные крестьяне составляли 20.8% населения всей губернии, а вместе с однодворцами — 34.5%.

Численность помещичьих крестьян в 1772 г. была еще незначительна, — они составляли только 17.6% населения всей губернии; больше всего было помещичьих крестьян в Елисаветградской провинции — 23.2%, меньше всего в Екатерининской — 4.9%.

Укажем в заключение, что в ведомостях не указаны дворяне, купечество и духовенство, так что общая численность населения губернии была выше указанных цифр. Трудно сказать, насколько эти цифры соответствуют действительности. Их можно сравнить с данными ведомостей, приводимых А. А. Скальковским, на основании которых составлена следующая сводная таблица.

Таблица 13

Население Новороссийской губернии

Провинции	1768 г. ¹	1773 г. ²			1774 г. ³		
	Мужч.	Мужч.	Женщ.	Всего	Мужч.	Женщ.	Всего
Елисаветградская	19 639	22 215	19 870	42 085	30 733	23 645	54 378
Екатерининская	12 753	27 827	27 953	55 780	23 645	24 294	47 939
Бахмутский уезд	19 627	13 751	12 112	25 863	27 827	27 953	55 780
Всего	52 019	63 793	59 935	123 728	82 205	75 892	158 097

Здесь бросается в глаза большая разница между итогами 1773 г. (123 728 д. об. п.) и итогами приведенной выше ведомости — 241 886 д. об. п., но эта разница скрадывается тем, что у Скальковского отсутствуют некоторые категории жителей и в том числе все военнослужащие; если добавить 114 881 д. об. п. военнослужащих и отставных военных чинов разных категорий, фигурирующих в ведомости 1772 г., то итог мало расходится с итогом ведомости 1772 г.

¹ А. Скальковский. Хрон. обзор., I, стр. 76—77. Здесь не обозначены чиновники, дворяне, духовенство, военнослужащие. Всего, по мнению Скальковского, в губернии в 1768 г. жило до 100 тыс. д. об. п.

² Там же, стр. 90.

³ Там же, стр. 95—96. А. А. Скальковский, печатая эту ведомость, обратил внимание на тождественность данных Бахмутского уезда за 1774 г. с данными Екатерининской провинции за 1773 г. и отметил эти данные знаком вопроса.

В приложении к «Хронологическому обозрению» напечатана очень интересная ведомость под названием: «Ведомость, учиненная в канцелярии Новороссийской губернии в г. Кременчуге, в провинциях Елисаветградской и Екатерининской, кроме Бахмутского уезда».¹

Ведомость эта по своему содержанию не сходна с приведенными выше: в ней приведены цифры купечества, цеховых, ранговых, государственных и помещичьих крестьян. Всего показано для Елисаветградской провинции 30 733 д. м. п., 27 986 д. ж. п., всего 58 719 д. об. п., а для Екатерининской — 23 645 д. м. п., 24 294 д. ж. п., всего 47 939 д. об. п. Если сравнить отдельные рубрики этой ведомости с соответственными рубриками наших ведомостей, то можно убедиться, что разница между ними не особенно велика.

В 1786 г. была составлена обстоятельная ведомость с целью показать успехи заселения края и увеличение его доходов за 12 лет управления Потемкина.² Как исходный момент взяты цифры народонаселения за 1774 г. Уже самое назначение ведомости — указать разницу в народонаселении за 1774 и 1786 гг. — должно служить порукою в том, что в отношении 1774 г. не могло быть сознательного преувеличения численности населения, а скорее стремление уменьшить эти цифры; вероятно, так и было в действительности.

Население Новороссийской губернии в 1774 г.³

Купечества	1 692
Цеховых	1 054
Государственных поселян	14 064
Однодворцев и их крестьян	14 952
Волостных крестьян	654
Помещичьих поселян	38 453
Помещичьих крестьян	236
Солеваров	685
Вышедших из Польши раскольников	261
«Не платящих податей состояло на укомплектование бывших в губернии поселенных полков»:	
для гусарских заступающих	2 115
их фамилиатов	18 685
для пикинерских приписных и их фамилиатов	14 157
Итого народа	107 008

Сравнивать итоги приведенной выше ведомости 1772 г. и этой очень трудно, поскольку почти все графы не сходятся: в последней нет военнослужащих, а только обозначены их заступающие и фамилиаты, в первой нет купечества и цеховых. Но общий итог — 107 008 д. м. п. не на много разнится от итога первой ведомости — 131 985 д. м. п. (в эту цифру входят 47 280 д. м. п. военнослужащих и членов их семей).

Таковы итоги, правда приблизительные, первоначального заселения края. Нужно учесть, что положение в Новороссийской губернии было все время крайне напряженное. Далеко выдвинутая на юг, Новороссийская губерния все время подвергалась разного рода опасностям, которых не знала Левобережная Украина и которые естественно должны были задерживать заселение края.

Одним из крупных препятствий к заселению края служили татарские набеги. Правда, во второй половине XVIII в. они уже не наносили такого вреда, как, скажем, в XVII в., но все же жизнь края проходила под вечной угрозой набега татар. Особенно тяжелым было последнее нападение татар в 1769 г., охватившее широкий район. Татары вторг-

¹ А. Скальковский. Хрон. обозр., I, стр. 275.

² ЦВИА, ф. главн. шт., Бумаги Потемкина, оп. 194, св. 295, д. 12.

³ В ведомости указана численность только мужского населения края.

лись зимой, в жестокий мороз, с огромным войском, при котором находился французский резидент барон де Тотт, подробно описавший набег.¹ Татары дошли до Елисаветграда, сжигая села, уводя людей и скот. Население бросало все и спасалось куда кто мог. По словам Тотта, в одной Елисаветградской провинции было уничтожено 150 сел и уведено 20 тыс. чел.

Потрясение было столь велико, что главный командир губернии Войков и Румянцов подали проект перестроить всю провинцию — население южных ее частей перевести в северные слободы. По произведенному с этой целью подсчету выяснилась такая картина: в каждой роте Елисаветградского пикинерного полка считалось по 200 человек с офицерами, фактически же оказалось едва 50% состава: в Орлянке — 13 чел., в Аджамке — 19, в Добрянской — 21, в Попельнастой — 26, и только в Мурзинской было 112 чел. В слободах в шести ротах оказалось только 429 дворов. Таким образом все население 15 рот легко можно было разместить в 5 ротах. В Черном и Желтом полках также не хватало до комплекта.² Роты предположено было укрепить, в каждом дворе сделать специальную землянку, которая могла бы служить защитой на случай нападения, поселок обнести рвом с «редутами» в форме равногранного треугольника против ворот поселения.³ Все эти проекты остались на бумаге; с наступлением мирного времени население начало само возвращаться в свои покинутые слободы.

Татарский набег 1769 г. — это только один эпизод в длительной и тяжелой войне с Турцией. Война требовала от населения Новороссийской губ. огромных жертв, как людских, так и материальных. Новороссийская губерния не только формировала полки, которые отправлялись на театр войны с Турцией, но через ее территорию проходили русские войска, которые она кормила, снабжала фуражом, подводами, обеспечивала квартирами, которым давала людей на выполнение всякого рода земляных работ и т. п.

Война оставила после себя страшное наследие — моровую язву, которую в официальной переписке туманно называли «опасной болезнью». Несмотря на все меры, принимавшиеся для охраны страны, — обукуривание, карантин и т. д. — болезнь быстро распространялась по губернии.

Настоящая война шла и с запорожскими казаками. С самого начала правительственной колонизации Южной Украины запорожцы стали предъявлять свои права на земли, которые царское правительство отводило на новые колонии, — Новую Сербию, Славяносерию, поселения Слободского полка, Новороссийскую губернию. Ссылаясь на копии грамот Стефана Батория и Богдана Хмельницкого, а также на долговременное пользование землями, лежащими к югу от рр. Тясмина и Орели, запорожцы стали добиваться возвращения им этих земель. Они действовали всеми способами: посылали в столицу бесконечные депутации с просьбами и в то же время, видя безрезультатность просьб, производили нападения на новые слободы, жгли их и уводили с собою поселенцев.

В 1775 г. Чертков донес Потемкину, что запорожцы увели 5374 чел., разграбили и сожгли имущества на 232 696 руб.⁴ Нападения запорожцев вызывали ответные нападения со стороны новых поселенцев.

¹ А. Татарчевский. Путешествие и деятельность бар. Тотта — «Унив. изв. Киевск. ун-та», 1873, X, стр. 19—22; «Киевская старина», 1883, VII, стр. 149—198.

² ДОИА, ф. Новор. губ. канц., св. 76, д. 1666, лл. 393—396.

³ Там же, лл. 399—419.

⁴ Н. Полонська-Василенко. З історії останніх часів Запоріжжя — «Зап. іст. філ. відд. Ак. Н.», IX, стр. 325—326.

Кроме этих внешних причин, задерживавших заселение Новороссийской губернии, существовали более глубокие причины внутреннего характера, которые заключались в общем социальном строе России XVIII в., при котором невозможно было прочное и действительное улучшение положения крестьян.

В середине XVIII в. крепостного права в Новороссийской губернии не было. Барщина на помещика, как мы уже указывали, составляла 1 или 2 дня в неделю. Помещики слишком нуждались в рабочей силе, чтобы сразу требовать от крестьян увеличения барщины, — недовольные могли всегда найти себе лучшие условия работы у других помещиков или даже в государственных слободах. Однако при первой возможности помещики старались усилить эксплуатацию крестьян. Этого, естественно, легче было добиться в восточных провинциях, лежавших дальше от границы, и в тех частях их, которые не соприкасались с Запорожьем. В этом отношении очень интересно мнение относительно установления повинностей крестьян, поданное в Комиссию 1767 г. депутатом от шляхетства Екатеринославской провинции, майором Козельским. Он предлагал ввести обязательную двухдневную барщину, которая может заменяться денежным оброком, равным дневному заработку крестьянина; это, видимо, соответствовало фактическому положению вещей в Новороссийской губернии. В дальнейшем он предлагал, сохранив за крестьянами право пользования собственностью, как движимую, так и недвижимую, ограничить их в праве продажи и заклада недвижимого имущества.¹ Таким образом он предлагал отчасти распространить на Южную Украину законы Левобережной Украины, ограничивавшие право собственности крестьян.

Об отношениях с крестьянами много говорили помещики Бахмутского уезда в наказе депутату в Комиссию 1767 г. Они ссылались на указы Слободской и Новороссийской губернских канцелярий, которыми «как в сохранении высочайшего интереса, так не меньше и в собственную пользу вольным малороссиянам с места на место переход запрещен, дабы никто без билетов из жилищ своих переходить не мог». Тем не менее крестьяне продолжали переходить с места на место, и их охотно принимали не только помещики, но и управители государственных слобод. Поэтому дворянство, в целом заинтересованное в сохранении крепостных, просило воспретить прием крестьян и подвергать ослушников штрафу, как за прием беглых. Одновременно бахмутские дворяне требовали ограждения своих прав от злонамеренных крепостных «девок», выходящих замуж за вольных людей. Дворяне просили издать особый закон о запрещении венчать крепостных «девок» без особых отпусков и о телесном наказании и взимании денежного штрафа с лиц, поживившихся на беглой крепостной. Дворяне требовали также усилить наказания в отношении крестьян, которые «господ своих по злобе убивают до смерти».²

В наказах дворян Елисаветградской провинции не упоминается о запрещении принимать крестьян, что вполне естественно, так как здесь в данное время все благополучие помещиков основывалось на свободном приеме всех желающих поселиться у них в слободах.³

Из этих отрывочных данных, просочившихся в указы депутатам, видно, что процесс закрепощения крестьян быстро развивался в Новороссийской губернии и местами уже приводил к борьбе между помещиками и крестьянами. Протест крестьян против закрепощения носил по большей части пассивный характер, — они уходили в другие места.

¹ Сборн. РИО, т. 32, стр. 87—89.

² Там же, т. 93, стр. 74—78.

³ Там же, стр. 20—21, 27—35.

Общие условия жизни, недостаток рабочих рук, стремление скорее заселить землю, чтобы закрепить ее за собою, мешали помещикам до поры до времени повысить требования к крестьянам.

Реформа 1764 г., по которой все казачье население Новороссийской губернии, а также отошедших к ней сотен Полтавского и Миргородского полков, было обращено в пикинеры, вызвала глубокое недовольство среди казачества. Особенно резко проявилось недовольство казаков в Новороссийской губернии. Пикинерных полков было организовано 4: один в Елисаветградской провинции, вместо Слободского, и три полка — Днепровский, Донецкий и Луганский — в Екатерининской провинции. В пикинеры охотно вступали подпомощники, посполитые, помещичьи «подданные», которые этим путем освобождались от всех повинностей помещикам. Зато казаки в массе своей относились враждебно к реформе, и только угрозами и насилиями их можно было заставить вступить в пикинеры.¹ Особенно прославились жестокостью полковник Алымов и его помощник, войсковой товарищ, получивший чин ротмистра, — Синегуб, принуждавшие население новоприсоединенных сотен вступать в пикинеры. Недовольство казаков выливалось в открытые волнения,² в тайные выборы депутатов в Комиссию 1767 г. отдельно от пикинеров,³ в подачу многочисленных жалоб центральной власти.

В 1768 г. в Правобережной Украине, принадлежавшей тогда Польше, вспыхнуло знаменитое крестьянское восстание, известное под названием «Колиивщины». В связи с восстанием усилилось революционное настроение масс во всей Украине. На Правобережье к восставшим шли казаки и крестьяне с Левобережья, из Новороссийской губ. и особенно с Запорожья. В отрядах гайдамаков выходцы из Запорожья играли особенно видную роль. Все это, а также общий характер движения, направленного против крепостнического гнета, сильно тревожило царское командование, которое помогло польским войскам расправиться с восставшими. В связи с жестоким подавлением восстания усилилось движение населения из Правобережной Украины в Новороссийскую губернию и в Запорожье, а вместе с тем и движение из Новороссийской губ. в Запорожье тех, кто имел основание опасаться преследований за участие в Колиивщине.

В тесной связи с Колиивщиной стоит восстание в Запорожье в 1768 г., а также «бунт пикинеров» в Новороссийской губ. Начался он в самом начале 1769 г. с отказа депутата от пикинеров Днепровского, Луганского и Донецкого полков Тимченко идти на войну с Турцией. Его поддержал весь эскадрон. За этим последовало восстание Царичанской роты Донецкого полка, также отказавшейся подчиняться распоряжениям начальства.⁴ В октябре того же года восстание вспыхнуло в Соколке (рота Днепровского полка) и быстро охватило весь Днепровской пикинерный полк, а оттуда перекинулось в Донецкий пикинерный полк. Попытки «увещевания» не дали никаких результатов, а послышки «малороссийских» команд для усмирения оказались очень рискованными, так как казаки переходили на сторону пикинеров. Большие группы пикинеров соединились с запорожскими казаками и образовали отряды в несколько сот человек, державшие в страхе весь район р. Орели.⁵

¹ Д. Миллер. Пикинерия — «Киевская старина», 1899, т. 67, стр. 301—303.

² К. Гуслистий. З історії класової боротьби в Степовій Україні, стр. 32, 38—39, 1935.

³ Г. Максимович. Выборы и наказания в Малороссии, стр. 382—390, Киев, 1917.

⁴ К. Гуслистий. Указ. соч., стр. 43—44, 47.

⁵ К. Гуслистий. Указ. соч., стр. 48.

Восставшие пикинеры нашли горячую поддержку со стороны запорожцев. В начале 1770 г. против восставших были посланы регулярные войска и донские казаки. Всем примкнувшим к восстанию пикинерам был дан двухнедельный срок для «раскаяния»; «нераскаявшихся» ждали жестокие кары: их прогоняли сквозь строй и подвергали мучительным истязаниям, кончавшимся иногда смертью. Трупы погибших не хоронили, а «в соблюдение того его высокографского сиятельства [Панина] конфирмации изменническую стерву по всем жилищам гаскали». Оставшиеся в живых были сосланы в Сибирь на вечные каторжные работы.¹

Наряду с открытыми восстаниями, пикинеры оказывали пассивное сопротивление. Целыми слободами, с женами и детьми уходили они в Запорожье. Так опустели в Елисаветградской провинции слободы Желтая, Зеленая, Каменка и др. Характерно, что один из самых энергичных и непримиримых руководителей запорожских отрядов, которые «сводили» пикинеров и поселян из новороссийских слобод в Запорожье, писарь Демьян Вирменко, был прежде ротным писарем пикинерного Елисаветградского полка и носил фамилию Маяковского. Из списка военнотружущих и поселян, увезенных запорожцами с 1767 до 1774 гг., видно, что больше всего беглецов давали пикинерные полки: на 2574 человека, бежавших из Екатерининской провинции, приходилось 1457 пикинеров Донецкого и Днепровского полков и их родичей, и из 831 чел., бежавших из Елисаветградской провинции, было 371 чел. пикинеров и их родичей.

В результате победоносного окончания войны с Турцией и заключения Кучук-Кайнарджийского мира к Российской империи были присоединены обширные земли, и Запорожье оказалось окруженным русскими владениями. Его существование стало излишним, — оно перестало служить заслоном на случай нападения врагов и оказалось препятствием на пути к Черному морю. Ликвидация Сечи передала в руки царского правительства земли «запорожских вольностей». Они были быстро поделены между новыми помещиками; огромные государственные слободы заменили зимовники и хутора запорожских казаков. В запорожских степях возникают новые города. В истории заселения Южной Украины начался новый период.

---

¹ А. Петров. Война России с Турцией 1769—1774 г., I, прилож., II, стр. 183—185.

Е. Ф. ДЮБЮК

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЛИФЛЯНДИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII века

XVIII век был временем жесточайшей эксплуатации лифляндских крестьян помещиками.¹ Тяжел был крепостнический гнет в России, но в Лифляндии он был еще тяжелее. По исследованиям В. И. Семевского, не только повинности русских оброчных крестьян были вдвое легче, чем в Лифляндии, но и положение барщинных крестьян в России, как ни трудно им жилось, было все же легче положения лифляндских крепостных.² По Ленингу, крестьяне в XVIII в. в Лифляндии были бесправнее, чем где-либо: «Едва ли, — говорит он, — была, по крайней мере в романской и германской Европе, страна, крестьянство которой было бы столь бесправно, как лифляндское». Он считает, что «правовое состояние в Лифляндии было хуже, чем где-либо в Западной Европе».³ Не случайно поэтому историки прибалтийского крестьянства, характеризуя положение лифляндских крестьян в XVIII в., употребляют нередко термин «рабство», хотя, разумеется, о рабстве, как господствующей общественно-экономической формации в Лифляндии XVIII в. не может быть и речи, ибо преобладала там феодальная эксплуатация. Однако отливалась она в такие жестокие формы, что невольно вызывала аналогии с настоящим рабством.

Изнурительная конная и пешая барщина, чрезмерная подводная повинность на далекие расстояния, всевозможные в пользу помещика натуральные оброки, связывавшие крестьянина по рукам и ногам и оставлявшие ему самое минимальное время для работы на своем земельном участке, — достаточно рисуют тяжелое экономическое положение лифляндских крепостных. К этому присоединялись полная необеспеченность крестьянского существования и зависимость от помещичьего произвола, отсутствие собственности даже на движимое имущество. Все это увенчивалось применением частых и жестоких так

¹ Яркие описания тяжелого положения лифляндских крестьян находим у писателей XVIII в.: Эйзена, Гупеля, Яннау, Фрибе, Гарлиба Меркеля и др. О положении крестьян см. также: Julius Eckardt. *Livland im 18 Jahrhundert* (Leipzig, 1876); Edgar Löning. *Befreiung des Bauernstandes in Deutschland und in Livland* (Baltische Monatsschrift, XXVII, 1880); Astaf Thransehe-Roseneck. *Gutsherr und Bauer im XVII und XVIII Jahrhundert* (Strassburg, 1890).

² В. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, I, стр. 91—92, СПб., 1903. По его же словам, «наказание розгами было более распространено в Прибалтийском крае и в Малороссии, чем в Великороссии» (стр. 193), и вообще «в Германии, Остзейском крае и Польше помещик производил гораздо большее давление на всю жизнь крестьян», чем в России (стр. 262). К подобным же выводам приходит и новейший исследователь исторических судеб Прибалтики, Я. Я. Зутис (Политика царизма в Прибалтике в первой половине XVIII в., стр. 195, М. 1937), указывающий, что, благодаря политике царского правительства, территория бывшей Ливонии стала ко второй половине XVIII в. «такой страной, в которой крепостное право получило наиболее полное завершение по сравнению с остальными районами Российской империи».

³ E. Löning. *Op. cit.*, pp. 96, 112.

называемых домашних исправительных наказаний. В 1765 г. лифляндский генерал-губернатор граф Броун, в будущем беспощадный усмиритель крестьянских волнений, человек, которого никак нельзя заподозрить в сочувствии крестьянам, говорил в своих пропозициях дворянству, что чрезмерность в наказаниях «неслыханна», что «самые маленькие проступки наказываются 10 парами розог», причем «секут не по законному предписанию три раза каждой парой, а до тех пор, пока не станет валиться кожа и мясо», что «крестьяне содержатся на хлебе и воде в амбаре, часто в сильнейшую стужу».¹

Важно, однако, отметить не только тяжесть эксплуатации и глубину крестьянского бесправия, но также и то, что на протяжении XVIII в., особенно его первой половины, эксплуатация (и бесправие) еще усиливались. Транзехе-Розенек, сам, как он не без гордости отмечает, наследственный владелец рыцарского поместья, изучая отношения между помещиком и крестьянином в Лифляндии XVIII в., пришел к выводу, что «в год розенской декларации (1739) крестьянское состояние еще не опустилось так низко, как это изображает декларация, но что в дальнейшем, вследствие различных несчастных обстоятельств, происходило постоянное его ухудшение, пока наконец в 1765 г. фактическое состояние не совпало с тем, какое констатирует декларация 1739 г.»² Тенденция к усилению эксплуатации крестьянства наблюдалась и во второй половине XVIII в., но в этот период она начинает уже встречать серьезное и все растущее сопротивление со стороны крестьян.

Усиление эксплуатации надо поставить в связь с развитием товарно-барщинного хозяйства, с возрастающим участием лифляндских помещиков в производстве на рынок хлеба (а частью также и леса) и развитием (особенно с середины XVIII в.) винокурения. В течение XVIII в. сельскохозяйственная площадь Лифляндии непрерывно расширялась. Обратной стороной этого было растущее обезлесение, которое, по Фрибе, в XVIII в. шло в Лифляндии быстрыми шагами.³ Вырубавшийся лес в значительном количестве отправлялся за границу. В Пернове, втором после Риги морском порте Лифляндии, в связи с отпуском леса за море возникли ветряные лесопильные мельницы.⁴

Большее значение, чем отпуск леса, имел хлебный вывоз. Д. В. Волков, писавший в 1760 г. о русской торговле и не одобрявший сделанного в 1755 г. Сенатом запрещения отпуска леса из Нарвы и Пернова, полагал, что «запрещением лес еще не сберегается. Отними у лифляндцев надежду к получению пользы от лесу, они, имея торг хлебом, все леса пожгут, чтобы на месте одного сильнее б хлеб родился».⁵

Хлеб из Лифляндии, еще в XVII в. считавшейся житницей Швеции, шел за границу и в Петербург. Известен ряд повелений Екате-

¹ Гарлиб Меркель. Латыши, особливо в Ливонии в исходе философского столетия (Чт. в О-ве ист. и др. рос., 1870, кн. 1, стр. 75).

² A. Thransehe-Rosenek. Op. cit., p. 150. Работа его, основанная главным образом на материалах Рижского архива лифляндского дворянства, вышла из семинара известного Кнаппа. Розенская декларация — мемориал, составленный в 1739 г. по поручению Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел ландратом бароном Розеном; в этой декларации правовое положение лифляндских крестьян рисуется как рабство в древнеримском стиле, а помещичья власть над ними провозглашается как безусловная и ничем неограниченная.

³ «В 1686 г. в теперешнем Вольмарском уезде было приблизительно 600 кв. миль лесов, теперь (1794 г.) — не более половины. В Валкском уезде... в относящихся к нему имениях было тогда около 70 кв. миль, теперь едва 40». (W. Friebe. Physikalisch-ökonomisch-statistische Bemerkungen von Livland und Ehstland, S. 231. Riga, 1794).

⁴ ПСЗ, XVI, № 12221.

⁵ Архив князя Воронцова, XXIV, стр. 124, М., 1880. Волков — при Елизавете конференц-секретарь, в 60-х гг. — президент Мануфактур-коллегии.

рины II в 60-х годах XVIII в. о вывозе зерна и муки из Лифляндии.¹ Вообще петербургское правительство усваивает взгляд на Лифляндию, как на запасную житницу, откуда можно черпать хлеб для Петербурга в случае неурожая его в России.² Граф А. Р. Воронцов, будучи в 1784 г. в Риге, не мог не заметить, что здесь «таможенный доход увеличивается удивительно и превзошел даже таковой же доход Петербурга; в июне месяце поступило 600 тыс. рублей и 40 пудов серебра». «Отсюда, — добавляет он, — происходит ненормальный (т. е. необычно большой. — Е. Д.) экспорт зерна, и даже в Петербург эта отрасль экспорта, не существовавшая раньше, начала делаться значительной».³ По расчету Фрибе, продажа зернового хлеба и его возможный вывоз из Лифляндии за границу составляли 400 тыс. четвертей в год.⁴ Цифра эта, относящаяся к 90-м годам XVIII в., сама по себе не так уж велика (по отношению ко всей ежегодной потребности Лифляндии, исчисляемой Фрибе в 6648 тыс. четвертей, она составляет примерно 6%), но все же она указывает на значительную товарность хлебного производства. Не надо забывать также, что огромное количество зерна шло на винокурение, игравшее весьма видную роль в вывозе из Лифляндии.

Во второй половине XVIII в. винокурение в Лифляндии развивалось очень сильно. «Уже в середине XVIII в. винокурение получило большое распространение, теперь оно стало всеобщим, будучи поддержано новейшими открытиями в химии и технологии, а также возросшим сбытом в Россию, Швецию и внутри самой Лифляндии». Быстрый рост винокурения форсировался благодаря незначительности издержек производства сравнительно с выручаемым доходом. Первоначальные затраты по оборудованию были невелики (строились винокурни обычно весьма примитивно, за исключением крупнейших имений, где воздвигались солидные постройки), денег на производство требовалось ничтожно мало, ибо зерно было свое, работа на винокурне производилась барщинными крестьянами, а дрова доставлялись из господского леса. К этому надо добавить полное отсутствие акциза и вообще всяких питейных сборов в пользу казны⁵ и почти неограниченные возможности в смысле сбыта продукции. В 90-х годах XVIII в., по Фрибе,

¹ Так, 20 мая 1765 г. было велено лифляндскому генерал-губернатору Броуну купить в Риге муки до 40.000 и овса до 20.000 и в Пернове муки и овса до 5000 четвертей для отпуска в Швецию. 13 апреля 1766 г. новым указом поручено было Броуну переговорить с лифляндским «шляхетством» о поставке в Ригу 200 тысяч четвертей. Однако у «шляхетства» нашлось на продажу только 9000 четвертей, остальное количество было куплено у купцов. 23 мая 1766 г. Екатерина приказывает Броуну купить у лифляндцев еще 50 тыс. четвертей хлеба и доставить их водоем в Петербург. 7 июня того же года следует новое повеление о покупке и доставке в Петербург 30 тыс. четвертей хлеба («Выписки из архива канц. прибалтийского генерал-губернатора, извлеченные Е. В. Чешихиным» — Осмнадцатый век», исторический сб., изд. П. Баргневым, кн. 1, стр. 369, 421 и 420, М., 1868).

² 26 октября 1774 г. Екатерина сообщает Броуну о том, что в низовых местах «голод совершенно уже настает, в некоторых местах хлеб не родился, в других не сеяли, во многих хлеб не снимали с поля, а армия возвращается в империю, и магазейны должны пополнять для военных людей, да и жителям должно пропитание доставить». «Если бы, — добавляет царица, — господа лифляндцы, одни или обще с эстляндцами, так учтивы были и взяли бы на себя пропитание города Питербурха, или отчасти или весь, за деньги. Например, если бы четвертей тысяч до двухсот за умеренную цену в будущем году договорить сюда доставить, дабы тем дополнить недостаток низового каравана». 6 декабря 1774 г. Броун донес, что лифляндское рыцарство согласилось поставить для Петербурга 60 тыс. четв. ржи. («Выписки» Чешихина — «Осмнадцатый век», кн. 3, стр. 232, М., 1869).

³ Архив кн. Воронцова, XXXI, стр. 443. Письмо на французском языке из Риги от 9 июля 1784 г. к брату (С. Р. Воронцову).

⁴ W. Friebe. Op. cit., pp. 175—176.

⁵ A. Thransehe-Roseпeck. Op. cit. pp. 173—174.

всего в Рижском генерал-губернаторстве выкуривалось в год 400 тыс. бочек вина (или 4.8 млн. ведер), из которых половина шла на собственное потребление и сбывалась в местные корчмы, а другая вывозилась за пределы Лифляндии, большей частью в Россию и в Белоруссию, преимущественно в Полоцкое генерал-губернаторство. По данным того же источника, из годовой потребности Лифляндии в зерновом хлебе (исчислявшейся, как мы видели, в 6648 тыс. четв.) 2800 тыс. четв., или 42.1%, шли на винокурение и пивоварение.¹ Отсюда, если даже принять, что на собственное потребление помещичьих хозяйств уходила четвертая часть всей винной продукции (в действительности выходило, конечно, меньше), то и в этом случае товарное винокурение поглощало 31.6% всей годовой потребности Лифляндии в зерне, а присчитав сюда еще 6% (продажа и вывоз зерна за границу), будем иметь 37.7% годовичного производства зерна, получавшего непосредственно (в зерне) или в переработанном виде (мука, вино, пиво) рыночную реализацию. Другими словами, более трети продукции всего хлебного производства превращалось в товар.

При наличии крайне экстенсивного, по существу хищнического сельского хозяйства, что отмечается едва ли не всеми авторами, писавшими о Лифляндии XVIII в. (исключительное преобладание трехполья, местами еще с остатками огнищ, крайне убогий земледельческий инвентарь — соха примитивной конструкции, простая борона, молотильный цеп, а нередко молотья лошадыми гоном, веяние зерна через грохот, ручные мельницы для перемалывания зерна, плохой скот, недостаток удобрения, расточительное использование труда крепостных), винокурение было золотым дном для помещиков. Вместе с продажей зерна в город или за границу, оно открывало им возможность получения денег, потребность в которых в помещичьем быту тем больше возрастала, чем ближе мы подвигаемся к концу XVIII в. Рост благосостояния в дворянских семьях, постепенное распространение широкого образа жизни, поездки в город по делам и на ландтаги, гражданская и военная служба, соприкосновение с петербургским двором, заграничные путешествия, входившая все больше и больше в обыкновение посылка молодежи на обучение в Германию — все это, помимо прочего, требовало денег и толкало лифляндское дворянство к организации хозяйства, работающего на рынок, и к повышению денежной доходности имений. Достигалось это сначала расширением запашки (часто за счет крестьянского поля), экстенсивно-хищнической обработкой земли и выбрасыванием на рынок хлеба в необработанном виде (зерна), в дальнейшем — насаждением в имениях винокурения и выбрасыванием на рынок того же хлеба, но уже в виде переработанного продукта (вино) и в гораздо большем количестве. Но чем выгоднее становилось винокурение для помещиков, тем большей тяжестью ложилось оно на крепостное крестьянство. На винокурне нужно было работать, на винокурню нужно было доставлять дрова, с винокурни возить вино. Правда, при винокурении отпадала необходимость возить зерно в город на продажу, однако, «доставка дров, возка вина и часто еще привоз зерна, если собственного не хватает, более чем удваивает, — по замечанию Фрибе, — количество фур против того их количества, кото-

¹ W. Friebe. Op. cit., pp. 182, 175—176. Большое значение для сбыта вина имели расквартированные в Лифляндии полки. По наблюдениям Эйзена, если вывоз зерна запрещается, то «казенные цены (die Kron-Preise) в Лифляндии, хотя бы и был урожайный год, не падают заметно, ибо там имеют почти общее распространение пивоварение и винокурение, от чего дворяне, особенно если в стране стоят полки, едва ли не больше пользы получают, чем от вывоза зерна» («Eines livländischen Patrioten Beschreibung der Leibeigenschaft, wie solche in Livland über die Bauern eingeführt ist» в сборнике Миллера — Sammlung Russische Geschichte, IX, S. 510).

рое нужно было для перевозки непереработанного зерна». ¹ Составленный в начале XIX в. и как бы подводящий итог вековой истории взаимоотношений между помещиком и крестьянством «Мемориал комитета для расследования лифляндских дел», несмотря на явное стремление выгородить дворян-помещиков от обвинения их в разорении крестьянства и переложить всю вину на арендаторов, диспенентов и служащих имений, вынужден был признать, что «все роды злоупотреблений, укоренившиеся с течением времени, приводили прежние права в забвение, и в то время, как дворянство и города собирали новые силы и богатства, крестьяне потеряли в некоторых местах (вернее, почти повсеместно. — Е. Д.) даже средства к своему скудному пропитанию». ²

Усиление эксплуатации крестьян и низведение их существования до самого низшего уровня, разумеется, не могло пройти бесследно. Угнетенное до последней степени крестьянство искало спасения в бегстве. Массовые побеги крепостных в середине XVIII в. сделались в Лифляндии обыкновенным явлением. В рескрипте, отправленном 30 марта 1765 г. русскому резиденту в Курляндии Симолину, Екатерина писала, что, как ей известно из прежних донесений Рижской губернской канцелярии, «число беглецов из Лифляндии столь велико, что многие местности пришли в разорение». ³ Меркель приводит в качестве примера одного дворянина, который «обходился с своими крестьянами так жестоко и до того загонял их, что в несколько лет 150 чел. бежало в Литву». ⁴ Явно обеспокоенное побегами, лифляндское дворянство включает вопрос о них в наказы своим депутатам, выбранным в комиссию по сочинению нового уложения 1767 г. ⁵ Применялись энергичные меры для борьбы с побегами и по возвращению беглецов, но все эти меры плохо достигали цели. ⁶ Еще в 1782 г. лифляндский генерал-губернатор Броун доносил в сенат, что «в Белой России находится множество лифляндских крепостных крестьян в бегах». ⁷

¹ W. Friebe. Op. cit., p. 182.

² H. Storch. Russland unter Alexander dem Ersten, III, S. 183, St. Petersburg und Leipzig, 1804.

³ «Выписки» Чехихина — «Осмнадцатый век», кн. 3, стр. 188, М., 1869.

⁴ Это, впрочем, не помешало помещику всю лежавшую на беглецах работу взвалить на оставшихся, которых он заставил не только обрабатывать всю прежнюю пашню, но еще и свозить за 10 миль в Ригу сено с лугов бежавших. «Нет надобности говорить, — замечает Меркель, — что теперь его крепостные рабы сплошь нищие» (Г. Меркель. Указ. соч. — ЧОИДР, 1870, кн. I, стр. 52).

⁵ «Положение Лифляндии, — говорится в наказе Эстницкого рыцарства лифляндского герцогства, — есть такое, что она отчасти чужими землями, а отчасти Россией окружена, чем к побегам в соседственные земли, а именно: в Курляндию, в польскую Лифляндию, в Литву и в пограничные российские провинции, лифляндские крестьяне великую способность имеют, которые побеги не только помещикам бесповоротный убыток, но и государственному интересу чрез такое самое опустошение причиняют» (сб. РИО, т. 68, стр. 70). «Искусство (die Erfahrung — опыт. Е. Д.), — сказано в наказе лифляндского земства, — доказало в Лифляндии, что крестьяне имеют неравное пропитание, от чего с некоторых мыз многие и бегут. Наипаче примечается оное в тех крестьянах, кои имеют много залесных земель и неплодоносных пашен» (там же, стр. 81).

⁶ Транзехе-Розенек отмечает «ненормальное» увеличение побегов в первой половине XVIII в. «С 1711 до 1765 гг. мы имеем чрезвычайно большое число правительственных распоряжений против бежавших. Но кажется, что ничто, даже строжайшие денежные штрафы и телесные наказания, не действовало. Уже одна жажда перемены, некоторого улучшения их положения толкала разорившихся и обнищавших крестьян к побегам» (А. Транзехе-Розенек. Op. cit., p. 8). О побегах лифляндских крестьян см. также: А. Филиппов. Тяга прибалтийских крестьян в Велико-россию в первой половине XVIII в., Пгр., 1916, и статью «Русские беглые люди в Курляндии в 1793 г.» в «Сборнике материалов и статей по истории Прибалтийского края», II, Рига, 1879.

⁷ ПСЗ, XXI, № 15435 — Сенатский указ о высылке из Белороссии бежавших туда из Лифляндии и других российских губерний.

Неслыханные страдания крепостного крестьянства толкали его не только к побегам, но и к активным формам борьбы. Вся вторая половина XVIII в. проходит под знаком неустанной борьбы лифляндских крестьян за свержение ярма крепостников. Наиболее ярким проявлением ее было восстание 1784 г. Этому восстанию предшествовали брожение среди крестьян в начале 60-х годов XVIII в. и волнения 1777 г.

К началу 60-х годов антагонизм между помещиком и крестьянином чрезвычайно обострился. Эйзен (статья его в миллеровском сборнике была напечатана еще в 1764 г.) говорит о глубоком недоверии крестьянина к своему господину, которое «почти повсюду замечается и которое не устраняется даже лучшим обращением».¹ Но вместе с тем в крестьянстве «шевелилось сознание, что новое время стоит перед его дверью».²

Лифляндское дворянство, стоявшее в целом на почве крепостного права, все же не было едино. Разложение феодально-крепостнического строя нашло в его среде свое отражение в борьбе реакционных крепостнических и прогрессивных буржуазных тенденций. Если подавляющее большинство дворян на протяжении всей второй половины XVIII в. было настроено чрезвычайно консервативно и не хотело думать ни о каких уступках, то меньшинство (более дальновидное), по мере того, как крестьянство все больше и больше приходило в брожение, начинало понимать, что необходимо ослабление крепостных порядков, иначе придет буря и сметет все. Помимо того, интересы самого помещичьего хозяйства, поскольку необходимо было переходить от примитивного экстенсивного земледелия к более интенсивным его формам, требовали, чтобы положение крепостного крестьянина было урегулировано. Из рядов этого либерального меньшинства вышел известный Шульц, владелец Ашераденского и Лангсхольмского имений, в которых он ввел составленное им «крестьянское право».³

Наиболее существенное в этом праве заключалось в том, что крестьянин, оставаясь попрежнему крепостным и будучи обязан отправлять все установленные барщины и оброки, не мог быть отлучен от своего двора и земельного участка иначе, как с собственного согласия. На участок этот он получал наследственное право. Устанавливалось также полное право собственности крестьянина на все его движимое имущество. Все крестьянские повинности подверглись регулированию, и на добавочные повинности сверх установленных помещик не мог претендовать. Устанавливалось также право жалобы крестьянина на своего господина. Домашние наказания однако сохранялись. Сохранялась также так называемая *Zwanggesinde* (обязательная служба), по которой помещик имел право брать в свой дом для прислуживания крестьянских мальчиков и девочек и держать их там: первых до 23 лет, вторых — до 19 лет.⁴ Как видим, реформы, введенные Шульцем, отличаясь очень скромным характером, отнюдь не посягали на существо крепостного права и представляли собою только переход от неограниченного крепостного состояния (*Leibeigenschaft*) к ограниченной крепостной зависимости (*Hörigkeit*).

Уступки, сделанные Шульцем, не могли, разумеется, пройти незамеченными крестьянством. «Весть о том, что один лифляндский господин (Herr) решил предоставить своим крестьянам свободную собственность,

¹ И. Эйзен. Указ. соч., стр. 505.

² Julius Eskardt. Op. cit., p. 341.

³ Л. А. Арбузов отмечает, что это так называемое «Ашераден-Лангсхольмское крестьянское право» часто неправильно называют «ашераден-ромерсгофским». (Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, стр. 229, СПб., 1912).

⁴ О шульцевском «крестьянском праве» см. A. Thransehe-Roseneck. Op. cit., pp. 152—155.

раз навсегда урегулированные повинности и налоги, установил неотчуждаемость их самих и право жалобы, пробежала, подобно беглому огню, по всей стране... и даже за ее границы, в Курляндию и Литву. Не одни владельцы имений получили известие об этом неслыханном новшестве, оно распространилось в широких кругах крестьянства и привело их в понятное возбуждение. Экземпляры книги, содержащей эти определения (*Bestimmungen*),¹ требовались со всех сторон».²

При наличии описанных крестьянских настроений, посещение Екатериной II Лифляндии (летом 1764 г.) не могло не вызвать среди крестьян попыток найти защиту у новой царицы. Посещение это носило не менее помпезный характер, чем путешествия ее позднее по Волге и в Крым. При объезде Лифляндии царицу и ее свиту окружали должностные лица и местное дворянство, останавливалась она в замках знатных земельных магнатов. Но как ни затруднен был доступ «простого» народа к окруженной пышной свитой и важной знатью царице, случилось так, что крестьяне умудрились подать ей множество жалоб.³

Крестьянские жалобы доходили до Екатерины II еще до приезда ее в Прибалтику в 1764 г. По заявлению Шульца-Ашераденского в ландтаге 1765 г., тотчас же по восшествии Екатерины на престол ей «доложены были чернейшие клеветы... о тиранстве лифляндских дворян».⁴ В письме к Броуну, переданном через подполковника Ребиндера еще летом 1762 г., Екатерина писала, что ей «известно [что] во многих мызах здесь арендаторы и помещики не по-человечески с крестьянами обходятся».⁵ Помимо жалоб, о бедственном положении лифляндских

¹ Речь идет о «*Bauregesezbuch*» Шульца, напечатанной на латышском языке.

² J. E. Skardt. Op. cit., p. 310. Как и можно было ожидать, дворянство встретило скромную попытку Шульца улучшить положение своих крестьян резкой враждебностью. Прежде всего оно поспешило изъять из обращения статью «зловредную» брошюру, как «Ашераденское крестьянское право». Дворянство заставило барона Шульца отобрать все розданные между крестьянами экземпляры этого права, «из сожаления к самым плачевным последствиям, каким подвергнется общее благо от печатания и распространения прав ашераденских крестьян, если сделают из него злоупотребления либо сами крестьяне из злобы, соединенной с простотой, либо другие из охоты к разным каверзам» («Эстонец и его господин», ЧОИДР, 1872, кн. 4, стр. 28). Когда на дворянском ландтаге 1765 г. Шульц, предложив ввести ашераденское положение во всей Лифляндии, заключил свою речь словами, что «давно пора уничтожить право обращать человека в рабочую скотину», «ярость дворянства не знала пределов. Предание говорит, что барон Шульц едва не был выброшен в окно из Риттергауза, а положение его было сожжено» («Сборник матер. и статей по истории Прибалтийского края», II, стр. 589, Рига, 1879).

³ Перед приездом Екатерины генерал-губернатор Броун напомнил жителям Риги (несомненно об этом напоминалось и в других местах проезда царицы) об указах 12 июля 1762 г. и 11 июня 1763 г., строго запрещающих подачу прошений лично государыне, объявив, что «в случае необходимости прибегнуть кому-либо к защите верховной власти», прошения должны подаваться находящимся в свите царицы действительным статским советникам Елагину и Кузьмину. Одновременно Броун предупредил, что «лицо, подавшее прошение по какому-либо делу, разрешение коего зависит от общих или судебных инстанций, неминуемо подвергнется вызванию, определенному указом 12 июля 1762 г.» («Путешествие имп. Екатерины II по Эстляндии и Лифляндии в 1764 г.»—Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, II, стр. 571). Несмотря на эти напоминания, по словам А. Рихтера, «в бытность Екатерины II в Лифляндии... до нее дошло множество жалоб на жестокое обращение помещиков с своими крестьянами» («История крестьянского сословия в присоединенных к России прибалтийских губерниях», стр. 17, Рига, 1860).

⁴ G. Merkel. Die freie Letten, S. 132—133.

⁵ На письмо это Броун ответил (19 июля 1762 г.), что «здесьние арендаторы, правда, великое и неумеренное имеют лакомство в деньгах, через что не только крестьяне, но и земля всеконечно в разорение притти может, но только на них от крестьян важного прошения еще поныне не было... А что принадлежит до помещиковых крестьян, то хотя во время нынешней моей бытности здесь и было на помещиков четыре прошения, но сколько я притом видеть мог, что их прошение неправильно, и для того приказал обстоятельно и накрепчайшим образом земскому суду исследовать... Еще же я слышал, что здешний помещик барон Дельвиг своих крестьян крайне разо-

крестьян Екатерина могла узнать также от Эйзена, одного из первых лифляндских реформаторов». ¹ Представление о нищете лифляндских крепостных и их бесправии, которое Екатерина могла себе составить еще будучи в Петербурге, по дошедшим до нее туда жалобам и, может быть, по личным беседам с Эйзенем и его сочинениям, было еще усилено ее личными впечатлениями при проезде по Прибалтике. ² Чрезвычайно характерно, что за день до своего отъезда из Риги (14 июля) Екатерина приказала Броуну «принять меры к облегчению участи крестьян от всякого увеличения барщины». ³ Выступая по этому поручению на ландтаге 1765 г., Броун «настойчиво (*nachdrücklich*) упоминал о жалобах латышских крестьян на суровое и жестокое обращение, которые проникли до трона монархини». ⁴

Это необычное и странное на первый взгляд выступление Екатерины в роли защитницы крестьян находит свое объяснение прежде всего в наличии определенного конфликта между царским правительством и лифляндским дворянством, подробно вскрытого Я. Я. Зутисом. ⁵ Основанием для этого конфликта, который продолжался и в 80-х годах XVIII в. и резко обнаружился во время введения в Лифляндии общеимперских губернских учреждений, а также при проведении в жизнь жалованной грамоты дворянству, служили с одной стороны столкновение между централистическими стремлениями петербургского правительства, представлявшего общие интересы всего господствующего класса (дворянства), и сепаратистскими тенденциями лифляндского дворянства, которое отстаивало свое обособленное положение и привилегии, обеспечивавшие ему полное господство во всех областях жизни над крестьянством. С другой стороны, конфликт возникал на фискальной почве. Чрезмерная эксплуатация лифляндского крестьянства помещиками, его разорение, черты которого к 60-м годам выявились совершенно ясно, суживала для государства возможность извлечения из него налогов. Особенную остроту этот вопрос приобрел в результате семилетней войны, которая «сильно ухудшила материальное положение эстонских и латышских крестьян», так что «они с трудом могли уплачивать очередную дань, что отражалось также на росте недоимки по государственному налогу». ⁶ Волей-неволей центральное правительство рьят, но о том на него, Дельвига, еще никакого прошения мне не было» («Указы и рескрипты Екатерины II к лифляндскому и эстляндскому генерал-губернатору Броуну» — Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края, IV, стр. 284—285, Рига, 1883).

¹ Пастор Иоганн Георг Эйзен фон Шварценберг «очень милостиво был принят в Петербурге Петром III... Его работы были в Петербурге и при дворе известны, особенно в 1760—63 гг.» Дидерихс высказывает предположение, подтверждаемое, по его словам, некоторыми намеками Шульца-Ашераденского, что Екатерине не остались неизвестными сочинения Эйзена и что они, непосредственно или косвенно, оказали влияние также и на известные пропозиции, сделанные Броуну ландтагу в 1765 г. (*H. Diederichs, Carlieb Merkel, als Bekämpfer der Leibeigenschaft und seine Vorgänger. — Baltische Monatsschrift, XIX, S. 43, Riga, 1870.*)

² Меркель говорит, что «так как Екатерина... в своей молодости была в Германии и наблюдала счастливый уют немецких крестьян, то в Лифляндии ее поразило выражение горя и вялого уныния... на лицах лифляндских крестьян» (*G. Merkel. Die freie Letten, S. 132*)

³ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, II, стр. 588.

⁴ *Julius Eckardt. Op. cit., S. 313.*

⁵ Я. Зутис. Указ. соч., стр. 136—140.

⁶ Там же, стр. 137. По Лифляндии к началу 1761 г. задолженность по государственным налогам составила 5058 ефимков и 44775 четвертей хлеба, всего по пониженной официальной расценке на сумму свыше 70 тыс. ефимков. К 1762 г. одна денежная задолженность достигла 20863 ефимка. К 22 января 1765 г. только по Дерптскому и Перновскому уездам недоимка составляла 7 тыс. руб. деньгами и 7 тыс. четьв. хлеба. По данным лифляндских властей (в начале 60-х гг.), лифляндские крестьяне от дачи подвод под возку военного провизанта и проч. и от падежа скота потеряли свыше 5 тыс. лошадей (там же, стр. 139—140).

должно было заинтересоваться положением лифляндского крестьянина, ибо он являлся не только помещичьим крепостным, но помимо этого должен был также быть и исправным плательщиком государственных налогов. Все это делает понятным, почему, например, сочинения Эйзена, вскрывавшие причины крестьянского разорения и намечавшие средства к его устранению, могли находить себе дорогу в придворные сферы.¹ Транзехе-Розенек говорит, что Эйзен и некий советник Линк «в 60-х годах старались снискать у правительства благосклонность при посредстве плана аграрных реформ для Лифляндии, суля правительству от его осуществления большие выгоды в финансовом и военном отношении» и что только Шульцу во время его пребывания в Петербурге «удалось... положить конец проделкам этих авантюристов».²

Самый факт массовой подачи крестьянами жалоб царице является весьма знаменательным. До этого в течение ряда десятилетий угнетенное крестьянство молчало, как ни тяжело было его положение.³ Правда, крестьянство и тогда не оставалось инертной массой. Крестьянин «всеюда пытался давать отпор, если не открытыми «бунтами», восстаниями, то менее сильно действовавшими, но все же неприятными, а то и опасными для помещиков способами, как поджоги, порча скота, побег, самоубийства, а то и участвовавшие к середине века покушения на жизнь отдельных представителей помещичьей администрации или на самих помещиков».⁴ Однако подача крестьянам жалоб, да еще массовая, не может быть по своему значению поставлена на одну доску с перечисленными формами борьбы. подача жалоб обычно связана с действием массы и элементами хотя бы самой примитивной ее организации. Составление жалобы, выбор лиц (ходоков) для ее передачи по назначению, сбор денег на прогоны и продовольствие им — все это предполагает участие в движении если не всего крестьянского коллектива данного имения, то во всяком случае значительной его части. Поэтому факт массовой подачи жалоб в 60-х годах крестьянами Лифляндии должен рассматриваться, как показатель вступления крестьянства на путь организованной борьбы.

Известны пропозиции Броуна, предложенные ландтагу 1765 г.⁵ В угрожающем тоне Броун потребовал от ландтага немедленного устранения всего того, что ведет крестьян к унижению.⁶ Дворяне встретили требования Броуна враждебно. Указания на угнетение крестьян были объявлены клеветой. В массе своей дворянство не хотело поступать ни малейшей частицей своей власти над крестьянами и сначала вовсе хотело отклонить требования Броуна. Тогда Броун, видя, что время уходит в бесплодных дебатах, между тем как многие члены

¹ Тем более, что Эйзен писал о разорении лифляндских крестьян, а не крепостных крестьян вообще. Положение русских крестьян он, как позднее и другие писатели XVIII в., например, Меркель и Фрибе, считал далеко не столь тягостным, особенно вследствие сильного развития в России оброчной системы.

² A. Thransehe-Rosenek. Op. cit., p. 144. Квалификация Эйзена, как авантюриста, в устах баронского защитника, конечно, понятна: в крестьянском вопросе Эйзен занимал более левую позицию, чем Шульц и другие реформаторы.

³ Я. Зутис сообщает, что после жалобы каркусских крестьян в марте 1721 г. ему не удалось отыскать в бумагах камер-конторы ни одного аналогичного документа. Разумеется, отсюда нельзя заключать об отсутствии поводов к жалобам. Их было, конечно, более чем достаточно, и «характерное отсутствие жалоб за 30 лет в данном случае говорит не о том, что у крестьян не было поводов жаловаться, а прямо о противоположном: крестьян грабили и убивали и в то же время заставляли молчать» (Я. Зутис. Указ. соч., стр. 133).

⁴ Там же, стр. 137.

⁵ Главные причины крестьянской нищеты, по Броуну, заключались в отсутствии крестьянской собственности, неопределенности оброков и повинностей и жестоком использовании права домашних исправительных наказаний.

⁶ H. Diederichs. Op. cit., p. 42.

ландтага уже разъезжаются по домам, посылает в Рыцарский дом своего адъютанта Зоргера с поручением объявить собранию, что ландтаг должен быть закрыт не прежде, чем вынесет постановление о крестьянах; в противном случае требуемое постановление будет сделано «высоким местом». ¹ Угроза эта возымела свое действие. Постановления ландтага состоялись и, утвержденные генерал-губернатором 12 апреля 1765 г., были «для сведения» опубликованы. ²

Торжественно провозглашая устами ландтага незыблемость принципа, что «все, что имеет крестьянин, как и он сам, есть несомненная собственность господина, которою наследственный владелец может во всем по собственному желанию распоряжаться», дворянство все же вынуждено было установить на будущее время отдельную собственность крестьянина на его скот, лошадей, деньги, зерно, сено, а также «на все, что он может приобрести или от своих родителей унаследовать». Одновременно дворянство обещало не увеличивать натуральные оброки и нормировать барщину (количество работников и фур, которые крестьянский двор обязан был выставлять помещику). Кроме того, крестьяне получили право — при наложении на них больших, чем полагалось, работ и повинностей — приносить жалобы на помещика в полицейский суд (*Ordnungsgericht*) и т. д.

Разумеется, даже полное и безоговорочное проведение в жизнь всех постановлений ландтага 1765 г. ни в какой мере не означало еще уничтожения крепостного состояния. Оно осталось бы нерушимым, подвергнувшись лишь некоторым ограничениям и смягчениям. Но, помимо этого, постановления сопровождалась рядом оговорок, которые сводили их почти на-нет. ³ Обещанные уступки остались большей частью на бумаге, положение крестьянства и после ландтага 1765 г. почти не изменилось. Уступки давались только под напором крестьянского брожения, но брожение затихало, и уступки если не формально, то фактически брались обратно. По остроумному замечанию Меркеля, «люди (он хотел сказать: «лифляндские помещики») всегда похожи на французского вольнодумца, заказавшего в один постный день яичницу: когда поднялась гроза, он выбросил ее в окно; когда гроза прошла, заказал себе другую».

Самое осуществление постановлений ландтага 1765 г. было обставлено так, что эффект реформ на деле едва ли не сводился к нулю. Крестьян о постановлениях почти не информировали. ⁴ Надзора за выполнением постановлений почти никакого не было.

Необходимым условием проведения в жизнь постановлений ландтага о регулировании крестьянских повинностей являлась предварительная их запись (с последующей проверкой) в особых официальных книгах (вакенбухах — волостных земельных книгах), что позволяло в случае жалоб на владельца судить о ее правильности. Первоначально и

¹ Г. Меркель. Латыши — ЧОИДР, 1870, кн. 1, стр. 50; также L. Mellin. Noch einiges über die Bauerangelegenheiten in Liefland, S. 7.

² Эти постановления см. у J. Eckardt. Op. cit., pp. 329—332. По Эккардту (стр. 337), постановления ландтага 1765 г. были совершенно ничтожны (*werthlos*): «ни в хозяйственном, ни в политическом отношениях они не представляли ничего такого, что могло бы явиться прочным базисом для крестьянской реформы». По оценке Дидерихса (стр. 43), постановления эти «оставляли еще большой простор произволу и жестокости».

³ См. об этом E. Löning. Op. cit., pp. 112—113.

⁴ «Все предписания, относительно крестьян сделанные, хотя были им прочитаны в церквях, но, не быв напечатаны на их языке (латышском, эстонском), скоро приходили в забвение и, подавая повод к заблуждению по неосновательным толкам, нередко производили в них беспокойство, сопровождавшееся вредными последствиями» (ПСЗ, XVIII, № 21162 — Именной данный сенату указ от 20 февраля 1804 г., доклад комитета, учрежденного для рассмотрения лифляндских дел).

предполагалось заведение подобных книг, ранее этого существовавших для казенных имений, также и для помещичьих. Опубликованный 12 апреля 1765 г., одновременно с постановлениями ландтага, патент генерал-губернатора предписывал, чтобы «каждое приватное имение подало в Рыцарскую канцелярию сведение о повинностях крестьян в том виде, в каком они существовали ко времени ландтага, и в нем указало для осмерного гакнера, для четвертного гакнера и т. д., сколько он обязан исполнять обыкновенных работ, натуральных оброков, фур и экстраординарных повинностей». ¹ Ландратской коллегией для представления указанных сведений был назначен шестинедельный срок. Однако лишь очень небольшое число владельцев доставило требуемые сведения, большинство же их не прислало вовсе. Впрочем, ландратская коллегия в дальнейшем и не добивалась их присылки, присланные регулятивы никем не проверялись и не оформлялись, и вся эта затея скоро была предана забвению, поскольку ни дворянство, ни местные власти, находившиеся всецело в его руках, не были заинтересованы в ее осуществлении. ²

Как же приняло постановление 1765 г. само крестьянство? Гупель сообщает, что тотчас по оглашении в церквях броуновского патента (от 12 апреля 1765 г.) крестьяне начали приносить в Ордунгсгерихты жалобы, но эти жалобы, «как легко можно было ожидать, скоро прекратились», ибо «многие крестьяне получили там (может быть также и дома — этого я не знаю) розги». Далее он высказывает предположение, что наказания вызывались, вероятно, тем, что жалобщики не соблюдали условий, какими была обставлена подача жалобы. ³ Свидетельство Гупеля, приходского пастора, лично наблюдавшего реакцию крестьян на постановление 1765 г., очень ценно. Из его слов видно, что крестьяне стремились использовать данное им право жалобы массовым обращением в суды. Но что их там ожидало? — Розги, которые быстро отбили у них охоту жаловаться. Это был своего рода предметный урок, который должен был внушить крестьянам мысль об иллюзорности легальными путями достичь улучшения своего положения. Будденброк, который источник всего зла видел в незавершении работ по составлению регулятивов, отмечает, что возникавшее на этой почве недовольство крестьян судебными приговорами часто «приводило к насильственным сопротивлениям, которые могли повлечь за собою лишь противодействие военной силы». ⁴

¹ J. E s k a r d t. Op. cit., p. 332. В других пунктах патента говорилось о необходимости вознаграждения крестьян за работы сверх внесенных в регулятивы, о том, чтобы не чинилась помеха крестьянину в полевых работах на его участке и не накладывали на него лишних фур, о наказании за легкие проступки плеткой (Peitsche), а за более важные, как воровство, побег и пр., — розгами, но не более, чем десятью парами их, и притом каждую парю давать только три удара, о недержании крестьянина в карцере дольше 24 часов (если расследование не требует держать его дольше), о содержании арестованных зимой в теплом помещении и т. д.

² См. об этом B u d d e n b r o c k. Beitrag zur Geschichte der Livländischen Leibeigenschaft (в указанной книге H. S t o r c h'a, S. 147). Едкие замечания находим у Меркеля (ЧОИДР, 1870, кн. 1, стр. 50—51): «Каждый помещик показал на бумаге, чего он требует от своих людей. Написали, что им было угодно, и многие дворяне с жадностью ухватились за выпавший случай усилить барщину, точно как бы на законном основании. Все эти показания представлены в дворянский суд и должны были служить навсегда образцовыми, но как крестьян при этом случае не спрашивали, да никогда и не производилось повсеместного следствия, соблюдаются ли они на самом деле, то все эти меры не принесли почти никакой помощи. Такой ход имеют все постановления, издаваемые правительством для крестьянского блага. Их намерения и дух, в каком они написаны, превосходны, но исполнение поручается людям, которые сами помещики».

³ A. H u p e l. Topographische Nachrichten von Liefland und Estland, II, S. 223—224. Riga, 1777.

⁴ B u d d e n b r o c k. Op. cit., pp. 147—148.

Так закончилась первая попытка лифляндских крестьян в XVIII в. добиться лучшей доли. Неудача ее не могла пройти для них бесследно. Они увидели себя обманутыми. С другой стороны, постановления 1765 г., как они недостаточны ни были, нереализованные в жизнь, тем сильнее должны были будить в крестьянстве мысли о возможности лучшего существования, вызывать среди них брожение и, может быть, настоящие волнения. Если дворянству уже вскоре после опубликования постановлений 1765 г. удалось с помощью розг добиться прекращения крестьянских жалоб, то это не значит, что все вошло в свою колею. Уже «в 1771 г. кое-где начались волнения в связи с распространением слухов о неизбежной войне с Польшей».¹

Более серьезные крестьянские волнения возникают в Лифляндии в 1777 г. Правда, они носят пока еще локальный характер, ограничиваясь отдельными районами, но они весьма симптоматичны, как показатель нарастающего движения, охватившего понемногу весь край.

Первоначально волнения 1777 г. проявились в «наследном» имении Вольмарсгоф Рижского уезда и в арендном имении Марценгоф Венденского уезда² и выражались в неисполнении некоторых работ на помещиков, в «упорстве» против судебных учреждений и в попытках, не всегда однако удачных, принести жалобы непосредственно царице и наследнику.³ Вольмарсгоф и Марценгоф не были единственными имениями, где волновались крестьяне. В реляции Броуна от 24 мая 1777 г. говорится, что после его последнего рапорта (от 15 мая) «оказалось еще, [что] во многих коронных и господских деревнях господские крестьяне не хотят признавать своих помещиков, а коронные отказываются от всякого земледелия и приращения маестностей».⁴ Вызваны были волнения непомерными отягощениями крестьян разного рода работами (по подготовке и возке на большие расстояния леса, на постройках разного рода хозяйственных сооружений, на мызах и пр.).⁵ Особенно тяжело было положение вольмарсгофских крестьян — в течение 1773—76 гг. их буквально замучили непосильной работой (рубка и вывозка леса, разные постройки). Замучивались на этих работах и лошади, собственное хозяйство крестьян падало. «В сем году (1775), — жаловались крестьяне, — пришли мы в такие долги, что иной двор может подлинно сказать, что нет у него совсем хлеба, чтобы заплатить господину и взять для пищи семян, потому что из занятого хлеба ни одной меры в дому не оставлено, хотя бы дома и ничего не оставалось».⁶

Обремененные непосильными работами, стоявшие на грани полного разорения, еще не изжившие иллюзий 60-х гг. XVIII в., крестьяне подают жалобы царице и наследнику, посылают своих выборных в Пе-

¹ Я. Зутис. Указ. соч., стр. 152.

² Имение Марценгоф (Марцен) находилось в раунаасском церковном приходе и было в аренде у генерал-экономии-директора фон Энгельгарда.

³ «Волнения крестьян в Лифляндии в 1777 г. Из бумаг И. П. Шульгина. Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой русской истории XVIII и XIX веков, стр. 17—37. Спб., 1873.

⁴ Там же, стр. 30.

⁵ По поводу крестьянского движения 1777 г. Броун в своих пропозициях ландтагу этого года сообщил, что волнения произошли среди крестьян различных имений и что «жалобы возникли главным образом потому, что господа поссоры не только не ограничиваются раз навсегда твердо установленными по решениям ландтага повинностями, но требуют, в особенности при отправлении барщинных работ, в два, в три и более чем в три раза большего» (G. Merkel. Die freie Letten, S. 156—157). В реляции Броуна от 24 мая 1777 г. сказано, что «жалобы крестьян нашаче состоят в следующем: помещики требуют от них больше работы при земледелии, винокурении, при возке дров и протчего, сколько надлежит и сверх их возможности» («Волнения крестьян в Лифляндии в 1777 г.», стр. 30).

⁶ «Волнения крестьян в Лифляндии в 1777 г.», стр. 23.

тербург, но этих выборных ловят и сажают в тюрьмы. Несмотря на свою все еще мирную форму, крестьянские «замешательства» (термин официальных бумаг) жестоко подавляются: участников волнений бросают в тюрьмы,¹ заклепывают в колодки, нещадно секут, а зачинщиков замучивают до смерти. Экзекуция крестьян у церковных столбов в Вольмарсгофе 21 мая 1777 г. — одна из драматических картин крестьянского движения этого периода.² Но крестьяне не сдаются, упорно добиваются своего и в некоторых случаях достигают сложения непосильных работ и даже уплаты за них.³

Волнения 1777 г. явились как бы преддверием к несравненно более широкому волнению 1784 г., охватившим почти всю Лифляндию. По широте охвата крестьянской массы и по своим целям эти волнения можно назвать настоящим народным восстанием.

Одним из толчков к восстанию явилась подушная подать, введенная в Лифляндии (а также в Эстляндии и Выборгской губ.) и заменившая собою старинные казенные налоги.⁴ Введена была подушная подать на основании именного указа от 3 мая 1783 г. (о податях с купечества, мещан, крестьян и других обывателей). По указу этому велено было «вместо полагаемых до сего времени с гаков, мантелей, гемантов и тому подобных податей собирать с крестьян казенного ведомства и помещиков с каждой мужского пола души по 70 коп. в год».⁵

Существенными особенностями нового налога были сложность расчета его размеров и самый способ взимания. Провиант и фураж, входившие, как мы видели, в стационарный налог, и впредь должны были вноситься в натуре, но стоимость их, исчисленная по особо утвержденным ценам, исключалась из ставки подушного сбора.⁶ Так как при этом провиант и фураж взимались с гагена, а подать с души, то необходимо было и то и другое привести сначала к общему знаменателю и уже затем определить разницу, какая, за вычетом из подушного оклада стоимости провианта и фуража, ложилась на каждую ревизскую душу. Что касается способа взимания подати, то указ позволял дворянству «общее или каждому помещику особо» (а также и крестьянам казенного ведомства «под надзором» экономических директоров) делать раскладку «по гакам или другим соображениям», — обстоятельство, открывшее дворянству возможность взять уплату крестьянского подушного сбора в свои руки, а взамен этого увеличить в свою пользу крестьянские повин-

¹ Одно время сидело в Риге 39 крестьян в цепях («Волнения крестьян в Лифляндии в 1777 г.», стр. 27).

² Там же, стр. 17.—21.

³ «Некоторые из сих жалоб, — писал Броун (реляция от 24 мая 1777 г.), найдены справедливыми во всех трех господских мызах, а именно: в Вендене, Вольмарсгофе и Боллоде; но... в оных трех маестностях все излишние работы оставлены и помещику приказано щедро заплатить крестьянам за излишнюю работу» (там же., стр. 30).

⁴ В сельских местностях эти прежние налоги состояли из «Station» (станция, стационарный налог) и «Rossdienstgeld» (рейтарские деньги), взимавшихся с гагена. Стация, исчислявшаяся в определенной денежной сумме с гагена, вносилась главным образом в натуре (хлеб и фураж для армии — рожь, ячмень, овес, сено) и лишь в небольшой доле деньгами (так называемые Schiesse- und Balkengelder). «Rossdienstgeld» вносились исключительно деньгами. Оба налога уплачивались в казну помещиками, но, конечно, они их переключивали на крестьян. См. J. Esкардт. Op. cit., pp. 395—396; Я. Зутис. Указ. соч., стр. 62.

⁵ ПСЗ, XXI, № 15724. Сенатский указ ревельскому и рижскому генерал-губернатору о введении этой подати в Лифляндской и Эстляндской губ. датируется 17 ноября 1783 г. (Gedrückte Patente, S. 224).

⁶ «Провиант и фураж должны поступать в числе установленной подати собираемые» (ПСЗ, XXI, № 15724). Цены, по которым надлежало оценивать провиант и фураж, были утверждены Сенатом и для Остзейского края составляли (за четверть): рожь 2 р., ячмень — 1 р. 05 к., овес — 1 р. 10 к. и сено 5 к. за пуд (ПСЗ, XXII, № 15906 — Высочайше утвержденный доклад Сената от 17 января 1784 г.; Gedrückte Patente, приказ рижского наместнического правления от 6 февраля 1784 г.).

ности.¹ Таким образом, для крестьян новый налог означал не только замену одних налогов другими, но и весьма реальное их увеличение новыми добавочными повинностями в пользу помещика.² По Розину-Азису, сенаторы, расследовавшие причины волнений 1784 г., «убедились, что подлинной причиной и поводом к восстанию послужило то обстоятельство, что многие бароны, заплатив за своих крестьян подушный налог, наложили на последних несоразмерную барщину».³ Но крестьянство стремилось не только к устранению добавочной новой барщины. Причины крестьянского движения лежали гораздо глубже и затрагивали самые основы крепостного права.

В другом месте цитированной работы, изданной в 1797 г., т. е. спустя 13 лет после восстания, Меркель, воскрешая воспоминания «смятенный из-за подушной подати», как он называет восстание 1784 г., писал, что при обнародовании указа о подушной подати «один пастор ясно отозвался о свойствах и цели этого налога и подал повод к недоразумению, вероятно умышленному, будто крестьяне с этих пор будут принадлежать казне. Тотчас же выборные роннебургских латышей начали рыскать по стране и везде приглашали народ поддерживать свои новые права».⁴

Возможно, что какой-нибудь пастор и выступил с подобным разъяснением. Но дело не в нем. Напряженное состояние, в котором находилось крестьянство за время, предшествовавшее 1784 г., начиная с 60-х годов, должно было найти свою разрядку. При таком состоянии, вызванном все ухудшавшимся положением крестьян и усиливавшейся эксплуатацией их помещиками, достаточно было сравнительно небольшого повода, чтобы вспыхнуло восстание. Введение подушной подати, сопровождавшееся наложением на крестьян новых повинностей, сыграло роль такой искры, вызвавшей пожар, и сразу же вскрылся истинный характер крестьянского движения, его затаенная цель — если не полное освобождение от крепостного права, то избавление от помещичьего гнета путем перехода в ведение казны. Правда, этот переход не освобождал крестьян от гнета со стороны арендаторов казенных имений, но все же положение казенных крестьян было несравнимо лучше положения помещичьих крестьян, хотя бы уже по одному тому, что в казенных имениях действовали вакенбухи, регулировавшие повинности.

Что речь идет именно об этом, было ясно местной администрации еще в 1783 г., когда среди крестьян начиналось уже очевидно сильное брожение. Еще 17 сентября 1783 г. издается генерал-губернаторский

¹ Будденброк сообщает, что по указу наместнического правления от 12 апреля 1784 г., остаток подушной подати, за вычетом оцененной в деньгах стаии, подлежал разверстке между крестьянами, и причитавшуюся по ней сумму либо крестьяне вносили наличными сами, либо вносил за них помещик, и тогда ему предоставлялось установить повинности, которыми крестьянин должен был возместить помещику внесенную им за него подать. «Благодаря этому законному основанию во многих имениях возникли новые барщины для подушной подати, так как обычно крестьянина наличных денег не имел» (Buddenbrock. Op. cit., pp. 149—150).

² Меркель отмечает, что «во многих местах латыши никак не были в состоянии заплатить эти деньги (подушную подать). В других умели их уговорить, чтобы они добровольно бросились в руки дворянства или, лучше сказать, к ногам его. Оно уплатит эти подушные, но зато станет собирать коронные подати и наложит на крестьян новые повинности, как ему будет угодно» (ЧОИДР, 1870, кн. I, стр. 54). Розин-Азис указывает, что в результате введения подушной подати «чрезмерные и без того повинности крестьян... были увеличены на две трети, что и «переполнило чашу крестьянского терпения: в 1784 г. начался великий крестьянский бунт» (Ф. Розин-Азис. Страницы из истории крестьянства. Ист.-эконом. исследование аграрных отношений в Прибалтике, стр. 130, Л., 1925).

³ Ф. Розин-Азис. Указ. соч., стр. 131.

⁴ G. Merkel. Die freie Letten, S. 111.

патент о том, что взимание с крестьян подушной подати не освобождает их от отправления ими господской барщины и натуральных повинностей.¹ Значит, уже в конце 1783 г. среди крестьян шли толки о том, что теперь они вправе не исполнять господские повинности.

По словам Гупеля, «вначале крестьяне в некоторых местностях не могли или не хотели совершенно понять, что они должны и подушную подать платить и все-таки отправлять также еще и барщину на помещичьем дворе. Они упорствовали, не выходили на работу и открыто возмущались, почему и должны были быть приведены к послушанию мерами военной строгости».² Очень интересно то, что писал Будденброк, член комитета по лифляндским делам, разработавшего крестьянское положение 1804 г.: «В 1783 г.³ вновь прорвалось недовольство. Крестьяне вообразили, что с введением подушной подати... они сравнены с казенными крестьянами и будут руководствоваться одними казенными вакенбухами. В крестьянских заседателях судебных мест увидели они своих заступников. Из факта уничтожения ландратской коллегии они заключили, что вся судебная власть над ними будет у помещиков отнята и передана губернатору. Готовность его их выслушать и дать их жалобам судебный ход утвердила еще больше в некоторых имениях их упорство, доведя его до степени революционного состояния, которое лишь строгие военные меры могли уничтожить».⁴ По донесению Броуна царице (от 15 июня 1784 г.) требования крестьян были разнообразны: «большая часть требует свободы от повиновения, иные хотят подушные деньги вносить в казначейства сами и получить квитанции каждый на

¹ Издание этого патента не помешало, впрочем, Броуну думать, что вся беда произошла лишь от неправильного способа взимания нового налога. В своем донесении Екатерине II от 15 июня 1784 г., когда крестьянское восстание было уже в разгаре, Броун вспоминал, что наложенную в минувшую турецкую войну подать дворяне будто бы платили «с великою охотою и крестьян для того работою не обременяли». Если бы теперь, — писал он, — «вместо подушных денег наложили соразмерную оным подать на казенные и дворянские имения, то все бы платили без сопротивления и не было бы повода к возмущению, как это теперь случилось». Но Броун ошибался. Если не этот, то другой повод все равно развязал бы скрытые силы крестьянского движения, направленного если не к полному уничтожению крепостного права, то к его существенному ограничению. Донесение Броуна извлечено нами из Воронцовского архива, хранившегося (в 1924 г.) во Владимирском губернском архивном бюро: «Переписка рижского генерал-губернатора графа Ю. Ю. Броуна с графом А. Р. Воронцовым (с 3 июня по 12 сентября 1784 г.) о происшедшем в Лифляндии, особенно в мызе Каролен, возмущении крестьян тамошних». В дальнейшем ссылки на эту «Переписку» делаются кратко: Воронц. архив.

² A. Hupel. Die gegenwärtige Verfassung, S. 90. Транзехе-Розенек (стр. 187) пытается крестьянские «идеи» объяснить несовершенством способа, каким крестьянам объявлялись указы, касавшиеся их. Эти указы «оглашались пасторами после службы с церковной кафедры; было естественно, что вследствие этого возникали частые недоразумения, отчасти потому, что огромная масса крестьян-прихожан, совершенно заполнявших не только самую церковь, но и пространство вокруг нее и непрерывно протискивавшихся взад и вперед через широко раскрытые двери, слушало повеления только урывками, частью потому, что понимало их несовершенно. Понятно поэтому, что в крестьянских головах очень скоро завелись странные и нелепые представления. Некоторые вообразили, что с этого времени все крестьяне должны принадлежать казне, другие — и это мнение распространилось повсюду, несмотря на то, что были сделаны специальные публикации (генерал-губернаторский патент от 9 сентября 1783 г.), — что будто бы с уплаты подушной подати всякие дальнейшие повинности в пользу помещика должны прекратиться. По всей стране началось брожение».

³ В 1784 г. Будденброк, как и некоторые другие авторы, говорит о крестьянских волнениях 1783 г. Возможно, что движение начало проявляться еще в 1783 г., однако полной силы оно достигло лишь в 1784 г.

⁴ Buddenbrock. Op. cit., p. 148. Впрочем, замечания Будденброка о ландратской коллегии к 1783 г. относиться не могут, так как указ Екатерины о «небытии в Рижской и Ревельской губ. ландратам и ландратским коллегиям» был дан позднее — в августе 1786 г.

свое имя...¹ Другие хотят более платить подушных денег, нежели от них требуют. Многие хотят подушные деньги платить в Риге, а не в уездных городах — словом, требования их несчетны и долго бы было их описывать».²

Из сказанного следует, что крестьянское движение было направлено главным образом на освобождение от помещичьей зависимости. Крестьяне готовы были стать казенными крестьянами, хотели даже платить больше подушных денег, лишь бы получить освобождение от помещиков.

Несомненно, что волнениям 1784 г. предшествовало более или менее длительное брожение среди крестьян в 1783 г. (а может быть еще и раньше). Необходимо вкратце остановиться на обстановке, в которой развивалось это брожение. 1783 год был для Прибалтики годом реформ, внесших существенные изменения в жизнь края. В этом году был нанесен очень чувствительный удар лифляндскому сепаратизму: были введены губернские учреждения, сходные с существовавшими в других частях России, и таким образом были уничтожены старинные местные учреждения. Введение общеимперских учреждений вызвало тревогу в господствовавших лифляндских кругах, преимущественно среди дворянства и крупного бюргерства, боявшихся потерять свои привилегии.³ Тревога эта настолько была велика, что для успокоения дворянства потребовался особый именной указ рижскому и ревельскому генерал-губернатору (от 5 апреля 1784 г.), в котором говорилось, что «управление губерний мы обязаны были распространить однообразно», но что «учреждения наши от 7 ноября 1775 г. не лишают ни одного чина или состояния народного принадлежащих ему прав».⁴

В введении новых учреждений заслуживает внимания один момент, который мог способствовать усилению брожения среди крестьян: в новые судебные места, в том числе в нижний земский суд, были посажены с правом голоса заседатели от крестьянства, «чем столь пригнетенное сословие было возвышено и вследствие чего привыкло к мысли, что также и крестьянин может быть государственным чиновником и судьей».⁵ Реформа эта, встреченная крестьянством сочувственно, была принята ими, как показатель наступающих в его жизни перемен к лучшему.⁶

5 мая 1783 г. был издан манифест Екатерины, возвещавший о соединении в губерниях Рижской и Ревельской поместий с вотчинами.⁷

¹ Броун считал это недопустимым, так как в казенную палату надлежит представлять квитанции от селений, а не от каждого крестьянина в отдельности.

² Воронц. архив.

³ Граф де-Брай говорит, что планы Екатерины «распространили тревогу в этой провинции в отношении сохранения ее политических интересов» (*Essai critique sur l'histoire de la Livonie*, I, pp. 329—330, Dorpat, 1817).

⁴ ПСЗ, XXII, № 15979.

⁵ L. Mellin. *Op. cit.*, pp. 9—10. «Депутаты от крестьян были призваны заседать в некоторых окружных судах и даже в некоторых центральных судебных местах» («Об изменении быта крестьян Остзейской губ.» — «Русский вестник», XIII за 1858 г., стр. 312).

⁶ Будденброк (стр. 148) отмечает, что «новое устройство судебных учреждений привело крестьян к мысли, что и для них также должны наступить улучшения». Однако дальнейшая судьба этой реформы была плачевна. При подавлении восстания 1784 г. многие крестьяне-заседатели были изгнаны местной властью из судов, и затем, кажется, крестьянское заседательство сохранилось только для казенных крестьян. Во что к концу XVIII в. превратился этот институт, рассказывает Меркель в своих «Латышах» (стр. 94): «Положение ливонских заседателей ни приятно, ни почетно. Они получают только 100 руб. содержания, а презрение, в каком находится их народ, пристало и к ним. В суде состоят они в приказаниях у секретаря, и если... пригласят их в другие суды для постановления... по делам казенных крестьян, то не подают им даже и стула; для вида только спрашивают у них мнения; они должны только подписываться, зажигать свечу для приложения печати, подавать плащи и обтирать сапоги у немецких заседателей и писцов». При Павле институт заседателей был вовсе отменен.

⁷ ПСЗ, XXI, № 15719.

Это был пряник, компенсировавший дворянству потерю старинных лифляндских учреждений. Помещики, опасавшиеся, как бы не получить из рук правительства редуцию по шведскому образцу (отобрание имений в казну), приветствовали этот манифест, уничтожавший пестроту феодальных форм землевладения и передававший им в полную собственность все ленные земли. В том же 1783 г. распространились слухи (потом оказалось, что они ложны) о том, будто бы при объявлении тогда в России рекрутского набора потребуют рекрут и с Лифляндии.¹ При проведении в жизнь указа о подушной подати обнаружились разность и отсутствие согласованности в действиях между центральной властью и местной. Такая разность еще более усиливала сумятицу, царившую вообще в связи с проводимыми реформами в кругах местной администрации и дворянства.²

В итоге к началу 1784 г. в Лифляндии создалась напряженная атмосфера, чувствовалось приближение бури, и действительно в первой же половине 1784 г. крестьянское брожение приняло открытые формы и сразу же получило широкий размах. «В самых различных местностях вспыхнуло теперь возмущение».³ Инициаторами движения, способствовавшими тому, что оно разлилось по всей стране, видимо, надо считать роннебургских крестьян.⁴ Меркель подчеркивает эту инициативу роннебургцев: «Тотчас же [по оглашении указа о подушной подати] выборные роннебургских латышей начали рыскать по стране и везде приглашали народ поддерживать свои новые права. Согласно с тем, многие общины отказали своим господам в повиновении. В С... даже дворовая челядь и повар объявили, что пусть господа сами готовят себе кушанье, а они вольные. В Д... община заперла для пастора кирку, потому что он, по ее словам, прочитал указ в переименованном

¹ В XVIII в. в Лифляндии и Эстляндии рекрутской повинности не существовало, но это не означает, что лифляндские и эстляндские крестьяне не попадали в солдаты: дворяне «нашли способ извлекать прибыль и из самого тела рабов. Людей покрепче и поздоровее они продавали вербовщикам» («Эстонец и его господин», ЧОИДР, 1872, кн. 4, стр. 13). Введена рекрутская повинность в Прибалтике была при Павле.

² Fr. Bienemann. Die staathalterschaftliche Zeit. — Baltische Monatsschrift, XXXI, S. 217—218, Reval, 1884.

³ A. Thransehe-Rosenek. Op. cit., p. 187.

⁴ Имение Роннебург Венденского уезда (латышское название Рауна) находилось в 3 милях от Вендена и в 4 милях от Вольмара. Замок Роннебург Екатерина II подарила Орлову, который через несколько лет его продал. После Орлова замком владели братья Беренс фон-Раутенфельд (в имении их, по сведениям 1765 г., было 41³/₈ гагена). Неподдалеку от него в имении Нейгоф советницы Беренс фон-Раутенфельд находилась табачная фабрика (A. Hupel. Topographische Nachrichten, III, S. 155—158; Die gegenwärtige Verfassung, S. 360). Писатели XVII в. настойчиво подчеркивают, что район Роннебурга отличался зажиточностью и трудолюбием крестьян; одновременно они искусные ткачи и принадлежат к гернгутерам. Гупель писал, что в имении Роннебург «находится еще много зажиточных крестьян, живущих в довольно порядочных жилищах, имеющих чистые комнаты; некоторых из них можно назвать даже богатыми» (A. Hupel. Topogr. Nachr., III, S. 158). Меркель говорит, что «роннебургские ткачи славятся своею способностью» («Латыши», стр. 127). Фрибе отмечает, что «в церковных приходах Венден, Роннебург, Трикатен, Вольмар, Смильтен и Буртнек мы находим наиболее зажиточных и к тому же наиболее трудолюбивых латышей. Ткачество и, может быть, так же то, что большая часть крестьян в этих приходах принадлежит к братской общине (гернгутеров), отчего они работают трудолюбивее и меньше предаются расточительности, очень способствует также их лучшему благосостоянию» (W. Friebe. Op. cit., p. 73). «Лучшие ткачи, — читаем у него же в другом месте, — которые сами выделывают превосходное образцовое столовое бельё, совершенно в голландском роде, находятся в церковных приходах Вендена, Роннебурга, Смильтена, Трикатена, а также некоторые в Мариенбурге. Те, которые находятся в первых четырех приходах, принадлежат большей частью к гернгутерским братским общинам. Поэтому кажется, что их прилежание, трудолюбие и даже большая просвещенность — следствие их сообщества (Consociation)» (там же, стр. 206).

виде и хочет обмануть ее вольностью [скрыть от нее вольность. — Е. Д.]. Крестьяне везде грозили пожаром и убийством, если не окажут им справедливости. В Раппине¹ они сопротивлялись даже судам, да и самое войско могло их рассеять не прежде, как пятеро из них были убиты и многие ранены. В Смильтене² они на самом деле подняли руку на генерал-губернатора — доказательство, до какой крайности дошло их бешенство. Тысячами стремились они в уездный город и чрезвычайно буйно требовали, чтобы суды тотчас же приняли от них самих поголовную подать, чтобы им не иметь больше дела с дворянами. Так как сделать этого было нельзя, то, несмотря на поспешное вооружение граждан, город сделался бы жертвою их неистовства, если бы генерал-губернатор не прислал туда войска. Мятежники были разогнаны, а из коноводов их иные осуждены в крепостную работу, иные к ссылке в Сибирь, а другие — к всенародному наказанию плетьюми. Во многих поместьях, однако же, крестьяне упорно стояли на том, чтобы им самим платить подушные, чтобы не обсчитывать себя на будущее время. Между прочим, поместье Дикельн³ показало, какой общий дух одушевлял крестьян. Слишком четыре недели крестьяне этого поместья выдержали экзекуционную команду из 50 чел. с одним офицером, давали ей жалование, скот и другое содержание, прежде чем решились выдать спрятанных своих коноводов. Уже при этих смятениях дворянство погибло бы, если бы... в области не было достаточно войска». ⁴ Транзехе-Розенек отмечает, что «в Кремоне и Энгельгардсгофе восстали крестьяне... также волновались они в Дикельне. Также на севере, в Газелау, Каролене и Раппине вспыхивает возмущение». ⁵ Факт избения крестьянами в Смильтене генерал-губернатора приводится у ряда авторов и, повидимому, не возбуждает сомнения. ⁶ Движение не ограничи-

¹ Церковный приход Раппин в Верросском уезде. Гупель характеризует его как малоплодородный лесной район: много бесплодных болот, лес на Пейпусе. В приходе было 589 крестьянских усадеб; довольно много православных, для которых выстроена отдельная церковь. Имение Раппин вместе с имением Вебс, принадлежащее барону фон-Левенвольд (в 1765 г. — 65³/₄ га.), граничит с Россней, имеет прекрасный лес, рыбные ловли на озере Пейпус, 2 водяные мельницы (мучную и пильную) и значительную писчебумажную фабрику, при которой в оодобом поселке (Papierdorf) находятся 22 квартиры «фабрикантов» (фабричных рабочих). (A. Hupel. Topographische Nachrichten, II Nachtrag 11; III, S. 283—284; Die gegenwärtige Verfassung, S. 434).

² Смильтен лежит в Венденском уезде. Название от латышского слова Smiltis — песок. В церковном приходе Смильтен почва большей частью песчаная, требует большой культуры, но родит хорошую рожь, урожай сам-6—7. Ежегодно делается много огнищ. Обеспечен дровами. В приходе 322 крестьянских жилища. В Смильтене сеют много льна. В имении 8 корчем, всего 30⁷/₈ гаекенов. Часть их была пожалована в 1759 г. Елизаветой Броуну, остальные ему же — Екатериной (A. Hupel. Topographische Nachrichten, II Nachtrag 68; III, S. 160; Die gegenw. Verfass., S. 411).

³ Имение это находилось в церковном приходе того же наименования в Вольмарском уезде, владел им майор Тизенгаузен, в 1765 г. в имении (вместе с Вирендорфом) было 5 гаекенов (A. Hupel. Die gegenwärtige Verfassung, S. 390).

⁴ Г. Меркель. Латыши — ЧОИДР. 1870, кн. 1, стр. 11—112. Отметим кстати, что у Транзехе-Розенек (стр. 187—188), Розин-Азиса (стр. 130—131) и других авторов сообщения о крестьянских волнениях представляют собою за небольшими исключениями перефразировку данных Меркеля.

⁵ A. Thransehe-Rosenek. Op cit., pp. 187—188. Имение Кремон (по-латышски Кримульд), лежащее на Петербургской дороге, в 7 милях от Риги, и расположенный рядом с ним Энгельгардсгоф находились в церковном приходе Кремон Рижского уезда, насчитывали в 1765 г. 14⁵/₈ и 8⁷/₈ гаекенов и в 80-х гг. принадлежали ландрату фон-Гельмерсену (A. Hupel. Topographische Nachrichten, III, S. 85). Имение Газелау, принадлежавшее обер-камергеру Шереметеву, находилось в Сагницком приходе Дерптского уезда, в 1765 г. в нем числилось 16¹/₄ гаекенов (там же, стр. 258).

⁶ «Vergreifen sich täglich am General Gouverneur» (A. Thransehe-Rosenek. Op. cit., S. 187—188); «высекали своего помещика, главу прибалтийских провинций» (Ф. Розин-Азис. Указ. соч., стр. 131) и т. д.

лось помещичьими крестьянами и захватывало также и казенных крестьян. В мае рижский губернатор Беклешов послал Дерптской экономии приказ о немедленном командировании в казенные имения комиссара для разъяснения крестьянам указа о подушной подати и приведения их к спокойствию.¹

Из разных мест рижского наместничества крестьяне посылали своих выборных (по несколько человек от каждого имения) к рижскому губернатору для принесения жалоб и предъявления своих требований. Так, в конце мая к нему являлись крестьяне из имений: Гравенталь (2 чел.), Ламсдорф (4), Гейстергоф (1 женщ.), Феннен (4), Розенгоф (7), Рогозинское (число не указано), а также из имений Перновского уезда: Керсель (2), Виллуст (2), Мурвинас (2), Керстенгоф (2).² Волнения охватили также крестьян известного ашераденского имения Шульца, где еще в 1764 г. было введено «крестьянское право».³ В мае ашераденские крестьяне «отказали суду в повиновении и принудили его выйти к ним из дому и предстать непосредственно пред ними под открытым небом. Подобная же участь постигла [тогда же] Киррумпакоикюльский нижний земский суд в Каролене».⁴

В июне движение продолжало разрастаться. Генерал-губернатор Броун доносил 15 июня царице, что «судебным местам делают насилия, с начальниками обходятся с поруганием».⁵ Волнение охватило почти всю Лифляндию. В том же донесении Броун писал, что «возмущение во всей губернии есть общее. Почти нет деревни, которая бы не была в волнении, а если некоторые явно того еще не сделали, то ожидают, чтобы возмущение было повсюду». Вообще к 15 июня, к дате цитируемого донесения Броуна, движение разрослось настолько, что наличные войска едва могли его сдерживать. Броун писал, что хотя он «обе леттские округа⁶ двумя эскадронами Псковского карабинерного полка целые три недели удерживал от убийства и опустошения, но они и досе-

¹ Воронц. архив.

² Гравенталь, Ламсдорф и Гейстергоф находились в Венденском уезде, из них Ламсдорф — в церковном приходе Линден, остальные — в приходе Сесвегена. Гейстергоф был подарен Екатериной II генерал-майору Зоричу. Имение Ламсдорф принадлежало генерал-майору фон-Брюмер, в 1765 г. имело 10½ гаконов (A. Hupel. Topographische Nachrichten, III, S. 182, 195, 196). Розенгоф и Рогозинское находились в церковном приходе Рауге Верросского уезда. Первое имение принадлежало ассесору барону Розену, второе — майору фон-Глазеналу (там же, стр. 286). Керстенгоф находился в приходе Гельмар и принадлежал ландмаршалу фон-Анрепу, в 1765 г. имел 5⁵/₈ гаконов (там же, стр. 329); Виллуст — в приходе Пайстель, принадлежал капитану фон-Боку, в 1765 г. — 5¹/₂ гаконов; имений с названием Керсель в Перновском уезде два: в приходе Сааре майора барона Игельстрема (A. Hupel. Topogr. Nachr., III, S. 338, и Die gegenwärtige Verfassung, S. 521) и в приходе Пайстель — ассистента фон-Бока (A. Hupel. Topogr. Nachr., III, S. 325, 329).

³ Имения Шульца лежали на берегу Западной Двины в Рижском уезде. По Гупелю, весь церковный приход Ашераден принадлежал фон-Шульцам, из них Ашераденом с Лангхольмом (в 1765 г. 10³/₄ гакона) владел ландрат С. Ф. Шульц, а Ремерсгофом (11⁵/₈ гаконов) — капитан Шульц. Приход выделялся высокими урожаями (в среднем сам-6—8) (A. Hupel. Topographische Nachrichten, III, S. 178; Die gegenwärtige Verfassung, S. 353). Участие ашераденских крестьян в движении 1784 г. объясняется тем, что они после смерти Шульца-Ашераденского (умер в 1782 г.) уже не пользовались «крестьянским правом». Меркель говорит («Латыши», стр. 61—62), что «попытки ашераденских крестьян остаться при своих правах принесли им одни только розги», «у них даже отобрали розданные между ними отгиски законов».

⁴ Воронц. архив. Киррумпакоикюль в Верросском у. в 8 милях от Дерпта.

⁵ Агрессивные действия крестьян по отношению к судам станут понятны, если вспомнить, что по указу наместнического правления от 12 апреля 1784 г. (см. Gedrückte Patente) жалобы крестьян по поводу взимания подушных денег подлежали рассмотрению нижних земских судов.

⁶ До 1783 г. Лифляндия делилась всего на 4 округа, из них Рижская и Венденская были населены латышами и считались леттскими, а Перновская и Дерптская — эстонскими.

ле в великом волнении». «Теперь вижу, — продолжает он, — что высокий указ¹ пособить не может, а поступать мне с ними должно будет строго и наказывать тяжело, коль скоро полки придут, но как явно я еще до сего дня приходу войск не вижу, то намерен пробить здесь (в Смильтене) еще одни сутки, после нечего будет иного делать, как возвращаться в Ригу и стараться о сохранении моего живота, а губернию с дворянами и прикащиками (управляющими имениями? — Е. Д.) оставить на убиение и произвол бунтующей черни».² Пребывание Броуна с карабинерами в Смильтене показывает, что Венденский уезд был одним из главных очагов восстания. Паническое донесение его, только что приведенное, достаточно характеризует мощность движения 1784 г. и растерянность властей. Действительно, «успех восстания был большой».³ Оно стало всеобщим крестьянским.⁴

В печати и в выявленных архивных материалах поименованы 24 имения, в которых в 1784 г. происходили волнения.⁵ Это, конечно, не все имения, где происходило крестьянское движение этого года, но лишь те из них, в которых волнения либо отличались особой силой и упорством, либо выделялись по своему характеру и форме. Выше мы приводили компетентное свидетельство Броуна о том, что «возмущение во всей губернии есть общее».

Одну из наиболее ярких страниц в истории крестьянского восстания 1784 г. представляют события в Каролене.⁶ Верросский капитан-исправник Шульман назначил на 18 августа наказание 10 содержащихся там под стражей кароленских крестьян. В этот день он отправился с арестованными в кароленскую церковь, взяв с собою «для прикрытия арестантов» и «для собственной безопасности и соблюдения порядка» 50 солдат Нарвского полка под командой поручика Герасимова и прапорщика Ерпса. В кароленской церкви и около нее собрались не только многочисленные прихожане кароленского прихода, но также сбежавшиеся сюда крестьяне из соседних кирхшпилей (церковных приходов): Сагница, Анцена и др.⁷ Пастор в церкви сначала «прочитал вслух указ о не-

¹ Речь идет о царском указе, на издании которого он раньше настаивал (о том, чтобы крестьяне сами платили подушную подать, но одновременно оставались в наследственном подчинении своим помещикам).

² Воронц. архив — донесение царице от 15 июня 1784 г.

³ Ф. Розин-Азис. Указ. соч., стр. 131.

⁴ Гупель, склонный к преуменьшению размеров и значения восстания 1784 г., указывает, что волнения этого года были не во всех округах Лифляндии и что их вовсе не было в Эстляндии, хотя там крестьяне отправляли большую барщину, чем в Лифляндии (*Die gegenwärtige Verfassung*, S. 90). Сохранение спокойствия в некоторых местностях он приписывает пасторам: «Некоторые пасторы, пользовавшиеся в своих приходах уважением и доверием, своими увещаниями удерживали своих прихожан-крестьян в порядке и послушании к их помещикам» (стр. 91). В Эстляндии брожение среди крестьян все же, повидимому, происходило, хотя, может быть, и не выливалось в открытое движение.

⁵ Имения эти: в Рижском у. — Ашераден, Кремен (Кримульд), Энгельгардсгоф; в Вольмарском — Диккельн; в Верросском — Каролен (Каруль), Рогозинское, Розенгоф, Анцен, Раппин; в Венденском — Роннебург (Рауна), Гейстергоф, Гравенталь, Ламсдорф, Смильтен; в Дерптском — Сагниц, Газелау, Валуга; в Перновском — Керстенгоф, Керсель, Абаи, Виллуст, Эйзекуль, Мурвинас; не указано в каком уезде Феннен.

⁶ Имение Каролен находилось в приходе того же названия Верросского уезда и вместе с Рербергом и Ерепе принадлежало майору фон-дер Брюгге; в 1765 г. в нем числилось 16³/₈ гаженов. В приходе всего числилось населения 5073 чел. Общая характеристика прихода: довольно сильно развитое льноводство, 39 небольших рыбных озер; недостаток леса. В имении Каролен было 2 водяных и 1 ветряная мельница (А. Нурел. *Torographische Nachrichten*, III, S. 293; *Die gegenwärtige Verfassung* S. 440). О кароленских событиях известно из донесения (от 18 августа 1784 г.) Рижскому наместническому правлению кароленского пастора Людвигу Нафанаила Вика (Воронц. архив).

⁷ Сагниц и Анцен находятся недалеко от Каролена. Приход Анцен состоял в Дерптском уезде, а после реформы 1783 г. — в Верросском уезде, насчитывал 8820 душ обоого пола; земли его по качеству принадлежали к числу плодородных,

покорности и сопротивлении мужиков», затем «всех увещевал к повиновению, послушанию и исправлению», но «мятежнический дух» крестьян сделал все его увещания, по его же признанию, бесплодными. Крестьяне «дерзнули презреть высочайшие повеления и, вооружившись заранее кольями и дубинами, хотели воспрепятствовать наказанию арестантов». Исправник «целый час потом чинил необузданной толпе народной представление касательно их беспутства». Но и его уговоры были тщетны и только по просьбе самих арестантов, просивших, «чтобы достойное попустили их принять наказание», крестьяне успокоились и «не чинили препятствия в экзекуции». Однако, когда начали уводить двух главных зачинщиков — Андреаса Нигле и Якоба Каррикулу (они должны были содержаться под стражей до исполнения над ними приговора), «народная толпа приняла дерзость отнять их от стражи насильственным образом, не имея никакого уважения ни к высочайшему указу, ни к господину капитану, ниже к воинской команде, так что наступлением своим и боем заставили наконец дать приказ, чтобы в них стрелять из ружей». Солдаты стреляли, но никто убит не был, очевидно стреляли вверх. Крестьяне, увидев, что никто из них не убит, «ворвались с кольями и дубьями в воинскую команду; поручик, прапорщик и все 50 человек солдат Нарвского пехотного полка обратились в бегство от крестьян, вооруженных дрекольями, и оставили без всякой защиты господина уездного капитана-исправника, которого бы им охранять надлежало». По словам пастора, «сей сперва кричал и удерживал их (солдат) от бегства, но, наконец, видя себя оставленным, принужден был и сам побежать, но, не в состоянии будучи догнать солдат, которые весьма быстро бежали, попался в руки взбунтовавшихся мужиков... Тут беспутная и закон божий презревшая чернь была его до полусмерти и, конечно бы, совершенно лишила его жизни, если б верный слуга господина капитан-исправника, который также разбит был, не охранил его с большею бодростью (замечает ядовито пастор), нежели вся вышепоименованная воинская команда».

Далее последовала жестокая расправа над крестьянами. «Напоследок возвратилась и команда сия, стала стрелять из ружей и убила одного, сколько нам то было известно, а раненных смертельно явилось двое, отчего мужики обратились в бегство и увели с собою реченных двух арестантов».

По сообщению пастора, у исправника голова, руки и все тело были «столь избиты, что он отнюдь не в состоянии [был] персонально донести в Рижское наместническое правление» и поручил это сделать пастору. Состояние исправника было «столь дурное», что сомневались в его выздоровлении и «с великим нетерпением» ожидали лекаря из Валка. Несмотря на свое плохое состояние, исправник распорядился о присылке в Каролен другой военной команды в 40 чел.

О последующих событиях в Каролене узнаем из рапорта (в Рижское наместническое правление от 22 августа) ландрата и советника палаты уголовного суда графа Мантейфеля.¹ Мантейфель прибыл в мызу Ка-

при надлежащей обработке дававших урожай сам-10; большая часть имений испытывала недостаток в лесе и некоторые из них в качестве топлива употребляли торф. Именья Старый и Новый Анцен принадлежали ландрату фон-Левенстерну (в 1765 г. — 53 гагена). (A. Hupel. Topographische Nachrichten, III, S. 277; Die gegenwärtige Verfassung, S. 441). Церковный приход Сагниц находился в Дерптском уезде, резко выделялся раздробленностью крестьянского землепользования (вследствие большой населенности), крестьяне, по Гупелю, бедны и необразованы. Замок Сагниц и Нейенсгоф (с Лена и Тидо) принадлежали обергофмаршалу князю Голицыну (в 1765 г. — 36¼ гагенов). В имении Сагниц было 2 водяные мельницы (A. Hupel. Topographische Nachrichten, III, S. 288; Die gegenwärtige Verfassung, S. 479).

¹ Воронцовский архив.

ролен 21 августа. В это время здесь уже находилась команда Нарвского полка и поручик барон фон-Дельвиц из Валка с 36 солдатами, всего 120 чел. Исправника Мантейфель нашел «от учиненного увечья» несколько оправившимся. Мантейфель тотчас же по приезде занялся следствием, в чем ему мог «вспомоществовать» и исправник, по распоряжению которого еще до приезда Мантейфеля оба арестованные, отбитые толпой 18 августа, были взяты под стражу: один из них (Андреас Нигле) явился сам, другой, собравшийся было бежать «со всем иждивением», был схвачен. К следствию было привлечено до 24 «зачинщиков» и «совиновников», но Мантейфель полагал, что виновато «все вообще приходское крестьянство», пытавшееся освободить зачинщиков и убить «до смерти» исправника. Он считал, что это «злое намерение им... совершенно удалось, поелику г. капитан-исправник без движения на земле лежал и два их зачинщика освобождены были. Злость сих безбожных людей, — добавляет Мантейфель, — могла бы иметь наихудшие следствия».

На 26 августа (воскресенье) Мантейфель назначил наказание участников возмущения при кароленской церкви — батогами, шпицрутенами и обыкновенными прутьями. Главных же зачинщиков он предпологал «по гонении на спиц-рутены», «осудить к вечной ссылке в Сибирь». Однако «в рассуждении и поныне еще возгорающегося беспокойствия», решено было расправу ускорить, и публичная экзекуция была произведена 24 августа.¹ Экзекуция эта, произведенная в Каролене, именовалась судом. Кроме Мантейфеля (который и следствие вел, и в суде участвовал, и наказание приводил в исполнение), в суде участвовали капитан-исправник (фамилия не указана; не потерпевший ли Шульман? — Е. Д.) и уездный стряпчий В. Простка. Из этого «приговора», составленного по форме («по указу е. и. в.»), видно, что кароленские крестьяне обвинялись «в мятеже и упорстве против капитана-исправника и воинской команды».²

Обвиняемые были разбиты на группы. «Первые и свойственные сего зловерного мятежа зачинщики», кучер, 5 крестьян [из них один сагницкий, т. е. из соседнего имения Сагниц] и 1 «женка»³ были обвинены в том, что уговаривали «собравшийся при церкви мир, состоящий из 1000 человек и более, к мятежу и к нападению на солдат» и напали «наперво на команду и на господина капитана-исправника фон-Шульмана с побоями» («сами признались в том, что они первую отбили, а последнего замертво убитого и на земле лежащего оставили»). Они были присуждены к «гонению в шпицрутены сквозь тысячу человек два раза» (а «женку» — высечь 15 парами розог) и к отдаче на 4 года в публичную (казенную) работу.

Вторую группу составили 5 крестьян,⁴ «первые к сему мятежу примкнувшие и к нападению на команду и на исправника приведенные». Приговорены они были к наказанию шпицрутенами «сквозь тысячу человек один раз».

В третью группу вошли крестьянки Никлатис и Эва Накоте — они также первыми «приведены были к мятежу» и бросали камнями и дубьями на команду и на исправника. Обе были приговорены к 15 парам розог.

¹ Воронц. архив — рапорт гр. Мантейфеля в Рижское наместническое правление из Каролена от 25 августа 1784 г.

² Воронц. архив — протокол приговора по делу кароленских крестьян, составленный 24 августа 1784 г. в Каролене.

³ Кучер Петр, крестьяне Ян Колга, Карл Палцере, Ад. Гауке, Пеп Киббаре, сагницкий Юрге Ретзеппа и Лиза Кароле.

⁴ Ян Киббере, Иозеф Целлямико, Якоб Колоки, Андреас Герере и Мартын Гости сын Гиндрига.

Мальчик Ганс Никлас, который «больше по-ребячеству, нежели по злости, в той шайке бунтовавших крестьян, вооружен дубиной, находился», был приговорен к сечению детскими розгами.

Четверо крестьян,¹ не избобиченные «в битве на команду», но стоявшие, однако же, «с дубьями при церкви», были приговорены к 100 ударам палками «перед фрунтом».

Крестьяне Густ Полло-оца и Мац Накоте за то, что «только сведующие были о сем зловередном матеже», получили по 50 ударов палками.

Таков был приговор, вынесенный «по справедливости», как сказано в протоколе.² Расправа, учиненная Мантейфелем над кароленскими крестьянами, настолько была актом вопиющего произвола, что даже А. Р. Воронцов не мог ее одобрить.³

Кароленские события, особенно тот факт, что крестьяне, вооруженные одними дубинами, обратили в бегство воинскую команду, произвели на лифляндскую администрацию сильное впечатление. «Я опасуюсь, — писал по поводу этих событий 20 августа Броун Воронцову, — что необузданность сей черни и неистовство дойдут до самой крайности, если вскоре сюда полки присланы не будут, потому более, что крестьянство теперь во всех местах хлеб имеет, следовательно никакую уже нуждою не удручается, а потому опасность во мне более увеличивает, что оно волнуется общественно, ибо... [в Каролене] не только повинности к земскому суду и страха против воинской команды уже нет, но и дерзость к сопротивлению и защищению себя кольями и другими орудиями появилась».⁴

В работе по истории Прибалтики XVIII в. Я. Я. Зутиса указывается, что во второй половине XVIII в. (в 70-х годах) «в Лифляндии, всегда переполненной войсками», восстания местных крестьян были «почти невысказанными».⁵ История крестьянских волнений 1784 г. не вяжется однако с этим указанием. Как мы видим, волнения эти были настолько сильны, что их с известным правом можно квалифицировать, как крестьянское восстание. Движение быстро стало столь широким и мощным, что местных войск для подавления его не хватало. Помимо того, вообще войск в Лифляндии не было так много, чтобы говорить об ее переполнении ими, что и обнаружилось тотчас же по возникновении движения. «Как только начались волнения, дворянство начало просить о вводе войск из соседних наместничеств».⁶ Эти вопли дворянства о присылке войск, перемежаемые с призывами к беспощадной расправе с «бунтовщиками», не прекращаются во все время волнений. «Вместо прихода полков, — негодует в одном письме Яков Сиверс, — уходит Казан-

¹ Андреас Колга, Пед Зеде, Ганс Палло-оц и Лауре Колга.

² Против начальника команды Нарвского полка, не выдержавшей натиска кароленских крестьян и бежавшей с «поля сражения», также возбуждено было следствие. В конце августа Броун сообщал Воронцову, что он приказал Мантейфелю «исследовать и то, для чего командующий офицер, видя суд и себя с командою в крайнем притеснении, не приступил к защищению по военным правилам и оставил жертвою капитан-исправника злобе бунтовщиков» (Воронц. архив).

³ «Не могу умолчать, — писал он Броуну 12 сентября, — что из присланных вами ко мне бумаг вижу заодно определение графа Мантейфеля, который сам собою налагал преступившим крестьянам наказание, что до него совсем не идет, ибо его дело было крестьян усмирять, что он похвально и сделал, а отнюдь в осуждение их входить было не должно, ибо сие есть дело нижних судов, а наконец ревизии уголовной палаты». Воронцов предупреждал Броуна об этом, «дабы не вышло иногда нежелательных каких последствий, что и легко статься может» и выражал надежду, что Броун не оставит это дело «без должного исправления». Сделал ли (и как именно) это «исправление» Броун, мы не знаем.

⁴ Воронц. архив.

⁵ Я. Зутис. Указ. соч., стр. 152.

⁶ A. Thransehe-Roseneck. Op. cit., p. 187.

ский кирасирский полк. Почему генерал-губернатор не задержит его и не пошлет пару эскадронов в Раппин (где разыгрались кровавые события. — Е. Д.) в подкрепление орднунгсрихтеру? Один раз дать хороший огонь (einmal scharf Feuer geben), и сумятице (der Lärm) будет конец». ¹

Не одни дворяне — и генерал-губернатор взывал о военной помощи и жаловался, не переставая, Петербургу на слабость военных сил. В своем доношении царице от 15 июня, следовательно, в самый разгар движения, Броун так изображал положение вещей в Лифляндии с военной силой: «В каждом уездном городе при городничем находится только 6 бедняков, которых называют гарнизонными солдатами, а по установлениям в. и. в. надлежит быть 28 человек, почему я принужденным нашелся взять с форпостов находящихся там людей, избрав тех только, которые малым чем годны в дело, дабы защиту хотя малую дать уездным городам. Хотя Псковский карабинерный полк, находящийся ныне в здешней губернии, имеет повеление идти в Петербург, но я запретил ему удалиться отсюда до прибытия назначенных трех полков. Но карабинерный этот полк недостаточен, конечно, будет предвзвешать всем бедствиям, коих здесь ожидать должны». ²

4 августа граф Разумовский сообщил Броуну, что государственная военная коллегия командирует Навагинский и Суздальский полки в Лифляндию к стороне Дерпта на смену батальону Нарвского полка; одновременно он требовал, чтобы этот батальон и Псковский карабинерный полк немедленно следовали из пределов Лифляндии. Однако Броун распорядился отправить эти части лишь тогда, когда в Лифляндию вступят обещанные полки. Нашенбургскому пехотному полку, державшему крепостной караул в Риге, также было приказано 15 августа следовать на свои квартиры в Печерский уезд. Сообщая об этом (15 августа) Воронцову и отмечая, что «здесь (в Риге) никаких команд не остается», Броун просил Воронцова приложить «благосклонное старание» об оставлении Нарвского батальона и Псковского полка — первого в Риге, второго — внутри Лифляндии, «ибо крестьяне, услышав, что Нарвский батальон и Псковский карабинерный полк отсюда выйдет, покушаются отложиться от повиновения господам своим, и хотя земский исправник три раза был у них для увещевания, но они, колеблясь, оставляют свои дома и уходят по лесам, в чаянии будто, когда войска совсем из Лифляндии выступят, напасть на господ и учинить разорение». ³

Но центральная власть с посылкой обещанных войск в Лифляндию не торопилась. После кароленских событий Броун 20 августа просит Воронцова доложить о них царице и снова просит присылки обещанных полков, «без которых, — писал он, — уверяю честным словом, покой здесь восстановлен быть не может». ⁴ Лишь в конце августа петербургское правительство санкционирует задержание Броуном войск,

¹ F. Wienemann. Op. cit., p. 219.

² Воронц. архив. Об этих трех полках Екатерина писала Броуну 14 июня 1784 г.: «Что же касается до трех полков, кои в случае нужды должны будут вступить в Рижскую губ., [то] оные еще находятся в пути из корпусов, бывших в походе по настоявшим тогда обстоятельствам» (Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края, I, стр. 341, Рига, 1876).

³ Воронц. архив. Письмо Броуна к Воронцову от 13 августа 1784 г. Броун очень боялся распространения волнений в Эстляндию. «Сверх сего, — пишет он в том же письме, — известился я, что из Ревельской губ. находившийся там полк равным образом выкомандирован, то, по поводу смежности здешних беспокойных крестьян с ревельскими, опасаются, чтобы и сии от оных к таковой же развратности доведены не были, и на сей конец ваше сиятельство прошу покорнейше учинить предстательство, дабы в Ревельскую губернию хотя один полк был командирован».

⁴ Воронц. архив. Письмо Броуна к Воронцову из Риги от 20 августа 1784 г.

предполагавшихся к выводу из Лифляндии. В письме от 24 августа Воронцов извещает Броуна, что Нарвский батальон и Псковский полк, как узнал он это от Г. А. Потемкина, выведены будут из Лифляндии не раньше, чем придут им полки на смену. Отважное нападение кароленских крестьян на воинскую команду продолжает повергать Броуна в страх. «В рассуждении уже покушения их (кароленских крестьян), — пишет он 24 августа Воронцову, — на жизнь начальников с толиким озлоблением и без страха против воинской команды, мне было бы ужасно, если бы не надеялся я на скорое прибытие отряженных сюда полков, которые жар их, конечно, утушат своим бдением».¹

Дворянский историк Транзехе-Розенек, склонный умалять силу движения 1784 г., успех усмирения относит на счет пренебрежительности администрации. «Благодаря мерам предосторожности — держать солдат наготове, — пишет он, — возмущение было скоро подавлено. До кровопролития доходило редко, иногда было достаточно [для восстановления спокойствия] вмешательства так называемого ордунгсрихтера, устанавливавшего по вакенбухам крестьянские повинности».²

Переписка Броуна с Воронцовым показывает, что правильно изображал действительность не Транзехе-Розенек, а Розин-Азис, писавший, что «находившиеся в крае войска были бессильны против движения» и что «лишь с прибытием свежих вспомогательных сил удалось подавить движение».³

Какими мерами боролись администрация и дворянство с восставшими крестьянами?

Главным средством была посылка военных отрядов в очаги возмущения, поскольку местная власть располагала военной силой. В мае в Ашераден «для защиты суда было послано 20 солдат Нашенбургского полка под командой прапорщика Зодро с ордером в уважительных (erhebliche) случаях беспощадно стрелять (scharf feuern)». Это «беспощадно стрелять» было обычным рефреном в наказах отрядам, посылаемым на усмирение. Тогда же (в мае) был послан приказ городничему в Валк об отправке небольшого отряда из карабинерной команды в Каролен, «как скоро суд назначит день для этого», — с тем же наказом беспощадной стрельбы в случае столкновения с крестьянами. Примерно в то же время был послан приказ от генерал-губернатора бригадиру и коменданту фон-Франкенеку в Дерпт об отпуске в распоряжение дерптского нижнего земского суда от 20 до 50 солдат с подобным же приказом беспощадной стрельбы. Последнее распоряжение было сделано вследствие рапорта этого суда о том, что «он мог бы удержать в повиновении крестьян, которые до сих пор еще ежедневно приходят [в город] с демонстрациями, но опасается, что военная помощь ему не будет оказана». В Перновский уезд, где ожидалось волнения, был также послан приказ бригадиру и коменданту фон-Фойгту об отпуске нижнему земскому суду по его требованию команды с наказом в крайних случаях стрелять беспощадно.⁴

В отдельных случаях дело доходило до вооруженного подавления волнений.⁵ Так было в Каролене 18 августа; еще раньше кровавое столкновение между вооруженной силой и крестьянами произошло в Раппине, где «5 крестьян оказались убитыми на месте, 8 было тяжело

¹ Там же — письмо Броуна к Воронцову от 24 августа 1784 г.

² А. Thransehe-Roseneck. Op. cit., p. 188.

³ Ф. Розин-Азис. Указ соч., стр. 38.

⁴ Воронц. архив — донесение рижского губернатора генерал-майора А. Беклешова рижскому генерал-губернатору Броуну от 30 мая 1784 г. Все отмеченные посылки войск имели место в мае.

⁵ По Розину-Азису (стр. 131), кровопролития были во многих местах.

ранено, 4 солдата были легко ранены». ¹ Розин-Азис указывает, что «подавление восстания сопровождалось варварским избиением «агитаторов» и «вождей» шпицрутенами». ² Мы уже описывали наказания, которым были подвергнуты кароленские крестьяне.

В качестве усмирителя стяжал себе известность граф Мантейфель — ландрат и советник палаты уголовного суда. Проявил он себя сначала в Раппине, затем, как мы знаем, в Каролене. 20 августа Броун писал Воронцову, что «по поводу оказанной расторопности в Раппине в подобном случае отправил я сего ж дня в бунтующее селение (в Каролен) паки графа Мантейфеля, приказав команду умножить». ³ По исполнении экзекуции над кароленскими крестьянами Мантейфель рапортовал 25 августа, что из Каролена он поедет в мызу Валгута, «где крестьяне равным же образом еще успокоиться не хотят». ⁴

Встревоженное широким распространением крестьянского движения, наместническое правление старалось всячески не давать возможности крестьянам собираться. Ярмарки были закрыты. ⁵ Была ограничена также продажа пороха. ⁶ Очевидно, боялись вооруженных выступлений крестьян.

Для успокоения и «увещания» крестьян наместническое правление выпускает ряд патентов. Еще 17 сентября 1783 г., когда брожение, происходившее среди крестьян, не выливалось в открытые формы борьбы, издается генерал-губернаторский патент о том, что взимание с крестьян подушной подати не освобождает их от господской барщины и натуральных повинностей. ⁷ 12 апреля 1784 г. публикуется указ наместнического правления, объявляющий, что взимание подушной подати с крестьян будет урегулировано. 24 июня 1784 г. публикация того же правления призывала крестьян к повиновению и вновь объявляла им, что новая подушная подать не избавляет их ни от каких прежних повинностей. По сообщению Меркеля, в этом же году генерал-губернатор вынужден был издать запрещение владельцам, при внесении в казну за крестьян подушной подати, злоупотреблять этим, заставляя крестьян выполнять чрезмерные повинности. ⁸ Броун в донесении своем царице от 25 мая о ходе крестьянского движения добивался издания от имени Екатерины указа о том, «чтоб казенные и помещичьи крестьяне, платя сами подушные деньги, имели бы оставаться попрежнему в наследственном повиновении». ⁹ Насколько известно, такой указ издан не был.

Широко применялось сечение крестьян розгами. Наказанию 10 парами розог (женщины обычно — меньшему числу) подвергались крестьянские ходоки, являвшиеся к рижскому губернатору Беклешову. В конце мая такому наказанию были подвергнуты 4 крестьянина из имения Гравенталь, 4 — из Ламсдорфа, 4 — из Феннена, 7 — из Розенгофа, по двое крестьян из имений Перновского уезда — Керселя, Виллуста, Мурвина-

¹ A. Thransehe-Rosenek. Op. cit., p. 188.

² Ф. Розин-Азис. Указ. соч., стр. 131.

³ Воронц. архив.

⁴ Там же. По Гупелю (Topogr. Nachr., III, S. 267), мыза Валгута находилась в церковном приходе Ранден Дерптского уезда, владел ею орднунгсрихтер фон-Гавель (в 1765 г. — 28^{5/8} гаков).

⁵ Публикация наместнического правления от 19 июня 1784 г.; новая публикация от 8 августа приостановила также хмелевые ярмарки (Inhalt der in rigische Staathalterschaft emanirten gedrückte Patente von 1710 bis Ende 1788, S. 225).

⁶ A. Hupel. Die gegenwärtige Verfassung, S. 90.

⁷ Для руководства к этому указу были приложены два старых патента от 17 апреля 1765 г. о праве собственности крестьян, их повинностях и наказании (Gedrückte Patente, S. 5 u. 225).

⁸ G. Merkel. Die freie Letten, S. 164.

⁹ Упоминается об этом в донесении Бруна царице от 15 июня 1784 г. (Воронц. архив).

са и Керстенгофа; 1 женщина из Гейстергофа была наказана 4 парами розог.¹ Помимо того, крестьян-ходоков из Гейстергофа, Виллуста, Мурвинаса и Керстенгофа губернатор собирался послать на несколько дней на общественные работы. В конце же мая к губернатору явились крестьяне из имения Рогозинского; явившиеся были заседателями нижнего земского суда, и губернатор распорядился изгнать их из этого суда.² Эта мера — изгнание крестьянских заседателей из судебных мест — вообще практиковалась, видимо, широко. В мае же были изгнаны из перновского нижнего земского суда за проявленную ими «дерзость» и в качестве меры предупреждения ожидавшихся в уезде волнений крестьяне из Абиа и Эйзекуля.³ Изгнание это было нарушением закона, но Броун сознательно шел на это. 20 августа он писал Воронцову, что необходимо «для лучшего усмирения крестьян заседателей, из них выбранных, из всех судов здесь в Лифляндии только и кроме острова Эзеля, где они живут спокойно, как недостойных выгнать на время и тем показать им, что они распутностью своею подвергнут себя уже гнущей ее и. в.; известно мне, — продолжал он, — что сие против высочайшего учреждения, но в крайности на что поступить не вздумается».⁴

Было ли движение 1784 г. организованным или стихийным? Настоящей крестьянской организации, существовавшей еще до начала движения, подготавливавшей его и затем с возникновением его руководившей им, конечно, не было. Но не исключено, что зачатки такой организации существовали; однако утверждать это нельзя, пока не будут обследованы архивные материалы. Мы уже отмечали энергичную деятельность раунских крестьян. Рауна (Роннебург) являлась как бы организационным центром, откуда движение распространилось по всей стране. Упоминание Меркелем выборных роннебургских латышей, «рыскавших» по стране и призывавших народ к поддержке своих прав, указывает на какую-то организованность, но, вероятнее всего, это были лишь элементы организации, создававшейся на ходу движения, в процессе самого восстания, в целом же движение носило стихийный характер. Не надо забывать при этом, что городской рабочий класс в XVIII в. в Лифляндии почти отсутствовал. Если не считать Риги, единственно сколько-нибудь крупного городского центра, города Лифляндии были совершенно ничтожны по размерам. Если подсчитать по Фрибе, то окажется, что всего в Лифляндии к концу XVIII в. в городах было 40 443 жителя, в том числе в Риге 30 109.⁵ Маленькие города, населенные главным

¹ Воронц. архив — донесение рижского губернатора Беклешова генерал-губернатору Броуну от 30 мая 1784 г.

² Там же.

³ Там же. Эйзекуль, имение Сиверсов, находилось в церковном приходе Пайстель Перновского уезда. Вместе с имением Самост и двумя мызами оно принадлежало ландрату фон-Сиверсу и в 1765 г. насчитывало 22³/₄ гаков. Большое количество плодородной почвы, в некоторых местах глубиной в 5—12 дюймов, необычайно богатая урожайность, изобилие господских сенокосов, умножающееся благодаря их очисткам и улучшению, хороший лес, рыбное озеро, речки, также богатые рыбой, мельницы, доходные корчмы, господская усадьба, прекрасно расположенная и с большим искусством украшенная, два сада, в том числе один английский, оранжерея, плоды которой считались одними из лучших в обоих герцогствах; риги, снабженные особыми печами, сберегающими дрова, отвращающими пожары и не загрязняющими солому дымом — такими чертами описывает Эйзекуль Гупель (A. Hupel. Topogr. Nachr., III, S. 321, 325).

⁴ Броун просил Воронцова при докладе царице донести, что «сколь скоро крестьяне усмирятся и, пришед в прежнее повиновение, будут исполнять свои должности, они могут допущены быть паки к заседанию, и о сем бы мне прислать высочайший указ, который я для страха не оставил бы публиковать» (Воронц. архив). Как кажется, заседательство помещичьих крестьян в судах не было восстановлено и по усмирении восстания.

⁵ W. Friebe. Op. cit., pp. 50, 56—58, 60, 61, 63, 64, 66. Данные о населении Фрибе брал у Фр. Эккардта (Topographische Uebersicht der rigischen Staathalterschaft

образом чиновничеством и мещанством, занимавшимся мелкой торговлей и ремеслом, и находившиеся, вероятно, в сильной зависимости от окружного дворянства, не могли играть руководящей роли в крестьянском движении, в них не было не только значительных масс промышленного наемного рабочего класса, но и не было развитого ремесла. Эти маленькие городки не только не приняли участия в крестьянском движении, но и оказались враждебно к нему настроенными. Если Рига держалась нейтрально,¹ то маленькие городки, по крайней мере в лице господствующих их слоев, заняли враждебную крестьянам позицию. Броун 15 июня доносил царице, что «уездным малым городам грозят они (крестьяне) нападением и поджогами, а жителей оных обещают побить для того, что они не их держат сторону»;² для защиты этих городков от крестьян Броун посылал гарнизонных солдат. Граждане Вольмара в ожидании нападения крестьян вооружались.³

Быстрый рост крестьянского движения вынудил петербургское правительство послать в Лифляндию для расследования причин движения двух сенаторов — графа А. Р. Воронцова и князя М. В. Долгорукова. Они получили два императорских указа, помеченных одним и тем же числом (17 июня 1784 г.), один — открытый, другой — секретный. Открытым указом сенаторам поручалось осмотреть новые губернские учреждения, введенные в Прибалтике в 1783 г.; в секретном же указе предписывалось выяснить причины крестьянского «непорядка».⁴ Повидимому, назначением первого указа было замаскировать истинную цель командировки сенаторов.

Один из командированных — А. Р. Воронцов — еще раньше бывал в Прибалтике, где у его дяди, государственного канцлера, гр. М. Л. Воронцова, имелось с 1743 г. жалованное имение, так называемые «Карельские деревни»,⁵ и где он встречался с генерал-губернатором Броуном. 27 июня сенаторы прибыли в Ригу. Покинул Прибалтику Воронцов

in 25 Tabellen. Riga 1792). Было населения: в Дерпте 3603, Пернове — 1921, Аренсбурге — 1201, Валке — 673, Вендене — 724, Феллине — 660, Лемзале — 565, Верро — 408, Вольмаре — 316 чел.

² 30 мая 1784 г. губернатор Беклешов доносил Броуну, что в Риге и ее окрестностях «спокойно» (Воронц. архив).

¹ Воронц. архив.

³ A. Thransehe-Roseneck. Op. cit., p. 188. У Розина-Азиса (стр. 131) известие о том, что «вольмарские горожане вооружались и готовились к сопротивлению», вставленное между сообщениями о крестьянских волнениях в разных местах, может создать у читателя ошибочное представление, будто бы горожане вооружались против правительства и дворянства, что неверно.

⁴ «От некоторого времени, — писала Екатерина в этом указе, — доходят к нам известия от рижского и ревельского генерал-губернатора графа Броуна и от рижского губернатора генерал-майора Беклешова о беспокойстве крестьян тамошних и особливо помещичьих, кои будто бы, приемля за повод положение на них подушного оклада вместо прежней подати государственной, отказываются от работ и оброков помещичьих; а как подобное беспокойство в самом начале удобно прекращено быть может со стороны нижних земских судов и исправников точным наблюдением их должности, исправляя кривое и вредное толкование законов и указов простым их изъяснением и взятъем зачинщиков и отдачею на суд, откуда они, по скором осуждении законов, для наказания на страх другим присланы быть должны; а в случае нужды посылкою из положенных в уездах воинских команд, располагая малое число в том месте, где беспокойство происходит, и покуда все в устройство там приведено будет, то посему мы желаем, чтобы вы, при нынешнем осмотре Рижской и Ревельской губ., не оставляли без примечания как о прямых причинах такового беспорядка, так и о способах, кои со стороны нижних земских судов и самого главного начальства употреблены были к пресечению оного и какие в том были успехи, поспеша донести нам о всем том обстоятельно» (Архив кн. Воронцова, кн. 28, стр. 45—47).

⁵ Мариенбург и Калнемойз в Рижском уезде — 51 гаекен, Кирумпакоикюль и Риген в Дерптском уезде — 55 гаекенов, Кирилсоф, Голстерсоф, Ейденгоф в Перновском уезде — 59 гаекенов и Воймангоф и Оденпе в Рижском и Дерптском уездах — 60 гаекенов. В 1754 г. эти деревни Воронцов отдал на 8 лет в аренду (за 5000 р. в год) барону Вольфу (там же, кн. 33, стр. 50).

около 7—8 августа, пробыв таким образом в командировке примерно полтора месяца.¹ Уезжая из Прибалтики, Воронцов полагал, что крестьянские волнения уже прекратились или почти прекратились, но он ошибался, — и после его отъезда волнения продолжались.² Во всяком случае вскоре по своем возвращении в Петербург (вероятно, после доклада царице) Воронцов считал свою миссию законченной.³

Что же выяснила сенаторская ревизия? Не располагая докладом, который по завершении ревизии сенаторы должны были сделать царице, мы должны пользоваться литературными источниками. Транзехе-Розенек говорит, что сенаторское расследование причин крестьянских волнений обнаружило, что в распространении их не малую роль сыграло использование помещиками в своих интересах предоставленного им права вносить подушную подать за своих крестьян.⁴ «Кажется, — добавляет он, — что этот случай (увеличение помещиком повинностей своих крестьян) в действительности имел место много раз, по крайней мере об этом идет речь в прокламации ревизующих сенаторов от 29 июля 1784 г.»⁵

Пользуясь данными Гупеля и Транзехе-Розенка,⁶ можно восстановить содержание этой сенаторской прокламации (вернее, обращения), несомненно отразившей точку зрения петербургского правительства. В ней сенаторы заявляют, что крестьяне являются собственностью наследственного владельца и последний имеет право накладывать на них работу, однако в этом отношении надо быть умеренным, ибо крестьянин в то же время является и подданным короны. Если, с одной стороны, поводом для крестьян к их неповиновению послужило ложное представление, что замена прежних податей с гакена подушной податью освобождает крестьянина от повинностей в пользу помещика, то, с другой стороны, стремление их непременно самим за себя платить эту подать могло иметь своим основанием опасение, что некоторые помещики, уплатив за них государственные подати, не преминут умножить (и отнюдь не в соразмерности с тем, что внесли они за них в казну) в свою пользу крестьянские работы. Устанавливая, что крестьяне могут сами платить подати, внося их через управляющего или помещика,

¹ Из Прибалтики Воронцов несколько раз писал своему брату (С. Р. Воронцову), однако в своих письмах он очень скуп на сообщения о волнениях. 9 июля он сообщал из Риги, что находится здесь уже 12 дней и часть своей комиссии уже исполнил, но что его «задерживает здесь другое дело, ибо во многих здесь селениях сделалось слушание у крестьян к их помещикам, так что принуждены были и воинские команды на то употреблять». Далее он выражал надежду, что «сия безурядица вскоре прекратится». 27 июля он писал, что в Риге все уже сделал, что «крестьянские беспорядки также почти усмирены» и что он рассчитывает завтра отправиться в Ревель и прибыть в Петербург к 7—8 августа (Архив кн. Воронцова, кн. 31, стр. 442 и 444).

² «Надеюсь, — писал он много позднее (12 сентября из Петербурга Броуну), — что теперь у вас все усмирено и спокойствие восстановлено» (Воронц. архив).

³ Уведомляя Броуну 12 сентября о получении от него бумаг относительно неповиновения кароленских крестьян и об отправке их «в тож самое время к Александру Андреевичу» (очевидно, имеется в виду Безбородко), Воронцов одновременно освещал Броуну об окончании своей миссии в отношении Прибалтики: «Как препорученная мне с князем Михаилом Васильевичем (Долгоруковым) комиссия относительно до осмотра Рижской и Ревельской губ. уже окончена, то и не мне теперь входить в каковые-либо по вверенным вам губерниям обстоятельства». Поэтому, отправив присланные бумаги к Безбородко, «единственно только в угождение» Броуну, он просил его впредь, «когда случаться будут такого же рода (как в Каролене) от крестьян неспокойствия и когда по важности оных решить вам самим их будет не можно по законам и сообразно учреждению без дальнейших донесений, то в таком случае, минуя меня, присылайте ваши реляции ее величеству» (Воронц. архив).

⁴ A. Thransehe-Roseneck. Op. cit., p. 188.

⁵ Ibidem, p. 189.

⁶ A. Hupel. Die gegenwärtige Verfassung, S. 149—150; A. Thransehe-Roseneck. Op. cit., p. 189.

прокламация требовала от комиссии ландтага (*der Landtagsausschuss*) исполнения постановлений 1765 г. и представления в нижние земские суды перечней крестьянских повинностей по всем имениям. Что же касается до произвольного увеличения помещиками повинностей, то сенаторы полагали, что предводители дворянства (*die Spitze der Ritterschaft*) сами должны в этом отношении воздействовать на отдельных помещиков. Транзехе-Розенек приводит подлинные слова обращения: «Если, таким образом, среди огромного числа здешних наследственных владельцев найдутся также и такие, которые стараются чрезмерным отягощением работой совершенно изнурить своих крестьян, то всего удобнее было бы отвратить их от этого через губернского маршала, ландратскую коллегию и окружных маршалов, которые, в рассуждении подобных последствий, внушали бы им и указывали, какой вред от этого может произойти для всего дворянства; вероятно, такое внушение оказало бы большее влияние на самих наследственных владельцев, и через это были бы предотвращены в будущем многие волнения».

Позиция царского правительства вполне выявляется из приведенного обращения сенаторов. По существу она свелась к требованию, впрочем, не очень настойчивому, соблюдать постановления ландтага 1765 г. и к предоставлению самим помещикам предотвращать, по способу взаимных увещаний, чрезмерные увеличения крестьянских повинностей. Если сопоставить с этим, что в конце концов в Лифляндию были введены обещанные войска из коренной России, — обстоятельство, имевшее решающее значение при подавлении восстания, — то нельзя не признать, что царизм, несмотря на «домашние ссоры» с фрондирующим прибалтийским дворянством, в остром классовом конфликте, разыгравшемся в 1784 г. между дворянством и крестьянством Лифляндии, безоговорочно стал на сторону дворянства. Было бы, конечно, странно, если бы случилось иначе. Дворянско-крепостническое государство, пережившее всего за 10 лет до этого пугачевское восстание, не могло занять иную позицию в Лифляндии, где крестьянство подымалось против дворянства и стремилось к уничтожению помещичьего гнета. Общие интересы крепостников России и Лифляндии требовали подавления лифляндского крестьянства.

В результате приведенного сенаторского обращения присутствующие члены ландратской коллегии обратились к депутатам отдельных округов с требованием присылки крестьянских регулятивов и с напоминанием помещикам о необходимости справедливо определять крестьянские повинности, которые не должны повышаться, особенно при взносе за крестьян подушной подати, иначе наместничество «само в неприятной необходимости возьмется за это дело и сделает сносным существование крестьян».¹ Реальные результаты всего этого для крестьян были более чем сомнительны. По словам Будденброка, «снова была получена масса регулятивов», причем из них «многие не соответствовали вовсе регулятивам, присланным в 1765 г., в некоторых из них были показаны даже новые и повышенные повинности по сравнению с 1765 г., а от некоторых имений требуемые данные не были вовсе присланы и по сегодняшний день». В конечном итоге «этот вторичный акт выполнения постановлений ландтага 1765 г. остался так же [как и первый] неосуществленным».²

¹ A. Thransehe-Roseneck. *Op. cit.*, p. 190.

² Buddenbrock. *Op. cit.*, p. 149. См. также Ф. Розин-Азис. Указ. соч., стр. 131. «Обещанные правительством реформы по большей части остались только на бумаге. Правда, кое-что в некоторых местах удалось вырвать крестьянам у помещиков в период самого восстания». Меркель говорит (*Die freie Letten*, S. 164), что в

Крестьянское движение 1784 г. было подавлено. Но «все же... остались искры в золе». ¹ Под внешним спокойствием среди крестьян бурлила жгучая ненависть к порабителю. Вот что писал об этом Меркель в своих «Латышах», выпущенных в свет в 1797 г.: «Затаенная злоба — самый важный признак величайшего отчаяния, которое близко и очень близко. Народ уже перестал быть дворовой собакой, которая дает себе погонять на цепь. Он тигр, скрипящий зубами, с молчаливым бешенством в своих цепях и выжидающий только минуты, когда можно будет разорвать их и омыть свой позор в крови. Явления, возмущающие это, бесчисленны, точно подземный гул при начале землетрясения. Я сам в одном из своих путешествий с ужасом слышал, как один новолайценский ² крестьянин говорил в кабаке толпе, слушавшей с одобрением вокруг его: «Что — господа? Тот, что вверху на небе, да которые в Петербурге — вот это законные господа. А другие стоят того, чтобы пришибить их дубинами да бросить по краям дороги на съедение псам». ³ Недовольство, которое нельзя было искоренить, несмотря на всю жестокость репрессий, ушло внутрь с тем, чтобы вновь прорваться наружу при первом удобном случае.

В 1797 г. вновь вспыхивают крестьянские волнения. Е. П. Трифильев сообщает о двух известных ему случаях крестьянских волнений в Лифляндской губ. Одно из них, происшедшее на мызе Ранден помещика фон-Гавеля в Дерптском уезде и начавшееся в мае 1797 г., выразилось в отказе повиноваться владельцу и исполнять господские работы. Крестьяне «с неистовством объявили, что они согласятся прежде дать себе перерезать шею, нежели станут работать» на условиях, выработанных особой комиссией, выезжавшей на место волнений. Крестьяне были усмирены только с помощью высланной в имение команды из 160—180 солдат Ревельского мушкетерского полка. Второе волнение имело место в Рижском уезде на мызе Цетингоф, где в июне 1797 г. крестьяне также отказались повиноваться своему помещику. И здесь крестьяне были усмирены только при помощи роты солдат, причем «зачинщики» были взяты под стражу. По мнению Трифильева, в обоих случаях отказ крестьян повиноваться помещику «был выражением желанья крестьян освободиться от крепостной зависимости». «Хотя, — добавляет он, — мы знаем только о двух случаях крестьянских волнений в Лифляндии, но есть полное основание заключить, что в высшей степени тревожное состояние переживали все крестьяне этой губернии». Рижский губернатор рапортовал царю, что неповиновение крестьян на мызе Ранден «произведет самые худые следствия и, как то опытом уже доказано, заразит немедленно другие поместья, так что обратится в совершенный бунт». ⁴ Розин-Азис отмечает, что в 1797 г. волнения охватили вновь всю Лифляндию. ⁵ Осенью 1802 г. происхо-

1784 г. «суды во многих имениях произвольно составленные вакенбухи переделали при-
менительно к коронным вакенбухам, однако сомнительно, чтобы эти переделки
сохранили свое значение после подавления восстания.

¹ *Buddenbrock*. Op. cit., S. 150.

² Имение *Laitzen-Neuhof*, или *Neu-Laitzen*, барона Вольфа находилось в церковном приходе Опекальн Венденского уезда (*A. Hupel*. *Torogr. Nachr.*, III, S. 213).

³ ЧОИДР, 1870, кн. 1, стр. 110—111. Не забудем, что Меркель, несмотря на страстную форму выражений, отнюдь не революционер, а буржуазный реформатор, к тому же с определенной ориентацией на русское правительство, которое, по его представлению, было способно уничтожить крепостное право в Лифляндии. Отсюда тон его писаний.

⁴ Е. Трифильев. Очерки из истории крепостного права в России, стр. 277—278, Харьков, 1904.

⁵ Ф. Розин-Азис. Указ. соч., стр. 133. Движение 1797 г. находилось в несомненной связи с крупными крестьянскими волнениями, прокатившимися по всей России в первые годы царствования Павла. По неполным данным Трифильева, за

дит кровопролитное подавление крестьянских волнений около Вольмара.¹

Отношения между крестьянами и помещиками становятся настолько напряженными, что вынуждают к вмешательству царское правительство. Указами на имя лифляндского генерал-губернатора Павел повелевает «строжайше запретить всякие требования с крестьян, несогласные с вакенбухами, под опасением отдачи имения в опеку». ² 20 февраля 1804 г. правительство Александра I утверждает закон о лифляндских крестьянах.³

На этот раз лифляндские крестьяне получили более или менее реальные уступки. Закон существенно улучшил положение крестьян-дворохозяев. Помещик уже не мог теперь по своему произволу присоединять крестьянскую землю к господской земле, как зачастую делал он это раньше. За крестьянином закреплялось не только пожизненное пользование дворовым участком, но и переход его в случае его смерти в пользование к его сыновьям. Размеры повинностей крестьянина по отношению к помещику были определены, и помещик не мог их по произволу увеличивать. На движимое имущество крестьян устанавливалась полная собственность. Принудительное определение в дворовые крестьянских детей было отменено, домашние исправительные наказания ограничены и т. д.⁴

Положение 1804 г. не давало еще крестьянину освобождения от крепостнических пут (последнее было достигнуто лишь в 60-х годах XIX в.) Оно вводило только крепостные отношения в определенные рамки, давая известное обеспечение крестьянскому землепользованию и устанавливая «законные» размеры барщины. Однако, облегчая этими уступками положение крестьян-дворохозяев, положение 1804 г. не внесло улучшений в жизнь других категорий крестьян (безземельных крестьян и батраков). Но и в таком половинчатом, несовершенном виде оно все же должно рассматриваться, как некоторое движение вперед на пути к раскрепощению лифляндского крестьянства. Чтобы достичь даже этого небольшого результата, потребовалась героическая борьба не одного поколения крестьян.

время с ноября 1796 г. по ноябрь (включительно) 1797 г. было 278 случаев таких волнений (указ. соч., стр. 288). В соседней с Лифляндией Псковской губ. волнения крестьян начались уже в декабре 1796 г., и вскоре «почти вся Псковская губ. была в волнении» (там же, стр. 97).

¹ Buddenbrock. Op. cit., S. 137. О волнениях крестьян в Вольмарском уезде см. также у Ю. Самарина. Соч., X, «Окраины России», М., 1896.

² ПСЗ, XXVIII, стр. 102.

³ ПСЗ, XXVIII, № 21162.

⁴ В числе других работ, посвященных положению 1804 г. (G. Merkel. Die freie Letten; Buddenbrock и др.), см. также статью В. М. Владиславлева. К аграрному вопросу в Лифляндии — Ж. М. Н. П., 1394, август

В. Ф. ШИРОКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ

I

Истории Российско-Американской компании посвящены всего два труда. Из них исследование П. Тихменева, изданное в двух частях в 1861—1863 гг.,¹ написано по заданию самой Компании и потому имеет явно тенденциозный характер. Располагая материалами, которые впоследствии были утрачены, автор по чисто ведомственным соображениям обошел молчанием ряд вопросов, откровенное изложение которых было не в интересах Компании. Всю ее историю он делит на период подготовки колоний к принятию «начал общественного устройства» и период прочного водворения этих начал. В действительности же первые 25 лет существования Компании характеризуются явлениями иного порядка. В эти годы происходил насильственный захват территории островов и Аляски, порабощение уцелевшей при этом части местных племен и создание необходимых для Компании материальных условий для хищнической эксплуатации природных богатств края (главным образом — пушных). В этом процессе своеобразного «освоения» сами колонии выполняли роль основного источника средств Компании. Она в этот период сконструировалась как организация, живущая преимущественно за счет ограбления захваченных земель при помощи хищного по своим устремлениям, а в организационном отношении плохо налаженного административного аппарата, неумело и слабо руководимого правлением. Значительная часть последнего совершенно не отвечала деловым требованиям, но была весьма заинтересована в занятии доходных компанейских постов. Даже П. Тихменев — автор явно тенденциозного исследования — после красноречивых рассуждений о водворении в колониях «просвещения в мере, наиболее соответствующей туземным требованиям», принужден был закончить следующей конфузливой констатацией: «по самой силе обстоятельств и с неизбежною необходимостью период этот должен был отличаться жестокостью, своеволием и вообще неустройством всякого рода».² Весьма характерно то обстоятельство, что, располагая неисчерпаемыми природными ресурсами на островах и на американском материке, подвергая коренное население самой беспощадной и зверской эксплуатации, Компания все же, несмотря на поддержку правительства, влачила жалкое существование и не раз оказывалась на грани банкротства.

Автор второго, недавно вышедшего труда по истории Компании — С. Б. Окунь³ воздержался от исследования экономической деятельности

¹ П. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени, ч. I, СПб., 1861, стр. 386 + 66, ч. II, СПб., 1863, стр. 388 + 292.

² П. Тихменев. Указ. соч., I, стр. III.

³ С. Окунь. Российско-Американская компания, стр. 259, Соцэкгиз, 1939.

этой крупнейшей хозяйственной организации. Он почему-то решил, что экономика Компании «все же полно была обследована П. Тихменевым»,¹ работу которого тем не менее сам называет «ведомственной». Исследовав экспансию Компании в северном бассейне Тихого океана и обрисовав положение русских промысловых рабочих и коренного населения на территории колоний, С. Б. Окунь не коснулся хозяйственной деятельности Компании.

Таким образом, вопрос о финансово-экономическом базисе Российско-Американской компании до сих пор остается исследованным и освещенным лишь частично и притом явно тенденциозно, т. е. лишь постольку, поскольку этого когда-то требовали ведомственные интересы самой Компании. А она всегда очень тщательно оберегала свои коммерческие и финансовые тайны и строго засекречивала их не только от непосвященных, но даже и от высших государственных учреждений, наблюдавших за нею. В этом отношении достаточно сослаться на заявление, с которым корреспондент Компании Н. П. Резанов обратился 10 октября 1800 г. к генерал-прокурору. «Описание, — утверждал он, — все сии предметы в себе заключающее (речь шла о сведениях относительно возникновения Компании. — В. Ш.), изъяснение в нем некоторых обстоятельств, к сведению только высокого правительства принадлежащих, не позволяют мне представить оное прямо в Коммерц-коллегию». ² Это тщательное засекречивание производилось по мотивам, с исчерпывающей четкостью сформулированным в обращении Канцелярии главного правления Компании от 14 февраля 1825 г. за № 155 в Цензурный комитет с просьбой «не одобрять к напечатанию в издаваемых здесь журналах статей, касающихся до оной Компании., ибо в противном случае могут быть открыты или тайны Компании, или помещены ошибочные и превратные сведения». Это ходатайство было удовлетворено.

Недостаточно освещен и весьма важный вопрос об учете богатств, полученных Компанией путем эксплуатации островов и Аляски, и о характере использования этих богатств Компанией в годы захвата колоний.

В настоящее время данные, отсутствующие в труде П. Тихменева и в некоторых ранее появившихся работах, касающихся истории Компании,³ не могут быть целиком восполнены. Причиной этого является утрата необходимых документов. Еще в 1823 г. Берх, упоминая в своей работе о Российско-Американской компании, писал, что издает подготовленную к печати книгу, хотя и сознает ее неполноту. В свое оправдание он писал: «ежели бы счастливый случай не доставил мне помещенных здесь материалов, то вероятно были бы они уже теперь совершенно истреблены». ⁴ За 120 лет, прошедших с тех пор, потеряно и истреблено многое из того, чем располагали первые исследователи истории Компании. Утрачена, например, большая часть архива главного управления, а уцелевшие разрозненные документы рассеяны по разным хранилищам. Поэтому первые и во многих отношениях несовершенные труды, характеризующие Компанию, в настоящее время сами являются первоисточниками. Все это значительно осложняет исследовательскую работу. Тем не менее и то немногое, что сохранилось, все же дает

¹ С. Окунь. Указ. соч., стр. 8.

² Архив вн. полит., культ. и быта (ЦГАВПК и Б), ф. Канц. ген.-прок. Сената, д. 2402, л. 2.

³ В. Берх. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги российского купечества. С присовокуплением исторического известия о меховой торговле. СПб., 1823; К. Хлебников. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, главного правителя Российских колоний в Америке, СПб., 1835.

⁴ В. Берх. Указ. соч., стр. 166.

достаточно убедительный материал для характеристики как промысловой деятельности Компании и ее финансово-экономического состояния, так и хозяйственно-административной деятельности того аппарата, который осуществлял работу Компании в период ее конструирования и освоения ею американских колоний.

II

Основным источником доходов Компании являлась внутренняя и внешняя торговля мехами, которые ею же добывались в Америке и на островах. В самих колониях происходил обмен с коренным населением, которое за приобретаемую от него «мягкую рухлядь» получало холст, солдатское сукно, обувь, мелкие железные изделия, бисер и табак. Кроме того, часть товаров сбывалась самим промышленникам (звероловам). В России (главным образом в Петербурге, Москве и на ярмарках Ирбитской и Макарьевской) продавались меха и вымененные на них у китайцев товары. Внешняя торговля велась преимущественно через Кяхту и Кантон, где меха менялись на местные товары. Этот обмен происходил и в самих колониях с посещавшими их иностранцами, от которых получались главным образом продовольственные припасы, корабельные принадлежности, а в отдельных случаях и самые корабли. В организованной таким образом торговле основными предметами сбыта являлись так называемые промысловые товары, т. е. меха морских котиков, морских и речных бобров, лисиц, песцов, выхухоли и т. д. От добычи этих мехов полностью зависело благополучие Компании. Она, как это заявлялось акционерам в одном из докладов правления, «имеет самый богатый, верный и непоколебимый источник промысла, как бы наилучшую вотчину в морских котах, ловающихся близ островов Уналашки, Георгия и Павла, при которых сего зверя можно промыслить до 300 000 штук в каждый год».¹

Выгодность котикового промысла была несомненна. По утверждению директоров Компании, котиковых шкур могло расходиться в Сибири, Европейской России и Кяхте 150 000 штук в год. При оценке правлением котиковых шкурок по 6 р. 50 к. за штуку предполагаемая выручка от их продажи должна была дать «невступно один миллион рублей, а за исключением привоза и расходов — 600 000 руб. каждогодного и верного приобретения».² На самом деле действительность сильно разошлась с предположениями. Одна из причин этого расхождения заключалась в том, что работавшие в Компании промышленники должны были целиком сдавать ей всю добычу. При расчете они получали на свою долю половину шкурок. При такой системе расчетов они были непосредственно заинтересованы в увеличении количества убитых зверей (главным образом морских котиков). Из документов Компании видно, что в 1805 г. промышленники «из жадности к большему составлению своих полупаев, по невежеству и незнанию судить о настоящем добре — напромышляли их (шкурок. — В. Ш.) до 900 000 и не могли высушивать всех, как должно, на воздухе, вешали сушить в жаркие бани, чем почти на половину из оных перепортили до того, что иные изопрели и шерсть во всех отдиралась от кожи, а иные перегорели так, что кожа ломалась на многие штуки, и большая часть тех и других сделались к употреблению негодными».³ Тем не менее из этого безнадежно испорченного запаса шкурок большая часть (617 141 штука)

¹ Арх. Русск. геогр. общ.,—Рукоп. трудов о Российско-Америк. колониях, разр. 99, оп. 1, № 6, л. 3 и отдельные документы.

² Там же.

³ Там же, л. 3.

была отправлена в Охотск, а оттуда в Иркутск. Результат не замедлил сказаться. Шкурок «ни в Кяхте, ни в Сибири, ни в России сбывать было не можно, а в Кяхте даже и на хорошие коты пало от китайцев подозрение, почему долго и их менять опасались, а хотя в то же время из числа оных и было несколько по разным местам пущено в продажу, но ходили по весьма низкой цене, так что и провозы, на них употребленные, едва выручились». ¹ В отчете констатируется, что сбыт шкурок прекратился: «большая же часть тех котов по причине их худости лежала тунно (бесполезно. — В. Ш.) в пакгаузах до 1809 года». Пришлось спешно принять экстренные меры. «Приискиваны были разные мастера, чтобы выбраковать из них по возможности годные к выделке» в целях реализации. Таким путем удалось достигнуть весьма незначительных результатов. «Около 200 000 штук выделано было в разные сорта и виды и с 1808 года сбыты с рук, но тоже по весьма низкой цене, ибо всяк видел, что выделкою подделаны были худые коты». ² Остальные шкурки в числе 111 799 штук были публично сожжены в Иркутске и Охотске. При этом Компания понесла «убытку по крайней мере около 800 000 рублей». ³

Кроме непосредственного убытка, сказались и другие результаты хищнической постановки промысла. «По частным сведениям известно сделалось, что от непорядочной и торопливой уборки трупов зверь сей начал от островов отшатываться далее». Это обстоятельство конечно уменьшало доходность промысла. Стремясь придать ему правильную организацию, правление распорядилось прекратить на пять лет охоту на котов, не принимать от промышленников прелых и горелых шкур и высылать в Охотск только доброкачественные меха. В 1810 г. правление вновь разрешило охоту, ограничив ее добычей от 100 000 до 150 000 шкурок в год. Но в последовавших после этого поступлениях опять обнаружались меха «с пороком», и китайцы в 1813 г. при промене в Кяхте часть шкурок забраковали. Таким образом Компания опять не получила никакой прибыли. Поэтому правление вновь подтвердило главному правителю Российско-американских областей А. А. Баранову свое прежнее распоряжение о том, чтобы «промышленные в Уналашкинском отделе и на котовых островах морские коты были всевозможнейше оберегаемы в их шкурах от банной сушки, которая делает их прелыми, горелыми, трещальными и к употреблению вовсе негодными, отчего Компания вместо нескольких миллионов прибыли потерпела столько же убытку». ⁴

Кроме того, правление предложило произвести на месте «через особого верного человека» ревизию и уничтожить все имеющиеся негодные шкурки. Таковых, по донесению Уналашкинской конторы, оставалось 186 572 штуки, оцененные по себестоимости в 308 430 р. 19 к. ⁵

Все эти убытки, вызванные хищническим характером промысла и явными недочетами в организации промыслового хозяйства, увеличивались от замедления товарооборота. Пушнина, вывезенная в Охотск и Иркутск, «расходилась в продажу с малым успехом». ⁶ Помимо недоброкачественности самих шкурок, задержка в продаже отчасти являлась следствием применявшейся в Компании системы расчетов с так называемыми «промышленниками». Последние, получая при расчете с Компанией половину добычи, за бесценно продавали свою часть из

¹ Арх. РГО, Рукоп. труд. о РАК, разр. 99, оп. 1, № 6, л. 4.

² Там же.

³ Там же, № 5, л. 3.

⁴ Там же, № 6, л. 9.

⁵ Там же.

⁶ Там же, № 29, л. 1.

сторону. Скупщики, приобретя пушнину очень дешево, могли продавать ее по таким низким ценам, которые были для Компании по ее затратам явно убыточны, так как были ниже себестоимости шкурок. Конкуренция скупщиков несомненно замедляла и вместе с тем снижала торговый оборот Компании. Это вынудило правление отказаться от традиционной системы расчетов с промышленниками. Введены были новые правила, по которым так называемый «полупай» стал выдаваться промышленникам не натурой, не мехами, а деньгами, «по сочиненной таксе». Это дало возможность сосредоточить все вывозимые из Америки меха в руках Компании. В силу этого, «продажная расценка оных стала зависеть от ее собственных расчетов и видов хозяйственных». ¹

Принимались и другие меры для ограждения интересов Компании: был запрещен ввоз в Россию иностранцами морских котов. ² Несмотря на это, добыча мехов, а следовательно и торговля ими, с каждым годом все больше осложнялась вследствие значительной конкуренции американских предпринимателей, которая сильно затрудняла сношения колонии с местными племенами. Сведения об этом неоднократно поступали в правление. «Г. Баранов, — говорится в одном документе, — сильно жалуется на умножившихся в тамошних краях мореплавателей — граждан Северо-Американских Штатов, которые привозят свои и чужие колониальные товары и оные променяют индейцам на пушные промысловые, отвозя сии последние в Кантон на продажу. Если бы сих мореплавателей туда не ездило, то бы все промысла индейцев ближних и дальних были в руках нашей Компании. Все же более жалуется на то, что те мореплаватели променяют индейцам огнестрельные и другие орудия, порох, ядра и свинец и что индейцы, получив употребление сих орудий, затрудняют некоторым образом свободный и безопасный промысел нашим русским промышленникам, так, как и торговлю с ними, отчего произошло, что для приобретения промыслов должно иметь разные вымыслы, как-то: ездить гораздо в дальние места, нежели прежде, с большим людством и издержками и иметь всегдашнюю воинскую осторожность». ³

Осложнения, вызванные конкуренцией иностранцев, сильно уменьшили экономическую эффективность промыслов. Правитель колоний А. А. Баранов вынужден был входить с иностранными промышленниками в договорные отношения, контрактовать их и, «придавая им своих промышленных, байдары и инструменты, посылает в разные промысловые даже и дальние места с тем, чтобы промысел разделить пополам». ⁴

Весьма сильный урон понесло промысловое хозяйство Компании в первые годы ее существования из-за гибели фрегата «Феникс» и потери острова Ситхи. На «Феникс» были погружены в большом количестве ценные товары и материалы, необходимые колониям. Кроме того, на нем отплыло 90 промышленников, которые должны были заменить вернувшихся из колоний в Сибирь. Непоступление жизненно необходимых грузов, потеря которых стала известна лишь через три года, само по себе поставило колонии в весьма тяжелое положение. Но особенно разрушительно отозвались на хозяйстве колоний последствия гибели 90 промышленников. «Оставшееся в колониях малолетство русских в несостоянии было охранить и защитить острова Ситхи, на котором в 1801 году нападшими дикими островитянами, подстрекнутыми иностранным корабельщиком Барбером, наша крепость до основания разорена.

¹ Там же, л. 2.

² Краткое историческое обозрение образования и действий РАК, стр. 17, литогр. изд. 1861 г.

³ Арх. РГО, Рукоп. труд. о РАК, разр. 99, оп. 1, № 5, л. 3.

⁴ Там же.

а гарнизон ее то побит, то уведен был в полон, при чем дикие ограбили сверж компанейского имущества до трех тысяч морских бобров, бывших уже на лицо». ¹

Прямым следствием потери острова Ситхи были не только большие и единовременные убытки, понесенные Компанией, но и невозможность из-за отсутствия опорного пункта продолжать пушной промысел в прежних масштабах. «Деятельность в промысловых и других хозяйственных занятиях в крайний пришла упадок сколько оттого, что за потерю острова Ситхи не осталось при полуденных берегах благонадежного прибежища, а не менее и потому, что все почти прочие селения в Америке за неприходом «Феникса» остались без подкрепления необходимыми потребностями, лишились через то и средств производить промыслы с прежним успехом, которые опять в надлежащую деятельность не прежде могли быть приведены, как по обратном завладении тем островом в 1806 году и по возобновлении на оном существующей ныне уже прочнейшей оседлости, укреплений и корабельной верфи. Словом сказать, потери сей по ее последствиям оценить нельзя, и она имела величайшее влияние». ²

Таким образом, в течение первого десятилетия XIX в. промышленная деятельность Компании, являвшаяся основным источником необходимых для нее средств, протекала в крайне неблагоприятных для ее успеха условиях.

Компания не сумела правильно организовать промышленную деятельность и потому вместо верной прибыли получала от торговли мехами убыток. С большим трудом, с большими затратами, с большой потерей времени удалось устранить часть недочетов, мешавших нормальной торговле, лишь в 1813 г. Отрывочность сохранившихся документов, отсутствие балансов Российско-Американской компании и ее счетных книг лишают возможности установить точные размеры убытков и восстановить во всех подробностях полную картину деятельности Компании. Следует при этом учесть, что и текущая отчетность велась в этот период ее деятельности крайне неудовлетворительно. Поэтому даже при условии полной сохранности архивов Компании нельзя было бы точно установить ее действительное финансово-экономическое состояние. Отчетность Компании была несомненно тенденциозна и не соответствовала (в лучшем случае — не вполне соответствовала) действительности. Счетные документы обрабатывались и перерабатывались по нескольку лет, а лишь после этого по ним «сочинялись» балансы и отчеты. Это не могло не отразиться на всей деятельности Компании.

Но все же даже частично сохранившиеся документы с достаточной убедительностью выясняют обстановку, в которой протекала деятельность Компании. Они освещают картину откровенно-хищнического отношения, проявленного Компанией в лице ее агентов к основному источнику ее доходов — пушному промыслу. Это отношение тем более характерно, что само правление Компании вполне сознавало их значение и приравнивало острова по их пушным богатствам к «наилучшей вотчине».

Хищническое использование природных богатств, доставшихся Компании, привело к тому, что в первое десятилетие XIX в. ее промышленная деятельность, истощая колонии, не дала тех прибылей, которые от нее ожидалось, и экономический фундамент самой Компании оказался крайне неустойчивым.

¹ Арх. РГО, Рукоп. труд. о РАК, разр. 99, оп. 1, № 6, л. 2.

² Там же, л. 3.

III

Из сохранившихся документов видно, что уже в первые годы существования Российско-Американской компании ее финансово-экономическое состояние внушало директорам самые серьезные опасения. 1 декабря 1799 г. Компания имела «кредитного долгу» 1 374 957 р. 01 к. при «истинном капитале» в 2 634 256 р. 57³/₄ к. Эти суммы значились в представленной Павлу I «краткой ведомости» (баланс).¹ На самом же деле указанная сумма основного капитала неверна, так как баланс Компании был фальсифицирован директорами компании Мыльниковыми,² причем путем увеличения оценки активов капитал был увеличен на 588 377 р. и фактически равнялся 2 045 979 р. 57³/₄ к. Первые годы промышленной и торговой деятельности несколько не улучшили положения Компании, а скорее ухудшили его. Один из сохранившихся документов дает следующую весьма соответствующую действительности оценку положения: «Компания находилась в чрезмерно расстроеном и затруднительном положении».³ Об этом было доложено собранию акционеров лишь через несколько лет, а именно 22 августа 1813 г., когда острота положения смягчилась, причем и тогда характеристика была дана в значительно смягченной форме: «первые пять лет были не только без приращения в капитале, но еще с небольшим недостатком оного».⁴ Не удалось поправить дела и продажей новых акций. Капитал Компании, «состоящий более в местных хозяйственных заведениях, в старых кораблях, в разном движимом имуществе и неверных долгах...», рассеян был по России, Сибири и Америке. Снабжение колоний всеми потребностями через Охотск... требовало несоразмерных с силами Компании издержек. Частые потери кораблей от худой оных постройки и дурного управления усугубляли эти траты».⁵

Нужно сказать, что состояние флота Компании всегда было весьма неудовлетворительным. В плавания отправлялись ветхие суда, годившиеся только на лом. Так, в 1808 г. пришло с плавания судно «давнишней охотской постройки» «Петр и Павел». Оно, прозимовав, достигло Охотска, доставив туда промысловый груз, и осталось в нем уже навсегда, «по своей ветхости быв обращено в складочный магазин».⁶ В одном из документов отмечается, что «состояние мореходных судов предвещало скорое прекращение служения некоторых из них... Мореходные суда, которые по состоянию своему вскоре должны были прекратить плавание, тем не менее считались в значительном капитале».⁷

Не касаясь вопроса о повышенной и совершенно нереальной оценке судов, следует отметить, что Компания все время несла большие убытки от гибели принадлежавших ей кораблей. Кораблекрушения начались вскоре после организации Компании. Первым погиб фрегат «Феникс», «отправленный из Охотска в 1799 г. с знатным грузом на подкрепление колоний наших и 90 человек свежих промышленных». За этим несчастьем последовал ряд других: «кораблекрушение катера «Орел», брига «Ситхи», корабля «Юнона», бригов: «Елизавета», «Александр» и «Мария», кораблей: «Нева» и «Беринг» с богатым грузом

¹ ЦГАВПК и Б. ф. канц. ген.-прокурора Сената, д. 2402, л. 38.

² Там же, л. 42.

³ Арх. РГО, Рукоп. труд. о РАК, разр. 99, оп. 1, № 29, л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, № 5, л. 1.

⁷ Там же, № 130, л. 6.

бобров и российских товаров; кораблекрушение «Эклипса» с грузом кантонских товаров». ¹ Повидимому, кроме дурного состояния судов, эти катастрофы были вызваны недостаточной подготовленностью командного состава кораблей. В книге Хлебникова, долго служившего в Компании и хорошо знакомого с положением ее дел, сохранились отголоски суждений о причинах частой гибели судов. Так, по поводу потери «Феникса» он пишет: «некоторые достойные уважения особы приписывали сию потерю невежеству мореходца Г. Шильца, придавая ему обидные названия бродяги и проч.» ²

Сильно ухудшилось финансовое состояние Компании обилием так называемых «неверных» долгов, всегда являвшихся в ней одним из больных мест. Вопрос о них неоднократно обсуждался и в правлении, и в собрании акционеров, причем всегда неизменно выяснялась в достаточной степени безотрадная картина. Так, директор Крамер, избранный в 1807 г., определил долги, которых «за настоящий и верный капитал поставлять не следует, потому что они наиболее сомнительны и ненадежны», — огромной суммой в 900 695 р. 33 к. ³ Такое положение само по себе не могло не истощить Компанию и вызывало хроническую потребность «постоянно очищать долговые суммы от ненадежных ко взысканию». ⁴ Сумма таких долгов всегда была значительной, но исчислялась чаще всего лишь ориентировочно. В этом отношении весьма характерна своей нарочитой неопределенностью фраза, относящаяся в одном из документов к ненадежным долгам, «подлежащим сложению по особым уважениям». В этом документе отмечается, что «всею же по всем означенным статьям подлежит исключению немаловажная сумма, которая должна быть приведена в положительную известность по получении требуемых справок и тогда исключена из счетов». ⁵

Затруднительное положение сопровождалось ростом кредиторской задолженности Компании. «К 1805 году она состояла уже в таком долгу, который, судя по толь разбросанному и в существе своем ничтожному капиталу, — мог почитаться неоплатным, ибо кроме надежды на случайную перемену обстоятельств и на благоуспешные промысла, ничем иным не была обеспечена». ⁶ На 1 декабря 1799 г. задолженность Компании равнялась 1 374 957 р. 01 к., а в 1807 г. «Компания имела на себе кредиту 2 394 362 р. 34¹/₄ к.». ⁷ Такой рост задолженности принимал явно угрожающий характер при неудачном размещении средств Компании. Она существовала исключительно за счет кредита, основанного на доверии к отдельным ее директорам. Этим главным образом и объясняется долговременное пребывание в правлении Булдакова — зятя Шелихова и наследника части его богатств. Один из документов Компании дает вполне правильную оценку того положения, в котором она находилась. «Без ошибки сказать можно, — говорится в этом документе, — что при малейшем потрясении кредита Компании совершенное падение ее было бы неизбежно. Если же того не последовало действительно, то сим Компания обязана личному кредиту тогдашних своих директоров и капиталам наследников Шелихова». ⁸ Правление должно было употреблять чрезвычайные усилия для того,

¹ К. Хлебников. Указ. соч., стр. 73.

² Там же, стр. 58.

³ Арх. РГО, Рукоп. труд. о РАК, разр. 99, оп. 1, № 6, л. 11.

⁴ Там же, № 130, л. 10.

⁵ Там же, л. 7.

⁶ Там же, № 29, л. 2.

⁷ Там же, № 5, л. 3.

⁸ Там же.

чтобы при полном истощении средств Компании поддерживать ее работу и сохранять внешний вид благополучия. Доходов от торговых операций нехватало на уплату процентов по долгам и на обеспечение текущей деятельности. «Необходимая потребность в наличном для сего капитале удовлетворялась одним средством — займами. Чрезмерные проценты, усугубляя издержки, служили к вящему Компании обременению».¹

Не малая доля вины в этом тяжелом положении Компании падает и на ее административно-управленческий аппарат. При ознакомлении с разрозненными остатками архивов Российско-Американской компании сразу бросается в глаза крайне неудовлетворительное состояние учета и отчетности. Это замечание относится не к одному какому-нибудь периоду. Плохая постановка отчетности Компании наблюдается в течение всей ее истории. Разбираясь в причинах, вызвавших это явление, нельзя не остановить внимания на крайне неудачном подборе служащих Компании. В конце XVIII в. она унаследовала от влившихся в нее отдельных купеческих компаний большое число служащих, связанных узами близкого родства с бывшими хозяевами, главным образом с Шелиховыми. После образования Российско-Американской компании и перевода Главного правления в Петербург порядок замещения открывавшихся в Компании должностей не мог не стать несколько иным. Надзор за работниками на местах несомненно ослабел, чему способствовала и самая отдаленность районов действия Компании.

Все это повело к тому, что в своем докладе собранию акционеров 1 февраля 1812 г. директора Компании должны были отметить «много неприятностей в ходе внутренних хозяйственных дел». Одной из главных причин этих «неприятностей» являлось, по мнению директоров, то, что «служители Компании, в разных местах находящиеся, не исполняют своих обязанностей, либо при том же неисполнении растрачивают капитал, им вверенный, и уклоняясь различными проницательствами, не дают отчета, либо, давая отчеты, затрудняют оные по дальности мест, где они находятся, делаемыми им от начальства послаблениями, без сомнения вынужденными корыстью». Не довольствуясь этой общей неутешительной констатацией, правление привело ряд весьма характерных примеров, ссылаясь на отдельных агентов. Так, «Сисин, бывший в Якутской конторе правителем., из хорошего человека сделавшись распутным, запустил свой счет за 1807 год и за всеми неусыпными стараниями нашими едва получили мы оный 9 ноября 1810 года, наполненный неверностями и сверх того не дозвоительным употреблением сумм в свою пользу». Таким же оказался правитель Охотской конторы Петров. Его, по уверению директоров, «немилосердным образом из хорошего служителя сделал худым тамошний бывший начальник Бухаринов, расстроил его как в поведении, так и в капиталах, ему вверенных, о которых уже по смерти его, случившейся от его пьянства, принуждено было (Главное правление. — В. Ш.) поверять и считать многим людям и многим временем и так еще, что неизвестно теперь, какой конец покажут счеты его при последней здесь ревизии, а между тем виден уже недостаток в 11 тысяч рублей, кроме того, что он более 20 тысяч передавал Бухаринову во взятку».²

Таковую же «предприимчивость» проявил предшественник Сисина по управлению Якутской конторой Лопатин. Он «несколько лет исправлял должность довольно изрядно, наконец оказался во многих не порядках в употреблении сумм на не принадлежащие до Компании предметы... и

¹ Там же, № 29, л. 1.

² Там же, № 5, л. 7.

особливо в недаче ей (Иркутской конторе. — В. Ш) учета за несколько лет». В Охотскую контору для приведения в порядок дел, расстроенных спигшимся управителем Петровым, был командирован бухгалтер Токарев. Но и «он не токмо не исполнил обещанного в ея обязательстве и, слагаясь на великую затруднительность и краткость времени его контракта, еще умножил беспорядок так, что по необходимости его же должно было вновь договорить за большое жалованье. Однако же удалось определить туда другого надежного бухгалтера и того беспутного служителя принудить под его руководством привести дела в порядок». Явным хищником оказался и камчатский комиссионер Компании иркутский купец Мясников. Он, «имев в производстве своем до 700 тысяч рублей капитала, не присылал несколько лет отчетов, почему он сменен другим». Тюменский комиссионер купец Саватеев употребил «капитал компании до 18 тыс. рублей в свои собственные обороты». ¹

В 1805 г., прибыв на остров Уналашку, Резанов нашел «тамошние магазины наполненные товарами, совершенно негодными к употреблению или вовсе не составлявшими необходимости для населения... Резанов прямо высказывал в своих письмах директорам Компании, что командированный правлением в 1804 году для ревизии компанейских контор в Сибири директор Деларов был совершенно обманут управляющим». ²

Приведенные примеры с достаточной убедительностью выявляют не только уровень значительной части ответственных работников Компании, но и полное отсутствие нормальной отчетности на некоторых весьма крупных участках Компании (например, в Якутской конторе), длившееся иногда годами. Эти примеры приобретают особенную выразительность и значение на фоне безотрадного заявления директоров, что «кроме сих можно бы представить и еще многих слушников и похитителей, но, сокращая столь скучную материя, заключаем сие». ³

Главное правление Компании считало основной причиной безудержного хищничества своих агентов их безнаказанность, отмечая, что «все те поступки компанейских служителей произошли от их вероятного надеяния, что они, как бы мы и управляемые нами конторы ни старались, не будут строго судимы».

Явный развал аппарата отдельных контор, конечно, самым отрицательным образом отразился на отчетности, парализуя ее. Правление Компании только в 1813 г. оказалось в состоянии представить собранию акционеров балансы с 1806 по 1812 гг. Затруднения по составлению отчетности увеличивались тем, что и в Петербургской канцелярии Главного правления Компании счетный аппарат оказался не на высоте положения. «Имели мы большую неприятность и от своих здесь служителей по бухгалтерской части, — сообщали директора 1 февраля 1812 г. собранию акционеров. — Сочинение генеральных ведомостей к 1808 году, инвентаря и баланса сперва возложено было на бухгалтера Беляева, который, однакож, ничего не сделав, оказал себя еще дерзким в своих поступках — и за выговоры, ему сделанные, отказался от служения». ⁴ Его место занял помощник бухгалтера Гренин, но в результате его неблагоприятных действий пришлось «не только отказать ему от должности, но и выгнать его из правления». ⁵

¹ Арх. РГО, Рукоп. труд. о РАК, разр. 99, оп. 1, № 5, л. 7.

² П. Тихменев. Указ. соч., 1, стр. 134.

³ Арх. РГО, Рукоп. труд. о РАК, № 5, л. 7.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

IV

Благоприятный поворот в делах Компании наметился лишь после того, как завязалась непосредственная торговля американских колоний с иностранцами. Еще в 1806 г. корреспондент Компании Резанов обратил внимание на Калифорнию и «сделал первый опыт снабжения колоний хлебом из сего полуострова». ¹ Главный правитель колоний А. А. Баранов установил с иностранцами постоянные торговые отношения, не только покупая у них «все нужное для продовольствия колоний, но даже и самые корабли их, столь превосходящие во всем суда собственной тамошней постройки». ² В тех случаях, когда для перевозки компанейских товаров не хватало собственных судов, Баранов зафрахтовывал иностранные.

Усиливая внешнюю торговлю колоний, Баранов сбывал иностранцам главным образом промысловые излишки, «кои не могли расхотиться в продажу по России и от долгого лежания могли бы гнить или сгнить, как то прежде нередко с котовыми шкурами и случалось». ³ В результате удачной торговли колонии перестали нуждаться в подвозе необходимых припасов из России и Сибири. Это видно из того, что, получив от Главного правления с 1808 по 1819 гг. разных материалов и товаров на 884 224 руб., ⁴ они просуществовали эти 11 лет исключительно за счет усилившегося товарооборота с иностранцами. При смене в 1819 г. Баранова, в одном только Ситхинском запасном депо оказалось товаров на 928 000 руб., т. е. больше того, что было получено колониями от Правления за весь 11-летний период. За это же время было вывезено из Америки котиковых, бобровых и лисьих мехов, не считая медведей, соболей, росомах, рысей, волков, норок, моржового зуба, струи бобровой и белых песцов, — на 15 649 683 руб. За этот период Главное правление употребило «на снабжение колоний разными товарами, материалами и вообще всякого рода потребностями через Охотск и вокруг света 2 817 319 руб.». ⁵ За вычетом этих затрат, колонии дали Главному правлению чистой прибыли 12 832 364 руб. Путем присоединения этой прибыли к капиталу, который равнялся в 1808 г. 1 420 000 руб., сумма собственных средств, находившихся в распоряжении Главного правления в течение 11 лет, определяется в 14 252 364 руб. Из них были произведены в течение этого периода следующие затраты: ⁶

Израсходовано по управлению делами . . .	4 696 364 руб.
» по погашению долга	1 700 000 »
» на выдачу прибылей	2 380 000 »
» на отправление 5-й экспедиции	1 234 000 »
	<hr/>
	10 010 364 руб.

За вычетом этих затрат, «оставалось к 1820 году в России чистого капитала в наличных деньгах, векселях и товарах р. 4 147 960». ⁷ Но так как оценка некоторых хозяйственных статей совершенно не соответствовала действительности, то с них была «сделана сбавка от 30 до 50%, а другие зачислены в один рубль». Всего было списано по

¹ Там же, № 29, л. 2.

² Там же, л. 3.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 4.

⁵ Там же, л. 3. Из этой суммы, как уже указывалось, фактически было получено в Америке запасов всего лишь на 884 224 руб.

⁶ Там же, л. 4.

⁷ Там же.

приблизительному подсчету. правления более двух миллионов рублей, что дало возможность очистить баланс «от ложного перевеса». ¹ В общем, в конце второго десятилетия своего существования Компания вышла из того тяжелого положения, в котором она оказалась в начале своей деятельности вследствие хищнической эксплуатации пушных богатств. Улучшив организацию пушного промысла, удачно наладив торговлю с иностранцами, колония получила возможность самостоятельно удовлетворять свои потребности в припасах и материалах и по утверждению Главного правления стала давать ему «верный и притом обильный доход». ² Констатируя улучшение финансового положения Компании, правление с полным правом утверждало, что «оставалось только поддерживать дела в том же порядке, и дальнейшее преуспевание было бы несомненно». ³ Неожиданно обстановка резко изменилась к худшему.

В 1818 г. на пост Главного правителя колоний вместо А. А. Баранова был назначен флота капитан-лейтенант Гагемейстер. При нем круто изменилась вся хозяйственная политика колоний. Была отменена традиционная выдача промышленникам половины добычи мехов по установленному расчету. Порядок участия промышленников в паях основывался на том соображении, что «собственный прибыток каждого заставит охотнее трудиться и радеть о том, чтобы промысла были богаче и прибыльнее». ⁴ Назначение промышленникам определенного жалованья вселило в них, по наблюдениям директора Прокофьева, «равнодушие к успехам Компании в промыслах. Каждый промышленный теперь уверен, что получит непременно ему назначенное, хотя бы промыслы были вовсе безуспешны». ⁵ Таким образом назначение промышленникам твердых окладов вместо их традиционного участия в фактической выработке уменьшило количество мехов, поступавших в распоряжение Компании.

Значительно сильнее отозвалось на делах Компании прекращение торговли колоний с иностранцами. До отмены торговых сношений все необходимое для колоний приобреталось в обмен на местные промысловые товары. При новых порядках необходимо было эти товары сначала продать, а затем на вырученные деньги производить закупки. На этот оборот требовалось не меньше трех лет, притом с большим риском порчи груза, а иногда и его полной потери при морских перевозках. Кроме того, при непосредственной торговле с иностранцами колонии сбывали им главным образом котиковые шкурки, спрос на которые в России был весьма невелик. При запрещении торговли с иностранцами запасы котиковых шкурок стали вывозиться из колоний в Россию «только для того, чтобы по несколько лет лежать бесполезно в пакаузах с потерей своей нередкой доброты». ⁶ Снабжение колоний всем необходимым путем отправки из России ежегодных экспедиций требовало затраты огромных средств. При этом стоимость получаемых из России товаров повышалась более чем вдвое по сравнению с приобретаемыми на месте от иностранцев. «Сие подтверждается, — отмечает один из документов того времени, — самыми верными и никакому сомнению не подлежащими расчетами. Достаточно указать на одну экспедицию 1820 года: на корабле «Кутузов» отправлено было всех товаров на 200 000 руб., а самое отправление этого груза стоило

¹ Арх. РГО, Рукоп. труд. о РАК, разр. 29, оп. 1, № 29, л. 4.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 5.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 7.

700 000 рублей». ¹ При таких условиях благосостояние Компании настолько пошатнулось, что Главное правление принуждено было сделать самый мрачный вывод: «принятая вновь система распоряжения делами Компании вела ее к совершенному разорению и... через два-три года конечный упадок ее был бы несомненным». ²

V

Руководство Компанией в первую четверть века ее существования, т. е. в тот период, когда она осуществляла захват определенной территории и подчиняла местное население, в значительной степени находилось в руках людей, совершенно не подготовленных к управлению колоссальным предприятием и притом смотревших на Компанию главным образом как на источник личного обогащения. «Директоры ее (Компании. — В. Ш.) правления, — говорится в одном из документов, — посвятили себя внимать единственно пользам собственным». ³ С большим основанием один из крупнейших акционеров Компании упрекал директоров в том, что они обнаруживают «недостаток в хозяйственном соображении». Это подтверждается рядом фактов. Так, например, относительно экспедиции 1821 г. директор Прокшфев писал, что «она была отправлена более для вида, нежели для существенной надобности». При этом отмечались следующие характерные подробности. Для экспедиции был «куплен посредством дома братьев Крамеров в Соединенных Штатах корабль «Елена». Директор Крамер, имея от главного правления поручение тот корабль купить, несмотря, что капитал акционеров в расстроенном положении, не упустил случая воспользоваться за комиссию по 6 процентов с рубля... Не было уже никакого сомнения в прибытии корабля «Елены» в Кронштадт, однако сочтено нужным купить другой корабль «Елизавету». За него заплачено 30 000 рублей, да на починку и снаряд издержано более 70 000 рублей. Но за всем тем корабль сей по ветхости не мог следовать далее мыса Доброй Надежды и к благодарению благости провидения, что весь экипаж не погиб в океане. Корабль «Елены», как будто для подтверждения, что куплен без надобности, оставлен в Кронштадте». ⁴ Комментируя факт отправки этой экспедиции, стоившей 435 000 руб., один из акционеров Компании справедливо утверждал следующее: «Не есть ли сие яснейшее доказательство, что директоры, получая большое жалованье, выпрашивая неограниченные и несколько своим заслугам не соответственные награды..., не почитали стыдом брать за комиссию... Следовательно, все виды и попечение их обращено было не к пользе Компании, а к обогащению себя. Крамер от должности директора отклонен, а товарищ ему во всех беспорядках Северин остается директором донныне». ⁵

Беспользная экспедиция 1821 г. ничему не научила правление, и оно постановило вновь отправить из Кронштадта в Камчатку корабль с грузом в 10 000 пудов ржи, хотя «опыт уже показал, что хлеб в зерне не может безвредно доставляться на кораблях через жаркий зон. Наверно полагать было должно, что в Камчатке получили бы одни сгоревшие комья... Сверх того на экспедицию требовалось не менее полумиллиона рублей, которые, по недостатку на сей раз наличных капиталов, надлежало большею частью занять — занять для того,

¹ Там же.

² Там же, л. 11.

³ Центр. арх. нар. хоз. (ЦАНХ), ф. 18, деп. мануф., 2 отд., 2 ст., д. 706 А, л. 59.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

чтобы истратить и бесполезно и невозвратно». ¹ Отсутствие элементарного хозяйственного расчета при отправке экспедиций подтверждается и сообщениями из колоний, главный правитель которых заявлял, что экспедиции «были для него бесполезны и что, с одной стороны, лишенный нужных потребностей, с другой, отчужденный от всякого сношения с иностранцами, он не столько уже должен помышлять о промыслах, сколько о содержании главной колонии в оборонительном положении от неприязненных дикарей, оскорбленными иностранцами подстрекаемых». ²

Бесполезность и убыточность экспедиций, отправленных правлением в колонии, подчеркивается и в поданной царю жалобе акционера Лобанова. Он заявлял, что «директоры правления дел Компании, не имея должного внимания к существенным и необходимым в колониях надобностям, отправляются туда большею частью ненужные вещи, кои и оставались там без употребления, причиняя тем двойной убыток Компании». ³ Тот же жалобщик отрицательно характеризует деятельность директоров и в другом отношении, обвиняя их за списание с баланса для его очищения «от ложного перевеса» огромной суммы в 2 044 594 р. 93 к. Он с полным основанием утверждает, что самый факт этого списания «очевидно представляет, до какой степени они [директора. — В. Ш.] беспечны были к пользе Компании, распорядясь без всякой ответственности и отчетности миллионами сумм ее. Ибо они сами произвольно делали кредит неблагонадежным людям, чему служит показателем, что с сумм, пропавших в долгах, также в материалах и товарах и с каких-то иных статей сделаны сбавки». ⁴

В настоящее время очень трудно установить, в каком именно случае неудачные мероприятия Компании объясняются исключительно одной неподготовленностью директоров к управлению огромным предприятием, владевшим отдаленной колонией, равной территории большого государства, и в каком они продиктованы главным образом личной заинтересованностью и являются явным злоупотреблением со стороны директоров. Были случаи, когда директоров обвиняли в махинациях явно уголовного характера. Такое, например, обвинение возникло в связи с уходом из состава директоров Крамера. Вступив в правление в конце 1807 г., Крамер заведывал в нем счетной частью. Нельзя сказать, чтобы начало его работы сопровождалось большим успехом. Только в 1813 г., т. е. с опозданием на пять лет, находящаяся под его наблюдением бухгалтерия, как мы уже указывали, представила правлению баланс и отчет. Уже в этом первом своем отчете, потребовавшем столь продолжительной подготовки, Крамер предложил акционерам «составить капитал в приличной ясности и несомненности» и с этой целью «выключить» все долговые и ненадежные статьи, составлявшие солидную сумму в 683 700 р. 36 к., списав ее на определенных условиях в убыток. ⁵ Освоившись в течение своей долголетней службы с порядками, установившимися в Компании, Крамер до того перестал стесняться, что совершенно открыто взял комиссию за покупку для Компании корабля, произведенную при помощи фирмы, в числе совладельцев которой состоял он сам. Его чрезмерная «предприимчивость» в конце концов оказалась неприемлемой даже для Российско-Американской компании, и 1 января 1824 г. он выбыл из состава директоров после 16-летнего в нем пребывания. При этом Крамер уклонился от под-

¹ Арх. РГО, Рукоп. труд. о РАК, разр. 99, оп. 1, № 29, л. 10.

² Там же.

³ ЦАНХ, ф. 18, деп. мануф., 2 отд., 2 ст., № 706 А, л. 101.

⁴ Там же, л. 98.

⁵ Арх., РГО, Рукоп. труд. о РАК, разр. 99, оп. 1, № 6, л. 11.

писания составленного за 1822 и 1823 гг. баланса, который в силу этого не был своевременно представлен общему собранию акционеров.¹ Через полтора года после своего ухода с поста директора, 12 июня 1825 г. Крамер объяснил отказ в подписании баланса тем, что книги, по которым был составлен баланс на 1 января 1824 г., были составлены уже после его увольнения.² Это заявление вызвало большие толки среди акционеров, пытавшихся уяснить себе «сие происшествие, заключающее в себе явное злоупотребление».³ Они пришли к правильному выводу, что «нет еще такого примера в порядке, чтоб прежде был сделан отчет, а потом книги составлялись, а всегда отчет делается из книг».⁴ Лишь в октябре 1825 г. правление предъявило собранию акционеров давно ожидаемый баланс, который оказался выведенным с убытком в 300 000 руб.

Поведение директоров в этой истории, а также непонятное промедление в оглашении баланса, который по заявлениям правления был составлен еще на 1 января 1824 г., вызвали обвинение директоров в злоупотреблениях и подлогах. Эти обвинения изложены в жалобе акционера Лобанова царю. Дело однако было замято. Ни большинство акционеров, ни правительство не пытались изменить установившиеся в Компании «порядки», в силу которых директора и, вероятно, правительственные чиновники извлекали немалые выгоды. «Директора сии получают, — ядовито констатирует цитированный выше документ, — каждый по 15 000 рублей в год жалованья и нередко выпрашивают себе награды. Трем директорам выдано было в награду каждому по 100 000 рублей; кроме сего, уволенному из них от должности директора производится пансион по 10 000 рублей в год, а г. директору Прокофьеву сверх получаемого им 15 000 рублей в год жалованья прибавлено столовых по 12 000 рублей в год. Все сии весьма значительные награды нисколько не соответствуют их заслугам и тем ускоряют уничтожение Компании. Но и за всем тем они, распоряжаясь капиталами Компании более к собственным выгодам, довели оные до истощения».⁵

Хищническая эксплуатация колоний, бесхозяйственность и злоупотребления администрации привели к тому, что уже в 20-х годах XIX в. Компания не только остановилась в своем росте, но не имела никаких благоприятных перспектив для дальнейшего развития и расширения своей деятельности. Общий крепостнический строй государства не мог не сказаться на деятельности такой организации, как Российско-Американская компания.

¹ Там же, № 29, л. 9.

² ЦАНХ, ф. 18, деп. мануф., 2 отд., 2 ст., № 706 А, л. 62.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 93.

Л. В. КРЕСТОВА

ДВИЖЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ В ОСВЕЩЕНИИ ИНОСТРАННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Движение декабристов в освещении иностранной публицистики уже подвергалось обозрению в нашей печати. Е. В. Тарле в статье «Император Николай и французское общественное мнение», обзрев материалы газет «Journal des Débats» и «Journal officiel du soir», пришел к следующему выводу: «В общем декабрьский бунт был очень плохо и поверхностно понят во Франции; его понимали либо как борьбу династических партий, либо как мятежное, анархическое выступление «отбросов» армии, у которых цель — анархия, средство — убийство. И эта последняя версия (русско-правительственная) в сущности не вызвала окончательного и авторитетного отпора».¹

Работу Е. В. Тарле продолжал А. Н. Шебунин, который рассмотрел книги Ancelot («Six mois en Russie»), Кюстина («La Russie en 1839»), работу неизвестного английского автора «Revelation of Russia» (1844), труды Ф. Лекруа «Les mystères de la Russie» и Шнитцлера «Histoire de la Russie» (1847).²

Статья А. Н. Шебунина имеет значительные пробелы. Автор не коснулся ни периода, предшествующего декабрьскому выступлению, ни периода, непосредственно следующего за ним. За двенадцать лет, отделяющих письма Ансло (1827) от книги Кюстина (1839), во Франции появилось несколько интересных работ. Часть из них была учтена Н. М. Ченцовым³ в его библиографическом указателе, но некоторая часть и статей и книг осталась вне поля его зрения.

Не претендуя представить исчерпывающий обзор, попытаемся отметить основные произведения иностранной публицистики за период 1826—1839 гг., касающиеся событий преддекабрьского движения и самого восстания.

I

Самое раннее упоминание о тайных обществах в России встретилось нам в работе де Пассенана (псевдоним уроженца Невшателя Дюкре), который провел в России несколько лет. В своей книге «La Russie et l'esclavage» (1822) автор, страстный противник рабства, собрал немало фактов о печальном положении русских крепостных. Кроме того, Пассенан доказывал невыгодность крепостного труда и опровергал возражения против необходимости освобождения крестьян в России.

Резко обличая злоупотребления помещичьей властью, Пассенан вы-

¹ Е. Тарле. Сб. «Запад и Россия». Статьи и документы по истории XVIII и XIX вв., стр. 34, Пгр., 1918.

² А. Шебунин. Движение декабристов. (Бунт декабристов, юбилейный сборник, 1825—1925, стр. 284—311, Лгр., 1926).

³ Централхив. Восстание декабристов. Библиография, сост. Н. М. Ченцов. Раздел «Декабристы в иностранной печати», стр. 195—220, М. — Л., 1929.

сказал следующие общие соображения, касающиеся тайных обществ. «В России, так же как и в других странах, — писал он, — существуют объединения, клубы и даже тайные общества, цель которых в большинстве случаев политика, религия, благотворительность и развлечение. Известно, что возможно употребить эти общества во зло правительству, нравам и общественному спокойствию. Однако некоторые из тайных объединений принесли огромное благо, не исключена возможность использования их в важном деле борьбы за освобождение рабов». К этому рассуждению Пассенан дает следующее примечание: «Несколько лет тому назад в России создано общество, цель которого изыскать средства для смягчения ужасов крепостного права. Пусть же общество это, распространяясь, принесет все то благо, которое возможно от него ожидать».

Говоря о наличии в России тайных обществ, Пассенан вернее всего имеет в виду «Союз благоденствия» (1818—1821 гг.). Возможно, что Пассенану был известен устав этого тайного общества — «Зеленая книга», — одним из пунктов которой являлось человеколюбие (благотворительность). Не исключена также возможность, что в примечании, касающемся общества, «цель которого смягчение ужасов крепостного права», Пассенан имел в виду легальную организацию, которая была задумана в 1820 г. братьями Тургеневыми и П. А. Вяземским. По мнению последнего, инициатива освобождения крестьян должна была принадлежать дворянству. Он одинаково боялся при этом как «министерских ножиц, которые часто режут вкривь и вкось», так и «топора черни».

В свете таких настроений, распространенных в дворянских кругах, бесспорный интерес представляет одно из подобных же высказываний, отмеченных в книге Ж.-М. Шопена «De l'état actuel de Russie» (1821—1822 гг.).

Автор ее, так же как и Пассенан, близко знаком с русскими порядками. Библиотекарь и секретарь князя А. Б. Куракина, Шопен преподавал французский язык будущему декабристу А. И. Одоевскому. Покинув Россию в 1818 г., Шопен занимался во Франции журналистикой и переводами, в том числе произведений Пушкина («Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы», «Евгений Онегин»). Рисуя нравы преддекабрьской России, Шопен выдвигает в своей книге целый ряд глубоко принципиальных вопросов. Так, в V и VI главах «De l'état actuel de Russie» он воспроизводит интереснейший разговор между французом и русским. Беседа происходит у памятника Петра. Настроение русского, графа С***, весьма пессимистическое. «...Нет более тревожного контраста, чем изысканные нравы наших дворян и глубокое невежество народа. Может ли существовать единение у столь различных частей нации? — спрашивает русский. — С одной стороны, богач смотрит на рабов как на низшие существа, с другой — рабы (les esclaves) питают тайную ненависть против тех, роскошь которых создана их потом и лишениями. До сих пор суровая дисциплина поддерживала положение вещей; но пребывание наших войск за границей произвело перемену в умах, которая может иметь мрачное последствие, если народ когда-нибудь почувствует свою силу. Он далеко еще не созрел для свободы, и она была бы для него роковым подарком».

II

Сведения о событиях 14 декабря и о ходе следствия французские читатели, помимо газетных сообщений, могли почерпнуть также в «Annales historiques universels», выходявших начиная с 1818 г. из года

в год. Так, в обозрении 1825 г., автор его Лезюр (Lesur) дает последовательный рассказ о происшествии 14 декабря. Основа его изложения — правительственные материалы, которые кажутся Лезюру неоспоримыми в виду искренности тона, не позволяющего якобы сомневаться в правоте и беспристрастии изображаемых фактов. Другим источником осведомленности Лезюра является австрийская газета «*Observateur autrichien*», откуда почерпнуты им известия о полном непонимании народом событий, происходивших на Сенатской площади, а также рассказы об унижительном поведении Трубецкого. Одновременно автор обозрения прославляет Николая за необычайное хладнокровие, мудрое и снисходительное отношение к мятежникам, сказавшееся в назначении следственной комиссии.

Следующий том того же самого «*Annaires historiques universels*» касается событий 1826 г. и в первую очередь восстания Черниговского полка. Основным источником суждений Лезюра является донесение следственной комиссии. Полагая, что движение декабристов не встретило поддержки ни в солдатской, ни в крестьянской среде, Лезюр не может умолчать, однако, о восстаниях, прокатившихся после 14 декабря на юге. Переходя к настроениям различных общественных групп в столице, он отмечает всеобщую печаль и уныние, так как большинство выдающихся дворянских семейств потеряло своих членов, замешанных в заговоре. Приговор по делу декабристов вызывает у Лезюра двойное настроение. С одной стороны, он сожалеет об отсутствии в России тех юридических норм, которыми сопровождаются подобные процессы в конституционных государствах; подсудимые лишены защитников, следствие и судопроизводство проходят в глубочайшей тайне.

Однако Лезюр считает необходимым, с другой стороны, отметить и положительные стороны процесса: добросовестную отчетливость следствия, неоспоримость улик, юридическую предусмотрительность и «светлую ясность» приговора. Все это, по мнению французского обозревателя, обнаруживает «ту дань уважения, которое деспотическое, но просвещенное правительство оказало правам человечности в стране, лишенной цивилизации и культуры».

Статья Лезюра, основанная главным образом на официальных данных, вобрала в себя, помимо них, также немалое количество циркулировавших тогда слухов.

По словам Лезюра, Рылеев, со спокойствием принимая приговор, возмущался будто бы формой предназначенной ему казни. В своем предсмертном письме, писал французский обозреватель, Рылеев говорил о спокойном состоянии духа, непоколебленной и пламенной любви к родине. Другие осужденные, уверяет Лезюр, отрицали планы царевубийства и утверждали, что подобные мысли разделяло лишь несколько безумцев, не посвященных в настоящие планы общества.

Несмотря на всю близость к русской официальной версии как в изложении фактов, так и в их освещении, обзоры Лезюра имели несомненное значение в деле ознакомления французского общества с событиями 14 декабря. В этих же обзорах был перепечатан также целый ряд официальных документов. Некоторые из них воспроизвел затем A[drien] E[gron]. В книге последнего «*Vie d'Alexandre I*» (Paris, 1826), наряду с материалами «*Annaires historiques universels*», приведены отдельные высказывания «*Journal des Débats*» и «*Gazette de Lausanne*». Освещение событий 14 декабря и здесь близко к русской правительственной версии, а действия Николая I вызывают у автора сочувствие.

С той же самой правительственной точки зрения излагаются события и в книге Ancelot «*Six mois en Russie*» (Lettres à M. X. B. Saintines en 1826, Bruxelles, 1827). Автор, приехавший в Россию в свите герцога

Мармона на коронацию Николая, представляет декабристов «могущественными сеньорами», «аристократами-заговорщиками», «гордыми потомками бояр». Он полагает, что их не беспокоил вопрос освобождения крестьян, что народ остался чужд движению. «Что же было делать народу в этом чисто аристократическом заговоре? — спрашивает Ансло. — Разве это над ним тяготеет скипетр? Нет, государственные крестьяне свободны! Можно ли верить, что эти гордые потомки бояр, освободившись посредством убийства от оков, прикрепляющих их к трону Петра I, вдруг увидели бы себе подобных людей в рабах, жизнь которых им завещана предками и которых они продают, как стада? Народ этому не верил, а его неподвижность в течение кровавых сцен, происшедших перед его глазами, доказывала, насколько он считал себя незаинтересованным в этом вопросе».

Анализируя работу Ансло, А. Н. Шегунин полагал, что книга «Six mois en Russie» написана «совершенно независимо от внушений русских сфер и, напротив, проникнута отрицательным отношением к русским порядкам. Между тем Ансло явно не сочувствует декабристам. Одновременно Ансло очарован «мужеством» императора, которому во время своего пребывания в России сложил ко дню коронации похвальную оду и кантату, прославляя «славное имя Николая», «покровителя муз и гения».¹

Книга Ансло, непосредственно наблюдавшего русскую жизнь, оказала беспорное влияние на западноевропейские суждения о декабристах. Это не значило, однако, что суждения Ансло не вызвали порицания, что официальный характер его работ не был скоро разгадан на Западе, что там утвердилась только одна русско-правительственная точка зрения на восстание декабристов.

III

Почти одновременно с работой Ансло во Франции появился ряд статей, проникнутых бесспорным сочувствием декабристам. Так, Aubernon в книге «*Considérations historiques, et politiques sur la Russie*» (Paris, 1827) считает нужным обратить внимание читателя на следующее: «В то время как Александр пытался с помощью своих войск задушить свободу на Западе, в его собственном государстве образовались тайные общества, носившие различные названия». Общей целью всех их, полагает Обернон, являлось намерение добиться изменений в государственном строе и ограничить самодержавную власть императора.

Сражения, которые происходили в Петербурге, кровь, которая пролилась при восшествии на престол Николая I, свидетельствуют, полагает Обернон, о силе и решительности заговорщиков. Само следственное дело показало, что в числе заговорщиков многие лица занимали значительные посты, что большое количество членов главной армии участвовало в заговоре. Несмотря на то, что восстание не удалось, можно утверждать, думает Обернон, что рано или поздно самодержавный строй в России будет изменен, что армия и дворянство получат достаточные права (*garanties suffisantes*).

Не менее сочувственно отнесся к декабристам также и другой, неизвестный нам, автор обозрения, помещенного в «*Revue de l'histoire universelle moderne*» (Paris, 1827). Он указывает, что одной из главных причин движения декабристов являлась неудовлетворенность заговорщиков политическим и социальным строем, требование широких реформ как в области государственного управления, так и внешней по-

¹ M. Ancelot. Ode sur le couronnement de Sa Majesté l'empereur Nicolas I. Moscou, 1826; M. Ancelot. Cantate à l'occasion du couronnement de Sa Majesté l'empereur Nicolas I. M., 1826.

литики. Автор обзора отмечает жестокую расправу с восставшими: «окрестности дворца и соседние улицы были наполнены ранеными и мертвыми». Одновременно упоминает он и о событиях на юге. Судопроизводство над декабристами и позорная казнь пятерых вызывают его несочувствие к мерам правительства. Свою симпатию сосланным в Сибирь на каторжные работы автор выражает в следующих словах: «Эти приговоры (о ссылке на каторжные работы. — Л. К.), спасая от непосредственной казни, скоро повлекут за собой неизбежную смерть осужденных».

Весьма интересно и еще одно обстоятельство, которое автор обзора считает нужным отметить. «События этого процесса, — указывает он, — произвели в умах волнение, симптомы которого весьма показательны. Рабы или крестьяне (*les serfs ou les paysans*), которые благодаря обещаниям предшествующего монарха из года в год обольщали себя улучшением своего положения, уже показали свое недовольство весьма энергичным способом (*d'une manière énergique*). Смерть Пугачева вовсе не затушила воспоминания о нем в том классе, где сохранилась масса его приверженцев (*une foule de partisans*)».

Наметившееся во французской прессе сочувственное отношение к декабристам еще отчетливее, чем в двух указанных работах, отразилось в труде Niellon Gilbert «*La Russie, ou coup d'oeil sur la situation actuelle de cet empire*» (Paris, 1828), явно полемизирующего с русской правительственной точкой зрения и взглядами Ансло. Ниллон Жильбер, некогда русский пленный, позднее участник бельгийской революции и французский журналист, собрал интереснейший и богатейший материал для освещения экономических, социальных и бытовых сторон русской жизни.¹ Событиям 14 декабря посвящены главы VII и VIII работы Ниллона Жильбера. Истоками идеологии декабристов он считает влияние похода на Запад в момент, когда там все было пропитано конституционными настроениями, резкий контраст по возвращении на родину, где господствовал унижительный гнет. Подробно останавливается Ниллон Жильбер на неудовлетворенности будущих декабристов русским общественным и социальным строем, а также политикой Александра I, ставшего главой западноевропейской реакции. Эта группа революционно настроенных дворян не могла симпатизировать Николаю, проводившему жизнь в казармах, занимавшемуся инспекцией войск. Наконец, резко отталкивались будущие декабристы и от старинной аристократии, предрассудки которой являлись препятствием для всех либеральных начинаний. Ниллон Жильбер считает затем необходимым решительно опровергнуть распространенную на Западе точку зрения на декабристов. Не называя прямо Ансло, но несомненно имея в виду его недавно появившуюся книгу, Ниллон Жильбер говорит о ложной отправной точке зрения автора «*Six mois en Russie*»: «Эта точка зрения слишком близка к воззрениям следственной комиссии, в ней использованы показания лиц, или заинтересованных или испуганных (*des personnes ou intéressées ou timorées*)». Ниллон Жильбер упрекает поэтому Ансло в некритическом отношении к взглядам правительства, которое, в целях дискредитации декабристов, представило восстание как аристократический заговор против царской власти.

«Во всех официальных донесениях о 14 декабря, — пишет Ниллон Жильбер, — утверждают, что народ остался безучастным, не заинтересованным в том вопросе, который решался. Все очевидцы могут указать на несправедливость таких донесений. Далекий от безучастия, народ присоединил свои голоса к восставшим и приободрял их криком

¹ Его биографию см. в «*Journal des Débats*» 27/VII 1832.

и жестом. Когда конная гвардия стреляла в восставших, народ вступил в защиту последних и бросал камнями в нападавших: множество офицеров и полицейских стали его жертвами. Когда же, наконец, вопрос был разрешен пушками, восставшие солдаты не одни находились на поле сражения: большое количество женщин осталось на кровавой арене. Правда, следы резни не остались надолго, тотчас же вслед за победой полиция изгладила их; убитые или раненые, мертвые или умирающие — все были сброшены в волны через те отверстия, которые делают во льду на Неве (прубуи. — Л. К.)».

«Хотели изобразить этот заговор как совершенно аристократический, в котором народу нечего было делать, потому что, как полагают авторы реляций (к числу их следует отнести и Ансло. — Л. К.), казенные крестьяне свободны». На самом деле, указывает Ниллон Жильбер, повсеместно, вплоть до самой Москвы, происходит волнения крестьян.

«Распространились слухи, — пишет он, — что царь даст свободу крестьянам, лишит дворян их привилегий; крестьяне обсуждали эти вопросы на площадях, даже священники распространяли эти слухи по деревням, где они произвели особенно сильное впечатление, так как крепостные тотчас отказались платить подати, выполнять барщину и обратились к открытым восстаниям. Беспорядок этот продолжался много месяцев, лишь спустя долгий срок царь специальным указом объявил крестьянам, что они не могут быть освобождены».

В заключение этого раздела своей работы автор еще раз подчеркивает мотивы, которые увлекли большинство участников 14 декабря: это — безраздельная власть управителей-сатрапов, которых называют «военными губернаторами», варварство феодального дворянства (*barbarie de la féodalité*), продажность всей администрации начиная с низших полицейских чинов и кончая дипломатами.

В западноевропейской публицистике в период, близкий к событиям 14 декабря, отчетливо наметились таким образом две противоположные точки зрения. Одна черпала руководящие указания в официальных сообщениях и в русских правительственных кругах. Е. В. Тарле совершенно правильно указал, что эта точка зрения была подхвачена официозами Австрии и Франции, которые делали все, чтобы унижить и опозорить декабристов. К этому же направлению примыкали обзоры Лезюра, книга A[drien] E[gron] и письма Ансло. Нет, однако, никаких оснований полагать, как думает Е. В. Тарле, что русская правительственная версия не вызвала никакого отпора. Работа Обернона, обзор анонимного автора в «*Revue moderne universel*», а главное, книга Ниллона Жильбера свидетельствуют также и об иных настроениях. Авторы этих трудов пытаются восстановить истинный ход событий, отмечают влияние восстания 14 декабря на дальнейшее крестьянское движение. Они трактуют декабрьское восстание, как восстание дворян-революционеров, говорят с симпатией о некоторых из них, преимущественно о Рылееве.

Эти два противоположных взгляда на декабристов, наметившиеся во французской публицистике, находят свое отражение и в дальнейших работах французских авторов по тому же вопросу. Вслед за книгой Ниллона Жильбера мимолетное упоминание о декабристах встречается в обзоре «*De l'état des cabinets européens*», помещенном в № 9 «*Revue française*» за 1829 г. «С тех пор как император Николай взошел на престол, он и его советники едва имели время притти в себя от заговора, восстания, войны...», — пишет автор данного обзора.

Более подробно ту же самую тему осветил затем Ж. Б. Мэй, в книге которого «*Saint-Petersbourg et la Russie en 1829*» глава XI посвящена событиям 14 декабря.

Рассказ Мэя основан на самых разнообразных источниках, часть которых, как он сам признается, собрана им за время пребывания в России. Сведения эти, подчас противоречивые, имеют бесспорный интерес как по своей многочисленности, так и по отдельным деталям.

Прелюдией к 14 декабря Мэй считает, между прочим, восстание Семеновского полка. Переходя затем к событиям междуцарствия, французский путешественник дает характеристику обоих претендентов на престол. По его словам, многие предпочитали воцарение Константина «как более способного к военной шумихе (*fracas militaire*) и тем самым более способного принести России дни славы, чем воцарение Николая, отличавшегося «прапорщицким» духом» (*puéril caporalisme*).¹

В представлении Мэя цели заговора были различны. Одна часть заговорщиков хотела установить аристократический образ правления наподобие Венеции и Генуи. Большинство же, увлеченное либеральными идеями за время пребывания в Германии и Франции, мечтало о конституционном строе. Впрочем, положение крестьян, с точки зрения Мэя, как в первом, так и во втором случае, осталось бы неизменным.

Жесточайшей критике подвергает затем Мэй выбор заговорщиками в руководители человека, лишенного не только гения, но самого простого практического смысла, человека без сердца, энергии, мужества, каким был Трубецкой. По мнению французского путешественника, поведение Трубецкого во многом обусловило поражение декабристов. В подробностях описывая события 14 декабря, Мэй, повидимому со слов очевидцев, указывает на подъем, который господствовал в среде восставших войск. Со всех сторон раздавались крики: «Да здравствует Константин, да здравствует конституция! Долой Николая!» Энтузиазм становился всеобщим. При хладнокровии и решительности было бы покончено с царствующим домом. Но вместо наступления заговорщики рассуждали, бездействовали, теряли время в пустых разговорах и похвальбах (*fanfaronnades*). Тем временем император приказал действовать пушками.

Ночь в Неву были сброшены трупы погибших как с той, так и с другой стороны. По приказу полиции, жителям было запрещено выходить до полудня из дома. От населения хотели скрыть убийства, происшедшие накануне, но на стенах Сената и близлежащих домов, несмотря на принятые меры, еще были видны следы крови, валялись и трупы восставших, расстрелянных из пушек.

Мэй одновременно считает нужным подчеркнуть национальный характер восстания: поиски иностранцев, особенно французов, среди заговорщиков остались тщетными. Он упоминает имя только одного из них — Журдана, учителя (*Jourdan, outchitel*), бывшего секретарем у одного из заговорщиков. Журдан поплатился десятью годами ссылки в Сибирь. Непонятно, кого имеет в виду Мэй, говоря следующее: «Неизвестно также, какое наказание понесла *m-me* Орлова, снабжавшая золотом южан-заговорщиков».

Касаясь поведения Николая, Мэй как будто не осуждает предпринятых им мер, «необходимых в подобных обстоятельствах». Однако ему

¹ Ср., например, письмо А. С. Пушкина П. А. Катенину от 4 декабря 1825 г. из Михайловского: «Как верный подданный должен я, конечно, печалиться о смерти государя, но как поэт радуюсь восшествию на престол Константина I, в нем очень много романтизма; бурная его молодость, походы с Суворовым, вражда с немцем Барклаем напоминают Генриха V». Невольно напрашивается также на параллель и следующая запись Пушкина в «Журнале» от 21 мая 1834 г.: «Il y a beaucoup du praporchique en lui...»

кажется, что было бы разумнее в интересах самой власти набросить покров забвения на прошлое и объявить амнистию виновникам происшествия. Мэй не оправдывает Николая, считая такое ожесточение (un acharnement) недостойным монарха.

По словам Мэя, жестокость Николая, помимо его личных свойств, усиливалась влиянием матери, высокомерной и мстительной Марии Федоровны, и жены Николая — императрицы Александры, дочери короля прусского, соединившей «германскую спесь (morgue germanique) с злопамятностью московитки». Под этим влиянием Николай решил лично стать судьей восставших, сам дни и ночи допрашивал виновных, чтобы отметить обстоятельства, которые усугубляли вину тех, кто должен был быть принесен в жертву его мстительности. Не останавливаясь на заключительном этапе процесса декабристов, Мэй делает два вывода из всего им сказанного.

По его мнению, процесс участников событий 1825 г. «унизил демократический элемент в дворянстве» (democratie de la noblesse), «позорные наказания, к которым приговорено большинство членов заговора, принудят дворян или смириться перед «самодержавной розгой» или добиться победы в борьбе, которую дворянство давно ведет против деспотизма». С заговорщиками, думает Мэй, бывает то же, что и с завоевателями: им надо или выиграть дело или умереть, но умереть мужественно. К числу таких борцов Мэй относит Муравьева, Пестеля и особенно Рылеева, обнаружившего твердость и возвышенность души.

В совершенно другом свете, чем книга Мэя, представлены декабрьские события в пятитомном труде по истории России, написанном J. Esneaux et Chennechot и вышедшем с 1828 по 1830 гг. Последняя глава пятого тома касается царствования Николая I и тем самым выступления декабристов. Основные источники авторов — официальные данные, главным образом донесения следственной комиссии.

Тратовка событий весьма сдержанная, хотя в последней фразе данной главы: «Восстание усмирено, и спокойствие не замедлило восстановиться в царстве деспотизма» — проскальзывает яркая нота сочувствия декабристам.

Совершенно иным настроением проникнут зато отзыв о декабристах в обзоре русской истории, принадлежащем Louis Paris.

В книге «Histoire de Russie depuis le commencement de la monarchie jusqu'à nos jours» (1834, 2 éd.) автор, бывший преподаватель гимназии в Москве, а затем хранитель архива в Реймсе,¹ известный в ученом мире изданием летописи Нестора,² в основном придерживается точки зрения Англо и дает резко отрицательную характеристику декабристов. По его мнению, «не народ создает в России заговоры против самодержца, так как от него он получает непрерывно благодеяния, свободу, земли, больницы и школы. Не народ низводит с трона и убивает своих правителей. Все это дело рук аристократии, так же, как и события 14 декабря».

Эти недоброжелательные оценки «14 декабря» следует заключить еще одним отзывом, принадлежащим французскому послу в России Баранту. «Колебание в. кн. Николая, замедление (в престолонаследии. — Л. К.), которое оно вызвало, укрепило заговорщиков в их безумном и глупом предприятии 26 декабря, которое не имело даже определенной цели», — писал он в своих «Воспоминаниях».³

¹ А. Тургенев. «Хроника Русского» — «Современник», т. V, 1837, стр. 31.

² См. письмо А. И. Тургенева П. А. Вяземскому от 31/19 января 1838 г. — «Русская Старина», окт. 1881, стр. 340.

³ Barante. Souvenirs, III, p. 309, Paris, 1893.

IV

Отражение событий 14 декабря в английской печати обследовано И. Звавичем.¹ Добавлю, что помимо беглых замечаний о восстании декабристов, в книгах William Rae Wilson, Willcock — «History of Russia» и путешествии James Webster'a, где перепечатаны официальные материалы, подробное описание событий встречается только в книге А. В. Granville. «St. Petersbourg. A journal of travels» (London, 1829, vol. III, pp. 466—469, 472—473). Однако, поскольку сам автор точно определяет свои источники: официальные данные и материалы Ансло, сведения А. В. Granville не имеют для нас особого значения.

Наконец, к имеющейся в книге Н. Ченцова английской библиографии о декабристах следует добавить также упоминание о событиях 14 декабря в статье английского путешественника: «Esquises d'un voyageur en Russie», помещенной в «Revue Britannique» за ноябрь 1829 г. (с. 27), касающейся главным образом гражданской казни обвиненных и повешения пятерых.²

Итак, обзор западноевропейской публицистики, касающейся событий 14 декабря, показывает широкий интерес к восстанию декабристов, главным образом во Франции. Наряду с официозной точкой зрения, здесь прочно установилось также и сочувственное отношение к декабристам. Не связанные жестокой цензурой, европейские публицисты сохранили множество мелких, но характерных подробностей восстания, ставших известными в нашей печати много позднее. Они обратили внимание на истинные причины создания тайных обществ, их историю; сообщили о народных толпах, находившихся на Сенатской площади 14 декабря, и крестьянских восстаниях, прокатившихся затем по всей стране.

Многие из вышеупомянутых трудов были известны и в русских передовых кругах. «Знаешь ли Chopin sur la Russie 1822 года?» — спрашивал А. И. Тургенев П. А. Вяземского в письме от 14 марта 1824 г. — «Не знаю, — отвечал тот 20 марта того же года, — книги про Россию, о которой ты мне говоришь, да и не мог разобрать в письме твоем имени автора. Пришли ее на минуточку». В частности, в личной библиотеке Пушкина имелись книги: Пассенана (№ 1249), Ансло (№ 539) и Ниллон Жильбера (№ 1214). Весьма вероятно, что А. И. Тургенев мог ознакомить Пушкина и с книгой Луи Пари, которую он получил от самого автора и передал поэту (№ 1240).

Наличие всех этих данных опровергает, между прочим, утверждение С. Гессена, что «Донесение» являлось единственным источником, откуда Пушкин, обращаясь к истории декабристов, мог почерпнуть о них печатные сведения.³

V

В заключение нельзя не упомянуть еще об одном материале, принадлежащем современнику событий 14 декабря, хотя в печати материал этот появился только в 1891 г. Это записи, сделанные Леопольдом фон

¹ И. Звавич. Восстание 14 декабря и английское общественное мнение — «Печать и революция», VIII, 1925, стр. 31—52.

² Помимо данной статьи из «Revue Britannique», в разделе иностранной библиографии, составленной Н. М. Ченцовым, не упомянуты книги: Passenan, Chopin, Aubernon, May, Louis Paris, «Revue de l'histoire universelle moderne», а также статья из «Revue Française».

³ С. Гессен. Источники десятой главы «Евгения Онегина». («Декабристы и их время», II, стр. 157).

Герлахом (1796—1861), прусским военным деятелем, автором книги «Denkwürdigkeiten aus meinem Leben». Четыре раза приезжал Герлах в Россию и записывал свои впечатления в виде дневника. В 1826 г. его интересуют династические перемены, декабристы и следствие над ними; в 1828 г. — восточный вопрос, греки, предстоящая турецкая война; в 1832 г. — события на Западе и в Польше, проблемы революции и конституционализма. Приезд в 1834 г. остался Герлахом неотмеченным. Бесспорный интерес записей Герлаха уже был отмечен в нашей историографии.¹

Свидетельства о России Герлаха, человека хотя и глубоко консервативных воззрений, но умного и наблюдательного, должны быть полностью введены в научный оборот, как материал для истории 30-х годов. Сейчас извлекаем из них наиболее существенные данные, касающиеся восстания декабристов.

Первый приезд Герлаха в свите принца Вильгельма Прусского (с 18 января по 8 апреля 1826 г.) совпал с тревожными настроениями в Зимнем дворце. В первое же свидание вдовствующая императрица рассказала Герлаху об «ужасных сценах, которые происходили на ее глазах под окнами ее комнат, когда оба сына находились в крайней опасности».

Здесь же, в Зимнем дворце, рядом с покоями Марии Федоровны происходят допросы «des malfaiteurs» (злодеев), как называли в императорской семье декабристов. Герлах отчетливо слышал их голоса и голос императора. «Следственная комиссия собирается специально в шесть часов вечера, император допрашивает всякого обвиненного», — записывает Герлах в дневнике 26 января 1826 г. Царь представляется постоянно занятым. По его собственным словам, он должен во все вникать, заканчивать многие из дел, начатых Александром, и, наконец, принимать личное участие в следствии. Настроение Николая, по свидетельству Герлаха, очень неровное. В первое свидание он сказал Герлаху следующее: «Когда я вас последний раз видел, то не думал, что придется вновь увидеться с вами по столь печальному поводу; я должен дойти до корней этого заговора или умереть; и в этом беру бога в свидетели. Je ne transigerai jamais avec le crime (я никогда не вступлю в компромисс с преступлением); а если я погибну, то есть еще мой брат Константин, мой брат Михаил, мой сын Александр и мы, наконец, добьемся своего». Однако, одновременно Николай прибавил: «За четыре дня меня предупредили обо всем деле, я знал, что существовал заговор против меня и моей семьи, положение мое было ужасно, у меня не было ни одного преданного человека, кроме моей жены» (запись 19 января 1826 г.). В семейном же кругу Николай признавался, что «смотрит на свою жизнь как на оконченную. Думает, что его не пощадят... Каждый день считает за дар неба, так как не скрывает от самого себя действительного положения дел: везде его может настигнуть убийца» (2 февраля 1826 г.).

Не менее интересны сведения Герлаха о настроении Михаила Павловича, жаловавшегося на усталость. — «Это утомление, — сказал он, — не только физическое, но и моральное; сердце уязвляется этим. Эти господа хладнокровно говорят о таких ужасах, как будто бы все права на их стороне. Или мы негодяи (faquins), а эти господа люди честные,

¹ И. И. Ореус перевел его заметки, относящиеся к 1826 г. («Русская Старина», 1892 г., февраль, стр. 365—383), а А. Брикнер изложил основные материалы в статье «Русский двор в 1826—1832 годах» («Исторический Вестник», 1891 г., декабрь, стр. 783—795). Однако ни та ни другая работа не дают исчерпывающего представления о материалах Герлаха, так как выборка произведена неполно и напечатана с большим количеством цензурных сокращений.

или же они негодяи, а мы честные люди. Они положительно бессовестны, они хотят лишь убийств и грабежей».

Мельком касается Герлах настроений дворцовых кругов, оппозиции высшего реакционно настроенного дворянства. Oberstgalmейстер князь Долгорукий сказал, например: «Этот заговор позорен для русского дворянства, до сих пор державшего себя так незапятнанно, но император Александр Павлович при наилучшем намерении сам несет долю ответственности за это. Нашим крестьянам он обеспечил права и даровал вольности, между тем как мы были предоставлены всяческому произволу и могли быть ежедневно сосланы в Сибирь».

Генерал, дежуривший при особе принца Вильгельма Прусского, повел Герлаха тотчас по приезде в Эрмитаж, где император тогда жил. Дорогой он выразился о заговоре так: «Русских солдат обольстили; они ничего не смыслят в конституции». «Я, — записывает 19 января 1826 г. в своем дневнике Герлах, — заметил на это: «Говорят, что солдаты тут смешали конституцию с Константином?» — «Да, да, мой милый, это совершенно верно; некоторые из них спрашивали: «Да это что такая за конституция, о которой говорят?» — «Э, дурак! Это Константинова жена...» Правительственные круги во главе с Николаем хорошо знали о широком распространении революционных идей. «Поверьте, что не все «злодеи» (les malfaiteurs) находятся в крепости, таких еще достаточно между нами, и они ежедневно вместе с нами же присутствуют в приемной государя, который имеет в руках доказательства их измены», — сказал кто-то на днях генералу Тиле», — записывает Герлах 21 марта 1826 г.

Внимательно следит Герлах за процессом декабристов, записывает все, что узнает о планах тайных обществ, излагает материалы, опубликованные 11 февраля 1826 г. в «Journal de Saint-Petersbourg», отмечает новые аресты, происшедшие в связи с показаниями В. К. Кюхельбекера (запись 14 февраля 1826 г.), указывает, что благодаря заговору почти вся русская литература, как кто-то сказал, «сидит в крепости».

Сочувствие Герлаха явно на стороне правительственной партии и Николая. Однако отношение к последнему у него далеко не пристрастное. Немецкий наблюдатель видит многие язвы «чудовищного строя» с его неслыханной тиранией, ужасами военных поселений, возглавлявшихся Аракчеевым, «сволочью» (une canaille), «человеком единственным в своем роде, уродливом, как нельза больше, который кричит как мужик», и его приспешником Клейнмихелем. Герлаху очевидна непопулярность царя. «Солдаты, — записывает он, — предпочитают Константина Николаю и смотрят на последнего как на узурпатора».

Весь государственный строй символизируется для Герлаха в виде высокой тонкой колонны, на вершине которой находится царь. «Естественно, что всякий недовольный попытается сломить эту колонну или для того, чтобы низвергнуть оттуда владыку и посадить другого, или для того, чтобы навсегда уничтожить и самую колонну».

Задумываясь над причинами, вызвавшими декабрьское восстание, Герлах считает нужным отметить, что наличие среди заговорщиков лиц, занимавших крупные посты в государстве, указывает, что заговор имел и еще одну цель, кроме введения конституции. Многие, полагает он, стремились к созданию подлинно русского правительства. «Этому соответствует план уничтожения царской семьи, не исключая маленького в. кн. Александра, ибо немецкий царствующий дом действительно чужд России, чужд по своим основным правилам, взглядам, склонностям и даже внешнему облику. Александр всегда чувствовал себя чуждым среди русских...»

Проходит шесть лет со времени первого приезда Герлаха, и 10 августа 1832 г. в беседе с военным министром гр. А. И. Чернышевым он снова возвращается к темѣ о декабристах. Оглядываясь назад, Чернышев отметил особенность восстания декабристов. «До сих пор, — сказал он, — наши революции были дворцовыми переворотами (*révolution du sérail*), но последняя носила уже более широкий характер (*déjà un caractère populaire*)».

Это признание николаевского царедворца в высшей степени интересно. Помимо того, что восстание декабристов не было забыто в 1832 г., показательно, что оно осознавалось в правительственных кругах как широкое революционное движение.

М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКАЯ

К ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ СУЛТАНА КЕНЕСАРЫ КАСЫМОВА

Восстание султана Кенесары Касымова в 30—40-х годах XIX в. в Казахстане, вылившееся в грандиозное движение, которое захватило большую часть казахов Младшей и Средней Орд, до сих пор еще мало изучено. Статья Н. И. Середы¹ и главы, посвященные этому восстанию в труде А. И. Добросмыслова,² являются единственными более или менее обстоятельными работами дореволюционного периода по этому вопросу. Однако оба автора, подробно останавливаясь на фактической стороне дела, почти не дают характеристики самого движения.

Другие дореволюционные исследователи ограничивались лишь краткими сведениями о той или другой стороне восстания. Так, Мейер, пытаясь охарактеризовать движение Кенесары, сводит всю деятельность последнего к личным корыстным поступкам степного разбойника.³ Ахмед Кенесарин⁴ дает несколько интересных, но кратких сведений о начале движения, о планах Кенесары, о размере его влияния в степи. Очень интересна статья Коншина⁵, освещающая наименее известный период последней борьбы Кенесары с киргизами. Особенно ценны приложенные к статье документы: воззвания Кенесары к казахам Младшей Орды (от 1846 г.) и письма киргизских манапов к сибирской администрации с сообщением о смерти Кенесары.⁶ Ряд писем Кенесары помещен в сборнике документов, составленном Серебренниковым.⁷ Там же имеются и другие чрезвычайно интересные материалы, относящиеся к рассматриваемому периоду (борьба царизма с восстанием, в частности вопрос о построении укреплений, уход Кенесары в Старшую Орду и др.). Ряд бытовых черточек, дающих картину лагеря Кенесары и взаимоотношений его с подчиненными, находим в очерке бар. У-ра,⁸ участника экспедиций против восставшего султана. Остальные авторы ограничиваются лишь более или менее кратким упоминанием о Кенесары.⁹

¹ Н. Середа. Бунт киргизского султана Кенесары Касымова, «Вестник Европы», 1870, кн. VIII и IX, 1871, кн. VIII.

² А. Добросмыслов. Тургайская область, «Известия Оренб. отд. Русск. геогр. об-ва», 1902, XVII, гл. IV.

³ Л. Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства, стр. 57—63, СПб., 1865.

⁴ Е. Смирнов. Султаны Кенесара и Садык. Переработка рассказа Ахмеда Кенесарина, Ташкент, 1883.

⁵ Н. Коншин. Материалы для истории степного края. Записки Семипалат. подотд. Зап.-Сиб. отд. Русск. геогр. о-ва, 1903, вып. I.

⁶ Там же, стр. 99—101 и 104—109.

⁷ А. Серебренников. Сборн. материалов для истории завоевания Тукестанского края, II, стр. 225—227, III, стр. 32—33, 70—73; IV, стр. 131—132, 134, 172, 189—190, 200, 215; V, стр. 59, 142—143, 150—152, Ташкент, 1914.

⁸ Бар. У-р. Четыре месяца в Киргизской степи, «Отгеч. Записки», 1848, № 10.

⁹ Например, М. Красовский. Область сибирских киргизов, I, стр. 105—108, СПб., 1868.

Движение Кенесары и после революции не привлекло еще достаточного внимания исследователей. Существует только одна монография А. Ф. Рязанова, оставшаяся за смертью автора неизданной.¹ Составленная на основании обширного документального материала архивов Казахстана, она содержит много нового, чрезвычайно интересного материала, освещающего причины восстания, весь ход его, соотношение борющихся сил. Автор дает характеристику движения и его вождя, султана Кенесары. Пытается дать оценку движения и А. Якунин в своей статье «Восстание Кенесары Касымова»,² но с оценкой этой нельзя согласиться: автор чрезвычайно принижает роль Кенесары, отводя ему лишь второстепенное место в восстании.

Можно назвать еще несколько небольших статей, и этим ограничивается вся литература о Кенесары. Дальнейшие исследования должны пойти не только по линии изучения богатых архивных данных, но и по линии тщательного изучения фольклорного материала — многочисленных песен и сказаний о Кенесары и его восстании.

Настоящая статья составлена на основании исследования лишь небольшой части источников³ и пытается осветить некоторые не разработанные до сих пор вопросы: об истоках движения (преемственная связь его с движением султана Саржана несомненна), об участии отдельных родов в рядах Кенесары и о феодальном характере этого восстания.

I

Движение султана Кенесары Касымова было самым значительным и мощным в Казахстане в XIX в. Оно продолжалось целое десятилетие (1837—1847 гг.). Восстание это явилось продолжением борьбы, начатой султанами Средней Орды против царского правительства после введения Устава 1822 г.

Новое административное устройство степи предоставляло султанам лишь незначительную роль в управлении. Приказы, образованные в центре казахских кочевий, нарушали их земельные права. Во главе антиколониального движения встали влиятельные султаны Аблаевы, не хотевшие примириться с утратой своих земель и былого значения и начавшие в 1824 г. вооруженную борьбу с царским правительством в Каркаралинском внешнем округе.⁴ Руководящая роль в движении принадлежала старшему брату Кенесары, султану Саржану Касымову, слышшему в степи «непреборимым и храбрым наездником».⁵ Наряду с Саржаном действовали и другие султаны Аблаевы: Губайдулла Валиев, Сартай Чингизов и «во главе всех беспокойных» все «семейство Касыма Аблайханова, которое по богатству, по родственным связям и по предприимчивости» пользовалось «огромным влиянием на умы киргизов» и почитало «происхождение свое от хана Аблая за законное право на верховную власть над всею Среднею Ордою».⁶ Касым в сентябре 1824 г. писал ген.-губернатору Западной Сибири П. М. Капцевичу, «требуя уничтожения приказов и удаления русских отрядов из степи».

¹ А. Рязанов. Восстание Кенесары Касымова. I—III. Рукопись хранится в архиве Ленингр. отд. Ин-та истории Акад. Наук СССР.

² «Большевик Казахстана», 1939, № 8.

³ По техническим причинам остались непросмотренными документы московских архивов, и только частично были использованы обширные архивные материалы Казахстана.

⁴ Движением были захвачены главным образом Алтаевская, Карпыковская и Темешевская волости (ЦГАВПКИБ, ф. 1 Сиб. Ком., д. 269, 1826 г., лл. 3 об. — 16 об.). Построение Каркаралинского и Кокчетавского окружных приказов относится к 1824 г., а в 1825 и 1826 гг. там были отведены земли для постройки казачьих станиц.

⁵ Там же.

⁶ А. Серебрянников. Указ. соч., V, стр. 9.

Одновременно Саржан начал нападения на караваны и подведомственных приказам казахов.¹ В 1824 г. он возбуждал роды, кочующие на Улу-тау, Тургаях и Нуре, не соглашаться на правительственные нововведения, а султан Сартай Чингизов писал Капцевичу, что внешние округа непригодны казахам, «как дикой лошади стойло».²

С именем Кенесары в качестве активного участника восстания, возглавляемого Саржаном, мы встречаемся впервые еще в 1825 г. (8 октября).³

Саржан учитывал, что вести борьбу с царским правительством силами одних казахов невозможно, поэтому он искал союзников среди соседних государств. Так, еще в 1825 г. (а может быть и ранее) он пытался завязать сношения с Китаем,⁴ но, повидимому, безрезультатно.

После поражения, нанесенного Саржану царскими отрядами в 1825 г. в Средней Орде, он предался на сторону коканского хана,⁵ отдав ему, по собственному выражению, «свой скот, душу и тело», и пытался (в 1831 г.) совместно с ташкентским куш-беги «поколебать легкомысленных киргизов и нанести вред вводимому в степи управлению».⁶ Вслед за Саржаном, пользовавшимся большим влиянием на всех казахов Средней Орды,⁷ из Каркаралинского и Акмолинского округов, расположенных на местах родовых кочевий Аблаевых, откочевало «к пределам Ташкению» до 1½ тыс. кибиток.⁸

В течение 1831, 1832 и 1834 гг. Саржан и ташкентский куш-беги, намеревавшийся использовать недовольство казахов для овладения степью, вторгались в пределы Средней Орды, разоряя не вошедших во внешние округа казахов и распространяя «возмутительные письма» среди «окружных». Они призывали казахов к отпочковке в коканские земли⁹ и предъявляли царскому правительству требования уничтожения приказов и отмены сбора ясака.¹⁰ Куш-беги и Саржан «с толпой до 6-ти тыс.» подходили к Кокчетавскому округу. На горе Улу-тау коканцами была построена крепость, разрушенная вскоре ген.-майором Броневским.¹¹

В конце 1834 г. царские отряды подавили восстание.

Причины неудачи движения Саржана, помимо несоответствия его сил силам царского правительства, надо видеть в том, что ему не удалось вовлечь широкие массы казахского народа в борьбу против царского правительства: за ним последовали лишь подведомственные ему казахи. Имя Саржана пользовалось большой известностью в Орде, требования, выдвигаемые им, были близки и понятны народу, но обе-

¹ А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 9.

² А. Круссеров. Трактаты с Китаем — «Памятная книжка Зап. Сиб.», стр. 63, Омск, 1882.

³ «При движении колонны вперед, с левой стороны показался на возвышенностях, отдельно, узанный после султан Кенесары, родной брат Саржана. Сотник Карбышев послал надежных казахов схватить его, но Кенесары, будучи изранен, успел скрыться в толпу» (ЦГАВПКИБ, ф. 1 Сиб. Ком., д. 269, 1826 г., л. 9 об.).

⁴ Там же, л. 10 об.

⁵ По сообщению начальника штаба Отдельного сибирского корпуса Жемчужникова, Саржан бежал в «Ташкению» весной 1831 г. и был там принят (А. Серебренников. Указ. соч., III, стр. 91).

⁶ ЦГАВПКИБ, ф. 1 Сиб. Ком., д. 281, ч. II, 1831 г., лл. 2 об. — 3.

⁷ Ср. слова тюленгута султана Качканбая Аббасова, исправлявшего должность муллы при Саржане, о том, что последний есть «батца в земле Киргизской (или царь)» (ЦГАВПКИБ, ф. 1 Сиб. Ком., д. 269, 1826 г., л. 8).

⁸ ЦГАВПКИБ, ф. 1 Сиб. Ком., д. 281, ч. II, 1831 г., лл. 103—103 об.

⁹ Там же, лл. 5—6.

¹⁰ Там же, лл. 127—129.

¹¹ Там же, лл. 205—206 об.

щание кочевий, которые коканский хан собирался предоставить казахам на своих землях, было нереально.¹ Кроме того, совместные действия Саржана и ташкентского куш-беги грозили казахам утратой независимости и подчинением Кокану, т. е. не освобождением, а лишь переменной одной зависимости на другую, которую большинство признавало даже более тяжелой. Как сообщал в своем отчете за 1825 г. ген.-губернатор Западной Сибири Капцевич, «из увлеченных необузданными султанами Габайдуллой и Саржаном малая только часть осталась при них», все прочие вернулись на прежние кочевья: недостаток в пастбищах и «страх от порабощения от Бухарии и других азиатских владений, не знакомых ни с каким снисхождением, как сами они признавались, привлек их сюда обратно. По их разумению, они избрали меньшее зло».²

Реальными последствиями движения было сильное разорение части казахов: ташкентский куш-беги наложил тяжелый ясак на всех «отложившихся от России»; те, кто осмеливались уходить обратно, подвергались разграблению.³ Особенно пострадали не вошедшие во внешние округа казахи.⁴

В 1836 г. Саржан и два его брата были убиты ташкентскими куш-беги по подозрению в измене,⁵ и с весны 1837 г. во главе антиколониального движения становится султан Кенесары, прикочевавший в этом году из Кокана вместе со своими ближайшими родственниками и тюленгутами.⁶ Кенесары продолжил и довел до необычайной силы и широты движение, начатое его старшим братом.

II

Кенесары выступил, когда степь переживала беспокойное время. В Средней Орде только что было ликвидировано движение Саржана, но недовольство введением внешних округов продолжало существовать. В западной части Младшей Орды развертывалось восстание Исатая Тайманова (1837—1838 гг.) и Каип-Али Ишимова. В средней и восточной частях нарастало глухое недовольство, вызванное образованием Новой линии (в 1835 г.).⁷ Введение кибиточной подати (в 1837 г.) усиливало общее напряженное положение. Если новое административное устройство степи затрагивало в основном интересы «верхушки», то земельные захваты царизма и налоговое обложение главной тяжестью ложились на массы. Недовольство было всеобщим.

Тревожное положение в Орде совпало с усилением агрессии со стороны Хивинского и Коканского ханств. Момент для нового восстания был благоприятный. Нужен был лишь вождь, который возглавил бы его. Таким вождем и явился султан Кенесары.

В 1837 г. он был уже хорошо известен сибирской администрации.⁸

¹ Султаны и бии, которые отвечали согласием на совместное выступление с Саржаном и куш-беги, выражали сомнение относительно «тесноты у вас [коканцев] земли» (там же, лл. 11—11 об.).

² ЦГАВПКИБ, ф. 1 Сиб. Ком., д. 558, 1825 г., лл. 42 об. — 43 об.

³ А. Серебрянников. Указ. соч., III, стр. 93.

⁴ ЦГАВПКИБ, ф. 1 Сиб. Ком., д. 281, ч. II, 1831 г., лл. 205—206 об.

⁵ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 13, 1837 г., л. 51. Подробнее об этом см. Бар. У-р. Указ. соч., стр. 149—151.

⁶ А. Серебрянников. Указ. соч., II, стр. 244, V, стр. 9—10.

⁷ Ср. показания урядника Иванова о негодовании Кенесары и его приверженцев на построение Новой линии, отнявшей у казахов лучшие зимовья (Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2442, 1844 г., лл. 23—33; см. также ЦГАВПКИБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 183, ч. I, 1843 г., л. 141).

⁸ В ноябре 1837 г. группа казахов Средней Орды была схвачена и предана военному суду по обвинению в убийстве хорунжего Рытова и участии «в шайках мятеж-

По словам сына Кенесары Ахмеда, поводом к первому нападению его отца на царские отряды был захват (в 1835 г.) урочища Кокчетав.¹ В мае 1838 г. султан Кенесары во главе своих приверженцев напал на Акмолинский приказ, построенный (в 1832 г.) на родовых кочевьях Аблаевых, и сжег его.² Это послужило как бы сигналом к общему восстанию в Средней Орде. В короткое время к Кенесары примкнуло более 5 тыс. казахов разных волостей, недовольных вторжением царских отрядов в степь и введением нового устава.³

С перенесением в 1838 г. центра восстания в Младшую Орду, на Тургай, Кенесары объединил вокруг себя большую часть родов и этой Орды. Активное участие в движении в этот период батыра Жоломана Тленши способствовало расширению круга казахов, примкнувших к восставшим. Совместно с Кенесары, Жоломан призывал прилинейные роды к откочевке в глубь степей.⁴

В противоположность движениям Исета Кутебарова и Жан-Хожи, восстание Кенесары не было локальным, оно захватило почти весь казахский народ. В период наибольшего своего могущества (1845 г.) Кенесары заявлял, что «32 рода оренбургских киргизов» прислали к нему для изъявления покорности «почетных людей» с обещанием платить «обыкновенную со ста и с сорока по одной штуке дань».⁵ Когда в том же году Кенесары разослал есаулов в разные роды с приглашением собраться на совет,—депутации от разных родов «не замедлили к нему явиться».⁶ Центром его восстания была Средняя часть Младшей Орды, больше всех пострадавшая от проведения Новой линии.

Необычайно широкий размах движения Кенесары объясняется тем, что обещания, даваемые им своим приверженцам, были близки и понятны массам, а требования, предъявляемые им царизму, — требования, которые по оценке царского чиновника Долгова «могли родиться в голове султана от одной дикой его необразованности и от незнания порядка вещей» и выражали лишь «нелепость вопросов и желаний»,⁷ — на деле отражали насущные чаяния казахского народа. Он давал обещание казахам отложившихся от России волостей «сделать их свободными от российского правительства».⁸ Брату своему, султану Кочеку, Кенесары приказал (в 1837 г.) вернуть казахам отогнанных лошадей «до одного жеребенка», объявив, что «он прибыл не для баранты и грабежа, а освободить киргизский народ от ига русских».⁹

Ген.-губернатор Западной Сибири Горчаков так объяснял причину успеха Кенесары: «Мятеж сей, — писал Горчаков оренбургскому военному губернатору Перовскому, — тем опаснее, что свое грабительство названный султан прикрывает политической маской, обещая кайсакам возвращение их былой вольности. Оттого-то он имеет в Киргизских

ного султана Кенесары». Последнее обвинение осталось недоказанным (ЦГВАЛ, ф. Аудит. деп., 4 отд., 2 ст. св. 208, д. 1, ч. 1—6, 1842 г.).

¹ Е. Смирнов. Указ. соч., стр. 3.

² Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 181, 1838 г., лл. 76—77 и д. 182, лл. 70—71.

³ Среди восставших оказались волости Алтаевская, Карпыковская и Темешевская, уже участвовавшие в движении Саржана, и волость Кидель-Кипчакская, с которой постоянно кочевал султан Касым и куда укрылся Саржан от преследования царских отрядов (А. Серебрянников. Указ. соч., II, стр. 245; ЦГАВПКиБ, ф. 1 Сиб. Ком., д. 281, ч. II, 1831 г., л. 14 об.).

⁴ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2145, 1838 г., лл. 5—6. Участие Тленши являлось как бы отголоском его восстания 20-х гг. (Материалы по истории Казахской ССР, IV, разд. IV, М.—Л., 1940, изд. Ак. Наук СССР).

⁵ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2745, 1845 г., лл. 215—216.

⁶ Там же, д. 2692, 1845 г., лл. 26—29.

⁷ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., лл. 757—778.

⁸ Там же, ф. 64, оп. 1, д. 13, 1837 г., л. 491 об.

⁹ Там же, л. 542.

степях столько сподвижников, обольщенных не одною выгодою легкой наживы, но и мечтою о восстановлении древней их независимости». ¹ Так же расценивал значение Кенесары и председатель Оренбургской пограничной комиссии Ладыженский, говоря, что он стоит «выше простого разбойника, гонящегося только за добычей и живущего грабежом. Он не из тех людей, которые появлялись в степи и при небольших усилиях со стороны правительства исчезали, не оставив после себя никаких следов. Он выше этих пришельцев и по происхождению, и по цели, и по способностям, следовательно, пренебрегать им нельзя». ²

Обещания Кенесары отвоевать казахам новые кочевья в коканских землях привлекало к нему многочисленных сторонников. ³ Кенесары восстал против нарушения независимости Казахских Орд, против колониального гнета, против налогового обложения и земельных захватов царизма, разорявших народ. В своих письмах и обращениях к царскому правительству Кенесары требовал не возводить новых укреплений и уничтожить уже построенные, которые «стесняют и беспокоят народ», угрожая в противном случае «грабить и убивать русских, разорять все делаемые в степи помещения для людей, прекращать сообщения и выжигать приготовленное сено не только по пикетам и в селениях по округам, но даже и на линии казаков, где будто-бы тоже имеет своих приверженцев». ⁴ Он настаивал на отмене сбора ясака, ⁵ на возвращении пастбищ по Уралу и на выводе из станиц казаков. ⁶ Он грозил, что «истребит и выжжет всю Новую линию, потому что она заселена на земле, принадлежащей азиатцам». ⁷ «Всею минувшим злым делам, — писал Кенесары оренбургскому губернатору Обручеву в 1845 г., — предшествовала съемка, постройка диванов (приказов) и выступление отрядов». ⁸

Кенесары смело изобличал царскую администрацию, ⁹ которая «как пиявки высасывает кровь киргизскую», ¹⁰ грабит и притесняет казахов, а затем «дарит их теми землями, которые и без того принадлежат им». ¹¹ «Неужели, — спрашивал Кенесары Ладыженского, — у прежних государей недоставало аркана для измерения земли, не было лесу для построек укреплений, недоставало силы делать притеснения?» ¹² Смелость и высокомерность обращения Кенесары с представителями царской администрации, ¹³ его непреклонная воля и неустрашимость, выразившиеся в частности в нападении на Новую линию, необычайно под-

¹ Н. Середя. Указ. соч., «Вести Европы», 1870, VIII, стр. 567.

² А. Рязанов. Указ. соч., II, гл. XV, стр. 163.

³ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 182, 1838 г., лл. 70—71; ф. 4, оп. 1, д. 2651; 1845 г., лл. 605—606. В 1841 г. из Аягузского округа Средней Орды откочевало в Ташкент до 2442 кибиток (ЦГАВПКИБ, ф. Ком. министров, д. 1503, 1842 г., лл. 2 об.—3). По справке Каркаралинского округа, отсюда откочевало (до 1841 г.) 4602 кибитки из 17 волостей, всего около 20 тыс. чел. (Н. Коншин. Указ. соч., стр. 13 и 80).

⁴ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 179, 1838 г., лл. 159 об.—160.

⁵ Там же, ф. 82, оп. 1, д. 169, 1839 г., л. 14.

⁶ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., лл. 757—778.

⁷ ЦГАВПКИБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 183, ч. I, 1843 г., л. 125 об.

⁸ А. Серебрянников. Указ. соч., V, стр. 143.

⁹ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 82, оп. 1, д. 169, 1839 г., л. 14; ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., лл. 331—332; ф. 4, оп. 1, д. 2570, 1844 г., лл. 10—12, д. 2621, 1845 г., лл. 708 об.—710.

¹⁰ Там же, ф. 4, д. 2622, 1845 г., лл. 1059—1059 об.

¹¹ Там же, д. 2621, 1845 г., лл. 757—778.

¹² Там же, лл. 890 об.—891.

¹³ Достаточно вспомнить судьбу посольств Долгова и Герна (там же, лл. 708 об.—710, 757—778 и д. 2622, 1845 г., лл. 1055—1062). Ср. также заявление Кенесары о том, что он «русских нисколько не боится».

нимали его авторитет среди казахов и создавали ему громкую славу: «Имя твое, Кенеке, прогремело по степи всей».¹

Обаяние личности «бесстрашного воевателя, победоносца и богатыря», как называл себя сам Кенесары,² «одного из храбрейших и умнейших ханов», по определению его приверженцев, и неукротимая энергия, с какой он боролся против царского правительства, привлекали под его знамена многочисленные отряды казахов. Оренбургская администрация должна была признать, что при одном приближении Кенесары казахи «колеблются умами».³ Якунин неправ, заявляя, что Кенесары «встречал в массах безразличное или прямо враждебное отношение».³ Как раз безразличного отношения Кенесары, как необычайно яркая индивидуальность, не вызывал: наряду с врагами у него были и горячие приверженцы.⁴

Вопрос об участии отдельных родов Средней и Младшей Орд в восстании Кенесары чрезвычайно сложен. Во-первых, мы не имеем точных данных об этом на протяжении всего движения. Во-вторых, документы обычно говорят об участии рода в целом,⁵ тогда как несомненно, что часто не весь род был на стороне восставших, в особенности, если кочевья данного рода занимали большую территорию.⁶

Не следует, в-третьих, забывать и того, что отношение к восстанию «верхушки» и «низов» рода было различным. Состоявшие на службе царизма и пользовавшиеся известными выгодами от этого верхние слои в подавляющем большинстве были, естественно, против «мятежа». Так, влиятельнейший бий рода Аргын, Чегень Мусин, правнук первого тархана Жаныбека, имевший в своем ведении до 4 тысяч кибиток, писал оренбургскому военному губернатору Перовскому в 1838 г.: «Я нахожусь под покровительством государя императора, головы и уши наши у ног его, и не могу отречься, что приказет начальство»; «Кенесары мне такой же враг, как и всему народу, Кенесары мне в друзья не ставьте».⁷ На стороне правительства стояли также: старшина того же рода Язы Янов, неоднократно участвовавший совместно с сибирскими отрядами «в поисках против Кенесары»;⁸ бий рода Жаппас, Алтынбай Кубеков; управлявший с 1841 г. отделением Узун рода Кипчак сотник Балгоджа Янбурчин, по характеристике оренбургской администрации «влиятельностью и уважением в Орде полезный для исполнения распо-

¹ Досхожа-бий. Песня, спетая перед переселением Кенесары с Кокчетава. Песни степей, под ред. Л. Соболева, стр. 229, М., 1940.

² Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., лл. 230—231.

³ А. Якунин. Указ ст., стр. 54.

⁴ Интересны сообщения о наружности Кенесары: он был «росту среднего, сухощав и несколько курнос» (Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 182, 1838 г., л. 102). По другим сведениям, Кенесары был «невысокого роста и худощав, с калмычскими чертами лица» (мать его была калмычка); «узковатые глаза его сверкали умом и лукавством, физиономия не обличала жестокости» (Бар. У-р. Указ. соч., стр. 216).

⁵ Только когда дело идет относительно рода Шекты, самого многочисленного, упоминаются отделения его.

⁶ Например, часть рода Жаппас кочевала между Старой и Новой линиями и была совершенно «покорна»; жившие же в районе Сыр- и Куван-Дарьи не признавали подданства России. Кочевавшая на границе Младшей и Средней Орд часть рода Аргын была «покорна», на часть же, занимавшую степи до р. Тургая, оренбургская администрация имела «малое влияние»; не имела она влияния и на часть рода Кипчак, кочевавшего у Сыр-Дарьи, в то время как жившие между Тоболом и Новой линией кипчаки были «совершенно покорны» и т. д. (Из записки оренбургского военного губернатора Обручева ген.-губернатору Западной Сибири Горчакову от 8 марта 1843 г. Н. Середя. Указ. соч., «Вестн. Европы», 1870 г., IX, стр. 71—72). Казахи рода Шомекей, занимающие вершины Илека, были «покорны», но кочующие в Барсуках и по Сыр-Дарье — «непокорны». Из поколения Бай-улы был «непокорен» только род Адай, из поколения Жети-руу — род Кете, — кочевья обоих находились вдали от линии (А. Рязанов. Указ. соч., I, гл. XV, стр. 156).

⁷ А. Рязанов. Указ. соч., I, гл. IV, стр. 35.

⁸ А. Серебренников. Указ. соч., IV, стр. 144.

ряжений начальства»,¹ заявлявший, что не хочет быть «рабом изменника Кенесары»;² бий Сайдалы Джанмурзин;³ волостной управитель Средней Орды Кулубек Ескенин⁴ и многие другие. Это не было однако общим правилом: известно, что волостной управитель Сапак Тангрибергенов, обладатель громадных стад, известный под прозвищем «богатый Сапак», последовал за Кенесары в 1838 г. в глубь степей, вероятно соблазненный обещаниями хороших пастбищ. В убийстве хорунжого Рытова (1837 г.) были замешаны 9 султанов Средней Орды (сыновья Абулхаира Ишимханова и др.), все судившиеся военным судом по подозрению в участии в движении Кенесары.⁵ К весне 1838 г. к восстанию присоединилась не только большая часть султанов Акмолинского округа, но даже многие из Баян-Аульского, Каркаралинского и Кокчетавского. Все остальные, «наружно оставшиеся верными правительству, находились в тайных сношениях с Кенесары». ⁶ В нападении на Акмолинский приказ участвовал старший султан Баян-Аульского округа Маман Аблаев и сыновья старших султанов Каркаралинского и Кокчетавского округов.⁷ По сообщению сибирской администрации от 8 июня 1846 г., Кенесары имел в этот период «тайных доброжелателей между султанами во многих округах».⁸ Сам султан-правитель Араслан Джантюрин обвинялся в соучастии «мятежнику».⁹ Наконец, почти все ближайшие родственники Кенесары, султаны Касымовы, были всецело на его стороне,¹⁰ что вполне понятно: в случае удачи восстания, все они очутились бы у власти.

Все же главной социальной опорой Кенесары были угнетенные массы, которые большей частью встречали его как освободителя и с радостью переходили на его сторону. Но это наблюдалось не всегда. Так, не примкнули к движению игинчи: привязанные к своей скудной пашне, они больше всех страдали от междоусобий в Орде, терпя разорение и со стороны восставших,¹¹ и со стороны царских отрядов и не имея возможности откочевать куда-либо, чтобы спастись от разграбления. Есть сведения, что игинчи Иргиза и Тургая, так называемые «мирные ордынцы», сами добровольно являлись в царские отряды и сообщали сведения о Кенесары или даже предлагали схватить посланного им «зякетчика», пробравшегося под самое укрепление Уральское.¹² Жались к линии и байгуши, оторванные от родовых групп и лишённые защиты рода.

¹ ЦГАВПКиб, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр. по части киргизов, д. 8, 1848 г., лл. 38 об.—39 об.

² А. Рязанов. Указ. соч., 1, гл. V, стр. 42.

³ Сайдалы заявлял о том, что «мы те же люди царские» (Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., л. 39).

⁴ Там же, д. 18, 1837 г., л. 391; д. 162, 1839 г., л. 35.

⁵ ЦГВАЛ, ф. Аудит, деп., 4 отд., 2 ст., св. 208, д. 1, ч. 1—6, 1842 г.

⁶ А. Серебрянников. Указ. соч., V, стр. 11.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 239.

⁹ Н. Серёда приводит название дела быв. Тургайского архива «О предоставлении султаном-правителем Арасланом Джантюрином случая к побегу сообщников Кенесары (Н. Серёда. Указ. соч., «Вестн. Европы», 1870 г., IX, стр. 84).

¹⁰ Вместе с Кенесары (в конце марта—начале апреля 1847 г.) киргизами были взяты в плен и казнены «19 значительных султанов» (А. Серебрянников. Указ. соч., VI, стр. 110 и 112).

¹¹ Документы говорят нам о «хлебопашестве, вытоптанном хищниками» (Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 18, 1837 г., л. 367). Ср. показания казаха Средней Орды Кобека Чалдыбаева от 29 августа 1843 г. о том, что игинчи родов Аргын и Кипчак, опасаясь насилья приверженцев Кенесары, продавали им просеяную крупу. Последние же били игинчей, не давали просимой цены, угрожая, что Кенесары отберет у них все даром (А. Серебрянников. Указ. соч., IV, стр. 187).

¹² ЦГВАЛ, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. II, 1846 г., лл. 16, 30 об. и др., а также ЦГАВПКиб, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 183, ч. I, 1843 г., лл. 181 об.—182.

Есть еще момент, который мы не должны забывать, рассматривая вопрос об участии отдельных родов в движении Кенесары, — это взаимоотношения между отдельными родовыми группировками. Кроме обычных межродовых распрей,¹ известна, например, давняя вражда между «дикими и своевольными» казаками родов Шомекей и Торт-кара средней части Младшей Орды и кочующим при линии родом Жагалбайлы,² а также вражда между последним и родами Кипчак и Жапас. Причина этой вражды — споры из-за кочевий.

Весь этот сложный переплет отношений между отдельными родовыми группами и внутри их очень затемняет картину участия отдельных родов в восстании. Не было почти ни одного рода, который остался бы в стороне от движения Кенесары, не приняв большего или меньшего участия в этой борьбе, но, с другой стороны, только немногие роды оставались верными Кенесары в течение всего восстания. Большинство занимало в разное время ту или иную позицию в зависимости от соотношения сил.³ Следует учесть также, что жестокость Кенесары, насильственное подчинение и тяжелые поборы,⁴ жестокая кара за отказ от совместных действий или за сопротивление,⁵ а также лишения, на которые обрекали себя казахи, бросая свои родовые кочевья и примыкая к восстанию,⁶ заставляло многих отходить от движения. Так, не случаен отход от движения ряда волостей Средней Орды, откочевавших в 1838 г. частью добровольно, частью по принуждению с Кенесары в глубь степей на Сары-су и Чу: после гибели большей части их скота из-за недостатка пастбищ (вследствие большого скопления казахов на одной территории) и притеснений со стороны кокандцев,⁷ волости эти вынуждены были вступить на путь переговоров с царским правительством о возвращении на прежние кочевья.⁸

¹ Ср. свидетельство современников «о неискоренной еще вражде и мести между родами и волостями» (Г. Колмогоров. О промышленности и торговле в Киргизской степи Сибирского воеводства, «Вестник РГО», СПб., 1855, I, стр. 15) и о том, что «в степи нет ни одного рода в дружбе, — большая часть их находится в вековой вражде» (Бар. У-р. Указ. соч., стр. 145).

² ЦГАВПКИБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 181, ч. I, 1843 г., л. 124 об.

³ Ср. сообщение поручика Герна в 1845 г. о том, что «все ордынцы в нынешнем году ожидают окончательной развязки отношений к русскому правительству и особенно оной хотят обратиться под покровительство той или другой стороны» (Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, сп. 1, д. 2621, 1845 г., л. 242). Документ напечатан в сборн. А. Серебренникова, V, стр. 139—142. Цит. по подлиннику.

⁴ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 179, 1838 г., лл. 198—199.

⁵ «Он пылает мстью к тем, кто хоть раз против него что-нибудь сделал» (там же, д. 2757, 1845 г., лл. 44—44 об.).

⁶ «Достоинство его приверженцев самое бедное, кибитки и одежда хуже, чем у прилинейных байгушей», — писал поручик Герт в 1845 г. (там же, д. 2621, 1845 г., лл. 926—931). Ср. показания чиновника Немчинова о бедственном положении «дальних» казахов (там же, д. 2692, 1845 г., лл. 26—29) и рассказы султанши Кунымджан о «счастливом положении и богатстве прилинейных киргизов» (там же, д. 2622, 1845 г., лл. 1057—1058). Богатство последних следует понимать в смысле наличия у них наряду с необходимыми предметами обихода и некоторых предметов роскоши, что особенно бросается в глаза при сравнении с бедностью быта «дальних» казахов, а особенно приверженцев Кенесары, совершенно отрезанных от рынков, — «все богатство их заключалось в скоте» (там же, д. 2621, 1845 г., лл. 926—931). Кенесары выменивал баранов на оружие в Бухаре (там же, д. 2757, 1845 г., лл. 92—92 об.) и намеревался даже явиться в Орскую крепость для того, чтобы «разменять скот на нужные ему предметы и хлеб» (там же, д. 2621, 1845 г., лл. 930—930 об.).

⁷ Там же, ф. 64, оп. 1, д. 18, 1837 г., лл. 909—910.

⁸ Там же, лл. 140—141, 721, 909—910 и др. Положение казахов Акмолинского округа было настолько тяжелое, что Комитет министров нашел возможным освободить их в 1843 г. от сбора ясака вследствие сильного разорения, «претерпенного ими во время смут Кенесары Касимова», особенно тех, которые «возвратились из отложения в самом бедном состоянии и принуждены требовать помощи у своих родичей, оставшихся в округе и менее потерпевших от разорения» (ПСЗ, XVIII, № 16761). Около 2½ тысяч кибиток Аягузского округа, откочевавших в 1841 г. с Кенесары в Таш-

Двойственная позиция, занятая прилинейными родами, совершенно понятна. Противоречие между привилегированным положением верхушки, связанной тесными экономическими отношениями с царской администрацией и пограничным населением (торговля, промыслы, удобные пастбища),¹ и разорением масс (байгуши), испытывавших на себе всю тяжесть колониального гнета (поборы, повинности, лишение кочевий), здесь чувствовалось особенно остро. Поэтому, если верхушка, как уже было сказано, нередко действовала на стороне царизма и даже участвовала в карательных отрядах против «мятежников» (султан-правитель Ахмед Джангюрин и др.), то сочувствие масс было на стороне восставших. Сочувствие это часто могло выражаться лишь в тайной помощи Кенесары, так как страх перед царскими карательными отрядами и репрессиями со стороны собственной знати удерживал многих прилинейных казахов от явного участия в движении. Но и эта тайная помощь была очень существенна.² Вследствие указанных противоречий интересов, прилинейные роды в целом то принимали участие в движении, то отходили от него, что вызывало жесточайшие преследования со стороны Кенесары, упрекавшего отошедших в измене общему делу.³ Двойственной позицией, занятой этими родами, объясняются и противоречивые сведения в документах об их действиях.⁴

На основании использованных архивных данных можно заключить, что наиболее преданными союзниками Кенесары в Младшей Орде были дальние степные роды Шомакей, Торт-кара и Шомушли-Табын; мы видим их в рядах восставшего султана с 1838—1839 до 1845 гг. включительно. Оренбургская администрация объясняла их «потворство» Ке-

кент, вскоре стали возвращаться на прежние пастбища, «обманутые в своих надеждах получить там более выгод» (ЦГАВПКИБ, ф. Ком. министров, д. 1503, 1842 г., лл. 2 об. — 3).

¹ «Преданность киргиз русскому правительству в ближайших к линии округах основана на расчете житейских потребностей и на торговых выгодах, а в отдаленных округах более на страхе, втайне же они всегда готовы благоприятствовать пребывающим в ташкентских пределах хищникам» (там же, д. 2257, 1850 г., л. 6).

² По словам приверженцев Кенесары, без содействия «мирных киргизов» «он никак не в состоянии был бы укрыться от русских отрядов» (Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2442, 1844 г., лл. 26—28). Ср. также показания Ахмеда, сына Кенесары, о том, что после мести последнего ташкентцам во время поминок по султану Саржану казахи Средней и Младшей Орды «подняли Кенесары своим ханом», причем самые храбрые батыры обеих Орд открыто присоединились к движению, остальные же казахи решили тайно давать ему закят и сообщать сведения о действиях царских отрядов, оставаясь временно в подданстве России, пока Кенесары «не окрепнет», так как Россия сильна, а кочевий близ Кокана мало (Е. Смирнов. Указ. соч., стр. 7—8). Лазутчики Кенесары находились во всех родах, «действуя в пользу его неутомимо и с успехом». Они находились даже в царских отрядах, действовавших против восставших (Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, лл. 879—892). «Сибирские киргизы под личной независимости постоянно помогали Кенесары» (А. Серебрянников. Указ. соч., II, стр. 246). В 1840 г. казахи Младшей Орды доставляли Кенесары муку «в немалом количестве» (там же, стр. 245). По сообщению урядника Лобанова (от того же года), «алчиновцы хивинские и оренбургские имеют сношения с Кенесары, признают его ханом и снабжают хлебом и скотом со 100 баранов одного» (там же, стр. 224).

³ См. письмо Кенесары султанам Средней Орды (Кучуку, Джадаю и др.): «Вы — собаки и сделались товарищами собак». Аналогичное письмо он направил биям Средней Орды (А. Рязанов. Указ. соч., II, гл. XV, стр. 159—161). Ходили слухи, что Кенесары «нарочито отыскивал захватить весь род султанов Худаймендиновых за то будто-бы, что они способствовали российскому правительству ввести в Киргизской степи русское управление» (ЦГВАЛ, ф. Аудит. деп., 4 отд., 2 ст., св. 208, д. 1, ч. I, 1842 г., л. 11 об.).

⁴ Ср., например, два сообщения от 1843 г. о захвате султаном Кенесары скота у казахов рода Жагалбайлы и об открытом присоединении части рода к движению (там же, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. I, 1846 г., лл. 179—183 об.).

несары «необузданной склонностью к хищничеству».¹ Номинальная зависимость казахов этих родов от царского правительства (кочевья их были удалены от линии), их воинственность конечно сыграли свою роль в участии их в движении. Документы говорят нам также о длительных (1837—1845 гг.) дружественных отношениях Кенесары с казахами Средней Орды отделений Баганали, рода Найман, кочевавшими еще с султаном Касымом. Зимовки их находились в Кара-Куме, на Улу-тау и по Тургаю, летовки — на Ишиме;² у них Кенесары находил приют и поддержку, от них же получал сведения о движении царских отрядов.³ Чрезвычайно предан Кенесары был род Алчин, тоже кочевавший с султаном Касымом;⁴ летовки его были на Тоболе и Тургае, зимовки — на Сыр- и Куван-Дарье. Род Кипчак, подведомственный Касымовым, был главным сторонником Кенесары в 1837—1838 гг.⁵ После 1839 г. начинается отход части кипчаков, вследствие разорений, понесенных ими во время откочевки с Кенесары в глубь степей. Все же еще в 1840 г. Горчаков заявлял, что «кипчаки, известные своими разбоями.., всегда были ревностными сподвижниками Кенесары».⁶ В 1843—1844 гг. часть их участвует в царских отрядах, посланных против восставших. В 1845 г. поручик Герн называет кипчаков снова в числе сторонников Кенесары.⁷ После смерти последнего сыновья его несколько раз пытались отомстить киргизам за смерть отца, при поддержке тех же кипчаков.⁸

Род Жагалбайлы в 1838 г. призывал к себе Кенесары «для постоянного нахождения» с ним, обещая помощь людьми.⁹ С 1839 г. жагалбайлинцы отходят от движения после разорения, причиненного им во время откочевки с Кенесары на Сары-су. По заявлению старшины рода Жагалбайлы, Кулабая Куханова, в 1841 г. из прилинейных не было при Кенесары никого.¹⁰ В 1843 г., напротив, среди прилинейных была заметна ненависть к «кафирам» («неверным»), и большая часть рода Жагалбайлы открыто примкнула к Кенесары. В 1844 г. они участвуют вместе с ним в нападении на Новую линию.¹¹ По показанию урядника Иванова (от 1844 г.), Кенесары «с прилинейными казахами, кроме джагалбайлинцев, сношений не имеет».¹²

Выжидательную позицию по отношению к восстанию заняла большая часть многочисленного рода Аргын, находившаяся в ведении бия Чегеня Мусина, всячески «ласкаемого» оренбургской администрацией,

¹ ЦГВАЛ, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. 1, 1846 г., л. 18. В 1845 г. Кенесары призывал к себе роды Алчин, Кете, Торккара и Шомекей, с которыми «он не имеет доселе никакой вражды» (Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1845 г., л. 553; см. также А. Серебренников. Указ. соч., IV, стр. 78, 149 и 206).

² ПСЗ, XXXVIII, № 40333.

³ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., л. 132; см. также А. Серебренников. Указ. соч., II, стр. 155, 193, 195 и 245.

⁴ См. цитированное выше сообщение урядника Лобанова. Ген.-губернатор Западной Сибири Горчаков считал, что наиболее преданы Кенесары казахи «алчиновские» (А. Серебренников. Указ. соч., II, стр. 193, 196 и 223; IV, стр. 149, 187, 194). Когда в конце 1840 г. Кенесары вынужден был удалиться на Сыр-Дарью, он кочевал там «с оставшимися приверженными ему алчиновцами» (там же, V, стр. 12); см. также ЦГВАЛ, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. 1, 1846 г., л. 179).

⁵ Ср. сообщение Горчакова, что в 1838 г. «кипчаковцы были единственным убежищем Кенесары» (А. Серебренников. Указ. соч., II, стр. 224). Часть рода, находившаяся в ведении бия Янбурчина, держалась на стороне России.

⁶ Там же, II, стр. 195.

⁷ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., лл. 926—931.

⁸ Н. Коншин. Указ. соч., стр. 101.

⁹ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., л. 20.

¹⁰ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2559, 1844 г., л. 2.

¹¹ Там же, д. 2442, 1844 г., лл. 23—33. Кочевья их находились между Старой и Новой линиями и вдоль последней.

¹² Там же.

которого председатель Пограничной комиссии Ладыженский хотел подарками сделать «более ручным», «по влиянию на управляемый им своевольный род». ¹ В 1838 г. Чегень Мусин отказался прислать людей в помощь Кенесары. ² До 1844 г. род Аргын «не имел явной дружбы» с восставшими, но и «не заводил никакой вражды» с ними. ³ Летом 1845 г. Кенесары сам сделал попытку примириться с Чегенем, чтобы привлечь его многочисленный и сильный род на свою сторону. ⁴ Осенью 1845 г., в связи с построением укрепления Оренбургского в центре зимовок рода Аргын и победой Кенесары над коканцами, среди аргынцев стал заметен «дух особенной неприятности к русским», и они стали «склоняться к сообществу» с восставшими. В ноябре 1845 г. 130 тюленгутов Кенесары прибыли в аулы рода Аргын с требованием закята. ⁵ Весною 1846 г. Чегень Мусин был задержан царским правительством за явное неповиновение властям и сношения с Кенесары. ⁶

Менее заметным было участие в движении родов Каракесек, Кете, Тама, Керейт.

Сильный и воинственный род Жаппас, несмотря на неоднократные (в 1843, 1844 и 1845 гг.) жесточайшие разграбления со стороны Кенесары за преданность правительству и отказ в даче закята, не примкнул к восстанию, оказывая Кенесары упорное сопротивление: в 1844 г. посланные в род Жаппас для сбора закята приверженцы Кенесары были убиты, ⁷ а в 1845 г. возчики-жаппасцы, сопровождавшие бухарский караван, отказали Кенесары в дани. ⁸

Осталась в стороне от восстания и большая часть отделений многочисленного рода Шекты: некоторые из них — отделения Жакаим, Куттук, Жульджур и др. — были преданы батыру Жан-Хоже Нурмухамедову и только из страха соглашались кочевать с Кенесары. ⁹ Другие были подведомственны Исету Кутебарову (отделения Тлеу, Кабак, Назар и др.) и открыто выступали против Кенесары: ¹⁰ причиной этого была старая 20-летняя родовая вражда.

Род Адай, наиболее удаленный от районов восстания и менее других ощущавший непосредственный гнет царизма, будучи фактически почти независимым, тоже остался в стороне от движения. Известную роль сыграла в этом зависимость рода от Хивы.

Наряду с родами, принимавшими в основной части более или менее активное и длительное участие в борьбе Кенесары с царским правительством, действовали и многочисленные мелкие группы «барантов-

¹ А. Рязанов. Указ. соч., III, гл. V, стр. 58.

² Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 13, 1837 г., лл. 301—303.

³ ЦГВАЛ, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. I, 1846 г., лл. 194—196.

⁴ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2757, 1845 г., лл. 243—247.

⁵ Там же, д. 2651, 1845 г., лл. 605—606. Уже поручик Герн отмечал большое количество казахов рода Аргын в лагере Кенесары (там же, д. 2621, 1845 г., лл. 926—931).

⁶ Там же, д. 2829, 1846 г., лл. 124—129. По показаниям лазутчиков, Чегень «раздает в Орде циркуляры Кенесары, склоняет аргынцев к откочеванию... воспрещал дистанчному начальнику... султану Галию Тунгачину внушать в Аргынском роде о благой цели возведения в степи укреплений... отправил (Кенесары) в подарок двух верблюдов и одну лошадь, при письме с изъяснением своей и всего Аргынского рода готовности исполнять его волю» и обещал собрать «вооруженных из подведомственных ему аргынцев», чтобы, соединясь с Кенесары, разбить укрепления. Царские отряды, посланные для захвата Чегеня, были встречены толпами аргынцев и «обычным у мятежных киргизов криком: Аблай». (А. Серебрянников. Указ. соч., V, стр. 205—206).

⁷ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2757, 1845 г., лл. 243—247.

⁸ Там же, д. 2627, 1845 г., л. 17.

⁹ Там же, д. 2692, 1845 г., лл. 26—29.

¹⁰ Там же; см. так же д. 2426, 1843 г., лл. 1—2 и 17; д. 2340 1843 г., л. 126; д. 2621, 1845 г., л. 882 и А. Серебрянников. Указ. соч., IV, стр. 131, 135, 201 и 215. Отделения Тлеу и Назар находились в близком родстве.

щиков», которые, прикрываясь именем Кенесары, преследовали только цели личной наживы.¹

Но главные военные силы Кенесары составляли не временно прикнувшие к нему роды, — они оказывали ему только ту или иную помощь. Основное ядро сил Кенесары составляли, во-первых, его ближайшие родственники — «буйное семейство Касымовых», во главе с его младшим братом, храбрым Наурузбаем, во-вторых, до 1000 кибиток его собственных тюленгутов, доставшихся ему от деда, хана Аблая, и, в-третьих, наконец, до 1000 же кибиток «пришатнувшихся к нему», по выражению поручика Герна, людей «почти со всех родов Оренбургского и Сибирского ведомства».² Среди этих «принатнувшихся» были и прикнувшие к Кенесары отважные джигиты, готовые в борьбе за независимость разделить с ним полную опасности жизнь,³ и разоренные элементы, которым нечего было терять и которые ждали только случая, чтобы отомстить царскому правительству за старые обиды.⁴

«Скопище» Кенесары было на деле прекрасно организованным военным лагерем. Здесь соблюдалась строжайшая дисциплина и полное повиновение вождю.⁵ Малейшее преступление наказывалось смертью или «рассечением головы» (особый вид наказания, своего рода разжалование). Не знатность происхождения, а личные качества и заслуги ценились Кенесары. Он был непреклонным по отношению к изменникам, — одно подозрение «в разведовании» влекло за собой смертную казнь,⁶ — но он готов был «своей жизнью пожертвовать, только чтобы отомстить варварством» за убийство «своих первых любимцев и батырей».⁷ Поручик Герт дал исчерпывающую картину состава и организации военных сил Кенесары.⁸ У него было до 500 отборных джигитов, общее же число его сторонников колебалось в различные периоды от 2 тысяч до 6—10 тысяч человек.⁹

III

Несмотря на огромный размах движения, вовлекшего в борьбу большую часть казахского народа, несмотря на выдающиеся личные качества вождя и беззаветную храбрость его и многих его сторонников, восстание было подавлено: силы борющихся были неравны.

¹ ЦГАВПКИБ, МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 186, 1844 г., лл. 13—17 об.

² Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., л. 926 и д. 2442, 1844 г., лл. 23—33. В 1844 г. султан-правитель Араслан Джантюрин доносил, что «ближайшими сообщниками» Кенесары были казахи, перешедшие к нему «с Сибирской линии и ныне прибегающие к нему оттоль» (там же, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., лл. 392—393).

³ Ср. приведенное выше показание сына Кенесары Ахмеда об открытом присоединении к отрядам его отца храбрейших батырей Младшей и Средней Орд.

⁴ Ср. слова песни о Кенесары о том, что дети хана Аблая, Кенесары и Наурузбай, «были убежищами бездомных и приютами для бескровных» (Песнь о Кенесары. Перевод султанов Джантюрина и Сейдалина, «Зап. Оренб. огд. РГО», III, стр. 313—315).

⁵ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., лл. 23—33. Ср. донесение султана-правителя Восточной части Орды о том, что «стоит Кенесарю сесть на коня и сказать слово, то с неимоверною быстротою люди бьются уже готовы и вооружены на лошадях» (там же, д. 2757, 1845 г., лл. 244—244 об.).

⁶ Там же, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1845 г., л. 553.

⁷ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2757, 1845 г., лл. 245—245 об. Ср. показания бия рода Шекты отделения Назар, Давлеткильдея Бисмаева, о том, что в 1845 г. Кенесары стал собирать все имущество в аулах для выкупа своих приверженцев, попавших в плен к киргизам (Аз. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 276).

⁸ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., лл. 926—931.

⁹ Ахмед, сын Кенесары, называет цифру в 20 тыс. (Г. Смирнов. Указ. соч., стр. 8).

Умный и тонкий политик Кенесары и сам отлично сознавал, что невозможно противопоставлять разрозненные силы вечно враждующих между собой родов двойному натиску — со стороны царского правительства и со стороны соседних ханств. Стараясь собрать в одно целое и подчинить своей единой власти все казахские роды, Кенесары применял всевозможные методы: и «обольщение» дарованием хороших кочевий, и насильственное увлечение за собой, и угрозы, и жестокое разграбление,¹ действуя террором по отношению к слабым и дипломатией по отношению к сильным.² Особенно старался Кенесары привлечь на свою сторону сильные и многочисленные роды, как например Шекты, Аргын и Жаппас, действуя через их влиятельных родоначальников. Так, он послал подарок Исету Кутебарову,³ писал примирительные письма Жан-Хоже, прося забыть старую вражду,⁴ завел сношения с Чегенем Мусином.⁵

Не будучи в состоянии привлечь на свою сторону казахов рода Жаппас, Кенесары убил одного из их влиятельнейших биев — Алтынбая Кубекова, верного слугу царизма.⁶ Для привлечения сильных родов на свою сторону Кенесары действовал иногда примирительно: скот, отогнанный его племянником Саржановым в 1842 г. у отделения Тлеу рода Шекты, был весь возвращен.⁷

Считаясь с мнением Чегеня Мусина, который велел сказать, что если Кенесары «не перестанет разорять мусульман, то он догонит его на верблюдах обыкновенным кочем и уничтожит»,⁸ Кенесары воздержался в 1844 г. (правда не надолго) от мести роду Жаппас за сопротивление при сборе закята султаном Наурузбаем. Но старания Кенесары объединить казахов не увенчались успехом. Как поется в одной из песен о Кенесары, казахи потерпели поражение «от здешнего их народа пестроты рта», т. е. от несогласий, несговоренности, перевеса интересов отдельных родовых групп над интересами всего народа в целом.⁹ Бросая по призыву Кенесары (и батыра Жоломана Тленши)¹⁰ прежние пастбища и откочевывая в новые места, «отложившиеся» занимали чужие кочевья, что вело к взаимной бармте, разорению и вынужденному отходу части казахов от движения. В одном районе скапливались большие массы казахов, в других были нетронутые пастбища, «ни следу кочевков», «пустота общая».¹¹

Междоусобная вражда сильных и слабых родов, в основе которой

¹ Род Жаппас, например. В 1842 г. Кенесары препятствовал откочевавшим с ним возвращаться на прежние пастбища, «грабя и производя смертоубийства» (Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 2343, 1842 г., лл. 10—11).

² «От страха и от преувеличенных слухов о могуществе Кенесары» к нему присоединились в 1843 г. роды Алтын (Алчин), Табын и Кирей, кочевавшие близ Ак-Мечети (ЦГВАЛ, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. II, 1846 г., лл. 115 об.—118). Инструкция командующего Отдельным оренбургским корпусом Толмачева от 21 мая 1844 г. подполк. Лебедеву предписывает последнему различать среди приверженцев Кенесары «закоренелых ослушников» и роды, «увлеченные из страха мести или обольщенные его коварными внушениями» (там же, лл. 7—7 об.). Из опасения мести Кенесары, казахи, кочевавшие близ Уральского укрепления, не решались выдавать посылаемых им «закятчиков и взмутителей» (А. Серебрянников. Указ. соч., V, стр. 186).

³ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2547, 1844 г., лл. 52—54 об.

⁴ Там же, д. 2755, 1845 г., л. 1186.

⁵ Там же, д. 2829, 1846 г., лл. 124—129.

⁶ ЦГВАЛ, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. I, 1846 г., лл. 175—176.

⁷ Оренбургская администрация неправильно объясняла этот поступок «миролюбием» Кенесары (Н. Середя. Указ. соч., «Вестн. Европы», 1870 г., IX, стр. 66).

⁸ ЦГАВПКИБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 183., ч. 1, 1843 г., л. 138.

⁹ «Кто бы мог обидеть, если бы было единодушие нас, детей казака, и если бы дали поводья Кене и содействовали ему» («Песнь о Кенесары», стр. 313).

¹⁰ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2145, 1838 г., лл. 5—6.

¹¹ Там же, д. 2692, 1845 г., лл. 26—29.

лежали экономические причины — борьба за кочевья, — препятствовали объединению. «Дальние» стили прилинейным за неучастие в борьбе, последние отвечали им разграблением, действуя нередко совместно с царскими отрядами. Даже один род не действовал сообща, но иногда каждое отделение за свой страх.¹ Кенесары не удалось привлечь на свою сторону многочисленные и потому сильные роды — Шекты, Адай, Аргын, Жаппас, наиболее обеспеченные кочевьями.

Перевес родовых — групповых интересов над интересами всего народа был вполне закономерен. Замкнутое кочевое хозяйство отдельных родов препятствовало созданию единой экономической жизни, а это в свою очередь являлось тормозом для объединения политического. Рядом с номинальной властью — султанами-правителями — стояла реальная власть в лице родоначальников, которые не хотели делиться ею и предпочитали сепаратные выступления, лишь бы сохранить свое влияние на подведомственные им родовые группы. Влияние этих старшин на патриархально-родовые общины мешало сближению Кенесары с массой казахов.

Таким образом, экономическое и политическое положение Казахских Орд было одной из причин поражения восстания Кенесары.

Международное положение их было второй причиной поражения Кенесары. Казахские орды были окружены более сильными государствами, которые не хотели допустить объединения казахов в самостоятельное целое, стремясь использовать степь в своих интересах. Царизм давно считал степь своей колонией, среднеазиатские ханства непрерывно боролись с царской Россией за власть над казахами. Если царское правительство ставило своей целью подавление восстания, для чего намеревалось наступить Кенесары в самом «гнездилище» его и вытеснить «в соседственные владения Коканское и Хивинское, за Сыр-Дарью, если не представится случая истребить самого мятежника»,² то Хива и Бухара пытались использовать «мятежного султана» для подчинения себе казахов и в качестве союзника в борьбе с Коканом.

Третьей причиной поражения восстания Кенесары был феодальный характер движения.

Привлекаемый обещаниями свержения ненавистного ига царизма и дарования новых кочевий, казахский народ был готов по одному кличу Кенесары идти за ним, но скоро убеждался, что и владычество их вождя не несет им освобождения: угнетение со стороны собственной знати оставалось прежним, к нему присоединялись поборы и притеснения со стороны самого Кенесары. Достаточно указать на жестокое разграбление султаном Кенесары казахов рода Жаппас. В 1840 г. многие казахи рода Шомушли-Тыбан рассеялись по разным аулам вследствие притеснений Кенесары.³ В 1844 г. казахи разных родов целыми аулами перешли внутри линии из страха перед ним.⁴ Союзники Кенесары — роды Торткара и Шомекей — были так разорены его притеснениями, что следствием этого явилось «нерасположение к нему и желание уклоняться от его власти».⁵ Многие из есаулов Кенесары были убиты «на бармте» при сборе закята (всего было убито рядовых казахов и есаулов до 350 человек), но, как показывал урядник Иванов, потери эти Кенесары старался скрывать.⁶

¹ Например, род Шекты, отделения которого по численности равнялись некоторым родам. В 1844 г. отделение Кабак действовало совместно с Кенесары против отделения того же рода Тлеу, отогнавшего скот у Кенесары.

² ЦГАВПКиБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 183, ч. I, 1843 г., л. 118.

³ ЦГВАЛ, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. II, 1846 г., лл. 72 об. и 75 об.

⁴ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., л. 553.

⁵ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2692, 1845 г., лл. 26—29.

⁶ Там же, д. 2442, 1844 г., лл. 23—33.

Стремясь освободить казахов от гнета царской крепостнической России, Кенесары, будучи сам крупным феодалом, хотел сохранить в Орде прежние феодальные отношения и связанную с ними эксплуатацию. Непримируемое противоречие между лозунгами, на борьбу за которые он звал, и их осуществлением на деле было основной причиной постепенного отхода от движения казахских масс.

Кенесары боролся за восстановление ханского звания и за признание себя «ханом непобедимой Орды», как он называл себя в «возмутительных грамотах», направленных в 1842 г. к казахам Средней Орды.¹ Все мероприятия, применяемые им, имели определенное социальное значение: они были направлены на укрепление его ханства, типа среднеазиатских ханств. Высоко чтя память своего деда — хана Аблая, создавая среди своих приверженцев как бы культ его («Аблай» было боевым кличем его отрядов), Кенесары стремился к достижению могущества этого хана, открыто заявляя, что ему «желательно ходить путем деда».² Называя себя «великим победоносцем», «отцом величия», «храбрым Кенесары-ханом», он действовал в степях как неограниченный властелин, карая смертью заслушание, почему «страх к нему не имел границ». «Разглашая себя в степи ханом» и будучи действительно признан им большею частью родов Средней и Младшей Орд,³ Кенесары использовал и все прерогативы ханского звания: он объявлял войну среднеазиатским ханствам (в 1841 и 1843 гг. Кокану) и заключал с ними союзы (в 1842 г. с Бухарой). Казахи, кочующие в районе Сыр-Дарьи, обращались к Кенесары с просьбой о защите их от нападений коканцев.⁴

Он собирал закят с казахов, угрожая наказанием в случае неповиновения и подвергая непокорные роды жесточайшему разграблению, так как считал отказ нарушением своих прав.⁵ Даже в примирительном письме к батыру Жан-Хоже Кенесары пишет: «Дай закят с сотни одного и с сорока одного, этим пришлете мне свое усердие и намерение», прося батыра собрать эту подать с казахов рода Шекты.⁶ Правда, Кенесары обычно брал с казахов «не так, как обыкновенные барантовщики, которые угоняли все, что им удастся захватить», а только необходимое, и это рассматривалось казахами как великодушие с его стороны.⁷ Он брал баранов для обеспечения своих отрядов продовольствием и лошадей, причем исключительно «доброезжих», для перемени.⁸ Часть баранов Кенесары обменивал в ханствах на оружие.⁹ Есть сведения о сборе в 1843 г. им ушра — подати с хлеба — с казахов, кочевавших у реки Тилькары.¹⁰ В августе 1846 г., занимая полуостров Камал при оз. Балхаш, Кенесары посылал отряд в 500 человек с 1000

¹ А. Рязанов. Указ. соч., I, гл. XV, стр. 152.

² Там же, гл. X, стр. 100.

³ ЦГВАЛ, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. I, 1846 г., лл. 182—183 об. Ср. вышеприведенное свидетельство Ахмеда, сына Кенесары.

⁴ А. Серебрянников. Указ. соч., V, стр. 185.

⁵ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2757, 1845 г., лл. 90—93, 243—247.

⁶ Там же, д. 2755, 1845 г., л. 1186.

⁷ ЦГВАЛ, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. I, 1846 г., лл. 182—183 об.

⁸ В 1848 г. им было отогнано в Средней Орде свыше 11 тысяч лошадей (ЦГАВПКИБ, ф. Ком. министров, д. 1655, 1844 г., лл. 3—3 об.); за 5 месяцев 1844 г. в одной Младшей Орде — более 8 тысяч (там же, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 186, 1844 г., лл. 13—17 об.), свыше 4 тыс. в одном Каркаралинском округе в 1845 г. (там же, ф. Ком. министров, д. 1804, 1846 г., л. 36 об.) и т. д. Кенесары имел в своем распоряжении до 20 тысяч лошадей, вследствие чего «мог беспрепятственно действовать на свежих» (А. Серебрянников. Указ. соч., V, стр. 24).

⁹ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2757, 1845 г., лл. 90—93. См. также А. Серебрянников. Указ. соч., V, стр. 5.

¹⁰ ЦГАВПКИБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопроизв., д. 183, ч. I, 1843 г., лл. 49 об. — 50.

верблюдов в род Усун для сбора проса. По показаниям пленных, отрядом этим руководила старшая сестра хана, Апай. Есаул Ньюхолов доносил, что Кенесары держал даже в плену 500 кибиток казахов рода Усун, которые должны были сеять и убирать для него хлеб.¹

Кенесары брал дань и с караванов, шедших из Средней Азии в Россию и обратно (все караванные пути находились в его руках).²

Мы видим, наконец, Кенесары в роли судьи, разбирающего распри враждующих родов,³ — разбор исков составлял, как известно, также одну из прерогатив ханского звания.

Кенесары был представителем крупных феодалов: он владел громадными стадами, — в его личной собственности находилось до 6 тысяч лошадей и более 2 тысяч баранов.⁴ Ему принадлежало значительное «драгоценное имущество», состоявшее из ковров, мехов, шелковых материй и т. д., «в разное время награбленных».⁵

Наличие многочисленных тюленгутов при Кенесары тоже очень характерно для крупного феодала. Тюленгуты Кенесары, доставшиеся ему в наследство от хана Аблая и постоянно находившиеся при нем,⁶ составляли вместе с его ближайшими приверженцами своего рода дружину. Они получали от своего вождя оружие и пищу, выполняли обязанности военных слуг и пользовались $\frac{1}{10}$ добычи «в виде награды за труды».⁷

Идеология Кенесары вполне соответствовала его положению крупного феодала. Он считал Казахские степи своим наследственным достоянием. «Вы, — писал он Николаю I и ген.-губернатору Западной Сибири Горчакову, — на принадлежащих деду нашему, хану Аблаю, местах учредили окружные Диваны...»⁸ «Доставшиеся в наследство от отца нашего Аблая земли, — писал он в другом документе, — усеяны укреплениями».⁹ Через поручика Герна Кенесары просил отдать ему горы Улу-тау, «издавна принадлежавшие его роду».¹⁰

¹ Н. Коншин. Указ. соч., стр. 71.

² Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 2547, 1844 г., л. 68; ЦГВАЛ, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. 1, 1846 г., л. 38 об. В 1846 г. Кенесары отправляет в Младшую Орду письмо «на имя караванных начальников» с предписанием им и всем купцам «Бухарского владения» давать закят «с каждого коша 1/9 часть» (Н. Коншин. Указ. соч., стр. 101).

³ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2651, 1845 г., лл. 605—606. С разбором «старинных претензий» к нему обращается сам Исет Кутебаров (там же, д. 2559, 1841 г., л. 2). Ср. письмо Кенесары казахам Младшей Орды от ноября 1846 г.: «Да будет известно вам, что ссоры и драки между вами поручено мною разбирать султану Сеиль-хану и бию Чукмару и даже решать дела о смертоубийстве, на что и дано им на сей предмет предписание» (Н. Коншин. Указ. соч., стр. 74 и 101. Сеиль-хан Бигалин-Аблай был двоюродным братом Кенесары).

⁴ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., л. 132, и ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., лл. 757—778.

⁵ Там же, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., лл. 304—318.

⁶ По показаниям казаха Средней Орды Чормана Асакова, их было более 300 кибиток «разных родов Средней и Малой Орд»; в числе их были «караульцы, атагаевцы, уваковцы и киреи» (там же, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., лл. 129—132). По сведениям поручика Герна (от 1845 г.), их было до 1000 кибиток, причём большая часть калмыцкого происхождения (там же, ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., л. 926). Вероятнее всего, в числе тюленгутов были и местные и пришлые элементы.

⁷ Там же, д. 2757, 1845 г., лл. 245—247. Ср. древнемонгольский институт нукеров — военных слуг, свободно выбиравших себе господина и часто превращавшихся из рядовых дружинников в начальников отрядов (Б. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 87—96, Л. 1934). В одной из песен о Кенесары его ближайшие соратники названы нукерами («Песнь о Кенесары», стр. 397). Ср. указание П. П. Иванова о том, что в XIX в. нукерская служба в Хивинском ханстве была не добровольной, но являлась одной из феодальных повинностей (П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX в., стр. 21, Л. 1940).

⁸ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 82, оп. 1, д. 169, 1839 г., лл. 14 и 15—16.

⁹ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., лл. 895 об. — 896.

¹⁰ Там же, д. 2622, 1845 г., лл. 1059—1059 об.

Как свою наследственную собственность рассматривал Кенесары и казахский народ. Он заявлял, что «отберет всех киргиз от русских, ибо кроме него нет в степи султанов: дед его, Аблай, был ханом в Киргизских Ордах, следовательно, они принадлежат ему». ¹ Он давал обещание «освободить киргизский народ от ига русских, ибо, по праву деда его, Аблая, все киргизы принадлежат ему». ²

Действия Кенесары находились в полном соответствии с его феодальной идеологией. Считая степи своей личной собственностью, он захватывал в свое пользование лучшие кочевья. Лошади его многочисленных табунов содержались «в исправности», так как паслись «постоянно на лучших лугах», в то время как лошади его приверженцев из-за отсутствия хороших пастбищ между Тургаем, Джиланчиком и далее были «в весьма дурном теле». ³ Кенесары захватывал не только лучшие пастбища, но принудительно присваивал и скот подведомственных ему казахов. Когда при преследовании его царскими отрядами он вынужден был бросить до 2 тыс. собственных баранов, то для возмещения этого убытка собрал «насильно с приверженцев своих по несколько баранов». ⁴ Он требовал в Средней Орде «с каждой юрты по скотине», угрожая в случае отказа ограбить и увлечь непокорных за собой». ⁵

Одним из видов поборов было вымогательство «подарков». Так, он приказал волостному управителю Средней Орды, бию Сапаку Тангрибергенову и другим биям прибыть с подарками под угрозой разграбления. ⁶

Кенесары ни в коей мере не хотел изменить строй, который узаконивал его положение и связанные с ним преимущества, или внести какие-либо преобразования в существовавшие в Казахских Ордах социально-экономические отношения. В письмах Николаю I и ген.-губернатору Западной Сибири Горчакову он прямо заявлял: «Полезно было бы для блага общего киргизского народа, если бы киргизский народ остался в первобытном своем положении». ⁷

Что личные интересы крупного феодала, каковым был Кенесары, в значительной мере руководили его поступками, показывает с достаточной убедительностью и письмо его к и. д. чиновника особых поручений Сотникову (правда, написанное после тяжелых разграблений царскими отрядами): если ему будут дарованы Улу-тау и земли «по эту сторону Ишима, — пишет Кенесары, — то нам не будет надобности в подданном уже народе, ибо у нас есть своих тюленгутов 1000 аулов, доставшихся нам от предка нашего Аблая». ⁸

Все перечисленные моменты: попытки восстановления ханской власти и насильственное использование всех ее прерогатив, взгляд на Казахские степи и населяющий их народ как на свое наследственное достояние, захват в свое пользование лучших пастбищ, поборы, собираемые с подведомственных казахов путем внеэкономического принуждения, — служат ярким доказательством феодального характера движущих целей восстания Кенесары.

И все же мы должны расценивать это движение как факт несомненно прогрессивного значения.

На протяжении 10 лет Кенесары вел беспощадную борьбу с цариз-

¹ Там же, ф. 64, оп. 1, д. 179, 1838 г., лл. 198—199.

² Там же, д. 13, 1837 г., л. 542.

³ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., лл. 929 об. — 930.

⁴ Там же, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., лл. 129—132.

⁵ Там же, д. 140, 1836 г., лл. 230—231.

⁶ Там же, д. 13, 1837 г., лл. 465—467.

⁷ Там же, ф. 82, оп. 1, д. 169, 1839 г., лл. 14, 15—16.

⁸ Там же, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1845 г., лл. 331—332.

мом против превращения Казахских Орд в колонию империи, за создание независимого казахского ханства, «единой и непобедимой Орды». Эта героическая борьба, в которую Кенесары удалось вовлечь массы, преодолев до известной степени вековую вражду родов и поколений, отсрочила подчинение степей царизму и послужила боевой подготовкой для казахских масс в дальнейшей их революционной борьбе. «Действительное воспитание масс, — говорит В. И. Ленин, — никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю».¹

Непримиримо ставил Кенесары вопрос о вассальных отношениях к среднеазиатским ханствам.² Колеблющаяся на первый взгляд линия поведения Кенесары, ищущего сближения то с царским правительством, то со среднеазиатскими ханствами, была строго продуманной по существу.

Оттесняемый все дальше и дальше в глубь степей, уходя с Улу-тау и Кши-тау на Тургай и Иргиз, оттуда в Большие Барсуки и в Кара-Кум, далее на Сары-су и Чу и, наконец, в китайские пределы, Кенесары не теряет надежды на победу, в периоды усиления совершая нападения, в периоды ослабления ведя искусную дипломатическую игру с царским правительством и правителями ханств, подарками, лестью, мнимой покорностью стараясь усыпить их бдительность,³ чтобы, обезопасив себя от их натиска, собрать силы казахов воедино и вновь ринуться на врага.

Все попытки царизма привлечь к себе Кенесары в качестве подданного или вассала в конечном итоге решительно им отклонялись: он отказался принять подданство России под предлогом нарушения этим требований Корана.⁴ Дважды получив амнистию (в 1841 и 1845 гг.), он не сложил оружия.⁵ Он отвергает предложение хивинского хана Алла-кули поселиться в хивинском укреплении на Сыр-Дарье с предоставлением ему права управления близкочуждыми казахами под предлогом, что «желает быть среди Киргизской степи и продолжать только с Хивой обыкновенные дружеские сношения».⁶

В годы наибольшего могущества Кенесары Хива даже несколько

¹ В. Ленин. Соч., XIX, стр. 347.

² Не прав Середа, утверждая, что Кенесары «видел спасение кайсацкой вольности лишь в соединении Киргизских Орд с Хивой» (Н. Середа. Указ. соч., «Вестн. Европы», 1870, IX, стр. 558). Не прав и Якунин, который ставит Кенесары на одну доску с Каип-Али Ишимовым, считая, что оба они преследовали только личные цели и не выдвигали общенародных «задач создания независимого Казахского ханства» и «лозунгов борьбы за свободу» и что Кенесары стремился лишь к восстановлению ханской власти в вассальной зависимости от России, как при Аблае» (А. Якунин, Указ. ст., стр. 53 и 55). Ахмед, сын Кенесары, говорит о планах своего отца следующее: Кенесары думал, опираясь в тылу на Россию, отомстить Кокану, отделиться и завоевать Старшую Орду. Вследствие недостатка удобных кочевий он думал даже сбиться с Китаем. «У него была следующая цель: упрочившись где-нибудь и оперев тыл на какую-нибудь сильную державу, подчинить себе всех киргизов (казахов)». Позднее он хотел подчинить киргизов, объединить их с казахами, зимовать на р. Чу, летовать близ урочища Алма-Ата, быть в мире с Россией и Китаем и взыскать кун с коканцев (Е. Смирнов. Указ. соч., стр. 7—8, 12, 14). Ср. слова, обращенные Кенесары к киргизским манапам: «Цель моего прихода сюда не враждовать и проливать кровь, а соединить силы киргизов и кара-киргизов в одно, отделить их от Коканда и вообще освободить от притеснений кокандцев» (там же, стр. 17).

³ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., лл. 129—132 и 331—332; ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., лл. 708 об.—710, 893—896 и 926—931.

⁴ Там же, ф. 64 оп. 1, д. 2621, 1845 г., лл. 893—896.

⁵ После этого голова Кенесары была оценена в 6000 руб. сер., но охотников выдать его не нашлось среди казахов (А. Крусеров. Указ. соч., стр. 68).

⁶ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, п. 1, д. 2277, 1844 г., л. 2.

заискивала перед ним, посылая к нему послов с подарками и прося его не препятствовать ей в сборе закята на Сыр-Дарье и Куван-Дарье.¹ Питая непримиримую ненависть к Кокану за смерть братьев (в 1836 г.) и отца (в 1840 г.), Кенесары в союзе с Бухарой, с которой все время поддерживал дружественные сношения,² получая оттуда оружие, производит даже удачные нападения на коканские города (в 1841, 1843 и 1845 гг.).³ Оттесненный (в 1845 г.) в глубь степей, сознавая, что «Россия... скоро или рано уловит его», Кенесары отправляет посланцев в Хиву, Бухару и к казахам рода Адай, прося о предоставлении ему «удобных мест для кочеванья».⁴ Мы не знаем, однако, воспользовался ли бы он приглашением ханств, если бы вассальная зависимость была платой за их гостеприимство.

В 1845 г. Николай I дал предписание действовать по отношению к Кенесары «не прибегая к оружию», но возвести два укрепления на Иргизе и Тургае, а в случае «упорства мятежника» или «появления других возмутителей... отбросить аулы их в места бесплодные, выждать, чтобы бескормица и лишения заставили их искать лучших кочевий, а при их приближении нагрянуть на непокорные аулы и нанести им совершенное поражение».⁵ Аналогичную инструкцию получил председатель Пограничной комиссии Ладыженский от оренбургского губернатора Обручева: «Держать Кенесары в непрерывном страхе или быть разбиту отрядами и лишиться своего достоинства, или потерять весь скот и табуны, держа в бесплодных местах...»⁶

Политика царизма увенчалась успехом. Поручик Герн сообщал в 1845 г., что зимой Кенесары находился «в самом беззащитном положении», так как «все приверженцы и теленгуты его по скудости кормов, в необходимости отделиться от него и отдельно ищут удобных мест».⁷ В 1843 г. тюленгуты Кенесары зимой и летом кочевали с ним «нераздельно».⁸

В конце лета 1845 г. Кенесары берет коканские крепости Джулек, Яны, Турсунбай и Бошай-Курган, а осенью осаждает Ак-Мечеть, намереваясь овладеть Коканским ханством. Это было время наибольшего могущества Кенесары и одновременно наиболее активной политики по отношению к нему со стороны царского правительства, поставившего своей целью «вытеснить ордынцев (восставших) вовсе из степи».⁹ Распространившаяся в отрядах Кенесары холера заставила его прекратить осаду Ак-Мечети. С февраля 1846 г. усилились нападения Кокана на Кенесары, чему немало способствовал мир, заключенный в 1845 г. между Коканом и Бухарой. Попытка Кенесары отвоевать среднее течение Сыр-Дарьи и сохранить независимость не удалась. В начале 1846 г. он откочевал с Сары-су и Чу в Старшую Орду к своему родственнику

¹ Там же, д. 2621, 1845 г., л. 931; в 1844 г. и Хива и Бухара посылали своих послов к Кенесары.

² Там же.

³ Нападения на Кокан были вызваны не только мезью, но и необходимостью добыть новые кочевья для своих приверженцев. Кенесары обещал наделить коканскими землями казахов, «вытесняемых из Оренбургской степи царскими распоряжениями» (А. Серебряников. Указ. соч., V, стр. 173).

⁴ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2757, 1845 г., лл. 90—93.

⁵ ЦГАВПКИБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 183, ч. I, 1843 г., лл. 162 об. — 163.

⁶ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2652, 1845 г., лл. 45—55 об.

⁷ Там же, д. 2621, 1845 г., лл. 926—931. В эту зиму до 100 человек его сторонников погибло от голода (там же).

⁸ Там же, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., лл. 130—132.

⁹ ЦГАВПКИБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 183, ч. I, 1843 г., л. 180. При первых работах по возведению Уральского и Оренбургского укреплений (июль — август 1845 г.) Кенесары удалился с Тургай на Сары-су (А. Серебряников. Указ. соч., V, стр. 163).

султану Рустему, «на р. Курчик-Куке, близ китайских пределов». После поражения, нанесенного ему киргизами весной 1846 г., он откочевал на Кара-тау, «где пронырством и хитростью» успел склонить большую часть Старшей Орды «в свою пользу».¹

Удаляясь из Оренбургской степи в Старшую Орду, Кенесары захватил с собой «на пути множество киргизов кокандских».²

Чрезвычайно интересно сообщение Пограничной комиссии в отчете за 1846 г. о том, что, по слухам, Кенесары, «видя себя в крайности от скудных пастбищ вне Оренбургского ведомства и не имея возможности возвратиться в пределы России, убеждал своих приверженцев заняться хлебопашеством по берегам р. Или или ее притоков»,³ «как единственным и достаточным средством к пропитанию».⁴

Просьба Кенесары, обращенная к китайскому правительству о разрешении допустить его кочевать в пределах Китая, была отвергнута.⁵ Вытесненный из степей Младшей и Средней Орд под натиском военноколониального наступления царизма, теряя часть своих приверженцев,⁶ Кенесары не прекращает борьбу.⁷ В сентябре 1846 г., занимая труднодоступный полуостров Камал при устье р. Или, он совершает набеги на киргизов и на аулы нового царского подданного, султана Старшей Орды Галия, намереваясь разорвать «устроенные округа» и «страхом присоединять к себе» всех вновь поступивших в подданство России казахов Старшей Орды.⁸ В ноябре 1846 г. он посылает 30 своих посланцев, во главе с султаном Сеиль-ханом и бием Чукмаром, в Младшую и Среднюю Орды для сбора закята и раздачи «возмутительных писем».⁹ В декабре того же года, зимую на р. Чу (близ озера Какуенды) и на урочищах Миюрах и Май-тюбе (к югу от Улу-тау), Кенесары старался склонить на свою сторону род Кипчак и «Баганалинские волости» Средней Орды, кочевавшие на Кши-тау.¹⁰

¹ А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 210 и 238.

² Там же, стр. 277.

³ ЦГАВПКБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 183, ч. I, 1843 г., л. 270.

⁴ А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 55.

⁵ ЦГВАЛ, ф. канц. воен. министерства, св. 1342, д. 16885и, 1846 г., л. 8; см. также А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 276.

⁶ «Его приверженцы, судя по слухам, недовольны им и ожидают только случая, чтобы отложиться» (ЦГАВПКБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 183, ч. I, 1843 г., л. 8 об.).

⁷ Вспомним слова его, приводимые Рязановым: «Я никогда не оставлю своего батырства и умру, совершив чудо храбрости» (А. Рязанов. Указ. соч., III, гл. VIII, стр. 94).

⁸ А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 265 и 270.

⁹ ЦГАВПКБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 183, ч. I, 1843 г., л. 8 об. Текст их см. у Н. Коншина. Указ. соч., стр. 99—101. При Сеиль-хане было захвачено царскими отрядами 14 воззваний, некоторые в 10 экземплярах (там же, стр. 99). Кенесары извещал «любезных наших слуг о землях и водах Большой Орды» и приглашал казахов для избежания царского ига уйти из Оренбургских степей и соединиться с ним, сообщая о себе, что он «ни в каком отношении не имеет горестей и печалей» и находится «в совершенном благоденствии в кругу нашего правления». Одно воззвание было обращено к рядовым казахам (там же, стр. 100—101). Чрезвычайно интересен тот факт, что, несмотря на крайне тяжелое положение («султан Кенесары и все его приверженцы крайне стеснены недостатком скота и одежды»), «скопище» его не утратило своей организации: по показаниям пленных, там имелись сотенные начальники (жуз-башни), сборщики закята и т. д. (А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 277, 314 и 316 и Н. Коншин. Указ. соч., стр. 75). Трудность положения усугублялась тем, что в это время (1846 г.) многие казахи Старшей Орды приняли подданство России (А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 272, 298—299 и др.). Чтобы удержать «вновь приобретенное влияние», царским правительством был послан в Семиреченский край «для постоянного нахождения там» отряд, с предписанием «удерживать сомнительных от присоединения к Кенесары и подавать руку помощи его неприятелям, в числе коих важнейшие были дикокаменные киргизы» (там же, VI, стр. 108).

¹⁰ А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 297 и 315. Ср. показания бия

Архивы не сохранили нам подробностей борьбы Кенесары с киргизами и трагической гибели его со всеми приверженцами в горах Алатау во время этой последней борьбы. Есть сведения, что вражда между казахами и киргизами из-за политического соперничества в Средней Азии существовала издавна. Хан Аблай нанес киргизам жестокое поражение и сильно опустошил их страну.¹ Вражда эта усиливалась ненавистью, которую питал Кенесары к киргизским манапам за поддержку, оказываемую ими Кокану.

Подводя общий итог всему сказанному, следует повторить, что в годы подъема движения Кенесары сумел придать ему необычайный размах, подняв его до подлинной национально-освободительной борьбы и поведя непримиримую войну с царским правительством за создание «единой и непобедимой Орды».

Казахский народ по заслугам оценил эту сторону борьбы Кенесары. Он сложил о нем много песен² и до наших дней чтит память своего Кене-хана как народного героя, ставя его имя на ряду с Искандером и Рустемом.

Я смотрю в глубину времен —
Много было великих имен.
Искандер был известен всем,
Возвеличен в поэме Рустем,
У киргизов был славен Манас,
Кене-хан был в степях у нас...
Шли кровавой дорогой войны
Белоснежные их скакуны...³

Так поет народный певец Казахстана Джамбул.

отделения Назар рода Шекты, Давлеткильдея Бисбаева, о том, что Кенесары (осенью 1845 г.) просил узнать «о образе мыслей о нем оренбургских киргизов, и если... не все они враги ему, то умолял уведомить его об этом, обещая за такую приятную весть отдать все, что имеет» (там же, стр. 277).

¹ Е. Смирнов. Указ. соч., стр. 15. Ср. свидетельство Идарова о том, что «дикого-каменные киргизы... находятся в соперничестве с коканскими киргизами и с некоторыми родами киргизов Большой Орды, например, дулатами» (Идаров. Киргизская степь Сибирского ведомства и новоучрежденная в ней Семипалатинская область — «Журнал МВД», СПб., 1854, VII, кн. 8, стр. 22).

² До наших дней сохранился «Марш хана Кенесары», сообщенный в 1925 г. казахом быв. Акмолинской обл. (А. Затаевич. 1000 песен киргизского народа, стр. 64, Оренбург, 1925).

³ Джамбул. Клим-батыр.

ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

М. Н. ТИХОМИРОВ

ЛЕТОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ 6. СИНОДАЛЬНОГО (ПАТРИАРШЕГО) СОБРАНИЯ

Среди источников русской истории одно из первых мест занимают летописные памятники. Для истории X—XVII вв. они являются не только основными, но иногда единственными источниками. Но и летописи позднейшего времени дают чрезвычайно много для историка, рассказывая в определенном хронологическом порядке о важнейших политических событиях.

Основные летописные сборники известны в науке с давнего времени, но никакого сводного описания летописных памятников до сих пор не существует. Между тем, отсутствие точных сведений о содержании летописных сборников приводит ко многим недоразумениям, когда вопрос идет об их составе. Например, в предисловии к изданной Археологической комиссией Псковской Судной грамоте сказано о характере сборника, из которого заимствован отрывок грамоты: «текст заимствован из летописца в лист, хранящегося в Московской Синодальной библиотеке». Таким образом, состав сборника, из которого взят отрывок, остается неясным, тогда как речь должна идти о летописном своде, совершенно однородном с Уваровской летописью, частично изданной в т. XVIII Полного Собрании Русских Летописей. Совершенно ясно, что состав рукописи, заключающей в себе отрывок памятника исключительной ценности для русской истории, не может быть безразличен для исследователя Псковской Судной грамоты, а термин «летописец» является чересчур общим.

Неполнота сведений и неточность определения содержания отдельных летописных сборников приводит к невозможности издания полного исчерпывающего собрания летописей и их текстов. Достаточно указать, что в новом издании так называемой Софийской Первой летописи не использован интересный список начала XVI в., хранящийся в Ленинградской библиотеке в Москве. В Барсовском и Музейском собраниях Государственного Исторического музея имеются два списка (оба XVI в.) Новгородской IV летописи, которые не были использованы издателями Полного Собрании Русских Летописей. До сих пор повторяется в литературе, что свод 1479 (или 1480) г. известен в Эрмитажном списке конца XVIII в., тогда как уже 10 лет тому назад мною найден список этого свода (Ув. № 1366) первой половины XVI в., и т. д.

Неполнота сведений о летописных сборниках в значительной мере объясняется самым характером памятника. В то время как при описании другого рода литературных памятников указание начальных слов и заглавие иногда уже характеризуют самый источник, такие указания совершенно недостаточны при описании летописных сборников. Составляющий описание летописных памятников должен ответить по крайней мере на следующие вопросы: 1) принадлежит ли летописный текст к

разряду уже изданных и известных текстов, и если принадлежит, то в чем его отличия; 2) если состав сборника не может быть отождествлен с каким-либо из изданных и известных уже текстов, то в чем его основные особенности; 3) заключает ли данная рукопись тексты, еще неизвестные в науке. Так как количество летописных памятников в рукописных собраниях весьма значительно, то для первого такого описания мною выбрано Синодальное (б. патриаршее) Собрание Государственного Исторического музея, как одно из наиболее полных по количеству и ценных по составу рукописей.

Синодальное (б. патриаршее) собрание рукописей обладает значительным количеством летописных сборников, многие из которых были взяты из монастырских и церковных библиотек по указу Петра I о составлении печатного летописца. Синодальное собрание было использовано уже М. М. Щербатовым и Н. М. Карамзиным, положившим в основу летописных известий «Истории Государства Российского» летописцы этого собрания. Позднее многие летописцы Синодального собрания были привлечены в качестве основных и подсобных списков для Полного Собрания Русских Летописей. Количество летописных памятников, входящих в состав Синодального собрания, довольно значительно (27 сборников).

В печатаемой работе названия летописей заимствованы из исторической литературы (Воскресенская, Новгородская IV и т. д.) или вновь даны для летописей, не имеющих названия. Конечно, подобные названия иногда являются несколько искусственными, но они необходимы для более запоминающегося определения содержания той или иной летописи. В конце некоторых описаний сделаны краткие библиографические ссылки на более ранние описания Синодальных рукописей:

1) Савва. Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. Составлен синодальным ризничим архимандритом Саввою, М., 1858.

2) П. М. Строев. Библиографический словарь, СПб., 1882.

3) Рукописное описание Синодального собрания, составленное в Музее А. Д. Седельниковым.

4) Старый каталог Синодального собрания 1823 г., по нумерации которого указаны рукописи у Карамзина в «Истории Государства Российского».

Определения водяных знаков сделаны по альбомам:

1) С. М. Briquet (сокр. Br.). Les filigranes. T. I—IV. Genève, 1907.

2) Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. I—III, СПб., 1899.

Большую помощь в моей работе оказали мне М. Н. Сперанский и Н. П. Попов.

1. Владимирский летописец (Син. № 793)

В 4°, на 1 нenum. +304 лл. Из них лл. 242—245, 252—253, 277—чистые. Кроме того, в конце рукописи (после л. 304) имеется еще 20 чистых листов. Среди водяных знаков — сфера (у Br. № 1400—1533 г.) и черточка (у Br. № 10985—1564 г.). Листы 246—251 записаны только с лицевой стороны и притом неполностью.

Рукопись написана двумя полууставными почерками 3-й четверти XVI в. (первый почерк на лл. 1—261 об., в нем употребляется юс большой, второй — на лл. 262—304). Лист 256 и половина л. 258 писаны полууставом конца XVI в.

По листам идет запись скорописью XVII в.: «книга летописец Владимирскаго Рождественскаго монастыря церковная из ризницы». На нenum. листе почерком конца XVIII в.: «из типографских 5-я». На обороте последнего чистого листа скорописью XVIII в.: из т. (типографской?) библиотеки». Переплет — доски в коже, жуковины, застежки; на корке бумажный ярлык с надписью начала XVII в. — «летописец».

Содержание:

1. «Владимирский» летописец. Начинается Повестью Временных Лет: (л. 1) «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ ОТ НОЯ И ОТ НЕГО СЫНОВ, како разделиша землю и отколе сталася Руская земля. и яся въсток Симови...»

Кончается известием 7031 (1523) г.: «Того же лета (7031) месяца майа 12 день князь великий Василий Иванович поимал князя Василья Шемяку и в поруб его посадил...»

Начинаясь Повестью Временных Лет, Владимирский летописец, за вычетом новгородских известий, следует тексту Лаврентьевской летописи, вплоть до ее окончания, т. е. до 1305 г., а с 1177 г. становится также особенно близким к Симеоновской летописи. Сходство Владимирского летописца с Симеоновской кончается на 6899 (1391) г., после чего установить какое-либо родство Владимирского летописца с Симеоновской и другими летописями — невозможно, так как после этого года во Владимирском летописце следуют лишь краткие заметки, содержание которых известно по другим летописным сводам. С 7003 (1495) г. и до конца следуют краткие летописные заметки, относящиеся главным образом к постройке церквей в Москве.

Имея сходство с Лаврентьевской и далее с Симеоновской летописями, Владимирский летописец вместе с тем на всем своем протяжении от начала до 6899 (1391) г. близок к вариантам сгоревшей Троицкой летописи (насколько эта летопись нам известна по сохранившимся у Карамзина выпискам). Владимирский летописец дает и ряд таких известий, которые дошли до нас в других летописях в ином изложении. Поэтому ниже приводится обзор содержания Владимирского летописца — главных отличий его от Лаврентьевской и Симеоновской летописей и сходства с Троицкой.

После приведенного выше начала Повести Временных Лет, во Владимирском летописце следует обычное перечисление стран и народов. Этот текст переходит в более подробный, чем в Лаврентьевской летописи, рассказ о столпотворении и далее в рассказ о событиях церковной истории, кончая крещением Руси.

На л. 11 об. встречаем новое начало летописца: «НАЧАЛО ЛЕТОПИСЦА РУСКИА ЗЕМЛИ. В лето 6362 (854) начало царства Михаилава Греческаго царя». Отсюда Владимирский летописец имеет сходство с Лаврентьевской летописью, а в отдельных вариантах в особенности с Троицким пергаментным (сгоревшим) списком (в этом отношении особенно показательны начальные листы). Счет годов везде поставлен во Владимирском летописце согласно с Троицкой летописью (например, смерть Мстислава отнесена к 6541 г., как и рождение Вячеслава, также о Судиславе и пр.). Надо указать, впрочем, что Владимирский летописец дает всюду текст с большими сокращениями и пропусками.

Отмечаем наиболее характерные места Владимирского летописца.

Л. 45. В рассказе послов Владимира о церковной службе у немцев во Владимирском летописце сказано: «и видехом в храмах службу, варганное и циньбанное играние». Подчеркнутых слов в Лаврентьевской летописи нет.

Л. 47. Крещение Владимира в Корсуне по Владимирскому летописцу произошло в церкви св. Спаса (как в Архангелогородском летописце), по Лавр. лет. — в ц. св. Василия (стр. 111), по Ипатьев. — св. Софии, по Радз. Акад. — св. Богородицы. Еще ниже, по Влад. летописцу первая церковь, поставленная Владимиром в Киеве, названа церковью св. Спаса (в Лавр. и Ипат. — св. Василия).

Л. 52. Под 6498 (990) г. говорится: «В лето 6498 (990) Владимир за-

ложи град в Залеской земли, и прозва его во свое имя Володимер и постави церковь древяну святей Богородицы Успение собор. В лето 6499 (991). Посем Владимир живяше в законе крестьянсте, взя у Фотиа патриарха царегородского первого митрополита Киеву Леонта, а Новгороду владыку Акиме Корсунянина». Вслед за этим известием говорится о приходе Акима в Новгород и крещении новгородцев, о приходе в Ростов еп. Федора, крещении ростовцев и построении деревянной церкви в Ростове, которая сгорела, простояв 162 года. Всех этих известий в Лаврентьевской летописи нет.

Л. 53. Под 6501 (993) г. рассказ о борьбе отрока с печенежином во Владимирском летописце более распространен, чем в Лаврентьевской летописи, причем есть определенное сходство с Троицкой: во Влад. л-це: «сварясь ему с матерью и ему мнучи кожу уснее и разгневаясь на мя, и преторже кожу сыромятную рукама»; в Троицкой: «матерью сварящу и оному мнущю усние, разгневався на мя, и преторже рукама сыром...» наверху поставлено — «кожу» (ПСРЛ, XVIII, стр. 16), тогда как в Лавр. стоит: «ми и сварящу, и оному мнущу усние преторже черви рукама».

Л. 60 об. Под 6524 (1016) г. новгородцы во Влад. летописце, как в Троицкой летописи, говорят: «аще не поидет с нами, то сами его погубим» (см. Ист. Гос. Рос., II, прим. 9). В Лавр. стоит: «сами потнем».

Л. 62 об. Под 6527 (1019) г. в конце известия в Влад. л-це после слов о Ярославле в Киеве читаем: «а новгородцев одарив отпусти их, дасть им судебную грамоту, почему им ходить».

Л. 67 об. Под 6560 (1052) г. после слов о смерти Владимира Ярославича добавлено: «и приидоша 3 человека от грек с роды своими, певци, сии певци выпеша 8 гласов Ермолой».

Л. 68. Под 6563 (1055) г. сказано: «Иде Изяслав на Чюдь и взя Осик Кедепив сиреч Солнечная рука» (это известие есть и в других летописях, наприм. в Новг. 5).

Л. 74 об. Под 6597 (1089) г. говорится о перенесении мощей Николая чудотворца в Барград.

Под 6618 (1110) г. говорится о построении Мономахом церкви св. Богородицы в Смоленске, 7 марта.

Л. 103 об. Под 6660 и 6661 (1152 и 1153) гг. говорится о создании кн. Юрием церкви св. Спаса и о других церквях, поставленных кн. Юрием.

Л. 105. Под 6662 (1154) г. сообщается о построении города Дмитрова.

Л. 108. Под 6667 (1159) г. говорится о смерти митрополита Константина с такими же подробностями, как и в Воскресенской летописи.

Л. 109. Под 6668 (1160) г. говорится о построении церковей Андреем Боголюбским.

Л. 114. Под 6683 (1175) г. в рассказе об убиении Андрея Боголюбского сказано: «посадики и тивун его дома их разграбиша, а самех избиша, и постелник и мечник избиша». По Карамзину, в Троицкой летописи «именованы здесь в числе княжеских чиновников и постельники» (ПСРЛ, XVIII, стр. 20). В Лавр. на месте «постелник» стоит «детыцкые».

Л. 124. Под 6697 (1189) г. говорится: «Священна бысть церковь соборная святей Богородицы в Володимери великим священием епископом Лукою при великом князи Всеволоде Юрьевичи и сыне его Костянтине, месяца августа 14 день, канун Успения святей Богородицы. Князь великий Всеволод пристави к неи четыре верхи и позлати ю, да сего ради в другыи священна бысть».

Л. 135 об. Под 6721 (1213) г. в рассказе о смерти Всеволода добавлено: «а сынама своима раздая грады. Князя Костянтина посади в Ро-

стове, а князя Ивана посади в Стародубе, князя Святослава в Юрьеве. Сесь Святослав Гаврич в [Юрь]еве Полском церковь постави камену святого Георгия и другую в Володимери Въздвигение честнаго креста. А князя Андрея посади в Суздали, а Святослава посади в Переяславль в Рускии княжить, а князя Юрья благослови после себе на великое княжение в Володимери. И сесь князь великий Всеволод пристави 4 верхи соборной церкви святеи Богородици в Володимери и позлати ю, а на татарех имал дань, и много о земли Руской пострада. А княгини его Мария, дщи князя Чешскаго, създа церковь камену Успение святеи Богородици в Новом монастыри».

Л. 138. Под 6727 (1219) г. «прииде Володимер Всеволож и с половци [или надо читать «ис Половци»] и братия ему даша Стародуб».

Под 6731 (1223) г. о битве при Калке говорится: «Бысть всем князем руским бои на реце на Калке с половци, Олександра Поповича убиша, иных богатырей многих, и Киев взяша. Сии злоба стася месяца маиа 30». По Карамзину, в Троицкой лет-си о битве при Калке было: «сеся зло склучи месяца... Ермия». Надобно дополнить, — указывает Карамзин, — «маиа, на память св. апостола Ермия, следственно 31 мая».

Л. 150. Под 6755 (1247) г.: «умре царь Батыи, и по нем сяде сын его Сартак на царство».

Л. 150. Под 6757 (1249) г.: «князь Андреи съгна дядю своего Святослава с княжения из Володимеря и Суздаля, а сам седе в Володимери».

Л. 152. Под 6768 (1260) г. сообщается: «татарове поплениша всю землю Литовскую и много зла учинися Литве».

Л. 154. Под 6770 (1262) г.: «бысть мятежь велик в Литве, убиша великого князя Миндовга свои сродницы, да другого князя Товтовила, а сын его бежа в Новгород».

Л. 157 об. Под 6785 (1277) г.: «ходи князь великий Дмитриеи Александрович на Корелу». В Троицкой (ПСРЛ, XVIII, стр. 75) также указывалось, что Дмитр. Алекс. ходил на Корелу; этого указания нет в Симеоновской летописи.

Л. 157 об. Под 6788 (1280) г.: «Кирил митрополит покры церковь свинцом в Володимери соборную святую Богородицю».

Л. 169 об. Под 6825 (1317) г. в рассказе о походе кн. Юрия Даниловича на Тверь, в Владимирском летописце, как и в Троицкой, добавлено: «а князя Ивана, брата своего, послал по новгородци».

Л. 190. Под 6873 (1365) г.: «Новгородци поидоша из Югры, а двиняне взяша Нукурью». В Симеоновской здесь сказано — Копорью, но в Троицкой тоже стояло — Нукурью (см. ПСРЛ, XVIII, стр. 104).

Л. 192. Под 6785 (1377) г., согласно с Троицкой, говорится о возвращении кн. Михаила Тверского из Литвы 27 октября (там же, стр. 106).

Л. 195. Под 6888 (1380) г. сказано: «князь Мамай у себя в орде посадил другого царя Мамант Салтан». В Сим. стоит — Мамат, в Троицкой было — «Мамант» (там же, стр. 109).

Л. 204. В житии митр. Алексея говорится, что митр. Алексей был родом «бояр черниговских», в Сим. — «литовских». Житие Алексея во Владим. летописце несколько полнее.

Л. 207. Во Владим. летописце Митяй был родом «от Смоленских попов», по Сим. — от коломенских.

Л. 208. Во Владим. летописце архимандрит, ставивший Митяя, назван Елисеем Чечоткой, в Сим. имя это пропущено.

Л. 213 об. Под 6900 (1392) г. читаем: «месяца февраля 13 день преставися Данило Фофанович, а в мнишском чину Давид, бе истинный боярин, служил великому князю в орде и на Руси, и положен бысть в

Чюдовском монастыри, близ дяди своего Александра митрополита». По Карамзину, в Троицкой также сообщалось под 13 февраля о смерти Даниила Фофановича (см. ПСРЛ, XVIII, стр. 279).

За XV век во Владимирском летописце следуют лишь краткие заметки. Большую полноту летопись получает лишь с 7003 (1495) г. (с л. 227). Весь конец Владимирского летописца представляет собой неизданную летопись за 7003—7031 (1495—1523) гг. Летописные заметки эти несомненно московского происхождения и почти целиком посвящены построению церквей в Москве, а также некоторым политическим событиям, теснейшим образом связанным с Москвой.

Подводя общий итог всему сказанному, отметим следующее. Несомненно, Владимирский летописец представляет собой сокращение большого свода, или, вернее, извлечение из него. Извлечение это было сделано очень небрежно, не только с пропуском целого ряда известий, но и с сокращением (часто очень неискusstным) различных известий. Благодаря таким сокращениям самый характер того свода, откуда делались извлечения, остается не вполне ясным. Тем не менее с известным правом мы можем предполагать, что сокращаемый свод был составлен из двух основных частей: во-первых, из свода, очень близкого по характеру к Троицкой летописи, поскольку мы можем судить о ней по выпискам у Карамзина (см. А. А. Шахматов, Симоновская летопись XVI в. и Троицкая нач. XV в. — в Изв. Отд. русск. яз. и слов. Ак. Наук, 1900, т. V, кн. 2). Этим объясняется близость к Лаврентьевской летописи и далее к Симоновской. Ряд вариантов, отличающих Троицкую летопись от Симоновской, имеется и во Владим. летописце. Окончание связанных заметок во Влад. летописце конца XIV — начала XV вв. также совпадает с окончанием Троицкой летописи. Во-вторых, Владимирский летописец брал известия из какого-то новгородского свода, из которого были заимствованы известия о построении церквей в Новгороде, о новгородских архиепископах, посадниках и т. д. Составленный на основании этих двух главных источников, свод, дошедший до нас во Владимирском летописце в виде извлечений, носит на себе отпечаток того, что он составлялся во Владимире Суздальском, на что указывает специальный подбор Владимирских известий, причем ряд этих известий находит себе аналогию в предисловии к Летописи Авраамки и в статье «се князи русьстии» в Археографическом списке Новгородской I летописи. Так в этой статье читаем о 4 верхах, приставленных кн. Всеволодом к церкви Богородицы во Владимире, анахронизм о том, что Всеволод брал на татарах дань, а также о том, что жена его была дочерью князя Чешского (см. Новг. лет-сь по Синод. харат. списку, стр. 436, изд. 1888 г.). Происхождение самого списка из Владимирского Рождественского монастыря еще более укрепляет предположение о Владимирском происхождении свода. Вместе с тем необходимо отметить, что Владимирский летописец может иметь значение и для выяснения источника некоторых дополнительных известий, вошедших в Никоновскую летопись (например, о трех певцах, об Александре Поповиче и богатырях). Извлечение из большого свода было сделано уже в XVI в. В этом нас убеждает механическая прибавка московских статей (на лл. 246—261), которые указывают на вторую четверть XVI в.

Син. 793 не является единственным списком летописи такого же типа. Подобным ему является список XVI в. в Историческом музее (Чртк. № 364).

После летописи следует ряд прибавочных статей следующего содержания:

Л. 246: «архиепископи Великого Новгорода и Пскова» (следуют списки епископов: новгородских, ростовских, суздальских, коломенских,

тверских, рязанских, сарских, пермских, черниговских, переяславских, смоленских, владимирских, юрьевских, луцких, белозерских, туровских). Текст соответствует спискам епископов в ПСРЛ, XVIII (Симеон. лет-сь, стр. 22—24), но имена епископов добавлены: в Сарской — еп. Достафей (1508—1544), в Коломенской — Васьян (1525—1542).

Л. 254: «колико княжили великии князи и от кого пошло великое княжение» (кончается Иваном III, но почерком конца XVI в. прибавлено о венчании на царство и браке Ивана IV).

Л. 257: «родство тех же князей русских» (кончается сыновьями Ивана III и Дмитрием-внуком, почерком конца XVI в. доведено до царевича Дмитрия Ивановича).

Л. 258 об.: «родство великих князей русских» (кончается рождением Ивана IV, почерком конца XVI в. доведено до Федора Ивановича).

Л. 259: «великии князи тферскыи пошли».

Л. 259: «а от великого князя Володимера Мономаха Смоленстии князи и ярославстии князи».

Л. 259: «того же роду князи ярославстии».

Л. 259 об.: «а се ростовстии князи и белозерстии».

Л. 259 об.: «а се князи суздальский Низовскаго Новагорода».

Л. 260 об.: «а се началнии великии князи литовскыи»;

Л. 260 об.: «евтопиискыя страны короли»;

Л. 261 об.: «а колико в Руси престолов и епископов».

Л. 261 об.: «а митрополитов от крещения Руской земли» (кончается Макарием, почерком конца XVI в. доведено до Иова).

Всю эту часть сборника можно считать продолжением Владимирского летописца. Имена князей и епископов указывают на вторую четверть XVI века, как на время составления этих списков.

II. Л. 262—304 (второй почерк): «В лето 6890 (1382). О московском взятии от царя Тактамыша». Текст повести вполне сходен с изданным в ПСРЛ, VI, стр. 98—103.

Л. 274: «Лето 7045 (1537) генваря в 11 день пришли послы из Литвы» (краткие летописные заметки и рассказ о землетрясении в Римской земле и городе Солонихи, — этот рассказ издан в Соф. Врем., ч. II, 1821 г., стр. 401—403).

Л. 278: «последование древним новейшее взыскание государя православного царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси Московскаго».

«В лето 63-го (надо 7060—1552) помыслил царь... о походе на Казань». Текст вполне сходен с изданным в ПСРЛ, VI, 303—315; см. также Летопись занятий Археогр. Ком., XVI — Кунцевич. История о Казанском царстве, стр. 132—133.

У Саввы — «№ 793, 4°, полууст., XVI, лл. 1—241. Далее до конца (л. 304) разные мелкие статьи и между прочим «Повесть о Московском взятии». Принадл. Владимир. Рождеств. монастырю».

В опис. Музея (А. Д. Седельникова) — «Летопись с добавлением других статей соврем. характера, 4°, 304 л., XVI, Иниц., Вязь, Письмо 3-й четверти века (50-х гг.)».

По старому Син. каталогу — «№ 354, Летописец о взятии Казани».

У Строева в числе летописцев Патриаршей библиотеки (см. № 14, на стр. 363).

2. Вологодско-Пермская летопись (№ 485)

В 4°, на 558 лл., (лл. 1—2 недостает) полуустановом половины XVI в. Летописец начинается с конца известия 6523 (1015) г. («пристрои вои без числа Руси и печенег»), кончается 7046 (1538) г., после чего приписано известие 1540 г. о битве у Пятницы на Плесе. Подробное описание дано в статье М. Н. Тихомирова. Вологодско-пермская летопись («Проблемы источниковедения», III, Л., 1940).

3. Воскресенская летопись. Вторая половина (№ 144)

В 1°, на 347 лл.; впереди и позади по 1 чистому листу, л. 1-й также чистый. Среди водяных знаков — ваза с одной и двумя ручками (у Лих. № 1784 и 1954).

Рукопись написана одним почерком, скорописью конца XVI в.

Переплет современен рукописи, на нем ярлык с надписью полууставом XVII в. — «летописец».

На л. 1 об. сделана запись беглым полууставом конца XVI в.: «лета 7099-го (1591) ноября в 15 день положил сию книгу летописец в четырех книгах в дом Рождества Пречистыя Богородица и преподобнаго и богоноснаго отца нашего благовернаго великаго князя Александра Ярославича во иноцех Алексиа Невскаго чудотворца. Положил Иона архиепископов(!) Вологодцкый и Великопермскы четыре книги летописца за двенатцать рублев, по три рубля книга. И за тот вклад архимандриту и святеи братьи, как бог пошлет по душу мою грешную, написати в сенадикы мою душу грешную и моих родителей и устроить два кормы по вся годы, а поминати мою душу грешную и моих родителей, как прочих православных христиан поминают, докуды мир вселенныя стоит». Этот же Иона подарил в тот же Рождественский монастырь во Владимире Кормчую книгу (см. «Правда Русская». Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940, описание Кормчих Розенкамповского вида — Поповская Кормчая).

На л. 1 неум. скорописью конца XVIII в.: «из типографских 4-я».

По листам запись скорописью XVII в.: «книга Владимирского Рождественного монастыря».

Рукопись содержит вторую половину Воскресенской летописи («книга летописец последняя половина»), начиная с известия о взятии Магнусом Орешка в 6853 (1345) г. и кончая нашествием Саип-Гирея в 7049 (1541) г. Описана и напечатана в ПСРЛ, тт. VII и VIII, см. предисловие т. VII, стр. VIII.

По старому Синод. каталогу: «№ $\frac{350}{53}$ Летописец Владимирского Рождественского монастыря».

4. Кирилло-Белозерский летописец и летописец начала царства Иоанна Васильевича (№ 486)

В 4°, на 553 лл., из них лл. 484—553 — чистые. Водяной знак — кувшинчик с двумя ручками.

Рукопись написана двумя полууставными почерками второй половины XVI в.

На внутренней стороне передней корки переплета скорописью XVII в.: «летописец Кирилова монастыря». По лл. 1—4 скорописью XVII в.: «книга Кирилова монастыря з Белоозера».

На л. 553 об. скорописью половины XVII в.: «сия книга летописец Кирилова монастыря Белозерскаго».

Переплет 2-й половины XVI в. — доски, обтянутые коричневой кожей, тиснение, медные жуки и части застежек.

С о д е р ж а н и е:

1. Л. 1: «Кирилло-Белозерский летописец».

Начинается: «Летописец Руский от семидесяти дву язык. Бысть словенский язык от племене Афетова...»

Кончается: «В лето 7041 (1533). Тоя ж зимы бывшей цар Казанской пойман за то, что он учал ссылатись в Казань и сослан на Белоозеро».

Текст летописца целиком соответствует тексту Кирилло-Белозерского списка (третьей четверти XVI в.), изданному в вариантах к Ермолинской летописи (в ПСРЛ, т. XXIII), до 6523 (1015) г. и целиком с 6935 (1427) г. и до конца (там же). Оба списка, судя по записям, принадлежали Кирилло-Белозерскому монастырю и включают в себя целый ряд известий, относящихся к этому монастырю, что и позволяет дать им общее название Кирилло-Белозерского летописца.

Интересной особенностью Кирилло-Белозерского летописца является его близость в части до 6523 (1015) г. к Уваровской летописи (см. далее под этим названием).

II. Л. 115: Летописец начала царства царя Ивана Васильевича.

Начинается: «Летописец начало царства царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси и отца его преставления блаженнаго и приснопамятнаго великаго князя Василья Ивановича всея Руси в иноцех Варлама».

Кончается: «В лето 7061 (1553) того ж месяца приехали ко государю царю и великому князю Черкаские государи... бити челом, чтобы их государь пожаловал, вступился в них, а их з землями взял к себе в холопи, а от Крымскаго царя оборонил...» (ср. ПСРЛ, XX, втор. пол., стр. 538).

По своему содержанию текст Синод. 486 очень близок, почти однороден, с текстом Львовской летописи за те же годы. Как известно, тексту Львовской летописи за эти же годы близко соответствует текст Никоновской летописи по списку П. (Академ. XIV, см. ПСРЛ, XIII, стр. 75—228). Подробное сличение текста дается в работе Н. Ф. Лаврова. Заметки о Никоновской летописи («Летопись занятий Постоянной Ист.-Археогр. комиссии», т. 136).

Из добавлений к тексту Львов. и П. списка отмечу важнейшие. На л. 325 об., под 7060 (1552) г., после слов: «и царь отмолив, что ему никак бусурманского юрта не нарушить» (см. Львов., стр. 490) в Син. 486 следует: «на чем есми правду дал, те дела оные поделал, а достал доделаю, да еду во Свяжской город и много о том слов было, не зделает, так ин бы ждал до весны. И царь Шигалеи того не захотел, сведают де казанцы и мне от них быти убитому. И отпустил царь Алексея в Свяжской город, а пушки болшие поизабил и пищаля и зелие вывезено. И говорил ему Алексеи, чтобы Касым молною убил и иных лихих, на чем он правду дал, и от кого лиха чаяти тех бы не было».

Текст «Летописца начала царства» обрывается. Надо, однако, предполагать, что его думали продолжать, так как для этой цели были оставлены чистые и уже разграфленные листы бумаги.

У Саввы: «№ 486. Московская, 4, полууст. XVI, 483 л., оканч. 1552 г. Принадлежала Кирилло-Белозерскому монастырю».

По описанию Музея (А. Д. Седельникова): «Синод. 486. Летопись, XVI, Иниц., Вязь, 4^о, 483 лл., русск. полууст. разн. рук. Письмо середины века, не старше 1552 г., на котором заканчивается летопись».

По старому Синод. каталогу: «№ 55. Летописец Кирилова монастыря, без конца». Известна была уже и Карамзину. Текстом Син. 486 пользовался для дополнений издатель Типографского летописца 1784 г. — см. предисловие к ПСРЛ, XXIV.

У Строева упомянут на стр. 363 (№№ 12 и 13).

5. Краткий русский летописец (№ 941)

В 8^о, на 71 лл. Листы 38 об. и 39 — чистые, нумерация листов сделана почерком XVII в. Во всей рукописи 1 бумажный знак — голова быка с крестом, обвитым змеей, между рогами (у Вр. № 15376—1498 года).

Рукопись написана тремя почерками: 1) лл. 1—37 — полууставом нач. XVI в.; 2) лл. 37 об. — 38 — приписаны позднее полууставом полов. XVI в.; 3) лл. 40—71 — полууставом первой четверти XVI в.

На л. 1 нenum. — скорописью XVI в. — «летописец».

На лл. 1—4 скороп. XVII в. — «летописец Кириллова монастыря Белозерского».

Переплет в виде портфеля.

С о д е р ж а н и е:

Начинается: «Летописец Руский. В лето 6867 (1359) имаху дань из заморья варязи на чюди на словенех». Следует краткий летописец, содержащий, с пропуском многих лет, летописные известия, касающиеся преимущественно событий в Ростове и ближайших к нему областях (Ярославль, Углич, Тверь), большей частью известные и по другим летописям. Первый почерк (нач. XVI в.) кончается на л. 37 известием: «В лето 6890 (1382) месяца августа 14 князю великому Дмитрею Ивановичу родися сын князь Ондрей и крести его Феодор игумен». Продолжение этого известия находим на л. 40 — «симановский. Того ж лета царь Тахтамышь...». Идет продолжение краткого летописца (но другим почерком) и с меньшим уже количеством ростовских известий, кончаясь на известии: «В лето 6990 (1482) месяца февраля 2 в неделю мясопустную за полтора часа до света ноши молониа неизреченным светом блистаючи сияла, показася вmale и вскоре спрятася...»

После этого известия другим полууставным почерком XVI в. приписано: «В лето 6000 и 900-е и 99-е (1491) месяца сентября поставлен бысть на митрополью Исосима анхимандрит Симановской».

На лл. 37 об. и 38 приписаны два известия: 6885 (1377) г. (о смерти Ольгерда и его сыновьях) и 6887 (1379) г. (о войне с литовцами вел. князя Дмитрия).

Таким образом историю краткого летописца Син. 941 можно представить так. Первоначально была написана первая часть, оставшаяся неоконченной, с чистыми листами в конце. Позднее была приписана вторая часть, начавшаяся прямо продолжением неоконченного известия (на л. 40 помета внизу — 6 показывает счет тетрадей, которых раньше было пять). Позднее на лл. 37 об. и 38 были приписаны еще 2 известия.

У Саввы: «№ 941, 8°, полууст., XVII, 71 л. Доведен до 1490 года. Принадл. Кириллову монастырю».

По старому Синод. каталогу: ³³⁹«18». Летописец русской в лето 6367 Кирилова ж монастыри».

У Строева «Кр. л-ц, оканч. 6999 г., в 8°, XVI в., 71 л.» (см. на стр. 363, № 18).

6. Краткий русский летописец (№ 938)

В 8°, на 117 лл., л. 117 вырван из переплета, конца летописца нет.

Рукопись написана беглым полууставом конца XVI в. По листам (с л. 7) идет счет тетрадей, из которого видно, что рукопись сохранила начало полностью.

По лл. 1—7 скорописью XVII в.: «книга летописец Кирилова монастыря что на Белозере».

Переплет XVII в. — доски в коже; на передней корке наклеен ярлык с надписью XVII в. — «летописец».

С о д е р ж а н и е:

Краткий летописец от начала Руси до 6976 (1468) года.

Начинается: «От Хронографа. В лето 6370 (862) нача княжити в Новгороде...»

Кончается: «В лето 76 (т. е. 6976—1468) князь великий Иван Васильевич посылал под Казань царевичев... а наши хотели их заскочити от берега и некто...»

Несмотря на заголовок — «От Хронографа», краткий летописец Син. 938, повидимому, отношения к Хронографу не имеет. По содержанию же летописец дает очень сокращенные сведения от начала Руси до 1468 г.

Неизвестных по другим летописцам известий Син. 938 не имеет.

У Саввы — «№ 938, 8°, скрп., XVII, 117 л. Доведен до 1468 г. Принадл. Кирилло-Белозерскому монастырю».

По старому Син. каталогу: $\frac{337}{104}$. Летописец от княжения Рюрика.

У Строева: «Кр. л-ц, оканч. 6976 г., в 8°, XVI в., 115 л.» (на стр. 36, № 15).

7. Летописец вкратце русской земли (№ 939)

В 4°, на 106 лл., впереди 1 лист и позади 10 листов чистых; л. 4 об., лицевая сторона; л. 12, листы 13 и 29 тоже чистые. Среди бумажных знаков — лилия (лл. 30—39 — у Вг. 11419—1523 г.) и герб Франции.

Текст написан различными полууставными почерками XVI века:

- 1) лл. 1—12 и лл. 30—101 почерком второй четверти XVI в.;
- 2) лл. 14—21 — другим почерком, полов. XVI в.;
- 3) лл. 22—28 — почерком второй полов. XVI в.;
- 4) л. 101 об. и часть л. 102 — беглым полууставом третьей четверти XVI в.;
- 5) лл. 102—106 (до конца) — почерком последней четв. XVI в.

На л. 30 изображена заставка и инициал плетеного орнамента.

По лл. 1—5 запись скороп. XVII в. — «книга летописец Кирилова монастыря Белозерского».

На л. 1 нунем. запись скороп. XVIII в. — «из типографских 6-я».

Переплет XVI в. — доски в коже, покрытой остатками материи. На задней корке переплета скорописью XVII в.: «Кирилова монастыря Родословец»; внизу скорописью XVIII в. — «из типограф. библиотеки». На обороте передней корки переплета скорописью XVII в.: «летописец».

С о д е р ж а н и е:

Л. 1: «От летописца вкратце князи русии. Первый приде из варяг Рюрик» (следует родословие князей: московских, кончая сыновьями Ивана III; ростовских, кончая Дмитрием и Александром Владимировичами; тверских, кончая Михаилом Борисовичем; смоленских, кончая Федором Юрьевичем; суздальских, кончая Василием: «княже Васильев отец Немово да княже Дмитриев, да княж Иванов Шуйских»; ярославских, кончая Данилом Пенко. Такое же родословие напечатано и в ПСРЛ, XXIII, стр. 167—168).

Л. 4 об.: «цари ординские». Статья такого же содержания, но несколько короче напечатана в ПСРЛ, VII, стр. 241 и XXIII, стр. 168.

Л. 5: «от летописца. Рим старее Византиа тритцатми леты» (ПСРЛ, VII, стр. 241).

Л. 5: «а се имена всем градом русским далним и ближним». В той же редакции напечатано в ПСРЛ, VII, стр. 240—241 и XXIII, стр. 163—164.

Л. 9: «а се рустии митрополиты» (кончая Макарием). В той же редакции напечатано в ПСРЛ, VII, стр. 239 и XXIII, стр. 164.

Л. 9 об.: «а се новгородские епископы». В рукописи полнее, чем напечатано в ПСРЛ, XXIII, стр. 164—165.

Л. 12 об.: «короли, европския страны крали». То же напечатано и в ПСРЛ, VII, стр. 239—240 и XXIII, стр. 168.

Л. 14: «родословие Литовскаго княжества. По пленении безбожнаго Батгя...» Сказочное родословие Литовских князей напечатано в ПСРЛ, XVII, стр. 417—420, но в Син. 939 — более полно и с некоторыми отличиями. О Федоре Мих. Ижеславском говорится: «иже приехал служити на Москву к нашему государю и царю Василию Ивановичу лета 7034 (1526) июня» (см. ПСРЛ, VIII, стр. 271). Далее приложена родословная таблица детей Вигонта: Гедимина, Кестутья, Корията, Ягайла, Казимира. На л. 21 сказано: «в сем перечне написано: «Гедиманов сын — 3 Евнугей, 4 — Олгирд, а в иных летописех во многих пишет — 3 Олгирд, а 4 Евнугей». Кончается перечень словами: «Жидимонт нынешней краль полский», позже приписан его сын — «Айгустус».

Л. 22: «сказание вкратце сущым от Адама до днешняго времени родословие». Текст до царя Константина во всем сходен с печатным в ПСРЛ, VII, стр. 246—247; от Константина до падения Царьграда текст по сравнению с изданным сокращен.

Л. 30 (заставка и инициал): «Летописецъ вкратце Руския земля. Повесть временных лет, откуда нача прозыватися Русская земля.»

В лето 6360 (852) при Михаиле цари Гречестем нача прозыватися Русская земля...»

Следует краткий летописец от начала Русской земли до 1532 г. Этот краткий летописец представляет собой извлечение из какого-то большого свода, очень близкого по своему содержанию повидимому к Воскресенской летописи. В начале летописец содержит сказочное родословие Юрика от Августа (то же, что напечатано в ПСРЛ, VII, стр. 231), под 6621 (1113) г. под заголовком: «и нача Володимир советовати з боляры своими» говорится о получении Мономахом из Царьграда венца.

Первоначально «Летописец вкратце» кончался известием от 30 октября 7041 (1532) г. о рождении кн. Юрия Васильевича. Этим же известием кончается и другой список летописца — Син. № 940. Приняв во внимание, что прибавочные статьи к летописцу указывают на 1530—1540 гг. (приезд к «нашему государю» кн. Ижеславского в 1526 г., конец Литовского родословия Жигимонтом, имя митр. Макария, окончание летописца на 1532 г.) можно считать, что начало царствования Ивана IV является временем составления «Летописца вкратце».

К «Летописцу вкратце» позднее и другим почерком XVI в. были приписаны 3 известия 1553 г.: 7 ноября — Ислам на царство сел, 18 ноября — о приходе из Казани Якова Поплевина, «тое же осени» — о приходе из Крыма казака Кадышова (ср. ПСРЛ, VIII, стр. 281).

Остальная часть рукописи представляет собой летописные заметки (лл. 100—106) за 7042—7082 (1534—1574) гг., напечатанные в т. X «Исторических Записок» (стр. 88—92). Летописные заметки очень краткого характера касаются главным образом внешних и внутренних политических событий. Последняя заметка говорит о смерти кн. Василия Владимировича (сына Владимира Андреевича). Время написания лето-

писных заметок; очень близко к описываемым в них событиям, местом написания предположительно можно считать север Руси (есть указания на Вологду), может быть Кириллов монастырь.

Другой список «Летописца вкратце» имеется в Синод. собрании под № 940.

У Саввы: «№ 939, 4°, полууст., XVI, 106 л. Сначала списки Рус. Великих и Удельных Князей, митрополитов, архиепископов Новгородских, родословная литовских князей, библейское родословие, потом краткий летописец, доведенный до 1574 года».

По описанию Музея: «Сборник летописный, русск., полууст. разн. рук, 4°, 104 л., XVI. Заставки. Инициалы. Вязь. Рукопись заполнялась постепенно, начиная с I четверти века (л. 30 и сл.) и кончая 60—70-ми годами, часть листов осталась неписана».

По старому Син. каталогу: «№ ⁹⁹/₃₅₂. Летописец вкратце князей российских до царя Иоанна Васильевича по 7082-е лето».

У Строева: «Краткий летописец; оканчивается 7082 г., в 4°, XVI в., с л. 30 по 104» (см. на стр. 363, № 16).

8. Летописец вкратце Русской земли (№ 940)

В 8°, на 1 неум. + 191 лл., л. 1 неум., 18—23, 41, 49 об., 65—66 — чистые. Водяные знаки — сфера (у Вг. № 14013—1570 г.) и перчатка (у Вг. № 11031—1544 г.).

Рукопись написана скорописью третьей четв. XVI в. На л. 1 запись XVII в.: «летописчик Волинского», ниже: «летописец Волинских».

По листам запись скорописью XVII в.: «книга летописец Кирилова монастыря что на Белеозере».

Переплет — начала XVII в., в виде портфеля, мягкий.

Содержание:

Л. 1: «от летописца вкратце князи рустии. Первый из ва-рег прииде князь Рюрик...»

Л. 6 об.: «цари ординские». Обе статьи те же, что и в Син. 939.

Л. 7: «начало Муромским князем, а сидели на нем Святослава Черниговского дети и внучата переменяся. Муром и Рязань была за Олгом за Святославичем за Черниговским. В лето 6635 (1127)...»

Л. 10 об.: «начало великим князем Тверским. В лето 6740...»

Л. 23 об.: «от летописца. Рим старее» (то же, что и в Син. 939).

Л. 23 об.: «а се рустии митрополиты» (кончается Филиппом, то же, что и в Син. 939)...

Л. 24 об.: «короли Европския страны» (то же, что и в Син. 939).

Л. 25 об.: «родословие литовского княженья» (то же, что и в Син. 939).

Л. 42: «сказание вкратце сущим от Адама» (то же, что и в Син. 939).

Л. 50: «о туркех, како придоша в Греческую землю» (то же, что напечатано в ПСРЛ, VII, стр. 251).

Л. 51: «в лета Ираклия царя» (то же, что напечатано в ПСРЛ, VII, стр. 252).

Л. 52: Знамение (то же, что напечатано в ПСРЛ, VII, стр. 252—253).

Л. 56: «а се имена все градом руским (то же, что и в Син. 939).

Л. 67: «В лето 7360 (852) при Михаиле цари Гречестем нача прозывать Руская земля...»

Следует краткий летописец того же содержания, что и Син. 939, оканчивается известием 7041 (1532) г. о построении Коломенской церкви «на деревенное дело». В конце летописца известия 7036—7041 (1528—1533) гг. даны в сокращенном по сравнению с Син. 939 виде. Вообще, весь сборник Син. 939 является плохой копией Син. 940,

что доказывается: 1) повторением ошибок Син. 939, 2) тем, что поправки и дополнения, сделанные в Син. 939 на полях, в Син. 940 внесены уже в текст. Добавочные статьи в Син. 940 по сравнению с Син. 939 показывают, что сборник Син. 939 уже в XVI в. был дефектным. Син. 940 был списан с Син. 939 до того, как к краткому летописцу Син. 939 добавлены были известия времени Ивана IV.

У Саввы: «№ 940, 8°, скороп., XVII, 191 лл. Содержит в себе родосл. князей великих и некот. удельных, списки Митрополитов Русских, Королей Литовских, перечень городов Русских, библейское родословие и кратк. летописец, оканчивающийся 1533 годом. Рукопись принадлежала сперва кн. Волинским, потом Кирилло-Белоз. монастырю».

По описанию Музея: «Сборник летописный, 8°, л. 191, русск. скороп. разных рук XVI в. Вязь. Письмо 60—80-х гг. XVI в.».

По старому Син. каталогу: «№ $\frac{338}{10\text{Г и } 51}$. Летописец князей Волинских Кирилова монастыря». Известен был уже Карамзину под названием Летописца князей Волинских.

У Строева: «Кр. л-ц, оканч. 7041 г., 8°, XVI в., 188 лл.» (см. на стр. 363, № 17).

9. Никоновская летопись (№ 962)

В 1°, на 626 листах, с миниатюрами в тексте. Заключает в себе текст летописи с 1535 по 1567 гг. включительно.

Текст летописи использован в вариантах под названием Синодального списка в XIII т. Полного Собрания Русских Летописей. О времени написания рукописи и ее бумажных знаках говорится в труде Н. П. Лихачева — «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» (т. I, глава — «Лицевые летописцы и «Царственная книга», стр. CLIV—CLXXXI).

10. Новгородская 3-я летопись (№ 794)

В 4°, на 202 лл., скорописью разных рук второй половины XVIII в.

О составе летописи и описание рукописи см. в издании Археогр. Комиссии — Новгородские летописи (так назыв. Новгородская вторая и Новгородская третья летописи), предисловие, стр. XVII—XVIII. Син. 794 был принят в вариантах при напечатании Летописца Новгородским церквам божиим (стр. 172—377).

Переплет картонный.

По старому Синод. каталогу: «№ 357, Летописец, писан скорописью».

11. Новгородская 4-я летопись (№ 152)

В 1°, на 426 лл.; впереди 2 листа и позади 1 л., а также л. 415—чистые. Водяной знак — буква Р с раздвоенным концом и розеткой наверху (близок у Вр. № 8643—1530—31 гг.).

Рукопись написана в 2 столбца, полууставным почерком второй четв. XVI в. в 1544 г. На л. 414 почерком рукописи: «А сий летописец писал Катавасья Юрьев сын лето 7052-го» (1544). На лл. 1—4 запись полууставом конца XVI в.: «летописец старца Симона Шубина». На л. 1 нунум. скорописью конца XVIII в.: «из типографской библиотеки книга первая № 347».

На обороте передней корки переплета скорописью начала XVIII в.: «сия книга летописец в среднюю десть Троицкого Сергиева монастыря принята из монастырского приказу иуны в 20 день 1703 году для исправления печатного летописца».

Син. 152 описана и издана в ПСРЛ, IV и во втором издании 1915 г.

По старому Синод. каталогу: «№ 46. Летописец (старца Симона Шубина)». Под этим № известна была Карамзину, отсюда он взял, например, подробности о Липицкой битве (см. ИГР, III, прим. 167 и 169).

У Строева назван Соф. Временником до 6985 года (см. на стр. 361, № 3).

12. Новгородская 5-я летопись или хронографический список Новгородской 4-й летописи (№ 280)

В 1°, на 707 лл., написана полууставом начала XVI в.

Начинается: «Временник, нарицаемый гранесословник, рекше летописания Руския земля».

Кончается: «В лето 7004 (1496)... архиепископ Генадье новгородцкой послал грамоту единосветную достоинству поставления его и егда же совершися божественая служба...»

Хронографический список издан впервые в вариантах до середины 1447 г. и до конца в первом издании Новг. 4-й летописи (ПСРЛ, IV). Вторично в полном виде он переиздается под названием Новг. 5-й летописи в новом издании ПСРЛ, т. IV, часть вторая. Пока вышел еще только выпуск первый (Пгр., 1917).

13. Новгородская летопись (вида летописи Авраамки) и Псковская 2-я летопись (№ 154)

В 1°, на 305 лл.; впереди 3, позади 1 л. — чистые. Без начала. Текст написан в 2 столбца рукою одного писца, полууставом конца XV — нач. XVI в.

На обороте передней корки переплета скорописью XVII в.: «книга летописец Кирилова монастыря»; ниже: «переплет вновь без начала».

На л. 1 чистом, скорописью XVIII в.: «из типографских книга № 3-я».

По лл. скорописью XVII в.: «летописец Кириллова монастыря Белозерского».

Переплет — доски в коже.

С о д е р ж а н и е:

1. Новгородская летопись (типа Супрасльской и летописи Авраамки).

Л. 1. Текст рукописи начинается словами: «лицемерия ради, а без студия ради видими». Далее следует текст краткого хронографа. Собственно летопись начинается с л. 32 об. заглавием:

«Начало Рустей земли. И бысть язык словеньский». Оканчивается летопись под 6954 (1446) гг. словами: «Того же лета в Новегороде хлеб бяше дорог, коробья ржи по полтыне» (см. ПСРЛ, XVI, 190).

Текст Син. 154 во всем близок к изданному в ПСРЛ, но несколько короче. Так, пропущен целый ряд известий. Дополнений к печатному тексту Син. 154 дает очень мало; но в некоторых случаях более исправен. Из дополнений следует отметить: под 6953 (1445) г.: «того же лета Василий Шенькурский и Михайло Яковль, воеводы новгородский, и с ними 3000 муж заволочан поидоша ратью на Югру» (подчеркнутого в ПСРЛ, XVI, стр. 187 — нет).

Как и Летопись Авраамки, Син. 154 начинается хронографом, сохранившимся в более полном и исправном виде, чем в изданном тексте. Но Син. 154 почему-то кончается на 1446 г., тогда как Летопись Авраамки доведена до 1469 г. Синод. 154 был использован в вариантах при издании «Супрасльской рукописи», содержащей Новгородскую и Киевскую сокращенную летописи» (М., 1836).

В этом издании Син. 154 обозначен сокращенно — КНБ. № 154.

Варианты и притом неполно доведены до 1382 г. (кончая Тохтамышевым нашествием). Дальше Син. 154 издатель не пользовался, основываясь на словах летописца на л. 125: «а се з другаго стараго летописца», причем издатель указывает, что после слов «храмины и наполнени всякого добра» 2-й столбец оставлен чистым, а на следующем листе идет выписка из другой рукописи (стр. 159). Это совершенно неверно, так как после чистого столбца идет непосредственное продолжение. Третьим списком так назыв. летописи Авраамки является Супрасльская летопись.

О Син. 154 имеется подробный разбор у А. А. Шахматова: «Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV в. (по поводу книги Н. Каринский. Язык Пскова и его области)». Шахматов доказывает родство Син. 154 и Супрасльской летописи с Летописью Авраамки и указывает, что все эти списки ведут нас к северо-западу Руси (Смоленск, Псков, Супрасль).

Указание на Син. 154 сделано также в предисловии к ПСРЛ, XVI.

Л. 154. Псковская вторая летопись. Начинается: «Начало летописца Псковскаго. Аще хощещи изобрести от начала о творении мира... и иная вся подобная изобрящещи. Токмо начни земсти книгу сию от доски и тако порядку доидещи до начая Руския земля, а начало Руския земли бысть сице. В лето 6362 беаху три браты...»

Псковская вторая летопись издана по этому списку в ПСРЛ, IV.

Л. 223 — отрывок из родословной великих князей московских; начинается сыновьями Даниила, кончается сыновьями Василия Темного; о Симеоне втором сказано: «иже родися в Ковадыеву рать» (напеч. в ПСРЛ, XVI, 308).

Л. 223: «а се кто колко лет княжил» (краткие заметки о князьях и событиях; кончается княжением Дмитрия Ивановича и словами: «Тюрлакове рати без трех 100 лет минуло, коли Володимир взяли»; (см. ПСРЛ, XVI, 308—309).

Л. 224: «а се князи рустии. Сын Володимиров Мономах, правнук великого князя Володимира». Краткая летопись, сохраняющая легендарные черты, относящиеся преимущественно к городу Владимиру, напечатанная в ПСРЛ (XVI, стр. 309—312).

Л. 226 об.: «а се по святемь крещении о княжении Киевстем». Начинается краткая летопись от Владимира Святого до Ростислава Мстиславича, напечатана в ПСРЛ, XVI, стр. 313—315.

Л. 227: «а се рустии митрополити»; кончается словами: «Фотии, Герасимь»; напечатана в ПСРЛ, стр. 315.

Л. 227 об.: «Новгородский епископи». Кончалось Ионой, но добавлено несколько иным почерком на полях: «Феофил» и далее в тексте: «его же сведе с святительства на Москву князь великий Иоан Васильевич. И потом присла своего епископа Сергия». Напечатано в ПСРЛ, XVI, 315—318, но в печатном тексте кончается погребением Симеона.

Л. 229: «а се князи Великого Новагорода». Кончается Василием Темным.

Л. 232: «Повесть о храбрости Александра, царя Макидонскаго» (Александрия).

Л. 305 об. (почерком XVI в.) — богородичные стихиры.

Все добавочные статьи, Летопись Авраамки и Псковская Вторая летопись являются органическим целым. На это указывают начальные слова Псковской летописи (см. выше, л. 154) о творении мира. Рукопись, как и Летопись Авраамки, начинается Хронографом. Интересна связь Син. 154 (несомненно, памятника Псковского) с Владимиром Суздальским, к которому, несомненно, относится ряд прибавочных статей, в особенности легендарная (л. 224): «а се князи рустии». Ле-

гендарные сведения подобного же характера владимирского происхождения встречаем и во Владимирском летописце (Син. 793).

У Саввы: «№ 154. Новгородская до 1446 г. и Псковская до 1660 (1), л. полууст. XV—XVI, 302 л. В начале и в конце выписки из Хронóграфов, списки великих князей и новгор. архиепископов и митрополитов и повесть об Александре Македонском».

По старому Син. каталогу: «52, Летописец, без начала и конца».

У Карамзина: Псковская Синод. Летопись XV и XVI в., под № 349.

14. Типографская летопись (№ 789)

В 4°, на 340 лл., полуустановом первой половины XVI в.

Начинается: «По потопе три сынове Ноеви разделиша себе землю...»

Основной текст кончается: «В лето 7000 десятого (1502) ... а то непогоды стояло до Николина дни и потом замерзло и снег пал».

Продолжение текста за 7011—7035 (1503—1527) гг. кончается известием: «лета 7035 (1527) ... и царевич Исламов побежал со всеми татары за Дон, а великого князя воеводы ходили за ними до Дону...»

Описана и издана в Полн. Собр. Лет., XXIV — Типографская летопись.

По старому Синод. каталогу: «№ 111 Летописец Кириллова монастыря». Известна была под этим № Карамзину (см., например, И.Г.Р., II, прим. 238).

У Строева упоминается на стр. 363, № 13.

15. Уваровская летопись (№ 645)

В 1°, на 439 лл. + 10 чистых листов в конце. Водяной знак — рука с короной наверху и буквами I. В. внизу (у Вг. № 11062, относится к 1540 и 1545 гг.).

Основной текст летописи (лл. 3—427) написан одним полуустановым почерком половины XVI в. Добавления к летописцу — разными почерками XVI—XVII вв.

На л. 1 нenum. почерком конца XVIII в.: «из типографских книга 2-я». Ниже на том же листе почерком начала XIX в.: «летописец Троицкого Сергиева монастыря».

На л. 1а скорописью начала XVIII в.: «сия книга летописец в малую дeсть Троицкого Сергиева монастыря принята из монастырского приказу июня в 20 день 1703-го году для исправления печатного летописца». Ниже почерком того же времени: «Семена Киселева».

С о д е р ж а н и е:

I. Л. 3: «судить владычню наместнику, аще попь или дьякон». Отрывок из Псковской Судной грамоты, известный уже Карамзину. Фототипически воспроизведен в издании Археогр. Комиссии. «Псковская Судная грамота», (см. стр. 24—25 и в предисловии, стр. VII—VIII).

Л. 4 об.: «В Руси престоли епископьям, елико их суть...» Следует перечисление епископий, списки митрополитов (последний — Симон), новгородских архиепископов и епископов (последний — Геннадий), ростовских (последний — Тихон Малышкин), суздальских (последний — Нифонт), коломенских (последний — Никон), тверских (последний — Васьян), рязанских (последний — Протасий), сарских (последний — Трифон), пермских (последний — Никон), черниговских (последний — Исакий), переяславских (последний — Симон), смоленских (последний — Мисаил), владимирских (последний — Герасим).

Л. 7 — счет цифр от 1 до леодора.. «а болши того нет».

Л. 7 об.: «от слова, иже на Воздвижение честнаго креста Господня и временик Еллинских царей» (Хруса Уединенного).

Л. 31 об.: «правило о церковном строении в церкви же с благобытностью ходити всегда».

Л. 38: «притча от еуангелиа. Рече Господь...»

Л. 38 об.: — от летописца. «Рим старее Византиа...»

Л. 38 об. — «рече Господь не вста в роженных женами...»

Л. 39: «Повесть Афродияна Персянина сказавшиася от Филиппа прозвитера сиггела бывша великаго Иоанна Златоустаго о Рождестве Христове и о звезде и поклонении волхв, иже от Персиды».

Л. 46: «а се имена всем градом руским и далным и ближним».

Л. 49: «а се рустей митрополиты».

Л. 50: «а се новгородские епископы».

Л. 50: «а се архиепископы».

Л. 51 об.: «а се посадници новгородстии».

Л. 53: «а се тысяцкие новгородские».

Л. 54 об.: «а сие архимандриты новгородстии».

Л. 55: «от летописца вкратци князи рустии. Первый прииде из ва-ряг Рюрик».

Л. 56 об.: «от летописца памяти ради. От Адама до потопа».

Л. 57: «цари ардинские».

Л. 58: «короли Европския страны».

Л. 57 об.: «временник впросте от различных гронограф же и ска-затель. Собранно ж и сложено Георгием грешным мнихом».

Л. 59: «начало о вре[ме]нных книгах Георгия мниха. Возбранение от правых словес».

Л. 62 об.: «царство вавилонское».

Л. 63 об.: «начало римским царем».

Л. 66 об.: «временик християнский цесарев».

Л. 70: «летописец Руский. От 72 и дву язык бысть словенский язык от племени Афетова, нарицаеми иноверци». Следует летописец, оканчивающийся 1518 годом.

Текст Уваровского летописца, вместе со всеми прибавочными статьями, начиная со статьи «от слова иже на Воздвижение» (на л. 7 об.) до известия 1518 г. о приходе афонских старцев, совершенно сходен с рукописью Уваровского собрания № 188 (у Леонида № 1385). Представляя собой громадный летописный свод, Увар. № 188 была уже использована для вариантов, а частично и напечатана в ПСРЛ (тт. XXIII и XVIII).

Как известно, по своему содержанию Уваровская летопись может быть разделена на 4 части. В 1-й части, от начала и кончая известием 6925 (1417) о смерти Ивана Васильевича, она дает текст, очень близкий к Ермолинской летописи (ПСРЛ, XXIII, стр. 1—145); 2-я часть дает за 6926—6984 (1418—1476) текст, близкий к Симеоновской (см. ПСРЛ, XVIII, стр. 163—254); 3-я часть, за 6985—6999 (1477—1491), дает текст особого состава, но сходный с другими летописями; наконец, 4-я часть имеет общее содержание с так называемой Софийской 2-й летописью. Син. 645 дает текст в основном однородный с Увар. № 188. Но Увар. 188 сохранился не полностью, не хватает первых листов в начале и в середине. Был ли и в Увар. 188 текст отрывка Псковской Судной грамоты, как в Син. 645, сказать мы не можем. Как и в Увар. 188, основной летописный текст в Син. 645 кончается известием 1518 г., но далее следует приписка тем же почерком: «В лето 7052 (1544) апреля в 24 день на память святого мученика Савы Стратилата преставися княгиня Александра Вяземская в черницах и в скиме и положена бысть у Олексея человека Божия в Девиче монастыре на Москве, а роду она Оболенских князей».

После этого следует отрывок (лл. 423—427) за 7041 (1533) год с

известиями о смерти вел. кн. Василия Ивановича, о поимании кн. Юрия Ивановича и далее с подробным рассказом о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого в 7045 (1537) г., оставшимся недоконченным. Отдельные части этого необыкновенно яркого рассказа приведены у Карамзина, в целом он издан в т. X «Исторических Записок», стр. 84—87.

Рассказ о поимании Андрея Ивановича носит характер особой повести (ср. начало: «О князе Ондреи Ивановичи, егда бысть гоним гневом Божиим грех ради наших»), написанной несомненно современником, сочувствовавшим кн. Андрею, может быть близким к Оболенским (см. приписку), о которых не раз говорится в отрывке. Таким образом, приняв во внимание, что рукопись написана почерком половины XVI в. и что приписка 7052 (1544) г. написана также почерком рукописи, можно считать твердо установленным, что Син. 645 написана примерно между 1544 и 1550 гг., причем общий протограф Син. 645 и Увар. 188, не имея приписок 7052 (1544), 7041 (1533) и 7045 (1537) гг., как в Син. 645, кончался известием 1518 г.

Доказательством этому служит и то, что последнее известие Увар. 188 о приходе афонских старцев написано в виде нескольких строк, сужающихся книзу в виде уголка, что надо рассматривать как желание переписчика дать концовку летописи.

Таким образом протограф Ув. 188 и Син. 645 должен восходить к более раннему времени (Ув. 188 писан почерком 2-й четверти XVI в.), вероятнее всего к концу первой четверти XVI в.

Ув. 188 не имеет в начале 12 листов, текст начинается со слова на Воздвижение Хруса Уединенного (с л. 7 об. по Син. 645). Но можно предполагать, что начало Увар. 188 было сходно с Син. 645. Такое предположение, в свою очередь, позволяет сделать некоторый вывод о происхождении статей, сопровождающих начало Уваровской летописи. Прежде всего трудно сомневаться в тесной связи отрывка Псковской Судной грамоты с последующими статьями. Между тем все имена епископов, помещенные в списках Син. 645 (лл. 4 об. — 6 об.) ведут нас к определенному времени — концу XV и нач. XVI вв. Наиболее ранним временем составления этих списков можно считать май 1502 г. (время посвящения последнего пермского епископа, указанного в списках, — Никона) и самым поздним — июнь 1504 г. (время отречения Геннадия, последнего новгородского архиепископа, указанного в списках). Таким образом время составления списков, а следовательно и отрывка Псковской Судной Грамоты, можно отнести к 1502—1504 гг. Такой вывод несколько не противоречит окончанию Уваровской летописи на 1518 годе, так как летопись составлена была, несомненно, не одновременно. Напомним здесь, что третья часть летописи кончается на 1491 годе. Очень может быть, что первоначально свод и кончался на этом годе. К началу XVI в. следует отнести, как мы видим, составление списков епископов и, очень возможно, переписку в общий летописный сборник отрывка или, может быть, полного текста Псковской Судной Грамоты. Позже текст летописи был подвергнут добавлениям и доведен до 1518 г. Временем этих добавлений можно условно принять конец первой четверти XVI в.

Таким образом составление Уваровской летописи в дошедшей до нас редакции с полным основанием можно относить к концу первой четверти XVI в. и самое позднее — ко второй четверти того же века, но не позднее 1544 г., к которому относится приписка о смерти кн. Вяземской. При внесении добавлений текст Псковской Судной грамоты (Псков к этому времени потерял уже свою самостоятельность) был отброшен, за исключением конца, который писец мог связать с позднейшими статьями об епископских кафедрах, отчего и отрывок Суд-

ной грамоты в Син. 645 получил странное начало («Судить владычню наместнику»), причем писец отметил это начало большим красным инициалом, так же, как делается при начале новых статей.

II. К основному тексту Уваровской летописи в XVI—XVII вв. были сделаны добавления:

Л. 16 (скоропись XVII в.): «наречение благоверного государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича».

Л. 2 (беглым полууставом XVII в.) — заметки о смерти инокини Марфы Ивановны 1631 г., патриарха Филарета 1634 г., патриарха Иоасафа 1641 г.

Л. 427 об. (разными скорописными почерками конца XVI и начала XVII вв.) — заметки о построении церквей в Троицкой Серг. Лавре, пожеловании в монастырь деревень и пр.

Л. 431 об. (беглым полууставом XVI в.): «Лета 7069 (1561) Троицкой Сергиева монастыря келарь Андреян Аггиллов написал челобитную» (к царю Ивану IV, без окончания).

Л. 433 (тем же почерком) — заметка о поставлении игумена Троицкого Еульфериа в архимандриты.

Л. 434 (скорописью конца XVI или начала XVII в.): «написание чесо ради Великого Новаграда архиепископи на главах своих носят белыя клубуки».

Л. 437 (с конца листа, скорописными почерками) — заметки о постройках в Троице-Сергиевом монастыре в первую половину XVII в. (напечатаны, см. в библиографии).

У Саввы: «№ 645, л., полууст., XVI в., л. 71—340. Доведен до 1537 г. до л. 70-го, Псковская судная грамота, повесть Афродитиана Персиянина о Рождестве Христове, имена градов Русских, роспись Новгородских архиереев и другие мелкие статьи».

По описанию Музея: «Сборник летописный по преимуществу, 1^о, лл. 439, XVI + XVII, русск., полууст. и скороп. разных рук. Основной текст — письмо второй четверти XVI в., добавления скорописью и полууставом XVI и перв. полов. XVII в.».

По старому Син. каталогу: «№ (не отмечен, но сделана приписка на полях карандашом — 348. — А. Э.). Под этим же номером известен и Карамзину.

Описание Син. 645 дано А. Бычковым в «Летописях занятий Археогр. Комиссии», III, Приложения, «Краткий летописец Святотроицкия Сергиевы Лавры», стр. 18—20, там же на стр. 20—26 изданы приписки, относящиеся к Троицко-Сергиеву монастырю.

У Строева: «Л-ц общий русский до 7045 г., в малый лист, с л. 70-го по 419-й».

16. Сборник (первый) отдельных рукописей летописного содержания (№ 963)

В 4^о, на 542 лл.; последние листы 539—542 — чистые, кроме того, много чистых листов в середине.

Рукописи написаны разными почерками XVI—XVIII вв.

На л. 1 скорописью второй половины XVIII в.: «Книга 1 в 3-х томах или нумерах. О древностях российского государства, в ней тринадцать пунктов». Тем же почерком сделаны и оглавления рукописей. Составлена из 5 отдельных рукописей, описание которых следует отдельно.

Переплет — картон с кожаным корешком.

С о д е р ж а н и е:

I. Скорописью начала XVII в. Водяной знак — ворота замка. На л. 94 об. — 95 текст приписан позднее скорописью второй половины XVIII в.

Л. 3 — конец повести о Царьграде.

Л. 3 об.: «о святей церкви Софьи премудрости Божья иже в Великом Новеграде, како сотворенна» (известное предание о руке Спаса в куполе).

Л. 4: «преподобнаго отца нашего Ивана Дамаскина о яице ж на Велик день».

Л. 5 об.: «родство великих князей великия Руси по коленом княженья их» (доведено до детей Ивана IV — Ивана и Федора, далее род ростовских, тверских, белозерских, смоленских, ярославских, суздальских князей — очень близко к напечатанному в ПСРЛ, XXIII, стр. 167—168).

Л. 8 об.: «сказание о великих князех киевских и владимирских и московских всеа Росии по коленом княженья их, откуда и како бысть».

Начало: «Бысть убо некий воевода новгородцкий именем Гостомысл...»

Летописные сведения в сокращении, а отчасти и в переделке; известия начала XVI в. даны в более полном виде и близки к Русскому Временнику; последнее известие 7032 (1524) о походе на Казань.

Л. 68 об.: «Князь велики Василей Иванович всеа Руси помысли ехати в свою отчину на Волок на Ламский на осень тешитись...»

Повесть о смерти вел. князя Василия Ивановича, то же, что и в ПСРЛ, VI, Соф. 2-я. Но следующего конца повести в печатном тексте (см. стр. 276) нет; после слов: «князь Михайло Львович Глинской» в Син. 963 следует: «князь Иван Федорович Овчина. Боярыни ж тогда бысть с великою княгиней: Настасья, племянница великово князя, да княж Иванова Даниловича Пенькова княгини Марья, да боярыни Иванова жена Ондреевича Олена, да Василья Ондреевича жена Огрофена, да Михаила Юрьевича жена Федосья, да Василья Ивановича жена Огрофена, да княж Васильева жена Львовича Анна».

Л. 94 об. (приписано позднее почерком XVIII в.): «списано из гранаграфа. Лета 7085-го» (1577).

О предсказании цесаря Максимильяна кн. Сугорскому о смуте.

Л. 96 (первым почерком) — мелкие летописные заметки 7093—94 (1585—86) и 7062 (1554) гг.

Л. 98: «В лето 7080-го (1572) июля в 26 день приходил Крымской царь со многими людми...»

Издано С. К. Шамбинаго: «Песни времени царя Ивана Грозного»; заглавие к повести приписано позднее, скорописью начала XIX в.. «повесть о бою воевод московских с неверным ханом».

Л. 101 — летописные заметки за 7091—7092 (1583—1584) гг.

II. Скорописью первой половины XVIII в.

Л. 105: «летописец Московской», от сотворения мира, выписано из старых летописцев». (Краткие заметки от Адама до известия 7028 (1519) г., 30 сентября, о знамении на небесах, после чего сказано: «коонец сему писму»).

III. Скорописью начала XVIII в. В рукописи, с которой списан был текст, листы были перепутаны, на что писец не обратил внимания, поэтому текст и в нашей рукописи перепутан. Таким образом окончание статьи о взятии Москвы, после л. 122, следует искать на л. 123, а о смерти Феодосия см. на л. 122.

Л. 115: «слово о Московском взятии от царя Тахтамышша».

Л. 124 об.: «сказание о Печерском монастыри».

Л. 128 об.: «о преставлении Феодосия Печерскаго...»

Л. 133 об.: «Философа Панагиота прение с латинским философом Азимитом о подстригании браны».

IV. Беглым полууставом второй половины XVI в.

Л. 138: «летописец Московский. В лето 6370 (862) нача княжити Рюрик в Новгороде».

Краткий летописец, более полный только с XIV в. Летописец этот интересен близостью по известиям XV в. к Ермолинской летописи; оканчивается он известием 14 июня 7008 (1500) г. о боях на Литовском рубеже, далее идут две приписки тем же почерком, но другими чернилами 7023 (1515) и 7038 (1530) гг.

V. Скорописью последней четверти XVII в.

Л. 197: «Предисловие времяннику сииреч летописцу рускому».

Счет степеням царей и митрополитов.

Л. 202: «Времянник русский от великаго князя Рюрика Варяжска по степенем».

Следует пространный летописец по степеням с указанием годов позднего состава, с известиями, близкими к Степенной книге. Кончается летописец известием 6 января 7106 (1598) г. о смерти царя Федора Ивановича.

О происхождении сборников Син. 963, 964, 965 имеем сведения, занесенные на листок, прикрепленный к оборотной корке переплета Син. 963: «Этот и два следующие (по инвентарю Син. библ. № 964 и 965) сборника поступили от Н. М. Карамзина, взамен каких-то других, взятых им для использования. До того они принадлежали в XVIII/XIX в. сначала ученому монаху Никодиму Селлию, затем, по его завещанию, библиотеке Александро-Невской лавры. См. подпись по листам 3—12 рук. № 963 втор. полов. XVIII в. (автограф Селлия?). Сведения о трех упомянутых сборниках получены Н. П. Поповым из Архива Синодального ризничаго, в здании быв. Патриаршего двора. 7-XII-1925 г. А. Седельников».

Запись на л. 3—12 рук. № 963: «из книг монаха Никодима Селлия по завещанию его отдана в Александро-Невскую библиотеку».

17. Сборник (второй) отдельных рукописей летописного содержания (№ 964)

В 4°, на 521 лл. Сборник составлен из 11 рукописей, писанных разными почерками XVII—XVIII вв. Описание рукописей дается отдельно.

На л. 1 скорописью второй половины XVIII в.: «книга I-я о древностях российского государства, том 2, в нем 11 пунктов».

Переплет — картон в кожаном корешке.

С о д е р ж а н и е:

1. Скорописью последней четверти XVII в. Водяной знак — щит и герб Амстердама; между лл. 8 и 9 пропущен 1 лист.

Л. 3 — Летописец от создания мира.

Начинается: «В лето от создания света 2244-го во второе лето по потопе».

Вначале следует сказочный рассказ о Словене и Русе, изданный по этой рукописи и другим у Гилярова, — Предания начальной летописи (М., 1878 г., стр. 15—23); такой же текст издан и в «Изборнике» А. Попова (М., 1869, стр. 442—447). Рассказ этот оканчивается на л. 13 об., л. 14 оставлен чистым, продолжение летописца той же рукой начинается с половины л. 14 об. («В лето 5555 по Клавдие царства сына его Нерон»), и следуют заметки о римских и византийских царях. С л. 45 об. идет русский летописец, начинающийся словами: «зачало руских князей, отчево зачалось руское княжение» и кончаю-

щийся известием о венчании на царство царя Алексея Михайловича 28 сентября 7154 (1645) г. (л. 112 об.).

Несомненно, в этом летописце имеем механическое соединение двух памятников: 1) рассказа о Слове и Русе, 2) летописца о римских, византийских и русских царях. Вторая часть летописца (с л. 14 об.) целиком соответствует Летописцу XVII в. Ленингр. Публ. Биб-ки (у Бычкова, Q. Б. о. XVII, № 72, из библ. гр. Ф. А. Толстого, № 282, отд. II). В этом летописце (л. 240 и далее) он называется так: «летописец написан от Рожества Христова о царех жидовских и греческих и русских» и т. д. В летописце Публ. Биб-ки текст кончается 7168 (1660) годом — известием о рождении царевича Алексея Алексеевича.

Летописец этот описан, и наиболее характерные места его, соответствующие тексту Син. 964, изданы М. Халанским в «Экскурсах в область древних рукописей и старопечатных изданий» в Трудах Харьк. Предварит. Комитета по устройству XII Археол. съезда, Харьков, 1902 г., стр. 410—422.

Баснословный характер летописца приближает его к так назыв. Иоакимовской летописи. Такой летописец может быть назван «Летописцем о царех». В нашем летописце начало заменено историей о Слове и Русе, и вся часть до Клавдия опущена.

II. Скорописью половины XVII в. Водяной знак — одноглавый орел.

Л. 115: «Начало руским князем великим и всех князей русских, летописец, пишется от Рюрика». Следует краткое родословие.

Л. 121 об.: «О благочестивых государех великих российских самодержцех. Откуда корень их изыде и от летописца вкратце, яже в лета державы их содеяшася».

Выдержка с некоторыми добавлениями и переделками из сказания о князьях Владимирских, ср. у И. Н. Жданова. Русский былевой эпос, стр. 588—596.

Л. 128: «О зачале царствующаго великаго града Москвы, како исперва зачася».

Вся убо христианская царства в конец приидоша».

Тот же текст, что издан у Забелина в Истории Москвы. Далее следует краткий летописец до Ивана Даниловича и краткие заметки.

III. Скорописью половины XVII в.

Л. 141: «Лета 6789-го (1280) месяца октября в 29 день по Володимере же князе...»

Сказание о начале Москвы. По другой рукописи издано во Временнике О-ва Ист. и Др. Росс., т. XI, смесь, стр. 25—27. В напечатанном тексте нет конца сказания, где говорится о Петре митрополите. В рукописи Син. 964 этот конец имеется. Кроме того, сказание в Син. 964 имеет любопытные варианты к тексту.

IV. Скорописью конца XVII в.

Л. 161: «Книга, именуемая история еллиногрецкая и грекословенская в память предбудущим родом от кого и в кая лета зачася наша словеноруская земля и кто в ней первый начат княжити».

Нынешнаго 192-го (т. е. 1684) августа дня 6-го».

Л. 161: «О зачале Российския земли и великаго Словента еже есть ныне именуется Великий Новъград...»

Текст сходен со списком Син. 964, л. 3 (см. выше), но продолжен до убийства Игоря. На л. 260 об. говорится: «Божиею помощию изыскашася сия историчества и леты расположена быша паче первых и предварших нас описателей смиреннейшим иерокеньсимиром троицким моложским, покровским рвовским, царьским кафолицким, Каменевичем, жительствующим во Углече Польстве, на юстии Мологи, в монастыри свягом Холопи, безсмертия тезоименитом, тако именуемом». Это запись

так назыв. Каменевича-Рвовского. Каменевичем он называет прилагательное же Рвовский относится к слову «покровским», т. е. обозначает «Покров на Рву», а не фамилию Рвовский. Настырь «бессмертия тезоименитый» — Афанасьевский монастырь в логе.

V. Скорописью конца XVII в. двух рук (второй почерк с л. 221): между лл. 217 и 218 и лл. 210—211 пропуск нескольких листов, кроме того, писец или составитель не кончал некоторых статей и оставлял пустые места и листы в тексте.

Л. 185: «Летописец вкратце колена российских людей». Начинается: «Летописец вкратце о Российстей земли, от которого колена российские и словенские люди и почему именуется Россия и славяне и о создании Великого Новаграда и откуда влечашася род словенских князей. Начнем же зде от Адама, еже есть се...»

Летописец начинается легендарным рассказом (с некоторыми отличиями) о Словене и Русе, далее погодный летописец легендарного характера, со многими деталями о смерти святых и подробностями о царской утвари. Кончается летописец известием 7158 г. 2 октября (!) о смерти царевича Дмитрия Алексеевича; заключает в себе интересную похвалу Василию III, Ивану IV и царице Анастасии.

VI. Скорописью второй половины XVIII в.

Л. 259: «Начинаема повесть о Мамаеве побоищи...»

Начало: «Хощем братие начати и поведати новыя победы...»

Л. 295: «Список з грамоты царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, которая писана ево рукою» (7070 г., т. е. 1562 г. 4 мая).

VII. Скорописью первой половины XVIII в.

Л. 301: «Повесть сказанная временных лет, откуда есть пошла Руская земля и кто в ней начат первые княжити...»

Вначале следуют выдержки из Повести Временных Лет, далее краткий летописец с различными легендарными подробностями, кончается известием 7114 (1606) г., о поставлении на патриаршество Гермогена.

VIII. Скорописью двух рук (второй почерк с л. 361 об. и до конца) последней четверти XVII в., в 8°.

Л. 343: «Выпись из рускаго летописца вкратце во времена и лета Олгова княжения князя рускаго, иже княжи в Великом Новеграде...»

Вначале идет легендарное сказание о Кие и его братьях-разбойниках в Новгороде, потом легендарное известие об Аскольде и Дире и их убиении, далее краткий летописец, по содержанию сходный с летописцем Син. 964, л. 3, но короче, который кончается известием 26 октября 7157 (1648) г. о рождении царевича Дмитрия Алексеевича. На л. 342 перед летописцем: «выпись из рускаго летописца вкратце». Ниже: «сия летописныя тетради иеродиакона Тимофея Петрова москвитина, выписал властною рукою». На л. 339 об. тем же почерком: «писал диакон Тимофей Петров».

IX. Скорописью первой половины XVII в.

Л. 384 — Краткий летописец, без начала и без конца. Начинается родословием от Адама (со слов: «умре, Енос же бысть лет 187»), далее следует краткий счет событий всемирной истории. Русские события начинаются с Владимира Святого, далее краткий русский летописец, довольно любопытный для XV в., заключающий в себе также краткие жития Андрея Боголюбского и Федора Ярославского, кончающийся известием 6980 (1472) г. о перенесении мощей митр. Петра и Ионы. В конце летописца скорописью конца XVII в. приписано: «В лета 7091 месяца февраля в 16 день продал сию книгу летописец Поярок Карпов сын Арзамаской диячек воложенину Якову Суйскому Спаского

а подписал своею рукою». Дата ошибочная; повидимому, г. 7191 (1683) г.

Скорописью разных рук второй половины XVII в.

434 — Краткий летописец, начинающийся от создания мира. Далее следует «Летописец вкратце колена российских людей», близкий к Син. 964, л. 185, но сокращенный. С царствования Бориса Годунова летописец становится более полным и имеет значительные отличия от Син., л. 185. Кончается он также известием 2 окт. 7158 (1649) г. о смерти царевича Дмитрия Алексеевича.

XI. Скорописью конца XVII в.

18. Сборник (третий) отдельных рукописей, преимущественно летописного содержания (№ 965)

В 4°, на 401 лл. разных рук и разного времени XVII и XVIII вв.

На л. 2 чистом впереди книги скорописью второй полов. XVIII в.: «Книга 1-я. О древностях Российского государства. Том 3. В нем 6 пунктов». Тем же почерком сделаны и оглавления перед каждой рукописью.

С о д е р ж а н и е:

I. Скорописью первой половины XVII в.

Л. 1 — Краткий летописец. Начинается рассказом об убиении Аскольда и Дира. Далее идут большей частью краткие выписки из летописи, кончающиеся известием 6980 (1472) г. о взятии Алексина. После этого (с л. 54) тем же почерком начинается краткий летописец от Адама до потопа и далее краткие заметки из русской истории, кончающиеся известием о смерти Ивана III Васильевича, после чего следует несколько выдержек из летописных событий XIV в. Вся последняя часть летописца (с л. 54) перепутана, хронологические даты выставлены неверно. Что же касается первой части летописца (л. 1—53 об.), то она стоит в близком родстве с так назыв. Архангелогородским летописцем. Впрочем, имея общие статьи, Архангелогородская летопись и краткий Син. летописец имеют и статьи несходного содержания. Вообще текст Архангелогородского летописца не может быть выведен из краткого летописца Син. 965 и обратно. Надо предполагать существование для них одного общего источника, более полного.

Из более любопытных заметок можно отметить странное известие (л. 13 об.) 6855 (1347) г.: «Тое же зимы князь Семен ослеплен княгиною своею Еупраксиею».

II. Скорописью половины XVII в.

Л. 64 — Архангелогородский летописец.

Начинается с известия 6420 (912) г. об осаде града Пересечена, дальше идет текст, во всем сходный с печатным Архангелогородским («Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360 (852) до 7106 (1598) года». М., 1781, 194 стр. + 2). Не сходится только несколько конец (в списке Син. 965 1 лист в конце утерян). После известия 7070 (1562) г. о взятии Полоцка в Син. 965 прямо говорится о пожаре на Москве, без обозначения года, после чего следует о кончине царя Федора Ивановича.

III. Скорописью второй половины XVII в.

Л. 201 — Летописец вкратце Никифора патриарха с русскими статьями. Русские события начинаются с л. 205 (известие о смерти Олега). Вначале довольно подробно даются события начальной русской истории, изложенные со многими легендарными подробностями, близкими

к Никоновской летописи (о митр. Михаиле, книжных уч. Владимире, о богатырях и пр.). Летописец кончается 701^ю известием о смерти митр. Симона, обрываясь на полуслове.

IV. Скорописью конца XVIII в.

Л. 259: «Выпись ис книги истории новгородския о князе Рюри всеа России».

Выписки из Степенной книги (о Рюрике, о грамоте росстен, о преложении книг).

Л. 263 (скорописью первой половины XVIII в., тотчас после предыдущей статьи): «Православно кафолическия святыя восточныя церкви пастырем слвесных христовых овец сушим о расколническом противном святей церкви безумном их мудровании изъявление».

Л. 265 об. (тем же почерком): «В оде богозданный, первозданный, гунский» и т. д.

V. Скорописью второй половины XVIII века.

Л. 269: «О войне Олгове на Царьград».

Выписки из летописи, повидимому из Соф. 1-й, о войнах Олега и Игоря.

VI. Скорописью половины XVII в.

Л. 287: «От начала велие Росее Руские земли дерьжство прежних государей наших великие Росея».

Родословная книга.

19. Сборник с летописными статьями (№ 394)

В 4^о, на 81 лл., полууставом 70—80-х гг. XVII в. Принадлежал справщику нерею Никифору Семенову.

Переплет — картон в коже.

Л. 29 об.: «От летописца о славенском языке и о русском».

Выписки из начальной летописи, но в обновленном и переделанном виде.

Л. 36: «Начало руским князем».

Каталог князей и царей от Рюрика до Алексея Михайловича.

20. Сборник с летописными статьями (№ 415)

В 4^о, на 377 лл., XVII в., русский полуустав и скоропись разных рук. По листам скорописью XVII в.: «сия книга, глаголемая житие преподобнаго отца нашего Паисия священного и великого живоначальные Троицы Сергиева монастыря соборново старца Тихона Казанца и в котором монастыре или у прихоцкие церкви сия книга дана будет вкладом и за сию книгу того монастыря надо поминать».

На лл. 299—314 об. помещен краткий летописец от Рюрика и до известия 7109 (1601) г. о голоде, краткие выборки из летописей с легендарным рассказом о царских регалиях, в конце интересные заметки о построении городов в Поволжье в конце XVI—начале XVII в. Судя по характеру этих заметок, они современны событиям и, быть может, записаны самим владельцем книги Тихоном Казанцем. Заметки с 1569 г. напечатаны в т. X «Исторических Записок», стр. 93—94.

21. Сборник с летописными статьями (№ 466)

В 4^о, на 363 лл., бегл. полууст. второй половины XVI в. — третья четверть века (по описанию Музея А. Д. Седельникова).

Переплет — картон в коже.

Содержание:

2: «Подобаает ведати о епископии, иже подлежат митрополиту рускому и всея Руси, како имать чины и престолы епископийам». Перечисление 14 епископий, последней названа пермская. Л. 352: «Подобаает ведати, колико было великих князей». Перечисление князей от Рюрика и кончая Иваном III Васильевичем. Л. 352 об.: «От летописца число от Адама и доньне». Летописные записи с 6496 (888) г. (крещение Владимира). Далее: 6745 (1237) г. — нашествие Батая; 6885 (1377) г. — бой на Пьяне, 6886 (1378) г. — бой на Воже, 6888 (1380) г. — Донское побоище, 6890 (1382) г. — взятие Москвы Тохтамышем, 6917 (1409) г. — нахождение Едигея, 6947 (1439) — нахождение Мамотьяка, 6957 (1449) — бой Василия Темного с Мамотьяком и пожар в Москве, 6959 (1451) г. — приход татар под Москву. Краткий летописец был составлен повидимому в первые годы княжения Ивана III.

22. Сборник с летописными статьями (№ 792)

В 4°, на 130 л. (по описанию Музея — 129), полууставом третьей четверти XVI в. По листам 1—7 помета скорописью (современной рукописи, может быть конца XVI в.) — «летописець аркадевской, в нем же царское поставление, Кирилова монастыря».

Содержание:

Л. 1: «зри летописчик вкратце от Адама до потопа». Кончается словами: «а от преложенья книг до крещения рускаго лет 123, а от крещенья до конца седмыа тысяща лет 504». Далее следуют статьи: л. 2 — сказание о владимирских князьях; л. 10 — чин и поставление на великое княжество, л. 43 — список с грамоты митр. Алексея, л. 47 — ханские ярлыки; л. 54 — повесть о начале Царьграда; л. 61 — сказание о св. Софии; л. 82 об. — о взятии Царьграда; л. 123 — о царе Казарине; л. 126 — словцо к имеющим 3-жды аллилуйя).

Л. 130 — отрывок краткого летописца за 6174—6732 гг., т. е. 1166—1224 гг. (начинается словами о том, что Андрей Боголюбский сел на столе в Суздале, кончается убиением Георгия Всеволодовича в битве на Сити).

23. Сборник грамот и писем с летописными статьями (№ 488)

В 4°, на 3 нenum. + 309 лл. + 5 нenum. лл. Рукопись написана четкой скорописью половины XVII в. (от 1650—60-х гг.).

На л. 1 плохой скорописью XVII в.: «выписи о посольских делах и списки грамоток (выше строки приписано: «каковы писаны») к великим и честным людям и каковы отколь писаны к Тренкину сиротству».

Переплет XVII в. — доски в коже. На передней корке переплета ярлык скорописью XVII в.: «книга о посольских делех или о державе великих государей Московских».

Сборник описан, и часть его содержания напечатана во Временнике Общ. Ист. и Древн. Росс. (кн. 9, смесь, стр. 1—29) А. Н. Поповым. По старой нумерации он назван им Синод. библиотеки № 307 $\frac{12}{367}$ в 4°, писан скороп. XVII в., на 309 с белыми листах.

С л. 150 в рукописи идет переписка дьяка Третьяка Васильева. Повидимому, этому дьяку (см. выше запись Треньки, т. е. Третьяка,

на л. 1) принадлежала и сама рукопись. Среди других статей в сборнике Син. 488 есть и статьи летописного характера:

Л. 2: «летопись о державе великих государей московских и всея Росии».

Краткие заметки, кончая л. 8, от взятия Казани до венчания на царство Алексея Михайловича 28 сентября 154 (1645) г.

24. Космография и Книга откуда произыде корень великих государей (№ 126)

В 1°, на 203 лл. второй половины XVII в., русская скоропись разных рук. Письмо последней четверти века (времени царя Федора Алексеевича). Орнамент: л. 1 — заставка поздне-московского стиля (старопечатный, осложненный элементами барокко). Космография украшена 12 живописными в красках изображениями знаков зодиака, среди которых 4 лицевых (по описанию Музея).

По содержанию рукопись представляет собой две разных рукописи, объединенные в одном переплете.

I. Л. 1: «книга в ней избрание вкратце (кончается вязь) глаголемыя Космографии».

II. Л. 62: «Книга, а в ней собрание, откуда произыде корень великих государей царей и великих князей Росийских и как Государи писались в грамотах и какими печатями грамоты печатаны. Состроена сия книга в лето 7186-го (1678) году от воплощения божия слова 1678-го».

«Книга откуда произыде корень» напечатана в сокращениях (пропущены большей частью списки владетелей и государей) в Древ. Росс. Вивлиофике, XVI, изд. 2, М. 1791, стр. 76—251.

25. Сборник историко-эпистолярный с летописными статьями (№ 791)

В 4°, на 186 лл., XVI в., русский полуустав и скоропись разных рук, почерк середины и 3-й четверти XVI в. Запись на л. 1—1543 г., архиеп. новгор. Феодосия. На л. 75 об.—77 об. полууставом XVI в. с добавлением другой рукой тоже XVI в.: «летописчик вкратце». Перечисление великих князей от Рюрика до Ивана IV приписано позже и доведено до слов: «а от другой царицы великие княини Марьи, что взял из черкаскаго городу...» (не дописано).

По старому Син. каталогу: № 313—3. Летописец малый вкратце.

26. Царственная книга (№ 149)

В большой лист, на 683 лл., с миниатюрами.

Издана под названием Царственной Книги М. М. Щербатовым в 1769 г., а также в Полном Собрании Русских Летописей, т. XIII (вторая половина), где помещено описание рукописи. Этой рукописи посвящено исследование А. Е. Преснякова — «Царственная книга, ее состав и происхождение» (СПб., 1893).

К ИСТОРИИ ОДНОГО ЗАГАДОЧНОГО ДОКУМЕНТА

В кн. XXV Записей метрики литовской («*Metrica privilegiorum, decretorum, actorum ac aliarum diversarum litterarum per olim Serenissimos Reges Poloniae et Magnos Duces Lithuaniae Incolis M. D. L. datarum. De mandato Bonae, reginae Poloniae*») на лл. 9—10 помещен документ с заголовком: «*Sequuntur articuli ex privilegio Wladislavi Jagielonis et Alexandri Withowdi dati in Hrodio anno domini MCCCCXIII*». ¹

Приводим текст и перевод этого документа (будем условно называть его «Фрагмент»), чтобы сделать более наглядными все наши дальнейшие наблюдения и выводы.

1) *Primo libros facit omnes dominos et totam nobilitatem ducatus Lithuaniae a iugo servitutis.*

2) *Item omnes ecclesias et totum clerum terrarum Lithuaniae praedictarum tam cathedrales, collegiatas, parrochiales, conventuales videlicet Vilmenses et caeteras in eis erectas, erigendas, fundatas et fundandas in omnibus ipsarum libertatibus, immunitatibus, privilegiis, exemptionibus et consuetudinibus universis conservamus harum serie mediante juxta consuetudinem regni Poloniae.*

3) *Barones etiam nobiles boiari terrarum nostrarum praedictarum donationibus, privilegiis et concessionibus ipsis per nos datis, impartitis et collatis duntaxat catholici et Romanae ecclesiae subiecti et quibus clenodia sunt concessa gaudeant, participant et fruuntur prout barones et nobiles regni Poloniae suis potiuntur et fruuntur.*

4) *Item barones et nobiles praedicti bona ipsorum paternalia pari iure obtineant, sicut barones regni*

1) Прежде всего делает свободными от ига рабства всех панов и всю шляхту княжества Литовского.

2) Также все церкви и весь клир названных выше земель Литовских, соборные, монастырские, приходские, общинные, как в Вильне, так и в других местах, воздвигнутые и которые будут воздвигнуты, основанные и которые будут основаны, во всех их свободах, иммунитетах, привилегиях, изъятиях и общих обычаях сохраняем, согласно обычаю Польского королевства.

3) Паны и также бояре-шляхта наших выше названных земель дарениями, привилегиями и пожалованиями, нами им дарованными, данными, уделенными только католики и подвластные Римской церкви и те, кому гербы пожалованы, обладают, владеют и пользуются так же, как паны и шляхта Польского королевства своими владеют и пользуются.

4) Также названные выше паны и шляхтичи своими отчинами владеют на одинаковом праве,

¹ Опубликован в статье И. А. Якубовского. Земские привилегии великого княжества Литовского (ЖМНП, 1903, № 5).

Poloniae sua noscunt obtinere, et donationes nostras, super quibus litteras obtinent a nobis efficaces et fulcitas perpetui roboris firmitate, similiter obtinebunt et liberam habebunt ipsa vendenti, commutandi, alienandi, donandi et in usus suos convertendi facultatem, nostro tamen consensu ad hoc specialiter accedende, sicut enim pro ipsa alienando, commutando vel donando coram nobis vel nostris officialibus iuxta consuetudinem regni Poloniae resignabunt.

5) Item post mortem patris liberi non debent bonis haereditariis privari, sed ea cum successoribus suis possideri, prout barones et nobiles regni Poloniae sua possident et in usus convertunt beneplacitos.

6) Similiter uxoribus suis dotalia in bonis et villis, quos ex successione paterna vel concessione nostra perpetua habuerint vel fuerint habituri, poterint assignare, prout in regno Poloniae assignantur.

7) Filias vel sorores, consanguineas et affines suas praefati barones et nobiles terrarum Lithuaniae copulare poterint viris duntaxat catholicis et tradere coniugio iusta beneplacitum eorum voluntatis et iuxta consuetudinem regni Poloniae abs antiquo observatam.

8) His autem libertatum concessionibus non obstantibus barones ad constructionem et erectionem castrorum viarum expeditionalium facere et tributa dare iuxta antiquam consuetudinem astringuntur; hoc specialiter expresso per¹ omnes barones et nobiles terrarum Lithuaniae fideliter et debitam christianam fidei constantias nobis, videlicet Wladislao rexi Poloniae et Alexandro alias Withowdo magno duce Lithuaniae et successoribus nostris, tenere debebunt et servare, prout barones et nobiles regni Poloniae suis

как паны королевства Польского своими владеют; и наши пожалования, на которые имеют от нас грамоты, действующие и утвержденные крепостью непрерывной силы, подобным образом будут владеть и иметь свободную возможность их продавать, менять, отчуждать, дарить и в пользу свою обращать, однако, с нашего согласия, для каждого случая особенно данного для их отчуждения, обмена или дарения, перед нами и нашими урядниками, как определено обычаями королевства Польского.

5) Также после смерти отца дети не должны быть лишены своих наследственных имений, но должны ими владеть, передавая по наследству, как паны и шляхтичи Польского королевства своими вотчинами владеют и в благоприятное пользование обращают.

6) Равным образом своим женам привенки¹ в виде имений и дворов, которые по наследству от отца или согласно нашему пожалованию в вечность имели или будут иметь, могут назначать, как назначаются в королевстве Польском.

7) Дочерей или сестер, своих родственниц или свойственниц названные выше паны и шляхтичи Литовских земель могут сочетать браком только с католиками и отдавать замуж по благоугождению их воли, по обычаю Польского королевства, соблюдаемому от старины.

8) Не в противоречие этим дарованным свободам, паны обязуются строить и исправлять крепости и военные дороги и платить дань, по старинному обычаю; особенно утверждается то, что все паны и шляхтичи литовских земель верность и подобающее христианской вере постоянство нам, Владиславу, королю Польскому, и Александру Витовту, великому князю Литовскому, и преемникам нашим обязаны будут держать и хранить,

¹ Привенки — имения и дворы, которые паны и шляхтичи могли записывать своим женам соразмерно с величиной их приданого.

¹ Нужно читать «quod».

regibus tenere soliti sunt, et servare; super qua barones, boiari et proceres terrarum Lithuaniae praedicti iuramentum iam nobis praestiterunt, prout clarius literis ipsorum, quos cum baronibus regni Poloniae sibi invicem continetur.

9) Pari modo sub fidei sacramento et sub bonorum suorum amissis nullis principibus aut baronibus vel aliis cuiscunque conditionis hominibus, literis ¹ regni Poloniae adversari cupientibus, consilia, favores et auxilia ministrabunt vel praestabunt.

10) Item dignitates, sedes et officia, prout in regno Poloniae institutae sunt, instituuntur et locabuntur, in Vilna scilicet palatinatus et castellanatus Vilnensis et demum in Troki et aliis in locis, ubi melius videbitur expedire, iuxta nostrae beneplacitum voluntatis temporibus perpetuis duratura.

11) Item et huiusmodi dignitarii non eligantur, nisi sint fidei catholicae cultores et subiecti sanctae Romanae ecclesiae.

12) Item nec etiam aliqua officia terrae perpetua, ut sunt dignitates castellanatus etc nisi christianae fidei cultoribus conferantur et ad consilia nostra admittantur et in eis intersint, dum pro bono publico tractatus celebrantur, quia saepe disparitas cultus diversitatem inducit animorum et consilia patentibus divulgata, quae traduntur secreta observanda.

13) Item omnes, quibus huiusmodi libertates et privilegia conceduntur, nunquam nos Wladislaum et Alexandrum Withowdum, magnum ducem Lithuaniae, quoadusque vixerimus, et nostros successores magnos

как паны и шляхтичи Польского королевства своим королям привыкли держать и служить, о чем паны, бояре и знать Литовских земель, названные выше, присягою нам уже поручились, как яснее в их грамотах, в которых они с панами Польского королевства взаимно обменялись, содержится.

9) Равным образом, под клятвою верности и под страхом лишения своих имений, никаким князьям или панам или другим какого бы ни было сословия людям, желающим противостоять землям Польского королевства, ни советом, ни благоприятствованием, ни помощью не будут служить и помогать...

10) Также достоинства, места и должности, как они установлены в Польском королевстве, будут установлены и учреждены — в Вильно воеводство и каштелянство Виленское, а также в Троках и в других местах, где более окажется полезным, по нашему благоволению, на вечные времена.

11) Равным образом урядниками назначаются только католической веры поклонники и покорные святой Римской церкви.

12) Равным образом все постоянные уряды земские, как достоинства каштелянства и др., жалуются только исповедникам христианской католической веры, и только они (католики) допускаются к нашему совету и на нем присутствуют, когда обсуждаются вопросы о благе государства, потому что часто различие в вере приводит к различию в мнениях, и через это оказываются известными такие решения, каким полагается быть сохраняемым в тайне.

13) Также все те, которым пожалованы такого рода свободы и привилегии, пусть никогда нас, Владислава и Александра Витовта, великого князя Литовского, пока мы живы, и наших преемников, великих князей Литовских, не оставляют и ни от нас и ни от наших

¹ Нужно читать «terris»

duces Lithuaniae deferant,¹ nec a nobis et nostris successoribus recedant, sed sub fide et honore parent et oneri iuramenti fideliter et firmiter nobis et successoribus nostris magnis ducibus Litthuaniae adhaerebunt favoribus, consiliis et auxiliis, perpetuis temporibus et in aevum.

14) Item praelati, barones et nobiles magni ducatus Lithuaniae magnum ducem suum sine liberis et successoribus legitimis decedentem magnum ducem Lithuaniae libera electione quem voluerint eligent.

15) Item praedictis libertatibus et gratiis tantum modo illi barones et nobiles terrae Lithuaniae ubi² et gaudere debent, qui sunt ex parentibus suis vere nobiles ex antiquo.

16) Item omnes literas, quascunque magni ducatus Lithuaniae terrarum, eclesiarum, praelatorum, baronum, nobilium a nobis et praedecessoribus nostris concessos et in futurum per vel successores nostros concedendos, confirmamus, approbamus, ratificamus, roboramus et robur perpetuum imponimus eisdem per praesentes, habentes ipsos praesentibus pro insertis.

17) Item parlamenta seu conventiones generales pro necessitate reipublicae praelatis, baronibus et omnibus consiliariis et proceribus totique communitati magni ducatus, tempore pacis consilium celebrandis, Vilnae, seu ubi necessitas et conditio temporum exigerit, ibi locus conventionum ipsi designabitur.

преемников не отступают, но верно и честно повинуются и силою присяги верно и крепко и нам и нашим преемникам, великим князьям Литовским, будут привязаны благоволением, советами и помощью всегда и навеки.

14) Также прелаты, паны и шляхтичи великого княжества Литовского по смерти своего великого князя, без сыновей и законных преемников скончавшегося, великого князя Литовского, кого захотят, вольным избранием выберут.

15) Равным образом названными выше свободами и милостями могут владеть и пользоваться только те паны и шляхтичи великого княжества Литовского, которые из старины, от предков своих, — подлинными шляхтичи.

16) Равным образом все грамоты, которые землям, церквям, прелатам, панам, шляхтичам нами и нашими предшественниками пожалованы и на будущее время нами или нашими преемниками будут пожалованы, силою настоящего подтверждаем, ратифицируем, одобряем и утверждение даем.

17) Равным образом, когда все прелаты, паны, советники и вельможи всего великого княжества Литовского для нужд государства должны будут собирать совещания или вальные (общие) сеймы во время мира, то в Вильно или там, где потребует того необходимость и условие времени, назначается место для сеймов.

I. «ФРАГМЕНТ» И ГОРОДЕЛЬСКИЙ ПРИВИЛЕЙ

Прежде всего выделим из «Фрагмента» неизменные части Городельского привилея,³ с которым его связывает заголовок.

¹ Нужно читать «deserant».

² Нужно читать «uti».

³ Текст Городельского привилея взят из книги М. К. Любавского, Очерк истории Литовско-Русского государства, стр. 297—302.

Статьи «Фрагмента»	Статьи Городельского привилея	Примечание
2) Привилегии церквам	Ст. 2	
3) Предоставление литовским панам и шляхтичам-католикам и гербовникам привилегий польской шляхты	Ст. 3	
4) Право свободного распоряжения вотчинами	Ст. 4	
5) Право свободного распоряжения наследством	Ст. 5	
6) Право наделять жен «привенками» и	Ст. 6	
7) Право свободно выдавать своих родственниц замуж только за католиков	Ст. 6	«Фрагмент» делит механически связанные между собой нормы Городельского привилея «Фрагмент» очень тонко разделяет объекты 9 статьи Городельского привилея
8) До «hoc specialiter expresso . . .»	Ст. 7	
8) Со слов «hoc specialiter expresso» и 9)	Ст. 8	
10) Учреждение новых должностей	Ст. 9	
11) Назначение на эти должности только католиков	Ст. 9	
12) Допущение к совещаниям при государе только католиков	Ст. 9	

Таким образом статьи 2—12 «Фрагмента» соответствуют статьям 2—9 Городельского привилея.

Второй вопрос — о переработке в «Фрагменте» статей Городельского привилея.

Ст. 1 «Фрагмента», дающая в обобщающей форме всю сущность привилея — освобождение литовских панов и шляхтичей а *jugo servitutis* — заимствована из вводной части к Городельскому привилею.

Ст. 14 «Фрагмента» о свободном выборе прелатами, панам и шляхтичами великого князя Литовского заменила ст. 11 Городельского привилея, где устанавливалась норма обоюдного участия польской и литовской знати в выборах литовского великого князя и польского короля; здесь выброшено упоминание о польской шляхте, но введены заимствованные у нее же основные формулировки «золотой вольности»: «*libera electione*» и «*quem voluerint eligent*» (право свободного выбора).

Ст. 15 «Фрагмента» соответствует ст. 12 Городельского привилея, но вместо конфессионального критерия привилея выступает более поздний принцип знати, что привилегиями могут пользоваться только те, «которые из старины, от предков своих — подлинны шляхтичи».¹

Ст. 16 «Фрагмента» соответствует ст. 13 Городельского привилея, но с добавлением характерного выражения позднейших общеземских привилеев: «*nobis et praedecessoribus nostris*».

Ст. 17 «Фрагмента» соответствует ст. 14 Городельского привилея, но вычеркивает принцип о сотрудничестве между Литвой и Польшей и добавляет специфические термины позднейших привилеев: «*consiliariis*» и «*totique communitati*».

Следовательно ст. ст. 14—17 «Фрагмента» соответствуют с большими или меньшими изменениями ст. ст. 11—14 Городельского привилея.

Ст. 12 Городельского привилея, настойчиво трактующая об инкорпорации Литвы в королевство Польское, и ст. 15, дающая конкретную, в определенных историко-хронологических рамках, картину включения знатных литовцев в польские гербовые братства, — во «Фрагменте» отсутствуют.

Таким образом «Фрагмент» складывается из двух составных частей:

¹ См. Статут 1566 г., III раздел, 16 артикул — *Archiwum Komisji Prawniczej, VII. str. 52, Kraków, 1900.*

1) неприкосновенных частей Городельского привилея с несколько дифференцированным их делением во «Фрагменте» и 2) частей того же привилея, переработанных в духе каких-то тенденций.

Эта переработка и характерные умолчания «Фрагмента» о некоторых артикулах Городельского привилея представляют драгоценный материал для характеристики идеологии некоторых слоев литовского общества.

II. ТЕНДЕНЦИИ «ФРАГМЕНТА»

Автор — литовский патриот, настойчиво вычеркивающий (ст. ст. 1, 15), перерабатывающий (ст. ст. 11, 14) принцип инкорпорации Литвы в Польшу или хотя бы только сотрудничества с Польшей. Он противник унии с Польшей, следовательно принадлежит к группе магнатов-панов, которые отстаивали независимость Литвы от шляхетской Польши. Рядовой шляхтич никогда не выступал бы так резко против Польши, потому что только в ее социально-экономическом укладе он видел опору против засилья своих, литовских магнатов.

Автор — горячий защитник привилегий знати, он с силою подчеркивает принцип древности, исконности «*vere nobilium*», очищения шляхетских родов от *homines novi, ragvenus*, т. е. делек от «демократизма» рядовой шляхты.

Автор неуклонно придерживается конфессионально-католической нетерпимости, свойственной именно литовской знати, в противоположность православным русским магнатам.

У автора развитое юридическое мышление, которое позволяет ему тонко и тщательно дифференцировать механически поставленные рядом нормы в артикулах более раннего привилея, обобщать иногда данные этого привилея; следовательно, он имел высшее юридическое образование: оно было не подстать рядовым шляхтичам, было достоянием магнатов, которые зачастую учились в университетах Западной Европы.

Автор — одно лицо, потому что все эти тенденции неизменно проходят через весь «Фрагмент».

Таким образом автор «Фрагмента» — литвин, одинаково враждебный и полякам и русским, магнат, не любящий Польшу с ее шляхетским укладом, католик, нетерпимый к православию, глубоко образованный юрист и одновременно ловкий дипломат, выгодно использующий в интересах своей группы формулы польского шляхетского права.

III. ВРЕМЯ СОСТАВЛЕНИЯ «ФРАГМЕНТА»

Самая грубая наметка дает для «Фрагмента» время после Городельского привилея, раз нормы этого привилея подвергаются дифференциации и обобщению, раз налицо термины более позднего, чем 1412 год, происхождения: «*praedecessores*», «*consiliarii*» и т. д.

Эти термины характерны для новых, дополнительных, артикулов общеземских привилеев: 1492 г. — *praedecessores* (ст. 8), *consiliarii* (ст. 14), 1506 г. — *praedessore nostro Alexandro, consiliarii*.

Больше всего новые части «Фрагмента» подходят к некоторым пунктам Пространного привилея 1529 г.:

1) *Praedecessoribus nostris* находим в ст. ст. 3 и 5 привилея 1529 г.

2) Ст. 17 привилея 1529 г.: *Libertatibus et gratiis uti et gaudere debent, qui sunt ex parentibus suis vere et ex antiquo nobiles*,¹ т. е. дает почти тождественную формулу с ст. 15 «Фрагмента».

3) «*Conventiones generales*» ст. 17 «Фрагмента» соответствует та-

¹ Archiwum Komisji prawniczej, VII, str. 324.

кому же термину в ст. 9 привилея 1529 г.,¹ тогда как терминология Городельского привилея: «conventiones et parlamenta».²

Упоминание Вильны как центра для сеймования характерно для 1522—1531 и 1547—1563 гг., когда великие вальные сеймы собирались исключительно в Вильне; последние даты должны быть отброшены именно потому, что, не считая косвенных улик (крайний конфессионализм автора, окончательная отмена Городельского привилея как раз в 1563 г.), XXV книга Записей метрики литовской датирована 1541 годом.

Таким образом, хронологические границы составления «Фрагмента» колеблются между 1522—1541 гг.; если учитывать упоминание Вильны, то границы суживаются и дают 1522—1531 гг. или, еще точнее, время около 1529 г.

«Фрагмент», таким образом, отражает идеологию 20-х и начала 30-х годов XVI в.

IV. АВТОР «ФРАГМЕНТА»

В 20-е годы XVI в. на политическом горизонте Литвы блистают два крупных имени: 1) князь Константин Иванович Острожский, гетман наивысший великого княжества Литовского, победитель московского войска при Орше в 1514 г. и крымских татар, и 2) Альбрехт Мартинович Гаштольд, воевода Виленский, канцлер великого княжества Литовского.

Воевода Виленский и канцлер обыкновенно занимал первое после прелатов место в Литовской господарской раде, но литвин и католик Гаштольд должен был мириться с тем, что особым привилеем Сигизмунда I Старого первое место в раде, в нарушение Городельского привилея, в виду исключительных заслуг (правда без какого-либо прецедента на будущее) было предоставлено русскому и православному князю Острожскому.

Ясно, что назначение кн. Острожского вызвало целую бурю среди литовского магнатства, руководимого Гаштольдом, ясно, что среди литовской группы магнатов родилась тенденция укрепить Городельский привилей, но без тех его одиозных пунктов, где подчеркивалась инкорпорация Литвы в Польшу, где царило столь нелюбезное магнатскому сердцу «гминовладство». Гаштольд с чрезвычайным презрением относился к шляхте; он резко заявил однажды одному поляку: «И сеймы наши отправляются совершенно иначе: что решается господарем и панами-радою, то шляхтой обязательно принимается к исполнению; мы ведь приглашаем шляхту на наши сеймы как будто бы для чести, на самом же деле для того, чтобы всем было ясно то, что мы решаем».³

Гаштольд получил высшее юридическое образование в Болонском университете, свободно говорил и читал по-латыни, был канцлером, т. е. ведал среди других многочисленных обязанностей редактированием отдельных книг Литовской метрики.

Вот почему «Фрагмент» мог выйти из рук именно Гаштольда в качестве черновика переработки Городельского привилея, намеченной в интересах литовской католической партии магнатства, — одновременно и против шляхетской Польши и против православных русских князей и панов.

Эти стремления особенно характерны для 20-х и начала 30-х годов XVI в., для Статута 1529 г., где была юридически оформлена главенствующая роль магнатства сравнительно со шляхтой.

¹ Archiwum Komisji prawniczej, VII, str. 323.

² История терминов общеземских привилеев совершенно не разработана.

³ М. Любавский. Очерк истории Литовско-русского государства, стр. 207.

И. И. СМЕРНОВ

АНГЛИЙСКОЕ ИЗВЕСТИЕ 1607 г. О ВОССТАНИИ БОЛОТНИКОВА

При всем исключительно важном значении восстания Болотникова в истории классовой борьбы в нашей стране, это восстание изучено очень плохо.¹ Главная причина этого — исключительная скудость источников восстания. Источники эти известны, можно сказать, наперечет, причем основной фонд их, введенный в науку еще Карамзиным, остался почти неизменным, если не считать некоторых частных да мемуаров Исаака Массы. Понятно поэтому то значение, какое приобретает каждый новый источник о восстании Болотникова.

Источник, которому посвящена настоящая статья, строго говоря, не может считаться новым, ибо он издан уже около 30 лет назад. Но будучи напечатан столь давно, он, по ряду причин, ускользнул от внимания исследователей и остался совершенно неизвестен в литературе. Сказанное, впрочем, надо в значительной мере распространить на всю публикацию документов, в составе которой находится и известие о восстании Болотникова: она почему-то, совершенно незаслуженно, осталась почти неиспользованной исследователями. Публикация эта представляет собой документы из различных иностранных архивов и библиотек, а также из Архива министерства иностранных дел и Архива министерства юстиции в Москве, извлеченные профессором международного права Варшавского университета В. Н. Александренко и изданные в 1911 и 1914 гг. в XIV и XVII книгах сборника «Старина и Новизна» под общим заголовком «Материалы по Смутному времени на Руси XVII в.»

Вряд ли есть нужда заниматься выяснением причин отмеченного выше обстоятельства, — выпадения названного издания из круга внимания историков. Подчеркнем лишь весьма большую ценность опубликованных В. Н. Александренко документов (общий обзор которых опять-таки выходит за рамки настоящей статьи).² В ряду этих документов

¹ Достаточно сказать, что даже вопрос о судьбе самого Болотникова не может считаться окончательно выясненным. Вопреки общепринятой точке зрения, что Болотников после захвата Тулы был сослан в Каргополь и там ослеплен и утоплен, опирающейся на рассказ карамзинского (Столярова) хронографа, — в одной из современных (XVII в.) разрядных записей мы находим совершенно иную версию: «Во 116 году царь Василей Иванович ходил под Тулу и вора Петрушку, что было назвался царевичем, и Ивашка Болотникова в Туле взял и на Москве их велел казнити позорною смертию, посадить на колъе на Болоте за Московую рекою». (С. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время, стр. 226, М., 1907). Точность и подробность этой записи заставляют отнести к ней с большим интересом.

² Ценность издания В. Н. Александренко можно проиллюстрировать хотя бы выдержкой из опубликованного там доклада австрийского резидента Луки Паули императору Рудольфу в 1604 г., в связи с переговорами о заключении союза между Россией и империей, в котором сообщается об обширном плане реформ Бориса Годунова: «Он хотел бы после заключения того союза привести свою обширную страну (которая во многих местах очень опустела) в лучшее состояние, освободить своих подданных и людей, по немецким и другим обычаям, от тяжелого гнета, ига и спячки (schweren Last, Joch undt Schlawffchafft), ввести и даровать старым и бога-

одним из наиболее важных нам представляется анонимное английское донесение 1607 г., которое не только увеличивает собою количество источников о восстании Болотникова, но и расширяет наши сведения об этом социальном движении.

Документ имеет заголовок «Состояние Русского государства по смерти последнего претендента Димитрия» (*The State of the Empire of Russia since the death of the late pretendend Demetrie*) и находится среди бумаг Лондонского государственного архива (Russia, св. I [1606—1607]).¹ Документ анонимный и не имеет даты. Однако время написания его устанавливается легко и достаточно точно на основании следующего места, которым заканчивается текст источника: «Болотников бежал с теми из своих людей, которые спаслись, в город по имени Калуга, в 100 милях или более от Москвы, где он укрепился и в течение трех месяцев выдерживал осаду, будучи поддерживаем плодороднейшей частью страны, лежащей между рек — Доном и Днепром. Исход борьбы неопределенен». Итак, время написания документа относится к Калужскому периоду в истории восстания Болотникова. Указание на трехмесячную осаду Калуги, в сочетании с заявлением автора о том, что «исход борьбы неопределенен», позволяет датировать документ мартом или апрелем 1607 г. (Болотников отступил в Калугу в декабре 1606 г.). Что документ написан не позднее марта — апреля 1601 г., видно и из того, что в нем нет ни малейшего упоминания о царевице Петре (Илейке Муромце), равно как и о Туле.²

Автор документа — не только современник, но и очевидец описываемых событий. Это с достаточной определенностью видно из следующего места. Говоря об осаде Москвы войсками Болотникова, автор, сообщив о том, что «большая половина» Москвы была осаждена, замечает: «другая же часть города, — я не знаю, в силу какого ослепления, — была оставлена открытой, так что могла получать подкрепления войском и припасами, пока слишком поздно они не спохватились, чтобы замкнуть блокаду, но были дважды отброшены с большими потерями».

Менее ясным представляется вопрос о личности автора документа. Чтобы попытаться разрешить этот вопрос, необходимо сказать несколько слов о русско-английских отношениях этого времени. Отношения эти характеризуются исключительной активностью со стороны Англии, стремившейся использовать благоприятный момент прежде всего для восстановления торговых привилегий англичан, полученных «Московской компанией» от Ивана IV и утраченных в царствования Федора Ивановича и Бориса Годунова. Несмотря однако на интенсивную дипломатическую деятельность, англичанам не удалось, вплоть до смерти Бориса Годунова, добиться полного успеха, и переговоры последнего английского посла к Годунову, Томаса Смита, хотя и закончились подтверждением права англичан «торговать повольною торговлею всякими товарами беспошлинно», как при Елизавете,³ но вместе с тем со-

тым городам свободу, полицию и порядок (*Freÿheit, Policei, unnd Ordnung*), а для поддержания суда и справедливости ввести в городах гражданское управление (*bürgerlich Regiment pflanzen*)» — «Старина и Новизна», XVII, 1914, стр. 79—80, 87. В сопоставлении с давно известным сообщением М. Шиле (о попытке регламентации барщины Борисом Годуновым), данные доклада Л. Паули раскрывают одну из существеннейших сторон политики правительства Бориса Годунова, безуспешно пытавшегося разработкой проектов реформ претотвратить развитие социального кризиса в Московском государстве начала XVII в.

¹ Текст документа напечатан на стр. 261—263 кн. XIV «Старины и Новизны».

² В сентябре 1607 г. о «царевике Петре» знали уже английские агенты не только в России, но и в Польше (см. ниже донесение В. Брюса от 5 сентября 1607 г.).

³ Грамота от марта 1605 г., сокращенный русский текст — «Старина и Новизна», XIV, стр. 227.

держали и отказ правительства Бориса Годунова от удовлетворения требования англичан на право транзитной торговли с Персией.¹

Приход к власти Лжедмитрия I был использован английскими дипломатами в Москве, и в декабре 1605 г. Лжедмитрий I дает английским купцам новую жалованную грамоту, полностью восстанавливающую все прежние привилегии англичан, данные Иваном IV,² и разрешает англичанам торговлю с Персией.³ Главную роль в этих переговорах играл постоянный дипломатический агент Англии в Москве Джон Мерик. Принимая активное участие в дипломатических делах и до этого времени, Джон Мерик с 1605 г. и во все последующие годы иностранной интервенции становится главным дипломатическим агентом в России и руководит действиями английской дипломатии в Московском государстве. Однако, если деятельность Джона Мерика достаточно хорошо известна за период до 1605 г. и еще лучше — начиная с 1613 г., то гораздо менее изучена деятельность Мерика за 1606—1612 гг., и исследователь истории русско-английских отношений XVI—XVII вв. И. И. Любименко признает, что, «к сожалению, многие пункты биографии Мерика остаются до сих пор невыясненными».⁴

Между тем для выяснения автора исследуемого источника (или круга лиц, из которого вышел источник) очень важно знать, где находился и что делал Джон Мерик в тот момент, описание которого содержится в английском документе. К сожалению, с полной определенностью разобраться в деятельности Мерика за этот период нам не удалось. И. И. Любименко не дает точных хронологических вех в деятельности Мерика за эти годы, ограничиваясь лишь общим замечанием о том, что «главной заслугой Мерика перед компанией были его неусыпные заботы о сохранении привилегии ее, подтвержденной, по его ходатайству, сначала Димитрием, а потом царем Василием».⁵ Правда, в примечании к цитированному месту И. И. Любименко приводит весьма важный текст из челобитной торговых людей Московского государства 1649 г., который содержит существенные данные о Мерике. Текст этот следующий: «А во прошлом во 115 году писал ко государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии аглинской Якуб король с посланником своим с Иваном Ульяновым (Мериком. — И. С.) о повольной торговле подданных его, аглинских гостей и торговых людей. И по указу царя Василья Ивановича всеа Русии писано к Якубу королю, что он, государь, гостей его пожаловал повольною торговлею безошплинно и свою государеву жалованную грамоту велел им дати».⁶

Таким образом, в 115 г. Мерик приезжал из Англии с грамотой от Иакова I, вел с правительством Василия Шуйского переговоры о торговле и добился получения новой привилегии для Московской компании. Но «115-й год» включает в себя промежуток времени с сентября 1606 г. по август 1607 г. и не может поэтому быть признан за точную дату. Не многим больше материала содержит и английская биография Дж. Мерика. Отметив успешную деятельность Мерика при Лжедмитрии I, биограф Мерика указывает, что когда в 1606 г. Василий Шуйский стал царем, «Мерик снова имел успех, добившись возобновления

¹ Та же грамота, английский текст, — указ. изд., стр. 223—224.

² Там же, стр. 235—236.

³ Там же, стр. 233.

⁴ И. Любименко. Торговые сношения России с Англией при первых Романовых (ЖМНП, № 11, 1916 г., стр. 11).

⁵ Там же.

⁶ Сборн. Хилкова, № 82, стр. 244—245, Изд. Археогр. ком., 1879.

привилегии, дарованной ранее его соотечественникам. Политические волнения, — продолжает автор, — вынудили Мерику уехать на время из Москвы в Архангельск и Холмогоры, и затем в 1606 г. (late in 1606) он возвратился в Англию с докладом о ходе дел. Скоро, однако, он снова действует в России в качестве «агента», но вновь посещает Лондон в 1611 г.»¹ Таким образом и здесь мы не находим точной хронологической канвы. Однако английская биография Мерики позволяет установить, что 1) Мерик был в Москве в момент перехода власти к Василию Шуйскому, 2) ездил в 1606 г. в Англию и 3) «скоро» вернулся обратно в Россию, оставаясь там до 1611 г. Менее ясно излагается в английской биографии Мерики вопрос о получении им новой привилегии для компании. Автор, кажется, полагает, что привилегия была получена Мериком до его поездки в Англию. Между тем, приведенная выше челобитная 1649 г. (повидимому неизвестная английскому биографу Мерики) вполне определенно говорит о том, что «жалованная грамота» была получена Мериком после его приезда в Москву уже в 115 г.

Весьма интересные данные о Мерики мы находим у Бантыш-Каменского, который (без указания источников) помещает в своем «Обзоре» следующую запись: «1607. Прислан из Англии в посланниках Иван Ульянов Мерик с поздравлением царя Василия Иоанновича Шуйского о избрании его на Российский престол и с прошением новой подтвердительной грамоты о свободной в России аглинским купцам торговле. Прощение сие исполнено и грамота дана новая».² Данные Бантыш-Каменского важны тем, что они, во-первых, с бесспорностью устанавливают, что переговоры о подтвердительной грамоте на торговлю англичанам велись уже после приезда Мерики с грамотой Иакова I Василию Шуйскому, т. е. после поездки Мерики в Англию; во-вторых, — датировкой этих переговоров 1607 годом.

Когда же выехал Мерик из России в Англию? Дополнительный материал по этому вопросу дает В. Н. Александренко в примечании к одному из опубликованных им документов.³ По данным В. Н. Александренко, Мерик был «в 1606 г. отправлен В. И. Шуйским (с грам. 4 июня) в Англию, откуда прислан посланником с поздравлением Шуйского по поводу избрания его царем на росс. престол».⁴ В. Н. Александренко сообщает, таким образом, очень важный факт — дату грамоты Василия Шуйского, данной Мерику: 4 июня 1606 г.

Приведенными выше материалами исчерпывается то, что нам удалось собрать в литературе и источниках о деятельности Д. Мерики в 1606—1607 гг.⁵ Взятые в их совокупности, они позволяют выдвинуть

¹ The Dictionary of National Biography, XIII, p. 320.

² Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, I, стр. 100, М., 1894.

³ В. Н. Александренко использовал для своих примечаний материал, содержащийся в рукописи И. Г. Стриттера: Verhandlungen zwischen Russland und England von den ältesten bis auf die Unruhen unter den falschen Demetriem d. i. vom Jahre 1557—1607, aus Archiv Schriften gesammelt von Johan Gottlieb Stritter, I-er Band, Moskau, 1784. (См. «Старина и Новизна», XVII, стр. 63). Мне не удалось познакомиться с этой рукописью (повидимому она находится в фонде «портфель Миллера» в ГАФКЭ).

⁴ См. «Старина и Новизна», XIV, стр. 295, примеч.

⁵ Более ранние авторы (Ф. Аделунг. Критико-литературное обозрение путешественников по России, М., 1864; И. Гамель. Англичане в России в XVI и XVII столетиях, СПб., 1865; В. Александренко. Участие Английского Тайного совета в дипломатических сношениях Англии с Россией, 1556—1649, — ЖМНП, 1889, № 12; Ф. Мартенс. Россия и Англия в продолжение XVI и XVII вв. — «Русская Мысль», 1891 г., № 1—2) не дают никакого материала об этих годах. Отсутствуют данные о Мерики за названные годы и у С. Ф. Платонова в его

Болотникова излагается в грамотах Гермогена со всей тенденциозностью, которая естественна для Гермогена, писавшего к тому же свои грамоты в момент наибольшего размаха движения.¹ И тем не менее первостепенное значение грамот патриарха Гермогена как источника для истории восстания Болотникова неоспоримо, ибо они единственные в русских источниках содержат материал для суждения о социальной программе Болотникова.

Английская записка 1607 г. дает новый материал для выяснения социальной программы восстания Болотникова. Здесь надо прежде всего, конечно, отметить сообщение о посылке Болотниковым писем к «рабам» (т. е. холопам) в Москву. Сообщая об этом факте, записка вместе с тем передает и содержание этих писем, представлявших собой призыв к московским рабам-холопам подняться против своих господ и захватить их имущество.

Сопоставим сообщение английской записки о письмах Болотникова к рабам с материалом об этих письмах, содержащимся в грамотах патриарха Гермогена:

Содержание писем Болотникова

По английскому документу:

«...Они продолжали осаду и писали письма к рабам в город, чтобы они взяли за оружие против своих господ и завладели их именьями и добром».

По грамоте патриарха Гермогена:

«...А стоят те воры под Москвою в Коломенском и пишут к Москве проклятые свои листы, и велят боярским холопом побивати своих бояр, и жены их, и вотчины, и поместья им сулят» и т. д.

Сравнение приведенных текстов показывает, что они излагают содержание писем Болотникова к рабам-холопам почти тождественно, с тем отличием, что английский документ более лаконичен и лишен той враждебной тенденциозности, которой проникнуты грамоты патриарха. Таким образом, сообщение английской записки о посылке болотниковцами писем к рабам подтверждает и раскрывает содержание тех «воровских» или «проклятых листов», о которых сообщается в грамотах Гермогена, давая тем самым возможность более критического отношения к показаниям русского источника, путем сопоставления его с английским документом; в то же время совпадение в основе характеристики писем Болотникова в обоих документах устраняет всякие сомнения в достоверности самого факта существования этих писем. Автору английского документа несомненно был известен текст прокламаций Болотникова (как и Гермогену), чем и можно объяснить столь большое совпадение в изложении их содержания в английском и русском источнике.

Наряду с сообщением о посылке Болотниковым писем к рабам, английский документ говорит и о другого рода письмах Болотникова. Оказывается, что помимо писем к рабам с призывом к вооруженному восстанию их против своих господ, Болотников рассылал в Москву прокламации с требованием выдачи восставшим виднейших бояр и

¹ Как известно, Гермоген отличался особой непримиримостью по отношению к восставшим, находя слишком мягкими и недостаточными даже те меры борьбы, которые предпринимало против Болотникова правительство В. Шуйского. Современник — панегирист Гермогена, объясняет разногласия и вражду между Гермогеном и В. Шуйским тем, что после взятия Тулы «водным потоплением» патриарх требовал продолжения вооруженного подавления остатков разбитых сил Болотникова, а «советницы лукавья царя уласкаху во царствующий град Москву во успокоения возвратитися», что и вызвало гнев патриарха (Русская историческая библиотека, XIII, изд. 2, стр. 1314); ср. П. Васенко. Новые данные для характеристики патриарха Гермогена (ЖМНП, № 7, 1901 г., стр. 141 и 144).

«лучших горожан». Это последнее сообщение особенно важно и интересно, ибо оно раскрывает новую, неизвестную ранее черту в программе восстания Болотникова. Черта эта — требование смерти наиболее ненавистных бояр и гостей, причем требование «по имени», т. е. конкретных лиц, сближает восстание Болотникова в этом отношении с городскими восстаниями XVII в., характернейшей особенностью которых (и в 1648 и в 1662 гг.) было требование расправы с самыми ненавистными представителями царской администрации.

Таковы те данные, которые содержит английская записка по вопросу о характере движения Болотникова. Этим однако не исчерпывается материал, содержащийся в ней, для выяснения социальной природы восстания Болотникова. Чрезвычайно интересна картина, рисуемая отношением к восстанию Болотникова различных социальных групп населения Москвы. Замечание о том, что страх перед «простым народом» (the Common sorte of people) в Москве «был почти так же велик, как перед врагом извне», равно как и сообщение о непостоянстве простого народа и о том, что он «готов к мятежу при всяком слухе, надеясь вместе с мятежниками участвовать в разграблении города», — ярко рисуют настроения городских низов Москвы и нарастание движения народных масс внутри осажденной Болотниковым Москвы. Столь же ярко охарактеризована и враждебная восстанию позиция правящих классов Москвы, «бояр и лучших горожан» (Nobles and better sorte of Citizens), причем здесь особенно интересно сообщение о той активности, которую проявляли «бояре и лучшие горожане» в организации борьбы против Болотникова, оказывая поддержку правительству В. Шуйского и употребляя в то же время «все свое влияние и средства» для поощрения царя к активным и решительным действиям против болотниковцев.

О том, что среди низов населения Москвы было много сторонников Болотникова, сообщают и другие источники. Так Масса прямо говорит: «Болотников нисколько не сомневался, что отправленные им войска займут Москву, и когда бы не помешала измена Пашкова, то это могло случиться по причине великого смущения и непостоянства народа в Москве». ¹ Аналогичные сообщения имеются и у некоторых других иностранцев-современников (Паэрле). ² Новое по этому вопросу, сообщаемое английской запиской, заключается в том, что, повидимому, вслеления городских низов в Москве во время ее осады приняли открытую форму, и В. Шуйскому пришлось восстанавливать «порядок» в столице при помощи таких мерсприятий как сажание на кол наиболее активных сторонников Болотникова.

Заключительная часть записки, содержащая описание поражения Болотникова под Москвой, его отступления в Калугу и осады последней войсками В. Шуйского, представляет гораздо меньший интерес и не содержит сколько-нибудь существенных новых данных. Следует лишь отметить характеристику самого Болотникова, даваемую как раз в этой части документа. Автор называет Болотникова «старым разбойником с Волги» (olde Robber or Borderer of the Volga). Это указание на связь Болотникова в прошлом с Волгой (единственное, кажется, в источниках) повидимому не имеет под собой реальных оснований, являясь домыслом автора записки. Положение Болотникова среди восставших автор определяет называя его одним из «главных начальников лагеря мятежников»; другим «главным начальником» восставших автор называет Пашкова.

¹ И. Масса. Указ. соч., стр. 164.

² Сказания современников о Димитрии Самозванце, I, стр. 216—217.

Заканчивая обзор содержания английской записки, следует остановиться на одной характерной особенности ее. Речь идет в данном случае о трактовке автором записки вопроса о «царе Димитрии» и о его взгляде на значение этого момента в развитии движения Болотникова. Для того, чтобы правильно понять те места из документа, где речь идет о Димитрии, следует обратить внимание, что автор говорит о Димитрии в трех, так сказать, планах. Сам автор исходит из признания факта смерти Лжедимитрия и поэтому всюду говорит о нем как об умершем. Что касается руководителей восстания Болотникова, то автор считает, что с их стороны имело место сознательное использование веры масс в «царя Димитрия» для осуществления своих планов («...для получения лучшей поддержки своих начинаний они пустили слух, что Димитрий еще жив и просил их восстановить его на царство»). Наконец, автор записки подчеркивает глубокую веру масс в то, что «царь Димитрий» жив. Этот «царистский» момент в движении Болотникова автор даже переоценивает, особенно для начального этапа движения, когда «слух, что Димитрий еще жив», приобретает в изложении автора записки значение чуть ли не основной силы, вызвавшей восстание против Шуйского. Как своего рода курьез следует отметить, что автор в одном месте как бы допускает наличие веры в то, что Димитрий жив, даже у самого В. Шуйского, указывая, что в результате измены Пашкова и перехода его на сторону царя В. Шуйский узнал, «что слух о том, что Димитрий жив, был ложной выдумкой». Впрочем, здесь, повидимому, скорее неудачный литературный оборот, чем серьезное убеждение автора.

Таково в основном содержание нашего документа. Нам представляется, что он заслуживает интереса историка в двояком отношении. Прежде всего он свидетельствует о том, что внутренняя социальная борьба в Русском государстве начала XVII в. привлекала к себе пристальное внимание западно-европейских государств и среди них — Англии.¹ Но главное значение его, конечно, не в этом. Английское донесение 1607 г. расширяет наши сведения о восстании Болотникова и поэтому должно занять почетное место среди источников о первой крестьянской войне в России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ПО СМЕРТИ ПОСЛЕДНЕГО ПРЕТЕНДЕНТА ДИМИТРИЯ

Нынешний государь Василий Иванович, достигнув власти по праву наследования и соответственно утвердивший по избранию его боярством, дворянством и общинами Москвы, вскоре после смерти Димитрия и торжества своей коронации начал смещать и назначать воевод и начальников во всех областях и городах своих владений и в числе других послал воеводу в важный город, называемый Путивль, и отправил немедленно вслед за ним дворянина привести к присяге население этого города на верность ему. Этот дворянин, встретившись с одним особенным фаворитом прежнего государя по имени Молчанов (который, бежав туда, отклонил многих дворян и солдат тех мест от признания нынешнего государя), был соблазнен им таким образом и перешел на их сторону в знак протеста против того великого угнетения, которое терпели от Москвы окраины и отдаленные места России, что выразилось прежде

¹ В публикации В. Н. Александренко имеется еще один документ о восстании Болотникова — экстракт (современный) из донесения английского консула в Данциге Вильяма Брюса лорду Солисбюри от 5 сентября 1607 г.: «Сообщают за достоверное, что после Шуйского последним узурпатором в Московии является какой-то Димитрий Петрушка (Demetrius Petrillus), родственник последнему убитому Димитрию» («Старина и Новизна», XIV, стр. 259).

Бедность и недостоверность содержания этого донесения — лишний довод в пользу московского происхождения анонимной английской записки.

всего в убийстве их царевича, а затем в избрании нового царя без уведомления их о причинах низложения первого и без запроса о их согласии на избрание последнего. Вследствие этого они воспользовались случаем, чтобы отказаться от верноподданнической присяги, и решили потребовать у Московских [властей] отчета о прежних деяниях. И они поступили так еще более потому, что Димитрий за особые услуги освободил эту область от всех налогов и податей в течение 10 лет, что было целиком потеряно с его смертью. Новый воевода, противодействовавший этому заговору, был убит, а для получения лучшей поддержки своих начинаний они пустили слух, что Димитрий еще жив и просил их восстановить его на царство. Этот слух среди недовольного и мятежного люда имел такой поразительный успех, что большинство городов в этой части страны отказалось от своей присяги нынешнему государю и принесли новую присягу предполагаемому в живых Димитрию, что заставило [нынешнего] государя собрать силы и выставить войско. Узнав об этом, мятежники привлекли на свою сторону всех недовольных в этой части страны, и в скором времени их силы возрасли настолько, что они выступили в поход в количестве 60 000 человек и явились под Москвой на расстоянии трех английских миль. Наличие такой армии, вместе со слухами, что Димитрий жив, привели население страны в такое смятение, что оно недоумевало, что ему делать, ожидая разграбления и разрушения Москвы, большая половина которой была осаждена, другая же часть города, — я не знаю в силу какого ослепления, — была оставлена открытой, так что могла получать подкрепление войском и припасами, пока слишком поздно они не спохватились, чтобы замкнуть блокаду, но были дважды отброшены с большими потерями. Несмотря на это, они продолжали осаду и писали письма к рабам в город, чтобы они взяли за оружие против своих господ и завладели их именными и добром. Страх перед этими людьми был почти так же велик, как перед врагом извне, и даже больше, ввиду того, что простой народ, недавно развращенный разбоями и грабежом поляков, был очень непостоянен и готов к мятежу при всяком слухе, надеясь вместе с мятежниками участвовать в разграблении города. Бояре же и лучшие горожане были в неменьшем беспокойстве, чем остальные, под влиянием рассказов, слышанных от захваченных в плен мятежников. Ввиду этого одного из них посадили на кол, а он, умирая, постоянно твердил, что прежний государь Димитрий жив и находится в Путивле. Наконец, мятежники написали в город письма, требуя по имени разных бояр и лучших горожан, чтобы их выдали, как главных виновников в убийстве прежнего государя. Эти бояре и лучшие горожане, видя, в каком крайнем положении они находились, употребили все свое влияние и средства, чтобы поддержать и помочь государю, и убедили его, что не было другого средства освободить себя от этой опасности, как дать сражение, о чем и было принято решение. К этому времени разгорелись разногласия между двумя главными начальниками лагеря мятежников, одним из которых был старый разбойник с Волги по имени Болотников, а другого звали Пашков; разногласия эти так разрослись, что этот Пашков оставил свою партию и перешел и подчинился государю с 500 своих сторонников. От него государь узнал о положении в лагере мятежников и что слух о том, что Димитрий жив, — был ложной выдумкой. Враг находился в смятении от ухода одного из своих главных вождей и внутренних раздоров; государь выступил против них и в конце концов обратил их в бегство. Болотников бежал с теми из своих людей, которые спаслись, в город по имени Калуга в 100 милях или более от Москвы, где он укрепился и в течение трех месяцев выдерживал осаду, будучи поддерживаем плодороднейшей частью страны, лежащей между рек — Доном и Днепром.

Исход борьбы неопределен.

Примечание. Русский перевод документа дается здесь в исправленном виде, так как в публикации В. Н. Александренко он страдает рядом неточностей, пропусков и прямых ошибок. За просмотр перевода приношу благодарность М. А. Гуковскому.

А. И. АНДРЕЕВ

НОВОТОРГОВЫЙ УСТАВ 1667 г.

(К истории его составления)

Новоторговый устав 1667 г. был издан несколько раз: в XIX в. он был напечатан в IV томе «Собр. Гос. Грам. и Догов.» (СГГД) под № 55 по списку, с датой 1667 г. мая 7, взятой не из текста, напечатанного здесь; несколькими годами позднее устав был напечатан в «Первом Полном Собрании Законов» (ПСЗ), в т. I под № 408, с датой 1667 г. апреля 22. Тексты обоих изданий отличаются друг от друга не только датой. В ПСЗ текст устава, как в СГГД, имеет 94 статьи, но в нем после 94-й статьи имеется дополнение, озаглавленное так: «Устав торговлей (торговле?) в царствующем граде Москве и во всей Великой России в порубежных городех, чтоб иноземцы за море и тож в свои городы о привозе Великия России в порубежные городы своих заморских товаров также и к приему русских товаров вскоре для раннего приходу кораблей писали». Этот «устав торговле» состоит из семи статей; в конце последней стоит дата: «дано из Посольского приказа апреля в 22 день»; на основании этой даты редакторы ПСЗ отнесли и весь торговый устав к 22 апреля 1667 г. В том же издании имеется после даты дополнительная запись, относящаяся несомненно только к «уставу торговле», из семи статей: «апреля в 24 день, по указу великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича, веза Великия и Малыя и Белья России самодержца, таковы статьи списаны в лист александрийской бумаги по тетратному на обороте, и отданы голандцов и гамбурцов стряпчему иноземцу Григорью Николаеву, а велено ему те статьи голанцом и гамбурцом торговым иноземцом объявить, чтоб они о торговле каков (таков?) устав ведали, и за море о том ведомость чинили, откуда в Российское государство заморские товары приходят». Никаких указаний на то, печатается ли торговый устав 1667 г. по списку или по подлиннику, в последнем издании не имеется.

Отмеченные две, в сущности разные по характеру, части торгового устава 1667 г. указаны в предисловии к нему. «Великий государь..., слушав докладные выписки и торговых статей, с своими... бояры и с думными людьми, указал, а его... бояре приговорили: по челобитью Московскаго государства гостей и гостиных сотен и черных слобод торговых людей, от приезжих иноземцов во многих обидных торгах... ныне всемилосердным великаго государя... на всенародное слезное челобитве воззрением, чтобы Московскаго государства и порубежных городов Великие России торговые люди имели свободные торги, как годится быти... по нижеписанным торговым статьям из Посольского приказа приезжим иноземцам, для ведомостей заморских... на письме дано, а подлинныя статьи, за руками гостей и лучших торговых людей и слобод черных, приходов их отцев духовных за руками ж, в Новгородской чети...». Из текста совершенно ясно, что основанием для нача-

ла дела было: 1) какое-то челобитье торговых людей, в ответ на которое была составлена в Новгородской четверти 2) докладная выписка, — проект торгового устава и, может быть, тех статей, которые затем были переданы иноземцам, — оба проекта получили одобрение, после чего из Посольского приказа был дан иноземцам тот 3) «устав торговле», который является в печатном тексте ПСЗ продолжением торгового устава, а затем 4) к подлинному торговому уставу, в Новгородской четверти, торговые люди приложили свои руки... Из всех моментов этого дела в печатных текстах отсутствует последний: в изданиях нет рукоприкладства торговых людей; ясно из этого, что оба издания сделаны не по подлиннику, а по спискам (что и отмечено в СГГД), причем по спискам разным.

Последний исследователь торгового устава 1667 г. К. В. Базилевич¹ не мог, конечно, пройти мимо вопроса о разработке устава, но, к сожалению, ясности в ход дела по его созданию не внес. К. В. Базилевич устанавливает те моменты создания устава, которые он находит в официальном сообщении, предшествующем тексту самого устава; их у него только три: 1) подача челобитья, 2) разработка устава и 3) утверждение устава. В своих дальнейших суждениях он пользуется двумя списками устава: напечатанным в СГГД и найденным им в «Приказных делах новой разборки», хранящихся в ГАФКЭ, причем в этом последнем списке оказалась часть рукоприкладств торговых людей, которые должны находиться в подлиннике торгового устава, хранившемся в Новгородской четверти.

К. В. Базилевич разбирает каждый из этих моментов в отдельности. Он справедливо догадывается, что никакого нового челобитья торговых людей в 1667 г. не было, но тогда о каком же челобитье идет речь в начале торгового устава? Таким челобитьем было поданное еще в 1646 г., на которое только теперь был дан ответ: оно не случайно приложено к тому списку устава 1667 г., который нашел К. В. Базилевич, оно не случайно оказалось и при подлиннике торгового устава 1667 г., который удалось найти мне. Совершенно очевидно, что заключение К. В. Базилевича о том, что «подлинное челобитье 1646 г. было найдено уже после утверждения Новоторгового устава», может быть принято лишь в том случае, если логическое ударение ставить на первом слове, т. е. полагать, что первоначальная стадия дела была основана на списке с челобитной 1646 г., коей подлинник был найден позже. Мне кажется, что отмеченная подробность не имеет важного значения: текст введения к уставу 1667 г. определенно говорит о челобитной, — значит она была, причем в деле имеется челобитная 1646 г., попавшая в него конечно не случайно, значит именно ее имеет в виду упомянутое введение.

Когда был утвержден торговый устав, из текста его не вполне ясно, а потому К. В. Базилевич считает сначала, что будто бы официальной датой утверждения устава было 7 мая, т. е. «в момент подписания его в Посольском приказе торговыми людьми». Действительно, последний факт — подписание торговыми людьми торгового устава — произошел 7 мая, но на чем основано мнение, что «дата 7 мая официально отмечена в качестве утверждения устава», неизвестно, если не считать, что под этой датой торговый устав напечатан в СГГД. Думаю, что к такому утверждению нет оснований, так как из последующего видно, что эту дату признать датой утверждения устава невозможно.

В самом деле, по словам К. В. Базилевича, «в конце краткого спис-

¹ Новоторговый устав 1667 г. — Изв. Акад. Наук по отд. общ. наук, № 7, 1932 г., стр. 589—622.

ка торговых статей (т. е. тех семи статей, которые названы «устав торговле». — А. А.), отданных «для ведома» иноземцам, указано, что список был составлен в Посольском приказе 22 апреля». В тексте устава, напечатанном в ПСЗ (то же и в подлиннике, о котором речь ниже), в числе семи статей «устава торговле», подлежащего передаче иноземцам через Посольский приказ, стоит: «Дано из Посольского приказа апреля в 22 день» и вслед за этим: «и апреля в 24 день... таковы статьи списаны в лист александрийской бумаги... и отданы голландцов и гамбургцов стряпчему иноземцу Григорью Николаеву...». Сопоставляя эти два текста, ясно, что первый говорит не о составлении списка (список был сделан к 24 апреля), а о чем-то другом, — думаю, что текст «дано из Посольского приказа апреля в 22 день» надо относить к моменту составления в Посольском приказе, на основании уже утвержденного торгового устава, тех статей, которые должны быть вручены затем иноземцам. Таким образом, утверждение торгового устава должно было произойти не позднее 22 апреля, надо думать, — в этот или в один из ближайших к нему дней.

Все отмеченные выше наблюдения можно было сделать уже на основании печатных текстов Новоторгового устава, в основе которых лежат, однако, списки Новоторгового устава. К счастью, сохранился и подлинник его, который позволяет сделать несколько дополнительных наблюдений об этом памятнике.

Подлинник Новоторгового устава найден мною в рукописи № 341 Эрмитажного собрания Государственной Публичной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Рукопись состоит из 48 листов и содержит в себе прежде всего текст Новоторгового устава (лл. 1—27 об.). Беглое сравнение рукописного текста с печатным заставляет отметить, что между ними имеются отличия: рукопись дает во многих случаях несомненно лучшее и более правильное чтение.¹

После текста устава, на л. 28 читаем отсутствующее в печатном тексте ПСЗ: «и ис сех статей, которые выше писаны, выписано на перечень и отдано разных государств торговым иноземцом для ведома устав торговле» — и далее (лл. 28—30 об.) приводится известный по печатному тексту «устав торговле» (а не «торговлей», как в ПСЗ, I, стр. 690), состоящий из семи статей, писанных тем же почерком, как и предшествующий ему торговый устав.

Непосредственно за статьей седьмой «устава торговле» написано: «Дано из Посольского приказу апреля в 22 день 175-го году»; как известно, в печатном тексте отсутствует год, а вся фраза выделена в особый абзац; текст рукописи позволяет сделать одно заключение: и торговый устав (ст. 1—94) и «устав торговле» (ст. 1—7) несомненно «даны» из Посольского приказа одновременно, именно 22 апреля 1667 г., т. е. дата этого памятника, указанная в ПСЗ, совершенно правильна.

Вслед за отмеченной датой, с новой строки, написан тот текст, который читаем в конце издания устава в ПСЗ: «и апреля ж в 24 день, по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великие и Малые и Белые России самодержца, таковы статьи списаны в лист александрийские бумаги по тетратному на оборот и отданы галанцов и анбурцов (в печатном — гамбургцов) стряпчему иноземцу Григорью Николаеву и велено ему те статьи галанцом и анбурцом (в печатном — гамбургцом) объявить, чтоб они о торговле таков (в печатном — каков) устав ведали и за море о том ведомость чинили, от-

¹ Для примера укажу на ст. 94: в рукописи после слов: «и в ларцах и в ящиках» прибавлено: «и в зепях» (по Далю — в сумках); вместо печатного: «и о том держать», — в рукописи: «и то здержать»; вместо: «во всех государствах», — «во всех же государствах» и др.

куды в Российское государство заморские товары приходят». Этой записью оканчивается печатный текст, но рукопись имеет затем еще весьма существенное дополнение. На л. 31 читаем следующее: «а по имянному великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великие и Малые и Белые России самодержца указу в Посольском приказе боярин Афонасей Лаврентьевич Ордин-Нащокин да думные дьяки Герасим Дохтуров да Лукьян Голосов с товарищи, по челобитной заручной всех московских гостей и черных слобод и розных городов лутчих и середних торговых людей, о торговом с иноземцы устроению с ними говорили, и как великого государя казне пошлинной со всяких товаров без обид к большому збору и от насильных и обманных иноземских товаров московским и в порубежных городех и во всей великой Росии к обороне быти, а с чесными иноземцы, с пограничными соседи и з заморскими, к совету и к пожиточным к лутчим торгом, против всенародного челобитья, промыслом быти. У докладные выписки (л. 31 об.) подлинные статьи и с тех статей для ведома заморским иноземцом ведать устав учинили и приписми рук совершили 175-го мая в 7 день».

Приведенный текст, писанный тем же почерком, как и предшествующие листы рукописи, не оставляет, как мне кажется, сомнений в том, что на основании челобитной «всех московских гостей и черных слобод и розных городов лутчих и середних торговых людей» в Посольском приказе, как уже догадывались исследователи,¹ при ближайшем участии А. Л. Ордина-Нащокина был составлен торговый устав 1667 г. и краткий «устав о торговле», переданный 24 апреля того же года представителю голландских и гамбургских купцов. В обсуждении устава русские торговые люди не участвовали, но содержание уже утвержденного устава было сообщено им в Посольском приказе 7 мая 1667 г.; таким образом дату 7 мая нет никаких оснований считать датой официального утверждения устава, как склонен думать К. В. Базилевич, следуя в этом за издателями устава 1667 г. в СГГД: это — дата обнародования устава торговым людям, разъяснения его содержания и собирания их подписей.

Далее на л. 31 об. находится расписка на голландском языке иноземца Григория Николаева, под которой написано: «С сего писма перевел Посольского приказу переводчик Андрей Виниус», а в переводе написано: «сего правого нового торгового устава список со всеми статьи яз Григорей Николаев из Посольского приказу принял и в том рукою своею росписался. Андрей Виниус руку приложил» («Андрей... приложил» — собственноручная подпись Виниуса). На полях, против слов «Григорей Николаев» написано тем же почерком, что и весь этот текст: «Галанской и Амбурской кампаней стряпчей».

Наконец, в конце рукописи (лл. 32—48 об.) почерком, отличным от почерков лл. 1—31 об., переписан «список с заручной челобитной» гостей, гостиной, суконной и черной сотен торговых людей, в которой легко узнаем известную челобитную 1646 г.; с л. 44 рукописи идут подписи под челобитной: Федора Юрьева вместо отца его Василия, Григория Никитникова и др. Наличие этой челобитной в рукописи устава 1667 г. в полной мере подтверждает то отмеченное выше предположение, что в основу устава 1667 г. было положено челобитье торговых людей 1646 г. Возможно, что челобитная была вписана в дело несколько позднее, после того как состоялось уже опубликование устава иноземцам и русским торговым людям: в таком случае приписка, имеющаяся на копии челобитной 1646 г., принадлежавшей Соловецкому

¹ Ср. у К. Базилевича, указ. статья, стр. 597—599.

монастырю, — «такова челобитная сыскана в Посольском приказе в нынешнем 175-м году мая в 9 день...»¹ может быть отражает действительное положение: подлинную челобитную 1646 г. отыскивали уже после того, как все дело провели, имея лишь список этой челобитной; именно с подлинника снята была тогда же копия, находящаяся при тексте устава 1667 г. по рукописи Эрмитажного собрания.

Как уже отмечено выше, собранные 7 мая 1667 г. в Посольском приказе торговые люди «подлинные статьи и с тех статей для ведома заморским иноземцом ведать устав учинили и приписми рук совершили...». И начиная с л. 1 по л. 31 включительно, внизу текста находим подписи торговых людей.² На лл. 1—3 подписи гостей Федора Юрьева, Матвея Антонова, Семена Левашова, Степана Горбова, Семена Потапова, Ивана Худякова, Алексея Суханова, Ивана Панкратова, Ивана Климшина, Киприана Климшина, Аверкия Кириллова, подписавшего также и за гостя Афонасья Федотова. С л. 9 начинаются подписи торговых людей суконной и с л. 10 гостиной сотен, которые идут попеременно с подписями «представителей» (чаще всего старост) московских слобод, сотен и полусотен; всего подписалось: представителей гостиной сотни — 6, суконной — 5, слобод, сотен и полусотен — 45; при семи подписях не указан разряд торговых людей; таким образом, всего на лл. 1—27 находим подписи 75 лиц, подписавшихся лично, или, по их челобитью, подписались другие лица. Подписи под выпиской из статей, которые даны «разных государств торговым иноземцам для ведома», имеют по листам (28—31) приписи иногородних торговых людей: их всего 9, причем 5 подписей принадлежат вологодским посадским и по 2 новгородским и псковским.

Приведенный перечень подписей торговых людей, который находится в торговом уставе, позволяет, кажется, определенно сказать, что для заслушания устава были созваны в Посольский приказ случайно находившиеся в этот день (7 мая 1667 г.) в Москве представители московских и иногородних торговых людей, которые и «приписали свои руки» под статьями устава. Это любопытное собрание автографов заслуживает конечно особого внимания палеографа XVII в. и является, насколько мне известно, единственным в своем роде.

Те особенности подлинного текста торгового устава 1667 г., которые находим в рукописи № 341 Эрмитажного собрания и которых нет в известных списках его, мне кажется, ставят на очередь вопрос о новом издании этого замечательного памятника; во всяком случае, имеющиеся издания не могут уже удовлетворять историка.

¹ ААЭ, IV, № 13.

² Часть их была найдена К. В. Базилевичем в списке Новоторгового устава 1667 г., который находится в ГАФКЭ среди приказных дел новой разборки № 680; в полном виде эти подписи до сих пор были неизвестны.

А. И. АНДРЕЕВ

ЧЕРЕПАНОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

I

В вышедшем в 1785 г. первом томе труда И. Фалька «*Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs*» на стр. 277 были напечатаны интересные сведения о встрече Фалька в Тобольске в 1772 г. с семьей ямщиков Черепановых. Один из братьев, Козьма, был зажиточный и очень умный человек, приобретший познания в науках «самоучкой»; он был в то же время искусным резчиком и зодчим, имел много сведений в математике, механике, истории и в прочих науках и являлся владельцем библиотеки, состоявшей из 400 книг по указанным наукам. Брат Козьмы, Илья Черепанов, «в свободное от промысла время сочинил большую сибирскую хронографию». В труде Фалька приведены выписки «из рукописной хронографии Ильи Черепанова», в которых излагаются события из истории Сибири XVI—XVIII вв., причем последнее известие относится к 1755 г. Рассказ Фалька, основанный на заметках его спутника в путешествии лекаря Барданеса, заканчивается словами: «*So weit mein braver Jantschick*», что в русском переводе, изданном в 1824 г., переведено словами: «Здесь оканчивается хронография моего ямщика...»¹

Сам Фальк, как известно, не успел обработать свои многочисленные материалы о путешествии по Сибири в 70-х гг. XVIII в., и эту работу выполнил другой сибирский путешественник, одно время спутник Фалька — И. И. Георги; и то, что называется трудом Фалька, в сущности является произведением И. И. Георги.

Известие о находке летописи Черепанова не привлекло внимания историков XVIII в., в частности, М. М. Щербатова, выпустившего вскоре после того один из томов «Истории Российской»; сибирские события изложены у Щербатова по Миллеру и Фишеру.

Но летопись, о которой идет речь, была известна Н. М. Карамзину: он получил ее в копии от тобольского архиепископа Амвросия (Келембета, 1806—1822) и в двух местах своей «Истории» ссылается на нее.² После смерти Карамзина принадлежавшая ему копия «Новой Сибирской летописи» (как назвал Карамзин летопись Черепанова) поступила в Публичную Библиотеку в Петербурге,³ где она хранится до сих пор.

Несколькими годами ранее из того же Тобольска, откуда получил копию Черепановской летописи Н. М. Карамзин, была доставлена архиепископом Антонием (Знаменским, 1803—1806) гр. Н. П. Румянцеву другая копия летописи с того же подлинника — рукописи Тобольской духовной семинарии; эта копия хранится ныне в ГАФКЭ, в собрании

¹ Неполный и неточный русский перевод труда Фалька появился в томах VI и VII «Полного собрания ученых путешествий», СПб., 1824; о семье Черепановых — в томе VI, стр. 402—406.

² История Государства Российского, IX, прим. 644, 664.

³ Отчет Публичной Библиотеки за 1867 г., стр. 56 (шифр Е. IV. 324).

рукописей Комиссии печатания государственных грамот и договоров. По всем признакам, эта копия полнее той, которую пользовался Н. М. Карамзин; в ней имеются сведения о том, что летопись «собрана в Тобольску ямщиком Иваном Леонтьевым сыном Черепановым в 1760-м году»,¹ — таким образом, в отличие от сообщения Фалька, имя составителя летописи было не Илья, а Иван, причем составление летописи отнесено к определенному — 1760-му году.

В 1821 г. Г. И. Спасский в издававшемся им «Сибирском Вестнике» (XIV, кн. 6, стр. 35—46 (303—314)) напечатал «Известие о новейшей летописи сибирской, сочиненной Ильею Черепановым». На основании известий Фалька о летописи Черепанова, Г. И. Спасский установил, что летопись, присланная ему из Сибири Петром Козьмичем Фроловым, должна быть списком той же Черепановской летописи. Из этой Фроловской копии Спасский напечатал в 1821—1823 гг. несколько отрывков Черепановской летописи.²

После Спасского Черепановская летопись, по списку Тобольской духовной семинарии, была использована П. А. Словцовым в вышедшем в 1838 г. труде его «Историческое обозрение Сибири» (ч. I, стр. IX—X). Он дал о ней следующий отзыв: «Рукописный сборник библиотеки Тобольской семинарии, несправедливо названный сибирской летописью... сокращенно доведенной разными сократителями, из коих первый, вероятно, геодезист, не чужд ведения космографического. Вообще заметно, что сборник выправлен после издания Миллеровой истории. Я пользовался этой рукописью не без осторожности».

Благодаря публикации Г. И. Спасского, богатое содержание Черепановской летописи должно было обратить на себя внимание. Но исследователь сибирской старины Н. А. Абрамов безуспешно пытался заинтересовать этим памятником Археографическую комиссию: в одном из заседаний Комиссии 1849 г., повторяя сказанное Спасским еще в 1821 г., Абрамов сообщил, что «в библиотеке Тобольской семинарии есть очень примечательная рукопись — «Сибирская летопись», на 300 листах in folio.³ Начинается генеалогиею Ермака... и оканчивается 1760 годом. Расположена по годам, которые выставлены на полях. Повествования о начальных происшествиях Сибири до 1620 г. выписаны из первой книги «Истории Миллера», далее заимствованы из разных летописей (Ремезова и Есипова или Осипова, как называет его Черепанов), из деловых бумаг архиерейского приказа, гражданских присутственных мест и других источников. Происшествия церковные описаны подробнее других...». «От стариков, некогда обучавшихся в Тобольской семинарии», Абрамов слышал, что «большая рукописная сибирская летопись давным давно находится в библиотеке семинарии...». С этой рукописи в 1839 г. Абрамов снял для себя копию. В своем сообщении он резко возражал Фальку, сообщавшему, что летопись сочинил ямщик Илья Черепанов: «откуда частному человеку низкого звания, занимавшемуся извозом, иметь столько сведений для составления летописи и притом не из печатных только книг и рукописных летописцев, но и из бумаг официальных...». По мнению Абрамова, «не подлежит, кажется, никакому сомнению, что летопись собрана начальниками и наставниками Тобольской семинарии, и Черепанов, вероятно, пользовался ею вре-

¹ М. Пуццлло. Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири, стр. 82, М., 1879.

² «Сибирский вестник», 1821, XIV, кн. 6, стр. 40—43, 43—44, 289—294; XV, стр. 61, 100—119, 262—269, 306—315; XVII, стр. 56 и др.; 1823, II, отд. биографий, стр. 27 и сл.; IV, стр. 196—204 и др.

³ Ср. в Летоп. зан. Археогр. ком., VII, отд. IV, стр. 38 («... в лист, на 216 листах...»).

менно, оставил себе список и таким образом без умысла причислился к сибирским летописцам».

По заслушании доклада Абрамова, Археографическая комиссия просила его доставить принадлежащую ему копию сибирского летописца; была ли выполнена эта просьба, неизвестно.¹

Н. А. Абрамовым было напечатано несколько отрывков Черепановской летописи, причем, издавая их в 1858 г., он вновь повторил свои соображения о летописи, высказанные в 1849 г.²

В своих многочисленных статьях Н. А. Абрамов неоднократно пользовался Черепановской летописью, делая из нее выписки. Но после его смерти довольно долго не встречаем каких-либо упоминаний о ней; только в 1876 г. рукопись Тобольской семинарии, хранившаяся тогда в ее библиотеке под № 1655, привлекла внимание Р. Г. Игнатьева, в специальной заметке вновь напомнившего о ценности, заключающейся в рукописи Черепановской летописи;³ Р. Г. Игнатьев в особом письме обращал внимание Археографической комиссии на летопись; на этот раз Комиссия занялась изучением Черепановской летописи.

По просьбе Археографической комиссии, рукопись Тобольской духовной семинарии была доставлена в том же 1876 г. в Петербург и передана для изучения Л. Н. Майкову.⁴

В том же 1876 г. Л. Н. Майков прочитал в Археографической комиссии свой отзыв о рукописи Тобольской духовной семинарии, содержащей Черепановскую летопись; этот отзыв вместе с выписками из летописи был издан только в 1884 г.⁵ и являлся до последнего времени основным исследованием, посвященным Черепановской летописи.

В последующие годы XIX в. было напечатано еще несколько отрывков из Черепановской летописи.⁶ Появилось также несколько, в большинстве случаев мелких и случайных, заметок о ней, внесших, однако, мало нового в ее изучение.⁷

Л. Н. Майков дал прежде всего внешнее описание рукописи Тобольской семинарии: в ней было 216 листов in folio, писанных одним почерком конца XVIII в. На первом листе тем же почерком было написано заглавие: «Летопись Сибирская»; никакого предисловия в рукописи не было, и она начиналась с рассказа о происхождении Ермака, за которым следовало «предупреждение к летописи». По содержанию

¹ Список Н. А. Абрамова перешел затем к А. И. Сулоцкому, а от него к М. С. Знаменскому (Е. В. Кузнецов). Указатель сибирским летописям — «Тоб. Губ. Вед.», 1894 г., № 20, стр. 396; куда поступили рукописи М. С. Знаменского, мне неизвестно.

² «Тоб. Губ. Вед.», 1858 г., №№ 32—33 и 41; в № 32—33 напечатано начало летописи.

³ «Тоб. Губ. Вед.» 1876 г., № 24, часть неофиц. — «Заметка о сибирской летописи»; содержание этой «Заметки» было перепечатано в «Сибири», 1876 г., № 31.

⁴ Летоп. зан. Археогр. ком., VII, отд. IV, стр. 38—40.

⁵ Там же, стр. 44—68.

⁶ «Тоб. епарх. вед.», 1882 г., №№ 22—24; 1883 г., №№ 3 и 8; 1884 г., №№ 7—9, 13.

⁷ М. Пуцилло. Указ. соч., стр. 82; Зан. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., X, в. I, СПб., 1882, стр. 6, 16 (прим.); Журн. Мин. Нар. Просв., 1882, № 5, стр. 135 (А. И. Никитский); Литер. Сборн., изд. ред. «Восточного Обозрения», СПб., 1885, стр. 446 (в статье А. Оксенова); «Русский Вестник», 1889, № 9, стр. 38 (Д. И. Иловайский); Отчет по Тобольск. музею за 1891 г., стр. 28—29 (С. Н. Мамеев); «Тоб. Губ. Вед.», 1894 г., № 20, стр. 396 (Е. В. Кузнецов). В письме неизвестного в редакцию газеты «Сибирь» (1876 г., № 37) рассказывается о двух попытках издать Черепановскую летопись: при Тобольском архиепископе Варлааме (Успенском, 1862—1872) некто Высоцкий просил разрешения издать летопись по рукописи Тобольской духовной семинарии, но получил отказ со стороны Варлаама. Преемник Варлаама Ефрем (Резанов, 1873 г.) отнесся сочувственно к просьбе редактора «Русской Старины» издать ту же летопись, но до 1876 г. издание не было осуществлено.

своему «предуведомление» являлось повествованием о разбоях казаков, затем о Строгановых и о сборе дружины Ермака. С листа 3-го начинался погодный рассказ, разделенный на параграфы, счет последних в каждом году велся особый, начиная с первого. Л. Н. Майков отметил, что летопись изложена обыкновенным книжным языком середины XVIII в. «Уже одно это обстоятельство доказывает, что мы имеем перед собою памятник весьма поздней редакции, даже в тех его частях, которые повествуют о событиях XVI в.; обозрение состава летописи еще более подтверждает это соображение». Л. Н. Майков указал далее основные источники, которыми пользовался составитель летописи: «вся начальная часть сборника Черепанова есть в сущности не что иное, как подробное и частью дословное извлечение из «Описания Сибирского царства» Г. Ф. Миллера (Спб., 1750). Кроме труда Г. Ф. Миллера, по правильному наблюдению Л. Н. Майкова, Черепанов обнаруживает знакомство и с другими источниками сибирской истории: «историком Ремезовым», «Осиповой историей», «некоторой сибирской историей», «вторым Ремезовым», «Кратким известием о народе остяцком» и др. По наблюдению Л. Н. Майкова, после 1618 г., которым заканчивается «Описание Сибирского царства», Черепанов использует «современные записи, а известия за последние годы, обнимаемые летописью, быть может записаны и самим Ильей Черепановым, как очевидцем. Во всяком случае, должно признать, что вторая половина Черепановской летописи имеет по своему содержанию самостоятельное значение и представляет большой исторический интерес». Но Л. Н. Майков высказался против полезности, а главное — своевременности издания этого памятника, причем его соображения были основаны на том, что «летопись Черепанова весьма сложна по своему составу, а в настоящее время (1876 г.) еще недостаточно выяснились взаимные отношения и более старых, более первоначальных источников сибирской истории. Далее, во второй своей половине летопись Черепанова содержит в себе много заимствований из других источников и потому, как памятник позднейшего образования, требует особенно тщательной критики, а для критики такого рода, особенно по истории Сибири в XVII и XVIII вв., у нас имеется еще слишком мало данных». Л. Н. Майков возражал Н. А. Абрамову, отрицавшему авторство Ильи Черепанова, и считал, что сообщаемые Фальком данные об этом «весьма положительны, а сличение сделанных им извлечений из «хронографии» Черепанова с... рукописью (Тобольской духовной семинарии), делает несомненным, что Фальк говорит именно об этом сборнике». Л. Н. Майков в заключение указал, что список Черепановской летописи, кажется, имеется в сборнике № 232 Общества истории и древностей российских, описанном П. М. Строевым.

К своему исследованию Л. Н. Майков приложил несколько выписок из Черепановской летописи «по рукописи Тобольской духовной семинарии»; но листы рукописи, указанные при выписках, соответствующим не листам Тобольской рукописи, а листам той копии с этой рукописи, которая была в распоряжении Н. М. Карамзина и которая в 1867 г. поступила в Публичную Библиотеку (F. IV, 324).

В соответствии с отзывом Л. Н. Майкова, Археографическая комиссия постановила вернуть рукопись по принадлежности Тобольской семинарии; последующие копии снимались уже на месте, причем одна из них была сделана для Тобольского музея.¹

Несмотря на решительные утверждения Л. Н. Майкова, некоторые авторы, писавшие о Черепановской летописи после него, продолжа-

¹ Отчет по Тобольскому музею за 1891 г., стр. 28.

ли считать спорным вопрос об авторе летописи — был ли им ящик Иван Черепанов, или же она — плод коллективного творчества преподавателей Тобольской духовной семинарии.¹ Кроме того, в дополнение к разысканиям Л. Н. Майкова было сделано два ценных наблюдения об источниках Черепановской летописи: так, в 1894 г. А. А. Дмитриев весьма убедительно показал, что «некоторая сибирская летопись», из которой Черепанов приводит рассказ о происхождении Ермака, а также известие о пожаловании Ермака «сибирским князем», оказалась в сборнике, приобретенном А. А. Дмитриевым в 1890 г. в одной из деревень Соликамского уезда; это «Сказание Сибирской земли», впервые напечатанное в выпуске пятом «Пермской Старины» А. А. Дмитриевым,² было позднее переиздано в «Сибирских Летописях», причем список этот, по имени одного из владельцев рукописи, получил в издании название Бузуновского.³ Другой исследователь, А. А. Ионин, автор специального труда о весьма распространенном в Сибири летописном своде XVII—XVIII вв. — «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по ее взятии...»,⁴ который А. А. Ионин изучал по рукописи № 200 б. собрания Киево-Печерской лавры, отметил, что «летопись Черепановская в изложении... церковно-исторических событий до 1686 г. до буквальности сходна с нашей летописью».⁵

Следует отметить, наконец, замечания о Черепановской летописи С. В. Бахрушина.⁶ Он считает ее «летописью, искусственно составленной из разных источников»; кроме ранее уже указанных источников, С. В. Бахрушин отметил, что Черепанов несомненно пользовался отдельными сказаниями местного происхождения. По мнению С. В. Бахрушина, «самостоятельное значение этой компиляции тобольского самоучки-начетчика может быть не очень велико, но она представляет наглядный образец вкусов и интересов образованного сибиряка того времени. Соединяя в одно целое рукописную литературу XVII в. с научными произведениями XVIII в., «Новая Сибирская история»⁷ рисует конкретно постепенный переход от науки старинных московских книжников к новой науке иностранных профессоров вновь основанной Академии».

В последние годы Черепановская летопись вновь привлекла к себе внимание сибирских исследователей; из нее приводились извлечения в местных литературных изданиях, а Леонид Мартынов посвятил две статьи⁸ Черепановской летописи, которая ему известна по списку Тобольского музея. Автор обратил внимание на язык Черепановской летописи и нашел в нем несомненные следы поэтического творчества; летопись Черепанова, по мнению автора, искажена местными тобольскими попами, но все же заслуживает критического издания, так как дает очень много ценного по истории Сибири.

II

Приведенные данные о Черепановской летописи нельзя признать исчерпывающими: в сущности, ни вопрос об авторе летописи, ни о

¹ Е. Кузнецов. Указ. соч.; ему, впрочем, была неизвестна работа Л. Н. Майкова.

² Пермь, 1894, стр. 213—220.

³ Сибирские летописи, стр. XXVIII—XXX, 296—306, СПб., 1907.

⁴ А. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири XVII в., стр. 142—162, Л., 1940.

⁵ «Сибирский архив», № 9—11 за 1913 г., стр. 427.

⁶ Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., стр. 35, М., 1927.

⁷ Так называет автор вслед за Н. М. Карамзиным Черепановскую летопись.

⁸ «Иртыш, Иппокрена и Лета. Поэты тоболяки XVIII стол.» — «Омский Альманах», 1939 г., № 1, стр. 123—127 («Ученый ящик») и «Труд ящика Ильи Черепанова» — «Омская Область», 1939 г., № 11—12, стр. 102—105.

составе его труда и источниках последнего, а равно и о том, что же представляет та рукопись Тобольской семинарии, к которой восходят все известные списки, — является ли она оригиналом или тоже копией — все эти вопросы нельзя признать решенными. Между тем, данные для разрешения их имеются: теперь можно, кажется, назвать подлинник труда Черепанова, который позволит ответить на многие вопросы, связанные с ним.

Отмечу прежде всего, что из обзора литературных данных о Черепановской летописи видно, что кроме списка Тобольской духовной семинарии, в XIX в. было известно еще несколько списков с нее: Румянцевский 1803—1806 гг. (ныне в ГАФКЭ), Карамзинский 1806—1822 гг. (в Гос. Публ. библиотеке в Ленинграде); Фроловский 1821 г., Абрамовский — 1837 г. или 1839 г. и Тобольского музея 1891 г.; списки Фроловский и Абрамовский были, повидимому, утеряны еще в XIX в.; все прочие являются несомненными копиями списка Тобольской духовной семинарии. Такой же копией, но неполной, является и список в сборнике № 232 (лл. 27—220 об.) б. собрания рукописей Общества истории и древностей российских (ныне в Библиотеке СССР им. Ленина): он писан почерком XIX в. видимо в 1836 г. (ср. л. 220 об., внизу) и является, по всем данным, копией Румянцевского списка, который, как уже отмечено выше, был прислан гр. Н. П. Румянцеву архиепископом тобольским Антонием.¹

В настоящее время число списков Черепановской летописи уменьшилось: прежде всего оказался утерянным тот основной список, к которому восходят все прочие, — именно, список Тобольской духовной семинарии; его нет в настоящее время в Тобольске, и список этот приходится считать утерянным.

К счастью, эта потеря в полной мере вознаграждается той рукописью Черепановской летописи, о которой говорю далее.

В вышедшем в 1884 г. «Отчете Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1879—1882 гг.» среди приобретений музея отмечена (под № 2214) «Сибирская летопись с 1578 по 1760 гг., составленная тобольским ямщиком Ив. Черепановым». В «Отчете» приведены краткие сведения о летописи и, между прочим, указано, что «в начале ее — любопытное предисловие и предуведомление, в конце — послесловие...». Указание на предисловие и послесловие, имеющиеся в рукописи № 2214 и отсутствующие в списках, которые восходят к Тобольской рукописи Черепановской летописи и которых не было в ней самой, не могло не привлечь внимания к рукописи б. Румянцевского музея, но, насколько мне известно, ею никто до сих пор не занимался, хотя она вполне того заслуживает.

Рукопись № 2214 представляет переплетенную книгу в 509 листов: листы 1—508 — текст, сходный с текстом Черепановской летописи по спискам, сделанным с тобольской рукописи; л. 509 имеет надпись о принадлежности рукописи «светлейшему князю Сергею Дмитриевичу Кантемиру». Вся рукопись от листа 1-го до листа 508 об. писана одним почерком, но на л. 399 внизу другим почерком, кажется старческим, сделана приписка: «на память святого архистратига Михаила»;

¹ Кроме этих списков, имеются указания еще на два списка: 1) Г. И. Спасский утверждал (и это повторено М. Пуцилло, Указ. соч., стр. 82), что подлинник Черепановской летописи с рисунками хранится в Петербурге, в Академии Наук; неосновательность этого известия, в котором смешана Ремезовская летопись с Черепановской, уже была отмечена в литературе: в Академии Наук подлинника или списка Черепановской летописи не имеется (см., впрочем, далее о выписках из нее, сделанных Барданесом) и 2) с списке Черепановской летописи, который находился в одном из городов южной Сибири, сообщает заметка в «Восточном обозрении» за 1883 г., № 11, но этот список утерян.

тем же вторым почерком сделаны приписки на лл. 487 об., 489 об. и 502: все эти приписки оказались однако вписанными в строку в списке Черепановской летописи, принадлежащей Гос. Публ. Библиотеке в Ленинграде; значит, также без всякого различия от прочего текста, они находились и в оригинале, с которого снята копия Публичной Библиотеки, т. е. в рукописи Тобольской семинарии, ныне утерянной.

Как уже отмечено выше, в рукописи № 2214 имеется предисловие и послесловие, которых нет ни в одном из списков, восходящих к тобольской рукописи, — значит, их не было и в этой рукописи.

Вместе с тем, рукопись № 2214 дает более полный текст труда: по сравнению со списком Публичной Библиотеки в Ленинграде, сверх параграфа первого за 1760 г., которым кончается рукопись Публичной Библиотеки, в рукописи № 2214 имеем не только окончание этого параграфа, но за ним следуют §§ 2—5, причем в последнем параграфе речь идет о восстании крестьян Исецкой провинции. Впрочем, в других списках, снятых с тобольской рукописи, эти параграфы имеются налицо, — значит и в оригинале их — утерянной ныне рукописи Тобольской духовной семинарии — они несомненно были. В списках Румянцевском (ныне в ГАФКЭ), снятом с тобольской рукописи, и б. собрания Общества истории и древностей российских (ныне в Библиотеке СССР им. Ленина) под 1760 годом текст разделен на пять параграфов, — таким образом, список Публичной Библиотеки, по сравнению с его оригиналом — тобольской рукописью, не имеет окончания (в нем, видимо, утерян последний лист).

Текст рукописи № 2214 дает погодное изложение событий; приводятся одновременно четыре даты: «от сотворения света», от рождения Христова, год царствования того или иного русского царя и год от «взятия Сибири», — эти четыре даты писаны в рукописи № 2214 киноварью. Составитель летописи переводит годы от сотворения мира на годы от рождения Христова вычитанием из первой даты 5508.

Начальные буквы статей писаны в рукописи киноварью, киноварные буквы были вписаны позднее, чем и объясняются пропуски начальной буквы на л. 3 и др.

На л. 486 рукописи № 2214 оставлено пустое место, несомненно для дополнений, так как переход к дальнейшему рассказу (об Ирбитской ярмарке) не увязан с предшествующим рассказом; но на л. 207-м рукописи Публичной Библиотеки в Ленинграде то же место летописи дано без всякого пропуска, — ясно, что и в оригинале списка Публичной Библиотеки — тобольской рукописи — здесь не было никакого пропуска; отсутствовавшие в рукописи № 2214 места, отмеченные в ней как пропуски, в тобольской рукописи и в ее списках переписывались без всяких пропусков, а приписки в рукописи № 2214, как уже отмечено выше, в тобольской рукописи никак не были отмечены и были вписаны в строку. Эти наблюдения не оставляют, кажется, сомнений в том, что рукопись Тобольской семинарии была копией с рукописи № 2214, в которой мы имеем основания видеть тот подлинник, к которому восходят не только рукопись Тобольской семинарии, но и все известные нам списки Черепановской летописи.¹

¹ Можно привести много других примеров того, что рукопись № 2214 служила оригиналом для рукописи Тобольской духовной семинарии и списков с нее: на л. 91 рукописи F. IV. 324 между прочим читаем: «не только родословия их ханов к такому времени будет мало», буквально то же находим и на л. 222 об. рукописи № 2214, — в обоих случаях имеем одну и ту же опisku, так как по смыслу требуется «но только», а не «не только»; на л. 75 рукописи F. IV. 324 фраза «которые прежде уйрята назы» — не имеет окончания «...вались», но то же и в рукописи № 2214 на л. 181 об.; тот, кто снимал тобольскую копию, несомненно имел перед собою оригинал, где красные строки, как это находим в № 2214, начинались вязью,

Как уже отмечено выше, рукопись Тобольской семинарии ныне утеряна, но специалисты, видевшие эту рукопись в XIX в., относили ее к концу XVIII в.¹ Рукопись же № 2214 несомненно более раннего времени: она писана на бумаге разных русских фабрик, в том числе тобольской фабрики Корнильевых (лл. 10, 16, 19, 21, 23, 27 и др.), бумажные знаки которых можно относить к 60—80-м гг. XVIII в. Имеются однако основания и более точно датировать не только рукопись № 2214, но и заключающийся в ней труд.

Прежде всего Фальк видел этот труд в 1772 г. Его спутник Барданес сделал из него несколько выписок, причем автором труда он совершенно правильно называл Ивана Леонтьевича Черепанова.² При обработке заметок Фалька для издания, Георги непонятным образом Ивана сделал Илью, — отсюда пошла путаница в имени автора летописи; впервые оно было правильно указано в 1879 г. М. П. Пуцилло при описании списка Черепановской летописи, присланного Н. П. Румянцеву из Тобольска в 1803—1806 гг.³ Но то же имя находим и в рукописи № 2214: указанное выше «предисловие к читателю» подписал «ко услугам охотнейший тобольской ямщик Иван Черепанов...». Мне кажется, что вопрос об имени автора выяснен теперь вполне.

Имеем ли мы в рукописи № 2214 почерк Ивана Черепанова, сказать трудно, так как никаких автографов тобольского ямщика до сих пор неизвестно. Я склонен думать, что и основной почерк, которым написана рукопись, и почерк приписок принадлежат тому же Ивану Черепанову, только приписки сделаны им позднее, может быть, когда он был болен или в преклонных годах: во всяком случае, приписки сделаны дрожащей рукой. Независимо от того, кому принадлежит почерк или, может быть, два почерка рукописи № 2214, лица, снимавшие с нее копию, считали оба почерка принадлежащими одному лицу, и все приписки в рукописи переписывали подряд вместе с текстом, писанным основным почерком рукописи.

Из приведенных выше указаний видно, что именно рукопись № 2214 послужила оригиналом для самой старой копии с нее — рукописи Тобольской духовной семинарии, ныне утерянной, но с которой в XIX в. было снято в свою очередь несколько копий.

К какому времени относился список Черепановской летописи, находившийся в Тобольской духовной семинарии, ни имея теперь рукописи, сказать трудно: по почерку Л. Н. Майков относил ее к концу XVIII в., а Н. А. Абрамов, на основании неизвестных данных, сообщал, что летопись поступила в Тобольскую духовную семинарию в 1770 г. из Тобольского архиерейского дома, — другими словами, сама рукопись была готова не позднее 1770 г.; таким образом, список Тобольской духовной семинарии мог относиться к 60-м годам XVIII в., т. е. ко времени, близкому к тому, когда, как увидим далее, был создан труд И. Л. Черепанова.

Все имеющиеся списки Черепановской летописи относятся к XIX в. и восходят к этому списку Тобольской духовной семинарии, и нет ни одного списка, который повторил бы рукопись № 2214, т. е., помимо всего прочего, дал бы копию того предисловия и послесловия, которые имеются только в этой рукописи. Объяснение этого нахожу в том,

которую переписчик не всегда правильно разбирал, отчего, например, киноварная вязь на л. 185 № 2214 «от» оказалась в тобольской копии и списках с нее представленной неверно — «у», и др.

¹ Летоп. зан. Археогр. ком., VII, отд. IV, стр. 46.

² Выписки Барданеса найдены мною среди черновых бумаг Фалька в Архиве Акад. Наук, р. I, оп. 99, № 8.

³ М. Пуцилло. Указ. соч., стр. 82.

что рукопись № 2214, с которой была снята в Тобольске копия, очень рано вышла из оборота, попав в частное хранилище, где пролежала довольно долго, перешла затем в новое частное хранилище, откуда, также не сразу, поступила в 1879—1882 гг. в государственное хранилище рукописей.

Об этой судьбе рукописи № 2214 можно догадываться по любопытной приписке, сделанной на л. 509 рукописи № 2214 третьим почерком, не похожим на почерки текста рукописи; в приписке читаем: «свет. князя принад. Серг. Дм. Кантемир». Смысл этой приписки совершенно ясен: рукопись № 2214 принадлежала в свое время «светлейшему князю» Сергею Дмитриевичу Кантемиру, брату известного Антиоха Кантемира.

С. Д. Кантемир был последним представителем по прямой линии рода Кантемиров, не оставившим мужского потомства. Обладая большим личным состоянием, он владел к тому же имуществом своих ранее умерших братьев и сестры и являлся одним из самых богатых людей своего времени. По некоторым данным, он проявлял интерес к книге и видимо занимался собирательством. Никаких данных о том, откуда и когда попала к нему рукопись Черепанова, не имеется. После его смерти в 1780 г. все недвижимое имущество кн. С. Д. Кантемира перешло в казну, а движимое было продано; часть его — четыре сундука с «письменными делами» были переданы в архив Юстиц-коллегии; составленная тогда опись дел и бумаг сохранилась.¹

В описи архива С. Д. Кантемира,² составленной в 1780 г., нет указаний на рукописи литературного характера, находившиеся в собрании С. Д. Кантемира. Возможно, что рукописи были проданы вместе с прочим движимым имуществом, причем одна из них — подлинная рукопись труда И. Черепанова — попала затем, вероятно не сразу после 1780 г., к известному собирателю рукописей и библиографу середины XIX в. Н. П. Дурову (1834—1879), после его смерти была приобретена книгопродавцем и издателем В. Г. Готье, а от него Румянцевским и Публичным музеем в Москве (ныне Библиотека СССР им. В. И. Ленина).³

Возвращаясь вновь к рукописи № 2214 — полному тексту Черепановской летописи — следует остановиться на ее содержании, из которого можно получить бесспорные данные о времени, когда И. Черепанов закончил свой труд.

Мне кажется, что такой датой следует признать 1760 год, которым оканчивается погодная летопись. По каким-то причинам Черепанов дальше не продолжал свой труд, а приписки к нему были сделаны позднее им самим или другим лицом, — во всяком случае, самый труд был закончен в 1760 г. или вскоре после того, возможно, в начале 1761 г., когда был переписан весь труд: ведь рукопись № 2214 писана одним почерком и является белой рукописью, в которой имеется только несколько недописанных мест и киноарных букв в начале параграфов. Бумага, на которой написан этот труд в рукописи № 2214, может быть также отнесена к началу 60-х гг. XVIII в.

В пользу того, что именно в 1760—1761 гг. автор закончил свою работу, следует привести и то соображение, что едва ли Черепанов, хорошо знакомый, как увидим далее, со всеми трудами Г. Ф. Миллера,

¹ ГАФКЭ, Реестр. книг и докум., сданных в 1790 г. Юстиц-коллегией в Гос. архив старых дел — № 10293/4393 (№ 2456), лл. 1—129 (ссылка взята из статьи И. Шимко).

² И. Шимко. Новые данные к биографии князя Антиоха Дмитриевича Кантемира и его ближайших родственников — ЖМНП, 1891, апрель, стр. 353—365. Упомянутую выше опись, по моей просьбе, просмотрел Н. В. Устюгов, за что приношу ему благодарность.

³ Отчет Моск. Публ. и Румянц. музеев за 1879—1882 гг., стр. 13, 21, М., 1884.

прошел бы мимо наиболее важного для него, как историка, труда Г. Ф. Миллера — гл. 6—8 его «Истории Сибири», которые стали издаваться по-русски только в конце 1763 г. и ни в какой мере не были использованы Черепановым.

Трудно сказать, почему И. Л. Черепанов приостановил свою работу на 1760 году, так как он умер только в 1795 г. Некоторые новые биографические сведения о нем и его семье мне удалось найти в хранящихся в Тобольском музее ревизских сказках 5-й ревизии (1795 г.); на лл. 41—43 приведены сведения о семье тобольских ямщиков Черепановых: Козьме Леонтьеве сыне Черепанове, умершем в 1773 г., и его брате Иване Леонтьеве сыне Черепанове, который был записан в 4-ю ревизию (1782 г.), когда ему было 58 лет, — значит, Иван Леонтьевич Черепанов родился в 1724 г. Но в пятую ревизию он уже не попал, так как умер в год ревизии, значит 71 года от роду. Никакого Ильи Леонтьева сына Черепанова среди тобольских ямщиков тех лет (1782—1795 гг.) ревизские сказки 5-й ревизии не знают.

Возвращаясь к рукописи № 2214, следует отметить прежде всего, что она начинается предисловием, которое дает представление об И. Л. Черепанове, как летописце.

И. Черепанов начинает «предисловие к читателю» выяснением того, «что есть история и что ко оной достоин признавать», и отвечает на поставленный вопрос: «ко истории надлежит все то, что во свете делалось и ныне случается примечать и оное на письме потом нам оставлять». Не вдаваясь в подробности, он объявляет о своем намерении дать «летопись сибирскую от предпринятого походу Ермакова», но предварительно приводит известные ему «примечания» о Сибири, которые он нашел у древних писателей: у Платона, Птоломея, латинских и греческих «философов», а также у «татарских историков в древностях их». Он кратко останавливается также на «нынешних веков писателях» и тут, не упоминая источника, перефразирует известное место из «Описания Сибирского царства» Г. Ф. Миллера, который и будет служить для Черепанова основным пособием в дальнейшем. Черепанов утверждает, что не только старинные, но близкие к нему писатели не дают ясных сведений о Сибири, в частности, «в рассуждении границ, которыми Азия взаимно отделяется от Америки: одни пишут, что между ими есть канал, который соединяет Лдяное море с Тихим; другие говорят, что никакого пролива морского нет, но из Азии перейти можно в Америку твердою землею». Он использует далее те сведения о Камчатской экспедиции, которые нашел в предисловии к «Описанию Сибирского царства», повторив за ним те основные источники, которые были в распоряжении Миллера. В дополнение к ним Черепанов перечисляет тех «историков», которых он использовал для своей «летописи». Это, во-первых, «яко от корене историков сибирских сибирского архиепископа дьяк Савва Есипов», далее — «Летописец сочиненной тобольским дворянином Ремезовым», «Описание о сибирских народах и граней их земель... сочинено... тобольским сыном боярским Семеном Ульяновым сыном Ремезовым в лето от Адама 7206, от рожества Христова 1698, взятыя Сибири 118», в своей летописи он называет этот труд Ремезова — «вторым описанием Ремезовым». Кроме этих источников, он называет также «Краткую историю о взятии Сибири, только ни издателя, ни лет при ней не объявлено, что по своим приключениям весьма ко изъяснению летописи важны». В перечне использованных им источников имеются и другие: «а иные обстоятельства по разным примечаниям и по словесным на памяти имеющимися известий и журнальные домовые записки при том же положены».

Если о летописях Есиповской и Ремезовской, а также о труде

Ремезова «Описание о сибирских народах» мы имеем довольно ясное представление,¹ то в «Краткой истории о взятии Сибири», которую Черепанов использует прежде всего в начальном рассказе о происхождении Ермака, легко узнать так называемый Бузуновский список Есиповской летописи.² Последний, как мне кажется, является одним из образцов сочинительства по истории завоевания Сибири, которое получило сильное развитие в литературе конца XVII — первых лет XVIII вв.

Труднее определить те «примечания», «словесные известия» и «журнальные домовые записки», которые также служили источниками Черепанову. Надо полагать, что под первыми разумелись, между прочим, «СПб. Ведомости» и «Примечания к СПб. Ведомостям», издававшиеся Академией Наук; в них Черепанов нашел немало ценных статей о Сибири, из которых он переписал в свою летопись,³ например, статью о самоедах.⁴ Одним из источников для обширной статьи о находке в 1720 г. на реке Туре асбеста послужила, как отмечает сам Черепанов, статья об асбесте в «Примечаниях» 1728 г.⁵ Вероятно и некоторые другие исторические и географические статьи тех же «Примечаний» были использованы Черепановым для его летописи; для установления этой связи требуется, впрочем, более тщательный анализ содержания летописи. Из «СПб. Ведомостей» заимствованы «сведения о проведении старцем Игнатием Козыревским Японского государства»⁶ и др.

На основании «словесных известий» занесены в летопись многие события середины XVIII в.; свидетелями их были сам автор или близкие к нему лица, — такого происхождения, например, известия об учителях Тобольской семинарии (1746 г.), о митрополите Антонии Нарожничком (1748 г.)⁷ и др.

Возможно, что и в семье Черепановых и у людей их круга и положения велись «журнальные домовые записки» типа той «домовой летописи», которая составлялась, например, в семье сибирских дворян Андреевых⁸ примерно в те же годы, когда писал И. Л. Черепанов. К сожалению, подобные семейные «записки» его семьи не сохранились.

Кроме указанных выше, в ряду своих источников Черепанов называет в предисловии труд Миллера, изданный в 1750 г. Для него он — источник, который является «достовернейшим» и который он ставит в один ряд с летописями, трудами «историка» Ремезова и др. «Описание Сибирского царства» он использует в полной мере, иногда почти буквально переписывает Миллера и лишь в очень немногих случаях позволяет себе не соглашаться с ним. Так как труд Черепанова был закончен около 1760 г., он, как отмечено уже выше, не мог использовать продолжения труда Миллера по истории Сибири, напечатанного в «Ежемесячных Сочинениях» (в 1763—1764 гг.).

Кроме «Описания Сибирского царства», Черепанову известны некоторые другие труды Миллера, вышедшие до 1760 г. Ему известно

¹ С. Бахрушин. Указ. соч., стр. 14—24; А. Андреев. Указ. соч., стр. 111—115, 168—178.

² А. Дмитриев. «Пермская Старина», V, стр. 213—220; А. Андреев. Указ. соч., стр. 136—137.

³ Гос. Публ. Б-ка, Ф. IV. 324, лл. 66 об. — 70 об.

⁴ Прим. на «СПб. Ведомости» на 1732 г., чч. 28—32 (автор статьи Г. Ф. Миллер дал в ней перевод соответствующего отрывка из труда Витзена).

⁵ Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в ведомостях..., 1728 г., стр. 39—54.

⁶ Ф. IV. 324, лл. 194 об. и сл. (под 1724 г.); «СПб. Ведомости», 1730 г., от 26 марта.

⁷ Гос. Публ. Б-ка, Ф. IV. 324, лл. 210, 210 об. и др.

⁸ «Домовая летопись Андреева, по роду их, писанная капитаном Иваном Андреевым...» — «Чтения Общ. ист. и древн. росс.», 1870, кн. IV, отд. V, стр. 63—176.

«Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных»,¹ которое не названо в перечне его источников, но из которого он также делает большие, почти буквальные выписки. Несомненное знакомство обнаруживает он и с сочинением Миллера о торгах сибирских, напечатанным в «Ежемесячных Сочинениях» 1755—1756 гг.; из него сделаны обширные извлечения под 1619 г. в статье «о состоянии звериных промыслов в Сибири»² и др.

Черепанову был известен еще один труд Миллера — его «История о странах при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением»;³ как и в прочих трудах Миллера, Черепанов использовал заключающиеся в «Истории» известия, расположив их в хронологическом порядке и опустив некоторые подробности. Труд Миллера «Известие о песошном золоте в Бухаре, о чиненных для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которых имена: Омская, Железинская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская»,⁴ также служил источником для Черепанова, о чем свидетельствует близкое сходство (иногда буквальное) его рассказа о Бухгольце, Лихареве и других.⁵

В предисловии не упомянуты и многие другие источники, которыми пользовался ученый ямщик: Л. Н. Майков уже указал,⁶ что Черепанов ссылается также на «Степенную книгу», «Хронограф», «Пролог», «Летопись о мятежах» и др., если только эти ссылки не взяты из вторых рук, т. е., вероятно, у того же Миллера. Но во всяком случае, не говоря об этом в предисловии, автор широко использовал для XVII в. сибирский летописный свод, известный под названием «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири», и, по мнению А. А. Ионина,⁷ имел в руках список свода, весьма близкий к тому, который читаем в сборн. № 200 б. Киево-Печерской лавры.

Если источники Черепанова для части его труда, посвященной XVII в., теперь довольно легко устанавливаются, то в отношении XVIII в. они выясняются с большим трудом. В предисловии он о них не говорит, а из текста его труда видно только, что кроме упомянутых выше статей, напечатанных в изданиях XVIII в. (до 1760 г.), он хорошо знаком с сочинением Григ. Новицкого «Краткое известие о народе остячком»;⁸ относительно же других его источников по XVIII в. приходится пока гадать, так как знания наши по источниковедению Сибири XVIII в. пока довольно скромные, и это состояние наших сведений заставляет повторить с некоторым изменением то, что было сказано Л. Н. Майковым более 60 лет тому назад по поводу известий Черепановской летописи после 1619 г.:⁹ «во всяком случае должно признать, что (эта часть) Черепановской летописи имеет по своему содержанию самостоятельное значение и представляет большой исторический интерес». Несомненно, конечно, что многое здесь основано на современных источниках, возможно даже документальных, и на тех записях, которые вел сам автор, но о них, повторяю, приходится пока гадать.

¹ Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, 1758 г., I, стр. 8 и сл.; ср. у Черепанова — по списку Гос. публ. б-ки (Ф. IV. 324), лл. 105 об. — 107 об.

² Ф. IV. 324, лл. 83 об. — 85.

³ «Ежемес. сочинения», 1757 г., июль — октябрь.

⁴ Там же, 1760 г., январь — февраль.

⁵ Ф. IV. 324, лл. 189 об. — 191, 192 и др.

⁶ Летоп. зан. Археогр. ком., VII, отд. IV, стр. 49.

⁷ «Сибирский архив», №№ 9—11, 1913 г., стр. 427.

⁸ Гос. Публ. Б-ка, Ф. IV. 324, л. 58. Рукопись этого труда, изданного в 1883 г. Л. Н. Майковым, хранилась в собрании Тобольского Успенского собора; в настоящее время она находится в Томском музее.

⁹ Летоп. зан. Археогр. ком., VII, отд. IV, стр. 50—51.

Так как источники по истории Сибири XVII в., особенно после 1618 г. (которым оканчивались документы, напечатанные в «Описании Сибирского царства»), не были опубликованы ко времени работы Черепанова, то использование их в труде Черепанова может быть объяснено лишь при одном допущении: Черепанов несомненно работал в архивах, прежде всего в архиве Сибирской губернской канцелярии в Тобольске, который до пожара 1787 г. хранил много материалов по истории Сибири XVII в. Надо думать, что такого происхождения все подробные рассказы Черепанова: о посольстве Ф. И. Байкова в Китай, «журнал» которого Черепанов приводит почти буквально под 7162—7165 гг., о посольстве Ф. А. Головина в Китай и о посольстве М. Юдина 7199—7201 гг. к Бутухте-хану и др.; в частности, в рассказе о посольстве Юдина он приводит наказ Юдину и статейный список его посольства. Если, как уже отмечено, Черепанов пользовался для известий о XVII в. одним из списков «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири»,¹ то, вероятно, некоторые известия о XVII в. могли быть заимствованы им и непосредственно из дел б. Тобольской воеводской избы — в XVIII в. Сибирской губернской канцелярии.

Помимо официальных материалов, находившихся в архивах, Черепанов для того же XVII века знал не только те источники частного происхождения, о которых он сказал в предисловии (Есиповская и Ремезовская летописи и др.), но и многие другие произведения XVII в. подобного же характера: так, под 7162 г. (§ 12) он рассказывает об имевшемся в Тобольске образе Христа, «который потом поставлен в соборной церкви у северного столпа»; этот образ, по его словам, «просиял в предивных... чудесах... о которых находится написана особливая книжка»; из нее приводятся (под 7162 и 7203 гг.) рассказы о чудесах, имеющие историко-бытовой интерес. Черепанову хорошо известен и другой подобный памятник — именно, житие и чудеса Симеона Верхотурского, которые «написал митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий» (Римский-Корсаков, 1692—1701 гг.) и др.

При составлении летописи за XVIII век Черепанов пользовался также официальными актами из архива Сибирской губернской канцелярии и материалами частного происхождения.

Так, под 1701 г. он оспаривает известие «простых летописцев», что митрополит Димитрий Сеченов не был в Тобольске, так как «имеется в Тобольске его прошение о даче грамоты на рыбную ловлю, на песок против Тобольска за рекою» (л. 173); в ряде случаев он ссылается на «указы из Сибирского приказа», полученные в Тобольске, и приводит подробно их содержание (лл. 174, 175 об., 176). Как и для XVII в., Черепанов дает подробные рассказы о посольских сношениях в XVIII в. с калмыками (1702 г., л. 175), киргизами (175 об. — 176) и др., которые несомненно основаны на переписке тобольских воевод; в той же официальной переписке он нашел и сведения о тобольских и томских походах против калмыков, киргизов и др. Наличие архивных данных можно проследить и в известиях о Камчатке. Черепанов знает, конечно, и подробно цитирует «скаски» Атласова; в его летописи не только названы все прикащики, послылавшиеся на Камчатку, но сообщаются также известия о восстаниях камчатских народов,² о природных богатствах и явлениях на Камчатке, о которых «объявлено» в Якутске возвращав-

¹ Под 1701 г. он относит «Описание» к числу «простых летописцев».

² Например, под 1706 г. (§ 5): «в бытность на Камчатке прикащика Федора Акинфова состоялся в ясажных народах бунт, которые живут на Бобровой и на Большой реках; предводитель того бунта был князец Киначь, убил ясажного зборщика Василья Питухина и с ним 19 человек казаков и на Большой реке ясажное зимовье разорил».

шимися оттуда (под 1707 г., § 4) и т. п. Из губернской канцелярии, конечно, получены сведения об окладах таможенного сбора в Сибирской губ. (под 1721 г., § 4 и др.) и т. д.

Само собой разумеется, что Черепанов и для XVIII в. привлекает также источники частного происхождения: так, он первый из русских писателей, как уже отмечено выше, использует труд Григория Новицкого «Краткое описание о народе остяцком», которое в XVIII в. хранилось в ризнице Тобольского Успенского собора.

Многие известия конца XVII—XVIII вв., которые приводит Черепанов, представляют вообще интерес: под 1700 годом занесен, например, подробный рассказ о нападении киргизов, черных калмыков и горных татар на Кузнецк (§ 9); под тем же годом читаем весьма любопытное известие о посылке на Камчатку сына боярского Тимофея Кобелева и о собранных им данных («... на Еловке реке сидячие коряки») (§ 10), а также биографические данные об Иване Козыревском (§ 11), участнике похода Т. Кобелева; под 1701 г. — о неудачном походе анадырского прикащика сына боярского Семена Чернышевского с юагирами и коряками против чукоч (§ 7), под 1723 г. (§ 2) — о восстании тарских «обывателей» и др.

Нет надобности указывать, что летопись Тобольска и событий XVIII в., относящихся к нему непосредственно, приобретает весьма подробный характер.¹

Таким образом, кроме источников, которые называет Черепанов в своем предисловии, можно указать много других, о которых он молчит, но наличие которых у него во время работы над летописью не вызывает сомнений; более тщательный анализ текста вероятно установит и другие источники, которые были использованы Черепановым и которые мне не удалось выявить. Но независимо от этого можно теперь уже утверждать, что труд ученого ямщика заключает в себе известия, почерпнутые из таких источников, которые в отдельном виде до нас не дошли или пока не найдены; для примера я укажу на «Описание о сибирских народах» — не сохранившийся отдельно труд С. У. Ремезова, известный лишь по выпискам из него, приводимым Черепановым; о ценности этого труда я говорю в другом месте.² Любопытные «татарские сказания» о начале Сибири и о русском завоевании заимствованы отчасти из того же труда Ремезова, а может быть отчасти записаны самим Черепановым, и во многом отличны от тех, которые приводит сам С. У. Ремезов или которые были сообщены из Тобольска в 1735—1736 гг. В. Н. Татищеву.

Вполне справедливо было сказано в свое время, что известия Черепанова подлежат критической проверке. Это, конечно, необходимо делать всякому, кому придется обращаться к этому летописному своду. Но не следует здесь подходить с преувеличенными требованиями: анализ текста Черепановской летописи в тех местах, где источники ее хорошо известны или же легко устанавливаются, позволяет сказать, что автор свода очень точно и без особых «мудрований» передавал свой источник; там, где он находил противоречия в показаниях различных источников об одном и том же, он приволил все показания, не делая часто даже слабой попытки каким-то образом их согласовать. В этом отношении особенно показательны первые страницы его летописи, где он честно выписывает из трудов всех «историков», которых он знал: Есипова, Ремезова (из его обоих сочинений), Миллера и неизвестного

¹ Под 1701 г. — о пожаре 6 июня (§ 4), под 1706 г. — о построении гостиного двора, под 1711 г. — подробное описание встречи митрополита Иоанна Максимовича и др.

² Очерки по источниковедению Сибири XVII в., стр. 111—115.

автора Бузуновского списка Есиповской летописи, и несмотря на их очевидное разноречие, он не высказывает своего мнения. Он передает свой источник безусловно точно, и случаев искажения или произвольного толкования установить не удалось. Это весьма важное обстоятельство позволяет с большим доверием относиться и к тем известиям Черепанова, источник которых пока не найден и, может быть, никогда не будет найден. При бедности известий наших о Сибири первой половины XVIII в. именно в этой части летопись Черепанова представляет до сих пор несомненную ценность и бесспорно заслуживает внимания историка.

Даже не зная о Черепанове ничего другого, кроме того, что сообщено в свое время Фальком — Георги, и составляя суждение о нем как историке, на основании его труда, все же следует сказать, что перед нами безусловно интересная личность, выросшая повидимому в обстановке того большого культурного центра, каким был Тобольск в середине XVIII в. О существовании в этом центре интереса к прошлому Сибири мы знаем уже давно: еще Миллер указывал на «простые летописцы», которые он находил не только здесь, но и повсюду в Сибири. Известны, однако, и более сложные работы в области истории, чем эти «простые летописцы», которые сохранились в достаточном количестве; напомним лишь о трудах С. У. Ремезова, труде неизвестного автора, составившего Кунгурскую летопись, труде другого неизвестного, дошедшем до нас в так называемом Бузуновском списке Есиповской летописи, и др. В ряду их совершенно особое место занимает И. Л. Черепанов, перед которым во время его работы, в середине XVIII в., стояли уже другие образцы: если от упомянутых и других своих предшественников по изучению сибирской истории он заимствовал очень многое, то образцом для него несомненно был Г. Ф. Миллер, автор вышедшего в 1750 г. «Описания Сибирского царства» и других исследований по истории Сибири. Из трудов Миллера Черепанов не только брал известия, но ему он старался следовать в манере подачи этих известий. К сожалению, это горячее и искреннее желание подражать крупнейшему исследователю того времени в области истории России и Сибири, вероятно, нередко встречало препятствия из-за отсутствия у Черепанова многих элементарных данных, которые необходимы для историка. В частности, отсутствие знаний в области хронологии Черепанов заметил в конце своей работы, когда она не только была закончена, но и переписана.

В конце рукописи № 2214, как уже отмечено, имеется послесловие. В нем Черепанов признает, что в его книге «есть неисправности многие да и такие ошибки, что можно и слепому ошупя узнать»; их следовало бы исправить: «иные панаграфы из году в год перенести надлежит, а другие выше или ниже в том же одном году переписать». По его словам, «произошли такие погрешности от такого случая, которого я прежде рассмотреть не домыслился...». Ошибка Черепанова состояла в том, что он годы от сотворения мира, независимо от месяца, переводил на годы от рождения Христова вычитанием из первых 5508. Вторая ошибка состояла в том, что некоторые «панаграфы не на надлежащем ему месте написаны», — речь идет о том, что в рамках одного года автор не всегда соблюдал хронологию. Но взяться за исправление всего труда он уже не мог: «о настоящем поправлении сего моего труда более меня случаи мои ж не допустили». Далее он указывает эти причины («случаи»): «по надписи моей доброжелательный читатель можешь ясно видеть и справедливо рассудить, что я, не на жалование содержась или на каких от вотчин доходах получаемых или от купечества получаемых чрез чужое старательство каких прибытках, но находясь в подлости, должен исправлять положенное для государст-

венной пользы у содержания общества тягло, также, по судьбам всемогущего бога, обязан содержать немалую свою семью и делом рук своих ее питать».

Приводя эти факты из своей биографии в объяснение допущенных им «погрешностей», Черепанов заканчивает свое послесловие к летописи следующим весьма интересным заявлением: «Итак, видя мое состояние, благорассудливый человек в погрешностях моих беспрекословно может простить. А критики мне в лицо стыдливой краски задать не могут, потому что я и наперед уже признался и в том еще признаюсь, что не по своей должности за такое дело взялся, притом ни словесных наук ни первого основания к правописанию не токмо не учил, ниже мало что от кого б толкование видел. А впротчем и о том еще з благодарным духом буду радоваться, кто о поправлении сей летописи примет на себя труд. А пересмешнику не во гнев ему ответ мой да будет. Притом ево еще и прошу по изрядному ево смыслу лутчей труд издать и свету тем свою справедливость засвидетельствовать».

Эти полные достоинства слова не требуют особых пояснений. И. Л. Черепанов — любитель истории — сделал в середине XVIII в. то, что он мог сделать, не имея, как он сам признается, даже «первого основания к правописанию», т. е. к правильному подходу к исторической работе, но руководствуясь, в меру своих знаний и понимания, лучшими образцами того времени в этой области. Сибирский поклонник и подражатель Г. Ф. Миллера, он конечно не встретит «пересмешников» среди современных историков Сибири, которые безусловно оценят его большой труд и найдут в нем много для себя полезного и нужного. Они несомненно будут помнить при этом завет почтенного летописца и спокойно подвергнут критике его известия, из которых многие после такой проверки будут использованы ими.

Пожелание Черепанова о том, чтобы нашелся у него продолжатель, который принял бы на себя труд «поправления» его летописи или же создал бы «по изрядному... смыслу лутчей труд», не осуществилось в XVIII в., и его работа явилась последним летописным сводом, созданным в Тобольске в новое время и весьма отличным от тех летописных сводов, которые знает история русского летописания.

СОДЕРЖАНИЕ

SOMMAIRE

А. И. Гуковский. Вторжение немцев в Страну советов в 1918 г.	3
Л. С. Тивериадский. К вопросу о происхождении Руси в связи с энтогенезом славян	40
К. Г. Митяев. Обороты и торговые связи Смоленского рынка в 70-х годах XVII века	54
Т. К. Крылова. Россия и „великий союз“	84
Н. Д. Полонская-Василенко. Из истории Южной Украины в XVIII веке	130
Е. Ф. Дюбюк. Крестьянское движение в Лифляндии во второй половине XVIII века	175
В. Ф. Широкий. Из истории хозяйственной деятельности Российской-Американской компании	207
Л. В. Крестова. Движение декабристов в освещении иностранной публицистики	222
М. И. Стеблин-Каменская. К истории восстания султана Кенесары Касымова	234

ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

М. Н. Тихомиров. Летописные памятники б. Синодального (патриаршего) собрания	27
В. А. Панов. К истории одного загадочного документа	284
И. И. Смирнов. Английское известие 1607 г. о восстании Болотникова	291
А. И. Андреев. Новоторговый устав 1667 г. (к истории его составления)	303
А. И. Андреев. Черепановская летопись	308

A. Gukovskij. Invasion du Pays des Soviets par les Allemands en 1918	3
L. Tiveriads'kij. Considérations sur les origines de la Russie en rapport avec l'ethnogenèse des Slaves	40
K. Mitjaev. Roulements de fonds et relations commerciales de Smolensk dans les années cinquante dix du XVII-e siècle	54
T. Kry'ova. La Russie et la „Alliance“	84
N. Polonskaja-Vasiler. Page d'histoire de l'Ukraine au XVIII-e siècle. Le gouvernement de (1764—1775).	130
E. Dubuc. Le mouvement en Livonie dans le XVIII-e siècle	175
B. Sirokij. Traits de la Compagnie Russe-Américaine	207
L. Krestova. Le mouvement des déca-bristes „refleté“ étrangère contenu dans la littérature	222
M. Steblin-Kamen'skaja. A propos de la révolte du sultan	234

Smi.

anglais et direction d'	
A. Andrej'	
commercia	
à l'histoir	
A. Andrej'	
rapov	